

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

**Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено
при поддержке следующих лиц и организаций:**

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного
фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный
директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая
Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский
Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент —
Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд
“Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда —
Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор —
Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной
торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный
директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Фортон

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Том 1

АНАТОМИЯ
БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
КОНФЛИКТА

ВОСТОК ПОСЛЕ КРАХА
КОЛОНИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре
Ассоциации исследователей российского общества
(НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *Д.Г. Коробков*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76

Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с. – ISBN 978-5-91022-312-1.

В первый том Собрания сочинений вошли книги «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978) и «Восток после краха колониальной системы» (1982), написанные Е.М. Примаковым во время работы директором Института востоковедения АН СССР. Обе книги содержат широкий анализ событий и процессов, которые происходили на Ближнем Востоке и в развивающихся странах Азии и Африки в 1950–1970-е годы, а также той роли, которую они играли в мировой политике и экономике.

УДК 35.08:005.96
ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Рабочая группа проекта, 2016

ISBN 978-5-91022-312-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ	I–XIV
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	11

АНАТОМИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.....	17

РАЗДЕЛ 1

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

Глава первая

СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ АРАБСКОГО НАРОДА ПАЛЕСТИНЫ.....	19

Глава вторая

КОНФЛИКТ: ИЗРАИЛЬ – АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА.....	62

I. Цель – возможно бо́льшая территория	64

II. Против арабских прогрессивных режимов	92

III. Провоцирование «местных» конфликтов	122

Глава третья

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗРАИЛЬСКИМ РУКОВОДСТВОМ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРИЗЫВОВ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ	151

РАЗДЕЛ 2

В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Глава четвертая

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА США: ЦЕЛИ, ВНУТРЕННИЕ ПРУЖИНЫ	190

I. Стратегия	190

II. Нефть	205

III. Произраильское лобби.....	212

Глава пятая	
ЭТАПЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США.....	218
I. Задача – втягивание в блоки (1952–1955 гг.).....	222
II. Причины поворота в политике (1955–1957 гг.)...	231
III. От использования межарабских конфликтов к прямой ставке на Израиль (1957–1970 гг.).....	254
IV. «Сбалансированный» курс – антиарабская политика другими средствами.....	309
Глава шестая	
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕХОДОВ	
В КРИЗИСНУЮ СТАДИЮ	375
I. Палестинская война 1948 г.	376
II. Тройственная агрессия против Египта 1956 г.	379
III. «Шестидневная война» 1967 г.	391
VI. Кризис октября 1973 г.	394
Вместо заключения	
ПУТЬ К МИРУ: СОВЕТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.....	402

ВОСТОК ПОСЛЕ КРАХА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	417
Глава 1	
ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ: ОБЩНОСТЬ ИЛИ КОНГЛОМЕРАТ?.....	421
Глава 2	
ЗАКОН НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН.....	443
I. Некоторые методологические замечания	443
II. Экономическая дифференциация	446
III. «Субимпериалистические очаги».....	463
Глава 3	
ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ВОСТОКЕ	473
I. Неравномерность вызревания условий социальной революции.....	473
II. Воздействие традиционных факторов: революция и ислам.....	481

Глава 4

МЕСТО В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	502
I. Возражения против крайних оценок.....	502
II. Сущность неоколониализма	506
III. Брешь в неоколониализме, или уроки энергетического кризиса.....	525
IV. Борьба за демократизацию международных экономических связей	541

Глава 5

ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	547
I. Вопросы методологии	548
II. Освободившиеся страны в контексте отношений двух противоположных систем	559
III. Неприсоединение – политика позитивного воздействия на международные отношения	579
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	590

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания	595
Именной комментарий	603
Именной указатель	623
Географический указатель.....	629
Список сокращений	635

ВВЕДЕНИЕ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ

Настоящее собрание сочинений является первым опытом систематизации и издания научного, публицистического, учебно-методического и мемуарного наследия Е.М. Примакова. Редакционный совет и Рабочая группа стремились представить обширный комплекс работ государственного и политического деятеля, ученого и педагога, чтобы читатель смог составить исчерпывающее впечатление об этом незаурядном человеке и эпохе, в которой он жил.

Поскольку каждый из томов открывается краткой характеристикой представленных в нем материалов, изложением их общего содержания и описанием условий, в которых они создавались, во введении ко всему изданию целесообразно сосредоточиться на общей классификации собранных в настоящем издании произведений Е.М. Примакова, рассмотрении их информационной ценности и некоторых текстологических вопросов.

Труды Е.М. Примакова, представленные в собрании сочинений, можно разделить на пять разновеликих групп – академические научные исследования, политическая публицистика, выступления и интервью, учебно-методические работы и воспоминания. Десятый том – это дополнение к собранию сочинений. В нем содержится подробный биографический очерк о Е.М. Примакове, построенный в хронологической последовательности свод основных событий жизни, а также максимально полная на сегодняшний день библиография его работ.

Материалы первой группы представлены в первом и втором томах. Это монографии – «Анатомия ближневосточного конфликта» 1978 г., «Восток после краха колониальной системы» 1982 г. и «История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х гг.» 1985 г., – изданные в годы, когда Е.М. Примаков возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Они, безусловно, несут на себе дискурсивный отпечаток своей эпохи. Но вместе с тем и сейчас, через несколько десятилетий после создания, эти труды не утратили научной ценности и актуальности благодаря богатой фактуре, усиленной личными наблюдениями автора во время его командировок на Ближний Восток, а также глубокому анализу собранной информации. Когда эти книги вышли, они вообще являлись бесценными справочниками по текущим событиям в этом традиционно сложном и неспокойном регионе планеты, поскольку были написаны на оригинальных источниках и исследованиях, недоступных тогда для подавляющего большинства советских читателей.

Ко второй группе относятся три работы: из второго тома – написанная в 1991 г. брошюра «Война, которой могло не быть», из шестого тома – изданная в 2009 г. книга «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость», из седьмого тома – «Россия: надежды и тревоги», вышедшая в 2015 г. К жанру политической публицистики эти произведения можно отнести лишь условно: компонент идеологической полемичности в них, безусловно, присутствует, но вместе с ним в работах явственно ощущаются сильная научно-аналитическая доминанта и личная мемуарная канва. В работе 1991 г. такая канва вообще является системообразующей – на ней, собственно, и основывается изложение описываемых автором событий. В книге 2009 г. элементы воспоминаний присутствуют лишь эпизодически и играют односторонне подчиненную роль – здесь на первый план выступают теоретические размышления Е.М. Примакова.

Материалы третьей группы – это многочисленные выступления и интервью из восьмого и девятого томов, которые относятся уже к XXI в., в основном ко времени, когда Е.М. Примаков возглавлял Торгово-промышленную палату РФ, а также к последним годам его жизни. Помещенные в девятом томе выступления, имеющие отношение к ТПП, как правило, посвящены какой-либо конкретной теме, связанной с деятельностью этой структуры или функционирующего под ее эгидой «Меркурий-клуба». Однако несмотря на свою предельно конкретную проблемную заостренность, они позволяют составить целостное представление о работе Е.М. Примакова на посту президента ТПП и «Меркурий-клуба», о тех приоритетных направлениях работы, которые он намечал для палаты и которые транслировал в ее региональные организации. Выступления на общественно-политические темы (восьмой том) отражают позицию автора по наиболее значимым вопросам развития современной России и содержат его оценки основных проблем сегодняшних международных отношений. Интервью же, особенно последние по времени, охватывают широкий круг актуальных тем текущего момента.

Четвертая группа – это собранные в восьмом томе материалы лекций, прочитанных на факультете политологии Московского университета. Лекции затрагивают разные аспекты, имеющие отношение как к внутриполитическому развитию России, так и к глобальной повестке. Однако собранные вместе, они наглядно демонстрируют основные мировоззренческие установки Е.М. Примакова и их проекции в такие значимые для современной России проблемы, как ее национально-государственный суверенитет, цивилизационно-культурная идентичность и вызовы инновационного развития.

Наконец, самой объемной является пятая группа, куда входят воспоминания Е.М. Примакова. Это изданные в 1999 г. и помещенные в третий том «Годы в большой по-

литике», вышедшая в 2001 г. и составившая четвертый том книга «Восемь месяцев плюс...», опубликованный в 2006 г. труд (пятый том) «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», а также две работы из шестого и седьмого томов – «Минное поле политики» 2006 г. и «Мысли вслух» 2011 г.

При ознакомлении с группой этих сочинений обращают на себя внимание повторы одних и тех же фрагментов в разных воспоминаниях. Например, значительная часть материала из «Годов в большой политике» дублируется в «Минном поле политики». Возвраты к одним и тем же событиям в разных мемуарных произведениях одного и того же лица вполне объяснимы и естественны. Другое дело, что сначала автор может по каким-то важным причинам считать не вполне уместным рассказывать подробности о своем участии в тех или иных событиях, но впоследствии снимает этот самозапрет и в следующем издании либо тех же самых, либо других воспоминаний возвращается к ранее уже написанному – но с уточнениями и дополнениями. Это можно отнести и к мемуарам Е.М. Примакова. При внимательном сличении указанных текстов становится видна значительная новизна более поздней книги 2006 г. В ней приводятся сведения, отсутствующие в «Годах в большой политике»: о репрессированном в 1937 г. отце, о тбилисском детстве, об учебе в Московском институте востоковедения и аспирантуре экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Также в «Минном поле политики» Е.М. Примаков рассказывает о том, как возникла идея его докторской диссертации и кто его поддерживал в этом начинании, – в воспоминаниях 1999 г. о данной вехе в жизни автора, предопределившей всю его дальнейшую карьеру, ничего не говорится. Наконец, в «Годах в большой политике» мемуарист лишь вскользь упоминает о своей поездке в Албанию в составе делегации, сопровождавшей Н.С. Хрущева, а в «Минном поле политики»

приводит множество связанных с ней подробностей, в том числе и курьезных.

Возникает вопрос: что помешало Е.М. Примакову изложить все эти факты в «Годах в большой политике»? Думается, что ответ на данный вопрос очевиден. «Годы в большой политике» дописывались Е.М. Примаковым сразу после отставки с поста премьера – в крайне неблагоприятной для него политической обстановке. Эта книга должна была стать в том числе и ответом мемуариста на развязанную против него в СМИ информационную войну. Поэтому Е.М. Примаков ускорил издание книги, в результате чего какие-то детали прошлого в нее не вошли. В иной обстановке 2006 г. автор дополнил ими свои новые воспоминания.

Можно привести и другой пример – когда Е.М. Примаков преднамеренно дозирует информацию и излагает ее тем подробнее, чем большее время отдаляет его от тех событий, которые он описывает. Так, в книге «Война, которой могло не быть», вышедшей в 1991 г. – по свежим следам войны в Персидском заливе, – Е.М. Примаков ничего не говорит о том противодействии, какое ему как личному представителю Президента СССР, совершившему в течение кувейтского кризиса несколько поездок в страны Запада и Ближнего Востока для поиска путей политического урегулирования этого конфликта, оказывал тогдашний министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Точнее, в этой книге автор ограничивается лаконичным замечанием, что МИД в той ситуации «предпочел выжидательную позицию».

В вышедших через восемь лет воспоминаниях «Годы в большой политике», говоря о проблеме с ооновской Спецкомиссией по разоружению Ирака Р. Батлера в конце 1997 – начале 1998 гг., Е.М. Примаков рассказывает о позиции, занятой Шеварднадзе в начале кувейтского кризиса, гораздо подробнее. Мемуарист упоминает о совершенном советским министром иностранных дел не-

благовидном поступке, когда тот в преддверии визита спецпредставителя Горбачева в Вашингтон передал госсекретарю США Дж. Бейкеру – для последующего информирования президента Дж. Буша – рекомендацию, чтобы американская сторона не воспринимала всерьез московского переговорщика. Однако следует особо отметить, что Е.М. Примаков излагает эту историю не от своего имени, а в передаче американских авторов книги «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны», перевод которой был издан в начале 1990-х гг. в Москве, ссылаясь на конкретную страницу, где об этом написано. То есть мемуарист сознательно дистанцируется от этой истории, не желая выступать в качестве распространителя сплетен и предоставляя эту миссию авторам вышедшей в США книги. В 1991 г., когда Е.М. Примаков выпустил «Войну, которой могло не быть», американской книги еще не было, да и нервная обстановка 1991 г. явно не способствовала такого рода детализации, которая к тому же была явно фоновой и не влияла принципиальным образом на главную сюжетную линию рассказа о дипломатических миссиях накануне и во время «Бури в пустыне».

А спустя еще семь лет – в «Минном поле политики» – Е.М. Примаков делится эксклюзивной информацией, которая во многом объясняет негативное отношение к нему Шеварднадзе осенью 1990 г. Тогда на одном из совещаний между ними произошла открытая перепалка на повышенных тонах, причем в присутствии Горбачева. После этого уже по телефону Шеварднадзе признался Е.М. Примакову, что в МИДе ходят упорные слухи о его возможном приходе на место министра иностранных дел. Таким образом, мемуарист и на этот раз излагает приводимую им информацию деликатного характера не от себя лично, а устами своего тогдашнего оппонента.

Особенностью мемуаров Е.М. Примакова, которая делает их исключительно ценным историческим источни-

ком, являются интерполяции, которые автор помещает в тексты воспоминаний. Они представляют собой либо фрагменты его бесед, либо отрывки из стенограмм мероприятий, в которых он участвовал, либо официальные документы, воспроизведенные им частично или целиком. Безусловно, данные интерполяции не обесценивают сами по себе воспоминания – то есть изложение автором событий по памяти в нарративной форме. Напротив, возникает определенная фактурная многослойность, усиливающая информативность и объективность мемуаров. Читатель получает возможность тут же вслед за авторским повествованием находить документальные подтверждения прочитанному. В то же самое время воспоминания не превращаются в хрестоматию, состоящую из документов или цитатных нарезок, – живая речь мемуариста остается основным текстовым массивом.

При обращении к особо значимым высказываниям своих собеседников Е.М. Примаков обычно оговаривается, что воспроизводит их аутентично – или, по словам самого мемуариста, «со стенографической точностью». Именно этим оборотом предваряется, например, цитирование А. Садата, когда тот в ноябре 1975 г. принимал Е.М. Примакова и И.П. Беляева в своей резиденции под Каиром и случайно проговорился советским гостям о некоем соглашении, достигнутом между ним и Г. Киссинджером еще до «Войны Судного дня», которое, как можно было истолковать слова египетского президента, заключалось в том, что Египет должен был развязать этот конфликт – а Соединенные Штаты стали бы его затем урегулировать по своему разумению. Любопытная деталь: впервые Е.М. Примаков упоминает – «почти со стенографической точностью» – эти слова Садата в книге 1985 г. «История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х гг.» В книге же 2006 г. «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами» тот же монолог Садата предваряется замечани-

ем, что автор дает его «по своим записям практически со стенографической точностью». В 1985 г. ни о каких «своих записях» не говорилось: видимо, в то время было еще нежелательно в открытую признаваться в обладании какими-то материалами, имеющими отношение к служебной деятельности и в то же время остающимися в личном распоряжении того, кто их сделал. Поэтому высказывание Садата в «Истории одного сговора...» и преподносилось как бы по памяти – хотя вместе с тем и «со стенографической точностью».

Симптоматично, что и обращенную к Садату фразу Киссинджера в этих обеих книгах египетский президент цитирует по-разному. В «Истории одного сговора...»: «...если советское оружие одержит победу над американским, то Пентагон этого никогда не простит, и наша “игра” с вами будет кончена». А в «Конфиденциально...»: «...если советское оружие одержит победу над американским во второй раз, то у меня не будет возможности сопротивляться Пентагону, и наши договоренности с вами будут под ударом». В редакции 1985 г. бросается в глаза даже не столько развязная, в отличие от редакции 2006 г., манера речи советника президента США по национальной безопасности – это вполне соответствовало культивируемому в то время советскому образу Дяди Сэма, – сколько факт более существенной обработки Е.М. Примаковым слов Киссинджера. И хотя факт участия «советского оружия» в Шестидневной войне уже тогда был секретом Полишинеля, но все же не приветствовалось лишний раз об этом говорить – даже устами Киссинджера. Благодаря тому, что в 2006 г. автор имел возможность исправить эту вынужденную купюру «по своим записям», в интересном свете предстает уже сам Киссинджер: преподнося тяжелое поражение арабов в Шестидневной войне, несмотря на массированные поставки военной техники и спецов из СССР, как наоборот победу «советского оружия», он, по-видимому, попросту

программировал определенным образом египетского президента, дабы тот аккуратно и не отступая от американского сценария разыграл новый конфликт с Израилем.

«Со стенографической точностью» Е.М. Примаков передает и высказанную ему С. Хусейном в ходе их первой встречи во время кувейтского кризиса 5 октября 1990 г. мысль о том, что Багдад допускает возможность «при определенных обстоятельствах» обменять свой уход из Кувейта на серьезные сдвиги в палестинской проблеме. Однако и в данном случае формулировки Хусейна в разных книгах отличаются. В «Войне, которой могло не быть» данную мысль иракский лидер выражает довольно расплывчато: «...я не могу пойти на это, если такой уход не будет обусловлен решением других проблем региона». А в изданном в 2006 г. «Минном поле политики» та же самая фраза звучит иначе: «...я не могу пойти на это, если такой уход не будет обусловлен решением палестинской проблемы». Трудно понять, что кроется за этими разночтениями: просто разная редакция одного и того же высказывания или же преднамеренно расплывчатая – по какой-то причине – подача слов иракского президента в брошюре 1991 г.

Несколько особняком среди воспоминаний Е.М. Примакова стоит книга «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами». Ее можно с полным основанием считать подведением итогов деятельности – преимущественно практической, но также и научной. Автор вел эту работу как непосредственно в этом регионе, так и за его пределами в целях разрешения ближневосточных проблем, их изучения с последующим предоставлением «наверх» выработанных рекомендаций. Это не просто мемуары, а скорее аналитические обобщения, усиленные личными наблюдениями. В книге впервые приводятся многие факты, которые никогда прежде не предавались огласке, причем применительно не только

к самому острому конфликту региона – противостоянию Израиля и его арабского окружения, – но и к другим кризисным зонам Ближнего Востока. Подобные факты подаются главным образом в нарративном изложении, но вместе с тем используются и интерполяции прежде засекреченных документов, наиболее сенсационными из которых являются материалы из «Особой папки» ЦК, в которой содержится информация о конфиденциальных переговорах с представителями Израиля, которые проводил Е.М. Примаков (сначала лично, а затем вместе с сотрудником внешней разведки Ю.В. Котовым) в 1971–1977 гг.

Можно составить реестр наиболее значимых документальных интерполяций в воспоминаниях Е.М. Примакова.

В «Годах в большой политике» впервые приводятся записи, которые Е.М. Примаков сделал 17 июля 1991 г., когда присутствовал в качестве «шерпы» М.С. Горбачева на его встрече с первыми лицами «семерки» в Лондоне. На этой встрече обсуждался вопрос о возможности предоставления Советскому Союзу экономической помощи ведущими странами Запада. Е.М. Примаков успел практически в синхронном режиме зафиксировать прозвучавшие там выступления. По сути, у него получилась довольно подробная стенограмма речей, произнесенных западными лидерами. Стенограмма позволят составить достаточно полное представление о тех реальных мнениях и инициативах, которые они высказывали. В результате вырисовывается очень колоритная картина, на основании которой можно сделать вывод о международном восприятии Советского Союза и его президента накануне августовского путча 1991 г.

В этой же книге Е.М. Примаков, подробно останавливаясь на том, как с подачи Вашингтона западное общественное мнение с конца лета 1998 г. стали готовить к силовой натовской акции против Белграда, приводит пространные выдержки из адресованного ему послания

германского министра иностранных дел К. Кинкеля. В нем содержались призывы к жестким действиям в отношении Белграда, хотя еще совсем недавно Кинкель был одним из тех глав внешнеполитических ведомств, на которых Е.М. Примаков опирался, проводя свою линию в отношении косовского кризиса. Цитаты из письма главы германского МИДа наглядно демонстрируют, как и по каким направлениям разворачивались политические тенденции в пользу силовой акции Североатлантического альянса против Югославии.

В воспоминаниях о работе Председателем Правительства осенью 1998 – весной 1999 гг. «Восемь месяцев плюс...» Е.М. Примаков, снова обращаясь к «своим записям тех лет» – точнее, более ранних, относящихся ко времени его работы в СВР и МИДе, – приводит фрагменты стенограмм заседаний Совета безопасности, совещаний у президента и у премьера, на которых решался вопрос о начале вооруженной операции против дудаевского режима в декабре 1994 г., разбирался ее ход в декабре 1994 – январе 1995 гг., рассматривались действия силовиков в Буденновске в июне 1995 г. и ситуация накануне подписания Хасавюртовских соглашений в конце августа 1996 г. Эти записи не только дают возможность восстановить подлинную картину того, как осуществлялось руководство федеральными подразделениями в ходе первой чеченской войны, но и во многом позволяют скорректировать сложившиеся стереотипы в отношении отдельных силовиков – например, П.С. Грачева и В.Ф. Ерина. Одновременно Е.М. Примаков уходит от ответа на вопрос, кто именно из высшего руководства страны выступал за ввод войск в Чечню, давая понять, что об этом говорить преждевременно. Обращает на себя внимание и такой факт. Описывая заседание Совбеза 30 августа 1996 г., Е.М. Примаков отдельно останавливается на высказанном на нем министром внутренних дел А.С. Куликовым предложении сохранить контроль феде-

ральных сил над территорией к северу от Терека. Через три года с аналогичной инициативой в самом начале второй чеченской кампании выступил уже сам Е.М. Примаков, посчитав нецелесообразным переходить Терек и продвигаться дальше на юг Чечни.

Тяжелый и вязкий ход переговоров Правительства Е.М. Примакова с МВФ о предоставлении России кредита демонстрируют приводимые в «Восьми месяцах плюс...» расшифровки бесед Председателя Правительства с главой очередной миссии этой организации Ж. Беланже 19 марта 1999 г., а также с директором-распорядителем фонда М. Камдессю 29 марта 1999 г. Ясное представление о позиции Вашингтона по проблеме кредитования России дают цитируемые автором выдержки из «Меморандума по вопросу о российском экономическом кризисе» первого заместителя министра финансов США Л. Саммерса, а также из меморандума первого заместителя госсекретаря С. Тэлботта «Вопросы экономики» и из стенограммы разговора Е.М. Примакова с последним 23 февраля 1999 г.

В этой же книге подробнейшим образом, шаг за шагом описываются события, вынудившие Е.М. Примакова сделать «петлю» над Атлантикой 24 марта 1999 г. При этом мемуарист в присущей ему манере подавать события исключительной важности не только использует повествовательный нарратив, но и часто обращается к документальным источникам. Он впервые предает огласке материалы своих коммуникаций с вице-президентом США А. Гором. В частности, цитируется их переписка накануне вылета Е.М. Примакова в Вашингтон на заседание Комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству и приводятся расшифровки телефонных разговоров, в том числе и того, который велся российским премьером уже с борта самолета и после которого им было принято решение о возвращении в Москву.

В «Восьми месяцах плюс...» автор задействует многочисленные фрагменты документов – писем, обращений, заявлений, распоряжений, выступлений, – излагая непростую и обросшую слухами историю своих взаимоотношений с Б.Н. Ельциным и его окружением осенью 1998 – весной 1999 гг. Наиболее информативными из них являются выдержки из докладов, сделанных по указанию Председателя Правительства руководителями нескольких ведомств, в том числе правоохранительных и силовых, о ситуации с коррупцией и в целом экономической преступностью, а также уникальный документ, рисующий ситуацию в верхах примерно за два месяца до отставки Е.М. Примакова с поста премьера, – расшифровка телефонного разговора Б.Н. Ельцина и главы президентской администрации Н.Н. Бордюжи 19 марта 1999 г. перед отставкой последнего и назначением на его место А.С. Волошина.

Каждый том собрания сочинений снабжен справочным аппаратом, включающим в себя комментарии и именную указатель, что облегчает изучение работ Е.М. Примакова, позволяет без обращения к дополнительным материалам составить представление о проблеме, о которой говорит автор, делает возможным быстрое нахождение информации о том или ином конкретном лице. Вместе с тем при составлении такого аппарата Рабочая группа руководствовалась критерием необходимого минимума информации, достаточного для снятия возможных вопросов по специальным и малоизвестным проблемам, чтобы не осложнять восприятие собственно авторского материала чрезмерно детализированными комментариями.

Издание настоящего собрания сочинений актуально и весьма значимо, как минимум, по двум причинам.

Во-первых, с чисто научной точки зрения. Несмотря на то, что «эпоху Примакова» от настоящего времени отделяет, казалось бы, совсем незначительное время, ис-

следователи позднесоветского и раннего постсоветского периодов нашей истории – в силу исключительной политизированности недавнего прошлого – продолжают испытывать ощутимые трудности в его непредвзятом изучении из-за обилия оценочных штампов и стереотипов – идеологически противоположных, но в равной мере препятствующих реконструкции объективной картины нашей истории конца XX – начала XXI вв. И в этом отношении обстоятельные и точные труды Е.М. Примакова – в первую очередь мемуарные, но также и все остальные, представленные в данном десятитомнике, – становятся надежным подспорьем для воссоздания близких к нам десятилетий отечественной истории.

Во-вторых, материалы собрания сочинений имеют несомненную и актуальную политическую важность. Сейчас, когда страна переживает непростое время, трудно переоценить значение опыта Е.М. Примакова – опыта взвешенного и всестороннего подхода к проблемам международных отношений, дипломатического мастерства, позволявшего находить максимально позитивные для страны решения и в крайне сложных ситуациях, здорового и недогматического центризма, который только и способен быть надежным фундаментом государственнического мышления. Как отмечал В.В. Путин, эти качества Е.М. Примакова «были востребованы на самых сложных и ответственных направлениях работы». Поэтому собрание сочинений академика Е.М. Примакова становится еще добротным учебником, по которому можно постигать как приемы выстраивания успешной политики – что важно тем, кто непосредственно занимается таким делом, – так и своего рода эталонные принципы гражданского поведения – что необходимо уже для всего общества в целом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первый том Собрания сочинений Е.М. Примакова вошли книги «Анатомия ближневосточного конфликта», выпущенная издательством «Мысль» в 1978 году (тираж 17000 экземпляров), и «Восток после краха колониальной системы», выпущенная главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1982 году (тираж 8200 экземпляров). Обе книги были написаны автором в период его работы директором Института востоковедения АН СССР.

В центре рассмотрения работы «Анатомия ближневосточного конфликта» находится противостояние между Израилем и соседними арабскими государствами. Автор уделяет внимание всем военным столкновениям, произошедшим за четверть века после образования израильского государства, – Войне за независимость 1948 г., Суэцкому кризису 1956 г., Шестидневной войне 1967 г. и Октябрьской войне 1973 г. – и анализирует их предпосылки и последствия. Особый акцент делается на ближневосточной политике США и взаимодействии американского руководства с израильскими лидерами. Книгу «Анатомия ближневосточного конфликта» Е.М. Примаков посвятил памяти своего друга, советского арабиста Вадима Петровича Румянцева.

В монографии «Восток после краха колониальной системы», выпущенной четыре года спустя, рассматриваются особенности развития – в первую очередь, с экономической точки зрения – бывших колоний Азии и

Африки и место этих стран в современной системе международных отношений. В книге приводится большое количество статистических данных и таблиц; осуществляется сравнение взаимодействия капиталистических и социалистических государств с развивающимися странами «третьего мира». Работа начинается посвящением «Светлой памяти сына и друга, с кем обдумывались многие идеи этой книги»: сын Е.М. Примакова Александр скончался от сердечного приступа в 1981 году, за год до публикации сочинения.

Обе работы печатаются в данном томе в сокращенной редакции. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

АНАТОМИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

Светлой памяти
Вадима Петровича РУМЯНЦЕВА
посвящается эта книга

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В течение длительного времени Ближний Восток сохраняется в виде очага опасной напряженности. Неурегулированность арабо-израильского конфликта самым отрицательным образом отражается на положении народов и государств этого района, на состоянии и развитии мирохозяйственных связей, угрожает всеобщему миру, создает серьезные негативные моменты для процесса разрядки международной напряженности. Отсутствие политического урегулирования арабо-израильского конфликта стало причиной или создало условия, благоприятствующие развитию ряда «конфликтов-сателлитов», например кровавой трагедии в Ливане в 1975–1976 гг.

Какова причина ближневосточного конфликта*, определяющего межгосударственные отношения этого района, вызывающего серьезные осложнения за его пределами, нарушающего нормальное развитие ряда процессов, призванных оздоровить международный организм, подорванный холодной войной?

Один из наиболее длительных и серьезных конфликтов XX в. – ближневосточный – имеет свои внутренние и внешние причины. Внутренние – это противоречия ме-

* Термином «ближневосточный конфликт» характеризуется главный конфликт на Ближнем Востоке – арабо-израильский. Оба термина используются в изложении как равноценные. При этом автор отдает себе отчет в том, что и первое, и второе обозначения не отражают полностью характера конфликта: первое представляет лишь географическое понятие, а второе ограничивает конфликт арабо-израильскими рамками, что неверно по существу. *(Здесь и далее примечания автора.)*

жду сионизмом, а позже и Израилем, проводящим экспансионистский курс, с одной стороны, и арабским народом Палестины, арабскими государствами – с другой. Внешние – это политика империалистических государств, после Второй мировой войны главным образом Соединенных Штатов Америки, оказывающих прямую поддержку экспансионистскому курсу Израиля и использующих ближневосточный конфликт в интересах борьбы с национально-освободительными силами в этом районе и мировым социализмом.

Внутренние и внешние причины конфликта оказались взаимосвязанными. Категорически неверно в таких условиях – как это часто делают буржуазные исследователи – либо ограничивать причины ближневосточного конфликта «внутренними» арабо-израильскими противоречиями, либо целиком переносить их на «глобальный уровень».

Взаимная переплетенность причин ближневосточного конфликта отражена в этой книге. В то же время автор считал возможным их последовательно рассмотреть с упором сначала на внутренние, а затем на внешние факторы.

Диагностика должна строиться на всестороннем анализе четко выделенных и разграниченных причин явления. Важно не пропустить ни одной из них. И – возможно, не следовало бы даже специально подчеркивать это – диагностика никогда не была и не может быть самоцелью. Она призвана показать пути оздоровления, ликвидации болезни и в человеческом организме, и в отношениях между людьми, народами, государствами. Именно с этой целью человек изобрел такой способ познания, как анатомия.

Автор хотел бы выразить сердечную благодарность своим товарищам и коллегам за помощь в подготовке этой книги.

Осень 1977 г.

Раздел 1

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

Глава первая СИОНИЗМ И ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ АРАБСКОГО НАРОДА ПАЛЕСТИНЫ

Исторически и логически первопричиной арабо-израильского конфликта был конфликт между сионизмом и арабским народом Палестины.

В 1897 г. на конгрессе в Базеле проявилось стремление сионистского движения основать еврейский национальный очаг в Палестине, населенной тогда почти исключительно арабами¹. Позже сионистские лидеры охарактеризовали содержание своего движения как стремление «передать народу без страны страну без народа». Эта формула была порочной в обеих ее частях. Евреи жили во многих государствах мира, и преобладающее большинство считало своей родиной те страны, где проживали не только они сами, но и их отцы, деды, прадеды.

В свою очередь Палестина была отнюдь не «страной без народа». В ее истории насчитываются десятки поко-

лений арабов. Еврейское население Палестины составляло в 1919 г. 57 тысяч человек, то есть 9,7 % всего ее населения; арабов в это время на территории Палестины было 533 тысячи, или 90,3 %. Только в 30-х годах XX в. начинается активная иммиграция еврейского населения, достигшая максимума после создания государства Израиль и в первые годы его существования.

Иммиграция привела к изменению соотношения между еврейским и арабским населением в Палестине. Однако это происходило не только за счет абсолютного увеличения числа иммигрантов, но также и – следует обратить на это особое внимание – за счет вытеснения коренного палестинского арабского населения.

Еще задолго до создания государства Израиль колониционные фонды – Еврейский национальный фонд, основанный в 1901 г., и Палестинский учредительный фонд, основанный в 1920 г., – начали скупать землю у арабских собственников, главным образом крупных феодалов. В результате таких сделок с земель сгонялись арендаторы-крестьяне, оставались без работы тысячи батраков. Лишь незначительная часть из них получала работу у новых поселенцев. В этой связи представляет интерес устав Еврейского агентства, подписанный в Цюрихе 14 августа 1925 г. Статья 3d этого устава гласит, что «земля должна приобретаться как еврейская собственность и записываться на имя Еврейского национального фонда». Статья 3e устава добавляла к этому: «Во всех работах и мероприятиях, проводимых агентством, вопросом принципа будет использование еврейского труда».

В тексте соглашения между фондом и поселенцами, получающими от него кредит, значилось: «Поселенец подтверждает, что в течение означенного периода он будет проводить сельскохозяйственные работы самостоятельно или с помощью своей семьи, и если появится необходимость привлечь другую помощь, то он привлечет

только еврейскую рабочую силу»*. Автор «Доклада об иммиграции, земельных поселениях и развитии в Палестине» сэр Дж. Х. Симпсон писал, что «замена арабского труда еврейским – вполне определенная политика сионистской организации»**.

Лишившиеся земли арабы-палестинцы не могли получить постоянную, обеспечивающую их средствами существования работу и в городах.

Сионистские руководители теперь проявляют крайнюю незаинтересованность в освещении этих сторон своей деятельности во времена колонизации Палестины. Однако суть дела от этого не меняется. Для полного представления о повседневной практике тех дней достаточно процитировать лидера «Мапай»² Давида Ха-Коэна. В течение долгих лет он был членом израильского парламента – кнессета, возглавляя одну из наиболее важных комиссий – обороны и иностранных дел. Вспоминая о горячих спорах в Лондоне в 20-х годах со своими «социалистическими коллегами» – студентами из Англии, Ирландии, Китая, Индии, Африки, Ха-Коэн через 40 лет, в ноябре 1968 г., с горечью сказал: «Я должен был оправдывать в спорах тот факт, что не принимаю арабов в мой профсоюз Гистадрут; оправдывать проповеди домохозяйкам, чтобы они не покупали в арабских лавках; оправдывать то, что мы выставляли охрану у садов, чтобы арабы не смогли получить там работу...; оправдывать то, что обливали керосином арабские помидоры, и то, что нападали на еврейских домохозяек на рынке и били яйца, которые они покупали у арабов; возносить до небес Еврейский фонд, который послал Ханкина в Бейрут, чтобы скупить землю у отсутствующих эфенди (помещиков) и выбросить с этой земли феллахов

* *Simpson J.H.* Palestine Report on Immigration, Land Settlement and Development. – London, 1930. – P. 52.

** Там же. – P. 56.

(крестьян) – купить множество дунамов* у арабов разрешалось, а вот, упаси Господь, продать хоть один дунам арабу было категорически запрещено; представлять социалистом Ротшильда, олицетворение капитализма, и называть его благодетелем – все это делать было крайне нелегко**.

Начало массовой эмиграции палестинских арабов датируется 1947 г.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе находившейся под английским мандатом Палестины и образовании на ее территории двух государств – еврейского и арабского. Первому государству отводилась территория в 14100 км², второму – в 11100 км². Но эта резолюция ООН не была реализована. В декабре 1947 г. начались вооруженные столкновения во многих районах Палестины. Британский генерал Джон Багот Глабб – создатель арабского легиона в Трансиордании и затем его командующий – в своих мемуарах вспоминает о разговоре, который состоялся между англичанином – высшим офицером арабского легиона и офицером «Хаганы»***. Англичанин заметил, что население Израиля, как только он будет образован, разделится приблизительно поровну между евреями и арабами, и это может породить серьезные трудности. «Трудности преодолимы, – ответил офицер “Хаганы”, – несколько запланированных кровопролитий приведут к тому, что мы от них избавимся»****.

То, что произошло в декабре 1947 г. и продолжалось в 1948 г., напоминало иллюстрацию к этим словам. В январе 1948 г. сионисты произвели взрыв в сквере города Яффа. В результате взрыва погибло 22 араба-палестин-

* 1 дунам (мера площади) = 1000 квадратных метров.

** «Гаарец», 17 февраля 1969.

*** «Хагана» – нерегулярная военная организация сионистского движения, ставшая базой для создания израильской армии.

**** *Glubb J. A Soldier with the Arab.* – London, 1957. – P. 99.

ца, ранено было много больше. На следующий день сионисты взорвали отель «Семирамис» в Иерусалиме, и еще 22 араба-палестинца было убито. Подобные террористические акты осуществлялись в январе, феврале, марте 1948 г. Наиболее тяжкое преступление было совершено в арабской деревне Дейр-Ясин. В ночь с 9 на 10 апреля экстремисты из банд «Штерн» и «Иргун цвай леуми» – двух террористических сионистских организаций – устроили в этой деревне, находящейся в окрестностях Иерусалима, кровавую бойню. 254 человека – среди них женщины и дети – были убиты³. В апреле вооруженные силы сионистов оккупировали Хайфу, Яффу, арабский квартал Катамон в Иерусалиме. В мае были захвачены Сафад, Бейсан и другие города и населенные пункты. До мая 1948 г., то есть до провозглашения Израиля в качестве государства, с его будущей территории было изгнано около 400 тысяч арабов.

Вытеснение арабов-палестинцев интенсивно продолжалось и после создания государства Израиль, особенно во время вооруженных столкновений между сионистскими отрядами и армиями арабских государств в первой палестинской войне 1948–1949 гг. После окончания этой войны к 400 тысячам палестинцев, вынуждено покинувших свои родные места, добавилось еще 340 тысяч беженцев.

Почему произошла эта массовая эмиграция палестинских арабов? В чем были ее реальные причины?

Позже руководители Израиля будут говорить, что сотни тысяч палестинцев покинули свои родные дома «добровольно», став «жертвами пропаганды арабских правительств», которые якобы прямо призывали их уходить с территории Палестины. Английский публицист Эрскин Чилдерс исследовал архивы Би-Би-Си, содержащие записи радиопередач арабских радиостанций, направленных на Палестину. По его словам, цитируемым многими, в том числе и израильскими авторами либе-

рального толка, он не нашел ни одного заявления арабского лидера, которое можно было бы интерпретировать как призыв к палестинцам покидать свои дома*.

Вместе с тем имеются многие доказательства того, что эмиграция палестинцев явилась результатом политики сионистского руководства. Дело было не только в том, что сионистов устраивал такой массовый уход арабов-палестинцев. Они целенаправленно добивались этого. В 1957 г., выступая на научной конференции, генерал Игаль Алон, который во время первой палестинской войны командовал операциями в северном районе, заявил, что в намерения сионистского руководства при планировании захвата арабской части Сафада не входило предотвращение ухода арабского населения. Естественно, что гораздо более определенно на этот счет высказывались те, кто не принадлежал к руководящему кругу в сионистском движении. Бывший член израильского парламента Ури Авнери, например, в своей книге «Израиль без сионизма» пишет следующее: «Я уверен, что в течение этой фазы вытеснение арабского гражданского населения стало целью Давида Бен-Гуриона и его правительства»**. А вот еще одно мнение, которое принадлежит известному английскому историку Арнольду Тойнби: «Палестинские арабы не покинули свои дома добровольно или подчиняясь приказам правительств соседних арабских стран. Они ушли под страхом смерти»***. Справедливость данного вывода подтверждается и английским военным историком Э. О'Бэллансом, который следующим образом определил содержание сионистской политики: «Израильская политика должна была выну-

* *Avnery U. Israel without Zionism.* – New York: Macmillan, 1971. – P. 225.

** Там же. – P. 133.

*** *The Transformation of Palestine. Essays on the Origin and Development of the Arab-Israeli Conflict* / Ed. by Ibrahim Abu-Lughod. – Evanston: Northwestern University Press, 1971. – P. ix.

дить арабов покинуть свои дома, и, чтобы заставить их это сделать, интенсивно применялась психологическая война»*.

Расправа над мирным арабским населением в Дейр-Ясине и другие подобные преступления использовались сионистской пропагандой для того, чтобы заставить арабов покидать насиженные места. На арабском языке по радио передавались угрозы: «Если вы не покинете ваши дома, вас ждет участь Дейр-Ясина», «Дорога на Иерихон еще открыта, уходите из Иерусалима, пока вас не убили».

Экспансионистская политика сионизма, направленная в тот период своим острием против арабов-палестинцев, вызвала к жизни их сопротивление. При этом имели место и эксцессы, жертвами которых становились еврейские поселенцы. Речь в данном случае идет не о том, чтобы оправдать любые такие действия, направленные против мирных жителей. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что действия со стороны арабов-палестинцев в то время были в основном стихийным проявлением их несогласия с созданием инационального государства на территории, которую они населяли с незапамятных времен. Что касается террористических акций против арабского населения, то они были не стихийным, а организованным проявлением политики сионистского руководства, направленной на создание однонационального государства на территории Палестины. Лидер «Иргуна» Менахем Бегин сказал об этом более чем определенно и совершенно цинично: «Резня была не только оправдана, но вообще не было бы государства Израиль без победы в Дейр-Ясине»**.

Большинство палестинских беженцев осело в Транс-Иордании и в районе Газы, перешедшем под административный контроль Египта, несколько сот тысяч посели-

* O'Ballance E. The Arab-Israeli War 1948. – London, 1956. – P. 63.

** Цит. по: The Jewish Newsletter. – 3.10.1960.

лись в Ливане и Сирии, некоторые получили приют в Ираке. Начиная с 1948 г. шла непрерывная борьба за право палестинских беженцев вернуться на территорию, которую они были вынуждены покинуть. Между 1948 и 1967 гг. Генеральной Ассамблеей ООН было принято 19 резолюций, подтверждающих право беженцев на репатриацию или, в случае их нежелания возвращаться, на компенсацию за потерянное имущество. Однако Израиль продолжал отказываться от претворения этих резолюций в жизнь.

Таким образом, до войны 1967 г. арабское население Палестины было разделено на две части. Одна часть – 300–400 тысяч человек – находилась на территории Израиля, другая – около миллиона – в соседних с Израилем арабских странах, проживая главным образом компактно в палестинских лагерях.

Положение арабов-палестинцев усугубила «шестидневная война» 1967 года⁴. Сотни тысяч новых беженцев опять были вынуждены оставить свои дома – теперь уже на Западном берегу реки Иордан, в Иерусалиме, в районе Газы, на Голанских высотах, на Синайском полуострове, оккупированных израильскими войсками. Многие стали уже дважды беженцами: они покидали свои лагеря, основанные после 1948 г., и переселялись на восточный берег Иордана, в Сирию, некоторые – в Ливан, Ирак. Массовое изгнание арабов-палестинцев продолжалось до 1968 г., когда король Иордании Хусейн закрыл мосты через реку Иордан.

Однако и после этого насильственно изгонялись из своих родных мест сотни, тысячи людей – теперь уже выборочно, главным образом представители интеллигенции, известные личности, влиятельные люди из бывшей администрации и т. д. «Представители властей приходят в дом человека к полуночи. Они дают ему полчаса или час, чтобы собрать несколько вещей, препятствуя одновременно тому, чтобы он или члены его семьи могли

связаться с кем-нибудь из соседей. Группа таких людей привозится в долину реки Иордан, и с помощью ударов и выстрелов их заставляют переправляться в Иорданию. Большинство высылаемых принадлежит к элите палестинской нации: мэры городов, юристы, инженеры и интеллектуалы. Конечно, официально они ни в чем не обвиняются, и поэтому у них нет никакой возможности открыто себя защищать!»* – так описывает механизм «индивидуальной высылки» людей с оккупированных территорий профессор Еврейского института в Иерусалиме, видный химик-органик, председатель Израильской лиги в защиту человеческих и гражданских прав Исраэль Шахак.

По данным Агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ (УНРВА), созданного ООН, общее число палестинских беженцев в 1971 г. составило 1425 тысяч человек (с учетом естественного прироста 2,7 % в год). Территориально они распределялись следующим образом: более полумиллиона находилось на территории восточной Иордании, причем более 200 тысяч переселились сюда с Западного берега и из района Газы после июньской (1967 г.) агрессии Израиля; около 600 тысяч продолжали находиться на оккупированном Западном берегу и в районе Газы (в районе Газы – около 300 тысяч человек); около 340 тысяч – в Сирии и Ливане.

Итак, палестинцы оказались без родины. Этот вывод относится ко всему палестинскому народу – к тем арабам-палестинцам, которые остались на территории Израиля, к тем, кто проживает на оккупированной территории, и к сотням тысяч беженцев, находящихся в различных арабских странах.

Арабское национальное меньшинство практически лишено гражданских прав в Израиле: оно подвергается

* Journal of Palestine Studies. Beirut and Kuwait. – Vol. IV, No. 3. – Spring 1975. – P. 163.

дискриминации в отношении работы, образования, длительное время не пользовалось свободой передвижения по стране. Показательно, что арабы, составляющие 13 % населения страны, почти не представлены в руководящих государственных органах. В кнессете в 1976 г. из 120 мест лишь шесть занимали арабы. Весьма характерно, что в израильских университетах среди студентов только 3 % арабов.

Дискриминационные меры в отношении арабского меньшинства в Израиле являются предметом повседневной практики. Профессор Массачусетского технологического института (США) Ноам Хомский, которого трудно заподозрить в антиизраильской предвзятости (его перу в прошлом принадлежал ряд статей, в которых он восхвалял образ жизни израильтян), в статье, опубликованной в парижском журнале «Jeune Afrique», в апреле 1976 г., писал следующее: «Помимо дискриминации, существующей в силу духа и буквы закона, почти официальные организации, такие как Еврейское агентство или Еврейский национальный фонд, несут ответственность за выполнение программ развития с явным намерением создать огромное неравенство между еврейскими и арабскими поселениями. Так, например, 90 тысяч арабских крестьян в Галилее получают такое количество воды, на какое имеет право одна-единственная еврейская деревня, а 60 % арабских деревень все еще не имеют электричества. Такие факты представляют собой, естественно, следствие того, что контроль над электрификацией и распределением воды принадлежит организациям, которые в принципе призваны заботиться о благосостоянии лишь еврейских граждан».

Дискриминация арабов существует также в распределении жилья, в области образования (не только высшего) и муниципального обслуживания. Член кнессета Ш. Алони писала 10 октября 1975 г. в израильской газете «Едиот ахронот»: «Сравнительный анализ бюджетов

местных муниципалитетов на 1974/75 год по арабскому и еврейскому секторам со всей очевидностью показывает, что арабский сектор подвергается жестокой дискриминации».

Многие прогрессивно или либерально настроенные израильтяне неоднократно высказывали свое возмущение существующими в их стране порядками в отношении арабского национального меньшинства. Повседневную борьбу за изменение условий жизни арабов в Израиле, за их равноправие вели и ведут израильские коммунисты. Под воздействием борьбы прогрессивных сил в Израиле и международного движения солидарности с этими силами за ряд лет удалось добиться кое-каких сдвигов. Но они крайне незначительны и никак не могут зачеркнуть тот очевидный факт, что арабы-палестинцы остаются в Израиле на положении угнетенного национального меньшинства, не пользующегося равноправием с еврейской частью населения.

«Мы не отрицаем, что уровень жизни значительной части арабов поднялся, особенно после того, как в стране возросла потребность в рабочих руках, – пишет один из исследователей положения арабов в Израиле, Сабри Джерис. – Однако весь тот прогресс – о нем гордо и громогласно заявляет Израиль – фактически сводится к предоставлению минимума услуг, которые каждое государство обязано предоставить своим подданным, даже если это и делается для сохранения определенного престижа в глазах других. Предоставленные услуги абсолютно нельзя сравнивать с тем, что взято или отнято силой у арабов»*.

Израильские руководители не помышляли и не помышляют о решении национального вопроса арабского меньшинства, населяющего страну. Напротив, они осу-

* Сабри Дж. Аль-араб фи Исраиль [Арабы в Израиле; на араб. яз.]. – Бейрут, 1967. – С. 160.

ществляют курс на сохранение однонационального характера государства. Причем проводится политика, служащая цели либо постепенного вытеснения арабского населения, либо постепенной ликвидации его национальной самобытности.

В этом плане весьма характерна политика израильского руководства по земельному вопросу.

Таблица 1

Землевладение и население в Палестине
(по принадлежности к арабской и еврейской общинам)*

	1919	1923	1928	1933	1938	1943	1946
Земля в собственности представителей еврейской общины (в тыс. м ²)	650,0	798,7	1099,1	1257,4	1467,2	1568,1	1585,4
% от общей территории	2,04	3,0	4,2	4,7	5,6	5,9	7,0
Арабское население (в тыс.)	533	572,5	727,5	829,1	957,5	1107,1	1237,3
% от всего населения	90,3	86,5	82,7	79,8	70,0	68,8	64,9
Еврейское население (в тыс.)	57	89,5	152,1	209,2	411,2	502,9	608,2
% от всего населения	9,7	13,5	17,3	20,2	30,0	31,2	35,1

До создания государства проводился четко выраженный курс лишения земли арабской части населения Палестины, что служило средством его выталкивания за пределы, в которых в 1948 г. был создан Израиль. Данные приводимой выше таблицы свидетельствуют о непосредственной связи между двумя процессами: изменением землевладения по национальному признаку и изменением национального состава населения Палестины.

* Источник: «From Haven to Conquest». Ed. by W. Khalili. – Beirut, 1971. – P. 841–843.

Линия, направленная на то, чтобы отобрать землю у арабов-палестинцев, была продолжена после создания Израиля. В первые годы существования этого государства правительство создало закрытые зоны, используя статью 125 законодательства, введенного в период мандата (1945 г.) для борьбы с терроризмом сионистских организаций против английской администрации. Арабским землевладельцам, чьи земли были расположены в этих зонах, не разрешили вернуться на свои родные места после войны 1948 г. Характерно, что решение кнессета в мае 1951 г. поручить юридической комиссии в двухнедельный срок разработать закон, аннулирующий прежние указы, «противоречащие демократическим принципам», было тут же предано забвению. Между тем «пустующие» на основе статьи 125 земли начали осваиваться израильянами.

В октябре 1948 г. был принят закон, разрешающий министерству сельского хозяйства конфисковывать те участки, которые не обрабатывались и не засеивались в течение года, и «передавать их третьим лицам». Затем появился закон об «отсутствующих землевладельцах». Под эту категорию подпали не только те, кто покинул территорию Израиля, но и около 20 тысяч арабов-палестинцев, проживающих в Израиле и имевших израильское удостоверение личности. Их зачислили в категорию «отсутствующих» на основании того, что в период между 29 ноября 1947 г. (дата решения ООН о разделе Палестины) и 1 сентября 1948 г. они находились либо за пределами границ Израиля, либо в районах, контролируемых арабами.

В 1949 г. в законодательном порядке были созданы «зоны безопасности» в Израиле. Министерству обороны разрешалось выселять арабских жителей из населенных пунктов, расположенных в приграничной полосе шириной 10 километров. Вначале создавалось впечатление, что закон о «зонах безопасности» не лишал арабских

жителей таких зон права собственности – он только препятствовал их доступу к своим землям. Однако в 1953 г. кнессет принял новый закон, на основании которого правительство становилось собственником всех земель, которые на 1 апреля 1952 г. фактически не находились в руках их владельцев.

В это же время был принят другой закон, разрешающий правительству конфисковать земли «в целях обороны и устройства новых иммигрантов». Этот закон также был использован для экспроприации арабских землевладений. Все участки, отторгнутые у арабов в соответствии с этим законом, после 1 августа 1958 г. автоматически перешли в собственность государства. Экспроприровать арабских землевладельцев помогла и целая серия других законов и указов: «О лесах», на основе которого были конфискованы многие леса и рощи, принадлежавшие арабским деревням, «О сроке давности», «О приобретении земель в интересах населения» (использовалось для создания городов и населенных пунктов с еврейским населением или их расширения) и т. д.

В результате всех мер по конфискации земель, осуществленных после создания государства Израиль, арабские деревни к середине 1970-х годов в общей сложности владеют всего около 50 тысяч га земли. В эту цифру не входит территория пустыни Негев, где бедуины, ведущие оседлый образ жизни, по свидетельству французской газеты «Le Monde», «фактически оказались лишены израильскими властями своих прав на владение 190 тысячами гектаров земли»*.

Согласно данным обследования положения в арабских деревнях, проведенного министерством сельского хозяйства Израиля, земельное владение одной крестьянской арабской семьи уменьшилось в три с лишним раза – с 1,5 га до создания государства Израиль до 0,46 га

* Le Monde, 1 июня 1976.

в 1963 г. По свидетельству корреспондента газеты «Le Monde» в Иерусалиме А. Капелюка, с тех пор средний размер земельного участка арабской крестьянской семьи в Израиле значительно сократился. Корреспондент в качестве примера приводит самое большое арабское селение в Израиле Умм-аль-Фахем. В 1976 г. жителям этого села принадлежало только 1200 га из 14000 га, которыми они владели до создания государства Израиль, при значительном приросте населения – в среднем 700 новорожденных в год.

Целенаправленная политика перераспределения земли по национальному признаку подкреплялась дискриминацией арабов в арендных отношениях. Арабским земледельцам не разрешают арендовать землю у еврейских общин. Как писала газета «Гаарец», министр сельского хозяйства угрожал лишением воды и конфискацией земли тем еврейским владельцам, которые согласятся сдать землю арабам*. Арабы также не могут стать членами кибуца (сельскохозяйственного кооператива) или даже наняться туда на работу.

После создания Израиля в руках государства и еврейских общин постепенно оказалась сосредоточенной преобладающая часть земли. В середине 1960-х годов, когда был упразднен институт военных губернаторов в арабских районах Израиля, официальные израильские лица провозгласили «конец эпохи конфискации арабских земель». В середине 70-х годов, однако, была возобновлена конфискация земель арабского национального меньшинства в Израиле. 650 га арабских земель было реквизировано в марте 1976 г. в Галилее. Премьер-министр Рабин отклонил протест муниципальных советников по этому поводу. Волнения возмущенного арабского населения были подавлены силой: 30 марта, разгоняя демонстрацию протеста, полиция убила шесть арабов.

* «Гаарец», 27 февраля 1976.

Газета «Давар» писала, что новые решения об экспроприации арабских земель призваны «положить конец уменьшению доли еврейского населения в Галилее»*, иными словами, не скрывала связи между официальной политикой в области землевладения и линией властей на создание условий для закрепления однонационального характера государства и дискриминации арабского национального меньшинства. Вместе с тем, если до создания Израиля и в первые годы его существования изменение характера землевладения по национальному признаку служило вытеснению за пределы этого государства экспроприированных арабских мелких земельных собственников, а также арендаторов-арабов, лишенных возможности арендовать землю, то теперь наряду с этим израильское руководство преследует и другие цели. Одна из них – «перераспределить» население, не дать возможности арабскому меньшинству консолидироваться в отдельных районах Израиля, «разбавить» его еврейскими поселенцами. Все это совершенно недвусмысленно направлено против любых форм самоопределения арабского меньшинства в Израиле.

Аналогичным целям служили и политические меры израильских властей, запрещавших создание арабских партий, арабских профсоюзов, спортивных и культурных клубов и т. д.

Таково положение арабского меньшинства. Еще более тяжелым оно стало для арабов-палестинцев на оккупированных Израилем в июне 1967 г. территориях. Эта часть арабского палестинского населения испытала на себе все тяготы оккупационного режима: аресты, террор, преследования, обыски, принудительное выселение, подавление силой демонстраций и забастовок, разрушение домов не только тех, кто принимает участие в движении сопротивления, но и тех, кто лишь сочувствует его бой-

* «Давар», 2 марта 1976.

цам. С 1967 по 1976 год израильскими военными властями было разрушено около 20 тысяч домов арабов на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. Тысячи людей брошены в тюрьмы. Условия их содержания в заключении вызывают решительный протест со стороны многих международных демократических организаций.

Вот свидетельство Исраэля Шахака, председателя Израильской лиги в защиту человеческих и гражданских прав. Ниже приводятся выдержки из его напечатанной в иностранном журнале статьи, которую он первоначально направил в газету «Гаарец», отказавшуюся ее опубликовать: «Израильский оккупационный режим не только не либеральный, но в действительности один из самых жестоких репрессивных режимов в современный период. Возьмем пример разрушения домов и других видов группового наказания. Факты хорошо известны: когда оккупационные власти арестовывают подозреваемого, даже раньше того, как он предстает перед судом, иногда даже раньше, чем ему предъявляется официальное обвинение, издается приказ о разрушении дома, в котором жил подозреваемый. Подчас это дом, принадлежащий его семье, иногда нет. Все обитатели деревни силой стоняются на ближайший холм для того, чтобы наблюдать “поучительный спектакль”. Нужно подчеркнуть, что такое действие варварское в своей основе. Дети, старики, женщины, больные, калеки – все независимо от погоды выталкиваются на улицу...»

Касаясь других способов «группового наказания», используемых израильской администрацией, Шахак пишет: «Кто-то хочет наказать жителей района Хеврона? В момент страды вводится запрет на провоз по дорогам урожая, пока “нотабли” [старосты. – Е.П.] не падут на колени перед военным губернатором. Кто-то хочет наказать город Рамаллах? Запрещается продажа овец в городе на два месяца, или муниципалитету запрещается получать те средства, которые переводят для развития

городского хозяйства рамаллахцы, находящиеся за рубежом»*.

Особое значение имеет политика создания израильских поселений на оккупированных территориях. Ее цели сводятся к следующему: обеспечение территориальной экспансии (о чем специально говорится в следующей главе); создание форпостов для борьбы с сопротивлением арабов-палестинцев; предотвращение реального самоопределения палестинцев и попытки создать формы квазиавтономии, практически лишаящие палестинский народ его неотъемлемых прав; сохранение «контрольных позиций» в руках Израиля в случае, если ему придется согласиться на реализацию палестинцами права на образование государства.

Вопреки протестам арабских жителей и мировой общественности, полностью игнорируя решение ООН и Женевскую конвенцию⁵ (даже руководство Госдепартамента США в таких условиях вынуждено было выступать против практики создания израильских поселений на Западном берегу Иордана, в районе Газы и на Голанских высотах), израильские власти после войны 1967 г. до середины 1976 г. основали 68 поселений на оккупированных территориях**. 10 мая 1976 г. после десятидневных дебатов израильское правительство приняло решение «в ближайшие годы» увеличить число поселений на оккупированной территории***. В самом начале 1977 г. было официально объявлено о плане создания дополнительно 27 израильских поселений.

Территории под такие поселения, называемые «легальными» израильской прессой, выбраны с учетом их стратегической важности. «Путем создания “легальных” поселений, – пишет профессор И. Шахак, – район Газы

* Journal of Palestine Studies. – Vol. IV, No. 3. – Spring 1975. – P. 162–163.

** The New York Times, 12 мая 1976.

*** The New York Times, 11 мая 1976.

превращен в концентрационный лагерь, охраняемый поселениями Рафаха и «пальцами» – кибуцами, которые Моше Даян и Арик Шарон [израильские генералы. – *Е.П.*] насадили на берегу пролива [Тиранского. – *Е.П.*]. Функцией таких поселений – это ясно для всех, кто посмотрит на карту, – является территориальная экспансия и порабощение палестинского населения оккупированных территорий»*.

Создание подобных поселений не только служит для контроля над оккупированными в результате войны 1976 г. территориями, но и имеет самое прямое отношение к курсу израильского руководства на лишение палестинского народа права на самоопределение. Прежде всего, районы этих поселений, по мнению израильских лидеров, представляют собой чистый вычет из территории, которая когда-либо могла бы в любой форме перейти под суверенитет арабского народа Палестины. «Арабы убеждены в том, – пишет американский журнал “U.S. News & World Report”, – что, если создается какой-то израильский анклав, земля эта уже никогда больше не будет возвращена им для включения в палестинское государство. Этот процесс окрестили ползучей аннексией»**.

С помощью таких поселений израильские руководители уже сейчас пытаются обозначить зависимый от них тип палестинской государственности, если в процессе мирного урегулирования им в принципе придется согласиться с правом палестинцев на самоопределение. В этом отношении представляет особый интерес так называемый «план Алона», носящий имя бывшего заместителя премьер-министра Израиля. В чем его смысл?

Ответ на этот вопрос имеет далеко не академический характер. Сам Алон и его коллеги по Партии труда проиграли в мае 1977 г. выборы, и им на смену пришло пра-

* Journal of Palestine Studies. – Vol. IV, No. 3. – Spring 1975. – P. 164.

** U.S. News & World Report. – 7.06.1976. – P. 55.

вительство М. Бегина, возглавившего правый (еще более правый) блок «Ликуд». Однако Бегин может не повторить «рекорда» Партии труда по длительности пребывания у власти. Но что еще более важно – существует полная преемственность политики всех правительств Израиля в отношении палестинцев, и «план Алона», наиболее разработанный и цельный проект сионистского руководства по решению в своих интересах палестинской проблемы, может быть повторен или, во всяком случае, использован в отдельных деталях в последующих «предложениях» и «концепциях» израильского руководства, направленных на лишение палестинского народа права на самоопределение. Поэтому рассмотрим этот «наиболее разработанный» план и его эволюцию подробнее.

Согласно «плану Алона» Израиль «осваивает» несколько ключевых оккупированных районов, создав в них навечно так называемые зоны безопасности. Один из этих районов простирается на 12–18 км на запад от реки Иордан. Его назначение – отрезать остальную часть Западного берега от арабского мира, создать между ними своеобразный кордон из израильских поселений. Другие районы заселения – Голанские высоты, область, охватывающая Иерусалим и район Хеврона, сектор Газы и длинный узкий отрезок, простирающийся от Средиземного моря до Шарм-эш-Шейха на Красном море. Планируется также построить пояс из израильских поселений и городов, которые призваны «контролировать» густонаселенные арабские районы вокруг Иерихона и Хеврона. Таким образом, предусматривается создание «вечной военной границы» Израиля по реке Иордан и «коридоры» к этой границе, охраняемые израильской армией. По «плану Алона» израильтяне будут контролировать и другой «коридор», который на уровне Иерихона соединит Восточный берег с оставшейся после создания так называемых зон безопасности частью территории Западного берега Иордана, а также «коридор», соединяющий Западный берег с районом Газы.

Какую судьбу готовит «план Алона» оставшимся после создания так называемых зон безопасности территориям Западного берега и района Газы?

Выдвигая свой план в 1968 г., И. Алон не захотел конкретизировать, идет ли речь о создании «самостоятельного» палестинского государства на этих территориях, или они вновь отойдут к Иордании, в границах которой произойдет «самоопределение» палестинцев. Однако уже тогда «планом Алона» предусматривались «в любом случае» полная демилитаризация этих территорий и лишение установившейся на них власти права заключать какие-либо договоры с каким-либо другим государством.

В сентябре 1976 г. И. Алон выступил с новым вариантом плана. Судя по его статье, опубликованной в газете «Jerusalem Post», этот «новый» план сохранил все принципы старого и отличается от него лишь еще большим ужесточением антипалестинской линии. Отказавшись от «неопределенности» в отношении будущего характера палестинского государства, новый «план Алона» прямо провозгласил, что территории Западного берега и Газы (оставшиеся после заселенных израильянами «зон безопасности») станут «частью иордано-палестинского государства». На «покидаемых Израилем территориях, переходящих под суверенитет этого государства», может быть допущена лишь «гражданская полиция»*.

Наряду с уже провозглашенными прежде мерами, призванными установить постоянный израильский контроль над таким государством («зоны безопасности»), новый «план Алона» предусматривает создание «полностью или частично демилитаризованных зон, находящихся под совместным израильско-арабским контролем». Такой контроль, который будет распространяться на обширные районы, позволил бы Израилю практически сохранять свое господство и на тех территориях, ко-

* Jerusalem Post, 24 сентября 1976.

торые он провозгласил бы «свободными от оккупации». Характерно, что по «плану Алона» создание таких демилитаризованных зон под контролем с прямым участием Израиля является обязательным. Некоторые формы международного контроля, в том числе и создание «станций раннего оповещения» по типу станции, образованной в 1975 г. Соединенными Штатами на Синае, рассматриваются как возможное дополнение к системе контроля, в которой Израиль должен принять непосредственное участие. Естественно, что все это прямо лишает палестинцев права на реальное самоопределение, даже если будет объявлено, будто они в той или иной форме обретают это право.

Категорическое «нет» законному праву палестинского народа на создание собственного национального государства звучало из уст всех правительств Израиля и до, и после 1973 г. – Меир, Рабина – Переса, Бегина. Их объединяло также и требование «решить палестинскую проблему» в рамках Иордании. За такой позицией стоит, ее подпирает, вне зависимости от того, умалчивали об этом или говорили открыто, как Бегин, стремление к аннексии либо к ее скрытой форме – сохранению «прямых связей» Израиля с оккупируемыми землями Западного берега и Газы даже после урегулирования. В этом отношении представляет интерес также и «план Даяна», автор которого стал министром иностранных дел в правительстве Бегина. Как и Алон, Даян предложил основать «военную границу» Израиля по реке Иордан. В развитие «плана Алона» «план Даяна» предусматривает сохранение за израильянами военно-контрольных функций безопасности на всей территории Западного берега и Газы при неопределенных, нефиксированных границах этой территории с Израилем. «Решение» палестинской проблемы по «плану Даяна» заключается в установлении каких-то конкретно не обозначенных «политических связей» палестинского населения этого района, по сути дела гигантского концлагеря, с соседней Иорданией.

Преимственность антипалестинской политики всех правительств Израиля выражается и в неизменной практике, имеющей своей целью интеграцию оккупированного Западного берега и Газы в израильскую экономику. На оккупированные территории распространилась израильская налоговая система. Поощрялось привязывание их сельскохозяйственного производства к израильскому рынку. В погоне за дешевой рабочей силой, особенно в условиях массовой службы израильтян в армии, израильские предприниматели стали практиковать ввоз арабских рабочих с оккупированного Западного берега и из Газы. Используя сравнительно небольшие расстояния, предприниматели привозят их в грузовых автомашинах, обычно на день, и к ночи отвозят обратно. Число таких арабских рабочих достигает нескольких десятков тысяч.

Подобная практика, не имеющая абсолютно ничего общего с филантропией, тем не менее дает заработок определенному числу арабов, и на основе этого израильские и произраильские журналисты провозгласили «эру благоденствия» для жителей оккупированных земель и «идиллический мир» между ними и Израилем. В заслугу себе израильская администрация ставит и проведение на Западном берегу муниципальных выборов, которые представляются чуть ли не как процесс «внедрения демократических принципов» на оккупированной территории. Между тем само проведение выборов в ряде городских и сельских муниципалитетов и в 1972, и в 1976 г. тоже служило главным образом цели лишить арабов-палестинцев реальных прав на самоопределение. Эти выборы связывались с идеей «гражданской администрации» на оккупированной территории.

Представляется необходимым подробнее остановиться на этом вопросе по двум причинам: во-первых, проект «гражданской администрации» часто преподносится израильской печатью чуть ли не как вариант «решения палестинской проблемы»; во-вторых, этот проект пред-

ставляет собой важную часть плана сохранения в той или иной форме полного контроля Израиля над землями Западного берега и Газы.

Проект введения «гражданской администрации» является многоступенчатым. При израильской военной администрации, ведающей всеми делами на оккупированной территории, должен быть создан арабский гражданский аппарат с ограниченными функциями и в весьма ограниченной сфере – в сельскохозяйственном производстве, просвещении, здравоохранении. Затем предполагается предоставить мэрам городов более широкие полномочия, в том числе власть над близлежащими деревнями. Заключительной стадией является создание более сложной системы, охватывающей мэров городов и арабских чиновников, состоящих при израильской военной администрации. Эту систему предполагается выдать за «самоуправление» арабов на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы.

Далее, общая идея «гражданской администрации» заключается в создании антипода Организации освобождения Палестины, которая не только признана всеми арабскими странами единственным представителем арабского палестинского народа, но и пользуется широкой поддержкой на оккупированных территориях. Лучшим свидетельством этого являются десятидневные массовые демонстрации, митинги, забастовки населения оккупированных территорий в ноябре 1974 г., во время дебатов в ООН по палестинскому вопросу. Эти выступления, прошедшие вопреки террору и репрессиям израильских властей под лозунгами поддержки Организации освобождения Палестины, с вывешиванием палестинских флагов, с призывами создать независимое палестинское государство, буквально потрясли оккупационный режим.

В расчете на «вариант аннексии» оккупированных в 1967 г. арабских земель или сохранение на длительный срок положения «ни войны, ни мира» проект «граждан-

ской администрации», по-видимому, будет иметь для израильского руководства самостоятельное значение. Однако в случае неизбежности мирного урегулирования этот проект, очевидно, предназначен для облегчения осуществления «плана Алона» или «плана Даяна», иными словами, для того, чтобы провести это урегулирование по «сценарию», представленному израильским руководством.

Несмотря на все меры, принятые для осуществления комплекса целей «гражданской администрации» или плана «самоуправления городов Западного берега», который был провозглашен в ноябре 1975 г., населению оккупированных территорий не удалось навязать политическое руководство, подобранное оккупационными властями. Не в результате, а вопреки израильской политике после муниципальных выборов в апреле 1976 г. в ряд городских советов на Западном берегу пришли патриоты, прогрессивные лица, провозгласившие свою поддержку идеи не карикатурного, «карманного», а настоящего самоопределения для палестинского народа. «Вновь избранные деятели во всех муниципальных советах, – пишет специальный корреспондент парижского журнала “Jeune Afrique”, – за исключением советов в городах Вифлеем, Дженин и Бейт-Джала, не скрывают своей преданности Организации освобождения Палестины»*. Причем эта тенденция устойчива, она получила дальнейшее развитие. В августе 1977 г. мэры Западного берега и района Газы направили памятную записку государственному секретарю США, в которой говорилось: «Палестинцы занимают единую позицию и не могут быть разделены географически. ООП, руководимая Ясиром Арафатом, – это единственная организация, уполномоченная говорить от их имени».

* Jeune Afrique. – 18.07.1976. – Р. 40.

Нужно сказать, что проект «гражданской администрации» на оккупированной территории соседствует, а подчас и стыкуется с планами нового вытеснения арабов-палестинцев с части или даже со всех оккупированных в 1967 г. арабских земель. Такие «идеи» широко обсуждаются, в том числе и израильским руководством. Характерны в этом плане высказывания одного из сионистских лидеров, Й. Вейца, в течение многих лет возглавлявшего «департамент колонизации» Еврейского агентства – орган, отвечающий за расселение иммигрантов. В 1930-х годах он записал в дневнике: «Между нами должна существовать полная ясность, что нет места для двух народов в этой стране... Единственный выход – это Палестина, по крайней мере, Западная Палестина (к западу от реки Иордан), без арабов... И нет другого пути, кроме как переместить арабское население отсюда в соседние страны, переместить всех: ни одна деревня, ни одно племя не должны оставаться».

В конце 1960-х годов Вейц откровенно признал, что «решение проблемы» путем выселения арабов не только поддерживалось многими ведущими лидерами сионистского движения, но и «была осуществлена подготовка, чтобы претворить эту теорию в практику». Охватывая мысленным взором историю сионистского движения, Вейц добавил: «Когда ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства, к нашему счастью, разразилась война за независимость [первая палестинская война 1948 г. – *Е.П.*]. Во время этой войны свершилось два чуда: территориальная победа и уход арабов. В шестидневной войне было лишь одно чудо – громадная территориальная победа. Но большинство населения освобожденных [?!] территорий оставалось “приросшим” к своим местам, и это может разрушить саму основу нашего государства»*.

* «Давар», 29 сентября 1967.

Вейц и его единомышленники призывают к третьему массовому «изгону арабов». В этом плане, например, не нуждается ни в каких комментариях интервью, которое дал газете Еврейского университета в Иерусалиме бывший командующий израильскими парашютными войсками, а ныне преподаватель университета генерал А. Давиди.

«Вопрос. Как вы предлагаете решить палестинскую проблему?

Ответ. Наиболее простым и гуманным [?!] способом: перевести всех палестинцев с их нынешних мест жительства в арабские страны.

Вопрос. Они хотят этого?

Ответ. Они примут это, если у них не будет другой альтернативы»*.

В рядах тех, кто призывает вновь активизировать «переселение» арабов за пределы Израиля и оккупируемых им ныне территорий, находятся не только «отставники», но и высокопоставленные официальные лица.

Сторонники нового вытеснения арабов приводят такие «аргументы»: естественный прирост арабов происходит значительно быстрее, чем прирост еврейского населения Израиля, таким образом «размывается» сионистский дух государства. Выход из этого – усиление иммиграции, для чего нужны «дополнительные земли», «по крайней мере» арабские территории, захваченные в 1967 г. Следовательно, необходимо их аннексировать. Но эти территории населены, следовательно, необходимо вытеснить их коренное население. За этой откровенно расистской теорией стоят не отдельные лица, а целые политические партии, пользующиеся к тому же значительным влиянием в Израиле.

Эта «теория» уже имеет и практическое воплощение в движении за заселение оккупированных территорий, которое возглавляет крайне националистическая религи-

* Journal of Palestine Studies. – Vol. IV, No. 3. – Spring 1975. – P. 7.

озная группа «Гуш эмуним» («Союз верующих»). Начав действовать без формального разрешения правительства, члены группы основывают поселения на Западном берегу с прицелом дальнейшего последовательного расширения захваченных для таких поселений зон. Корреспондент американского журнала «U.S. News & World Report» в Иерусалиме приводит свой разговор с представителями этой группы: «Израиль, как он обозначен в Библии, простирается от Ирака до реки Нил. Мы вовсе не горстка фанатиков. Находясь здесь, мы охраняем Тель-Авив», – сказал один из них. Его жена добавила: «Это наша земля, и никто этого не изменит»*.

Правительства, возглавляемые Партией труда, лишь формально отмежевывались от действий «Гуш эмуним», однако фактически исподволь ее поддерживали. Отдельные меры, служившие якобы для предотвращения незаконного заселения оккупированных территорий, а на самом деле продиктованные стремлением нейтрализовать бурные протесты с арабской стороны, носили скорее демонстративный характер. Одновременно эти правительства и сами, но тайно осуществляли практику «Гуш эмуним», прибирая к рукам израильского государства арабские земли на оккупированных в 1967 г. территориях.

По оценке того же иерусалимского корреспондента журнала «U.S. News & World Report», государственные владения Израиля на Западном берегу неуклонно увеличиваются. «Точные размеры этих владений – строго хранимая государственная тайна, однако один из радиокомментаторов сообщил недавно, что в прошлом [1975 г. – *Е.П.*] правительство израсходовало 6,6 миллиона долларов на покупку земель у арабских владельцев на оккупированной территории»**.

* U.S. News & World Report. – 7.06.1976. – P. 56.

** Там же.

Крайних экстремистов поощряли и откровенные заявления членов правительства, одно из которых, принадлежавшее бывшему министру обороны Ш. Пересу, приводится ниже: «Создание каждого нового еврейского сельскохозяйственного поселения – будь то в Израиле или в оккупированных районах – укрепляет защиту Израиля». Выразив свое несогласие с методами «Гуш эмуним», Перес тут же подчеркнул, что ее члены «нравятся ему как отдельные лица».

«Меня гораздо больше беспокоит молодежь, которая вступает в израильскую коммунистическую партию», – добавил Перес, отметив, что он «обсуждал этот вопрос с американским руководством, которое выразило понимание»*.

В еще большей степени правых экстремистов поощряет позиция, занятая правительством Бегина: одним из его первых актов было придание «законного характера» трем поселениям «Гуш эмуним» на оккупированной территории.

Характерно, что «Гуш эмуним» и само пытается стать дополнением к правительственной линии на оккупированной территории. «Как мы можем ожидать от мира, что он воспримет идею о правах нашей армии присутствовать на территории, которая, как мы заявляем, не принадлежит нам?»**. В таких словах один из главных финансистов «Гуш эмуним», израильский промышленник Водак, не только отметил «неполную раскрытость» израильских правительственных программ, но и показал, какое место крайне экстремистское израильское течение может занимать и занимает в осуществлении правительственного курса Израиля по палестинскому вопросу.

* Интервью Ш. Переса органу молодежного отделения Партии труда Израиля журналу «Рамдор» от 24 августа 1976 года.

** The Jerusalem Post, 2 августа 1976.

Этот курс, который пытается «примирить» цели территориального расширения за счет оккупированных территорий с сохранением однонационального состава израильского государства, остается «открытым» для присоединения самых крайних экстремистских израильских групп, что и происходит.

Вместе с тем после войны 1973 г. в Израиле появилась группа лиц, уже не только коммунистов, но и близких к ним, которые всегда поддерживали право палестинцев на самоопределение, но и представителей либеральной буржуазной интеллигенции, начинающих осознавать, что без предоставления палестинцам права создания собственного государства невозможно осуществить урегулирование арабо-израильского конфликта и, в конечном счете, обеспечить безопасное существование Израиля. Появление этой группы, к которой можно с тем или иным основанием отнести бывшего генерального секретаря Партии труда А. Элиава, генерал-майора в отставке, профессора М. Пеледа, профессора Ш. Шамира, преподавателя Еврейского университета в Иерусалиме Е. Спринзака и некоторых других, весьма симптоматично, хотя эти люди очень далеки от того, чтобы быть «законодателями мод» по палестинскому вопросу в Израиле. Однако само появление таких взглядов и определенный рост их популярности непосредственно вытекают из краха сионистских расчетов на возможность «длительного мирного существования» оккупационного режима на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы.

В качестве иллюстрации «идиллического положения», якобы существующего на оккупированных территориях, сионистская пропаганда нередко использует факт разрешения тысячам арабов посещать территорию Израиля. Это мероприятие известно под названием «летние визиты». Визитерам-арабам разрешают повидать своих родственников, но если речь идет об объединении семей, то это осуществляется, как правило, лишь на основе выезда родственников из Израиля, а не наоборот.

Апологеты израильской политики на оккупированных территориях ссылаются также на отсутствие массовой вооруженной борьбы арабов-палестинцев на Западном берегу и в районе Газы. Действительно, широкого вооруженного сопротивления оккупационным властям на захваченных Израилем в 1967 г. землях не было. Одно из объяснений этого кроется в политике запугивания, арестов, высылки, жестоких расправ над теми арабами, кто не только примкнул к сопротивлению, но и проявил к нему сочувствие. Отсутствие широкой партизанской борьбы против оккупантов связано также и с природными условиями территорий, захваченных Израилем в июне 1967 г., – густонаселенное пространство, пустынный ландшафт, нет лесных массивов, труднодоступных горных районов. В то же время лидеры палестинского движения сопротивления сами не раз признавали, что ПДС, особенно в первые годы после «шестидневной войны», игнорировало работу среди населения оккупированных территорий и почти полностью сосредоточилось на укреплении своих позиций в соседних с Израилем арабских странах.

Но все это никоим образом не подкрепляет версию об «удовлетворенном» своей участью населении оккупированных территорий. Весьма характерно, что волны выступлений против оккупационных властей поднимались каждый раз, когда осуществлялись какие-либо меры в связи с палестинским вопросом либо во внутреннем, либо в международном плане. Так было, например, в ноябре 1974 г. во время дебатов на Генеральной Ассамблее ООН.

Новая вспышка сопротивления на оккупированных территориях началась во время обсуждения ситуации на Ближнем Востоке с участием представителей Организации освобождения Палестины в Совете Безопасности ООН в январе 1976 г. События 1974–1976 гг. подтверждают, что сопротивление израильской оккупации

набирает силу. «Пробуждение национального самосознания у жителей Западного берега, – пишет журнал “Jeune Afrique”, – обогатило палестинское движение сопротивления созданием второго фронта, который, в конце концов, станет главным»*.

Таким образом, израильская политика – и это вполне естественно – не могла предложить решение вопроса о самоопределении арабов-палестинцев, проживающих и в Израиле, и на оккупированных землях. Именно израильская политика, препятствовавшая возвращению палестинцев-беженцев к себе на родину, исключила возможность для решения этого вопроса и в отношении третьей части палестинцев, вынужденно покинувших свои родные места и расселившихся в различных арабских странах.

Все годы с момента своего изгнания значительная часть беженцев проживала в палестинских лагерях. После 1967 г. наряду со старыми лагерями возникли новые. Их общее число, по данным УНРВА, на начало 70-х годов составило 64. Скученность, антисанитария, постоянная жизнь в палатках, холод зимой, болезни детей, отсутствие элементарных удобств – все это стало нормой жизни сотен тысяч палестинцев. Лишь немногие из них, в конце концов, получили образование, выехали на заработки в богатые нефтью княжества Персидского залива. Особые позиции заняла палестинская буржуазия в Трансиордании, а затем в Иордании, однако около 40 % палестинских беженцев продолжало жить в лагерях.

Израильские политики любят говорить, что палестинцы искусственно задерживались в этих «резервациях». Существует даже такое «объяснение»: стабильный уровень населения в лагерях поддерживался благодаря ежемесячным пособиям, выплачиваемым агентством ООН для помощи палестинским беженцам. При этом, естест-

* Jeune Afrique. – 18.06.1976. – Р. 39.

венно, не упоминается, что пособия мизерные, явно недостаточные для сколько-нибудь нормального существования.

«Почему арабские государства не абсорбировали эти несколько сот тысяч человек?» – часто восклицают израильские лидеры.

Мы тут вплотную подходим к очень важному вопросу, который имеет принципиальное значение для определения характера конфронтации между Израилем и арабским населением Палестины. Кому противостоит Израиль? Идет ли речь о том, что конфликт определяется и ограничивается отношениями между этим государством и сотнями тысяч беженцев? Либо конфликт сложился между сионистским движением и палестинским народом – массой палестинцев, которые консолидировались в определенную историческую общность людей?

Итак, палестинские беженцы или лишенный национальных прав палестинский народ?

Израильское руководство стремится свести дело к проблеме беженцев*. Жизнь утверждает обратное: речь идет о проблеме исторической общности людей, получившей название арабского палестинского народа.

К такому выводу приходит и значительная часть западных наблюдателей за развитием событий на Ближнем Востоке. Американский «The Middle East Journal» писал: после фазы «палестинцы превращаются в беженцев» наступила фаза «беженцы превращаются в палестинцев»**. А эта цитата взята из статьи, опубликованной в парижской «Notre Republique»: «Наблюдателей, возвращающихся сегодня на Ближний Восток, поражают два относительно новых факта. Первый – это выход на арену самих палестинцев. Речь идет не только о довольно активной деятельности хорошо вооруженных партизан,

* The New York Times, 14 января 1976.

** The Middle East Journal. – Summer 1972. – P. 253.

но и о рождении нации»*. Список подобных высказываний можно было бы при желании значительно расширить.

К выводу о том, что палестинцы являются национальной общностью, пришли даже и некоторые израильские деятели. «Они сами определяют себя как палестинцев, и это дает им сильное чувство общности между собой, – признал бывший генерал израильской армии Е. Харкаби в лекции, прочитанной 18 мая 1968 г. в Тель-Авивском университете. – Преобладающее большинство сохранило свою общность и отношение к Палестине, несмотря на время, тяжелое положение и разочарования, и это действительно было до шестидневной войны. Дети, родившиеся от палестинских родителей в других странах, не идентифицируют себя с населением тех стран, где они родились: скорее, они говорят: “Я из Хайфы” или “Я из Яффы”, демонстрируя таким образом свой “палестинский характер” в специфической, конкретной форме»**.

«Палестинцы могут быть определены как национальная общность благодаря национальному сознанию, общей протяженности территории, на которой проживает большинство из них, истории многих десятилетий, отмеченной битвами и войнами, диаспоре, которая сохраняет связь с палестинской родиной. В то же время это сознание общей национальной катастрофы, жертв, страданий и героизма. Их объединяют общие мечты, и обогащает развивающаяся национальная литература и поэзия», – написал в статье, напечатанной в газете «Давар», А. Элиав***.

«Один факт является наиболее важным: существование палестинского народа признается всем миром, а в настоящее время – даже большинством израильтян»****, –

* Notre Republique, 10 января 1969.

** Israel and the Palestinians / Ed. by Shlomo Avinery. – New York, 1971. – P. 1.

*** Там же. – P. 60.

**** *Goldmann N.* Où va Israël? – Paris: Calmann-Lévy, 1975. – P. 95.

констатировал председатель Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман.

Следовательно, факт существования палестинцев в виде исторической общности людей, народа, а не рассоспанных по различным арабским странам единиц становится широко признаваемым. В результате активной политики Советского Союза положение об интересах палестинского народа нашло отражение в совместных советско-американских документах, подписанных генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым с президентом США Р. Никсоном в 1973 г. и с президентом США Дж. Фордом в 1974 г.* Со стороны США такая констатация была зафиксирована в официальном порядке впервые.

В середине 70-х годов против положения о существовании палестинского народа выступала фактически лишь израильская верхушка, лишь сионистское руководство, оказывающее в этом вопросе влияние и на часть израильского населения. При этом оно опиралось на политическую поддержку Соединенных Штатов, которые во время переговоров с Израилем по вопросу о втором разъединении войск на Синае взяли на себя обязательство не признавать Организацию освобождения Палестины и не вступать с ней в официальные контакты. США упорно сопротивлялись включению этой организации в число участников Женевской конференции по урегулированию ближневосточного конфликта⁶.

Нельзя не сказать о том, что, исходя из тактических соображений, американские представители подчас искали и устанавливали контакты с некоторыми представителями ООП, служившие целям укрепления американских позиций на Ближнем Востоке, – такие случаи, равно как и некоторые полуревверансы в сторону пале-

* См.: Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки (18–25 июля 1973 г.). – М., 1973. – С. 109; Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне (27 июня – 3 июля 1974 г.). – М., 1974. – С. 71.

стинцев со стороны США, получили широкую известность. Но не благодарность президента США палестинцам за помощь в эвакуации персонала американского посольства из Ливана в 1976 г., не контакты с палестинцами с целью обеспечить безопасность американского представителя Дина Брауна в Ливане в том же году, не «меморандум Сондерса», бывшего помощника государственного секретаря США, с призывом решить палестинскую проблему и даже не расплывчатое заявление президента Картера в 1977 г. о необходимости «палестинского отечества» определяли реальную позицию США по палестинскому вопросу в середине 70-х годов.

Политика США сохраняла в этот период все жесткие атрибуты линии, направленной на практическое лишение палестинцев их неотъемлемых прав. И именно это создало условия, благоприятствующие тому, что вопреки жизни, логике, целям мирного урегулирования, да и интересам самого народа Израиля верхушка этого государства игнорировала и игнорирует существование палестинского народа и его законные права.

Процесс консолидации палестинских арабов в национальную общность имеет свою объективную основу: компактное проживание на одной территории в течение тысячелетий, общий для всех палестинцев диалект арабского литературного языка, единая самобытная культура, психический склад, характерный для палестинцев как для исторически сложившегося народа. В то же время в жизни арабского палестинского народа большую роль играет субъективный фактор – национально-освободительная борьба, которую вели и ведут палестинцы. Огромную роль в консолидации палестинцев как народа сыграло движение сопротивления израильской политике, лишавшей их права на самоопределение.

Это движение в различных формах развивалось и до, и после создания государства Израиль – образовывались антиссионистские группы, организации, происходили сти-

хийные выступления. Однако некоторые из таких групп были известны скорее не своим национально-освободительным характером, а связями с реакционными арабскими элементами и в определенной степени с Англией.

Переход к активной фазе борьбы за освобождение обозначился в конце 50-х годов и полностью проявился после израильской агрессии в июне 1967 г.

Одна из наиболее сильных и авторитетных палестинских организаций – «ФАТХ» – была создана в 1958 г. Она провела первую военную операцию на израильской территории 31 декабря 1974 г. Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) официально был создан после июня 1967 г. Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) выделился в самостоятельную организацию в 1968 г. «Сайка» была образована в 1967 г. К концу 1960-х годов относится также создание Народного фронта освобождения Палестины (общее командование), Арабского фронта освобождения Палестины и т. д.

Эти организации – или, во всяком случае, преобладающее их большинство – возникли на основе политических партий в различных арабских странах. НФОП, например, был основан на базе партии «Арабское националистическое движение», действовавшей до 1968 г. в ряде арабских стран, главным образом в Сирии. «Сайка» была образована по прямому решению IX съезда сирийской партии ПАСВ, создание Арабского фронта освобождения Палестины связано с решением иракской партии «Баас». Все это наложило отпечаток на деятельность указанных организаций. Немалое значение имел и тот факт, что палестинские организации финансировались и финансируются различными арабскими странами.

И все-таки абсолютно не правы те западные исследователи, которые представляют палестинское движение сопротивления в целом, даже до 1967 г. (после «шестидневной войны» для подобных выводов вообще нет никаких оснований), как прямое продолжение политики

различных арабских стран. ПДС развивалось под определенным воздействием политических курсов этих стран, но далеко не только в их русле. Причем этот вывод не опровергается и тем фактом, что Организация освобождения Палестины, объединившая большинство палестинских организаций, причем самых дееспособных из них, была образована в 1964 г. по решению совещания глав арабских государств в Александрии. А военное формирование ООП – Армия освобождения Палестины – не только образовалась из офицеров и солдат-палестинцев, служивших в армиях Египта, Сирии и Ирака, но составлявшие ее бригады входили в вооруженные силы этих трех арабских стран.

Вместе с тем в недрах ПДС зрело и мужало чисто палестинское направление, получившее признание как «палестинская революция». Логичным результатом этого была перемена в характере ООП после окончания «шестидневной войны». В декабре 1967 г. со своего поста был смещен бывший руководитель ООП Ахмед Шукейри, известный своим политиканством, безудержно экстремистскими лозунгами и безответственными заявлениями. При Шукейри в организации развился бюрократизм, а также коррупция, источником которой были «взносы» со стороны различных арабских стран. После смещения А. Шукейри основной силой Организации освобождения Палестины стал «ФАТХ». Председателем исполкома ООП был избран руководитель «ФАТХ» Ясир Арафат. С этого момента ПДС начало активную борьбу против Израиля, совершая операции в основном со своих баз, расположенных в пограничных с Израилем арабских странах.

Представление об эволюции ПДС будет неполным, если не остановиться на вопросе об изменении отношения палестинского движения сопротивления к израильским левым силам – от полного отрицания любых элементов или организаций, созданных в Израиле, вне зависимости от их характера до решения Национального

совета Палестины в марте 1977 г. о контактах с израильскими левыми силами и первой официальной встречи делегации ООП с делегацией Коммунистической партии Израиля весной 1977 г. Это отражало усиление классового элемента в ПДС и тоже подчеркивало самостоятельный характер этого движения.

Сообщение о первой встрече делегаций ООП и Коммунистической партии Израиля вызвало резкую критику со стороны реакции. Давая отпор этой критике, генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины Наиф Хаватме сказал, что решения 13-й сессии Национального совета Палестины, на основе которых была организована эта встреча, являются большой победой демократических сил в палестинском движении сопротивления над разного рода шовинистическими реакционными идеями.

Генеральный секретарь ДФОП отметил, что встреча в Праге свидетельствует о готовности ООП осуществлять широкие контакты с антисионистскими силами в Израиле с целью подлинно демократического решения палестинской проблемы. Н. Хаватме решительно опроверг утверждения западной печати и печати некоторых арабских стран о том, что между КПИ и ООП нет и не может быть ничего общего. Он подчеркнул, что КПИ и ООП имеют общую прочную базу для совместной борьбы. Решения 13-й сессии НСП, добавил Н. Хаватме, свидетельствуют о верности и зрелости нашей идейной и политической линии.

Одной из задач, которую поставила перед собой Организация освобождения Палестины, был выход из сферы непосредственного воздействия противоречий арабского мира и через ликвидацию этого воздействия сплочение ПДС на основе чисто палестинских интересов. Не во всем и в отношении не всех организаций удалось добиться поставленной цели – об этом, в частности, свидетельствовали разразившиеся в 1975–1976 гг. события в Ливане.

Однако в целом ПДС превратилось в самостоятельный фактор арабо-израильского конфликта, защищая интересы палестинского народа.

В какой связи находился процесс формирования палестинского народа с тенденцией становления обще-арабской нации? Известно, что в течение ряда десятилетий в арабском мире проявляется стремление к единству, консолидации арабов на национальной основе. Эта тенденция будет развиваться и в дальнейшем, так как этому способствует целый ряд объективных условий. Несомненно, ее развитию будет способствовать и общее «полевение» в арабском мире, установление новых и укрепление существующих революционно-демократических режимов, в конечном счете, победа социализма в арабских странах.

В то же время в арабском мире наряду с тенденцией к складыванию общей арабской нации наблюдаются или уже завершились процессы образования отдельных арабских народов, а в некоторых случаях, возможно, и отдельных арабских наций. Во многом этому способствовало – часто в решающей степени – создание различных арабских государств. Государственный фактор, появление которого в значительной мере явилось результатом империалистической политики раздела арабского мира после Первой мировой войны, искусственно препятствовал объединению арабов, их консолидации на общенациональной основе. Вместе с тем обретение государственности объективно значительно активизировало процесс создания тех или иных народов, иногда достаточно различающихся один от другого. Причем фактор государственности продолжает действовать в этом направлении и в новых условиях – суверенного развития отдельных арабских стран. При отсутствии государственности палестинского народа функцию форсирования процесса национального становления для палестинцев взяло на себя

народное палестинское движение сопротивления экспансионистской политике Израиля.

Итак, можно прийти к выводу, что консолидация арабов-палестинцев в палестинский народ – историческая действительность. Следующий, взаимосвязанный с этим вывод – о праве палестинского народа на самоопределение вплоть до создания собственного государства. Создание национального государства исторически, как правило, происходит на одной из ранних стадий процесса образования нации и уж во всяком случае необязательно завершает этот процесс.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что право палестинского народа на государственность – далеко не только теоретическая, а в условиях ближневосточного кризиса в еще большей степени политическая проблема. От ее решения зависит общее урегулирование арабо-израильского конфликта, что признается всеми непредубежденными наблюдателями.

Как эта проблема может быть решена? Палестинское движение сопротивления в общем требует создания палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. Такой позиции в середине 1970-х годов придерживаются значительная часть Организации освобождения Палестины и некоторые арабские государства. Существуют также планы создания иордано-палестинской или сирийско-иордано-палестинской федерации (конфедерации). Есть идеи возвращения к решениям Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г. о границах двух государств на территории Палестины – Израиля и арабско-палестинского. Нужно сказать, что жесткая бескомпромиссная позиция руководства Израиля в отношении права палестинцев на государственность расширяет круг сторонников реставрации такой карты, предложенной ООН 30 лет назад. Существуют также идеи со стороны отдельных групп палестинцев, требую-

щих создания двунационального палестинского государства не наряду с Израилем, а вместо него. Их появление и относительная распространенность – не что иное, как прямой результат многолетней политики подавления Израилем национальных прав арабского палестинского народа.

Израильское руководство замалчивает весь этот спектр планов решения вопроса о палестинской государственности. Пытаясь подкрепить свою негативную позицию, оно сводит все идеи создания палестинского государства, распространенные среди палестинцев, в том числе и в ПДС, к линии на ликвидацию Израиля. Не беря на себя подробный разбор конкретных моделей будущего палестинского государства, в то же время можно констатировать, что:

- палестинцы являются самобытным народом;
- они обладают законным и неотъемлемым правом на самоопределение;
- формой этого самоопределения может быть создание национального государства – никто не имеет никаких прав воспрепятствовать этому;
- решение палестинской проблемы в середине 1970-х годов заключается в предоставлении права палестинскому народу на государственность и далеко не ограничивается при всей самостоятельной важности этого урегулированием вопроса с палестинскими беженцами;
- для решения палестинского вопроса необходимо также рассмотрение проблемы палестинских беженцев, так как их крупные массы, например компактная группа палестинских беженцев в Ливане, представляют собой выходцев с территории, на которой был в 1948 г. создан Израиль;
- общепризнанным представителем палестинского народа является Организация освобождения Палестины, и полное игнорирование Израилем этого факта, его от-

каз от привлечения ООП к политическому урегулированию ближневосточного конфликта блокируют поиски справедливого и длительного мира на Ближнем Востоке.

Жизнь поставила в порядок дня решение палестинской проблемы, без чего не может быть урегулирован ближневосточный конфликт, одной из главных причин которого были и остаются позиция и политика Израиля в отношении народа Палестины.

Глава вторая

КОНФЛИКТ: ИЗРАИЛЬ – АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Однако являются ли позиция и политика Израиля в отношении арабского народа Палестины единственной причиной ближневосточного конфликта?

Нужно сказать, что в западных странах, да и в некоторых кругах арабского мира существует стремление рассматривать арабо-израильский конфликт исключительно через призму палестинской проблемы. Сторонники «суженной», или «чисто палестинской» трактовки арабо-израильского конфликта, как правило, интерпретируют его следующим образом: создание государства Израиль в Палестине «неизбежными издержками» имело вытеснение арабского палестинского населения, что породило столкновение арабов-палестинцев с Израилем, а это в свою очередь предопределило конфликт арабских государств с Израилем*.

Исходя из концепции, ограничивающей причины ближневосточного конфликта израильско-палестинскими отношениями, многие западные исследователи сводят действия арабских государств в ходе конфронтации с Израилем к «эмоциональной» в связи с трагедией палестинского народа и, как правило, «иррациональной» ре-

* *Galtung J. Conflict Theory and the Palestine Problem // Journal of Palestine Studies. – Vol. II, No. 1. – 1973. – P. 34.*

акции на создание израильского государства на территории Палестины.

Конечно, израильско-палестинские отношения сами по себе сыграли и продолжают играть большую роль, влияя на выработку политики арабских государств. Как уже говорилось, без учета этого фактора невозможен сколько-нибудь серьезный подход и к проблеме мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Однако наряду с этим самостоятельной причиной арабо-израильского конфликта стали отношения Израиля с соседними арабскими государствами. Причем резко конфликтное содержание этих отношений предопределила не только трагедия палестинцев, но и политика Израиля, обращенная непосредственно к арабским государствам и преследующая двойную цель: территориальной экспансии и ликвидации революционных и антиимпериалистических арабских режимов.

Это сказалось и на политике арабских стран, которая подчас принимала крайнюю форму отрицания права на существование Израиля как государства. Такая исторически неприемлемая позиция была во многом спровоцирована территориальной экспансией и непрекращающимися ударами Израиля по граничащим с ним арабским странам.

Идея, согласно которой израильско-палестинский конфликт целиком определяет позицию арабских государств в отношении Израиля, нашла почву для своего развития и «по другую сторону» – в некоторых националистических арабских кругах. «Большинство исследователей Среднего Востока согласны с тем, что палестинский конфликт и в качестве его последствия арабо-израильский конфликт представляют собой долгую, продолжающуюся борьбу за конечное владение Палестиной и окончательное размещение палестинского народа. Военные действия июня 1967 г. просто были вспышкой этой борьбы», – писал один из известных ученых-палес-

тинцев, профессор Северо-Западного университета (США) И. Абу-Лугод*.

Характерно, что сторонники такого подхода среди ультралевых элементов в арабском мире пришли в конце 1960-х – начале 1970-х годов к игнорированию задачи освобождения захваченных Израилем во время «шести-дневной войны» территорий, к выводу о «неактуальности» борьбы в защиту прогрессивных арабских режимов, за продолжение, углубление революционных социально-экономических преобразований в арабском мире, к отказу от признания необходимости связей и сотрудничества с левыми прогрессивными силами в Израиле.

Тот факт, что одной из главных причин арабо-израильского конфликта является политика Израиля, осуществляемая непосредственно в отношении арабских государств, как правило, замалчивается, или ему уделяется недостаточное внимание в западной специальной литературе, посвященной истории, нынешнему состоянию и перспективам разрешения конфликта. Между тем это весьма важная его характеристика, причем важная с точки зрения поисков путей политического урегулирования конфликта.

I. Цель – возможно бóльшая территория

Еще создатели сионистского движения довольно свободно трактовали границы предполагаемого государства. 29 октября 1899 г. один из видных сионистов, Дэвис Трич,

* *Abu-Lughod I.* Israel's Arab Policy. The Arab-Israeli Confrontation of June 1967. On Arab Perspectives. – Northwestern University Press, 1970. – P. 66.

писал основателю движения Теодору Герцлю: «Я бы предложил вам обратиться со временем к программе Великой Палестины, пока еще не слишком поздно. Базельская программа должна содержать слова “Великая Палестина” или “Палестина и соседствующие с ней земли”, иначе она становится просто ерундой. Невозможно привлечь 10 миллионов евреев на землю площадью 25 тысяч квадратных километров»*.

Территориальная экспансия стала составной частью политики сионистского руководства, начавшей активно осуществляться в период Первой мировой войны.

В результате войны весь район Арабского Востока, включая и Палестину, был поставлен под военный и политический контроль Англии и Франции. Еще в 1916 г. тайным соглашением Сайкса – Пико Англия и Франция разделили арабский мир на сферы влияния⁷. Палестина должна была быть включена в зону «международного контроля». На последних этапах войны и сразу после ее окончания резко обозначились противоречия между Англией и Францией. Две империалистические державы выступили с взаимными притязаниями, пытаясь расширить сферы своего контроля в арабском мире.

Одновременно начал проявляться и другой фактор – деятельность арабских национальных сил, добивающихся независимости. Принимая с 1916 г. участие в войне на стороне Антанты, они получили щедрые обязательства от Лондона включить в послевоенную структуру Ближнего Востока ряд самостоятельных арабских государств. Соглашение Сайкса – Пико и последовавшие англо-французские соглашения и договоренности по сути дела перечеркивали все эти обещания и обязательства.

В создавшихся условиях руководство сионистского движения связало себя с политикой империалистических государств, и не в последнюю очередь это было

* Цит. по: *Rabinowitz O.K. A Jewish Cyprus Project. – New York, 1962. – P. 17.*

продиктовано его территориальными планами. Речь не шла и не могла идти о возможных совместных с национальными арабскими силами акциях против притязаний Англии и Франции на район арабского Востока. Правда, лидер сионистского движения Х. Вейцман имел несколько встреч с дамасским правителем эмиром Фейсалом (4 июня вблизи Акабы и 11 декабря 1918 г. в отеле «Карлтон» в Лондоне), однако главная цель этих встреч – ослабить сопротивление арабов идее создания «еврейского национального очага» в Палестине.

В условиях обострившихся англо-французских противоречий сионистское движение сознательно поставило себя на службу английской ближневосточной политике. Это в полной мере устраивало Англию. 2 ноября 1917 г. в Лондоне была опубликована декларация Бальфура, в которой провозглашалось намерение английского правительства создать «еврейский национальный очаг» в Палестине. Лондон мотивировал эту декларацию требованиями военного времени, в частности стремлением обеспечить участие евреев на стороне Антанты. «В действительности же эта декларация была обусловлена, прежде всего, послевоенными планами Англии. Она давала англичанам аргументы в пользу британского мандата на Палестину и против “международного управления”, предусмотренного соглашением Сайкса – Пико. Ведь в силу декларации Бальфура англичане брали на себя определенные обязательства перед “мировым еврейством”, и для выполнения этих обязательств они, и только они одни, должны были управлять “обетованной землей”», – писал известный советский историк-арабист В.Б. Луцкий*.

Лидеры сионистского движения стремились через претворение в жизнь декларации Бальфура обеспечить

* *Луцкий В.Б.* Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918–1919 гг.). – М., 1966. – С. 43.

условия для проникновения в Палестину. Можно считать, что в тот период главными тактическими целями руководителей движения были следующие: обеспечение беспрепятственной иммиграции в Палестину; внедрение в политическую практику интерпретации понятия «национальный очаг» как «национального государства»; определение границ этого «очага» или «государства» на максимально возможной широкой основе; создание условий для экономической и культурной экспансии за определяемые на текущий момент границы «национального очага».

По расчетам сионистских лидеров, наилучший статус для земель, с которыми были связаны те или иные их претензии, создавался установлением британского контроля, и они считали необходимым способствовать расширению этого контроля на как можно большую территорию и уж во всяком случае на Палестину, которая, как уже говорилось, по соглашению Сайкса – Пико должна была отойти под «международный контроль».

Все эти установки легли в основу позиции сионистской делегации на Парижской мирной конференции в 1919 г. В своей работе «Арабо-израильский конфликт – его история в картах» Мартин Гилберт пишет: «Обещание, заложенное в декларации Бальфура, стимулировало сионистов выдвинуть практические предложения»*. В феврале 1919 г. сионистская организация представила свой первый план Парижской мирной конференции, по которому будущее израильское государство должно было включить в себя значительную часть ливанской территории на севере вместе с портами Тир и Сайда, большую часть территории нынешней Сирии, включая Голанские высоты, города Баниас и Кунейтра, весь Западный берег реки Иордан, а на юге – порт Акаба, район Газы, значи-

* *Gilbert M. The Arab-Israeli Conflict: Its History in Maps. – London, 1974. – P. 11.*

тельную часть Синайского полуострова. Границы этого государства, обозначенные на карте, должны были проходить буквально в пяти милях от Аммана, в пятнадцати милях от Дамаска и в двадцати милях от Бейрута*.

Несмотря на то что план, предложенный сионистами, был отвергнут, он существовал, о нем знали в арабском мире, и он не мог не вызвать резко отрицательную реакцию в зарождающемся арабском национально-освободительном движении.

После установления английского мандата над Палестиной сионистское движение главную ставку сделало на освоение этой подмандатной английской территории. Началась сложная борьба за расширение иммиграции, приобретение арабских земель, но одновременно продолжались поиски путей выхода за рамки английской подмандатной территории. В 1921 г. Англия предоставила «независимость» Трансиордании – было образовано арабское княжество во главе с эмиром Абдаллой, подчиненное английскому верховному комиссару в Палестине. С этого момента планы сионистского движения оказались связаны с экспансией в Трансиорданию.

В 1921 г., сразу же после создания эмирата Трансиордании, Х. Вейцман обсуждал с английским полковником Мейнерцхагеном возможность «обмена» этого района на морские и воздушные базы в Хайфе, Газе и Яффе, которые были бы предоставлены Британии будущим израильским государством**. Выступая в 1926 г. в Иерусалиме, Вейцман предложил «мирную инфильтрацию» в район Трансиордании. «Дорога через мост Алленби, по которой мы войдем в Трансиорданию, будет проложена не солдатами, а еврейским трудом и плугом», – заявил он. Эти же идеи были изложены в выступлении на 17-м сионистском конгрессе в 1931 г. Бен-Гурионом, который

* Там же.

** *Meinertzhagen R. Middle East Diary.* – London: The Cresset Press, 1959. – P. 132.

сказал следующее: «Иордан вовсе не обязательно является вечной границей для нашей эмиграции расселения... Не устраняя мандата, мы должны потребовать право селиться в Трансиордании; тот факт, что она закрыта для нас, не совпадает со статьями мандата и не учитывает жизненные экономические потребности этого плодородного, но недостаточно населенного и бедного района»*.

С проблемой территориального расширения за счет арабских земель во многом были связаны противоречия, развернувшиеся в самом сионистском движении в 1930-х гг. Образовавшаяся Ревизионистская партия во главе с В. Жаботинским сразу же встала на крайне экстремистские позиции. Вскоре этой партией была создана террористическая военная организация «Иргун цвай леуми», провозгласившая своей основной целью вооруженную борьбу против англичан и арабов, за безграничное расширение иммиграции, которая, по словам Жаботинского, «должна была быть последним шагом на пути превращения всей Палестины и Трансиордании... в еврейское государство»**.

Но можно ли считать, что для арабского окружения представляло опасность лишь одно какое-либо крыло сионистского движения, например Ревизионистская партия Жаботинского либо пришедшая ей на смену созданная Менахемом Бегоном в 1948 г. на базе «Иргун цвай леуми» крайне реакционная партия «Херут»?

Ревизионистская партия в то время была, пожалуй, самой откровенной выразительницей тех идей, о которых лидеры некоторых других сионистских политических партий и организаций предпочитали умалчивать или, во всяком случае, не так часто распространяться публично. Сам Жаботинский в полемике с другими сио-

* The Transformation of Palestine. – P. 21.

** Цит. по: *Kurzman D.* Genesis 1948. – Cleveland: World Publishing Co., 1970. – P. 55.

нистскими лидерами писал, что они мыслили одними с ним категориями, «но предпочитали не говорить об этом открыто, руководствуясь ошибочным представлением, что можно обмануть арабов с помощью более умеренных формулировок о сионистских целях». Разговорам о «мирном расширении», «мирной инфильтрации», заинтересованности арабов в «сотрудничестве с новыми поселенцами даже за пределами Палестины» Жаботинский противопоставил неприкрытые идеи «железной стены» против арабов, которые «лишь в таком случае почувствуют, что у них нет другой альтернативы, кроме как принять еврейские поселения»*. Взгляды Жаботинского «служили идеологическим оправданием примитивных и шовинистических лозунгов, которые помогли отравить арабо-израильские отношения в 1930–1940-х годах», – пишет профессор В. Лакер в своей работе «История сионизма»**.

Таким образом, во время «английского периода» сионистским движением постоянно вынашивались идеи и предпринимались попытки расширить «национальный очаг», или будущее государство Израиль, не только в границах Палестины, но и за счет территории соседних с Палестиной арабских стран.

После переориентации на Вашингтон сионистского руководства, вступившего в конфликт с британской колониальной администрацией, экспансионистская линия в его политике далеко не потеряла своего значения. 3 мая 1943 г. генерал Патрик Херли – личный представитель Рузвельта на Ближнем Востоке – докладывал президенту США: «Сионистская организация в Палестине указала на свою поддержку следующей расширенной программы: 1) создание суверенного еврейского государства, включающего Палестину и даже, возможно, Транс-

* Цит. по: *Laqueur W. A History of Zionism.* – London: Weidenfeld & Nicolson, 1972. – P. 256–257.

** Там же. – P. 257.

иорданию; 2) возможный перевод арабского населения из Палестины в Ирак; 3) руководство всем Ближним Востоком в области экономического развития и контроля»*.

В 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании двух государств на территории Палестины – еврейского и арабского – и определила их границы. Это решение стало юридической основой для создания государства Израиль и в этой части было, естественно, поддержано сионистским руководством. Этого нельзя сказать о другом положении резолюции, фиксирующем границы будущего израильского государства.

Время между решением Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 г. и провозглашением Государства Израиль в мае 1948 г. было использовано сионистской верхушкой для максимального, при имевшихся возможностях, расширения территории создаваемого государства. Экспансионистская практика осуществлялась в различных направлениях. Вооруженные отряды захватили и оккупировали целый ряд арабских деревень и города Яффа и Акра, расположенные на территории, отведенной, согласно решению ООН, под арабское государство. Был совершен целый ряд вооруженных вылазок в пределах территории, отведенной решением ООН под «международную зону Иерусалима». 9 апреля 1948 г. была атакована деревня Дейр-Ясин. Кровавая расправа над ее населением имела целью запугать арабов «международной зоны» и заставить их покинуть свои родные места. Через 20 дней после этого сионистскими отрядами был захвачен арабский квартал Катамон в Иерусалиме.

За два дня до окончания английского мандата и за три дня до провозглашения Израиля, 12 мая 1948 года, Всемирная сионистская организация обсуждала «Декларацию независимости». Между участниками обсуждения

* United States: Foreign Relations of the United States, 1947: The Near East and Africa. – Vol. V. – Washington: United States Government Printing Office, 1971. – P. 776–777.

возникли разногласия по вопросу о том, включать или не включать в первый документ израильского государства определение его границ. Причем, как свидетельствует участник обсуждения Бен-Гурион в своей книге «Персональная история Израиля», этому вопросу придавалось особое значение. Победила точка зрения, которую отстаивал Бен-Гурион, – не определять границы создаваемого государства. «Ничто не обязывает нас упоминать о территориальных границах. Нация, провозглашающая свою независимость, не должна определять своих границ. Нам не следует ничего говорить о них, потому что мы знаем, какие они будут. Мы приняли резолюцию ООН, а арабы – нет. Они готовят войну против нас. Если мы победим их и захватим Западную Галилею или территорию по обеим сторонам дороги в Иерусалим, эти районы станут частью израильского государства», – писал Бен-Гурион*.

Характерно, что об этом Бен-Гурион говорил еще до начала первой палестинской войны, вспыхнувшей сразу же после провозглашения государства Израиль. Как известно, во время палестинской войны арабские страны, подталкиваемые британским империализмом, ввели свои войска на территорию Палестины с целью ликвидации Израиля. Однако, как отмечается в личных воспоминаниях Бен-Гуриона, Израиль еще до этого твердо намечал в качестве важнейшей цели на будущее территориальную экспансию. Безусловно, это было одной из причин, инициирующих военные действия со стороны арабских государств.

Когда сбылось «предсказание» Бен-Гуриона и израильская армия действительно оккупировала ряд арабских территорий, в правительстве Израиля вновь возникли дебаты по территориальному вопросу. Причем

* *Ben-Gurion D. Israel. A Personal History.* – Tel-Aviv: Sabra Books, 1972. – P. 76–77.

большинство израильских руководителей высказывались за аннексию всех захваченных территорий, что и произошло. Бен-Гурион описывает заседание правительства 16 июня 1948 г., во время которого выступил министр иностранных дел со следующими словами: «Мы не можем согласиться с резолюцией от 29 ноября [резолюция Генеральной Ассамблеи о создании двух государств на территории Палестины. – *Е.П.*], в соответствии с которой большая территория, находящаяся под арабским суверенитетом, отделяет Иерусалим от государства Израиль. Мы захватили коридор от Тель-Авива до квартала Ромема в Иерусалиме, и арабы ушли. Будущее Израиля будет зависеть от того, что произойдет с западными подступами к городу. Это одно из территориальных изменений, которое мы должны сохранить при всех условиях»*.

Как видно, в израильском руководстве уже в то время не ограничивались задачей присоединения ряда территорий, захваченных во время первой палестинской войны. Ставилась цель долговременной экспансии, включающей в себя в качестве первоочередной задачи аннексию всего Иерусалима. Эту мысль без всяких дипломатических уверток выразил сам Бен-Гурион. Подводя итоги длившейся целых два месяца дискуссии в правительстве, он заявил следующее: «Мы, очевидно, должны сделать все от нас зависящее, чтобы Иерусалим и дорога к нему остались в наших руках... Мы получим возможность немедленно перевести правительство в Иерусалим. Если бы Латрун находился в наших руках, я бы предложил осуществить такой перевод немедленно, после заключения соглашения о перемирии без формальной аннексии города. Не надо никаких деклараций, должны быть дела! Следует создавать факты. Если бы Иерусалим уже был в наших руках, разве бы мы перевели правительство сюда (в Тель-Авив)?»**

* *Ben-Gurion D. Israel. A Personal History.* – P. 149.

** Там же. – P. 235.

Весьма знаменательно, что в документах и материалах, издававшихся или публиковавшихся в Израиле в то время, аннексия арабских земель в результате первой палестинской войны не назывались иначе, как «освобождением территорий». «Мы освободили Негев и Галилею, так что земля там может быть использована для организации поселений в широком масштабе»*, – писал, например, премьер-министр Израиля в своем дневнике 7 января 1949 г.

Даже значительное во время войны 1948 г. расширение границ Израиля по сравнению с планом ООН о разделе Палестины не удовлетворило некоторых в руководстве. Через 16 лет после этой войны между бывшим премьер-министром Бен-Гурионом и бывшим командующим израильской армией Игалом Алоном разразился спор по поводу того, кто виноват в том, что Израиль не смог... еще больше увеличить свою территорию в 1948 г. Всячески поддерживая и «поднимая» в противовес «группе Меир», к которой принадлежал Игаль Алон, своего воспитанника Моше Даяна, Бен-Гурион в интервью израильской газете «Габокер» 1 марта 1964 г. заявил следующее: «Границы еврейского государства были бы шире, если б Даян был нашим командующим в 1948 году». В ответ на это возмущенный Алон в свою очередь обвинил Бен-Гуриона в том, что он сам своими приказами помешал еще большему расширению Израиля уже в 1948 г. «Если бы не приказ Бен-Гуриона о прекращении огня, – заявил Игаль Алон, – наши войска оккупировали бы реку Литани на севере (Ливан) и Синайскую пустыню – на юге (Египет), а также освободили бы *всю нашу родину* [подчеркнуто мной. – Е.П.]».

Война 1948 г. закончилась соглашениями о перемирии, но они не изменили политику израильского правительства, направленную на практическое расширение

* Там же.

границ государства. По египетско-израильскому соглашению о перемирии, подписанному 24 февраля 1949 г., Израиль, как известно, не получал выхода к заливу Акаба. Однако сразу же после подписания этого соглашения, в марте 1949 г., была организована израильская военная экспедиция под руководством генерала Алона, которая совершила рейд в Южный Негев, вышла к заливу Акаба и оккупировала арабскую деревню Умм-Рашраш на его берегу. На месте этой деревни был основан израильский порт Эйлат.

Через год после этого, 20 марта 1950 г., Израиль вопреки протестам смешанной комиссии по перемирию оккупировал Бир-Каттат на границе с демилитаризованной зоной. Когда Совет Безопасности ООН был информирован об этом, Израиль обещал отвести свои вооруженные силы. Однако Бир-Каттат был вновь оккупирован Израилем в сентябре 1955 г.

21 сентября этого же года воинские подразделения были введены в демилитаризованную зону Эль-Ауджа и размещены в ней в виде «новых сельскохозяйственных поселений». Израиль отказался вывести эти части, несмотря на оказанный на него нажим, в том числе со стороны генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда*.

Спустя почти год, 21 августа 1956 г., израильтяне отказались от участия в совещании смешанной комиссии по перемирию, штаб которой был расположен в Эль-Аудже, а через два месяца в районе Газы, Биершебы, Эль-Ауджи Израилем были сконцентрированы силы, которые явились ударной группировкой, брошенной на Синай 29 октября 1956 г., когда началась тройственная агрессия против Египта⁸.

Линия на расширение границ израильского государства стала официальной доктриной правительства Бен-

* *Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's.* – New York: Knopf, 1969. – P. 247.

Гуриона, подготовившего совместно с английскими и французскими колониальными кругами тройственную агрессию против Египта. Выступая в 1952 г. на съезде партии «Мапай», Бен-Гурион сказал: «Я соглашусь сформировать кабинет при одном условии, а именно использовании всех возможных средств для расширения на юг»*.

Официальная израильская пропаганда в 1956 г., уже в день вторжения на территорию Египта, выдвинула лозунг «освобождения исконно израильских земель». Под этим лозунгом, имевшим явно внутреннюю направленность (для внешнего потребления использовались другие «аргументы», назывались другие побудительные мотивы вторжения израильских войск на Синай), израильская армия развернула военные действия против Египта. К началу нападения израильское информационное агентство подготовило бюллетень, в котором утверждались «тысячелетние права» Израиля на Синайский полуостров. Когда армия достигла горы Синай, премьер-министр Израиля приветствовал это в кнессете словами: «Вы вернули нам место, где евреям был дан закон и где мы были признаны избранным народом»**.

«Армия не пыталась оккупировать вражескую территорию, принадлежащую Египту, а ограничила свои действия освобождением территории от северного Синая до берегов Красного моря»***, – эти слова тоже были произнесены в кнессете Бен-Гурионом.

Как известно, под давлением мировой общественности, в результате твердой позиции, занятой СССР и рядом других государств, Израиль был вынужден через несколько месяцев после вторжения вывести свои войска с египетской территории – Синайского полуострова. Од-

* Цит. по: *Hadawi S.* Palestine in Focus. – Beirut: Palestine Research Center, 1968. – P. 95.

** *Kadi L.* A Survey of American-Israeli Relations. – Beirut: Palestine Research Center, 1969. – P. 87.

*** The New York Times, 8 ноября 1956.

нако этот вынужденный отвод войск отнюдь не означал отказа от территориальных претензий израильского руководства. В речи, произнесенной в кнессете 8 ноября 1956 г., то есть уже в то время, когда израильским руководителям стала ясна неизбежная перспектива вывода войск, Бен-Гурион заявил следующее: «Наша кампания имела три цели:

- 1) разгромить войска противника, угрожающего нашей стране;

- 2) освободить часть нашей родины, все еще находящейся под вражеской оккупацией;

- 3) обеспечить свободу прохождения по Акабе и Суэцу».

«В настоящий момент, – продолжал израильский премьер-министр, – мы достигли только первой из двух целей, но у меня нет никаких сомнений, что мы достигнем и две другие в недалеком будущем»*.

Лозунг «освобождения исконно израильских земель» был принят на вооружение израильской армией и в связи с «шестидневной войной» в июне 1967 г. Однако это произошло не сразу и не так явно и открыто, как в октябре–ноябре 1956 г. Тель-Авив стремился максимально использовать в своих интересах особенности ситуации, сложившейся перед израильским нападением, главным образом некоторые безответственные заявления тогдашних палестинских лидеров, а также концентрацию египетских войск на Синае, вызванную израильскими угрозами в адрес Сирии, но ловко представленную Тель-Авивом в качестве «прелюдии» «неизбежного вторжения» египетских войск в Израиль.

Нагнетая сообщения о переброске египетских войск на Синай, израильская пропаганда целенаправленно создавала у своего населения настроение неизбежности войны. Очевидцы рассказывали о подавленности тысяч и тысяч людей в Израиле в дни, предшествовавшие из-

* Middle East Forum. – Vol. XLIII, No. 2–3. – 1967. – P. 7.

райскому наступлению. Многие из них или их близкие пережили ужасы фашистского террора во время Второй мировой войны – погромы, гетто, концентрационные лагеря, и им усиленно внушалась мысль, что «египетские варвары» вот-вот могут ворваться в Израиль. Такой пропаганде помогали отдельные безответственные и шовинистические заявления в арабских странах.

Однако через некоторое время после окончания «шестидневной войны», когда Тель-Авиву уже удалось выжать максимальную для себя пользу из таких заявлений, израильские политики стали открыто говорить о намерениях «не отдавать» арабам Голанские высоты, Шарм-эш-Шейх, район Газы. Кнессет принял официальное решение об аннексии восточного Иерусалима. Французская газета «Le Monde» писала, что на всех изданных после «шестидневной войны» израильских картах в границу этого государства включались Газа, Голанские высоты, Западный берег Иордана и Синай.

Территориальные «претензии» к арабам после войны 1967 г. стали звучать все громче. При этом в пользу аннексии значительной части арабских территорий использовались в основном два «аргумента». Одним из них по-прежнему была традиционная ссылка на «исторические права». Так, 16 марта 1972 г. кнессет принял резолюцию, в которой называлось «бесспорным» «историческое право еврейского народа на библейскую израильскую землю». Корреспондент агентства UPI в Иерусалиме снабдил сообщение об этой резолюции следующим комментарием: «Восточная граница исторической земли Израиля, определенной в Ветхом завете, глубоко вклинивается в Иорданию, а северная граница простирается до реки Евфрат в Сирии». По словам американского корреспондента, в израильских правительственных кругах заявили, что в «идеях» резолюции кнессета нет ничего нового, за исключением того, что об этом еще никогда не говорилось в резолюции кнессета.

Вскоре после «шестидневной войны» израильское руководство, стремясь оправдать линию на территориальную экспансию, стало в своих пропагандистских выступлениях активно использовать и другой «аргумент», акцентируя внимание на необходимости создать «безопасные границы» для Израиля. Этот «аргумент» тоже не выдерживает никакой критики. Известно, что в век бурного развития военной техники безопасность той или иной границы создается отнюдь не возможностью отодвинуть ее на несколько миль, а ее общепризнанностью. Этот факт в определенной степени уже подтвердили события октября 1973 г.⁹, которые, по словам лондонской газеты «The Times», заставили многих пересмотреть свои прежние представления о том, что «Израиль может держать события под контролем, пересидеть их на своих границах и дожидаться, пока арабы не пойдут на уступки»*. Известно, как много говорили раньше израильские лидеры о «безопасной границе» по Суэцкому каналу, укрепленной так называемой «линией Бар-Лева»¹⁰. Между тем эта линия была на всем протяжении прорвана египетскими войсками в самом начале войны. А после войны по соглашению о разъединении войск израильтяне отошли от Суэцкого канала вглубь Синая, и, кстати, представители израильского командования при этом заявили, что после отхода безопасность Израиля не пострадала.

Одним из главных направлений своей «арабской политики» израильское руководство сделало «освоение» захваченных во время «шестидневной войны» земель на Западном берегу реки Иордан, на Голанских высотах, в Газе и на Синае. На оккупированных территориях, как уже говорилось, был создан целый ряд пунктов для израильских поселенцев, что непосредственно связано с курсом, направленным на аннексию захваченных в июне 1967 г. арабских территорий. Бывший в то время мини-

* The Times, 15 января 1974.

стром обороны Израиля Моше Даян заявил, что «новые поселения на оккупированной территории напоминают деревья, глубоко пустившие корни в землю, а не цветы в горшках, которые можно переносить с одного места на другое». «Где бы мы ни создали населенный пункт, – добавил генерал Даян, – мы не покинем ни этот населенный пункт, ни это место».

Такая политика сохранила свой преимущественный характер и после смены израильского руководства, следовавшей за Октябрьской войной 1973 г., и при М. Бегине, которому принадлежит официальное заявление о том, что территории Западного берега и Газы являются не оккупированными, а «освобожденными».

На начальном этапе большинство израильских поселений на оккупированных территориях были созданы в виде так называемых военных форпостов Нахаль¹¹, которые широко рекламировались в качестве «оборонительных», якобы необходимых для обеспечения безопасности Израиля. Подобное обоснование явно противоречило логике: Израиль оккупировал арабские территории, продолжал наносить удары по соседним арабским государствам, и в таких условиях сам Даян в конце концов признал, что с точки зрения безопасности государства создание еврейских поселений на оккупированных территориях не имеет большого значения.

Не случайно вскоре эти поселения, созданные под видом осуществления «мер безопасности», начали принимать форму, соответствующую той идее, которая с самого начала была в них заложена израильским правительством: больше двух третей израильских поселений на оккупированных арабских землях уже к 1973 г. были превращены в гражданские населенные пункты. Израильские поселенцы начали «вживаться» в местную структуру, скупать (часто принуждая арабов продавать им участки земли) или реквизировать арабские земли. Все это напоминало методы, применявшиеся сионистским руко-

водством в преддверии создания государства Израиль и в начальный период его существования.

Есть основания считать, что израильская политика «освоения» захваченных в июне 1967 г. арабских земель была рассчитана на два варианта: «максимальный» и «минимальный». Первый – это выдвижение границ Израиля далеко за пределы существовавших на 4 июня 1967 г. линий разграничения сил. «Любому человеку, любопытствующему по поводу того, как израильские лидеры видят будущее своего государства и его окончательные границы, нужно лишь бросить взгляд на карту 68 израильских поселений, основанных на оккупированных территориях после 1967 года, – писал специальный корреспондент газеты “The New York Times” Т. Смит. – Соедините кружки, которыми обозначены поселения, – совсем как в детской игре – и возникнут новые границы»*.

О втором – «минимальном» – варианте писал со слов израильских официальных лиц французский журнал «Le Monde diplomatique»: «Если будущие границы не будут соответствовать пожеланиям Израиля, нет никаких оснований для того, чтобы еврейские поселения не существовали по ту сторону границы – на иорданской территории (или на территории палестинского государства)»**.

Территориальная экспансия, осуществляемая израильским правительством, стала после 1967 г. самым серьезным препятствием на пути мирного политического урегулирования арабо-израильского конфликта. В книге «Путь к Рамадану» один из наиболее осведомленных и близких к президенту Насеру людей, М.Х. Хейкал, писал, что в 1968–1969 гг. египетскому президенту дважды предлагали из различных иностранных источников посредничество или организацию контактов с израильским руководством с целью найти пути урегулирования. Оба

* The New York Times, 12 мая 1976.

** Цит. по: Международный ежегодник. Политика и экономика. 1973. – М., 1973. – С. 219.

раза Насер говорил одно и то же: «Принесите мне от израильского правительства карту с обозначением тех окончательных границ, которые оно хотело бы получить для своего государства»*. «Посреднические услуги» на этом прекращались.

Хейкал описывает одну из встреч Насера с высшими египетскими офицерами и цитирует президента, который, касаясь политической линии израильских премьер-министра Эшколя и министра обороны Даяна, сказал следующее: «Они хотят территориальных расширений и теперь думают, что имеют шансы для этого. Я не вижу возможности того, что они эвакуируют свои войска, если бы даже сами захотели поступить таким образом, так как они накормили слишком многими обещаниями свой народ»**.

Нужно сказать, что идеи территориальных приобретений действительно широко распространились среди населения Израиля. Спектр побуждений высказываться в пользу аннексии целого ряда земель, захваченных у арабских стран в 1967 г., довольно широк: начиная с уже упомянутых лжетеорий о «безопасных границах», продвинутых в глубь арабских территорий, библейских обоснований «прав» Израиля на различные районы и кончая «историческими параллелями», якобы свидетельствующими о том, что вне зависимости от характера войны выигравшее ее государство обретает «право на расширение». Так или иначе, но в конце 60-х – начале 70-х годов все опросы общественного мнения, проводимые в Израиле, показывали весьма своеобразную картину: если преобладающая часть опрошенных высказывалась за мирное урегулирование с арабами, то большинство из них одновременно требовали аннексии арабских земель.

Характерны в этом плане результаты опроса, проведенного совместно американскими службой Харриса

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – London: Collins, 1975. – P. 60.

** Там же. – P. 54.

и журналом «Time» в апреле 1971 г.: 93 % опрошенных выразили удовлетворение по поводу аннексии Израилем Восточного Иерусалима, 86 % заявили о своем желании аннексировать Голанские высоты, 72 % – Шарм-эш-Шейх, 47 % – Восточный Синай, 49 % – район Газы, 39 % – Западный берег реки Иордан.

«Единственная территория, – писал журнал “Time”, – которую значительное число израильтян в общем и целом готово оставить, – это песчаная западно-синайская пустыня»*.

Положение несколько изменилось после Октябрьской войны 1973 г., которая была серьезнейшим потрясением для населения Израиля, подвергла сомнению многие из его прежних представлений, нередко возводимых в ранг аксиом. В начале ноября 1973 г., по данным опросов общественного мнения, лишь 10 % израильтян выступило против какого бы то ни было ухода с оккупированных территорий, 36 % были согласны вернуть часть земель, и несколько больше половины (54 %) высказались за возвращение их «значительной части». «Хотя даже выступившие за отказ от “значительной части” оккупированных земель не стоят на позиции действительно справедливого урегулирования конфликта, – писала советская исследовательница И. Звягельская, – резкое увеличение этой группы в ноябре 1973 г. свидетельствует об определенном прозрении широких кругов»**.

Действительно, после октября 1973 г. усилилась дифференциация в израильском общественном мнении по вопросам мира, ухода с оккупированных территорий. Усилились антимилиитаристские настроения в либеральных кругах. Появилась группа, не согласная с экспансионистским курсом руководства в правящей в то время Партии труда. После Октябрьской войны эта группа со-

* Time Magazine. – 12.04.1971. – P. 27.

** Мировая экономика и международные отношения. – № 5. – 1975. – С. 114.

брала около 10 тысяч подписей под петицией израильскому правительству. По словам газеты «Le Monde», «в петиции выражалось требование положить конец аннексионистской политике, с помощью которой нельзя добиться мира или предотвратить новую войну»*.

«Разве они не видят, что делают с Израилем своим подсчитыванием километров, эти наши лидеры с умом, подобным крохотной счетной линейке! – воскликнул один из профессоров Еврейского университета в Иерусалиме в беседе с автором книги “Чей Иерусалим?” Р. Сегалом. – Они напоминают людей, которые строят плотину из песка, слепо повернувшись спиной к морю»**.

Но, несмотря на происходящие изменения в общественном мнении Израйля, все еще весьма большая часть его населения не вырвалась из плена штампов, в течение длительного времени создаваемых повседневной шовинистической пропагандой, которую направляют руководители страны. Одним из основных элементов такой пропаганды, имеющей отношение к перспективам урегулирования ближневосточного конфликта, является утверждение, что мир, дескать, удастся рано или поздно «навязать» арабам в условиях присоединения к Израйлю ряда территорий, захваченных в июне 1967 г. Такая полностью оторванная от жизни формула порождает целый ряд вопиющих несоответствий в израильской позиции, подчеркивает пропасть между заявлениями израильского руководства, в которых выражается стремление к миру с арабскими странами, и его же конкретными делами и вынашиваемыми планами, которые нарочито создают непреодолимые препятствия на пути продвижения к миру.

Очень модно, например, говорить в Израиле, что его руководство готово без всяких предварительных условий приступить к переговорам с арабскими странами о мир-

* Le Monde, 13 декабря 1973.

** Segal R. Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel. – London: Jonathan Cape, 1973. – P. 254–255.

ном урегулировании. «Давайте сядем за один стол, – любила повторять Г. Меир, бывший премьер-министр Израиля, обращаясь с призывом к руководителям арабских стран приступить к переговорам, – и все вопросы будем решать с глазу на глаз, без каких бы то ни было предварительных требований друг к другу». Однако наряду с этим – как будто бы здесь не содержится полностью непримиримого противоречия – выдвигались и выдвигаются утверждения о «неоспоримых», «безусловных» и «не подлежащих дискуссии правах» Израиля на ту или иную арабскую территорию, оккупированную в 1967 г.

Красноречивый пример такой политической эквилибристики дает резолюция кнессета, отвергнувшая предложение короля Иордании Хусейна об объединении Восточного берега с захваченным Израилем Западным берегом реки Иордан. Принятая 16 марта 1972 г. 44 голосами при 4 «против» и 27 воздержавшихся резолюция кнессета, конечно, включила в себя «обязательную» фразу о «неизменном желании» Израиля вести переговоры «без предварительных условий с любой стороны». Вместе с тем резолюция установила, что исторические права еврейского народа на землю Израиля не подлежат оспариванию. Характерно, что 27 депутатов кнессета, главным образом принадлежащих к правому оппозиционному блоку «Гахал», воздержались, потому что, судя по дебатам, их не устраивала терминология «земля Израиля» – они хотели бы еще более определенной фиксации не подлежащих оспариванию «прав» Израиля на Западный берег реки Иордан*.

«Что случилось с прежним обетом добиваться переговоров “без предварительных условий”? Разве теперь наличие предварительных условий “не подлежит оспариванию”?» – писал в газету «Jerusalem Post» один из ее читателей, возмущенный резолюцией кнессета. «Я боюсь, –

* Jerusalem Post, 28 марта 1972.

добавил он в своем письме, – что это глубокая брешь в политике и опасное препятствие на пути к урегулированию, и это как раз то, что нашим противникам нужно доказать: мы не имеем серьезных намерений вступить в какое бы то ни было урегулирование»*.

К сожалению, в Израиле звучит все-таки немного таких голосов; их стало больше, но они далеко не преобладают. А между тем, пока существует «замкнутый круг», как пишет Р. Сегал, «ужесточение линии израильского правительства соответственно ужесточает израильское общественное мнение, а это в свою очередь делает правительство менее гибким»**.

Израильское руководство не изменило своей ставке на расширение территории и в условиях посреднической миссии США, предпринятой с целью привести дело к частичному урегулированию на Синае. Более того, именно в этот период израильские лидеры решили предать гласности в виде карты (в такой форме это было сделано впервые) свои планы аннексии различных арабских территорий. Генеральный секретарь Партии труда Меир Зарми представил такую карту, охарактеризованную как «окончательный вариант», на основе которого Израиль будет вести переговоры об урегулировании. Как следует из карты, Израиль решил присоединить к себе Голанские высоты, район Газы, установить «границу безопасности» по реке Иордан. На карте были оставлены открытыми для будущих переговоров вопрос о суверенитете над Западным берегом (в условиях фиксации «границы безопасности» по Иордану будущее Западного берега практически уже предрешается: о каком суверенитете арабов над этой территорией может идти речь, если «граница безопасности», судя по израильским разъяснениям, означает постоянное нахождение вдоль

* Там же.

** *Segal R.* Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel. – P. 254.

Иордана израильских войск и право создания израильских поселений на всем Западном берегу?), суверенитете над Шарм-эш-Шейхом на южной оконечности Синайского полуострова, а также над узкой полосой земли, связывающей собственно Израиль с проливами из Красного моря в Акабский залив.

Те же мотивы территориального расширения – причем, пожалуй, в еще более неприкрытом виде – легли в основу внешнеполитической активности правительства М. Бегина, который цинично соединил свое вынужденное под давлением обстоятельств «согласие» на участие в Женевской конференции «без предварительных условий» с категорическим отказом (это ли не предварительное условие!) «отдать» Западный берег и район Газы и согласиться на создание национального палестинского государства.

Таким образом, при любых вариантах – провозглашаемом ли стремлении к общему урегулированию или практических переговорах о частичном урегулировании через посредничество американцев – израильское руководство постоянно протаскивает идеи территориальных расширений за счет соседних арабских земель. Один арабский государственный деятель как-то сказал автору этих строк: вдумайтесь, почему израильтяне ни разу и ни при каких обстоятельствах не заявляли, что готовы освободить все оккупированные в 1967 г. арабские территории в обмен, скажем, на сотни условий, призванных обеспечить безопасность их государства, – ни на одно, ни на два, а пусть хоть на сотни таких условий! Разве все это не доказывает, что первичной целью Израиля является не обеспечение безопасности, а территориальные приобретения?

Опасения арабов на сей счет прямо подтверждают и многие недвусмысленные высказывания израильских руководителей, особенно военных, которые, как это час-

то бывает, не заботятся о дипломатическом камуфляже своих речей. 19 января 1968 г. газета «Гаарец» опубликовала интервью с М. Даяном, который заявил следующее: «Я считаю вероятным, что Абдель Насер готов прийти к соглашению с нами, если мы вернемся к старым границам [до 5 июня 1967 г. – *Е.П.*]. Таким образом, возможно, что Абдель Насер готов положить конец состоянию войны и согласиться на свободу навигации по Тиранскому проливу, и пообещать что-нибудь в связи с Суэцем».

– Вы за или против этого? – спросил Даяна корреспондент «Гаареца».

– Я определенно против, – ответил Даян*.

Или другое подобное заявление Бар-Лева, сделанное им в бытность начальником генерального штаба израильской армии: «Я верю, что мы могли бы достичь так называемой мирной договоренности сегодня на основе прежних границ, и, если бы я верил в то, что эти старые линии – лучшее, чего мы можем добиться, я бы согласился на них»**.

Все сказанное дает возможность предположить, что у Насера и ряда других арабских руководителей после 1967 г. сложилось твердое представление о невозможности достичь политического урегулирования арабо-израильского конфликта, кроме как путем применения силы с целью заставить Израиль освободить оккупированные территории. Этот психологический стереотип – можно с ним соглашаться или не соглашаться – был объективно порожден многолетним курсом израильского руководства.

Геополитические идеи оказывают большое воздействие на выработку новой военно-политической доктрины Израиля уже после октября 1973 г., хотя – это будет по-

* Цит. по: *Al-Abid I. Israel and Negotiations // Palestine Essays.* – № 20. – 1970. – Р. 14.

** *Jerusalem Post*, 3 марта 1972.

казано ниже – Октябрьская война продемонстрировала несостоятельность тех основных принципов, на которых базировалась эта доктрина. Говоря «о будущих ближневосточных войнах», начальник генерального штаба израильской армии М. Гур подчеркнул в интервью газете «Маарив» (31 октября 1975 г.), что одной военной победы в них будет недостаточно: израильская армия «должна будет создать новую геополитическую обстановку». Он не уточнил, какая территория могла бы потребоваться для этого, добавил корреспондент агентства UPI, передавая сообщение об этом интервью из Тель-Авива.

На позицию арабских стран оказывает большое влияние и такой факт, как постоянные призывы израильских руководителей к усилению иммиграции, которую они непосредственно связывают – это делали еще первые сионистские лидеры, например цитированный в начале главы Триш в письме к Герцлю, – с территориальным расширением «национального государства», причем связывают не только теоретически, но и на практике. Недаром значительная часть иммигрантов, прибывших в Израиль, оседала и оседает либо в приграничной полосе, либо в поселениях на оккупированной территории. Иммиграция в таких условиях используется как «оправдание» для политики, направленной на аннексию арабских земель.

За последнее время, особенно после войны в октябре 1973 г., иммиграция в Израиль резко сократилась – на 42 % в 1974 г. по сравнению с предшествовавшим годом. Намного возрос «коэффициент выпадения», то есть процент иммигрантов, не доезжающих до Израйля и предпочитающих основаться на постоянное жительство в других странах или покидающих Израиль вскоре после прибытия. К середине 1974 г., например, этот «коэффициент выпадения» достиг 22 % по сравнению с 4 % в 1973 г. 22 тысячи человек, почти в 2 раза больше, чем в 1973 г., покинули Израиль в 1974 г.

По-видимому, тяжелое положение с иммиграцией стало стабильным. Центральное статистическое бюро Израиля зарегистрировало 17,5 тысяч новых иммигрантов в 1975 г. В то же время страну покинуло 17 тысяч жителей. В 1976 г. из страны выехало 18 тысяч человек, а приехало лишь на тысячу с лишним больше. «Израильтяне покидают страну почти с такой же быстротой, с какой в нее вливаются новые люди», – передал 28 мая 1976 г. из Тель-Авива корреспондент агентства Associated Press. По словам этого корреспондента, эмиграция из страны «почти сводит на нет попытки пополнить население Израиля за счет иммиграции... Многие из числа тех, кто покидает страну, являются бывшими иммигрантами, не сумевшими приноровиться к новому образу жизни. Другие являются коренными израильтянами. Они говорят, что им надоели бремя военной службы, постоянная угроза войны и экономические проблемы».

Весьма характерны наблюдения автора статьи, помещенной во французском журнале «Экспресс» в номере от 5 января 1976 г. (статья эта написана с явной симпатией к израильскому руководству, и тем более нет никаких оснований подозревать ее автора в «антиизраильском субъективизме», в чем на Западе так часто обвиняют тех, кто дает объективное представление о внутреннем положении Израиля и его внешней политике). Вот цитата из этой статьи: «Просьба к тому, кто будет уезжать последним, выключить свет в аэропорту Лод. Этот анекдот был очень популярным в Израиле... 1966 года. Это был тяжелый год: экономический спад совпал с отрицательными, впервые за всю историю Израиля, итогами иммиграции. Десять лет спустя, в начале 1976 г., этот старый мрачный анекдот вновь вошел в моду».

Такой перелом в иммиграции, а также возникшие серьезные трудности с абсорбированием значительных групп приезжающих способствуют тому, что в самом Из-

раи́ле прорезаются голоса тех деятелей, которые считают, что будущее их страны лежит не на пути создания – любой ценой – искусственных условий для работы огромного насоса, вырывающего с корнями из почвы различных стран и перегоняющего в Израиль тысячи людей, а на пути все большего приобретения характера ближневосточного государства, все большего подчинения своей политики делу установления мирных отношений с арабскими странами. Такие деятели, которые составляют еще явное меньшинство, отводят на шкале ценностей гораздо более важное место мирным отношениям с арабскими странами, чем искусственному нагнетанию иммиграции или попыткам расширить территорию Изра́иля.

Итак, можно, очевидно, прийти к выводу, что, пока курс на территориальное расширение определяет политику израильского правительства, будет продолжаться и развиваться конфликт между арабскими странами и Изра́илем, причем конфликт, зачастую перерастающий в кризисные стадии, что влечет за собой серьезные международные военно-политические и экономические последствия. Никакое прочное политическое урегулирование, способное исключить закономерности перерастания арабо-израильского конфликта в кризисы, невозможно без вывода израильских войск с оккупированных в 1967 г. арабских территорий.

С другой стороны, справедливое урегулирование может впервые в истории привести к фиксации, признанию и гарантии границ Изра́иля с соседними арабскими странами, что создаст принципиально новую обстановку, резко неблагоприятную для развития как экспансионистских тенденций в политике Изра́иля, так и угроз для его существования как государства.

II. Против арабских прогрессивных режимов

Наряду с территориальной экспансией конфликт Израиля с арабскими странами предопределила его неприкрытая враждебность к национально-освободительному движению арабов, а в дальнейшем и к прогрессивным арабским режимам, установившимся в результате развития этого движения.

«Прибывающие в страну люди, такие как Бен-Гурион, не знали – да их абсолютно это и не трогало, – что происходило в Палестине со времени последнего еврейского восстания под руководством Бар-Кохбы во II в. Победа ислама, крестоносцы, монгольское нашествие, битвы Ибрагима-паши и различных местных вождей, сражавшихся против оттоманского ярма, – все это вместе с оставленными развалинами и сооружениями казалось неуместным, даже противозаконным вторжением в историю государства Израиль, земли Израйля», – писал член израильского парламента, редактор популярного в стране еженедельника «Хаолам хазе» («Этот мир») Ури Авнери*.

Но дело даже не в характере ретроспективного взгляда сионистских лидеров на историю района. Гораздо важнее было их практическое отношение к арабским национально-освободительным силам, тем более что период борьбы за создание государства Израиль и годы вслед за его провозглашением совпали с формированием и развитием арабского национально-освободительного движения. И наконец, для последнего периода особое значение имело отношение Израйля к арабским прогрессивным режимам, провозгласившим своей целью национальное и социальное освобождение.

* *Avnery U. Israel without Zionism.* – P. 93–94.

Резкую враждебность Израиля к национально-освободительным силам в арабском мире, очевидно, неправильно объяснять лишь «прагматическими интересами», хотя и они явно имели место. Известно, что арабские прогрессивные режимы более динамичны, чем консервативные; они интенсивнее добиваются преодоления промышленной и научно-технической отсталости своих народов; они в гораздо меньшей степени, чем консервативные арабские режимы, подвергаются влиянию США и западноевропейских стран – союзников Израиля; они в гораздо большей степени, чем консервативные режимы, стимулируют борьбу за арабское единство, придавая ему антиимпериалистический характер. Однако определяющая причина создания израильской позиции активной враждебности к национально-освободительным движениям арабов и прогрессивным арабским режимам уходит корнями в националистическую, шовинистическую сущность сионизма, в его идеологию. Проповедуя «исключительность» еврейского народа, вытравляя классовый подход в оценке его прошлого, нынешнего и перспектив развития на будущее, пытаясь, говоря словами В.И. Ленина, закрепить обособленность еврейства*, сионизм в силу своей идеологической сущности органически не мог не стать врагом арабского национально-освободительного движения.

«Сионисты были не в состоянии понять и объяснить арабский национализм реалистически, без эмоций, – писал В. Лакер в своей “Истории сионизма”. – Даже непримитивные сионистские идеологи обычно были склонны отрицать, что арабы в состоянии развить национальное сознание»**.

Первый реальный выбор перед сионистами поставила проблема их отношений с Османской империей, под

* См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 8. – С. 74.

** Laqueur W. A History of Zionism. – P. 247–248.

игом которой до Первой мировой войны находилась большая часть арабского мира. Поддержать нарождающиеся арабские освободительные силы в их борьбе за независимость или «заинтересовать» правителей Османской империи в использовании сионистского движения в борьбе за укрепление своей власти над арабскими районами? Сионистское руководство дало вполне определенный ответ на этот вопрос.

17 мая 1901 г. султан Абдул-Хамид принял в Константинополе Герцля, который предложил помощь в решении хронических финансовых трудностей Турции. Макс Нордау, ставший после смерти Герцля наиболее видной сионистской фигурой, заявил в своем приветствии 7-му сионистскому конгрессу, который состоялся в Базеле в 1905 г.: «Движение, которое затрагивает значительную часть арабского народа, может легко принять направление, грозящее причинить ущерб Палестине... Турецкое правительство может почувствовать необходимость защищать свои права в Палестине, в Сирии с помощью вооруженной силы... В такой обстановке Турция могла бы прийти к убеждению, что для нее важно иметь в Палестине и Сирии [еще одно свидетельство “расширительного” толкования границ будущего еврейского государства. – *Е.П.*] сильный и хорошо организованный народ, который при всем уважении к правам населения, там проживающего, окажет сопротивление любой атаке против власти султана и защитит эту власть всей своей мощью»*.

Может быть, ни о чем не свидетельствующая в таком определенном контексте фраза об «уважении к правам» арабского населения была обязана своим появлением «арабскому комплексу» М. Нордау. За несколько лет до произнесения своего приветствия конгрессу Нордау вообще впервые узнал, что Палестину населяют арабы,

* *Avnery U. Israel without Zionism.* – P. 59–60.

и, по свидетельству одного из сионистских авторов, М. Бубера, бросился к Герцлю со словами: «Я не знал этого! Мы совершаем несправедливость!»

Так или иначе, но промежуточная фраза о «респекте» к местному населению никого не могла ввести в заблуждение. Характеризуя позицию, занятую сионистским руководством, Ури Авнери писал: «Совершенно ясно, что это было прямое предложение превратить сионистские поселения в бастион турецкого правительства против населения страны. Практически говоря, это означало объявление войны поднимающемуся арабскому националистическому движению»*.

Другой основной колониальной силой, которая в начале XX в. существовала в арабском районе, была Англия. Если Оттоманская империя переживала период падения, то Первая мировая война подняла Англию, превратив ее в главный колониальный фактор на арабском Востоке, значительная часть которого оказалась подмандатной английской территорией. По своим колониальным позициям в этой части арабского мира Англии уступала Франция.

Острые развивающегося освободительного движения арабов после Первой мировой войны было направлено против английского и французского колониализма. В таких условиях сионистское движение сделало ставку на Англию. Конечно, было бы слишком прямолинейно и упрощенно представлять, будто сионистское движение стало лишь орудием проведения политики Англии в этом районе. Ориентируясь на Англию, пытаясь заинтересовать Лондон в использовании сионистского движения для проведения своего империалистического курса на Ближнем Востоке, и на деле, помогая осуществлять этот курс, сионистские лидеры не растворялись в английской политике. Альянс с английским империализ-

* Там же. – Р. 60.

мом рассматривался ими как средство для обеспечения собственных целей, не всегда полностью совпадающих с имперскими интересами Англии. Но в любом случае эти цели не имели ничего общего с антиколониальными, антиимпериалистическими устремлениями арабов.

В декабре 1914 г. через заместителя министра внутренних дел Великобритании Герберта Сэмюэла вопрос о создании еврейского «национального очага» в Палестине был поставлен перед английским правительством. Меморандум Сэмюэла не вызвал энтузиазма у английских руководителей. Но вскоре эта «индифферентность» сменилась явной заинтересованностью. Такая смена настроений произошла потому, что на Даунинг-стрит стали связывать сионистскую идею с курсом на установление английского контроля над Палестиной. Одним из первых на такую позицию встал бывший в то время министром иностранных дел Великобритании Ллойд Джордж. Премьер-министр Асквит писал в своих мемуарах, что «сторонником предложений [меморандума Сэмюэла. – *Е.П.*] был Ллойд Джордж, которому – нет необходимости подчеркивать это – абсолютно не было никакого дела до евреев, их прошлого или будущего, но он считал преступлением дать “святым местам” перейти во владение или под протекторат “агностической и атеистической Франции”»*.

Летом 1916 г. начались переговоры сионистского руководства с сэром Марком Сайксом – заместителем секретаря комитета имперской обороны, влиятельным английским деятелем, занимающимся «оттоманскими делами», одним из авторов подписанного с Францией в 1916 г. соглашения о послевоенной судьбе арабского мира. Во время этих встреч была достигнута договоренность, устраивающая обе стороны. «Сионистские лидеры настроились на волну представлений британского правительства о

* Цит. по: The Transformation of Palestine. – P. 46.

том, что лишь британская Палестина могла бы быть приемлемым буфером для Египта и канала [Суэцкого. – *Е.П.*], и выступили с официальными заверениями, что, в случае если Британия их поддержит, они в ответ на это будут работать над созданием британского протектората в Палестине»*, – писали Филипп Найтли и Колин Симпсон, ведущие корреспонденты «*Sunday Times*», издавшие в 1969 г. в Лондоне на основе архивных материалов министерства иностранных дел Англии книгу «Секретные стороны жизни Лоуренса Аравийского».

Венцом договоренности стала декларация Бальфура. Характерно, что те же палестинские земли, на которых Лондон обещал поддержать создание «национального очага для евреев», ранее были обещаны арабам в качестве их «независимой, свободной от иностранного контроля зоны». Это было установлено со всей достоверностью по архивам английского МИДа, ставшими, согласно законам, достоянием гласности по прошествии определенного длительного срока. В них содержится ряд документов об обещаниях, данных Лондоном шерифу Хусейну, в том числе стенограмма заседания Восточного комитета английского правительства, проходившего 27 ноября 1918 г. под председательством лорда Керзона. Открывая заседание, на котором обсуждался вопрос о будущем Сирии и Палестины, лорд Керзон заявил: «Палестинская позиция следующая: если мы имеем в виду связывающие нас обстоятельства, то прежде всего существует общее обещание Хусейну в октябре 1915 г. Палестина была включена в те территории, в отношении которых Великобритания дала обещания, что они будут арабскими и независимыми на будущее»**.

После объявления декларации Бальфура стали ясными намерения Англии способствовать осуществлению пла-

* *Knightley Ph., Simpson C. The Secret Lives of Lawrence of Arabia.* – London: Nelson, 1969. – P. 104.

** Там же. – P. 106.

нов сионистов. Вместе с тем Лондон пытался уменьшить возможные издержки от проведения подобной политики в отношении арабов. С этой целью была выдвинута идея сближения сионизма с правыми, консервативными силами в арабском мире, которые Лондон мог рассматривать в качестве другого оплота своего влияния в будущем. Учитывая особые отношения известного английского разведчика Лоуренса с сыном Хусейна Фейсалом, который возглавил дамасское правительство, созданное в ноябре 1918 г. в «арабской зоне», Лондон ввел его в действие. Во время встречи Фейсала с лидером сионистов Вейцманом в отеле «Карлтон» 11 декабря 1918 г. переводчиком был полковник Лоуренс. Собственно, он во многом задавал тон беседе, призванной подготовить единую платформу перед начинающейся через месяц мирной конференцией в Париже.

Рисуя «идеальную картину» для Лондона, которая могла бы иметь место в результате переговоров Вейцмана – Фейсала, Лоуренс писал 28 сентября 1919 г. в одном из частных писем своему соратнику Алану Дауни, штабному офицеру в английской армии в Палестине: «Французы будут выглядеть наилучшим образом и предложат свои деньги Фейсалу. После этого они попытаются повернуть экран, но он ответит, что не желает их денег, потому что к этому времени сионисты будут иметь свой центр в Иерусалиме, и они в долг будут финансировать его (это все существует в письменной форме и определено, но, упаси вас бог, не помещайте этого в печати). Сионисты не правительство, и тем более не британское, и их действия не являются нарушением соглашения Сайкса – Пико... Они будут финансировать весь Восток, я надеюсь, так же, как Сирию и Месопотамию. Высшие еврейские круги не желают вкладывать большую наличность в одну лишь Палестину, так как эта страна обещает мало прибыли, лишь чисто сентиментальную отдачу. Они же хотят шесть процентов». Ф. Найтли и К. Симпсон, впервые

опубликовавшие это письмо полковника Лоуренса, подчеркивали: «Вот ради чего работал Лоуренс, и вот каково объяснение его готовности помочь союзу сионистов и арабов. Это было кульминацией циничного плана»*.

Естественно, что такие планы ни в коей мере не могут послужить иллюстрацией сближения сионизма с арабским освободительным движением. Те отдельные контакты, которые существовали у сионистских лидеров с арабскими правителями, были подчинены совершенно другой задаче – способствовать установлению мандатной системы, разделившей ряд арабских стран на сферы колониального контроля Англии и Франции.

Во второй половине 30-х годов в английской политике обнаружился поворот. Пытаясь во что бы то ни стало укрепить свои позиции в арабском мире, Лондон пошел на меры, осложнившие его отношения с сионистскими кругами. В 1939 г. британское правительство издало Белую книгу, в которой говорилось, что иммиграция в Палестину должна находиться на таком уровне, чтобы еврейская часть ее населения не превышала одной трети. Это означало, что в ближайшие пять лет после издания Белой книги в Палестину могли иммигрировать лишь 75 тысяч человек. С этого момента началась вооруженная борьба сионистских экстремистских элементов в Палестине не только против арабов, но и против британских войск и администрации.

Отмечая мотивы поворота в английской политике в отношении ограничения еврейской иммиграции в Палестину, М. Ховард и Р. Хантер в работе, изданной Лондонским институтом стратегических исследований, подчеркивают следующее: «Во время Второй мировой войны англичане были достаточно умны для того, чтобы не пытаться навязать свое прямое господство, но стремиться сохранить свое влияние в районе, который они все еще

* Там же. – Р. 120.

считали жизненно важным для их стратегических и экономических интересов, путем сотрудничества с местными руководителями... Политика, полностью не удавшаяся в Египте, была частично сбалансирована их успехами в хашимитских монархиях Трансиордании и Ирака. Но дружба с этими или другими арабскими странами могла бы быть обеспечена лишь через проведение политики Белой книги в Палестине»*.

Итак, сионистское движение, во всяком случае его значительная часть, вступило в конфликт с английской колониальной администрацией в Палестине. Однако этот конфликт со стороны сионистских лидеров никогда не перерастал в борьбу против английского империализма, как такового. Один из «вдохновителей» конфликта, руководитель Ревизионистской партии В. Жаботинский, по свидетельству многих авторов, «англофил до глубины души», продолжал поддерживать британский империализм и думал, что, «показав зубы» английской администрации в Палестине, сионистское движение сможет убедить ее в том, что оно является гораздо более сильным и способным, чем арабские государства, союзником Великобритании в этом районе.

Начиная с середины 40-х годов, сионистское движение полностью переориентировалось на Соединенные Штаты Америки, которые захватили после Второй мировой войны лидерство в капиталистическом мире, резко потеснив ослабленные в результате войны старые колониальные державы Англию и Францию. Методично наращивая позиции (нефтяные, военно-стратегические), Соединенные Штаты стали главной империалистической силой и на Ближнем Востоке. Переориентация сионизма на США означала в таких условиях его союз имен-

* *Howard M., Hunter R. Israel and the Arab World. The Crisis of 1967 // Adelphi Papers No. 41. – London: International Institute for Strategic Studies, 1967. – P. 3.*

но с той силой, которая становилась врагом «номер один» арабского национально-освободительного движения.

В оценке деятельности сионизма, объективно и субъективно направленной против арабских национально-освободительных сил, очевидно, нельзя пройти также и мимо такого факта: ни одна сионистская организация (в том числе те, которые, как, например, профсоюзное объединение Гистадрут или сельскохозяйственные кооперативы – кибуцы, провозглашаются апологетами сионизма чуть ли не как социалистические по своему характеру) ничего не сделала для связи с зарождающимся арабским прогрессивным движением. Сионизм вообще создавал все свои институты в Палестине, в том числе и профсоюзы, не по территориальному или производственному, а по чисто национальному признаку. В Гистадруте вплоть до последнего времени запрещалось принимать арабских трудящихся, даже после того как эти трудящиеся-арабы стали гражданами Израиля. Те контакты между еврейскими и арабскими рабочими, крестьянами, молодежью, интеллигенцией, которые все-таки существовали в Палестине, осуществлялись вне, помимо и против сионистского движения и его институтов. Преобладающее большинство таких контактов стало результатом интернационалистской деятельности израильских коммунистов.

Наконец, самым главным показателем активной политики сионизма, направленной не вообще против «враждебного арабского окружения», а в первую очередь против национально-освободительного движения арабов, является курс руководства Израиля в отношении прогрессивных арабских режимов. Создание таких режимов в 50–60-х годах было основным результатом развития национально-освободительного и революционного процессов в арабском мире. Показательной в этом плане является политика Израиля в отношении Египта президента Насера.

23 июля 1952 г. Организация свободных офицеров под руководством мало кому до этого известного полковника Гамалы Абдель Насера свергла власть продажного, коррумпированного, полностью контролируемого англичанами короля Фарука. Не сразу проявился революционный характер нового режима, установленного «Свободными офицерами». Понадобился определенный отрезок времени, заполненный главным образом внутренней борьбой против пытавшегося узурпировать власть генерала Нагиба – политика чисто буржуазного толка, которого «Свободные офицеры» пригласили как широко известную, популярную в Египте личность возглавить Совет революционного командования накануне переворота. Понадобилось время и для эволюции взглядов самих «Свободных офицеров», большинство которых, идя на штурм прогнившего режима Фарука, еще не имело позитивной программы действий на период после прихода к власти.

Процесс изменения Насера и его окружения, превращения их в революционных демократов продолжался длительное время и имел такие определяющие вехи, как аграрная реформа, ликвидация английской военной базы в зоне Суэцкого канала, национализация собственности Компании Суэцкого канала в 1956 г., наступление на позиции не только иностранного, но и египетского крупного и среднего капитала, развернутое в 1961 г., усиливающийся радикализм мер аграрной реформы, улучшение положения трудящихся, коренной поворот во внешней политике, сближение и сотрудничество со странами социализма. Но в течение первых месяцев, а возможно, и первых лет после свержения короля Фарука лицо нового Египта для внешнего мира оставалось неопределенным.

В этот «неопределенный период» израильское руководство наряду с выжидательной враждебностью делало жесты, призванные продемонстрировать «позитивный

подход» в отношении генерала Нагиба. Бен-Гурион, например, заявил о своей готовности немедленно вылететь в Каир для переговоров с ним о мире. Эта инициатива осталась без ответа по вполне понятным причинам: ни один арабский лидер тогда не мог пойти на переговоры о мире с Израилем без решения палестинского вопроса, а Бен-Гурион – и это было без всякой двусмысленности доведено до сведения египтян – хотел вести переговоры, ограничиваясь израильско-египетскими отношениями, иными словами, о сепаратном мире с Египтом.

Но даже и такие чисто зондирующие жесты израильтян в отношении Египта прекратились, как только на политическую авансцену в этой стране вместо генерала Нагиба вышел Гамаль Абдель Насер. Под его руководством сразу же стали осуществляться те меры, которые не без основания считались первоочередными для египетской революции. Аграрная реформа нанесла первый серьезный удар по позициям – в то время главным образом политическим – египетских помещиков-феодалов, которые лишились прямого влияния на центральную власть. Ликвидация английской военной базы в зоне Суэцкого канала была крупнейшей вехой в наступлении на позиции империализма в Египте. Эта база, будучи «государством в государстве», исторически была оплотом британского контроля над Египтом, а после 1952 г. висела над ним как дамоклов меч.

В этот период откровенная враждебность израильского руководства к Египту стала усиливаться. Причем Египет не давал для этого повода. Поставив своей первоочередной задачей ликвидацию английских военных позиций в Египте и проведение аграрной реформы, Насер нуждался в спокойствии на линии прекращения огня с Израилем. И действительно, эта линия оставалась самой спокойной. Насер как политический деятель был далек от предубежденного отношения к израильтянам. Он не раз повторял, что его никак нельзя обвинить в антисемитизме,

хотя бы уже потому, что семиты – и евреи, и арабы. «Мы двоюродные братья», – любил говорить Насер.

В книге «Философия революции», в которой Насер изложил свои взгляды, он упомянул о встречах с израильским офицером – парламентарием в окруженной Фелудже во время палестинской войны 1948 г. Израильский офицер Коэн, порученец генерала Игаля Алона, находился многие годы под большим впечатлением личного обаяния Насера, его взглядов, высказанных во время бесед. Будучи вскоре после перемирия включенным в состав смешанной израильско-египетской комиссии, Коэн узнал от египетских участников, что у Насера родился сын, и послал ему подарок. Насер в ответ прислал Коэну коробку конфет из известного в Каире кафе «Гропи» и теплую записку с благодарностью. Несколько позже Насер неофициально пригласил Коэна посетить Каир и встретиться с ним. Коэн запросил разрешения на поездку у министра иностранных дел Израиля и получил в ответ категорический отказ.

Различные источники свидетельствуют и о других, более серьезных инициативах, которые так и не получили своего развития в те годы. Посол Индии в Каире историк К.М. Паникар, известный своими тесными связями с Джавахарлалом Неру, Г.А. Насером и М. Шаретом, бывшим в то время премьер-министром Израиля, намеревался, по его словам, организовать встречу Шарета с Насером. Переговоры о подготовке встречи шли до весны 1955 г., когда израильское нападение на Газу (о значении этой целенаправленной антиегипетской акции израильского руководства говорится ниже) сделало идею неосуществимой.

Ставший впоследствии премьер-министром Республики Мальта Д. Минтофф тоже пытался быть посредником между Насером и Шаретом, но потерпел неудачу из-за отношения Израиля к этой идее*. Другие попытки с

* *Avnery U. Israel without Zionism.* – P. 130.

аналогичными целями предпринимались членом английского парламента Морисом Орбахом, совершившим несколько поездок между Каиром и Тель-Авивом. Еще одна «посредническая миссия» была связана с именем Иры Хиршмана, в свое время эмиссара Рузвельта, который вел переговоры о «выкупе» тысяч евреев из нацистских концлагерей. Этот человек, поддерживавший постоянные контакты с сионистскими кругами, позже использовался Госдепартаментом США для некоторых поездок информационного плана на Ближний Восток. Ира Хиршман (его никак нельзя считать человеком, настроенным в пользу Насера) тем не менее пишет, что встреча с новым руководителем египетского режима произвела на него очень большое впечатление своей конструктивностью. В тот же день, после беседы с Насером, Хиршман вылетел в Тель-Авив, где встретился с премьер-министром Шаретом и министром обороны Бен-Гурионом, который имел решающие позиции в израильском правительстве. В ответ на предложение Хиршмана о контактах между Насером и израильскими руководителями Бен-Гурион сказал: «Насеру осталось недолго быть в седле»*.

В это время в арабском мире считали М. Шарета, пожалуй, наиболее реалистически мыслящим израильским деятелем. В стратегическом плане, оставаясь типичным представителем сионистского руководства, он расходился – порой резко – с Бен-Гурионом и другими «ястребами» по вопросам тактики. Находясь на посту министра иностранных дел в правительстве Бен-Гуриона, он, например, решительно не советовал тому игнорировать резолюцию ООН и переносить столицу Израиля в Иерусалим**, о чем официально – вопреки этим советам – было

* *Hirschmann I.* Red Star over Bethlehem: Russia Drives to Capture the Middle East. – New York: Simon & Schuster, 1971. – P. 24.

** *Rodinson M.* Israel and the Arabs. – London: Penguin Books, 1968. – P. 66.

объявлено 13 декабря 1949 г. Став премьер-министром в 1953 г., М. Шарет придерживался взглядов о необходимости «вживания» Израиля в ближневосточный район. Есть основания считать, что Шарет был не согласен с крайними проявлениями антиарабского экстремизма в израильской политике. Судя по ряду высказываний самого Насера и его собеседников, президент Египта лично был расположен к Шарету, который в самом Израиле не имел достаточной опоры и вызывал все большее недовольство своим «вольнодумством», хотя и ограниченным, чрезвычайно непоследовательным, со стороны экстремистских элементов, группировавшихся вокруг Бен-Гуриона.

Позже израильские лидеры будут говорить о том, что они всегда были готовы на любые, без всяких предварительных условий контакты с арабскими руководителями. Полная несостоятельность таких заявлений более чем очевидна для тех, кто осведомлен о реальном положении дел на Ближнем Востоке. Так, уже после «шестидневной войны» президент Насер неофициально пригласил посетить Каир руководителя Всемирной сионистской организации Наума Гольдмана, и в Париже были даже предварительно согласованы детали этого визита, но израильское правительство запретило Гольдману совершить эту поездку. Когда в 1969 г. министр иностранных дел Египта М. Риад согласился по указанию Насера на проведение контактов с Израилем по «родосской формуле»* и весь мир считал, что найден «престижный» для обеих сторон выход, так как Египет мог расценивать переговоры как «не прямые», а Израиль относиться к ним как «к прямым», израильское руководство сорвало продвижение

* На острове Родос в 1949 г. было подписано соглашение между Израилем и Египтом. Его текст составлялся в ООН, в то время как делегации Израиля и Египта жили на разных этажах одного отеля. После согласования текста египтяне и израильтяне встретились вместе в одном зале, чтобы подписать документ.

этой идеи. Министр иностранных дел Израиля подчеркнул, что Египет принял требование о прямых переговорах. В таких условиях Каиру ничего не оставалось, как дезавуировать заявление своего представителя.

Все это произойдет позже, но уже на заре создания патриотического режима в Египте Израиль положил начало своей линии жесткой враждебности в отношении первого в истории арабских стран прогрессивного руководства. Израильские лидеры отлично отдавали себе отчет в том, что Насер, будучи националистом революционного толка, и его окружение не согласятся пойти на сепаратное урегулирование конфликта без решения палестинской проблемы. Однако главная причина негативизма Израиля в отношении поисков конструктивных подходов к новому египетскому руководству, для чего складывалась достаточно благоприятная обстановка в 1953–1954 гг., заключалась все-таки в том, что Израиль уже к тому времени взял курс на целую серию мер, которые должны были способствовать свержению режима Насера. Причем со стороны Египта опять-таки не предпринималось никаких действий, которые израильская пропаганда могла бы охарактеризовать в качестве «провоцирующих» такой курс.

Из израильских акций, осуществленных после свержения короля Фарука и нацеленных на ослабление и ликвидацию нового режима в Египте, могут быть в первую очередь названы следующие: нажим всеми доступными мерами на Лондон с целью сорвать решение об эвакуации английской военной базы из зоны Суэцкого канала, подготовка «превентивного» удара по Египту в 1954 г., так называемое дело Лавона, или, иными словами, осуществление израильской шпионской сетью в Египте диверсии, призванной столкнуть режим Насера с Соединенными Штатами и Англией, и, наконец, вооруженная атака на египетскую армию в Газе в феврале 1955 г. За этим последовали нападения на Египет в 1956 и 1967 гг.

В сентябре 1953 г. израильское руководство в ноте, направленной Великобритании, категорически высказалось против предстоящего соглашения Лондона с Каиром об эвакуации английской военной базы в зоне Суэцкого канала. Через несколько дней эта израильская акция была использована в парламенте группой консерваторов, составлявших так называемое суэцкое лобби, для «обоснования» своего требования о немедленном прекращении всяких переговоров с Египтом.

Известно, что Англия все-таки вынуждена была продолжать переговоры и подписать соответствующее соглашение с Египтом. В этой связи мировую печать облетели сообщения о том, что Тель-Авив решил нанести неспровоцированный удар по Египту. Назывались имена тех, кто требовал этого с особой рьяностью, – Бен-Гурион, Моше Даян, Лавон.

Сторонник бескомпромиссной, «жесткой» линии в отношении арабов Бен-Гурион летом 1953 г., почувствовав, что у него нет достаточной опоры в правительстве, решил отойти в тень и выждать. Он ушел сначала в пятимесячный отпуск, сказав своим друзьям, что это вызвано необходимостью «перезарядить умственные батареи», а потом, в декабре 1953 г., – в отставку. Однако последним его решением перед отставкой было назначение начальником генерального штаба его единомышленника и протеже – Моше Даяна. Пост министра обороны занял Лавон, который, несмотря на откровенную враждебность к Моше Даяну (тот ему платил абсолютно тем же), вместе с начальником генерального штаба прочно вошел в группу «ястребов».

Положение премьер-министра Шарета усугублял еще и тот факт, что над ним продолжала маячить фигура Бен-Гуриона, удалившегося в свой кибуц Сде-Бокер в пустыне Негев, но даже не помышлявшего о том, чтобы отойти от активной политической деятельности. В эти месяцы в Израиле говорили, что премьер-министр каждое

утро трясущимися руками раскрывает газету в ожидании новых «ночных художеств» Лавона и Даяна. Может быть, такое представление о Шарете несколько преувеличивало его «обособленность» от осуществляемой экстремистской линии, но, во всяком случае, многие исследователи пишут, что Лавон и Даян были достаточно бесконтрольны и даже не снабжали премьер-министра военно-стратегической информацией.

Открытая широкая агрессия Израиля против Египта ожидалась тогда буквально со дня на день. 15 мая 1954 г. о готовящейся израильской атаке сообщила лондонская «The Times». 7 июня такую же информацию опубликовал Сулицбергер в своей статье в газете «The New York Times».

Неизвестно, что в тот момент заставило отложить израильскую атаку – внутренняя ли обстановка в правительстве, которое все-таки продолжал возглавлять Шарет, официальное ли заявление Соединенных Штатов (12 июня 1954 г.), пригрозивших, что они прекратят всякую военную помощь стране, которая откажется от соглашений о перемирии на Ближнем Востоке, или опасения, что при имевшихся в наличии средствах ВВС Израиль не сможет создать надежную воздушную защиту для своих сухопутных сил (все это было еще до того, как Израиль начал получать военные самолеты из Франции).

Однако, не решившись тогда на открытый удар по новому режиму в Египте, Бен-Гурион и Даян (как оказалось впоследствии, они «обошли» Лавона, не входившего в их политическую группу) решили лишь изменить на данный момент тактику. По приказу из Израиля была активизирована агентурная группа, созданная израильской разведкой в Египте для выполнения специального задания. Началась операция, срыв которой создал так называемое «дело Лавона» – крупнейший за всю историю Израиля политический скандал, результатом которого была отставка министра обороны, а через ряд лет и премьер-министра Израиля Бен-Гуриона.

Шпионской сети, созданной в Египте израильским разведчиком, называвшим себя Джоном Дарлингом, было поручено взорвать бомбы в американских и английских представительствах и учреждениях, расположенных на всей территории Египта, главным образом в Каире и Александрии. Цель операции заключалась в том, чтобы вызвать напряженность в отношениях между Египтом, с одной стороны, Соединенными Штатами и Англией – с другой.

Эта напряженность, как рассчитывали организаторы операции, могла быть использована «суэцким лобби» в английском парламенте для того, чтобы сорвать уже намеченное подписание соглашения об эвакуации английской базы в Египте, и теми произраильскими кругами в Соединенных Штатах, которые боролись против тенденции на заигрывание Вашингтона с новым египетским режимом. Летом 1954 г. были произведены взрывы в американских информационных центрах в Каире и Александрии. При попытке внести бомбу в каирский кинотеатр в декабре 1954 г. были арестованы два израильских агента. После их признания были схвачены и другие члены шпионской сети. Начался процесс, во время которого обвинение полностью доказало, что провокация направлялась и осуществлялась Тель-Авивом.

В Израиле сразу же объявили весь процесс «инсценированным», но тем не менее в 1955 г. в результате провала и разоблачения операции израильской разведки министр обороны Лавон подал в отставку. Его сделали «козлом отпущения», приписав ему единоличное решение об организации антиамериканских акций в Каире. Лавон отрицал этот факт, но, не имея тогда возможности доказать фальсификацию своей подписи под документом, ушел в отставку, уступив пост министра обороны Бен-Гуриону. Возвращение на этот ключевой пост в правительстве через некоторое время предопределило переход к Бен-Гуриону и кресла премьер-министра, сначала

фактически, а затем и официально. Только по прошествии восьми лет, в 1963 г., когда правительство все-таки создало «комиссию семи», вопреки требованиям Бен-Гуриона оправдавшую Лавона, премьер-министр окончательно покинул свой пост. Таким был финал «дела Лавона». Что касается его «старта», то в 1955 г. он привел к противоположному результату – возвратил к официальному руководству Бен-Гуриона, который смог использовать оказавшийся в руках его группы штурвал власти для резкой активизации агрессивного, наступательного курса против Египта.

«Дело Лавона» поставило в центр дискуссии, которая велась на всех уровнях несколько лет в Израиле, многочисленные вопросы: Кто отдал приказ? Кто несет ответственность за операцию? Лжет ли директор военной разведки, когда утверждает, что получил соответствующее распоряжение от министра обороны во время разговора с ним в середине июля с глазу на глаз, без свидетелей? Лжет ли министр обороны, когда утверждает, что такого разговора не было? Были ли фальсифицированы задним числом соответствующие документы? Участвовал ли в этой фальсификации лично Моше Даян, который почему-то вызвал к себе одного из главных свидетелей до его официального допроса и имел с ним секретную беседу? И так далее и тому подобное. Но во время этих публичных дискуссий обходился главный вопрос – о преступных, провокационных целях операции. Не останавливалось внимание и на том, что инициаторы борьбы с первым арабским режимом, рожденным национально-освободительным движением, поставили перед собой задачу сохранения колонизаторского влияния в Египте, в том числе военного присутствия империалистических держав в этой стране, ценой исключения возможных компромиссных подходов, призванных нащупать почву для политического урегулирования ближневосточного конфликта.

Определенность выбора, сделанного израильским руководством, была подтверждена событиями, которые не заставили себя ждать. Вернувшись на пост премьер-министра, Бен-Гурион с помощью Даяна стал готовить операцию против египетского армейского подразделения в Газе, которая по соглашению о перемирии 1949 г. была отдана под административный контроль Египта. Ровно через неделю после возвращения Бен-Гуриона из кибуца в пустыне Негев массированная атака на Газу была осуществлена. Штаб египетского подразделения был разрушен, убито 38 и ранено 30 египетских солдат и офицеров. «Рейд на Газу создал поворотный пункт. Арабы пережили серьезное потрясение. Они поняли, что сионистский Израиль возобновил свою традиционную политику. Они боялись ее экспансионистской тенденции», – писал французский профессор Максим Родинсон*.

Операцию в Газе некоторые авторы, описывающие этот период развития ближневосточного конфликта, справедливо называют «открытым объявлением войны Абдель Насеру и его направлению национализма»**. Это, естественно, было понято и самим Насером.

В то же время израильская операция в Газе преследовала и другую «побочную» цель. К моменту осуществления операции начался процесс сближения между Израилем и Францией, которая вела войну за сохранение своих колониальных позиций в Алжире. Париж, как в то время и все западные державы, считал, что любой взрыв национально-освободительного движения в любом районе арабского мира является не чем иным, как результатом «насеровских козней». В случае с Алжиром такой примитивный вывод подкреплялся еще и раздуваемыми буржуазной печатью сообщениями о том, что большинство алжирских руководителей вооруженного восстания

* Rodinson M. Israel and the Arabs. – P. 71.

** См., например: *Avnery U. Israel without Zionism.* – P. 138.

временно, до 1954 г., проживали в Каире. В создавшихся условиях Париж начал рассматривать в качестве своего союзника любого противника революционного Алжира или нового режима в Египте.

Израиль активно повел дело к такому союзу, который мог обернуться и оборачивался крупными поставками современной военной техники, главным образом французских истребителей. Все это, наложенное на идеологическое «кредо» израильского руководства, предопределило его резко враждебное отношение к алжирскому национально-освободительному движению. Союз с колонизаторской Францией в наиболее откровенной форме проявился через год и восемь месяцев после нападения на Газу, во время тройственной агрессии против Египта. Что касается израильской операции в Газе, то она была хорошим способом показать Парижу «значимость» израильского союзника и его способность открыть «второй фронт» для помощи французским колониальным силам в Алжире.

Конечно, объяснение неизбежных национально-освободительных взрывов в различных арабских странах в качестве акций, направляемых «рукой Каира», «приказами Насера», было смехотворным, отражавшим полное непонимание некоторыми буржуазными политическими деятелями самой сути национально-освободительных, антиимпериалистических движений. Вместе с тем нельзя пройти мимо того, что становление Египта президента Насера знаменовало собой начало новой стадии развития национально-освободительного движения во всем арабском мире. Объективная активизация освободительных сил, вызванная самим фактом существования независимого Египта, его антиколонизаторскими достижениями, «философией» антиимпериализма, его помощью, подтолкнула развитие идеи арабского единства.

Лозунг арабского единства – не абстрактный, а универсальный как для всех времен, так и для всех классов

и слоев арабского общества – в середине 50-х годов получил свое новое звучание. Призывам к объединению арабов вне зависимости от характера такого объединения, в том числе на базе существующих прозападных реакционных режимов или на религиозной почве воинствующего ислама, была исторически противопоставлена идея сближения, союза арабов на основе совместной борьбы против империализма, за политическое и экономическое освобождение арабского мира, за создание единого прогрессивного арабского государства. Такие идеи по-настоящему начали овладевать широкими слоями населения арабских стран после победы революции в Египте, самой большой по населению, самой развитой в промышленном и культурном отношении арабской стране.

Два противоположных подхода к проблеме арабского единства объективно отражали позицию двух нарождающихся и развивающихся в арабском мире классов – буржуазии и пролетариата. Израильское руководство, вообще отрицательно относящееся к перспективе арабского единства, исходя из того, что это «усилит потенциального противника», сосредоточилось в то же время на активной борьбе против прогрессивной тенденции арабского единства на антиимпериалистической основе. Есть основания считать, что израильская атака на Газу была нацелена также против развивающейся тенденции к арабскому единству вокруг Египта, ставшего первым арабским государством с подлинно национальным антиимпериалистическим режимом. После ликвидации английской базы в зоне Суэцкого канала Египет приобрел еще больший авторитет и все больше превращался в центр притяжения освободительных сил во всем арабском мире.

Как писал в своих мемуарах генерал Бернс, начальник штаба комиссии Организации Объединенных Наций по наблюдению за перемирием, впоследствии ставший ко-

мандующим чрезвычайными вооруженными силами ООН на Ближнем Востоке, нападение на Газу было наиболее серьезным столкновением между Египтом и Израилем за шесть лет после подписания соглашения о перемирии.

Незадолго до израильского рейда президент Насер посетил Газу и, выступая перед войсками, говорил, что нет непосредственной угрозы Египту, что демаркационная линия перемирия в районе Газы не станет фронтом. То, что Насер не хотел в тот момент усиления конфронтации с Израилем, было совершенно очевидно. Об этом пишет преобладающее большинство авторов, освещающих тот период ближневосточного конфликта, в том числе и упоминавшийся генерал Бернс. В системе приоритетов в политике Насера конфронтация с Израилем занимала одно из последних мест. К этому выводу пришел и М. Коупленд – один из крупных американских разведчиков, неоднократно встречавшийся с Насером во время своей работы в посольстве США в Каире, а впоследствии ставший видным экспертом Госдепартамента по политике Египта. По словам Коупленда, Насер считал противниками своего режима, с которыми следовало развернуть борьбу, «высших офицеров, других арабов [реакционных руководителей ряда арабских стран. – Е.П.], британцев и израильтян – в таком порядке»*.

Однако израильское нападение на Газу изменило иерархию этих приоритетов. Стремясь не допустить такой ситуации, когда Израиль мог бы безнаказанно осуществлять агрессивные акции против Египта, и не в меньшей степени побуждаемый необходимостью «сохранить лицо» в арабском мире, Насер был вынужден закрыть Тиранский пролив для судов, перевозивших стратегические грузы в Израиль.

* *Copeland M. The Game of Nations. The Amorality of Power Politics. – New York: Simon & Schuster, 1970. – P. 68.*

В середине 1955 г. стало вырисовываться и другое направление наступательной антиарабской политики Израиля – Сирия, режим которой с середины 50-х годов демонстрировал все большую тенденцию к «полевлению» и укреплению сил, которые ставили своей целью сближение с Египтом на антиимпериалистической основе. В октябре израильские части, перейдя через линию перемирия, атаковали Сирию. Нападение в еще большем масштабе было повторено в декабре 1955 г., сразу же после того, как Сирия подписала оборонительный союз с Египтом.

Кстати, эта последняя акция наглядно показывает фальшь израильской аргументации, оправдывающей подобные нападения исключительно тем, что они якобы направлены на ликвидацию баз, с которых совершаются атаки на израильскую территорию. Интересное свидетельство в этой связи дает генерал Бернс. За несколько дней до нападения на Сирию, в декабре 1955 г., генерал был принят премьер-министром Израиля Бен-Гурионом. В том факте, что его пригласили в офис премьер-министра в воскресенье, чего обычно не делалось, Бернс увидел нечто экстраординарное. Бен-Гурион пристально интересовался теми переговорами, которые вел Бернс в Египте. Генерал информировал премьер-министра Израиля о том, что Насер отверг обвинение в ответственности египетских властей за деятельность вооруженных отрядов палестинцев – фedaинов. Такое объяснение не удовлетворило Бен-Гуриона, и он спросил Бернса, получен ли прямой ответ от египтян на требование прекратить операции фedaинов в районе Газы. Генерал Бернс сказал, что для этого понадобится некоторый срок – порядка пятнадцати дней. Бен-Гурион обещал, что он подождет, но предупредил угрожающе, что может случиться нечто непредвиденное за это время, если будут продолжены акции палестинских партизан.

«Я зафиксировал в моем дневнике в ту ночь, что, возможно, Израиль готовит какое-то действие, – писал впоследствии генерал Бернс. – Сирия не была упомянута во время этой беседы, но Израиль готовил акцию именно против Сирии, а не против Египта. Я закончил свой разговор с Бен-Гурионом к пяти часам. В десять вечера этого же дня израильские части перешли демаркационные линии севернее Тивериадского озера и атаковали сирийские военные позиции. В заявлении, опубликованном израильским министерством иностранных дел в ту же ночь, говорилось, что это нападение было совершено, потому что с сирийских позиций был открыт огонь по израильскому полицейскому катеру, который обеспечивал безопасность рыболовов в восточной части озера. Никто с элементарным знанием военных дел не поверит, что такая хорошо подготовленная и скоординированная атака не была спланирована, а может быть, даже и отрепетирована раньше, и, уж конечно, она не была импровизирована в течение нескольких часов. Говоря со мной, Бен-Гурион должен был быть хорошо осведомлен о подготовке атаки и о часе “зеро”»*.

Цель этой операции, по словам генерала Бернса, заключалась в том, чтобы дать Сирии почувствовать все те «издержки», которые она будет нести в результате создания объединенного египетско-сирийского военного командования. Во время израильского рейда был убит 41 сирийский солдат и офицер, 7 полицейских, 8 гражданских лиц, 5 ранено и 32 человека пропали без вести. 19 января 1956 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждающую Израиль за это нападение в таких выражениях, которые, по словам французского делегата, были наиболее строгими за все время, предшествовавшее обсуждению ближневосточного конфликта в ООН.

* *Burns E.L.M.* Between Arab and Israeli. – Beirut: Institute for Palestine Studies, 1969.

Однако резолюция не остановила лихорадочной подготовки, которая к этому времени началась в Израиле, к значительно более широкой, массовой военной операции. Ее целью вновь стало свержение патриотического режима в крупнейшей из арабских стран – Египте.

Летом 1956 г., выступая с балкона александрийской хлопковой биржи, Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Компании Суэцкого канала, принадлежавшей английскому и французскому монополистическому капиталу. Это был исторический шаг, свидетельствовавший о нараставшем антиимпериализме Насера, выходе египетской революции на принципиально новые рубежи борьбы уже не только против военного, но и против экономического присутствия империализма в этой стране.

Национализация Компании Суэцкого канала была закономерным шагом. Мог ли независимый Египет оставаться индифферентным к деятельности империалистических кругов, которые почти 90 лет использовали свое господство над каналом для закабаления этой страны? Приобретение Великобританией пакета акций Компании Суэцкого канала было преддверием оккупации всего Египта в 1882 г. С проблемой канала была непосредственно связана политика, приведшая к установлению иностранного протектората над Египтом. Под видом охраны канала колонизаторы держали свои войска в Египте. Наличие этих войск было одним из серьезнейших препятствий на пути национального освобождения египетского народа.

Что касается экономической стороны проблемы, то национализация Компании Суэцкого канала была продиктована стремлением Египта не только освободиться от экономического контроля, осуществляемого крупнейшим иностранным собственником в стране – Компанией Суэцкого канала, но и создать необходимые внутренние источники финансирования для индустриализации

страны, ее быстрого экономического развития. Доходы Компании Суэцкого канала составляли 34 миллиона египетских фунтов в год. На эту сумму Египет мог бы ежегодно строить два крупных предприятия, равных по мощности проектируемому в то время металлургическому заводу в Хелуане. Сумма ежегодных доходов, получаемых от эксплуатации Суэцкого канала, составляла почти 10 % оценочной стоимости высотной плотины на Ниле, создание которой Египет начал рассматривать в то время как задачу насущной экономической необходимости. Национализация Компании Суэцкого канала была предпринята Египтом уже после того, как государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, стремясь оказать давление на правительство Насера, взял назад свои обещания о займах на финансирование асуанского строительства. В таких условиях доходы от Суэцкого канала могли рассматриваться как альтернативный источник финансирования, а их использование – как средство срыва империалистического плана блокирования важнейшего для Египта экономического проекта.

Национализация Компании Суэцкого канала, предпринятая Египтом, не повлияла на международное судоходство по каналу. «Национализируя компанию, мы не вносили никакого изменения в ее деятельность, – заявил египетский министр торговли. – Как и в прошлом, навигация будет гарантирована в общих интересах. Владельцы акций получают возмещение на справедливой основе. Все служащие и рабочие компании останутся на своих постах без какой бы то ни было дискриминации, будь то иностранцы либо египтяне». Эта гарантия египетского правительства была подкреплена практическими делами. Несмотря на противодействие и прямой саботаж западных кругов, Египет полностью обеспечил после национализации нормальное судоходство по Суэцкому каналу и даже усилил его интенсивность.

Обосновывая свою враждебную позицию в отношении Египта, национализировавшего Компанию Суэцкого канала, западные политики говорили, что таким путем они противились развитию событий, которые могли бы вывести из строя этот важнейший международный морской путь. Такие «аргументы» не соответствовали действительности. Вот что пишут в этой связи авторы книги «Контролирование малых войн», изданной в США: «Британия и Франция выработали политику отказа от сотрудничества с новыми египетскими властями на канале в надежде, что это, как подчеркивали некоторые обозреватели, может нарушить функционирование канала и создаст повод для интервенции. Британские и французские суда отказывались платить египетским властям за проход по Суэцкому каналу, внося эти суммы на счета старой национализированной Компании Суэцкого канала в Париже и в Лондоне. В середине сентября 1956 г. Компания Суэцкого канала приказала работавшим прежде у нее лоцманам покинуть Египет, и в некоторых западных кругах было широко распространено мнение, что это продемонстрирует зависимость Египта от квалифицированных западных специалистов. Однако египетские власти смогли пригласить иностранных лоцманов в дополнение к египетским лоцманам, которые остались на канале. В результате операции на канале продолжались полным ходом, и в конце сентября было официально сообщено, что Египет собирает больше платежей за проход судов, чем перед национализацией (египетские власти не противились проходу через канал и тех британских и французских кораблей, которые отказывались платить за это)»*.

Крайне враждебная реакция Запада на национализацию Компании Суэцкого канала была вполне естествен-

* *Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's. – P. 259.*

ной для колонизаторов. Во-первых, национализация компании лишила английских и французских акционеров огромных прибылей, получаемых от эксплуатации водного пути, проходящего по египетской территории. Во-вторых, национализация укрепляла позиции независимого Египта, который все активнее играл роль лидера арабского мира. В-третьих, Англию и Францию пугал прецедент – в век победоносного движения восточных народов за освобождение от оков колониализма Египет мог стать знаменем борьбы в других странах, расположенных даже на других континентах. Прямой целью империалистической политики на Ближнем Востоке становилось свержение правительства Насера.

В этом аспекте интересы Израиля полностью совпадали с интересами правящих кругов Англии и Франции. Израиль тоже был обеспокоен тем, что успех в антиимпериалистической борьбе усиливает Египет и превращает его во все более притягательный центр для других национально-освободительных сил в арабском мире, активизирует идеи арабского единства на антиимпериалистической основе. Наряду с этим Израиль в своей конфронтации с Египтом преследовал и специфические цели: открытие Тиранского пролива, который оказался заблокированным для израильских судов после нападения Израиля на Газу, захват ряда стратегических пунктов на территории Синай. Израильское военное командование пыталось также, воспользовавшись обстановкой, ликвидировать создаваемые в Газе базы феодалов.

Но одной из главных целей Израиля была ликвидация режима Насера. Эта цель доминировала над всеми остальными не только в силу того, что она была общей для всех будущих участников суэцкой агрессии против Египта, но и потому, что ее достижение открывало путь для решения других задач, носящих специфический для Израиля характер.

Как известно, и в «шестидневной войне» 1967 г. израильское руководство ставило перед собой задачу смены власти в Каире и Дамаске. Само начало «шестидневной войны» было связано с израильскими планами наступления на Дамаск, о чем подробнее говорится в главе о закономерностях перерастания конфликта в кризисную фазу. Достижение внутренних перемен в арабских странах, «благоприятствующих израильской политике», стало одной из постоянных задач, на решение которых была во многом нацелена военно-политическая доктрина Израиля. Характерно, что этого не скрывал ряд израильских руководителей. «Доктрина непрерывного действия»* Израиля, по свидетельству И. Алона, предусматривала военные рейды на арабские территории не только при появлении реальной опасности, но и в случае «любого неблагоприятного для Израиля изменения внутривнутриполитической ситуации в соседних арабских странах» и при «появляющейся необходимости обеспечить поддержку явным или скрытым союзникам в той или иной арабской стране»**.

III. Провоцирование «местных»* конфликтов**

В попытках «контролировать» развитие ближневосточного конфликта через внутренние изменения в арабских странах и в отношениях между ними особое значение

* *Rolbant S.* The Israeli Soldier. Profile of an Army. — New York: Thomas Yoseloff Publishing, 1970. — P. 48.

** *Allon Y.* The Making of Israel's Army. — London: Valentine Mitchell, 1970. — P. 106.

*** Условность этого термина вытекает из того, что «местные» конфликты, как правило, принимают международный характер.

имеет линия Израиля на провоцирование и разжигание «местных» конфликтов с использованием для этого национальных, религиозных, политических или экономических противоречий внутри ряда арабских стран или между отдельными государствами этого района.

В западной литературе по Ближнему Востоку арабо-израильский конфликт рассматривается наряду с такими «местными» конфликтами, а не как доминирующий фактор, во многом предопределяющий направление и интенсивность их развития. В таком подходе, очевидно, проявляется стремление, с одной стороны, представить арабо-израильскую конфронтацию тоже как нечто «местное», как «одно из многих» аналогичных явлений в этом «обуреваемом страстями и противоречиями районе», а с другой – обойти последствия того пагубного влияния, которое оказывает на всю ближневосточную ситуацию в целом политика правящих кругов Израиля, их покровителей и союзников. Между тем само развитие «местных» конфликтов, взрывы противоречий, переходы в кризисную стадию, крайняя трудность осуществления эффективных мер по нормализации обстановки – все это нередко прямо связано с провоцирующей политикой Израиля, США или некоторых других западных государств, использующих все средства для того, чтобы иметь возможность «контролировать» в своих интересах развитие событий на «главном направлении» – в арабо-израильском столкновении. Примером этого может служить израильская политика в отношении событий на севере Ирака и в Ливане.

Известно, что в течение длительного периода на севере Ирака происходила братоубийственная война иракской армии и курдских вооруженных отрядов. Ценой огромных усилий со стороны патриотических сил пламя войны удалось погасить, а в марте 1970 г. – подписать соглашение, которое явилось историческим достижением всего иракского народа. В соглашении было официально

зафиксировано право курдского населения на автономию, которое подкреплялось целым рядом положений соглашения, в том числе о курдском характере администрации в северных областях, об участии курдов в центральном правительстве, об увеличении ассигнований на промышленное и культурное развитие курдских районов, о введении обучения на национальном языке и т. д. Соглашение от 11 марта 1970 г. должно было стать основой дальнейшего продвижения по пути решения курдской проблемы. Оно создавало для этого необходимую базу.

Автору этих строк довелось в качестве корреспондента «Правды» с 1966 по 1970 г. неоднократно встречаться с курдским лидером М. Барзани, его непосредственным окружением, с руководителями Ирака, в том числе заместителем председателя Революционного Совета Саддамом Хусейном, который непосредственно занимался урегулированием курдской проблемы. Во время этих встреч сложилось убеждение, что как со стороны Багдада, так в тот период и со стороны курдов доминировали патриотические, антиимпериалистические силы, которые вели дело к урегулированию на компромиссной, справедливой основе, с учетом национальных интересов Ирака в целом и курдского народа в частности. Сам М. Барзани неоднократно заявлял, что в его цели не входит отделение от Ирака. «Если бы иракское правительство даже попросило нас отделиться, мы бы не пошли на это, – сказал М. Барзани корреспонденту “Правды”, – мы не хотим выходить из Ирака. Это наша родина, но курды должны в ней пользоваться всеми правами наравне с арабами. Вот за что и идет борьба»*. В свою очередь Саддам Хусейн сказал корреспонденту «Правды»: «Мы по-прежнему будем стремиться решить проблему курдов

* Правда, 18 января 1967.

мирными средствами. Все больший упор будет делаться на осуществление социальных мероприятий на севере»*.

Однако после подписания соглашения в курдском движении постепенно взяли верх реакционные элементы, в результате руководящая группа движения пошла на связь с империалистическими, реакционными кругами и израильской разведкой. Известны многочисленные контакты, осуществляемые через Иран и непосредственно Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов со ставкой курдского главного командования. Известны случаи секретных поездок отдельных курдских руководителей в Тель-Авив, визитов израильских эмиссаров в штаб-квартиру курдского движения. Руководство курдов начало получать из иностранных, в том числе непосредственно израильских, источников серьезную денежную и материальную помощь, главным образом в виде поставок вооружений. Специальная комиссия Палаты представителей американского Конгресса, занимающаяся расследованием деятельности разведывательных органов США, например, сообщила, что в 1972 г., то есть после заключения соглашения от 11 марта 1970 г., было послано курдам оружия и боеприпасов более чем на 10 миллионов долларов**. Дело дошло до того, что наиболее экстремистски настроенные курдские руководители заявляли, что они могут применить даже танки и авиацию в борьбе против Ирака.

Вопреки неоднократно повторяемым требованиям иракского правительства, руководство курдского движения отказалось сдать тяжелое вооружение, что было предусмотрено соглашением. В 1974 г. курдские отряды начали широкие военные действия против иракской армии.

* Правда, 21 сентября 1969.

** The New York Times, 31 июля 1976.

Не все статьи соглашения 11 марта 1970 г. выполнялись четко и организованно. Осуществление некоторых из них задерживалось, отдельные меры, предусмотренные соглашением, саботировались антикурдскими элементами, которые были в целом недовольны линией на мирное урегулирование на севере. Были предприняты попытки покушения на жизнь курдского лидера Барзани. Однако это ни в коей мере не служило достаточным основанием для того, чтобы отказаться от конструктивного подхода к отношениям с прогрессивным иракским режимом, интерпретировать конфликт с Багдадом как чисто национальное столкновение, что было сделано курдским руководством. Требовалось терпение и, что еще более важно, понимание конечных общих целей, которые стоят как перед курдским национально-освободительным движением, так и перед революционно-демократическими силами, находящимися у власти в Ираке. Реакционные элементы, взявшие верх в курдском движении при провоцирующем воздействии внешних сил, отказались от конструктивного курса, и дело кончилось возобновлением войны. В результате военных действий иракской армии, а также соглашения между Багдадом и Тегераном, предусматривавшего закрытие ирано-иракской границы, что привело к прекращению военных поставок курдам, восстание группы Барзани против центрального правительства было подавлено. Оно дорого стоило и курдскому, и всему иракскому народу. И дело было даже не только в огромных человеческих жертвах и материальных потерях. Отказ курдского руководства следовать соглашению от 11 марта 1970 г. дестабилизировал обстановку, ухудшил ее с точки зрения национальных интересов курдов, впервые в своей истории завоевавших автономные права. После прекращения военных действий положение начало выравниваться. Однако было совершенно ясно, что без их возобновления со стороны Барзани условия для претворения в жизнь

мер по наделению курдского населения Ирака автономными правами были бы значительно лучшими.

Ретроспективно охватывая взглядом период после 1970 г., можно прийти к выводу, что эволюция курдского движения, выразившаяся в захвате доминирующих позиций правыми экстремистскими элементами, была тесно связана с влиянием, оказываемым на это движение извне – со стороны империалистических сил, местной реакции и Израиля. Главными мотивами такого внешнего влияния были, безусловно, попытки ослабить Ирак, особенно его военный потенциал, стремление перманентно сохранять угрозу для Багдада с севера в виде «курдского кулака», нависшего над иракским правительством, сбить антиимпериалистический накал политики иракского режима, заставить его отказаться от борьбы за социалистическую ориентацию, независимое развитие, ликвидацию позиций иностранного монополистического капитала в иракской нефти и – не в последнюю очередь (этим главным образом объясняются контакты Израиля с курдским движением) – исключить или, во всяком случае, чрезвычайно ослабить участие Ирака в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

По мере развития конфликта на севере, особенно в 70-х годах, можно было наблюдать усиление попыток империалистических и реакционных сил подтолкнуть события к выделению Курдистана из состава Ирака, созданию наряду с Израилем другого «оплота», призванного противостоять динамизму арабских антиимпериалистических сил. Однако в этой «политике создания второго Израиля», как ее называли иракские патриоты, были свои внутренние пределы. Образование «самостоятельного курдского государства», даже по этой предполагаемой схеме, могло быть чревато серьезными осложнениями для Ирана и Турции, так как оно неизбежно подтолкнуло бы к борьбе за присоединение к этому госу-

дарству местных курдов. Возможно, именно это и явилось причиной того, что правительство Ирана, которое ранее поддерживало тенденцию «бескомпромиссности» курдов в отношении Багдада, в середине 70-х годов начало менять позицию и в конце концов подписало соглашение с Ираком, фактически прекращающее эту поддержку. Весьма характерно, что факт подписания соглашения вызвал откровенно антииранскую реакцию со стороны израильской печати.

В еще большей степени вмешательство Израиля во внутренние дела соседних арабских стран проявилось во время ливанских событий в 70-х годах.

Комплекс противоречий – социальных и религиозных – совокупно создал достаточно легко воспламеняющийся материал в Ливане*. Вместе с тем ни характер событий в Ливане, ни побудительные мотивы грубого израильского вмешательства в дела этой страны, фактически поддерживаемого Соединенными Штатами, не могут быть определены правильно без учета «палестинского фактора». В связи с первой палестинской войной 1948 г. в Ливан прибыло 300 тысяч палестинских беженцев. Здесь же были размещены и вооруженные силы палестинцев, для которых Ливан приобрел особое значение после 1970 г., когда в результате братоубийственной войны в Иордании¹² они потеряли там свои важнейшие военные позиции. После этого палестинские военные базы в районе

* Приблизительно 60 % ливанского населения – мусульмане, 40 % – христиане. После создания Ливанской Республики в 1943 г. в стране была установлена так называемая конфессиональная система, определяющая долю участия христиан и мусульман, равно как и представителей различных христианских (марониты, ортодоксы, католики) и мусульманских (сунниты, шииты) групп, в законодательных и исполнительных органах Ливана. Согласно этой системе, преимущественное положение в управлении страной заняли христиане, за которыми были закреплены посты президента, командующего армией, ряд ключевых министерств и шесть мест против каждого пяти мусульманских в парламенте и во всех государственных учреждениях.

горного Ливана, пограничном с Израилем, стали основными для палестинского движения сопротивления (ПДС). Нахождение военных сил палестинцев на ливанской территории регламентировали соглашения 1969 и 1973 гг., заключенные между ПДС и правительством Ливана. Однако на протяжении этих лет круги крайней христианской реакции пытались сорвать эти соглашения и вытеснить палестинцев из Ливана. Решительное сопротивление этому оказали ливанские патриотические, прогрессивные силы.

Усиление борьбы со стороны правых за ликвидацию палестинского присутствия в Ливане – без этого реакция не только не могла практически расширить и укрепить, но и сохранить свои позиции в стране – целенаправленно провоцировалось израильскими акциями против палестинских баз и гражданских лагерей, расположенных на ливанской территории. В результате несколько раз вспыхивали столкновения ливанской армии с вооруженными отрядами ПДС.

Израильский нажим на Ливан особенно усилился после «черного сентября» в Иордании. Особенно характерным в этой связи был 1972 год, когда израильские политики поставили своей целью повторение «иорданской операции» в Ливане, для того, чтобы ликвидировать основные опорные базы палестинских партизан и в этой стране. В январе израильская армия атаковала три деревни в южном Ливане якобы с целью ликвидации баз партизан. После захвата деревень было взорвано несколько домов. В этих операциях принимала участие и израильская авиация. В феврале объектом атак израильских сухопутных сил и ВВС стали восемь южно-ливанских деревень. Совет Безопасности ООН, созданный по просьбе Ливана, единогласно принял резолюцию, требующую немедленного прекращения вооруженных действий против Ливана и вывода израильских войск. Несмотря на это решение, Израиль в июне вновь совер-

шил под предлогом борьбы против партизан вооруженные нападения на ливанскую территорию. Используя террористические действия палестинской организации «Черный сентябрь» во время Олимпийских игр в Мюнхене, Израиль в сентябре 1972 г. осуществил бомбардировки ряда пунктов в Ливане и Сирии, а затем израильские войска вторглись на ливанскую территорию¹³.

Эта агрессивная акция, как и предшествовавшие, была, очевидно, запланирована таким образом, чтобы максимально активизировать правые ливанские силы и направить их против палестинских партизан. Израильские бомбовые удары – об этом писали и западные журналисты, посетившие юг Ливана, – наносились по мирным объектам. Одновременно на страницах израильских газет широко распространялись заявления о необходимости не только «кратковременно оккупировать», но и «стабильно сохранить под контролем Израиля» районы Южного Ливана вплоть до реки Литани. Израильские войска 16–17 сентября действительно оккупировали этот район, но были вынуждены отойти на исходные позиции.

Отвод израильских войск, осуществленный вопреки открытым призывам «ястребов» в Тель-Авиве, например одного из лидеров правой партии «Херут», бывшего командующего израильскими ВВС, ставшего министром обороны в правительстве Бегина, Э. Вейцмана, многими наблюдателями объяснялся главным образом тем, что в тот момент захват части ливанской территории не мог быть санкционирован Вашингтоном. Сделав серьезную политическую ставку на раскол арабского мира и усиление в нем проамериканских элементов, Соединенные Штаты опасались, что оккупация ливанской территории Израилем может помешать маневрированию США в арабских странах, а также что в случае сохранения израильских войск на территории Ливана будет рассматриваться вопрос в Совете Безопасности ООН. За несколько

дней до этого (10 сентября) Соединенным Штатам уже пришлось применить в Совете Безопасности вето, чтобы не допустить принятия резолюции, осуждавшей агрессивные действия Израиля против Ливана и Сирии. Вашингтонские политики хотели исключить повторение ситуации, при которой им еще раз пришлось бы открыто поставить себя в положение противников арабских стран, что подрывало бы позиции американского «лобби» в арабском мире. США принимали во внимание и особое отношение на Западе к Ливану, значительную часть населения которого составляют христиане. Поэтому американские политики, очевидно, стояли за «малый вариант» операции: израильский удар по южному Ливану без удержания ливанской территории. Естественно, что о проливанских симпатиях США при этом не могло быть и речи.

Обращает на себя внимание еще одно направление израильской политики: вскоре после «черного сентября» израильские ВВС начали бомбардировки лагерей палестинских беженцев, расположенных на территории Ливана и Сирии. Ни для кого не было секретом, что такие бомбовые удары не связаны с чисто военными целями. Смысл осуществлявшихся Израилем акций, по-видимому, заключался в том, чтобы с помощью таких варварских методов попытаться ликвидировать палестинские лагеря, заставить рассредоточиться по территориям арабских стран эту компактную многотысячную людскую массу, стремящуюся к восстановлению своих национальных прав, узурпированных сионистской верхушкой Израиля.

Израильские бомбардировки палестинских лагерей – не только на юге, но и на севере Ливана – стали особенно интенсивными в конце 1974 – начале 1975 годов. Происходили и рейды израильской армии вглубь территории Ливана. Ливанская армия при этом, как правило, сохраняла позицию наблюдателя, что вызывало резко отрица-

тельную реакцию как палестинцев, так и ливанских патриотических сил. Фалангисты из реакционной партии «Катаиб» солидаризировались с армией (вернее, с ее командованием) и президентом Франжье. Обстановка накалялась.

Таким образом, Израиль уже в первой половине 70-х годов осуществлял прямое вмешательство в Ливане с целью ликвидации палестинских позиций в этой стране. Трагедия Ливана 1975–1976 гг.¹⁴ была также тесно связана с провоцирующей политикой Израиля, с воздействием империалистических кругов, которые не только пытались максимально использовать в своих интересах межарабские конфликты, но и целенаправленно способствовали созданию таких конфликтных ситуаций. В широком плане трагедия Ливана была связана с продолжающейся неурегулированностью основного ближневосточного конфликта – арабо-израильского.

По степени воздействия на ливанские события 1975–1976 гг., унесшие до 60 тысяч человеческих жизней, выделяются два неарабских внешних фактора – политика Израиля и политика Соединенных Штатов. В меньшей степени проявилось влияние Франции, которое скорее выражалось не в активной французской линии в отношении Ливана, а в расчетах право-христианских сил на французское вмешательство, особенно в момент, когда обстановка складывалась в пользу левых патриотических сил Ливана (начало 1976 г.). В этом прежде всего проявилось традиционное отношение к Франции со стороны маронитской общины в Ливане.

Какой была иерархия целей Израиля и США*, обусловивших их политику в отношении событий в Ливане, начавшихся в 1975 г.?

* Хотя американская политика на Ближнем Востоке рассматривается специально в следующем разделе, автор счел возможным осветить политику США в Ливане здесь, проведя сравнительный анализ ее с политикой Израиля в отношении Ливана.

Для Израиля это стремление:

- ликвидировать вооруженные силы палестинского движения сопротивления;

- не допустить победы национальных патриотических сил Ливана и усиления их роли в руководстве политикой этого государства;

- обеспечить условия для израильского контроля в той или иной форме над югом Ливана вплоть до реки Литани, исключить палестинское присутствие в этом районе;

- ослабить в военном отношении Сирию, которая ввела свои войска в Ливан;

- пролонгировать состояние «ни войны, ни мира», создав обстановку, крайне не благоприятствующую мерам по общему политическому урегулированию ближневосточного конфликта;

- усилить противоречия между арабскими странами и тем самым резко ослабить возможность повторения ситуации 1973 г., характеризовавшейся их едиными действиями против израильской экспансионистской политики.

Иерархия целей США, диктующая их позицию в отношении ливанских событий, в целом ряде моментов совпала с побудительными мотивами действий Израиля, что обусловило до определенной степени единое направление политики этих двух государств в Ливане. Естественно, при этом не было и не могло быть полного совпадения, учитывая «более широкие интересы» США как на глобальном уровне, так и в рамках всего арабского мира.

Соединенные Штаты Америки, очевидно, пытались обеспечить следующий комплекс целей в Ливане:

- ослабить палестинское движение сопротивления, сняв тем самым серьезное препятствие с пути осуществления урегулирования ближневосточного кризиса «по-американски»;

– нейтрализовать антиизраильскую активность палестинского движения, что было особенно важно американской администрации в 1976 г., во время предвыборной борьбы и в год выборов президента, когда общая линия США была направлена на то, чтобы временно «заморозить» ситуации, чреватые переходом в международные кризисы;

– разъединить арабские государства, резко уменьшив возможности для повторения событий 1973 г., характеризовавшихся единством арабских действий, особенно в наиболее чувствительном для США нефтяном вопросе;

– отвлечь внимание арабских государств от американской политики частичных решений (урегулирование «шаг за шагом»), переключив его на события в Ливане, и тем самым ослабить изоляцию президента Садата и нараставшее сопротивление второму частичному египетско-израильскому сепаратному соглашению;

– втянуть в ливанские события Сирию и тем самым попытаться, с одной стороны, ослабить ее антиизраильский потенциал, а с другой – «навести мосты», установить «рабочие контакты» с Дамаском.

Перечень целей Израиля и США показывает, что они были заинтересованы в разжигании ливанского пожара. Со стороны Соединенных Штатов, однако, такая заинтересованность имела определенные пределы, обусловленные характером тех целей, которые ставила перед собой американская политика. Так, США, как и прежде, не рассматривали в виде наиболее благоприятного для себя варианта на данном этапе раскол Ливана и прямую оккупацию Израилем юга страны, что, как уже говорилось, могло привести к сплочению арабского мира на антиамериканской основе. Равным образом американская дипломатия стремилась исключить такую ситуацию, при которой могло бы произойти вооруженное столкновение Израиля с Сирией по поводу Ливана.

Рассмотрим развитие событий в Ливане в 1975–1976 гг. с точки зрения политики Израиля и США.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что провокационное нападение 13 апреля 1975 г. фалангистов на палестинских беженцев, ехавших в автобусе, с чего начался ливанский кризис 1975–1976 гг., произошло в тот момент, когда американская дипломатия (после того как ей в марте не удалось по тем или иным причинам организовать подписание второго египетско-израильского соглашения) приступила к новому туру активности в вопросах частичного урегулирования на Синае*.

Когда контуры сепаратного частичного соглашения начали вновь вырисовываться, его сорвать могло бы лишь противодействие арабского мира в целом, особенно палестинского движения сопротивления, способного стать катализатором такого противодействия. В таких условиях США не могли не стремиться отвлечь внимание от того, что варилось в «котле американской политики». Решение этой тактической задачи, возможно, определило время, выбранное для разжигания внутреннего столкновения в Ливане. Главная же цель и Израиля, и ливанской реакции – в этом вопросе их интересы не только были едины, но и совпадали с интересами США – заключалась в нанесении удара по вооруженным силам палестинского движения сопротивления.

В обоюдных интересах ливанской реакции и Израиля могли рассматриваться следующие варианты развития обстановки. Наилучший – укрепление власти реакционных сил в масштабах всего Ливана; это было бы немедленно использовано для прекращения военного присутствия ПДС в стране. В случае невозможности осуществить «наилучший вариант» – раздел Ливана при выделении из него христианского маронитского государства, которое, по словам министра иностранных дел Шамуна, ска-

* См. подробно в главе V.

занным в его близком окружении, не допустит сохранения палестинцев на своей территории.

Начавшиеся в апреле 1975 г. бои показали, что соотношение сил в Ливане сложилось явно не в пользу реакции. В это время и был активизирован план раздела страны.

Есть все основания считать, что израильское руководство сначала решительно поддерживало такой план. Не исключено, что в случае его осуществления в обострившейся обстановке Израиль планировал тогда оккупировать южную часть Ливана. С одной стороны, Израиль таким образом обретал возможность отодвинуть границу от жизненно важных центров, расположенных в Северной Галилее, делая их менее уязвимыми с баз ПДС в горной части Ливана. С другой стороны, оккупация территории Ливана до реки Литани практически поставила бы под израильский контроль истоки рек, имеющих чрезвычайно важное экономическое значение для соседних арабских стран.

По-видимому, на всем протяжении 1975 г. самым интенсивным образом шла подготовка к осуществлению плана раскола Ливана. Вооруженные столкновения национальных патриотических и право-христианских сил сопровождались политическим маневрированием христианской реакции, помышлявшей о создании отдельного христианского государства. В это время ряд экстремистских деятелей с христианской стороны открыто говорили, что нынешнее кровопролитие практически зачеркивает возможность существования Ливана в качестве единого «дву религиозного» государства.

Однако осенью 1975 г. появились определенные трудности в осуществлении плана раскола Ливана. Не последнюю роль в этом сыграла позиция против раскола, занятая западноевропейскими странами, которые, очевидно, опасались, что раскол усилит антихристианские настроения в других арабских странах. В то же время они

понимали, что крохотное христианское государство было бы нежизнеспособным. Папа Римский, пользующийся серьезным влиянием в маронитской общине, направил в начале ноября 1975 г. в Ливан своего представителя (кардинала Бертоли), который, отражая мнение западноевропейских государств, во время переговоров с руководством маронитской общины резко высказался против планов раздела Ливана. Недовольство Запада идеей раскола Ливана было подтверждено и специальным посланником Франции Кув де Мюрвилем, прибывшим в Бейрут в ноябре 1975 г. Во время личных бесед с ливанскими руководителями Кув де Мюрвиль заявил, что имеет полномочия выступать за сохранение территориальной целостности Ливана и от Белого дома. Негативное отношение США и западноевропейских стран к планам раскола Ливана и вынудило, очевидно, премьер-министра Рабина заявить в декабре 1975 г., что Израиль не преследует цели разделения Ливана и что это якобы даже не соответствует его интересам. Рабин не мог позволить себе и дальше накалять отношения с США и западноевропейскими странами, что неизбежно ослабляло возможности Израиля в конфронтации с арабами.

Вместе с тем борьба ливанской реакции за раскол страны продолжалась, но уже в ухудшившихся для нее условиях. Дело было не только в ослаблении внешней поддержки этой идеи. Положение начало меняться и в самом Ливане, где удалось достигнуть определенного замирения и начали проявляться контуры возможного урегулирования. Надежду на урегулирование внушало приглашение президентом Сирии Асадом лидера фалангистов Пьера Жмайеля, который вылетел в Дамаск в самом начале декабря 1975 г. Главные усилия и ливанских христианских экстремистов, и Израиля были сосредоточены в то время на том, чтобы сорвать возможность мирного развития событий. 5 декабря, именно в тот момент, когда Пьер Жмайель был в Дамаске, а в Ливане ус-

становилось относительное спокойствие, неизвестными лицами непосредственно в районе, контролируемом партией «Катаиб», были убиты четыре молодых фалангиста.

Кто организовал эту акцию? Сначала возникла версия, что фалангисты погибли от пуль бойцов из прогрессивных патриотических групп. Лидеры крупнейших прогрессивных национальных организаций Ливана, палестинские лидеры в беседах с автором книги и И.П. Беляевым, находившимися в это время в Ливане, полностью отрицали свою причастность к этому. Одновременно подчеркивалось, что срыв миссии Пьера Жмайеля, естественно, не соответствовал интересам прогрессивных сил. В Бейруте широко распространилась версия о том, что убийство четырех фалангистов было совершено израильской агентурой. Эта акция достигла своей цели. На следующий день фалангистские молодчики в районе Бейрутского порта захватили несколько сот заложников и 300 из них расстреляли на месте. Возможность урегулирования была сорвана, бои вспыхнули с новой силой.

Причем развернувшиеся сражения и в центре Бейрута, и в районе Захле показали явное военное преимущество прогрессивных национальных сил. Фалангисты, в частности, вынуждены были оставить важные для себя позиции в районе международных отелей в Бейруте. Именно в это время христианское реакционное руководство сделало ставку на то, чтобы втянуть в события ливанскую армию, рассчитывая на своих людей в ее командовании. Министр иностранных дел Шамун под предлогом необходимости восстановить порядок требовал введения чрезвычайного положения в стране, которое предоставило бы армии возможность действовать, как была уверена реакция, против прогрессивных сил и палестинцев. Но введение чрезвычайного положения зависело от решения премьер-министра Р. Караме, который его не принимал, объясняя это тем, что вмешательство армии, с одной стороны, неизбежно вызовет прямое

столкновение с ней палестинцев, а с другой – разожжет междоусобицы в самой армии между христианами и мусульманами.

В результате ливанская реакция поставила перед собой задачу любым путем и без введения чрезвычайного положения втянуть армию в гражданскую войну. Предлогом для этого могли бы послужить открытые выступления палестинских вооруженных сил. Столкновение ливанских армейских подразделений с ПДС важно было спровоцировать в тот момент также и в связи с «международными обстоятельствами». 12 января 1976 г. в Совете Безопасности ООН началось обсуждение ближневосточного конфликта, на котором должны были присутствовать представители Организации освобождения Палестины. Компрометация палестинцев, резкое ослабление их политических и военных позиций стали накануне созыва Совета Безопасности задачей первостепенной важности для объединенного фронта внутренней ливанской и внешней реакции.

В самом начале января неожиданно для многих наблюдателей войска фалангистов и так называемая национальная милиция – вооруженные подразделения Национально-либеральной партии Шамуна – окружили палестинские лагеря и перерезали пути их снабжения продуктами питания.

Палестинское движение сопротивления с начала кровавых событий в Ливане пыталось не дать себя непосредственно вовлечь в вооруженные действия, справедливо считая, что это может быть использовано как предлог для удара по вооруженным отрядам ПДС. В самом начале столкновений силы ПДС участвовали в боях, однако затем Организация освобождения Палестины сделала все от нее зависящее, чтобы вывести палестинские силы из непосредственного вооруженного столкновения в Ливане. Руководство ПДС и в конце декабря – начале января пыталось привести дело к снятию осады с палестинских

лагерей путем политических контактов. Когда не удалось это сделать, палестинские вооруженные силы вместе с ливанскими национальными патриотическими отрядами в качестве ответной меры окружили ряд христианских районов. Тогда против палестинских вооруженных сил были брошены ВВС и наземные части ливанской армии.

Вспыхнули бои, которые в несколько часов привели к полному развалу ливанской армии. Вся страна безудержно погружалась в анархию и хаос. Власти не могли контролировать положение. В Бейруте и других городах начались грабежи. Именно в этот момент на авансцену выступила Сирия, которая сыграла в тот момент положительную роль, приведя дело к прекращению кровопролития.

Из Сирии на ливанскую территорию были перебросены части Армии освобождения Палестины с целью навести порядок в стране. Одновременно сирийское руководство вступило в контакт с президентом Франжье, с другими руководителями христианской маронитской общины, с представителями всех политических группировок. В результате такой интенсивной активности в Ливане был прекращен огонь, создан тройственный комитет из представителей ливанцев, палестинцев и Сирии, который взял на себя функции поддержания порядка в стране. В результате переговоров были выработаны некоторые меры политического характера, призванные хотя бы на данный момент оздоровить обстановку в Ливане, не дать сползти к новому туру гражданской войны. После согласования этих мер с руководителями религиозных общин, прогрессивных национальных организаций и сирийским руководством президент Франжье объявил о них по радио 14 февраля. Эти меры, сохраняя конфессиональную систему в Ливане, внесли в нее определенные изменения. Пост президента сохранялся за христианами-маронитами, премьер-министра – за му-

сульманами-суннитами. В то же время произошло выравнивание числа представителей христиан и мусульман в парламенте – 50 на 50. Был провозглашен отказ от существовавшей практики назначения премьер-министра президентом – было установлено, что он выбирается парламентом. Полномочия президента сокращались. Все гражданские учреждения страны освобождались от конфессионализма. Провозглашалось, что прием на работу будет осуществляться теперь вне зависимости от религиозной принадлежности кандидата.

Конечно, предлагаемая новая формула далеко не удовлетворила всех тех требований, которые выдвигались прогрессивными национальными организациями. Критически в отношении новой формулы высказался один из лидеров национальных прогрессивных сил в Ливане, К. Джумблат, который заявил, что лишь полный отказ от конфессионализма может обеспечить развитие Ливана.

Предложенная компромиссная формула вызвала критику и со стороны экстремистских христианских деятелей, которые расценили ее как лишение тех привилегий, которые были накоплены в результате многолетней борьбы.

В таких условиях борьба начала концентрироваться вокруг вопроса о замене президента, с чем патриотические силы связывали продолжение периода нормализации и выработки конструктивных взаимоприемлемых решений.

Национально-патриотические силы Ливана, исходя из достигнутой в январе 1976 г. договоренности, выдвинули требование о немедленной смене президента республики. Франжье отказался подчиниться этому требованию. Война возобновилась.

В это время палестинская организация «Сайка» и Армия освобождения Палестины были активизированы Дамаском для разъединения воюющих сторон. Предста-

водители национальных прогрессивных сил и Я. Арафат заявляли, что это поставило их в тяжелое положение, так как объективно было на руку право-христианским силам, в то время испытывавшим серьезные военные затруднения.

Одновременно происходило политическое маневрирование: после нескольких неудачных попыток собрать парламент была, наконец, принята поправка к ливанской конституции, разрешающая парламенту переизбирать президента, и 8 мая на этот пост был избран Ильяс Саркис.

За три недели до этого, 15 апреля, Я. Арафат нанес визит в Дамаск и заключил с президентом Асадом соглашение, по которому обе стороны договорились о необходимости положить конец боям, возобновить деятельность трехсторонней (ливано-сирийско-палестинской) комиссии, выступать против раздела Ливана и «арабизации» или «интернационализации» конфликта (в ответ на предложения направить в Ливан арабские, французские или смешанные арабо-французские войска).

Между тем Франжье отказывался уйти в отставку, что ставило под удар все достигнутые компромиссные договоренности, и левые национальные силы начали наступление на военные позиции правых. К этому времени произошел окончательный раскол ливанской армии: одна ее часть встала на сторону право-христианских сил; другая, созданная из солдат, сгруппировавшихся вокруг лейтенанта Хатыба, образовала «армию арабского Ливана» и в основном примкнула к патриотическим силам.

Зимой и весной 1976 г. большую активность развила в Ливане американская дипломатия. Вместо заболевшего и выехавшего в США американского посла в Ливан был направлен Дин Браун – директор Института Ближнего Востока Колумбийского университета, занимавший до этого (во время братоубийственной войны в Иордании в 1970 г.) пост посла США в Аммане. Прибыв в Бейрут,

Браун установил контакты с руководителями сил, непосредственно вовлеченных в ливанский конфликт. Ряд арабских политических деятелей, встречавшихся с Брауном, рассказывали автору этих строк, что у них сложилось впечатление о стремлении Брауна «поглубже» втянуть в конфликт всех его участников. «Он говорил правым христианам, что справедливость на их стороне, так как они не могут разбазарить те преимущества, которые исторически ими завоеваны. Он говорил Джумблату, что США с симпатией относятся к его борьбе за демократизацию ливанской структуры, без чего невозможно будущее страны. Он уверял сирийцев в том, что их миссия неизбежна для наведения порядка в Ливане, и так далее и тому подобное», – сказал один из крупных ливанских политических деятелей.

Помимо задачи затянуть во времени неурегулированность в Ливане Браун, по-видимому, исподволь осуществлял идею создания «кантональной» структуры для ливанского государства. Есть основания считать, что к этому времени Госдепартамент США начал прорабатывать «на всякий случай» вариант фактического раздела Ливана при формальном сохранении его в качестве единого государства. «В настоящее время я верю в бесконечную способность ливанцев находить, как и в прошлом, политические компромиссы, которые могли бы предусматривать нечто вроде конфедеральной или кантональной системы, так или иначе сохраняющей территориальное единство», – заявил Браун в интервью телевидению США 10 августа 1976 г. Формула «конфедеральной или кантональной» системы для Ливана была изобретена американской дипломатией в виде «компромиссной». Раскрывая смысл этой формулы, один из известных французских журналистов-специалистов по ближневосточной тематике Жак Кубар писал в газете «L'Humanité»: «Браун осторожно передвигает свои пешки. Хотя он и говорит, что против раздела, чтобы избе-

жать создания прогрессивного государства на части ливанской территории, – со всеми теми последствиями, к которым это привело бы в международном плане, – он предлагает расчленить страну на кантоны, или федерации, для того чтобы дать реакционерам средство контроля, которое свело бы на нет все усилия, направленные на демократическую эволюцию в Ливане»*.

В начале июня 1976 г. Сирия ввела свои регулярные войска в Ливан, которые блокировали ряд районов, контролируемых национальными патриотическими силами (НПС) и палестинским движением сопротивления. Произошли столкновения сирийцев с отрядами ПДС и НПС. Империализм и реакция увидели в этом столкновении сил, борющихся за ликвидацию израильской агрессии, «желанный для себя поворот событий»**. Создавалась принципиально новая и выгодная для них ситуация не только в самом Ливане, но и в широком плане, охватывающем всю проблему ближневосточного кризиса. «В результате этих внутренних распрей среди арабов, – писал редактор американского журнала “Newsweek” Арно де Борчгрейв, – израильтяне приходят к выводу, что у них нет никаких причин идти на уступки в новом раунде переговоров по Ближнему Востоку. Высокопоставленные должностные лица в Вашингтоне, с которыми я беседовал, разделяют эту израильскую точку зрения»***.

Вводя вооруженные силы на ливанскую территорию, сирийское правительство декларировало необходимость положить конец кровопролитию в Ливане, создать условия для мирного урегулирования внутриливанских дел. Одновременно ливанские прогрессивные силы и палестинцы выступили с рядом обвинений в том, что сирий-

* L’Humanité, 25 августа 1976.

** *Потомов Ю.* Ливанский кризис: кому он выгоден? // Новое время. – № 26/1976. – С. 9.

*** Newsweek, 2 августа 1976.

ские войска сковывали инициативу ливанских национальных прогрессивных сил и палестинского движения сопротивления в условиях, когда резко активизировались право-христианские отряды, получившие поддержку Израиля.

Объектом наступления правых сил стали палестинские лагеря. После многонедельного героического сопротивления право-христианским молодчикам удалось захватить несколько лагерей, в том числе самый крупный на ливанской территории – Тель-Заатар. Многие сотни людей были убиты, замучены, брошены в тюрьмы. Остальные были насильственно изгнаны с территории лагеря, все постройки которого были снесены бульдозерами. Правые осуществили расширение контролируемых ими позиций в горном Ливане. При этом они пользовались открытой, откровенной поддержкой внешних сил, в первую очередь Израиля, который в таких условиях превратился в сторону, непосредственно вовлеченную в конфликт.

Свидетельства на этот счет дает американская и западноевропейская печать, которую никому не придет в голову обвинять в подтасовке фактов, доказывающих прямую вовлеченность Израиля в ливанский конфликт. Характерно, что сообщение о поставках вооружений право-христианским силам не опровергал и Израиль.

Американский журнал «Time», например, писал в сентябре 1976 г. следующее: «Поворотный момент в политике Израиля наступил зимой, когда осажденные христианские силы в Ливане, казалось, вот-вот будут разбиты палестинцами и мусульманскими левыми. С помощью контактов между агентами разведки на Кипре ливанские христиане обратились к Иерусалиму с отчаянной просьбой об оружии и боеприпасах. К маю, незадолго до того как отряды сирийской армии вступили в Ливан, начались регулярные поставки из Израиля в Джунию и другие северные ливанские порты. Речь шла не только

о боеприпасах и таком стрелковом оружии, как американские легкие винтовки “М-16”, но и о таком тяжелом оружии, как бронетранспортеры, ракеты и, по крайней мере, 22 танка, которые были захвачены во время войн в 1967 и 1973 гг. В конце мая, когда уже начались поставки оружия, министр обороны Перес нанес свой первый тайный визит в Ливан. Пока точно не известно, кто встречал его во время первой миссии, но переговоры были столь успешными, что Перес начал совершать регулярные поездки на борту ракетноносца. На третьей встрече присутствовал премьер-министр Рабин».

«Time» привел данные не только о поставках израильского оружия ливанским правым, но и об их подготовке израильскими инструкторами на оккупированной территории Синай.

Корреспондент американской газеты «Christian Science Monitor» познакомил читателей с весьма любопытным высказыванием одного правого ливанца: «В первые месяцы мы не знали, откуда поступит наш следующий патрон... Теперь несколько стран бесплатно дают оружие, которое нам нужно». Когда его спросили, почему Израиль участвует в поставках оружия, последовал такой ответ: «Это совершенно ясно. Израильцы довольны. Мы делаем за них их работу».

По свидетельству тель-авивского корреспондента газеты «France Soir», помощь Израиля, «возможно, сыграла очень важную роль в ходе боев, принявших летом благоприятный для христиан оборот».

Не ограничившись прямой помощью правым силам, израильское руководство организовало морскую блокаду ливанского побережья, с тем чтобы перерезать пути снабжения национально-патриотических сил и палестинского движения сопротивления.

Одновременно обратила на себя внимание деятельность израильских властей в отношении южной части ливанской территории, которая с давних пор включается

в планы экспансии экстремистскими кругами Израиля. Воспользовавшись гражданской войной в Ливане, израильские власти заявили, что на юге Ливана существует «полувакуум», и декларировали свое несогласие с тем, что его в будущем заполнят какие-либо враждебные Израилу силы или палестинцы.

Дело не ограничилось декларациями в отношении юга Ливана. Начала проводиться политика, аналогичная той, которую Израиль проводит в отношении Западного берега реки Иордан и района Газы. Граница между Ливаном и Израилем была открыта силой, и израильские патрули ежедневно углублялись на многие километры на ливанскую территорию; поощрялся вывоз ливанцев для работы на израильских промышленных предприятиях, проводились «филантропические» акции, направленные на то, чтобы завоевать доверие у ливанского населения пограничных районов, такие, как закупка урожая, вакцинация скота и т. д. Все делалось для того, чтобы при удобном случае аннексировать эту территорию или найти форму контроля, обеспечивающую ее полную зависимость от Израиля.

Помощь поставками различных вооружений для право-христианских сил оказывали также американские и французские империалистические круги. Парижская газета «L'Aurore» сообщала о том, что в операциях по переброске оружия в порт Джуния, контролируемый ливанской реакцией, принимали участие корабли НАТО.

Советский Союз занял четкую позицию в отношении ливанских событий. В заявлении ТАСС, опубликованном в «Правде» 10 июня 1976 г., говорилось: «Советский Союз уже выступал с предупреждениями о том, что обстановка в Ливане, в целом на Ближнем Востоке может еще больше осложниться, если не будет положен конец попыткам иностранного вмешательства в дела Ливана».

На эту же сторону ливанских событий было обращено внимание в сообщении о встрече в ЦК КПСС с делегаци-

ей Ливанской коммунистической партии. «Участники встречи указали, – говорится в сообщении, – что трагические события в Ливане являются результатом подрывной деятельности империализма и реакции в этой стране, прямым следствием общей неурегулированности ближневосточного конфликта, порожденного израильской агрессией против арабских стран. Провоцируя и углубляя кризис, империалистические и реакционные круги стремятся отвлечь арабские народы от борьбы за освобождение оккупированных арабских территорий и обеспечение справедливых прав палестинцев, разобщить силы свободы и прогресса в арабском мире, нанести удар по палестинскому движению сопротивления»*.

В конце 1976 г. ряд руководителей арабских стран – Саудовской Аравии, Египта, Кувейта и Сирии – разработали программу урегулирования ливанского кризиса. В страну вошли межарабские силы безопасности. Под их флаг были поставлены сирийские войска, находившиеся в Ливане. Общее число межарабских сил безопасности составило до 30 тысяч. Национально-патриотические силы и отряды ПДС объявили о своей готовности сотрудничать с ними. К решению об этом вынуждены были прийти и право-христианские элементы. В ноябре 1976 г. бои постепенно прекратились, открыв перспективу мира.

Хотя план разгрома ПДС и национально-патриотических сил Ливана был в целом сорван, ливанская трагедия дорого стоила всему арабскому миру. Большие потери понесли все стороны, вовлеченные в борьбу, в том числе и палестинское движение сопротивления. Выиграло от этого кровопролития лишь израильское руководство, которое не скрывало своего удовлетворения по поводу того, что ливанские события ослабили его основных противников – и ПДС, и Сирию.

* Правда, 18 августа 1976.

Израиль и после прекращения огня в Ливане продолжал деятельность, направленную на то, чтобы сорвать урегулирование. Премьер-министр и министр обороны Израиля неоднократно выступали с угрозой «вмешаться», если на юг Ливана войдут арабские силы безопасности или вооруженные силы ПДС. Одновременно на юге Ливана происходили провокации израильской военщины, продолжающей действовать там вкупе с право-христианскими отрядами. Премьер-министр Бегин в августе 1977 г. с нарочитой откровенностью – чем шокировал даже своих американских покровителей – заявил, что израильская артиллерия ведет через границу огонь по позициям национальных патриотических сил Ливана.

Чрезвычайно опасным для дела нормализации обстановки в стране было гнусное убийство председателя Прогрессивно-социалистической партии Ливана, одного из выдающихся лидеров патриотических сил – К. Джумблата. Убийство было совершено в марте 1977 г. неизвестными лицами во время возвращения К. Джумблата из Бейрута к себе в селение, в 50 км от столицы. В Ливане и за рубежом строились всевозможные предположения об организаторах убийства. В.И. Ленин в подобных случаях, когда нет прямых данных о силах, непосредственно причастных к событию, призывал руководствоваться вопросом: «Кому это выгодно?» Убийство выдающегося руководителя ливанских прогрессивных сил, надежного и последовательного защитника палестинского движения сопротивления выгодно тем, в чьих интересах было вновь погрузить Ливан в хаос гражданской войны, ослабить ливанских левых, ливанский фронт защиты палестинцев. На самом первом месте среди тех, кому это выгодно, находился Израиль...

Благодаря решительным действиям патриотических и всех здоровых сил в Ливане провокационное убийство К. Джумблата не переросло в новую вспышку кровопро-

литных столкновений, но обстановка в Ливане все еще была далека от надежной стабилизации.

Ливанские события в целом конкретно показали, что открытое вмешательство во внутренние дела соседних арабских стран стало неотъемлемой частью внешнеполитического курса Израиля. Такое вмешательство в Ливане осуществлялось даже без традиционного пропагандистского прикрытия: известно, что Ливан – единственная из соседних с Израилем арабских стран, которая не находилась с ним в состоянии войны.

Глава третья

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

ИЗРАИЛЬСКИМ

РУКОВОДСТВОМ

ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРИЗЫВОВ

ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

ИЗРАИЛЬ

Благоприятные возможности для камуфлирования сущности израильского курса создали угрозы ряда арабских элементов, в том числе бывших руководителей палестинского движения, ликвидировать государство Израиль. Так, бывший лидер Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри, например, призывал к ликвидации Израиля как государства. Были в то время в арабском мире и такие, кто требовал изгнать два с половиной миллиона евреев из Палестины или, во всяком случае, миллион тех, кто прибыл туда из Европы и Америки.

Нередко подобные экстремистские призывы мотивировались тем, что евреи не представляют собой единой нации и что Израиль является искусственным образованием. Как уже подчеркивалось выше, евреи, населяющие различные страны, не представляют собой единой нации. Однако это бесспорно правильное положение нельзя механически переносить на население Израиля и в результате отрицать происходящий процесс складывания израильской нации.

Еврейская – бóльшая – часть населения Израиля имеет единую территорию, живет общей экономической жизнью, имеет единый язык – иврит, который превратился в основной способ общения в этой стране. Идет процесс складывания общности культуры, причем психологический склад формирующейся израильской нации, по наблюдению многих исследователей, не адекватен простой сумме «культурных обликов» еврейского населения Палестины, выходцев из еврейских общин различных арабских стран, а также стран Африки, Европы, Америки. На психологический склад израильской нации накладывают отпечаток исторические условия создания Израиля, непрекращающаяся борьба за его территориальное расширение, конфликт с арабским национальным меньшинством в стране, подвергающимся дискриминации.

Вопрос о процессе образования израильской нации нашел освещение в советской литературе. Советские исследователи Е. Дмитриев и В. Ладейкин в работе «Путь к миру на Ближнем Востоке» писали: «А между тем в Израиле складывается новая нация. Ее обычно называют израильской нацией. По нашему мнению, к ней больше подходит название ивритской – в соответствии с языковым принципом: ведь речь идет не обо всем населении Израиля, а только о той его части, которой вменяется в обязанность знать иврит и следовать ряду “законов” иудейской религии. Кстати, в литературе на английском и французском языках жителей Израиля еврейского происхождения, как правило, называют не евреями, а ивритами. Появление ивритской нации, как и любой другой, – это уже такой свершившийся факт, какие признаются международным сообществом и пользуются международно-правовой защитой. Вопрос о национальном самоопределении ивритов – практически решенный вопрос. Всякая попытка перерешить его без их добровольного на то согласия и за их счет есть явно попытка с негодными

средствами, а главное – с бедственными последствиями»*.

Процесс создания израильской (или ивритской) нации – объективная реальность, и нет никаких оснований предполагать возможность обращения этого процесса вспять. В таких условиях звучат еще более противоестественно и антиисторично лозунги, направленные на ликвидацию права израильтян на самоопределение, в том числе на собственное государство. Однако совершенно справедливо требование, чтобы это бесспорное право не осуществлялось за счет лишения права на самоопределение другого народа – арабского палестинского.

Нельзя пройти и мимо того, что экстремистские призывы в отношении Израиля накапливались по мере усиления сионистского, а также израильского экспансионизма. В свою очередь они умело использовались израильской верхушкой для подготовки и оправдания очередных агрессивных акций против арабов.

В израильской, а также части западной печати такие экстремистские провокационные требования со стороны некоторых арабских элементов обычно гипертрофированно показывались в качестве единственной или по меньшей мере главной причины арабо-израильского конфликта. Нисколько не преуменьшая того крайне негативного воздействия, которое оказывали призывы ликвидировать государство Израиль на нагнетание арабо-израильской вражды и, следовательно, на углубление ближневосточного конфликта, было бы немаловажным реалистически оценить соотношение этих призывов с политикой Израиля, направленной на лишение национальных прав палестинского народа, с жестким экспансионизмом и агрессивностью Израиля в отношении соседних арабских стран. Такое сопоставление или соиз-

* Дмитриев Е., Ладейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке. – М.: Международные отношения, 1974. – С. 70.

мерение вызывается не стремлением к абстрактному, формализованному анализу, а необходимо для выяснения комплекса реальных факторов, нейтрализация которых могла бы привести к политическому урегулированию на Ближнем Востоке. Ведь если согласиться с израильскими или произраильскими западными оценками, то можно представить, будто гарантия безопасности Израиля является единственным условием, способным привести к ликвидации ближневосточного конфликта.

В этой связи, очевидно, целесообразно остановиться на некоторых констатациях.

Во-первых, призывы к ликвидации Израиля были реакцией на определенные действия сначала сионистского руководства, а затем руководящих израильских кругов. Весьма интересны высказывания Ясира Арафата, во многом раскрывающие суть психологии палестинцев, логики, которая одних привела к пониманию истинных национальных интересов, а других столкнула в пропасть нигилизма, отрицания реалистических позитивных целей борьбы. «Разве я должен вычеркнуть из своей памяти дом, в котором я родился – в Иерусалиме, в нескольких метрах от Стены плача, – и который при оккупационном режиме Голда Меир велела разрушить! – говорил Арафат. – Разве у меня меньше прав, чем у этой дамы, родившейся в России, принявшей американское гражданство и поселившейся на земле моих предков!»* Экстремистскую тенденцию в палестинском движении постоянно питает экстремизм израильских «ястребов». Каков мог быть, например, ответ палестинцев на слова Голды Меир о том, что «палестинского народа не существует», что его нет и в помине?

Международное общественное мнение справедливо осуждает акты терроризма, направленные против мирного израильского населения. Такие действия, как взрывы

* Le Monde, 6 января 1975.

гранат в автобусах, убийство спортсменов в Мюнхене, захват в виде заложников подростков-школьников, не имеют ничего общего с борьбой за права палестинского народа и, напротив, осложняют условия этой борьбы, многих восстанавливают против справедливого дела палестинцев, добывающихся права на самоопределение.

Нужно сказать, что советские представители в своих контактах с палестинцами всегда показывали полную несостоятельность и крайнюю вредность методов индивидуального террора для дела национального освобождения. Не раз подвергалась острой критике и «аргументация» тех палестинских элементов, которые выступают за продолжение террористической линии: дескать, по мере наращивания ударов израильское население будет усиливать давление на свое правительство, требуя компромиссной договоренности с палестинцами, чтобы обеспечить таким путем безопасность израильских мирных жителей.

Терроризм несовместим с гуманными началами, он несостоятелен теоретически и политически; история уже показала, что таким путем не решаются революционные задачи, напротив, тормозится их решение, так как индивидуальным террором подменяется цель организации широких масс и вовлечения их в борьбу. Наконец, терроризм приводил и приводит к крайне отрицательным последствиям, создавая «повод», «обоснование» для широких репрессий со стороны реакции. Что касается актов терроризма против мирного населения Израиля, то они вопреки идеям их организаторов, напротив, создавали и создают предпосылки для расширения израильского шовинизма, для поддержки правительства на шовинистической основе со стороны многих израильтян, в том числе «колебавшихся» в прошлом.

Крайне отрицательная оценка террористической деятельности отдельных палестинских элементов и групп вполне обоснованна и закономерна. Однако в попытках

понять «логику», подталкивающую их на такие меры, можно ли закрывать глаза на откровенный терроризм израильского руководства?

В первой главе описывались такие акты, как, например, убийство двухсот с лишним жителей арабской деревни Дейр-Ясин в 1948 г. Кровавые расправы над мирными арабскими жителями периодически повторялись. Так, накануне тройственной агрессии против Египта в октябре 1956 г. израильский патруль расстрелял 49 жителей арабской деревни Кафр-Касим, расположенной на территории Израиля. Зверски были убиты мужчины и женщины, дети и старики за то, что они «не признали» неожиданно введенного комендантского часа.

Весьма характерным было и официальное отношение правительства к этому зверскому погрому. После того как информация о расстреле попала на страницы печати и ее уже невозможно было скрыть, замолчать, началось судебное разбирательство над зачинщиками преступления. Суд признал майора Мелинки и лейтенанта Дахана виновными в убийстве 43 жителей деревни и приговорил их соответственно к 17 и 15 годам тюремного заключения. Сержант Оффер был признан виновным в убийстве 41 араба и приговорен к 15 годам. Получили различные сроки тюремного заключения и другие участники преступления. Однако после нажима справа, главным образом со стороны партии «Херут», высший военный трибунал уменьшил срок заключения, позднее еще раз сократил этот срок своим распоряжением начальник генерального штаба израильской армии. Следующим на очереди было решение президента о «частичном помиловании», согласно которому срок заключения Мелинки и Дахана был сокращен до 5 лет. В начале 1960 г., то есть через три с небольшим года после кровавого преступления, все его участники уже были на свободе. Судимый отдельно бригадир израильской армии Шадми, который дал приказ подразделению Мелинки

«не проявлять сентиментальности», отделался внушением и издевательским для памяти погибших штрафом в один пиастр.

Разве все это могло не отразиться самым непосредственным образом на настроении и действиях палестинцев? Разве могла оказать какое-либо сдерживающее на них влияние – сдерживающее, а не провоцирующее – реакция израильской прессы на суд над убийцами жителей деревни Кафр-Касим? Один израильский редактор следующими словами охарактеризовал эту реакцию печати: «За исключением двух или трех газет, вся пресса согласилась проводить заговор молчания и покрыла вуалью преступление. Когда газеты писали о “жертвах происшествия”, не было ясно, о ком они пишут – об убийцах или убитых»*.

Действия израильской военщины против мирного арабского населения соседних арабских стран и оккупированных районов продолжаются многие годы. Некоторые из таких действий осуществлялись как «операции против террористов», другие именовались «репрессалиями». И те и другие уносили десятки, сотни жизней арабов, в том числе женщин, стариков, детей, погибавших в горных ливанских деревнях, палестинских лагерях, иорданских и сирийских населенных пунктах.

Есть ли выход из «заколдованного круга»? Когда корреспондент газеты «The Washington Post» в который уже раз назойливо спросил Ясира Арафата, готова ли Организация освобождения Палестины признать Израиль и гарантировать безопасность его границ, председатель ООП ответил: «Почему вы спрашиваете меня о признании Израиля? Почему вы задаете мне вопрос о гарантиях для Израиля? Почему вы не спрашиваете в то же время в Израиле гарантии для палестинцев? Мы, палестинцы, потеряли наши дома, нашу родину, наши земли. Мы

* Цит. по: *Segal R. Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel.* – P. 128.

являемся беженцами без всяких прав. У меня нет даже паспорта. Вопрос заключается в том, признает ли нас Израиль?»*

Полный негативизм, проявляемый израильским руководством по этому вопросу, загоняет в тупик урегулирование ближневосточного конфликта и может лишь способствовать сохранению экстремистской тенденции в палестинском движении сопротивления.

Во-вторых, израильская и произраильская пропаганда на Западе искусственно и довольно искусно создает представление, будто под лозунгами ликвидации государства Израиль и физического уничтожения его населения выступают все противники Израиля в конфликте – Организация освобождения Палестины в целом и арабские государства. Для правдоподобности этой версии израильские и западные пропагандистские органы используют и прямую фальсификацию. В этой связи можно остановиться на двух примерах. Они весьма показательны.

28 мая 1967 г., за несколько дней до начала «шестидневной войны», Насер собрал пресс-конференцию. Автор этих строк, будучи в то время собственным корреспондентом «Правды» в Каире, принимал в ней участие вместе с десятками других журналистов, представлявших агентства, газеты и журналы, радио и телевидение всех ведущих стран мира. Отвечая на вопросы, естественно, без заранее заготовленного текста, президент Насер сказал: «Если Израиль совершит удар по ОАР и другим арабским странам, он поставит под угрозу свое существование как государства». Эта фраза, явно нацеленная на то, чтобы предостеречь израильское руководство против агрессивных шагов, была подана западными источниками информации в полностью препарированном виде и

* Washington Post, 1 апреля 1975.

получила следующую интерпретацию: Насер заявил, что его целью является уничтожение Израиля.

Много позже, в феврале 1970 г., в интервью корреспонденту газеты «Le Monde» президент Насер сказал: «Несмотря на периоды сильной напряженности, которые привели к конфликту 1967 г., я никогда не говорил, что нужно сбросить евреев в море, хотя упрямая и недоброжелательная пропаганда постоянно приписывает мне это заявление. Я не хотел развязывать войну в 1967 г., и израильские руководители это прекрасно знают».

Другой, более поздний пример. В ноябре 1974 г. председатель Организации освобождения Палестины Я. Арафат выступил на Генеральной Ассамблее ООН с речью, которая была хорошо принята на самой Ассамблее и вызвала самые положительные отклики в объективной печати, подчеркнувшей прежде всего конструктивизм палестинского лидера. О реакции другой части печати Арафат сказал следующее в интервью корреспонденту «Le Monde» в январе 1975 г.: «Сионистские пропагандисты, взбешенные блестящим успехом, которого мы добились, умышленно исказили мои высказывания, преподнеся их очень тенденциозно. Между тем я выступал за братство и основанное на равенстве мирное сосуществование между арабами и евреями, всеми евреями без исключения на земле Палестины. Я снова обратился к евреям с торжественным призывом отказаться наконец от пути войны и от самоубийственной одержимости “духом Массады”^{*}. Насколько мне известно, никто еще до сих пор не ответил мне, выдвинув какое-либо предложение взамен моего. Что еще хуже, сионистские пропагандисты

^{*} Массادا – крепость, защитники которой предпочли лучше погибнуть в схватке с римскими легионерами (I в. н.э.), чем сдаться. В настоящее время на этом месте проводится церемония присвоения новых званий офицерам израильских бронетанковых войск, что должно символизировать «дух Массады».

подчеркивали одну фразу из моей речи, оторванную от контекста для того, чтобы лишний раз распространить гнусный тезис, согласно которому мы якобы стремимся сбросить евреев в море». В-третьих, в израильских правящих кругах попросту замалчивается, игнорируется динамика арабской позиции. Нежеланием сделать шаги ей навстречу израильские руководители явно тормозят процесс происходящей эволюции с арабской стороны. Ни в одной из сотен статей о палестинском движении, опубликованных в буржуазной израильской печати, не найти, например, реалистической, объективной оценки решения, принятого на июньской (1974 г.) сессии Национального совета Палестины в Каире, где впервые в качестве цели движения было официально провозглашено создание палестинской власти на землях, освобожденных из-под израильской оккупации, – на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. Это, несомненно, было качественным сдвигом, и этот сдвиг остался не только вне внимания, но, что еще хуже, он не предопределил никаких перемен в израильской позиции.

Аналогичная картина создалась после следующей сессии Национального совета Палестины, проходившей в Каире в марте 1977 г. Палестинские руководители в беседе с автором книги называли историческим, качественным сдвигом в позиции ПДС решение Национального совета о создании – теперь уже об этом было сказано прямо – палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. И опять, как и в 1974 г., ни израильское руководство, ни контролируемая сионистскими элементами печать не отреагировали позитивно на этот сдвиг, который фактически означал провозглашаемую палестинским движением цель создать свое палестинское государство не вместо, а наряду с Израилем.

Или все, или ничего! Немедленное и полное официальное признание Израиля в условиях фактического его

отказа освободить обширные арабские территории или все остальное – «от лукавого». Такая позиция правящих кругов Израиля блокирует возможность урегулирования ближневосточного конфликта. Если дело касается Израиля, то власти этой страны усиленно подчеркивают «психологическую сторону», нередко используя ее как «оправдание» для своего нежелания уходить с оккупированных в 1967 г. арабских земель. Как будто проблема заключается в том, что Израиль должен отдать арабам часть своей территории, а не возвратить захваченные во время войны 1967 г. арабские земли! Причем в обмен на признание – впервые в истории – арабскими государствами Израиля в границах на 4 июня 1967 г., то есть в тех границах, которые уже в 3 раза увеличили территорию Израиля по сравнению с отведенной ему, согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 г. о разделе Палестины.

Столь «деликатное и бережное» отношение к «психологическому фактору» коренным образом меняется, коль скоро речь заходит о палестинцах – действительно потерпевшей стороне в конфликте. Такая позиция Израиля свидетельствует о полном игнорировании его руководством необходимости способствовать постепенному размытию все еще существующих нигилистических настроений в палестинском обществе. Из этого можно сделать лишь один вывод – израильские правящие круги попросту не хотят компромиссного урегулирования ближневосточного конфликта в интересах всех народов, населяющих этот район.

Израильское руководство не сделало никакого ощутимого встречного движения в отношении позитивных изменений в позиции и арабских государств. Сколько говорилось в Израиле, например, о «жесткой бескомпромиссности» политики Сирии – одной из трех арабских стран, непосредственно участвующих в конфронтации. Сирийская позиция преподносилась Тель-Авивом как

«непреодолимое препятствие» на пути к урегулированию. Когда же в марте 1975 г. президент Сирии Хафез Асад заявил, что «Сирия готова прекратить состояние войны с Израилем, как о том гласит резолюция Совета Безопасности ООН, но при условии, что Израиль уйдет со всех захваченных им арабских территорий, а права палестинского народа будут восстановлены», то все это вообще не получило должной положительной оценки и фактически замолчалось в Израиле. Его руководству гораздо выгоднее было представлять позицию Сирии неизменной, без всякого развития.

А если достоянием гласности все-таки становился конструктивизм позиции арабских стран, граничащих с Израилем, их позитивный подход к проблеме политического урегулирования, то в таком случае сразу же вытаскивались и показывались в самом неприглядном виде для израильского населения заявления, причем, как правило, относящиеся к 50–60-м годам, руководителей некоторых других арабских стран.

«Арабские деятели, которые угрожали гибелью своему ненавистному соседу, были своего рода благословением для Израиля, – пишет один из исследователей конфликта Розензафт. – Израильяне [речь идет о правящих кругах Израиля. – *Е.П.*] хорошо использовали все пропагандистские преимущества таких зловещих высказываний»*. На самом деле, погоду в вопросах урегулирования делают не эти высказывания, а тот факт, что все арабские страны, имеющие общие границы и находящиеся в состоянии войны с Израилем, признали резолюцию № 242 Совета Безопасности ООН, причем две из них сделали это раньше Израиля, который к тому же лишь на словах согласился с этой резолюцией. Израильское руководство

* *Rosenshaft M.Z.* Not Backward to Belligerency. A Study of Events Surrounding the Six Day War of June 1967. – New York: T. Yoseloff, 1969. – P. 56–57.

предпочитает замалчивать все это, закрывать на это глаза, а для общественности – и своей, и международной – представлять дело так, будто по-прежнему «бескомпромиссная линия арабов» блокирует возможность урегулирования ближневосточного конфликта.

Верили ли основная масса населения Израиля разговорах о реальной возможности ликвидации государства и физической угрозе, нависшей над сотнями тысяч израильтян? Трудно переоценить то психологическое воздействие, которое оказала на простых израильтян гибель от рук фашистов 6 миллионов евреев. В таких условиях повседневная официальная пропаганда о Давиде – маленьком Израиле, противостоящем огромному Голиафу, лишенному чувства справедливости и центров, сдерживающих его ярость, – сеяла семена на благодатную почву. Как писала палестинский исследователь Лейла Кадди, «не приходится сомневаться, что большинство израильтян действительно верило, что арабская враждебность представляет для них серьезную угрозу»*.

И эти весьма живучие опасения израильские руководители поддерживали и поддерживают всеми доступными им методами. Одним из таких методов, как уже говорилось, является пережевывание всех тех заявлений арабских деятелей, которые могут быть представлены в качестве показателя неизменной арабской линии на уничтожение Израиля. Наряду с этим израильские лидеры отмечают и «объективную» причину, саму по себе якобы рождающую угрозу существованию Израиля: огромное, многократное превосходство численности арабов над еврейским населением Израиля. И наконец, еще одним распространенным приемом является искусственное преувеличение степени вооруженности арабских армий. Спекуляция на эту тему – обязательная составная часть статей и речей государственных израильских дея-

* *Kadi L. A Survey of American-Israeli Relations.* – P. 163.

телей (гражданских и военных), посвященных вопросам конфронтации с арабскими государствами.

Верят ли сами израильские руководители в реальность такой угрозы в нынешних условиях? Критикуя «сосредоточенность на грозящем истреблении», которое стало «главным психологическим препятствием для выработки умной и эффективной политики Израиля», М. Брехер пишет, что руководство Израиля «хотя и безосновательно (особенно после синайской кампании и 1970 г.*), но все-таки заражено этим синдромом бойни»**.

Трудно согласиться с таким мнением. Есть все основания считать, что израильское руководство в своем преобладающем большинстве далеко от наивного или чисто эмоционального подхода к этой проблеме, а «сосредоточенность на грозящем истреблении» является средством проведения определенной политики. «Невозможно знать, сколько израильтян действительно опасается, что их национальное существование будет снова поставлено под удар или, по крайней мере, катастрофически сократится число жителей Израиля. Вполне определено, однако, что их собственное правительство заботится о том, чтобы подчеркивать эту угрозу с целью способствовать внутренней и внешней поддержке своей политики*** – так «деликатно», но вполне определено объясняет ситуацию Р. Сегал.

Любые экстремистские высказывания арабских деятелей – такие высказывания главным образом вытаскиваются из архивов, их вновь и вновь гальванизируют, цитируют, к ним вновь и вновь привлекают внимание – нужны израильским правящим кругам для того, чтобы оправдать милитаризацию, осуществляемую в условиях

* Речь, очевидно, идет о нарочитом демарше США во время иорданского кризиса в поддержку Израиля (см. об этом ниже).

** *Brecher M. Decisions in Israel's Foreign Policy.* – New Haven: Yale University Press, 1975. – P. 514.

*** *Segal R. Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel.* – P. 250.

ухудшающегося экономического положения народных масс, жесткий антиарабский курс и, что имеет далеко не меньшее значение, активизировать материальную и моральную поддержку израильской политике извне.

«Мы, арабы, – писал после июньской войны 1967 г. главный редактор каирской газеты “Аль-Ахрам” Хейкал, – много напортили сами себе на политической арене в глазах как врагов, так и друзей. Израиль говорил о мире и готовился к войне. Мы говорили о войне, но не были к ней готовы. И это в условиях, когда народы мира не хотят войны. Действия арабов до агрессии были в глазах всего мира безответственными, а после – бессильными»*.

Израиль говорил о мире, а готовился к войне... Один из высших чиновников израильского министерства финансов, цитируемый Р. Сегалом в его книге «Чей Иерусалим?», сказал: «Армия говорит нам, в чем она нуждается, и мы должны достать деньги – это все. Как мы можем спорить? Мы должны быть уверены, что сможем сохраниться как государство»**.

Армия требует и получает денежное покрытие всех своих запросов, как бы они ни завывались по сравнению с реальным уровнем потребностей.

Израиль имеет наибольшие в мире военные расходы на душу населения и наибольший в мире процент отчислений на военные приготовления из государственного бюджета.

С 1966 по 1971 г. военные расходы Израиля возросли с 447 млн до 1484 млн долларов. За это же время их доля в валовом национальном продукте увеличилась с 12,2 до 23,6 %. Резкое усиление милитаризации Израиля произошло уже после «шестидневной войны», то есть в тот период, когда Израиль захватил обширные арабские

* Международный ежегодник. Политика и экономика. 1969. – М., 1969. – С. 229.

** *Segal R.* Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel. – P. 32.

территории. А. Капелюк в статье, опубликованной в начале января 1977 г. в журнале «Le Monde diplomatique», иронизировал по этому поводу: Израиль стал «рекордсменом» в области военных расходов по сравнению с валовым национальным продуктом именно после того, как он обрел после 1967 г. «идеальные границы безопасности», о чем заявляли его лидеры.

Таблица 2

Военные расходы Израиля*

Год	В миллионах долларов	В долларах на душу населения	% от гос. бюджета
1973	3644	1146	60,4
1974	3869	1173	51,0
1975	3552	1045	50,1
1976	4214	1201	56,7

Во всяком случае, создавшиеся после 1967 г. условия никоим образом нельзя было бы интерпретировать как свидетельствующие о «росте угрозы существованию Израиля». Милитаризация могла быть связана лишь с поставленной целью удержать захваченные во время войны 1967 г. арабские земли. Таким образом, резкое увеличение военных расходов Израиля произошло тогда, когда, по словам Наума Гольдмана, «Израиль выглядит не так, как он выглядел до “шестидневной войны”». Израиль уже не маленький народ, который опасается уничтожения. Он превратился в оккупационное государство...»**.

* Источник: The International Institute for Strategic Studies. The Military Balance 1976/77. – London, 1976. – P. 78.

** Le Monde, 29 мая 1970.

Милитаризация экономики Израиля планируется на многие годы вперед, причем без жесткой связи с конкретными событиями, сопутствующими развитию ближневосточного конфликта. По заявлению начальника генерального штаба вооруженных сил Израиля, сделанному им незадолго до начала израильско-арабской войны 1973 г., наращивание Израилем военного потенциала будет продолжаться независимо от политических изменений, которые могут произойти на Ближнем Востоке.

Наряду с резким ростом импорта военной техники из западных стран после 1967 г., в основном из Соединенных Штатов, израильское правительство огромное внимание уделило созданию собственной военной промышленности. Развитие собственных производственных мощностей для создания различных типов вооружения происходит довольно быстрыми темпами. Уже накануне Октябрьской войны 1973 г. местное военное производство на 25 % обеспечивало потребности вооруженных сил*. В некоторых отраслях израильской промышленности военное производство занимает доминирующие позиции, например в металлообработке и радиоэлектронике военная продукция составляет около половины. Четвертая часть всех рабочих Израиля трудится на военных предприятиях.

По мере создания и развития военной промышленности Израиль начинает выходить на международный рынок в качестве экспортера вооружений. Причем ему отводится, как правило, роль поставщика вооружений тем режимам, которым США и западноевропейские государства в силу политических причин воздерживаются от открыто оказывать военную помощь, например раскольникам Биафры, расистам Претории, кровавой клике Пиночета в Чили. По свидетельству бывшего министра

* Domestic Defence Production in Third World Countries. World Armament and Disarmament // SIPRI Yearbook, 1973.

обороны Переса, Израиль в 1976 г. экспортировал вооружений на сумму 320 миллионов долларов, а в ближайшие годы продажа оружия превысит 1 миллиард долларов.

Все более явной становится кооперация между США и Израилем в военно-промышленной области. Правда, эта кооперация иногда омрачается – так было в начале 1977 г. – протестами американских компаний, производящих вооружение, в связи с тем, что Израиль в нарушение существующего порядка использует без их разрешения отдельные узлы, изготовленные в США, для оружия, идущего на экспорт. Но эти протесты не нарушают общей картины благополучного сотрудничества.

Заинтересованность в нем военно-промышленного комплекса США базируется на том, что «Израиль, – как писал журнал “Time”, – предоставляет американским военачальникам и военным промышленникам уникальную возможность – лабораторию, где в ходе четырех ближневосточных войн новейшее вооружение и электронные системы испытывались в боевых условиях»*. В результате израильтяне рекомендуют американским производителям оружия кое-какие изменения и улучшения. Израиль заключает с американскими фирмами также соглашения о модернизации некоторых образцов оружия, получая для этого государственные субсидии от США. Так, по сообщениям печати, в начале 1977 г. в Израиле запущен в производство тяжелый танк «Меркава» (колесница), представляющий модификацию американского танка «М-60». В этой связи журнал «Time» писал о переговорах в связи с изменением условий контракта на 100 миллионов долларов, предусматривавшего ранее закупку Израилем американских танков: «Израиль предпочитает наличные деньги танкам “М-60”, чтобы ис-

* Time Magazine. – 31.01.1977. – Р. 16.

пользовать их на постройку собственного боевого танка “Меркава”»*.

В контракты о поставках американского оружия Израиль стремится внести некоторые изменения, свидетельствующие о его намерении постепенно и все больше входить «в долю» с американскими производителями вооружений. Например, направив в США в 1976 г. заявку на покупку 250 истребителей-бомбардировщиков «F-16», Израиль позже уточнил, что хочет купить 50 из них в собранном виде, а остальные 200 собрать у себя на своих авиационных заводах.

Рост военных расходов, усиление милитаризации экономики вызывают серьезнейшие экономические трудности. Дефицит платежного баланса в 1976 г. составил 4 миллиарда долларов (3,7 миллиарда в 1975 г. против 1 миллиарда долларов до Октябрьской войны). В этой области Израиль тоже стал мировым рекордсменом. Устойчивый дефицит платежного баланса ряд экспертов называет «ахиллесовой пятой экономики Израиля». Экспорт в стоимостном выражении покрывает лишь половину импорта и на 30 % предназначен для оплаты военных расходов; внешний долг Израиля достиг 9 миллиардов долларов, что превышает государственный бюджет и почти равняется валовому национальному продукту. Этот долг с 1973 г. возрастает более чем на 1 миллиард долларов в год. К тому же резко сокращаются запасы иностранной валюты, хранящиеся в израильском банке, – они составили на начало года лишь 1 миллиард долларов, чего едва хватит в случае необходимости на оплату импорта в течение полутора месяцев.

Другой показатель серьезной болезни израильской экономики, вызванной ее безудержной милитаризацией, – абсолютное сокращение валового национального продукта: с 1974 по 1976 г. он сократился более чем на 8 %.

* Time Magazine. – 31.01.1977. – Р. 16.

Прогнозы не предвещают ничего обнадеживающего для израильской экономики и на ближайшие годы. Обращает на себя внимание тенденция сокращения после войны 1973 г. иностранных капиталовложений в израильскую экономику: со 172 миллионов долларов в 1973 г. до 60 миллионов в 1974 г. и 30 миллионов в 1975 г. И все это происходит несмотря на льготы, предоставленные израильским правительством вкладчикам капиталов из-за границы. Капитал, получаемый из-за границы в виде займов, предназначен главным образом для покрытия военных расходов. Между тем выплаты и проценты по займам составляли в 1976 г. 18 миллиардов долларов, то есть 21 % годового государственного бюджета.

С колоссальным ростом расходов на армию связана девальвация израильского фунта; она происходит постоянно, составляя в 1976 г. 2 % в месяц. С 1970 по начало 1977 г. покупательная способность израильского фунта упала в 5 раз. Согласно официальной статистике, цены в 1973 г. увеличились на 20 %, в 1974 г. – на 40 %, в 1975 г. – на 39 %. В действительности рост цен еще больше. Обесценение израильской валюты сопровождается ощутимым сокращением затрат на социальные нужды. В 1976 г. отчисления на просвещение, здравоохранение, помощь нуждающимся и другие социальные выплаты составили лишь $\frac{1}{3}$ бюджета, в то время как $\frac{2}{3}$ пошли на военные приготовления. В период с 1972 по 1976 г. доля ассигнований на образование в государственном бюджете Израиля сократилась с 10,5 до 5,3 %, на здравоохранение – с 3,1 до 2,5 %, на жилищное строительство – с 6,8 до 3,9 %. Возросла плата за обучение, например за обучение в университетах – на 70 %. Одновременно резко увеличились налоги, которые тяжело сказались на положении трудящихся.

«Как и всегда, инфляция и ее социальные последствия сказываются в первую очередь на заработной плате, – писал “Le Monde diplomatique”. – Для того чтобы уравни-

весить платежный баланс, индивидуальное потребление должно сократиться, поэтому официальная политика правительства направлена на снижение уровня жизни населения. Цены начали возрастать сразу же после Октябрьской войны. Последняя [на момент публикации статьи. – *Е.П.*] волна повышения цен (на 20 %) была в ноябре 1976 г., после сокращения субсидий на основные продукты питания и повышения платы за коммунальное обслуживание. Покупательная способность сократилась на 2,3 % в 1974 г. и на 3,4 % в 1975 г.; в 1976 г. сокращение приблизительно такое же. Одним из самых ценных завоеваний израильских трудящихся было пособие в связи с дороговизной, введенное с целью поддержать покупательную способность в условиях роста цен. Его действие было изменено. С лета 1975 г. это пособие начисляется лишь дважды в год и компенсирует максимум 70 % повышения цен. Кроме того, теперь оно облагается подоходным налогом. А тем временем процветает спекуляция...»*

Выступая 6 ноября 1971 г. с речью, посвященной пятнадцатой годовщине суэцкой кампании, иными словами, англо-франко-израильской агрессии против Египта, Даян сказал: «Ничего нет плохого в том, чтобы поднять флаг социальных реформ, строительство домов для молодых людей и урегулирование проблемы “пантер”***. Сам по себе такой флаг желателен, но, с моей точки зре-

* Le Monde diplomatique, janvier 1977.

** В начале 1971 г. молодые представители сефардов (евреев-выходцев из африканских и азиатских стран) провели в иерусалимском квартале Мусрара манифестацию протеста против дискриминации, осуществляемой израильским правительством. Во время этой манифестации было предложено создать организацию «Черные пантеры». В декабре 1972 г. было объявлено о превращении этой организации в политическую партию с таким же названием, поставившую своей целью борьбу против экономической и культурной дискриминации «восточных евреев».

ния, невозможно – и в этом заключается ошибка – размахивать двумя флагами в одно и то же время, потому что государство Израиль не имеет силы, чтобы поддерживать флаг войны и флаг налоговых преимуществ для рабочих, рыбаков, «пантер», молодых и не таких уж молодых... Невозможно выбрать социальные реформы, потому что другой фронт имеет приоритет»*.

Трудно сказать яснее. Все помыслы о социальных реформах, все требования подъема уровня жизни, борьбы с неимоверной дороговизной – все это «не по карману» Израилю, так как необходима мобилизация всех средств для «борьбы за существование» – не для захвата чужих территорий и продолжения их оккупации, то есть не для решения тех действительных задач, на которые нацелена израильская политика, а для «сохранения Израиля как государства».

Постоянное нагнетание страха, внутренняя напряженность призваны сорвать нарастающий в израильском обществе протест не только против «твердолобого» антиарабского курса, но и против усиливающегося социально-экономического неравенства в стране. «Представители правительства любят подчеркивать, что ни бедность, ни богатство в Израиле не достигают таких крайних проявлений, как в преобладающем большинстве других стран. Но это совершенно не соответствует действительности», – пишет Р. Сегал. По данным, приводимым в его книге, экономическая дифференциация достигла в Израиле больших масштабов. Так, богатейшая десятая часть населения располагает доходом, в 14 раз превышающим доходы беднейшей десятой части**.

Поляризация израильского общества по признаку благосостояния происходит на фоне увеличивающейся коррумпированности государственного аппарата, вер-

* «Едиот ахронот», 7 ноября 1971.

** *Segal R. Whose Jerusalem? The Conflicts of Israel.* – P. 212–213.

хушки ряда буржуазных политических партий, бизнесменов. Накануне выборов мая 1977 г. – в такие периоды в силу «логики» предвыборной борьбы обычно «оголяются» многие обстоятельства, которые в обычное время недоступны для обозрения общественности, – в Израиле произошел целый ряд политических скандалов, во время которых было обнаружено, что некоторые высшие чиновники обходят законы, обогащаются за счет государственных средств. Один из таких скандалов, который обнажил антизаконную практику премьер-министра Рабина и его супруги, тайно сохранявших счета в одном из банков США, стоил карьеры главе израильского правительства.

Коррупция затронула и армию. В докладе государственного контролера, который был опубликован за несколько недель до майских выборов, говорилось о хищениях из армейских складов и арсеналов: «Судя по некоторым признакам, имеют место кражи на несколько миллионов фунтов»; «Израильтяне пытаются выведать все сенсационные подробности, но в то же время с тревогой думают о воздействии этого шума на отношение мировой общественности к их стране. Многие сознают коллективную вину, и в некоторых случаях это так: ведь скандалы отражают положение дел во всем обществе», – писал в марте 1977 г. английский журнал «Middle East».

Положение в этом обществе характеризуется также серьезными противоречиями между различными слоями израильского населения по признаку их происхождения. Приблизительно $\frac{2}{3}$ населения страны составляют выходцы из стран Азии и Африки – так называемые сефарды. Одна треть израильтян – потомки тех, кто пришел из европейских стран, так называемые ашкенази. Командные высоты в государстве практически находятся в руках выходцев из Европы. «Меры правительства, направленные на то, чтобы объединить эти две группы, не привели к успеху. Расовые и этнические предубеждения

сильны среди европейских евреев в Израиле в той же мере, как среди белых в Америке. Власти пытались европеизировать сефардскую молодежь в сионистских школах, но эта программа провалилась, потому что сефардские дети имеют кожу такую же темную, как и их родители. Никакая интеграция в школах не могла стереть цветную границу. Афро-азиатские евреи живут на бедных окраинах, обычно выполняют только временную работу и зарабатывают меньше денег, чем ашкенази. Их дети проводят несколько часов в школах ашкенази, а затем возвращаются в убогую сефардскую обстановку, где факт дискриминации влияет на их юные мозги»*, – так пишут в своей книге «Шторм над арабским миром» Ю. Фишер и М. Бассиони. Более четверти евреев – выходцев из Азии и Африки живет «ниже уровня бедности», официально установленного в Израиле и составляющего половину средней заработной платы.

«Некоторые люди в Израиле прогнозируют опасность того, что этнические предубеждения охватят всю страну, но мало что могут сделать против этого. Они так же беспомощны, как те белые американцы, которые наблюдают за растущими “двумя обществами”, разделенными и неравными», – к такому выводу пришли эти два американских исследователя**.

Преувеличение до фантастических размеров «угрозы уничтожения Израиля» используется его руководителями для активизации поддержки своей политики извне. Членам израильского кабинета во время их многочисленных выступлений на собраниях еврейских общин в США, странах Западной Европы, Австралии, ЮАР легче призывать к финансовой помощи стране, «над которой занесен меч Голиафа».

* *Fisher E.M., Bassiouni Ch.M. Storm over the Arab World. – Chicago: Follett Publishing Company, 1972. – P. 244.*

** Там же. – P. 246.

Статистика действительно показывает резкое увеличение поступлений из еврейских зарубежных источников в Израиль в тот момент, когда наибольшей напряженности достигают арабо-израильские отношения. Эта же закономерность действует и в отношении помощи, оказываемой Израилю по государственной линии Соединенными Штатами и другими капиталистическими странами, не говоря уже о том, что постоянное запугивание реальностью планов уничтожения Израиля служит хорошим фоном для настойчивых требований израильского руководства о новых поставках более совершенного оружия, обращенных к США и другим капиталистическим странам.

Широкие поставки вооружения из этих государств в Израиль обычно камуфлируются тем, что они якобы осуществляются в условиях превосходящих по своим масштабам поставок вооружения арабской стороне. Это не имеет ничего общего с действительностью. Возьмем период с 1950 г., то есть с момента подписания Соединенными Штатами, Англией и Францией тройственной декларации, по которой эти три страны договорились о координации поставок вооружения в Израиль и арабские страны, а также присвоили себе право вмешиваться в дела района в рамках и вне рамок ООН.

Тройственная декларация была применена не только с целью поддержания западной монополии на поставки оружия странам, вовлеченным в ближневосточный конфликт, что широко использовалось в качестве средства защиты империалистических интересов в районе, но также в стремлении создать и сохранять соотношение военных сил в пользу Израиля. Начавшиеся военные поставки в арабские страны из социалистических государств служили ответной реакцией на поток вооружений, направляемый в Израиль в момент проведения его руководством экстремистской антиарабской линии.

В 1954 г. Израиль получил значительную партию оружия из Франции, причем эта сделка финансировалась Соединенными Штатами. Когда Насер в свою очередь обратился к западным странам с соответствующей просьбой о поставках вооружения Египту, он получил отказ*. В таких условиях в 1955 г. Насер подписал соглашение о поставках оружия в Египет из Чехословакии. Важно подчеркнуть, что это произошло тогда, когда Запад практически односторонне вооружал Израиль, который к тому времени уже успел проявить свою экспансионистскую линию в отношении Египта, что нашло, в частности, отражение в нападении на Газу в феврале 1955 г. В дальнейшем Запад разворачивал поставки оружия Израилю.

Стремясь не допустить гонки вооружений, которая приобретала особо опасный характер, Советский Союз предложил ввести международное эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток, справедливо связывая это с целой системой мер, призванных обеспечить невмешательство во внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока. В нотах советского правительства правительствам США, Великобритании и Франции, направленных 11 февраля 1957 г., предлагалось выработать и провозгласить основные принципы по вопросу о мире и безопасности на Ближнем и Среднем Востоке и невмешательстве во внутренние дела стран этого района. Эти принципы, как говорилось в нотах, могли бы быть положены в основу совместной декларации, принятие которой рассматривалось как альтернатива военным односторонним действиям той или иной великой державы на Ближнем Востоке. В проекте декларации, приложенном к нотам, содержалось положение о взаимном отказе от поставок оружия странам Ближнего и Среднего Востока. Наряду с этим излагались и другие принципы, которым предлага-

* Об этом говорится подробнее в дальнейшем изложении.

лось следовать СССР, США, Англии и Франции в их политике в отношении Ближнего и Среднего Востока: урегулирование спорных вопросов исключительно мирными средствами на основе метода переговоров; невмешательство во внутренние дела стран района, уважение их суверенитета и независимости; отказ от всяких попыток вовлечения этих стран в военные блоки с участием великих держав; ликвидация иностранных баз и вывод иностранных войск с территории стран этого района; содействие их экономическому развитию без предъявления каких бы то ни было политических, военных или иных условий, несовместимых с достоинством или суверенностью этих стран*, не выдвигая со своей стороны никаких конструктивных идей, США, Англия и Франция уклонились от принятия принципов декларации и тем самым заблокировали предложение Советского Союза о взаимном отказе четырех великих держав от поставок оружия странам Ближнего и Среднего Востока.

В начале 60-х годов пальма первенства в снабжении оружием Израиля открыто перешла в руки Соединенных Штатов. Особенно большие партии американского оружия Израилю были направлены после войны 1967 г. в момент, когда в условиях отказа Израиля освободить оккупированные во время «шестидневной войны» территории Египет был вынужден вести «войну на истощение», Соединенные Штаты поставили Израилю необходимые средства для глубоких рейдов на территорию Египта, используемых главным образом в психологических целях для деморализации его населения и создания широкой оппозиции курсу президента Насера. Были совершены варварские бомбардировки израильской авиацией мирных объектов, заводов, школ, различных предприятий. Именно в это время, то есть в виде реакции на

* См.: СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. – М., 1961. – С. 306–308.

эти глубинные рейды, Советский Союз поставил Египту необходимую военную технику для противовоздушной обороны¹⁵.

Советский Союз и после войны 1967 г. заявлял о готовности рассмотреть вопрос о поставках оружия на Ближний Восток, естественно, в контексте мер по политическому урегулированию. Обособленное рассмотрение вопроса о поставках вооружений в условиях, когда Израиль продолжает оккупировать захваченные в 1967 г. арабские земли и даже заявляет о своем намерении аннексировать эти территории, могло бы служить лишь интересам экспансионистского курса Израиля.

Таким образом, исторически можно доказать, что не поставки вооружения арабским странам из социалистических государств, а широкие поставки оружия Израилю из западных источников вели к гонке вооружений на Ближнем Востоке. Если западные страны, и в первую очередь Соединенные Штаты, исходили в своих решениях о поставках вооружения Израилю из «необходимости» сохранять военный баланс на Ближнем Востоке в его пользу, что якобы диктуется интересами самосохранения Израиля как государства, то Советский Союз и другие страны социалистического содружества руководствовались мотивами усиления оборонительного потенциала арабских стран в условиях реально разворачивающегося экспансионистского курса израильского руководства, подкрепленного поставками вооружения из Соединенных Штатов.

Иногда для оправдания той или иной тактической акции, предпринимаемой с целью сохранить позиции США в арабском мире, американские должностные лица вынуждены во всеуслышание говорить о значительном военном потенциале Израиля. Так, например, бывший государственный секретарь США Роджерс на пресс-конференции в марте 1970 г., отвечая на вопросы о задержке положительного решения на просьбы Израиля

о дополнительных поставках американских сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков, заявил, что, по американским разведывательным данным, Израиль обладает преимуществом в воздухе. Однако подобные заявления американскими должностными лицами обычно делаются скороговоркой и уж во всяком случае не в нарушение пропагандистской схемы об угрозе, якобы нависшей над существованием Израиля, и об «огромных скоплениях оружия» с арабской стороны.

С целью «нейтрализации» этой «угрозы» министр обороны Израиля Шимон Перес во время пребывания в США в сентябре 1975 г. потребовал резкого расширения поставок новейших образцов американского оружия. В заявочном списке, переданном Пересом американскому правительству, значились самолеты F-15 «Игл» и ракеты «Першинг», способные нести к цели ядерные боеголовки. Тут мы вплотную подошли к еще одному «стимулу» для израильского руководства эксплуатировать версию о якобы существующей угрозе уничтожения Израиля. Об этом «стимуле» пока пишут гораздо меньше, чем обо всем ином, однако в числе других мотивов он занимает далеко не последнее место, а по своей опасности, возможно, превосходит все другое, вместе взятое.

Три группы аргументов – научно-технических, военно-технических и политико-правовых – свидетельствуют о том, что Израиль весьма продвинулся (некоторые обозреватели считают, что уже окончательно пришел к «финишу») в деле производства ядерного оружия.

Израиль имеет «по крайней мере» два ядерных центра с реакторами – в Реховоте (вблизи Тель-Авива) и в Димоне (в северной части пустыни Негев)*. Первый был построен с помощью Соединенных Штатов в 1955 г., второй – с помощью Франции на основе соглашения, за-

* *Pranger R.J., Tahtinen D.R. Nuclear Threat in the Middle East. – Washington: Praeger, 1975. – P. 11.*

ключенного в 1957 г. Наиболее важным считается реактор в Димоне, поскольку «он хорошо приспособлен для производства плутония, используемого в ядерных бомбах». По свидетельству «The New York Times», реактор в Димоне сравним с американским реактором, расположенным на берегу реки Саванна (штат Южная Каролина), который является одним из основных источников плутония для США*. Характерно, что Израиль, открывая для Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) свои гражданские ядерные объекты, категорически не допускает инспекцию МАГАТЭ в Димон.

Для питания реактора в Димоне ежегодно требуется около 25 тонн природного урана. Израиль вначале получал его из многих стран, включая Францию, Аргентину и Южно-Африканскую Республику, однако за последние годы началась интенсивная добыча собственного природного урана, который является побочным продуктом промышленного производства фосфорной кислоты. Американский «The Bulletin of the Atomic Scientists» утверждает, что Израиль располагает запасами природного урана в 25 тысяч тонн в месторождениях пустыни Негев и разрабатывает химическую обогатительную установку мощностью 50 тонн урана в год. Журнал пришел к выводу, что Израиль сможет в близком будущем производить около 90 тонн урана в год**.

Ну, а в преддверии этого свой «вклад» в изыскание сырья для атомного оружия вносит израильская разведка. В апреле 1977 г. американскую печать облетело сенсационное сообщение о том, как за девять лет до этого израильские секретные службы похитили 200 тонн урана. Уран находился на борту судна, вышедшего из Антверпена в направлении Генуи в ноябре 1968 г. Корабль «потерялся», а затем был обнаружен через несколько

* The New York Times, 20 декабря 1960.

** The Bulletin of the Atomic Scientists. – No. 7. – 1974. – P. 31.

месяцев, но уже под другим флагом, названием и с другим экипажем. По словам «The New York Times» (29 апреля 1977 г.), некоторые сотрудники ЦРУ убеждены, что пропавший уран в конце концов оказался в Израиле. Эта же газета подчеркнула, что из 200 тонн урана можно получить сырье для производства 30 атомных бомб.

Западные научные источники обращают внимание еще на одну весьма важную сторону дела. Как известно, на протяжении четверти века ядерные державы разрабатывали проекты использования методов газовой диффузионной обогащения урана в программах производства ядерного топлива и расщепляющихся материалов для ядерного оружия. В марте 1974 г. газета «Jerusalem Post» сообщила, что двое израильских ученых – Менахем Левин из Тель-Авивского университета и Исайя Небенцаль из министерства обороны – получили авторское свидетельство Западной Германии на «метод производства обогащенного урана с использованием лазерного луча», то есть метод, который, возможно, позволит создать сырье для израильских атомных программ.

«Если бы я был судьей, и мне пришлось вести судебный процесс, у меня было бы много улик, на основании которых я мог обвинить Израиль в том, что у него есть плутониевая бомба, – заявил профессор Миланского политехнического института Дзордзоли, специалист по ядерным реакторам. – Когда говорят об атомных бомбах, следует различать три стадии: плутониевую, урановую и водородную. Я полагаю, что Израиль уже находится на второй стадии. Кроме того, он разработал метод производства обогащенного урана с помощью лазеров, а этот уран, имейте в виду, может служить детонатором водородной бомбы»*.

По оценке Стокгольмского международного исследовательского института (СИПРИ), Израиль уже к 1970 г.

* Темпо, 15 декабря 1974.

располагал 75 фунтами плутония, которого достаточно для изготовления от 5 до 10 атомных бомб. Тодд Фридман в «The Bulletin of the Atomic Scientists» подтвердил вывод о наличии в Израиле запасов плутония, достаточных для создания десяти бомб. По его оценке, Израиль к 1985 г. может накопить радиоактивные материалы, которых ему хватит для создания от 18 до 20 единиц ядерного оружия*.

Способность Израиля производить ядерное оружие удостоверяется не только научной экспертизой представителей различных стран, но и данными разведывательных органов США. Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс подтвердил 7 июля 1970 г., во время слушания в сенатской комиссии по иностранным делам, что, по американским оценкам, Израиль имеет возможность создания атомного оружия**. 12 апреля 1976 г. американский журнал «Time» сообщил, что «Израиль привел в готовность для использования 13 атомных бомб, после того как его армия в начале Октябрьской войны 1973 г. потерпела ряд поражений». В этом же номере журнала была приоткрыта завеса под причиной циничного решения израильского командования сбить в 1973 г. гражданский ливийский лайнер со 113 пассажирами на борту¹⁶, потерявший курс из-за песчаной бури. Лайнер «летел к запрещенной зоне» производства ядерного оружия и «был сбит по соображениям безопасности», пишет «Time».

Вторая группа показателей того, что Израиль уже значительно продвинулся в своих военных ядерных программах, – это его высокая активность в деле приобретения и создания военно-технических средств доставки ядерного оружия к цели. В настоящее время Израиль обладает двумя системами, способными выполнять эти

* The Bulletin of the Atomic Scientists. – No. 7. – 1974. – P. 31.

** Pranger R.J., Tahtinen D.R. Nuclear Threat in the Middle East. – P. 13.

функции: реактивными самолетами «Фантом», поставленными США, и ракетами «Иерихон», разработка которых была начата совместно с Францией и завершена израильтянами после того, как Франция прекратила военное сотрудничество с ними во время войны 1967 г. Сообщается, что Израиль форсирует работу над двумя новыми системами – это усовершенствованный вариант тактического истребителя-бомбардировщика «Кфир» и усовершенствованная твердотопливная ракета с радиусом действия 500–900 миль. По свидетельству американской газеты «Boston Globe», «эта усовершенствованная ракета обладает боеголовкой весом 2000–3000 фунтов» и «такая ракета едва ли будет оправдывать издержки, если на ней не будет установлена ядерная боеголовка»*.

Наконец, заинтересованность Израиля в обладании ядерным оружием демонстрирует и тот факт, что эта страна отказалась подписать Договор о нераспространении ядерного оружия¹⁷. Известно, что договор подписали все страны, практически находящиеся в конфронтации с Израилем: Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Ливан, Ливия. При этом Египет объявил, что не ратифицирует договор, пока он не будет подписан Израилем. Иными словами, соблюдение взятого на себя обязательства о невооружении ядерными средствами Египет обусловил соответствующими мерами с израильской стороны. Однако израильское руководство и в таких условиях отказалось подписать договор.

«Если Израиль не хочет быть застигнутым врасплох, у него не остается другого выбора, как повышать свой потенциал в ядерной области», – говорил в 1970 г. заместитель премьер-министра Израиля Игаль Алон. Этот «аргумент» не выдерживает никакой критики. Если бы израильское руководство действительно заботилось о

* Boston Globe, 31 июля 1975.

безопасности своего государства, то оно могло бы использовать факт подписания и ратификации своей страной Договора о нераспространении ядерного оружия как средство предотвращения распространения ядерного оружия на весь район Ближнего Востока. Есть все основания считать, что осуществление ядерной программы в Израиле и его отказ подписать Договор о нераспространении ядерного оружия не только не имеют ничего общего с обеспечением безопасности этого государства, с его стремлением «выжить» во враждебном арабском окружении, но, напротив, стимулируют ядерные работы с другой – арабской – стороны, и в конце концов создают возможность превращения арабо-израильского конфликта в ядерный конфликт, что чревато колоссальной опасностью не только для народов и государств этого района, но и для всего мира. «Если у Израиля действительно есть атомное оружие, оно будет и у нас», – сказал президент Сирии Х. Асад в беседе с корреспондентом английской газеты «Guardian». «Легко можно представить себе, что, когда ядерное оружие будет у обеих сторон, Израиль окажется в худшем положении, так как он не сможет уцелеть, если на него будет сброшено большое количество бомб», – так комментировал корреспондент «Guardian» в номере от 28 апреля 1977 г. заявление, сделанное президентом Сирии.

Что стоит за ядерной программой, форсируемой Израилем? Рассчитывая на относительное научно-техническое превосходство, Израиль уповает на установление своей монополии на ядерное оружие в ближневосточном конфликте. Очевидно, этому стремлению Израиля подчинена и его тактика в области политического урегулирования. Именно с перспективой «надежного выхода» на уровень ядерных вооружений многие связывают стремление израильского руководства заморозить политическое урегулирование, вернуть положение на Ближ-

нем Востоке к ситуации «ни войны, ни мира», от которой события начали отходить после октября 1973 г.

Не исключено, что, по расчетам израильского руководства, активная фаза политического урегулирования должна начаться после того, как обладание Израилем ядерным оружием коренным образом изменит соотношение сил на Ближнем Востоке, что позволит Израилю уже «с принципиально иных позиций диктовать свои условия арабской стороне». На уровне обычных вооружений Израиль в результате Октябрьской войны 1973 г. утратил свои позиции решающего превосходства, и это, по мнению израильских политиков, создает «противопоказание» политическому урегулированию. В условиях монопольного прорыва Израиля к ядерному оружию израильское руководство хочет поднять на несколько порядков выше уровень конфронтации с арабскими странами и начать активный этап политического урегулирования, вновь обрета решающее преимущество над арабскими странами.

Эта концепция, не имеющая ничего общего с интересами обеспечения жизнеспособности израильского государства, таит в себе серьезнейшую угрозу перехода ближневосточного конфликта в еще более опасную для всего мира стадию.

Раздел 2

В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Перечень причин, породивших и поддерживающих ближневосточный конфликт, не отражал бы реальной картины без включения в него в виде самостоятельного фактора политики западных государств – сначала Англии, Франции, затем главным образом Соединенных Штатов.

В XX веке Ближний Восток занимает важнейшее место в системе империалистической политики, а арабо-израильский конфликт играет особую роль в осуществлении «ближневосточного курса» империалистических государств. Как уже говорилось, сионистское движение с момента своего основания, а затем и израильские власти ориентировались на различные западные державы, была изобретена формула, согласно которой союз хотя бы с одной западной державой является жизненно необходимым для развития сионистского движения. Не менее важной была обратная связь: различные империалистические державы стремились использовать сионистское движение, а позже и политику Израиля в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. Очевидно, можно говорить и об определенной закономерности: сионистское движение играло значительную роль в политике именно той западной страны, которая обеспечи-

вала себе сильнейшие позиции на Ближнем Востоке. Это происходило как в результате тяги сионистских руководителей к такому союзу, так и по причине стремления обладающей наибольшими на данный момент возможностями на Ближнем Востоке империалистической державы использовать сионистское движение в интересах своей ближневосточной политики.

До Первой мировой войны и в самом ее начале центром сионистской активности был Берлин, но, когда стало ясно, что союзники становятся той силой, которая, в конце концов, установит контроль над Иерусалимом, сионистские лидеры переориентировались на Лондон. На протяжении 20-х – начала 40-х годов доминирующей иностранной силой на Ближнем Востоке, следовательно, главным союзником сионистского движения оставалась Англия. Сила английских позиций в районе определялась как военным присутствием и военно-политическими договорами, которыми Лондон привязал к себе некоторые арабские государства, прямым политическим контролем над рядом реакционных арабских режимов, так и широкими экономическими интересами, реализуемыми путем превращения Ближнего Востока в рынок сбыта английских товаров и сферу приложения английских капиталов.

Особую роль играли позиции Англии в области добычи и торговли ближневосточной нефтью. В 1919 г. английский банкир Эдвард писал: «Положение англичан неуязвимо. Все известные нефтяные источники, все возможные и вероятные месторождения за пределами самих Соединенных Штатов либо находятся в английских руках, либо подчинены английскому управлению или контролю, либо финансируются английским капиталом»*. Действительно, до 1927 г. английский и отчасти

* Цит. по: Санталов А.А. Империалистическая борьба за источники сырья. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – С. 182.

голландский капитал монопольно владели нефтяными концессиями на Ближнем Востоке, сконцентрировав в своих руках всю добычу ближневосточной нефти.

Положение начало резко меняться в 30-х годах. К началу Второй мировой войны пяти американским нефтяным компаниям уже принадлежало более половины всей колоссальной концессионной площади в этом районе. На их долю приходилось 12 % всех разведанных запасов нефти на Ближнем Востоке, свыше 13 % ее добычи*. Усилилось политическое и экономическое проникновение Соединенных Штатов на Ближний Восток. В таких условиях уже к началу Второй мировой войны стало ясно, что они становятся той силой, которая будет играть всевозрастающую, а, в конце концов, и доминирующую роль в этом районе.

Именно в этот период и произошла переориентация сионистского движения на преимущественные связи с Соединенными Штатами. Важнейшей вехой в такой переориентации стало принятие так называемой Балтиморской программы на конгрессе сионистских лидеров в Нью-Йорке в 1942 г. В программе был зафиксирован отказ сионистского движения от попыток достичь своей цели в системе английской политики и провозглашено стремление создать еврейское государство в Палестине с помощью Соединенных Штатов. В связи с предстоявшими в 1942 г. выборами в США и демократическая, и республиканская партии впервые включили в свою предвыборную платформу обещания поддержки сионистского движения.

После Второй мировой войны бесспорным гегемоном во всем капиталистическом мире стали Соединенные Штаты Америки. Одновременно они превратились в основную силу борьбы с национально-освободительным движением. Таким образом, активизация американской

* Там же. – С. 193.

политики на Ближнем Востоке и ставка сионистского движения на США имели своей основой изменение соотношения сил не только в самом районе, но и в масштабах всего капиталистического мира.

Какие «интересы» легли в основу ближневосточной политики США? Какие цели преследовала эта политика, и какое значение имело использование ближневосточного конфликта для достижения этих целей? Последующее изложение является попыткой ответить на эти вопросы. Анализируя влияние империалистической политики на развитие конфликта, мы рассматриваем его в основном в контексте политики Соединенных Штатов. Это отражает объективную реальность, так как со времени окончания Второй мировой войны европейская политика на Ближнем Востоке все больше приобретала характер второстепенного фактора, не способного оказать длительное и масштабное воздействие на развитие арабо-израильского конфликта.

Глава четвертая

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ

ПОЛИТИКА США: ЦЕЛИ,

ВНУТРЕННИЕ ПРУЖИНЫ

I. Стратегия

Выступая на завтраке, устроенном республиканской партией в ноябре 1975 г. в Сан-Франциско для сбора средств на предвыборную кампанию, бывший президент США Форд сказал: «Озабоченность Америки положением на Ближнем Востоке – это не вопрос выбора, это жизненно важная необходимость. Это стратегически важный район и источник значительной и все более увеличивающейся части энергетических ресурсов как для нас, так и для Западной Европы и Японии»*.

Стратегическое значение этого района рассматривалось американскими политиками в период после Второй мировой войны с учетом двух основных факторов: важности этого района в конфронтации с Советским Союзом и его роли в борьбе США с национально-освободительными антиимпериалистическими движениями. Ближний Восток расположен на стыке между европейскими социалистическими государствами и обширными облас-

* Weekly Compilation of Presidential Documents. – November 3, 1975. – P. 1219.

тями, где развернулась национально-освободительная борьба. Борьба арабских народов против империализма и феодализма превратила Ближний Восток в один из центров национально-освободительного движения. В 60-х годах в арабском мире дальше, чем во многих других районах Азии и Африки, зашел процесс перерастания антиимпериалистической борьбы в борьбу антикапиталистическую. Значительное число развивающихся стран, которые избрали социалистическую ориентацию как направление своего социально-экономического развития, расположено в районе Ближнего Востока и Северной Африки. Сдвиги, произошедшие в странах этого района, обрели большое значение для развития мирового революционного процесса.

Двум названным факторам в основном соответствовали и направления ближневосточной политики США: одно – нацеленное против Советского Союза и другое – имеющее в качестве цели ограничение и ликвидацию национально-освободительного движения в арабском мире. Естественно, оба этих направления не развивались параллельно – они пересекались; в рамках каждого из них выдвигались задачи, имеющие отношение как к конфронтации США с СССР, так и к борьбе США против арабского национально-освободительного движения.

Оценка стратегического положения ближневосточного района осуществлялась американскими политиками в послевоенный период с учетом изменений в стратегии и военных доктринах США. В результате постоянных сдвигов в соотношении мировых сил в пользу социализма избираемые на каждом этапе направления, способы, средства и формы военной конфронтации США и всего империалистического лагеря с мировым социализмом, в конечном счете, оказывались и оказываются несостоятельными. Это главным образом предопределило и перманентный кризис американских военных доктрин, и их довольно частую сменяемость. В условиях такой дина-

мики – при постоянном сохранении высокого стратегического значения Ближнего Востока в военно-политических построениях США – наблюдаются изменения в оценках роли этого района в глобальном противоборстве Соединенных Штатов с мировым социализмом.

В 50-х годах основу военной политики США составляла стратегия «массированного возмездия», предусматривающая лишь крайние формы реализации военной силы США и их союзников в международных отношениях – массированный ракетно-ядерный удар или угрозу его нанесения.

Военная политика Соединенных Штатов тогда однозначно исходила из концепции подготовки всеобщей ядерной войны против Советского Союза и других социалистических стран, а это непосредственно отражалось на той роли, которая отводилась Ближнему Востоку в стратегических планах США. Антисоветское направление политики США в этом районе осуществлялось главным образом в виде попыток американской дипломатии превратить Ближний Восток в опорный пункт системы блоков, которой США стремились окружить СССР. Создание Багдадского пакта, в дальнейшем – СЕНТО¹⁸, шаги, направленные на вовлечение в различные блоки арабских стран, были связаны с американской концепцией, рассматривающей район Ближнего Востока как театр будущих военных действий против Советского Союза. Планируемая блоковая система призвана была одновременно предотвратить опасное для империалистических позиций в районе Ближнего Востока развитие национально-освободительных движений.

В начале 60-х годов основные положения доктрины «массированного возмездия» вынужденно пересматриваются Соединенными Штатами. В 1961 г. было объявлено о принятии США новой военной стратегии – доктрины «гибкого реагирования», которая в отличие от предыдущей допускала ступенчатость в развитии кон-

фликтных ситуаций – от переговоров «с позиции силы» к достижению «критического порога», за которым начинается мировая ядерная война. Переход за этот порог считался нежелательным (хотя и не исключался полностью), так как это угрожало самому существованию капиталистического мира. В таких условиях доктрина «гибкого реагирования» была призвана обеспечить более широкий диапазон для применения военной силы США в сочетании с другими методами – политическими, экономическими, идеологическими.

Переход к доктрине «гибкого реагирования» привел к смещению центра применения силы на региональный уровень. Эта доктрина породила тактику так называемых ограниченных, или локальных войн, с помощью которых американский империализм стремился остановить и повернуть вспять революционные силы в различных частях мира. Стратегия «гибкого реагирования» была дополнена позже положениями так называемой «гуамской доктрины», или доктрины Никсона, предусматривающей активизацию в борьбе с национально-освободительными движениями зависимых от Вашингтона или просто марionеточных местных режимов¹⁹.

Не снимая вопроса о подготовке и осуществлении различных форм конфронтации с Советским Союзом на глобальном уровне, американская тактика «гибкого реагирования» резко усилила значение «промежуточных военных шагов», не доводивших обстановку до прямого стратегического столкновения с СССР, но одновременно призванных по замыслу Пентагона ослабить позиции Советского Союза путем ликвидации ключевых национально-освободительных очагов. Известно, что в соответствии с принципами «гибкого реагирования» США развязали войну против национально-освободительных сил в Южном Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, бомбардировали с воздуха и моря территорию Демократической Республики Вьетнам. В конце 60-х – начале 70-х годов

США пытались продолжить свою военно-политическую акцию в Индокитае в форме активизации местных реакционных сил, полностью зависимых от США, поддерживаемых и направляемых американским империализмом. Вместе с тем Индокитай был не единственным центром осуществления в таком виде американской стратегии «гибкого реагирования». Можно даже считать, что применению «гуамской доктрины» в Индокитае в определенном смысле предшествовал период апробации ее основных методов на Ближнем Востоке – и в плане передачи «инициативы» в руки Израиля, снабжения его боевой техникой, и в плане использования израильского опыта кинжальных ударов по базам противника.

Изменения в американских военно-политических доктринах привели к значительному расширению спектра стратегических интересов США на Ближнем Востоке.

Наряду с традиционными геополитиками, которые в 60-х годах все еще продолжали рассматривать этот район исключительно как «перекресток трех континентов», ряд лиц, воздействующих на процесс выработки американской политики, стали обращать внимание и на другие моменты, связанные с Ближним Востоком. «Некоторые официальные лица в США доказывали, что Средний Восток стал решающей ареной американско-советского соперничества и что с целью достижения глобальной стабилизации отношений с Советским Союзом Соединенные Штаты должны противодействовать Москве в усилении ее влияния на Среднем Востоке. В соответствии с этим аргументом расплывчатые соображения престижа, собственного “я” и решимости диктуют сильное присутствие США на Среднем Востоке почти безотносительно к их специфическим интересам в этом районе», – писал один из видных специалистов США по ближневосточным проблемам Уильям Квандт*.

* *Quandt W.B.* The Middle East Conflict in US Strategy 1970–1971 // *Journal of Palestine Studies.* – Vol. 1, No. 1. – 1971. – P. 39.

Комплексными интересами борьбы Соединенных Штатов против национально-освободительного движения было продиктовано продвижение американского шестого флота в Средиземное море. В задачу этого флота входило следующее: подпереть южный фланг НАТО, продвинуть к территории Советского Союза подводные и надводные корабли с ракетами, оснащенными ядерными боеголовками, обеспечить «охрану» американских интересов в Средиземноморье, а также служить средством давления США на правительства стран этого района. «Шестой флот представлял для нации чрезвычайно полезный и гибкий инструмент, который можно использовать открыто или скрыто, прямо или косвенно, активно или пассивно, но почти в каждом случае эффективно, какими бы ни были в данный момент национальные интересы», – указывается в статье «Шестой флот и американская дипломатия», опубликованной в сборнике, который был подготовлен Колумбийским университетом*.

«Расширительное» толкование значения Ближнего Востока усилило активный характер ближневосточной политики США. Традиционно геополитические оценки положения в этом районе, естественно, тоже базировались на империалистических претензиях и предполагали активные действия Соединенных Штатов, не исключавшие, а, напротив, предусматривавшие контрудары по освободительным силам. Однако «глобализация» ближневосточной ситуации увеличивала для США требования наступательной политики. При этом акценты все больше перемещались с использования Ближнего Востока в качестве непосредственного театра военных действий против СССР на подготовку и осуществление внутренних изменений в районе, которые рассматривались американскими политиками как способствующие ликвидации

* Soviet-American Rivalry in the Middle East. – New York: Praeger, 1969. – P. 60.

советского влияния в этом районе, пресечению связей, крепнувших между СССР и национально-освободительным движением в арабском мире.

Такая направленность американской политики, естественно, не снижала ее опасности с точки зрения возможности спровоцировать, особенно в условиях холодной войны, прямое столкновение СССР и США, так как американские действия осуществлялись в районе, непосредственно примыкающем к советским границам.

«Вытеснение Советского Союза» прочно заняло с тех пор одно из самых главных мест в иерархии целей ближневосточной политики США. «Невзирая на то, как специалисты по внешней политике определяют отношение Соединенных Штатов к Среднему Востоку, вне всякого сомнения, наибольшим образом давит на стратегическое планирование США вес советского присутствия в этом районе», – писал Уильям Квандт*.

Под «советским присутствием» на Ближнем Востоке американские политики обычно подразумевали нахождение советской эскадры в Средиземном море, военно-политические связи СССР с рядом арабских государств. Советский Союз рассматривал укрепление своих позиций в Средиземном море, во-первых, как ответную меру на американские действия, причем когда само американское руководство подчеркивало, что эти действия США имеют антисоветскую заостренность, и, во-вторых, как меру, предпринятую в условиях активного использования Соединенными Штатами местных конфликтов на Ближнем Востоке в интересах борьбы против СССР и национально-освободительного движения.

Для американских руководителей и значительной части прессы характерна диаметрально противоположность в оценках действий, предпринимаемых США и Со-

* *Quandt W.B.* The Middle East Conflict in US Strategy 1970–1971. – P. 39.

ветским Союзом. Широко распространялся подход, условно именуемый «гуд энд бэд гайз» (хорошие и плохие ребята): все, что делают американцы, – хорошо, а если аналогичные действия, даже выступления в целях самообороны, предпринимает СССР, это категорически плохо. Постоянное пребывание американских военно-морских сил за многие тысячи миль от берегов Америки и в непосредственной близости от границ Советского Союза расценивалось в США как явление вполне «нормальное и оправданное», а нахождение в Средиземном море советских военных кораблей оказывало «сильное давление» на «стратегическое планирование США».

Известно, что советское правительство еще до выдвижения ВМФ в Средиземное море предлагало превратить это море в зону мира. Эта позиция сохранила свое значение и в дальнейшем.

На этапе применения доктрины «гибкого реагирования» – активной борьбы США за «вытеснение» Советского Союза и ликвидацию арабских прогрессивных режимов – в американских планах резко возросло место конфронтации Израиля с арабским миром. Постоянно действующий фактор угрозы со стороны Израиля рассматривался Соединенными Штатами как важнейшее средство, призванное обеспечить развитие арабского мира под американским контролем, исключая укрепление его отношений с Советским Союзом. Но возросшие интересы Соединенных Штатов в районе механически не вели к непосредственной, прямой вовлеченности США в ближневосточный конфликт на стороне Израиля. Форма участия США в этом конфликте каждый раз диктовалась как глобальной расстановкой сил, так и непосредственными условиями борьбы в ближневосточном районе.

В начале 1971 г. в послании президента США Конгрессу было заявлено, что США выдвигают новую стратегию – «реалистического сдерживания», или «устрашения».

В докладе министра обороны в марте 1971 г. было дано обоснование этой новой стратегии, причем подчеркивалось, что она отличается от «гибкого реагирования»: «Прежняя стратегия носила ответный рефлекторный характер. Наша новая стратегия является инициативной (позитивной) и активной. Прежняя стратегия сосредоточивалась на сдерживании и приспособлении. Новая стратегия делает упор на соразмерную и ответственную вовлеченность в противоборство и энергичные переговоры с позиции силы»*. Таким образом, разъяснял министр, стратегия «реалистического сдерживания» предназначена не для реагирования на возникающие или уже возникшие кризисы, а для предотвращения войны. Иными словами, речь шла об «упреждающих» действиях, призванных не допустить нежелательных для США сдвигов на международной арене. Главными формами косвенного использования военной силы США в мирное время предусматривается курс на «устрашение» и переговоры «с позиции силы». В отношении союзников провозглашался «более взвешенный» курс, основывающийся на большей вовлеченности с большей ответственностью «партнеров» США за исход общей политики Запада. Переход к новой доктрине предусматривал усиление гонки вооружений для подкрепления мощи США, что считалось основным условием «переговоров с позиции силы».

В то же время стали проявляться и реалистические начала в позиции США и ряда других капиталистических стран, обусловленные качественно новым соотношением сил двух противостоящих друг другу общественно-политических систем, – в начале 70-х годов произошло вынужденное признание руководителями Соединенных Штатов военно-стратегического равновесия сил между

* Statement of the Secretary of Defence Melvin R. Laird Before the House Armed Services Committee on the Fiscal Years 1972–1976. Defence Program and F. Y. 1972 Defence Budget, March 9, 1971. – Washington, 1971. – P. 2.

СССР и США. Это создало условия для отхода от холодной войны и внедрения принципов мирного сосуществования в отношения между государствами двух систем. В ряде случаев в политике США начали проявляться стремление избегать развития таких ситуаций, которые могли бы быть чреваты прямым вооруженным столкновением с Советским Союзом, а также некоторые конструктивные подходы к проблемам отношений между двумя странами. Но это не означало отхода США от идей конфронтации с Советским Союзом, в том числе не означало разрыва и с военно-политическими методами такой конфронтации. Одновременно проявилось упорное сопротивление политике разрядки со стороны кругов крайней реакции, представителей военно-промышленного комплекса США. В виде альтернативы этой политике был противопоставлен курс на продолжение гонки вооружений.

В таких противоречивых условиях, когда, с одной стороны, в политике США обозначились реалистические начала, а с другой стороны, круги крайней империалистической реакции влияют непосредственным образом на процесс выработки внешнеполитических решений США, в американских стратегических построениях продолжал и продолжает играть важнейшую роль район Ближнего Востока. Американские политики и сегодня рассматривают проблему соотношения сил в этом районе через призму конфронтации США с СССР и национально-освободительными движениями.

Причем целый ряд американских политических исследователей предлагают, не преступая «критического порога», ни в коей мере не отказываться от силового противостояния с СССР в этом районе, так как, по их мнению, такое противостояние, и именно в этом районе, может служить «устрашению» СССР. Другие считают, что в результате «возросшей взаимозависимости» отдельных областей советско-американской конфронтации

сильные позиции США на Ближнем Востоке могут, дескать, способствовать «уступчивости» СССР в других районах или по другим проблемам. Отвечая сторонникам деэскалации на Ближнем Востоке, один из известных американских военных исследователей Дж. Гуревич, например, писал, что «для Соединенных Штатов было бы малоразумным сдавать свои позиции силы на Ближнем Востоке и тем самым снимать фактор, досаждающий Советскому Союзу, без получения чего-нибудь конкретного взамен...»*. Другой американский исследователь, профессор М. Куртис, рекомендовал правительству США «довести до сведения Советского Союза, что его отказ от сотрудничества [то есть от поддержки варианта урегулирования кризиса, означающего не компромисс, а капитуляцию арабов. – *Е.П.*] приведет к отсутствию прогресса в других вопросах, таких как переговоры СОЛТ или предоставление американской технологии [очевидно, имеется в виду научно-технический обмен между двумя странами. – *Е.П.*]»**. Характерно, что и «челночную» миссию Киссинджера в 1974–1975 гг.²¹, направленную на противопоставление частичных мер общему урегулированию ближневосточного конфликта, многие в США прямо связывали с конфронтацией с Советским Союзом. Американский журнал «U.S. News & World Report» писал, что «миссия Киссинджера представляет собой важный – возможно решающий – шаг в плане исхода соперничества сверхдержав в этом районе. Как считает Киссинджер, какое-то новое египетско-израильское соглашение в значительной мере способствовало бы укреплению американского влияния в Каире... Для государственного секретаря исход его усилий имеет огромное значение. Если он добьется успеха, Соединенные Штаты

* *Hurewitz J.C.* Middle East Politics: The Military Dimension. – New York: Octagon Books, 1969. – P. 496–497.

** *Curtis M.* Soviet-American Relations and the Middle East Crisis // *Orbis*. – Vol. 15, No. 1. – Spring 1971. – P. 424.

смогут стать на Ближнем Востоке господствующей иностранной державой»*.

Интересам борьбы с СССР в преобладающей части подчинена политика США в отношении Египта. Известно (об этом говорится подробнее ниже), как США исподволь подталкивали президента Садата на разрыв советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве.

Особую роль продолжает Ближний Восток играть и в планах распространения и стабилизации американского влияния на соседние районы – в зонах Персидского залива, Индийского океана и в Африке.

К началу 70-х годов все большее внимание американских стратегов стал привлекать к себе бассейн Индийского океана: его воды омывают берега многих государств, направление внутреннего развития которых прямо сказывается на балансе мировых сил. В странах, расположенных вокруг Индийского океана, проживает треть человечества.

В этом районе обозначился целый ряд действующих и потенциальных международных конфликтов, уже перераставших или имеющих тенденцию перерасти в кризисную стадию: на Индостане между Китаем и Индией, между странами Персидского залива, наконец, между целой группой африканских государств и расистскими режимами. Последний конфликт, по оценке многих исследователей, станет одним из основных в конце 70–80-х годов. Этому конфликту, угрожающему существованию расистских режимов в ЮАР и Родезии, придает особое значение американская политика, которая исходит из того, что ликвидация расистских режимов в Африке «дестабилизирует» обстановку, ослабит в общем позиции Запада на всем континенте. Особое внимание к этому конфликту Вашингтон стал проявлять после неудачной попытки экспорта контрреволюции из ЮАР в Анголу.

* U.S. News & World Report. – 24.03.1975. – P. 31–32.

Весной и летом 1976 г. в страны Африки совершили поездки государственный секретарь США, министр обороны, представитель США в ООН и другие должностные лица, что и в их выступлениях, и в комментариях печати связывалось самым непосредственным образом с «беспокойством» США в отношении развития событий на юге Африки.

В качестве другой резко конфликтной зоны американская политика рассматривает район Персидского залива, который представляет «специальный интерес» для США и как крупнейший в капиталистическом мире резервуар нефти, и огромный рынок «нефтедолларов», сконцентрированных в руках нефтедобывающих стран.

Вместе с тем в этом районе развиваются противоречия между Ираном и Саудовской Аравией, Саудовской Аравией и Ираком, Ираном и Ираком, Саудовской Аравией и Народной Демократической Республикой Йемен и т. д. Здесь существуют довольно стойкие очаги национально-освободительного движения, на погашение которых направлены объединенные усилия реакции.

В начале 70-х годов ряд стран этого района, в первую очередь Иран и Саудовская Аравия, стали получать в огромных масштабах вооружение из США и Англии. С 1972 по 1976 г. США поставили Ирану самого современного вооружения на 10,4 миллиарда долларов. Саудовская Аравия закупает в США истребители-бомбардировщики, бронетранспортеры, ракеты «воздух – земля» на общую сумму 6 миллиардов долларов*.

Помимо стремления США через сделки по продаже оружия рециклировать «нефтедоллары» в свою экономику торговля оружием преследует определенные военно-политические цели: Вашингтон стремится зафиксировать свое военное присутствие в зоне Персидского залива, не дать возможность развиваться антиимпериа-

* U.S. News & World Report. – 16.08.1975. – P. 47.

листическим тенденциям в этом представляющем «специальный интерес» для США районе.

В результате посылки военных инструкторов, сопровождающих партии поставляемого оружия, обучения в США значительного числа военнослужащих, особенно летчиков, из Ирана, Саудовской Аравии, американцы имеют возможность усиливать свое влияние в иранской и саудовской армиях. В докладе сенатской комиссии по иностранным делам говорится, что Ирану, например, к 1980 г. потребуются помощь как минимум 50–60 тысяч американских военных специалистов. «Соединенные Штаты, – подчеркивается в докладе, – берут на себя долгосрочные обязательства по обслуживанию проданного вооружения. Их покупатели оказываются примерно в такой же зависимости от США, как местный торговец автомобилями – от Детройта»*.

Пентагон осуществляет линию на создание системы американских военных баз в районе Индийского океана. По периметру это базы в Персидском заливе, военно-воздушная база на острове Масира в Аравийском море, авиаморская база ЮАР в Саймонстауне, военно-морская база в Кокберн-Саунде (Австралия), базы Субик-Бей и Кларк-Филд на Филиппинах, контролирующие подходы к Индийскому океану. Особое место в этой системе баз принадлежит базе на Диего-Гарсия.

Всестороннюю глобальную характеристику стратегического значения Индийского океана для США дал американский исследователь У. Гриффит. Он пишет, что, прежде всего, – это важное связующее звено между атлантическим и средиземноморским флотами, с одной стороны, и тихоокеанским флотом, с другой. Диего-Гарсия будет основной американской заправочной станцией и посадочной полосой между восточным средиземноморьем или, в случае нового ближневосточного кризиса, возможно, Норфолком, Виргинией и Субик-Беем на Фи-

* Там же.

липпинах. Поскольку Индийский океан лежит между советскими портами Одессой и Владивостоком, особенно, когда вновь открыт Суэцкий канал, контроль над ним приобретает важный смысл для США*. Гриффит вводит в свой анализ и «китайский фактор»: сильное военно-морское присутствие США в Индийском океане рассматривается также с точки зрения помощи Пекину в его конфронтации с СССР. Американский исследователь не скрывает, что при такой постановке вопроса США собираются активно играть на противоречиях СССР и КНР.

Сильное военно-морское присутствие США в Индийском океане связывается также с задачей американской политики стабилизировать прозападные консервативные режимы в Персидском заливе и в других районах Ближнего Востока. Вместе с тем американское военно-морское превосходство в Индийском океане и Персидском заливе призвано напоминать ОАПЕК, что США могут использовать военную силу для того, чтобы предотвратить «удушение» (вероятно, в случае нового сокращения производства нефти странами ОАПЕК) капиталистического мира.

Таким образом, Ближний Восток рассматривается Соединенными Штатами и в новых условиях начавшегося и, очевидно, далеко не однозначного процесса разрядки международной напряженности как важнейшее звено глобальной конфронтации с СССР. Одной из целей этой конфронтации является изоляция национально-освободительных сил, государств, имеющих многосторонние отношения с Советским Союзом, от поддержки стран социалистического содружества. В этой связи американские руководители проявляют «беспокойство» – об этом неоднократно заявлялось и Белым домом, и Государственным департаментом, и Пентагоном – по поводу «выхода» в Индийский океан советского военно-мор-

* *Griffith W.E.* The Great Powers, the Indian Ocean and the Persian Gulf. – Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1975. – P. 14–15.

ского флота. Советские военные корабли действительно в соответствии с установившейся практикой заходят с визитами в порты дружественных государств. Ряд западных стратегов, по-видимому, считает, что это создает для них ситуацию, явно не благоприятствующую планам глобального давления на СССР и борьбе против национально-освободительных сил.

На Западе пишут о том, что в случае международных кризисов в бассейне Индийского океана присутствие советских военных кораблей помешает Соединенным Штатам осуществить «кризисное реагирование», «контролировать» в своих интересах развитие событий. При этом нередко ссылки на индо-пакистанский кризис 1971 г., который показал ограниченность возможностей Соединенных Штатов, пытавшихся поддержать реакционный режим Яхья Хана²².

Между тем, естественно, американские политики предпочитают действовать без риска, при обеспечении для себя «свободы рук». Эта цель имеется в виду, когда предпринимаются попытки превратить Ближний Восток в кордон, отделяющий Советский Союз (или, во всяком случае, ослабляющий его мобильность) от района Индийского океана. В немалой степени такими соображениями, например, руководствовались те американские деятели, которые откровенно зачисляли в актив политики Соединенных Штатов длительное закрытие Суэцкого канала.

II. Нефть

Стратегическое положение Ближнего Востока в американской политике в громадной степени определяет колоссальный нефтяной потенциал, значение которого для

Соединенных Штатов после Второй мировой войны непрерывно возрастало.

Во-первых, доходы от добычи нефти на Ближнем Востоке, большая и растущая часть которой осуществлялись американскими компаниями, служили важным стабилизирующим фактором экономики США. Еще в 20-х годах «большая пятерка» американских компаний («Еххон», «Mobil», «Texaco», «Socal», «Gulf»), объединившись с английской «British Petroleum» и англо-голландской «Royal Dutch Shell», образовали международный нефтяной картель, в рамках которого началось освоение нефтяных богатств зависимых и колониальных стран.

В течение 50–60-х и в начале 70-х годов произошло усиление позиций «большой пятерки» среди крупнейших промышленных корпораций Соединенных Штатов – и в суммах продаж, и в активах, и в чистых прибылях. Огромную часть своих сказочно высоких прибылей американские монополии получали за счет эксплуатации дешевой рабочей силы при благоприятнейших условиях залегания нефти в арабских странах. Значительную часть этих прибылей, полученных от нефтедобычи в арабских странах (по различным оценкам, более 1,7 миллиарда долларов, ежегодно в конце 60-х – начале 70-х годов), американские нефтяные компании переводили в Соединенные Штаты. «Без этих доходов дефицит платежного баланса США мог бы быть много выше каждый год, что неизбежно привело бы к критическому давлению на внутреннюю экономическую жизнь страны», – писала газета «Wall Street Journal».

В середине 70-х годов обозначились кардинальные сдвиги в позициях международного нефтяного картеля и «большой пятерки», образующей его сердцевину. Наступление нефтедобывающих стран, объединившихся в организацию ОПЕК, привело к тому, что картель потерял монополию в определении цены на нефть, установлении уровня ее добычи. Приблизился к завершению процесс

национализации концессий картеля в арабских странах. Компании картеля начали вынужденно выступать в роли подрядчиков, а не концессионеров. Однако, несмотря на все это, международный нефтяной картель по-прежнему представляет собой наиболее мощную монополистическую группировку в капиталистическом мире.

Американские нефтяные компании, потеряв некоторые позиции, захватили и начали закрепляться на новых, постепенно изменяя сферу своей деятельности, распространяя свое влияние на ряд смежных областей энергетики. Весьма характерно, что в результате энергетического кризиса, разразившегося в капиталистическом мире в 70-х годах²³, масса прибылей «большой пятерки» отнюдь не снизилась. Увеличение цен на нефть в 5 раз с октября 1973 г. по середину 1975 г. в основном не ударило по прибылям картеля, так как оно привело одновременно к значительному росту цен на конечные нефтепродукты в распределительной сети, а производство нефтепродуктов и их продажа находились и находятся в руках тех же американских нефтяных компаний. Все это свидетельствует о том, что далеко не ликвидирован чрезвычайно важный для Соединенных Штатов механизм, позволяющий использовать на цели развития американской экономики огромные прибыли, получаемые нефтяными компаниями США, одним из основных элементов операций которых является осуществляемая теперь на условиях подряда добыча нефти в странах Ближнего и Среднего Востока.

Наряду с большей частью чистой прибыли «большой пятерки» в США поступают значительные суммы, которые нефтедобывающие страны размещают здесь в виде краткосрочных кредитов и долгосрочных инвестиций. Доходы 13 стран – членов ОПЕК возросли с 12,5 миллиардов долларов в 1971–1972 гг. до 116 миллиардов в 1976 г.; по прогнозам, они увеличиваются в 1977 г. до 125 миллиардов. Общие доходы от внешнеторговых опера-

ций этих стран в 1976 г. достигли 122 миллиардов долларов*. Значительная часть этих сумм осела в США в виде вложений в государственные ценные бумаги, на счета коммерческих банков, в акции корпораций и недвижимость. Преобладающая часть этой суммы поступила из четырех арабских стран – Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и Катара. США получают год от года с начала энергетического кризиса все большую долю «нефтедолларов». Одновременно большие суммы поступают в США по каналам внешней торговли с нефтедобывающими странами. 10,7 миллиарда долларов США получили в 1975 г. и оплату своего экспорта, не считая торговли оружием, в страны ОПЕК, главным образом арабские. Это составило 10 % от всего товарного экспорта США**.

Во-вторых, для Соединенных Штатов имеет большое значение – и роль этого фактора будет увеличиваться – не только ввоз прибылей, полученных американскими компаниями от добычи нефти на Ближнем Востоке, но и физический импорт самой арабской нефти. Известно, что Ближний Восток является самым большим в капиталистическом мире резервуаром нефти – в его недрах содержится 70 % запасов нефти этого мира. С начала 70-х годов в США обозначился период все большего разрыва между ростом потребления нефти и производством ее в национальных границах, не способным покрыть постоянно возрастающий спрос. В таких условиях значение импорта нефти для США стало жизненно важным. Только с 1961 по 1971 г. доля импорта в расходной части энергобаланса США возросла с 6,7 до 10,6 %, а в 1973 г. составила 17,3 %.

В результате в 1974–1975 гг. импорт нефти в США вопреки некоторым «оптимистическим прогнозам» непре-

* Chase Manhattan Bank International Finance. – 21.11.1977. – P. 8.

** Federal Reserve Bulletin. – April 1976. – P. 291–292.

рывно возрастал и абсолютно, и относительно. Если в 1970 г. из 735 миллионов тонн потребляемой нефти США ввозили 170 миллионов, или 23 %; в 1973 г. из 835 миллионов ввозили 320 миллионов тонн, или 38 %, то в 1976 г. импорт нефти составил 365 миллионов тонн, или более 40 %.

Возрастающая часть импортируемой нефти в США приходится на долю арабских стран. Не уменьшает интереса США к арабской нефти и изменение цен на нее. По имеющимся достаточно обоснованным прогнозам, подъем цен на нефть будет, вероятнее всего, происходить путем их индексации, то есть в зависимости от инфляционного подъема цен на готовую продукцию. В декабре 1976 г. на очередном совещании стран – членов ОПЕК в Катаре было решено поднять цены на нефть с января 1977 г. на 10 %. Между тем Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, не согласившись с мнением остальных членов ОПЕК, подняли цену на нефть лишь на 5 %. Со второго полугодия они присоединились к общему решению.

Судя по реальным показателям, а не по широковещательным политическим заявлениям, часто не соответствующим действительности, экономика США, западноевропейских стран и Японии адаптировалась к повышенным по сравнению с 1973 г. ценам на нефть. В то же время эффект этого подъема был в определенной степени «нейтрализован» за счет внутреннего перераспределения прибылей между отдельными группами монополистического капитала, подъема цен на готовую продукцию и дополнительного бремени, возложенного на плечи потребителя.

Если ко всему сказанному добавить, что не только не уменьшается, но, напротив, возрастает роль нефти как сырья для химической промышленности, то можно сделать вывод о непреходящем значении для США и других развитых капиталистических стран на период ближай-

ших десятилетий арабского мира как крупнейшего нефтяного резервуара.

В-третьих, от импорта арабской нефти жизненно зависят важнейшие союзники Соединенных Штатов, экономическое положение которых непосредственно сказывается на соотношении сил между противоположными мировыми системами. В середине 70-х годов Англия все еще более чем наполовину удовлетворяла свои потребности в нефти за счет ввоза ее из арабских стран. От ввоза арабской нефти зависит вся экономическая жизнь Японии. Страны «общего рынка» покрывают свой спрос на сырую нефть на 80 % за счет импорта из арабских стран. Если брать всю совокупность государств-союзников США, то в предстоящие два десятилетия они также не смогут, очевидно, освободиться от зависимости от импорта нефти. Судя по всему, основную роль в снабжении нефтью развитых капиталистических стран будет играть арабский мир, который на предстоящее десятилетие останется совершенно «недостижимым» для других районов капиталистического мира по запасам нефти и низкой себестоимости ее добычи. Ни в какое сравнение с Ближним Востоком, например, не идут разведанные запасы нефти Северного моря и Аляски, вокруг которых был поднят такой шум в буржуазной печати.

В-четвертых, арабская нефть имеет не только опосредствованное, но и прямое военное значение для Соединенных Штатов, так как она необходима для американских вооруженных сил, размещенных в различных районах мира.

Таким образом, энергетический кризис, объективно породивший необходимость диверсификации источников первичных энергоресурсов, вместе с тем на ближайший период отнюдь не ослабил заинтересованности США в арабской нефти. Более того, можно даже констатировать повышение такой заинтересованности, так как, несмотря на провозглашаемые меры по экономии энер-

гии, ее потребление продолжает расти весьма высокими темпами.

Естественно, что в таких условиях американский капитал был и остается самым решительным образом заинтересованным в том, чтобы создать политические условия на Ближнем Востоке, максимально соответствующие «нефтяным интересам» Соединенных Штатов. Для создания таких условий США не исключают демонстрации силы или ее применения.

Энергетический кризис при растущей заинтересованности Соединенных Штатов в арабской нефти накладывает свой отпечаток на планирование американских военно-политических акций на Ближнем Востоке, и особенно в зоне Персидского залива. Так, 1 января 1975 г. государственный секретарь заявил в интервью «Business Week», что США учитывают возможность военной интервенции на Ближнем Востоке, если арабские страны, входящие в ОПЕК, будут грозить «удушением индустриального мира». Большинство обозревателей расценило это заявление как прямую угрозу американского вторжения на территории нефтедобывающих стран. В этом смысле речь могла идти о создании «модели» американского поведения во время новой арабо-израильской войны, «отягощенной» для США повторным применением нефтяного оружия арабскими странами.

Вместе с тем дело, очевидно, не ограничивалось планированием американских контрдействий в том случае, если такая гипотетическая ситуация станет для США неизбежной. Соединенные Штаты отрабатывали инициативный, наступательный прием, имеющий целью запугать нефтедобывающие страны, повлиять на их политику и не завтра, а уже сегодня заставить их отказаться от подъема цен на нефть, от самостоятельности в нефтяном вопросе. Профессор университета Джонса Хопкинса Р. Такер писал в январском номере журнала «Commentary», что следует учесть возможность военной интер-

венции, если не снизятся цены на нефть. По его словам, США «имеют основания» захватить нефтепромыслы, чтобы сломать нынешнюю структуру цен и разбить в экономическом и политическом отношении ядро картеля. Через два месяца после этого советник Пентагона, укрывшийся под псевдонимом Майлс Игнотус, заявил в статье, помещенной в «Harper's Magazine», что у Америки «нет иного выбора», кроме интервенции.

Кампания, начатая с интервью Г. Киссинджера журналу «Business Week», по-видимому, преследовала цель оказать давление и на западноевропейских союзников США. Запугивая их перспективой американской интервенции и, следовательно, серьезного международного кризиса, США стремились заставить своих союзников отказаться от самостоятельности в отношениях с нефтедобывающими государствами.

III. Произраильское лобби

Анализ механизма, приводящего в действие ближневосточную политику США, был бы незавершенным без рассмотрения деятельности произраильского сионистского лобби в Соединенных Штатах. Внутриполитические соображения вообще в значительной степени предопределяют выработку и осуществление курса Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

В США проживает более 6 миллионов лиц еврейского происхождения. Среди еврейского населения Америки достаточно людей, которым чужды националистические настроения. Многие из них вели решительную борьбу против «грязной войны» США в Индокитае. Ряд ученых, писателей и общественных деятелей смело выступают против шовинистической, проимпериалистической по-

литики правящих кругов Израиля. Книги профессора Либиенталя, Менухина – отца всемирно известного скрипача Иегуди Менухина – и других сыграли свою роль в разоблачении экспансионистской политики руководства Израиля. Тем не менее значительная часть еврейского населения в Соединенных Штатах, безусловно, находится под влиянием сионистской пропаганды или, во всяком случае, настроена против арабов. Это используют многочисленные сионистские организации в США, постоянно пытающиеся оказывать давление на американскую политику на Ближнем Востоке.

Сионистские группы имеют значительное влияние в военно-промышленном комплексе и в американской печати. Их организационный центр – и это, безусловно, феномен в дипломатической практике – посольство Израиля в Вашингтоне. «В двух положениях договора 1952 г. о дружбе конкретно сказано, что израильское правительство не имеет права участвовать в политической деятельности в нашей стране. Тем не менее правительство и многие политические деятели полагают, что израильтяне на самом деле все же эффективно контролируют некоторых американских сионистов»*, – писал Роберт Фелпс в газете «The New York Times».

От израильского посольства нити тянутся к националистическим организациям, зарегистрированным в США, таким, как «Бнай брит», Американский еврейский комитет, Американский еврейский конгресс и др. Одним из важнейших центров по организации давления на Конгресс Соединенных Штатов является комитет по американо-израильским общественным отношениям, созданный в 1963 г. Американская печать квалифицировала его директора Морриса Эмита как деятеля, обладающего богатым опытом работы на посту сотрудника государственного департамента США и помощника по юридиче-

* The New York Times, 6 апреля 1970.

ским вопросам на Капитолийском холме. Как писала газета «The New York Times», на столе у секретаря М. Эмитя батарея телефонных аппаратов, и по письменной инструкции он обязан «переключать немедленно» на своего шефа звонки от заместителя государственного секретаря, посла Симхи Диница и «любого сенатора». М. Эмитей сам откровенно заявляет, что «знает всех в государственном департаменте, министерстве обороны и ЦРУ»*.

«Израильское лобби» имеет реальную возможность осуществлять свое влияние в двух палатах Конгресса США и при обсуждении законопроектов в этом высшем законодательном органе воздействовать в направлении, выгодном для Израиля. Весьма авторитетное свидетельство принадлежит председателю комитета начальников штабов генералу Джорджу Брауну, который в одной из своих речей заявил следующее: «Это лобби настолько сильное, что этому с трудом веришь... К нам приезжают израильтяне с просьбой дать им военную технику. Мы отвечаем, что вряд ли сможем убедить Конгресс санкционировать такую программу. Они отвечают нам: "Насчет Конгресса не беспокойтесь, мы берем это на себя". Эти люди из другой страны, и тем не менее они в состоянии это сделать»**.

В условиях, когда просионистски настроенные элементы имеют достаточно сильные позиции в американской прессе, на радио и телевидении, наличие компактной еврейской общины в Соединенных Штатах, активно участвующей в голосовании, является серьезным средством давления на политических деятелей не только на Капитолийском холме, но и в Белом доме. Хотя евреи составляют около 3 % всего населения Соединенных Штатов, на их долю в масштабе всей страны приходится около 4 % бюллетеней, так как, по словам «Washington Post»,

* The New York Times, 8 августа 1975.

** Washington Post, 23 ноября 1974.

они всегда активно участвуют в выборах и это происходит на фоне пассивности многих других групп. «Этот лишний процент, – пишет газета, – может иметь решающее значение в крупных штатах, где сосредоточено большое число выборщиков... Согласно демографическим данным, евреи как группа принадлежат к числу наиболее образованных, наиболее зажиточных американцев, и среди них больше специалистов, чем в остальных группах. К тому же, они необычайно активны в сфере политики»*.

Опираясь на возможность в определенном плане контролировать машину голосования еврейской общины, «израильское лобби» начинает свою обработку конгрессменов всякий раз, когда на повестку дня встает обсуждение законопроекта, имеющего отношение к ближневосточной политике США. Сильным рычагом давления является и тот факт, что еврейские организации отчисляют значительные средства на предвыборную кампанию различных партий и лиц. Как показало обследование, предпринятое корреспондентом «Washington Post», от этих организаций поступает более половины крупных пожертвований в фонд предвыборной кампании демократической партии.

В результате всего этого, как констатировала американская пресса в 1975 г., во время первичных выборов 1972 г. кандидаты в Майами вели себя так, как если бы они баллотировались в израильский кнессет. На одном фотоснимке, например, сенатор Генри Джексон был изображен стоящим навывтяжку на трибуне рядом с израильским флагом. Что касается взносов на предвыборную кампанию Джексона, то, как писала 6 октября 1974 г. газета «Chicago Tribune», сенатор «использует традиционную копилку кандидатов от демократической партии на пост президента, а именно средства американских евре-

* Там же.

ев», и в ходе своей предвыборной кампании пользуется «большой поддержкой еврейских бизнесменов». В 1973 г. 12 различных просионистских организаций заплатили Джексону в общей сложности 19 500 долларов только за его «выступления».

Такая поддержка была сторицей вознаграждена Джексонем, который часто вопреки интересам Соединенных Штатов действовал в пользу Израиля, например, внеся поправку к законопроекту о торговле, которая беспрецедентно связала проблему развития взаимовыгодных американско-советских торговых отношений с вопросом эмиграции, относящимся исключительно к области внутренних прерогатив Советского государства. Как писала газета «Washington Star-News», «настойчивость, с которой он [Джексон. – *Е.П.*] постоянно делал упор на вопрос об эмиграции, оставляя без внимания более крупные вопросы торговой политики, как иногда казалось, свидетельствовала об отсутствии у него перспективного мышления». Очевидно, дело было просто в том, что Джексон, пытаясь выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США от демократической партии, надеялся обеспечить себе поддержку сионистов в предвыборной кампании.

Предвыборная кампания 1976 г. внесла некоторые новые моменты, показав, что давление «израильского лобби» в США подчас приводит – процесс этот начался – к росту антиизраильских настроений среди широких слоев американского населения. Многие политические обозреватели в США считают, что провал выборной кампании Джексона 1976 г. являлся прямым следствием откровенной и грубой сионистской поддержки этой кандидатуры. Но пример с провалом Джексона, хотя и весьма знаменательный, все-таки еще не характеризует изменения картины в целом. Характерно, что Дж. Картер, будучи еще кандидатом от демократической партии, заявил на одной из своих пресс-конференций во время предвыбор-

ной кампании, что имеет целый ряд просьб о встречах от иностранных представителей в США, но встречался только с одним послом – Израиля. А кандидат от республиканской партии Форд посылал в это же время приветствия сионистским молодчикам, проводившим антисоветскую демонстрацию в Нью-Йорке. Дело в том, что «израильское лобби» остается серьезным фактором предвыборной борьбы в США.

Активная деятельность сионистских кругов тесно связана с нарочито тенденциозным освещением событий на Ближнем Востоке в американской печати. «В Соединенных Штатах совершенно невозможно получить через информационные каналы, включая прессу, радио, телевидение, книги, периодические издания, фактическую и точную картину недавней истории или текущих событий на Ближнем Востоке», – заявил бывший американский поверенный в делах в Каире, один из старейших работников Госдепартамента США, Дэвид Нес.

Глава пятая

ЭТАПЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США

Цели и интересы Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, рассмотренные выше, предопределили высокую степень вовлеченности США в ближневосточный конфликт, их стремление использовать этот конфликт для решения задач, стоящих перед американской внешней политикой. Тактическая линия Соединенных Штатов в отношении ближневосточного конфликта никогда не была застывшей, неподвижной, а видоизменялась от этапа к этапу осуществления ближневосточной политики США в целом.

Причем на эволюцию американской тактики помимо соотношения сил на глобальном уровне оказывали главное влияние состояние, характер и ближайшие перспективы отношений Соединенных Штатов с самой большой по населению, самой промышленно развитой страной арабского мира – Египтом, который играл при президенте Насере, несмотря на некоторые межарабские противоречия и сложности, общепризнанную лидирующую роль в арабском мире. Есть серьезные основания непосредственно связывать попытки США придать тот или иной импульс развитию ближневосточного конфликта с их различными политическими подходами к арабскому миру, что находило концентрированное выражение в политике США в отношении Египта. Можно, в частности, прийти к выводу, что активное использование

ближневосточного конфликта в своих внешнеполитических интересах Соединенные Штаты начали после 1952 г., который ознаменовался революцией в Египте, приведшей к власти организацию «Свободных офицеров»²⁴.

Политику Соединенных Штатов на Ближнем Востоке можно с тех пор условно разделить на ряд этапов. Первый, начавшийся сразу же после египетской революции 1952 г., длился до середины 1955 г. В этот период администрация США надеялась и пыталась установить контакты с новым египетским режимом, контролировать его внутреннюю и внешнюю политику. В течение этого этапа преобладали «позитивные» методы в отношении Египта, в том числе предоставление ему кредита, посредничество США между «Свободными офицерами» и Англией по вопросу об эвакуации английской военной базы в зоне Суэцкого канала. Вашингтон в течение всего этого этапа делал ставку на привязывание Египта, равно как и других арабских стран, к США либо в форме их непосредственного включения в блоковую структуру, либо путем предоставления им американской военной и экономической «помощи». Американские руководители тогда рассчитывали, что «Свободные офицеры» возьмут за основу своего развития модель латиноамериканских военно-диктаторских режимов, что предопределило бы их конечную и жесткую зависимость от Соединенных Штатов, особенно в условиях, когда традиционные колониальные державы в арабском мире – Англия и Франция – явно потеряли после Второй мировой войны и свой престиж, и свои позиции.

Такая линия США нашла адекватное отражение в американском отношении к ближневосточному конфликту. В течение этого этапа США не делали прямой ставки на усиление арабо-израильской конфронтации. Более того, предпринимались попытки сблизить Израиль и Египет, что рассматривалось в качестве средства

осуществления американского влияния на обе стороны, вовлеченные в конфликт.

Второй этап ближневосточной политики США охватывает период с середины 1955 по 1957 г. Весной 1955 г. началась военная конфронтация Израиля с Египтом, усилились вооруженные столкновения Израиля с Сирией. В середине 1955 г. Египет достиг соглашения с Советским Союзом и Чехословакией о поставках оружия. Это подорвало монополию Запада на поставки оружия в арабские страны. В 1956 г. Египет подвергся тройственной агрессии. Но Англия, Франция и Израиль под давлением миротворческих сил были вынуждены в 1957 г. вывести свои войска с египетской территории. В таких условиях США осуществили явный поворот в своей ближневосточной политике. Средства и методы действий США в отношении насеровского Египта и других арабских национально-освободительных сил в это время начали приобретать подрывной характер. Наряду с этим США не оставляли попыток и «конструктивного подхода» к Египту с целью воспользоваться крушением позиций Англии и Франции, что стало ясно особенно вслед за тройственной агрессией 1956 г. против Египта.

Такая линия нашла выражение в отношении США к арабо-израильскому конфликту: Соединенные Штаты стали исподволь усиливать Израиль, не всегда это делая своими руками, а предпочитая действовать через своих союзников; конфронтация Израиля с арабскими странами рассматривалась США как средство ослабления режима Насера; одновременно прилагались усилия для того, чтобы «подтащить» Египет к израильским условиям урегулирования; вместе с тем на этом этапе США все еще оставляли открытыми двери для попыток улучшить отношения с египетским режимом – «флирт» с этой страной еще не завершился, и это предопределяло отсутствие автоматизма в жесткой, безоговорочной поддержке лю-

бых действий Израиля, продиктованных его конфронтацией с арабскими странами.

Третий этап, начавшийся с провозглашения США доктрины Эйзенхауэра²⁵, продолжался до 1971 г. В этой доктрине США сформулировали самостоятельный курс своей ближневосточной политики, направленной на заполнение «вакуума», якобы образовавшегося в этом районе в результате краха влияния традиционных колониальных держав – Англии и Франции. За провозглашением доктрины Эйзенхауэра последовала вооруженная интервенция США и Англии в Ливане и Иордании в 1958 г., призванная создать «барьер» для развития национально-освободительного процесса в арабском мире. В целом этот этап американской политики характеризовали открытая враждебность США в отношении Египта, попытки любыми путями свергнуть режим Насера, ликвидировать прогрессивные тенденции в арабском мире. Особое внимание в это время США стали уделять использованию межарабских конфликтов, а после неудачи, с конца 50-х годов, прочно встали на путь прямого использования израильских экспансионистских кругов в ближневосточном конфликте.

Четвертый этап ближневосточной политики США начался со смертью Насера. Его характеризует переход к большей «сбалансированности», к попыткам США максимально использовать в своих интересах те экономические и политические сдвиги, которые обозначились в Египте и некоторых других арабских странах в начале 70-х годов.

В 1970–1972 гг. США присматривались к обстановке, нередко проводили «разведку боем», а после Октябрьской войны 1973 г. активно взяли на себя роль «посредника» в деле политического урегулирования ближневосточного конфликта. На это их подтолкнуло изменение в соотношении сил между сторонами, вовлеченными в конфликт, а также явно неблагоприятная для капитали-

стического мира ситуация, возникшая в результате связи между развитием ближневосточного конфликта и усилением энергетического кризиса. При этом миссия США по политическому урегулированию была предпринята главным образом в таких направлениях и формах, чтобы максимально обеспечить интересы США на Ближнем Востоке, нейтрализовать те неблагоприятные для экстремистских планов Израиля элементы, которые возникли в обстановке в этом районе и в международном плане, ослабить позиции и влияние Советского Союза. Эти цели, преследуемые политикой США, не облегчают, а, напротив, затрудняют достижение прочного и справедливого мирного урегулирования ближневосточного конфликта.

Рассмотрим этапы ближневосточной политики США подробнее.

I. Задача – втягивание в блоки (1952–1955 гг.)

После свержения короля Фарука в 1952 г. Соединенные Штаты далеко не сразу начали проводить курс, враждебный новому египетскому режиму. В момент переворота «Свободные офицеры» – об этом неоднократно писал и говорил Гамаль Абдель Насер – пытались установить связи с Соединенными Штатами. Один из бывших членов руководства «Свободных офицеров», Али Сабри, был уполномочен Советом революционного командования сразу же после свержения Фарука вступить в контакт с американцами, и с этой целью он посетил посольство США в Каире. Назначение после переворота на пост премьер-министра (пусть не контрольный, так как власть

фактически находилась в руках Совета революционного командования, но все-таки весьма важный в государстве) Али Махира, очевидно, не в последнюю очередь произошло с учетом его проамериканских настроений. И не случайно это назначение было воспринято столь положительно в США, что государственный секретарь в то время Дин Ачесон даже заявил о «новой эре» в американо-египетских отношениях.

Генерал Нагиб, возглавлявший после переворота Совет революционного командования, сделал целый ряд жестов, которые были оценены как проамериканские. В интервью 8 августа 1952 г. он сказал, что Египет придает большое значение организации военного пакта в районе Ближнего Востока и намерен обратиться за военной помощью к США. Нагиб лично принял участие 19 сентября 1952 г. в торжественной церемонии по случаю открытия американского информационного центра в Александрии и выступил там с хвалебными словами в адрес американской политики в отношении Египта. Нагиб открыто ратовал за привлечение в Египет американских капиталов.

Такая политика нового египетского руководства после июля 1952 г. имела двоякое объяснение: руководители страны, сосредоточившись на борьбе с Англией, с ее помещичье-дворцовой агентурой в Египте, нуждались в поддержке извне или, во всяком случае, хотели по возможности нейтрализовать в начавшейся египетско-английской конфронтации американскую поддержку Лондону, используя с этой целью американо-английские противоречия в районе. В то же время силы, представлявшие правое крыло нового египетского руководства, хотели с помощью сближения Египта с Соединенными Штатами ослабить обозначившуюся сразу же после переворота тенденцию движения режима влево, притушить антиимпериалистический характер египетской революции.

После свержения короля Фарука начал свою игру в Египте и Вашингтон. В мае 1953 г. в Египет прибыл государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Одновременно американская дипломатия взяла на себя «посредническую деятельность», пытаясь сблизить под своим «патронажем» позиции Англии и Египта в вопросе эвакуации английской базы в зоне Суэцкого канала. Начала осуществляться программа американской помощи Египту в размере 50 миллионов долларов. Происходило настоящее паломничество американских должностных лиц, политических деятелей, бизнесменов в Каир.

В начале 50-х годов Соединенные Штаты среди всех целей своей ближневосточной политики выделяли, отдавая ей приоритет, задачу создания военного блока с обязательным втягиванием в него арабских стран. Характеризуя задачу, которую пытался решить Даллес во время своего визита в Каир, известный и наиболее осведомленный в результате своей близости к Насеру египетский журналист М.Х. Хейкал писал, что государственный секретарь США стремился «к продвижению своего плана по окружению СССР военными и политическими союзами, плана, который он осуществлял с религиозным пылом и который являлся главной движущей силой всех его действий на Ближнем Востоке»*.

Первая послевоенная идея такого союза родилась за два года до приезда Даллеса в Каир. Это был проект с обязательным включением Египта в объединенное «средневосточное командование», которое рассматривалось США в качестве замены полностью скомпрометированного военного империалистического присутствия в зоне Суэцкого канала. Формально предложение о создании «средневосточного командования» было сделано от имени США, Англии, Франции и Турции осенью 1951

* *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – London: New English Library, 1972. – P. 129.

года, но инициатором и вдохновителем этой идеи был Вашингтон. В бюллетене Государственного департамента США были сформулированы основные принципы планируемого участия Египта в этом военном союзе: за согласие выступить в качестве страны-учредителя Египту были обещаны ряд высоких постов в командовании, специальная подготовка для его армии, поставки вооружения из стран-партнеров. Но за все это Египет должен был взять на себя обязательство предоставить командованию «такие стратегические, оборонные и другие объекты на своей территории, какие будут необходимы для организации в мирное время обороны Ближнего Востока». Он также должен был предоставить «все необходимое и свою помощь в случае войны, нависшей угрозы войны или в случае явного международного кризиса». Английская военная база в зоне Суэцкого канала, как указывал бюллетень, будет формально передана Египту, но фактически «средневосточное командование» возьмет ее в свои руки «при участии Египта в управлении базой»*.

Авторы идеи «средневосточного командования» планировали присоединение к нему и Израиля. Это диктовалось не только стремлением использовать военный потенциал Израиля в империалистических планах, но преследовало и две другие цели: сблизить Израиль с арабскими государствами в условиях распространения американского влияния на две стороны в конфликте (учитывая характер существовавших тогда режимов во всех ближневосточных странах, вовлеченных в конфликт, США могли рассчитывать на успех в усилении своих позиций «по обе стороны») и помешать развитию нормальных отношений Израиля с СССР и другими социалистическими странами.

* Department of State Bulletin. – 22.10.1951. – P. 647–648.

Идея «средневосточного командования», которая представляла собой попытку навязать Ближнему Востоку новую форму колониальной зависимости, была отвергнута арабскими странами. Но на этом не прекратились попытки американской дипломатии сколотить военный блок под эгидой США на Ближнем Востоке. После поездки государственного секретаря США Даллеса в район Ближнего Востока в 1953 г. Вашингтон выдвинул новый план создания военного блока из одних мусульманских стран – арабских государств, Турции и Пакистана.

Во время пребывания в США в конце 1953 г. египетской делегации, возглавляемой Али Сабри и направленной туда в целях закупки американского оружия, руководитель пентагоновской Программы военной помощи за рубежом генерал Олмстед использовал встречи с египтянами для пропаганды идеи исламского пакта. Не делая секрета из антисоветской направленности такого пакта, американский генерал сказал, что помимо своей роли по «защите Среднего Востока» пакт сможет оказать большое влияние на мусульман Советского Союза и Китая. «Все были шокированы, – пишет М.Х. Хейкал, – когда Олмстед заговорил о том, как в этих странах следует создавать пятую колонну»*.

Кстати, как выяснилось позже, вне зависимости от реакции египетской делегации на слова генерала США вообще не намеревались вооружать египетскую армию в достаточно больших масштабах современным оружием – это могло произойти лишь в случае примирения Египта с Израилем, иными словами, в случае отказа Египта от поддержки прав палестинского народа на самоопределение и подписания сепаратного мирного соглашения с Израилем. Дипломатия США добивалась этого, но безуспешно. Следовательно, на шкале ценностей американской политики Израиль сохранял даже большее место,

* *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 35.

чем осуществление идеи втягивания Египта в военный союз без одновременного вывода его из конфронтации с Израилем.

После того как стала ясна неосуществимость идеи создания исламского пакта, Вашингтон изменил тактику, выступив фактическим инициатором двустороннего турецко-пакистанского военного союза, рассчитывая превратить его в «ось» широкого военного блока с условием обязательного его расширения за счет арабских государств. В 1954 г. турецко-пакистанский пакт, аранжированный американской дипломатией, был заключен. 24 февраля 1955 г. американской дипломатии удалось оформить турецко-иракский военный союз, получивший название Багдадского пакта (впоследствии – СЕНТО). 4 апреля к нему официально присоединилась Великобритания, а в сентябре–ноябре 1955 г. – Пакистан и Иран.

Характерно, что втягивание Ирака в военный союз рассматривалось США как средство, призванное нарушить связи Советского Союза с этой страной. В период создания Багдадского пакта под непосредственным давлением Запада правительство Нури Саида прекратило дипломатические отношения с Советским Союзом²⁶.

Пытаясь осуществить главную на первом этапе цель – включение арабских стран в военный блок, Соединенные Штаты делали многое, чтобы не усложнить претворения этой идеи в жизнь своими тесными связями с Израилем. Развивая и укрепляя отношения с этим государством, Вашингтон в ряде случаев стремился их замаскировать, а иногда даже отмежеваться от «приписываемой» ему односторонней ориентации на Израиль.

Прежде всего, США отказались от первоначальных планов включения Израиля в военный блок на Ближнем Востоке. Более того, в связи с американским стремлением во что бы то ни стало втянуть арабские страны в военный союз был сделан ряд заявлений официальных деятелей США, осуждающих израильскую политику. В своем отчете

о трехнедельном посещении района Ближнего Востока Даллес рекомендовал Израилю «стать частью ближневосточного общества и перестать считать себя чуждым элементом в этом обществе». Высказавшись в пользу необходимости создания ближневосточного военного блока, Даллес заключил отчет рекомендацией «беспристрастного отношения к арабам и израильтянам»*. В июле 1953 г. США отказались перевести свое посольство в Иерусалим, объявленный израильским руководством вопреки резолюциям ООН столицей государства. Осенью 1953 г. США энергично протестовали против израильских рейдов на территории Египта, Иордании и Сирии. После израильского нападения на Кибю в Иордании 14 октября 1953 г.²⁷ Государственный департамент США выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Убийства и грабежи во время этого инцидента убеждают, что лица, причастные к этому, должны быть привлечены к ответственности и что следует принять эффективные меры для предотвращения подобных действий в будущем»**.

Отдельные представители официальных вашингтонских кругов пошли еще дальше этого, подвергнув в своих публичных выступлениях сомнению курс на превращение Израиля в «родину» для всех евреев. Помощник государственного секретаря США Генри Бироуд дважды выступал с незавуалированным осуждением стремления Израиля стать «ядром мирового еврейства». Первый раз 9 апреля 1954 г. в Дейтоне, штат Огайо, и повторно – в речи перед американским советом по иудаизму (несионистская еврейская организация в США) Г. Бироуд резко высказался против стремления израильского руководства усилить иммиграцию в страну и по сути дела развил тезис из доклада Даллеса о необходимости израиль-

* Department of State Bulletin. – 15.06.1953. – P. 831–835.

** Department of State Bulletin. – 26.10.1953. – P. 552.

тянам «посмотреть на себя в настоящем свете как на ближневосточное государство и видеть свое будущее в связи с этим регионом, а не в качестве штаба, так сказать, ядра разбросанных по свету групп, определяемых по религиозным убеждениям»*. В подобных выступлениях и официальных заявлениях Госдепартамента проявилось стремление «разыграть израильскую карту» в попытке сблизиться с арабскими странами и использовать это сближение для втягивания их в военный союз. В то же время металлические нотки в голосе США в отношении Израиля прозвучали и потому, что Вашингтон начал проявлять нервозность в связи с безудержным экстремизмом израильской верхушки, нежеланием адаптироваться, вписаться в ближневосточный контекст (без чего, по мнению Даллеса и его окружения, Израиль не мог в полной мере выполнять роль форпоста американского влияния на Ближнем Востоке), которые могли нарушить маневр США, оттолкнуть арабский мир, усилить тенденцию на развитие его отношений с СССР и другими социалистическими странами.

При этом, естественно, Вашингтон был далек от того, чтобы пожертвовать связями с Израилем ради политики сближения с арабскими странами: речь шла о тактике, точнее, об очередности в решении тех или иных задач американской политики. Поэтому Вашингтон делал все возможное, чтобы «самортизировать» для Израиля результаты такой игры и уж во всяком случае нигде не выйти за ее ограниченные пределы.

Известно, например, что 20 октября 1953 г. Даллес объявил о приостановке помощи Израилю, поскольку последний отказался выполнить предписание Совета по опеке ООН о прекращении работ по осушению болот и строительству гидроэлектростанции в демилитаризованной зоне между Израилем и Сирией. Но уже 28 ок-

* Department of State Bulletin. – 26.10.1953. – P. 426.

тября США объявили о возобновлении помощи, удовлетворившись заявлением израильского представителя в ООН о согласии не прекратить, но просто приостановить работы*.

В это же время президент Эйзенхауэр назначил миссию во главе с Эриком Джонстоном для осуществления проекта раздела вод реки Иордан и создания ирригационных систем. Арабские государства, отвергнувшие этот проект, не без оснований назвали его произраильским, так как США связывали с его осуществлением решение проблемы беженцев путем расселения их преимущественно на территории Иордании без возвращения на те земли, с которых они были согнаны.

Стремление втянуть в военный блок арабские страны вызвало для США необходимость предлагать ряду арабских режимов военную помощь либо как средство подтягивания их к блоку, либо как вознаграждение за их согласие к нему присоединиться. Сразу же вслед за заключением в 1954 г. военного пакта между Турцией и Пакистаном США предоставили военную помощь Ираку с целью стимулировать вступление этой арабской страны в планируемый широкий блок. Соглашение предусматривало поставки американского вооружения Ираку, учреждение в стране военной миссии США, отправку иракских офицеров для обучения в Соединенные Штаты.

Именно исходя из задачи укрепления совокупных военных позиций Запада в арабском мире, Вашингтон, как уже говорилось, проявил дипломатическую активность в деле заключения англо-египетского соглашения об эвакуации английской базы из зоны Суэцкого канала. 15 июля 1954 г. президент Эйзенхауэр в своем послании президенту Насеру писал, что «одновременно с заключением Суэцкого соглашения с Великобританией Соединенные Штаты смогут войти в прямые отношения с

* Department of State Bulletin. – 16.11.1953. – P. 674–675.

Египтом в области экономической помощи и усиления его вооруженных сил»*. «После того как они облегчили через необычайно эффективную дипломатию заключение соглашения между Египтом и Британией об эвакуации Суэцкой базы, Соединенные Штаты больше, чем когда бы то ни было, стремились втянуть Насера в западное оборонительное соглашение и изменить его поведение в отношении Израиля. Вооружение должно было стать главным средством осуществления этого»**, – так комментирует цели американского участия в египетско-английской договоренности Уильям Квандт.

II. Причины поворота в политике (1955–1957 гг.)

Несмотря на проявленную гибкость, Соединенным Штатам не удалось реализовать свою идею включения ведущих арабских стран в военный блок. Ирак стал единственным исключением. Египет, где к этому времени уже окончательно взяли верх элементы, группировавшиеся вокруг Насера и обладавшие гораздо большими революционными потенциями, чем сторонники генерала Нагиба, не только резко выступил против Багдадского пакта, но и направил против этого блока свою политику, все свое влияние в остальном арабском мире. В противовес Багдадскому пакту Египет подписал военные соглашения с Сирией и Саудовской Аравией. В Сирии в это время у власти находилось правительство во главе с лидером

* The President's Proposal on the Middle East. Hearings Before the Committee on Foreign Relations and the Committee on Armed Services // US Senate 85th Congress, January 14 to February 11, 1957. – P. 791.

** *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – Santa Monica: Rand Corporation, 1970. – P. 20.

Национальной партии Сабри Асали. Саудовская Аравия пошла на военный союз с Египтом, очевидно движимая своей традиционной враждой и соперничеством с династией Хашимитов в Ираке: король Сауд опасался того, что включение Ирака в Багдадский пакт сделает это государство основным ставленником Запада среди арабских монархий. Немалое значение имел, очевидно, и тот факт, что в 1955 г. резко обострились отношения Саудовской Аравии с другим членом Багдадского пакта – Англией – из-за оазиса Бурайми, на который заявил свои претензии английский ставленник султан Маската.

Соединенные Штаты пытались помешать заключению военных соглашений Египта с другими арабскими странами, особенно с Сирией, понимая, что это кладет конец американским планам создания «своих» контролируемых или прямо руководимых США военных союзов на Ближнем Востоке, а также может усилить позиции арабов в конфронтации с Израилем. 26 февраля посол США в Дамаске вручил сирийскому правительству памятную записку, в которой Сирии было предложено отказаться от подписания оборонительных союзов. Сирия расценила эту записку как вмешательство в свои внутренние дела и отвергла ее. Вашингтон в ответ начал беспрецедентную в истории американско-сирийских отношений кампанию давления на эту страну. Элементами этого давления были резкое обострение отношений Турции и Ирака с Сирией, атаки Израиля, наконец, убийство патриотически настроенного помощника начальника генерального штаба сирийской армии Аднана Малики, связанное с планами восстановления проамериканского диктаторского режима Шишакли. Несмотря на такой нажим, Сирия 20 октября 1955 г. подписала оборонительный союз с Египтом, а через неделю – с Саудовской Аравией.

Давление на Сирию было призвано оказать влияние и на Египет. Однако это не остановило Насера, который

назвал Багдадский пакт «тюрьмой для народов» и усилил против него борьбу.

Целый ряд исследователей американско-египетских отношений считает, что сама эта борьба, обращение Египта за оружием к социалистическим государствам в середине 1955 г., наконец, осуществленная в июле 1956 г. национализация Египтом Компании Суэцкого канала – все это и предопределило поворот в американской политике в отношении режима Насера. Насер, дескать, сам, своими руками заставил США менять позицию. Такой вывод, который усиленно распространялся и в посленасеровском Египте, особенно в попытках «аргументировать» линию на сближение с США в условиях продолжения ими жесткой поддержки Израиля, представляется неправильным, не соответствующим исторической действительности. Безусловно, эти меры египетского правительства ужесточили американский курс, но сама политика США предопределила такое развитие, которое привело к осуществлению Египтом всех этих мер.

Очевидно, на этом следует остановиться подробнее, и не столько в полемических целях, сколько для восстановления истинной картины, которая свидетельствовала о том, что, во-первых, антиегипетский курс Соединенные Штаты начали проводить инициативно, а не в ответ на действия Насера, направленные против интересов США, и, во-вторых, этот антиегипетский курс США был полностью связан с той стратегической позицией, которую Вашингтон занял в отношении сторон, непосредственно вовлеченных в ближневосточный конфликт.

Борясь против антиимпериалистических тенденций в политике Египта и некоторых других арабских стран, американское руководство начало использовать в своих интересах конфронтацию этих стран с Израилем. Ставка делалась на то, что военное давление «сильного» Израиля заставит эти страны становиться более податливыми в отношениях с США, помешает развитию процесса их

антиимпериалистического сближения. В условиях обозначившейся неудачи с вовлечением арабского мира в империалистические союзы для США возрастало значение Израиля в деле защиты своих интересов на Ближнем Востоке.

Результатом этого было снятие Соединенными Штатами ряда ограничений на развитие ближневосточного конфликта, которые были поставлены ими в предыдущей период флирта с египетскими «Свободными офицерами». В некоторых случаях США даже прибегли к поддержке линии на израильские «репрессалии», что, естественно, обостряло ближневосточный конфликт. Между тем это обострение приобретало и собственную логику.

Стратегический выбор был сделан США в пользу Израиля, находящегося в конфликте с арабами. Развитие конфликта требовало от США более четкого негативного подхода к арабской стороне, в частности во всех вопросах, связанных с возможностью роста ее боеспособности. Такой негативизм в тот период мог иметь «выборочный характер»: в активной конфронтации с Израилем находились по сути дела лишь три арабские страны – Египет, Сирия и Иордания. «Нефтяной фактор» еще не оказывал ограничительного воздействия на формировавшийся в условиях роста антиимпериализма на Ближнем Востоке антиегипетский, а применительно к конфликту – антиарабский курс Соединенных Штатов. Американские нефтяные интересы в Саудовской Аравии, Кувейте, Ираке казались надежно защищенными с помощью местных властей, находившихся в тесных отношениях с Соединенными Штатами. Все режимы в арабских странах, где оперировали американские нефтяные компании, были явно или скрыто антинасеровскими.

Характерна в плане сказанного и хронология антиегипетских действий США. Вполне определенный поворот в своей политике в отношении Египта Соединенные

Штаты начали осуществлять не после закупки чехословацкого оружия и тем более не после национализации Компании Суэцкого канала, а раньше всего этого – уже весной 1955 г. Постепенно накапливались косвенные и прямые антиегипетские акции США, которые достигли кульминации в июле 1956 г. в отказе от первоначального предложения предоставить Египту финансовую помощь на строительство важного для него Асуанского гидроузла.

Некоторые западные авторы утверждают, что «неожиданный» отказ Даллеса от заранее обещанной помощи был продиктован чисто субъективными моментами: Даллес – сложная личность, оказавшая чрезвычайно большое влияние на ход американской политики на Ближнем Востоке, – испытывал серьезное раздражение по поводу египетской пропагандистской кампании против Багдадского пакта, его инициаторов и участников*. Большинство приписывает отказ от помощи в асуанском строительстве реакции Даллеса на соглашение с Чехословакией о поставках оружия Египту, о котором Гамаль Абдель Насер объявил 27 сентября 1955 г.

Говоря о «фатальном» характере отказа Даллеса, действительно сыгравшего исключительно большую роль в дальнейшем развитии событий (ибо за ним последовала национализация Египтом Компании Суэцкого канала, в свою очередь вызвавшая тройственное нападение на Египет в октябре 1956 г.), ряд исследователей на Западе вообще считают «необъяснимыми», «невьясненными» побудительные мотивы и движущие силы американского решения.

Между тем этот отказ Даллеса был логическим следствием тех изменений в американском курсе в отношении Египта, которые лежали главным образом в плоскости арабо-израильского конфликта.

* *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 17.

Правда, к моменту поворота в американской политике в Египте, как говорилось, произошли внутренние изменения: в отставку ушел генерал Нагиб, верх в руководстве окончательно взял Насер, победили наиболее динамичные силы, выступающие за независимый курс развития страны. Но само по себе это еще не изменило американского отношения к Египту. По словам Хейкала, Даллес был в общем доволен встречей с Насером, которая состоялась в Каире 11 мая 1953 г. Насер не принял предложения Даллеса о вступлении Египта в СЕНТО, но в ряде его аргументов Даллес тогда еще смог уловить возможность для «конструктивных» разговоров с египетским лидером на будущее (решительный антиимпериализм стал политикой Насера через определенное время, а в 1953 г. он главным образом руководствовался чисто прагматическим подходом к выбору партнеров и союзников). «Насер доказывал, – пишет М.Х. Хейкал, – что, если Египет войдет в пакт до ухода англичан из зоны Суэцкого канала, это будет выглядеть, как если бы он это сделал под напором 8000 английских солдат, находящихся на базе Суэцкого канала. Это был довод, который вселил в Даллеса надежду. Он почувствовал, что после ухода англичан с базы можно будет говорить с Насером о присоединении к пакту. Насер также признал необходимость защиты страны от коммунизма»*.

США, таким образом, не теряли надежды, что им удастся достигнуть по крайней мере модуса вивенди в отношениях с насеровским руководством. Известно, например, что Вашингтону – в основном это была его «заслуга» – удалось снабдить соглашение о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала, подписанное в 1954 г., статьями, согласно которым вооруженные силы Англии могли вернуться в зону канала в случае нападения на Египет, на других членов Арабской лиги или Тур-

* *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 51.

цию. Эти статьи рассматривались как направленные против Советского Союза и имевшие целью компенсировать отказ Египта участвовать в военном союзе под эгидой западных держав*.

Не была неожиданностью для Вашингтона и резко негативная реакция Каира на создание Багдадского пакта. Гамаль Абдель Насер неоднократно предупреждал руководство США, что он будет против любого военного союза на Ближнем Востоке с участием арабской страны**. Однако одновременно с этими предупреждениями он не раз подчеркивал, в том числе и в ряде своих публичных выступлений, заинтересованность в связях с Западом, если такие связи не будут обусловлены обязательствами участвовать в военных союзах.

Отказ от предоставления американской помощи на асуанское строительство не мог быть реакцией США и на соглашение Насера с социалистическими странами о поставках оружия. Через два с лишним месяца после подписания египетско-чехословацкого соглашения о закупке оружия, в ноябре 1955 г., Даллес встретился в Вашингтоне с министром финансов Египта А.М. Кайсуни и поручил передать Насеру, что «Советский Союз помогает Египту оружием, а США собираются помогать Египту в строительстве высотной плотины»***. Даллес, далее, просил Насера подумать о «различии в характере помощи двух стран и решить, кто настоящие друзья Египта»****. Оставляя в стороне фарисейские приемы даллесовской дипломатии, обратим здесь внимание на то, что государственный секретарь США во время встречи с Кайсуни не только не снимал вопрос об американской помощи в асуанском строительстве в связи с получением Египтом

* *Rodinson M.* Israel and the Arabs. – P. 38.

** *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 21.

*** *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 67.

**** Там же.

оружия из социалистических стран, но, напротив, избрал эту помощь США в виде плацдарма для «конкуренции» с СССР за влияние в Египте.

И действительно, в декабре 1955 г. США объявили о готовности предоставить помощь Египту в строительстве высотной плотины в Асуане. США и Англия заверили Каир, что предоставят ему 70 миллионов долларов, а Международный банк реконструкции и развития объявил о готовности предоставить Египту займ в 200 миллионов долларов.

Отказ от этой помощи со стороны Соединенных Штатов, очевидно, не мог предопределить и курс на нейтрализм Египта, провозглашенный и подтвержденный активным участием Насера в Бандунгской конференции неприсоединившихся стран в апреле 1955 года²⁸. Известно, что в середине июня Даллес резко выступил против политики нейтрализма, которую он назвал аморальной. Однако все это было до того, как США согласились предоставить помощь на асуанское строительство, а не во время между этим согласием и последовавшим отказом.

Не выдерживает критики и теория об «импульсивном» решении Даллеса. Еще в марте 1956 г., то есть за четыре месяца до объявления им отказа от помощи в асуанском строительстве, на секретном совещании министров иностранных дел стран Багдадского пакта были полностью раскрыты намерения США. Совершенно секретный протокол этого совещания был переснят одним из иракских министров и передан в Бейруте сотрудникам египетской разведки. Получив этот документ, Насер сомневался в его достоверности; события, однако, подтвердили его точность*.

В чем же заключались тогда основные побудительные мотивы столь экстраординарной меры, как заранее подготовленный демонстративный отказ США от ранее

* *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 59.

обещанной помощи, что не могло не свидетельствовать о полной перестройке американской политики в отношении Египта?

С начала 1955 г. резко сократились маневренные возможности американского империализма, помогавшие прежним попыткам примирять две противоречащие друг другу цели его ближневосточной политики: с одной стороны, усиление Израиля как стратегической базы американского контроля над районом Ближнего Востока и, с другой – укрепление позиций и влияния США непосредственно в Египте и других арабских странах. Это произошло в условиях резкой активизации антиарабского курса Израиля, вырабатываемого возвратившимся к власти Бен-Гурионом и имевшего своим результатом нападение на Газу. Естественно, и в новых условиях США не исключали политики заигрывания с Египтом, но возможности для маневрирования США в этом плане явно сузились.

Перед Египтом во весь рост встала проблема военного усиления перед лицом реальной опасности вооруженных акций Израиля. В Каире понимали, что от степени противодействия этим акциям Израиля зависит во многом не только судьба режима «Свободных офицеров» в Каире, но и авторитет и позиции Египта во всем арабском мире. После февральского нападения Израиля на Газу Египет сразу же стал искать источники снабжения оружием. Он жизненно нуждался в этом. По словам его военного представителя, в то время Египет располагал шестью годными военными самолетами и боеприпасами для танков на один час сражения*.

Первоначально Египет обратился к его «традиционным» источникам вооружения – Англии и Франции. Однако это обращение с просьбой о продаже оружия не принесло положительных для Египта результатов. При-

* *Rodinson M. Israel and the Arabs.* – P. 71.

ход в апреле 1955 г. к власти в Великобритании правительства Энтони Идена резко усилил антиегипетский элемент в политике этой страны, особенно в условиях, когда Англия вступила в Багдадский пакт. Январские выборы 1955 г. во Франции привели к власти правительство Ги Молле, которое также с самого начала заняло крайне негативную позицию в отношении насеровского режима.

Это правительство взяло курс на решительное подавление национально-освободительного движения в Алжире и важным условием для этого считало ослабление или даже устранение Насера. Через месяц после того, как Ги Молле стал премьер-министром, Франция отказалась продать 300 минометов на том основании, что они могут быть переправлены алжирским повстанцам*. Но одновременно с отказом Египту Франция продала партию самолетов «Мистер» и другое вооружение Израилю. На поставки «Мистеров» Израилю Франция получила прямое согласие США в соответствии с «Тройственной декларацией»**.

При таких обстоятельствах Г.А. Насер обратился и к самим Соединенным Штатам с просьбой продать Египту вооружения на 27 миллионов долларов. Государственный департамент «справедливо полагал», что у Насера нет денег, и предложил заплатить наличными***. Одновременно было выдвинуто и другое требование – принять группу американских военных советников, которая должна была наблюдать, как будет использоваться предоставляемое оружие. Насер не мог принять требование Пентагона, которое грозило поставить египетские вооруженные силы под контроль США, имевших тесные

* *Thomas H.* The Suez Affair. – London: Penguin, 1970. – P. 27.

** *Eisenhower D.D.* Waging Peace: 1956–1961. – New York: Doubleday & Co., 1965. – P. 27.

*** Там же. – P. 24.

связи с противоположной стороной в конфликте – Израилем. Вашингтон незамедлительно объявил, что позиция Египта не разрешает ему продать оружие. Именно после всего этого Насер обратился с просьбой о продаже оружия к Советскому Союзу и Чехословакии. Его просьба была удовлетворена.

Через два дня после того, как об этом стало известно в Вашингтоне (официально там узнали о соглашении Египта с Чехословакией из выступления Насера 27 сентября), в Каир вылетел для беседы с египетским президентом помощник государственного секретаря США Дж. Аллен. Еще через день Насера посетил английский посол, который от имени своего правительства выразил «глубокое беспокойство». Западная печать опубликовала целую серию антинасеровских материалов. Было совершенно ясно, что США и западноевропейские страны поспешно координировали свои действия для давления на Насера, с тем чтобы он отказался от заключенного соглашения, которое нарушало возможности Запада контролировать в своих интересах развитие ближневосточного конфликта. Такое давление не возымело действия. В Египет начали поступать первые партии закупленного оружия.

За несколько месяцев до обращения Насера с просьбой продать оружие США сами предлагали военную помощь Египту: американские представители постоянно информировали египетских руководителей, что речь может идти о предоставлении различных видов вооружения на сумму от 40 до 100 миллионов долларов. Теперь, через несколько месяцев, США отказали Египту – почему? Дело в том, что в конце 1954 г. совершенно иным было целевое назначение предлагаемой американской военной помощи. США считали, что помощь «сделает Насера сильным» внутри страны для принятия решений о соответствующей форме военного сотрудничества с Западом (хотя бы в виде нахождения в Египте

постоянной военной миссии США, инспектирующей египетскую армию) и о сепаратном урегулировании с Израилем без решения вопроса о палестинских беженцах*. Что касается обращения самого Насера с просьбой о военной помощи, то оно было сделано уже в то время, когда стало ясно, что Египет нуждается в оружии для усиления своих позиций в конфронтации с Израилем. Именно это и предопределило отрицательный ответ Вашингтона.

Есть основания считать, что последовавший затем отказ Даллеса предоставить финансовую помощь Египту на асуанское строительство был также главным образом связан с тем, что Египет вступал в период активной конфронтации с Израилем, начало которой положила израильская атака на Газу.

В совершенно явной оппозиции к идее о помощи Египту находился Конгресс США. Ряд конгрессменов развернул кампанию против предполагаемой помощи США на основе того, что она предоставляется «врагу Израиля». В дополнение к этому лидер республиканского меньшинства в Сенате Ноулэнд сказал Даллесу, что Сенат не санкционирует помощь США на строительство в Асуане, выдвинув в качестве причины такого негативного отношения опасение конкуренции со стороны Египта для американских производителей хлопка**.

Сами условия предоставления Соединенными Штатами займа на асуанское строительство увязывались с продвижением идеи сепаратного мира Египта с Израилем. В конце мая 1956 г. перед отъездом из Вашингтона в Каир для информации своего руководства посол Египта в США Ахмед Хусейн был принят заместителем государственного секретаря Гербертом Гувером-младшим, кото-

* *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 20.

** *Eisenhower D.D.* Waging Peace: 1956–1961. – P. 32.

рый в то время исполнял обязанности Даллеса. Гувер выдвинул условия, принятие которых Египтом должно было предшествовать американскому решению о финансировании асуанского строительства. Их первая часть – чисто финансовые и экономические требования. Вторая часть – требования США политического характера. Египет, по словам Гувера, должен был взять на себя два обязательства: сделать заявление о том, что он в дальнейшем не будет заключать с Советским Союзом соглашений о поставках оружия, и прийти к мирному соглашению с Израилем*. Мотив отказа от новых соглашений с СССР якобы диктовался заботой о том, чтобы Египет мог уплатить долги, не закладывая свой хлопок за оружие; мирное соглашение с Израилем, естественно, на условиях, близких к диктуемым Тель-Авивом, преподносилось как средство устранения напряженности, необходимое для асуанского строительства. Американская позиция была совершенно ясна: в обмен на помощь в строительстве плотины Египет должен был принять политику, направленную на сепаратный мир с Израилем. А отказ от развития его отношений с СССР должен был способствовать большей сговорчивости Египта перед лицом диктата Израиля, где у кормила власти к этому времени уже прочно стояли «ястребы».

Судя по всему (об этом говорилось выше), Египет не занимал нигилистической позиции по вопросу о возможности урегулирования с Израилем, но Насер имел в виду общее, а не сепаратное урегулирование при обязательном решении палестинской проблемы и считал его основой план ООН о разделе Палестины 1947 г. Вместе с тем после возвращения Бен-Гуриона в правительство, израильтяне взяли курс не на поиски компромисса, а на свержение Насера. И американские предложения в таких

* *Heikal M.H. Nasser. The Cairo Documents.* – P. 69.

условиях напоминали дипломатическое прикрытие, призванное способствовать этой цели.

Когда США стало ясно, что Насер не пойдет на сепаратное соглашение на израильских или близких к ним условиях, в Белом доме и особенно в тот период в Госдепартаменте начались поиски более эффективных мер, призванных сломить сопротивление Насера, поставить его политику под американский контроль. Для этого нужно было средство, способное оказать еще большее воздействие на Египет, чем отказ от поставок оружия. Таким средством США пытались сделать свой отказ от обещанной ранее помощи на асуанское строительство. Даллес, очевидно, рассчитывал, что такой поворот может дать максимальный эффект, так как он прямо ставил под вопрос осуществимость проекта, который имел жизненное значение для Египта.

У США не было и не могло быть никакого сомнения в силе того болевого приема, который они намеревались применить в отношении Египта. Они сознательно шли на массированное стратегическое давление на режим Насера. В отчете Конгрессу за вторую половину 1955 г. президент Соединенных Штатов Эйзенхауэр писал, что строительство Асуанской высотной плотины является «ключом к способности Египта в будущем обеспечивать свое растущее население». Согласие США, Англии и Международного банка реконструкции и развития «объединить усилия» в предложении о финансировании строительства Эйзенхауэр объяснил «чрезвычайной важностью проекта»*. Именно на том, что асуанское строительство имеет столь важное значение для нового режима в Египте, и решили сыграть Соединенные Штаты. Американские политики рассчитывали на беспроигрышность своего маневра. Даллес думал, что Насер

* Report to Congress on the Mutual Security Programme for Six Months Ended December 31, 1955. – P. 32.

после получения отказа от США придет к нему с протянутой рукой и будет вынужден согласиться на все американские условия. Если Советский Союз и смог снабдить Египет оружием, то он окажется не в состоянии создать альтернативный западному источник экономической помощи для Египта, надеялся Даллес.

Расчеты на то, что маневр США сломит Насера, базировались еще и на том, что Вашингтон в декабре 1955 г. не просто согласился финансировать начало строительства в Асуане, но и объявил о готовности совместно с Англией осуществлять помощь и финансирование «последующих стадий» проекта*.

За отказом США незамедлительно последовали отказы от финансирования асуанского строительства со стороны Англии и Международного банка реконструкции и развития²⁹.

Таким образом, своим отзывом предложения о помощи Египту Даллес не отвечал Насеру, а действовал инициативно. Тот факт, что смысл таких даллесовских действий прямо заключался в шантаже Египта, подчеркивают многие авторы и на Западе. Один из них, Максим Родинсон, писал в этой связи следующее: «18 июля Даллес, предположив, что СССР не в состоянии финансировать Асуанскую плотину, объявил, что Соединенные Штаты отменяют свое предложение о помощи, добавив несколько пренебрежительных замечаний в виде объяснения... Для западных держав капитуляция [Египта. — *Е.П.*] казалась вполне определенной»**.

В ответ на маневр Даллеса Насер, выступая 26 июля в Александрии, объявил о национализации Компании Суэцкого канала. США резко осудили это решение Египта. Сразу же вслед за заявлением Насера Даллес встретился

* United States Policy in the Near East 1955. — Washington, 1956. — P. 38.

** *Rodinson M.* Israel and the Arabs. — P. 74.

в Лондоне с министрами иностранных дел Англии и Франции, и после этого было официально объявлено, что США «временно» заморозили все авуары Компании Суэцкого канала. Одновременно США сократили поставки ряда важнейших товаров Египту по действовавшей программе помощи и отказали ему в продаже продовольствия на будущее. Соединенные Штаты, таким образом, активно присоединились к экономической блокаде Египта.

Государственный секретарь США был инициатором выдвижения плана установления международного контроля над Суэцким каналом – неокOLONиалистской формы лишения Египта суверенитета над находящимся на его территории морским путем. Этот план международного консорциума по управлению Суэцким каналом получил название «план Даллеса». На встрече со своими английским и французским коллегами Даллес предложил созвать в Лондоне конференцию стран – пользователей Суэцким каналом, которая была призвана «на законном основании» утвердить «международный контроль». В совместном заявлении трех держав созыв конференции стран-пользователей был назначен на 16 августа 1956 г.

Выступления государственного секретаря США на лондонской конференции, прекратившей свою работу 25 августа, так как неокOLONиалистская позиция западных государств завела ее в тупик; инспирированная Соединенными Штатами миссия «комитета пяти» во главе с премьер-министром Австралии Мензисом, призванная навязать Насеру «план Даллеса»; новая сепаратная лондонская конференция, принявшая вопреки широчайшим протестам в мире решение о создании Ассоциации пользователей Суэцким каналом, – все это было направлено на то, чтобы отобрать у Египта его суверенные права на канал. Западные политики делали все от них зависящее, чтобы обречь на неудачу египетскую инициативу

по национализации компании. Запад боялся успеха этого шага не только потому, что он наносил удар по их позициям в самом Египте, но и потому, что он создавал чрезвычайно опасный для них прецедент: египетскому примеру могли последовать и другие страны. Могла прийти к концу эпоха «неизбежной неудачи» подобных акций, провозглашенная империалистическими политиками после краха национализации нефти в Иране, осуществленной Моссадыком.

За всеми мероприятиями, призванными во что бы то ни стало и в любой форме вернуть Суэцкий канал под западный контроль, стояли Соединенные Штаты – страна, которая, кстати, гораздо в меньшей степени была заинтересована в судоходстве по каналу, чем многие другие государства. Вместе с тем США не приняли участия и не поддерживали вооруженную тройственную агрессию, предпринятую Англией, Францией и Израилем с целью силой вернуть Суэцкий канал под иностранное господство.

По поводу американской позиции в связи с тройственной агрессией против Египта высказываются совершенно различные, иногда прямо противоположные оценки. Английская печать писала о «плачущем премьер-министре Идене» в момент разговора по телефону с президентом Эйзенхауэром, который «отказался» поддерживать союзников в решающий момент. Упреками в адрес США пестрят мемуары Идена. Ряд западных исследователей даже считает, что позиция США во время событий была явно «проарабской»: США не поддерживали своих союзников, совершивших нападение на Египет, голосовали на Генеральной Ассамблее ООН за резолюцию о прекращении огня и отвод израильских войск. Есть и противоположная точка зрения – дело заключалось «в разделении ролей»: в то время как непосредственными участниками нападения оказались Англия, Франция и Израиль, Соединенные Штаты взяли на себя

обеспечение «международного тыла» операции и с этой целью не приняли прямого участия в суэцкой авантюре.

Каковы же мотивы американской позиции в отношении тройственной агрессии против Египта? В чем смысл американских заявлений и действий?

Заслуживает внимания объяснение американской позиции бывшим послом США в Египте профессором Джоном Бадо, возглавившим после ухода с дипломатической службы Институт Среднего Востока Колумбийского университета. Дж. Бадо подчеркивает, что отказ США от поддержки вооруженного нападения на Египет был вызван не принципиальными противоречиями в целях, преследуемых США, с одной стороны, и государствами, совершившими нападение, – с другой, не тем, что США принципиально отвергали методы действий своих союзников, а тем, что, по мнению американских политиков, момент уже был упущен и новые условия не позволяли действовать военными методами. «Что было возможно через неделю после национализации, – писал Бадо, – не стало возможным через три месяца»*. Придя к такому выводу, США вместе с тем дали свою санкцию Франции на поставку Израилю дополнительно трех эскадрилий самолетов «Мистер»**.

Есть основания считать, что и после нападения Израиля, а затем и Англии с Францией на Египет позиция США была далеко не однозначной и не простой. У. Квандт в своем исследовании, изданном «Rand Corporation», называет, например, «открытым» вопрос, стремился ли Даллес «отложить принятие ООН резолюции, призывающей прекратить огонь, по крайней мере, до тех пор, пока англичане не разделяются с Насером»***.

* *Badeau J.S.* The American Approach to the Arab World. – New York: Harper and Row, 1968. – P. 7.

** *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 103.

*** *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 25.

Во всяком случае, США за кулисами делали многое, чтобы отложить принятие такой резолюции в ООН, и лишь на пятый день агрессии, 2 ноября, она была принята чрезвычайной сессией Генеральной Ассамблеи ООН, причем в отсутствие Даллеса, сказавшегося больным. «Вопреки серьезной трещине в политике с союзниками основополагающая американская оценка Насера оставалась прежней, – говорится в исследовании “Интересы Соединенных Штатов на Среднем Востоке”, изданном под редакцией профессора Дж. Лензовского. – Он [Насер. – *Е.П.*] был препятствием к укреплению союзнической системы США и слишком дружелюбно настроен к Советскому Союзу»*. Еще категоричнее на этот счет высказывается Хейкал в своей книге «Каирские документы»: «Не следует считать, что далеко идущие цели Даллеса отличались от целей Идена. Он также хотел падения Насера, но брат [Аллен Даллес – руководитель ЦРУ. – *Е.П.*] заверил его, что этого можно достигнуть осторожно, путем переворота в самой стране, а не нападением извне. Это не вызовет раздражения ни у арабов, ни у русских»**.

Когда 3 ноября Англия, а затем Франция отвергли резолюцию Генеральной Ассамблеи и через два дня высадили десантные части в зоне Суэцкого канала, Соединенные Штаты осудили эти действия, но не более. Американскую позицию во время и сразу же после Суэцкого кризиса, как представляется, предопределил следующий комплекс обстоятельств.

Во-первых, США вынуждены были считаться с политикой Советского Союза, решительно выступившего в поддержку жертвы агрессии – Египта. После высадки английских и французских войск в районе Порт-Саида

* United States Interests in the Middle East / Ed. by George Lenczowski. – Washington: American Enterprise Institute, 1968. – P. 20.

** *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 115.

советское правительство потребовало безотлагательно созвать заседание Совета Безопасности ООН для обсуждения вопроса «О невыполнении Англией, Францией и Израилем решения Генеральной Ассамблеи от 2 ноября и немедленных мерах к пресечению агрессии указанных государств против Египта». В проекте резолюции Советский Союз предлагал дать срок в 12 часов для вывода всех войск интервентов и, если Англия, Франция и Израиль не прекратят агрессии, предоставить Египту военную помощь силами стран – членов Совета Безопасности ООН.

Глобальное соотношение сил, уже создавшееся к моменту тройственной агрессии, привело к тому, что осуществление экспорта контрреволюции становилось весьма опасным. Английские и французские руководители были готовы переключить в таком случае ответственность на Соединенные Штаты, предоставив им как лидеру капиталистического мира принятие решения о действиях в целях защиты своих союзников. Идеи Ги Молле уповали на автоматизм американской реакции, когда под угрозу попали ближайшие и важнейшие для Соединенных Штатов партнеры. Преследуя акцией против Египта главным образом не общеимпериалистические (хотя были и такие), а свои специфические цели, думая об укреплении своих собственных позиций в Египте после ликвидации режима Насера (может быть, даже вынашивая планы своеобразного реванша за отступление в условиях активизации американского влияния в Египте после свержения короля Фарука), Англия и Франция в то же время рассчитывали, что США чисто автоматически вынуждены будут прикрыть их в случае осложнений глобального порядка. Вашингтон предпочел избежать этих осложнений.

Американские руководители хотели оставить за собой право на свободный выбор решений. Тем более они были возмущены тем, что их союзники, о планах которых в

общих чертах они, естественно, и догадывались, и знали, не сочли необходимым поставить в известность Вашингтон о разработанных деталях, о дате и порядке осуществления нападения на насеровский Египет. Английский министр иностранных дел за день до нападения Израиля на Египет заверил американского посла в Лондоне, что у него еще нет данных о намерении Израиля нанести удар по Египту*. Вместе с тем, как стало совершенно очевидно, в том числе и из мемуаров Идена, координация действий Израиля с Англией и Францией была разработана и осуществлена заранее во всех подробностях.

Во-вторых, Вашингтон понимал, что совершенная без учета времени и обстоятельств акция Англии и Франции против Египта приведет к окончательному ослаблению, а возможно, и ликвидации их позиций в арабском мире. Если бы американские политики думали, что такое ослабление или ликвидация будут идентичны потере «совокупного» западного влияния, они, несомненно, действовали бы намного энергичнее в поддержку своих партнеров. Однако к тому времени в Вашингтоне постепенно брала верх точка зрения, что наиболее прочное обеспечение интересов Запада лежит в плоскости внедрения и укрепления собственно американских позиций.

Именно к этому времени достаточно широкое распространение в Соединенных Штатах получила «теория вакуума», причем США понимали неотвратимость процесса образования такого «вакуума» в западном влиянии за счет крушения позиций традиционных колониальных держав. При понимании неизбежности такого процесса американские политики сделали ставку на заполнение образующегося «вакуума». Опасные для всего Запада, для его совокупных позиций в арабском мире действия Англии и Франции были совершены в форме, которую на

* *Aldrich W.W.* The Suez Crisis: A Footnote in History // *Foreign Affairs*. – Vol. 45, No. 3. – April 1962. – P. 543.

тот момент не одобрял Вашингтон. В этом Соединенные Штаты увидели не только досадный промах партнеров и возможную в связи с этим опасность роста революционных сил в арабском мире, но и хорошую возможность для укрепления собственных позиций, и через это – уже на новом, более высоком уровне – усиление влияния Запада в арабских странах.

Новое понимание обстановки и роли США в арабских странах, рассматриваемых как часть так называемого третьего мира, нашло отражение, например, в следующем выводе, к которому пришел при анализе американской позиции во время и после Суэцкого кризиса Дж. Бадо: «Совершенно неотвратимо Соединенные Штаты стали хранителем общих западных позиций. Вследствие этого американская роль стала одновременно и независимой, и ограниченной. Она стала независимой в том, что перестала быть главным образом дополнением к традиционной позиции европейских держав, а теперь уже основывалась на американском определении интересов и политических целей. Ни одна западная держава не смогла успешно осуществить такую политику в арабском мире, которая вошла бы в конфликт с политикой США. Европейская политика стала дополнением, а американская – основой»*.

В-третьих, после провала даллесовского трюка с отзывом первоначального согласия на финансирование асунанского строительства и после того, как американская дипломатия во время и вслед за национализацией Компании Суэцкого канала еще больше расшатала с таким трудом завоеванные Соединенными Штатами в первые два года после свержения Фарука позиции в Египте, суэцкий кризис создал благоприятную возможность для Вашингтона попытаться восстановить свой престиж в Каире. «Многие арабы были признательны за американ-

* *Badeau J.S.* The American Approach to the Arab World. – P. 7.

скую оппозицию суэцкой агрессии. В таких условиях можно было предположить, что новая инициатива США, материализованная в усилении их позиций на Среднем Востоке, предотвратит последующее советское проникновение»*, – писал У. Квандт. Таким образом, с помощью своей политики во время Суэцкого кризиса США делали ставку и на противодействие росту авторитета СССР, советского влияния (все это они и называли «проникновением»).

В-четвертых, в Вашингтоне надеялись, что США обладают достаточными возможностями обеспечить интересы Израиля, в том числе и явно несовместимые с интересами соседних арабских государств, такими путями, которые не создадут риска либо глобального столкновения, либо чрезвычайного ослабления империалистических позиций в арабском мире. Заняв известную позицию во время Суэцкого кризиса, США одновременно обещали Израилю, что американская делегация в ООН обратит все свои усилия на его пользу. «Доверие к этому факту, – писал Даллес в памятной записке израильскому послу в Вашингтоне А. Эбану, – способно лучше всего обеспечить будущее для Израиля, а не оккупация с вызовом подавляющей части мировой общественности»**.

Определив свою позицию, Соединенные Штаты даже применили некоторое давление на Израиль, чтобы заставить его понизить кризис в уровне – выполнить резолюцию Генеральной Ассамблеи и отвести войска. Однако это давление было строго лимитированным – оно не выходило за экономические рамки. Соединенные Штаты заморозили займ Израилю.

* *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 26.

** *Selected Chronology and Background Documents Relating to the Middle East.* U.S. Senate Foreign Relations Committee, 89th Congress. – Washington, 1967. – P. 70.

Само по себе это не могло сыграть определяющей роли в том, чтобы заставить Израиль в конце концов эвакуировать оккупационные войска с Синая. Еще за день до нападения на Египет Бен-Гурион заявил на заседании израильского кабинета, что США, выступавшие против данной военной акции, не пошлют свои войска, чтобы заставить Израиль эвакуироваться с Синая. Максимальный предел их давления, по словам Бен-Гуриона, – это угроза разрыва дипломатических отношений, запрет на сбор частных средств в пользу Израиля и блокирование американского займа*. Жизнь показала, что США даже не зашли так далеко, чтобы угрожать разрывом дипломатических отношений Израилю.

Вместе с тем на пути Израиля встала ясно очерченная и весьма решительная советская политика. Израиль вынужден был вывести свои войска с Синая. Единственное, что удалось добиться американским политикам, – это ввод войск ООН на египетскую территорию, в район Шарм-эш-Шейха, контролирующего вход в Тиранский пролив. Войска ООН также были размещены в районе Газы.

III. От использования межарабских конфликтов к прямой ставке на Израиль (1957–1970 гг.)

В результате Суэцкого кризиса в арабском мире сложилась принципиально новая ситуация. Вынужденный уход израильской армии с Синая послужил развитию нацио-

* *Bar-Zohar M.* Ben-Gurion: le Prophète Armé. – Paris: Librairie Arthème Fayard, 1966. – P. 313.

нально-освободительных процессов во многих арабских странах. Огромное революционизирующее воздействие оказал тот факт, что египетское руководство сумело не только национализировать Компанию Суэцкого канала – не просто иностранную собственность, а ключевой объект, во многом обеспечивавший систему иностранного господства и контроля над Египтом, – но и защитить свое право на национализацию вопреки всем усилиям несравненно более мощных, чем Египет, в военном и экономическом отношении государств.

В Иордании в октябре 1956 г. к власти пришло патристическое правительство. Чрезвычайно важно, что этому предшествовали выборы, которые даже американские авторы считают «самыми демократическими из всех, проведенных в истории этой страны»*. Новое иорданское правительство в момент Суэцкого кризиса разорвало дипломатические отношения с Англией и Францией. Обстановка в арабском мире настолько кардинально стала отличаться от всего, что было в предшествовавшие годы, что даже те государства, которые уже традиционно считались «надежными партнерами» Запада, были вынуждены предпринимать действия объективно антиимпериалистического характера. Саудовская Аравия в начале ноября 1956 г. вслед за Египтом и Сирией также разорвала дипломатические отношения с Англией и Францией, а Ирак – с Францией. Политическая популярность Насера достигла огромных масштабов. К его речам, выступлениям, действиям прислушивался весь арабский мир.

Стало совершенно очевидно, что престиж старых колониальных держав – Англии и Франции – в арабском мире и, что еще более важно с точки зрения американских политиков, их способность к успешным действиям

* *Quandt W.B.* United States Policy in the Middle East: Constraints and Choices. – P. 28.

близки к нулю. Вместе с тем быстро росли авторитет и влияние Советского Союза в арабских странах, все яснее осознававших огромное значение дружбы и сотрудничества с СССР для обеспечения их способности к независимому развитию.

Не оправдались надежды Вашингтона и на то, что публичное несогласие с Англией, Францией и Израилем во время Суэцкого кризиса автоматически приведет к резкому усилению возможностей США в арабском мире. Такого несогласия было мало, тем более что американское руководство и в еще большей степени американская печать продолжали подчеркивать ограниченность разногласий между союзниками, сводя их к чисто тактическим моментам.

В таких условиях родилась доктрина Эйзенхауэра. 5 января 1957 г. президент США представил Конгрессу на одобрение документ, в котором говорилось, что «Соединенные Штаты готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи любой нации или группе таких наций, обращающихся с просьбой о помощи против вооруженной агрессии, совершенной любой страной, контролируемой международным коммунизмом...»*. Конгресс одобрил этот документ и предложил президенту действовать, основываясь на его принципах.

Доктрина Эйзенхауэра означала принципиальные перемены в ближневосточной политике США как по форме, так и по содержанию. Впервые США выступали перед арабским миром с самостоятельным документом, определяющим главное направление политики. До этого США могли принимать и принимали участие в выработке совместных со своими союзниками документов. Таковой, например, была «Тройственная декларация» США, Англии и Франции 1950 г., согласно которой эти державы

* Там же. – Р. 26.

брали на себя гарантии израильских границ 1949 г. и «контроль» над вооружением ближневосточных стран.

Пытаясь доказать необходимость проведения того внешнеполитического курса, который нашел отражение в доктрине Эйзенхауэра, американские политики, как уже говорилось, прибегли к «теории вакуума». Первая посылка этой теории – неизбежность образования «пустоты» в результате ослабления или крушения позиций той или иной империалистической державы на Востоке, вторая посылка – необходимость заполнения этой «пустоты» влиянием другой империалистической державы. Такая «необходимость» выводилась из борьбы двух систем на мировой арене.

Авторы «теории вакуума» предложили следующую схему: идет борьба между так называемым свободным миром и социалистическими странами. Поэтому все, что находится вне рамок этой борьбы, в том числе национально-освободительное движение народов Востока, не имеет права на самостоятельное существование. Исходя из этой схемы, авторы «теории вакуума» утверждали: либо влияние «свободного мира» (империалистического Запада), либо влияние «международного коммунизма». Другими словами, кончается влияние одной из стран «свободного мира» – необходимо активизировать влияние другой страны, а именно США. Эту мысль, например, подчеркнул Даллес в своей речи на открытии XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН³⁰, в которой он фактически отрицал возможность существования арабского национализма как самостоятельного движения.

«Теория вакуума» служила, во-первых, обоснованием экспансионистских планов Соединенных Штатов и, во-вторых, оправданием их политики, направленной на ликвидацию независимых стран Востока, отстаивающих принцип позитивного нейтралитета.

Хотя в послании американского президента Конгрессу не было прямых ссылок на «теорию вакуума», амери-

канская печать усиленно пропагандировала доктрину Эйзенхауэра, исходя именно из этой теории. Соответствующие разъяснения дал и один из главных авторов доктрины – Джон Фостер Даллес. 15 января 1957 г. на вопрос сенатора Мэнсфилда, можно ли считать доктрину Эйзенхауэра кульминационным пунктом американской внешней политики, после чего не останется ни одного «вакуума», за исключением, быть может, «вакуумов» в Индии и Бирме, Даллес ответил: «Пожалуй, да!»

Однако буквально через два месяца после принятия доктрины американские политики были вынуждены замалчивать «теорию вакуума». Более того, фразы о том, что Соединенные Штаты не пытаются заполнить какой-либо «вакуум», стали дежурными в совместных коммюнике, подписанных специальным представителем президента США Дж. Ричардсом и правительствами некоторых ближневосточных стран. Этот американский политический деятель, миссия которого состояла в том, чтобы убедить ближневосточные государства принять доктрину Эйзенхауэра, публично отказался от «теории вакуума» и в своих интервью. Открытые разговоры о «теории вакуума» стали крайне непопулярными и в американской прессе.

Провозглашая доктрину, американские политические деятели не учли силы и масштабов отрицательной реакции арабских стран. Оскорбительная для национального достоинства арабских народов «теория вакуума» вызвала сильнейшее противодействие. Против нее выступили государственные и общественные деятели большинства арабских государств. «Мы не согласимся с идеей Запада о существовании “вакуума” на Ближнем и Среднем Востоке, – заявил президент Египта Гамаль Абдель Насер. – Эта идея предполагает, что подобный “вакуум” должен быть заполнен западными странами. Но мы его заполним сами. Или лучше сказать – мы его заполнили сами».

Характерной особенностью доктрины Эйзенхауэра было ее отличие от тех военных обязательств, которые США брали на себя или предлагали взять своим европейским союзникам в связи с различными проектами создания военных блоков в районе Ближнего Востока. Тогда речь шла о «защите» района от угрозы, якобы исходящей от Советского Союза. Теперь, по доктрине Эйзенхауэра, Соединенные Штаты объявляли о своих гарантиях безопасности «любых наций» этого района от нападения стран, находящихся под «контролем международного коммунизма». Было совершенно ясно, что крен делался в сторону прямого использования межарабских конфликтов как повода для американского вооруженного вмешательства. В этом плане доктрина Эйзенхауэра была впервые выработанным Соединенными Штатами средством эксплуатации в американских интересах не только арабо-израильского, но и всех других местных конфликтов на Ближнем Востоке. Это явствовало и из тех разъяснений, которые делались американскими официальными органами, особенно в странах, уже включенных к тому моменту в военные блоки.

23 января 1957 г., например, бюро информации американского посольства в Тегеране опубликовало в местной печати ответы на вопросы относительно доктрины Эйзенхауэра. На вопрос, почему американское правительство не действует прямо, бюро заявило, что прямые действия, «возможно, не принесут успеха»: «мероприятия англичан и французов, направленные против Египта, не привели к падению правительства Абдель Насера».

Новая американская тактика борьбы с суверенными государствами на Арабском Востоке заключалась в следующем: независимая арабская страна обвиняется в превращении в «советского сателлита»; распространяется версия о том, что эта страна угрожает своим соседям. Последующий шаг должен быть направлен на организацию просьбы к США о вооруженной защите соседей этого

«агрессивного» государства, «подпавшего под влияние международного коммунизма».

Отличительной чертой американской линии, нашедшей отражение в доктрине Эйзенхауэра, был также акцент на использование против революционных тенденций в арабском мире не только, а возможно, на данном этапе и не столько Израиля, сколько находящихся в зависимости от США арабских и других мусульманских режимов. Израиль, скомпрометировав себя неудачным нападением на Египет и будучи вынужденным освободить оккупированные египетские земли, на какой-то, пусть короткий, период должен был отойти от роли главной силы в борьбе против режима Насера и тяготеющих к нему антиимпериалистических элементов в других арабских странах. Новая антиарабская активизация Израиля сразу же после провала суэцкой авантюры – это не могли не понимать американские политики – была чревата укреплением, консолидацией всех антиимпериалистических сил в арабском мире в целом.

Можно считать, что в 1957 г. Сирия стала первым «опытным полем», на котором США подвергли испытанию свою новую ближневосточную тактику. Через два дня после опубликования доктрины Эйзенхауэра корреспондент United Press передал из Вашингтона: «Сирия является прекрасным примером, объясняющим, почему президент Эйзенхауэр выдвинул свою новую доктрину», а известный тогда обозреватель Х. Болдуин в статье, опубликованной в «New York Times Magazine», через месяц после принятия доктрины назвал Сирию политическим, экономическим, военным и психологическим «вакуумом», который следует заполнить»*.

Сейчас, через много лет, прошедших с того времени, любопытно все-таки выяснить, какие из процессов внутренней жизни в Сирии расценивались американскими

* The New York Times Magazine, 3 декабря 1957.

политиками как угрожающие для интересов Соединенных Штатов?

Во время суэцкой агрессии сирийцы взорвали нефтепровод от Киркука до Средиземного моря, по которому перекачивалась нефть, добываемая в Ираке американско-англо-французской компанией «Iraq Petroleum». Но это произошло в момент обострения арабо-израильского конфликта, когда тот перерос в кризисную стадию. Попытка изменить режим в Сирии предпринималась США через определенный срок после этого. Речь, таким образом, не шла о «вынужденных действиях», продиктованных «необходимостью сохранить систему снабжения нефтью союзников в Западной Европе»: нефтепровод из Киркука к этому времени был восстановлен, впрочем, по нему перегонялась сравнительно небольшая часть нефти, вывозимой из стран Ближнего Востока; не было предпринято никаких действий против нефтепровода, принадлежащего американской компании «Tapline», по которому перегонялась нефть из Саудовской Аравии к Средиземному морю³¹. Взрыв нефтепровода, как нам представляется, обострил американскую политику в отношении Сирии, но не был главной причиной ее чрезвычайного обострения.

Соединенным Штатам не могла нравиться решительность, с которой сирийские власти отреагировали на заговорщическую деятельность американского посольства в Дамаске. Начальник генерального штаба сирийской армии созвал 22 августа 1957 г. пресс-конференцию, на которой обвинил сотрудников посольства США Г. Стоуна, Р. Моллоя и Ф. Джетона в связи с кругами свергнутого диктатора Шишакли и в заговоре с целью насильственного изменения характера сирийского режима. Но все это уже было реакцией на американскую политику, а не ее причиной.

Вашингтон громогласно заявил, что в сирийском режиме верх взяли «коммунистические элементы», и для

пущей убедительности (впрочем, это делается и в настоящее время во многих американских исследованиях того периода) утверждал, что «коммунист», занявший пост начальника генерального штаба сирийской армии, фактически поставил ее под «коммунистический контроль». Сирийский режим в 1956–1957 гг. был и оставался буржуазным. Начальник генерального штаба сирийской армии А. Бизри никогда не был членом коммунистической партии. Более того, в ряде своих действий и правительство, и командование армии занимали позицию, противоположную Сирийской коммунистической партии, которая по своим возможностям не могла в определяющей степени влиять на курс страны. Некоторые из тех, кто находились в сирийском правительстве того времени, например министр иностранных дел С. Битар, стояли тогда на откровенно антикоммунистических позициях.

Наконец, американская печать писала, что Вашингтон опасается сближения Сирии с Советским Союзом. Такое сближение как объективный результат антиимпериалистической борьбы Сирии, безусловно, происходило. Однако оно не выходило за традиционные рамки тех отношений, которые у Советского Союза были со многими другими несоциалистическими странами. Во всяком случае ничто не давало повода для того провокационного сообщения, которое появилось 10 декабря 1956 г. в «The New York Times»: «Соединенные Штаты обеспокоены движением коммунистических войск через проливы и их высадкой в сирийских портах».

Реальной причиной, которая заставила американских политиков заострить свою ближневосточную политику против Сирии в самом конце 1957 г., были те серьезные опасения, которые вызвали у Вашингтона процессы, начавшиеся в межарабских отношениях. Египет, практически вышедший победителем из суэцких испытаний и завоевавший в результате этого огромный авторитет

у арабских народных масс, уже сам по себе представлял большую антиимпериалистическую силу на Ближнем Востоке. Еще большую опасность видели круги, вырабатывающие политику США, в революционном динамизме Насера и, естественно, в том, что Египет становился центром притяжения для других арабских государств. Арабское единство в тот период приобретало ярко выраженный антиимпериалистический характер. Ближайшим партнером Египта и по духу, и по проводимой внутренней политике, и по отношению к внешним силам стала Сирия. Прокладывался мост между Каиром и Дамаском. Этот мост, в случае если бы его строители больше опирались на объективные процессы и лучше учитывали местную специфику в этих двух арабских странах, мог бы быть продолжен и в некоторые другие арабские столицы. Это грозило видоизменить весь арабский мир. США решили подорвать дамаскую основу возводимого моста арабского единства сразу же после того, как события показали стабильность режима президента Насера.

Характерно, что в момент кульминации напряженности в американско-сирийских отношениях США ослабили нажим на Египет. Все делалось, чтобы затормозить тенденцию к единству между ними на основе общей борьбы против империалистической политики Запада. США возобновили прерванную в ноябре 1956 г. выплату ссуд Египту в порядке американской технической помощи, разблокировали часть египетских авуаров, замороженных во время национализации Египтом Компании Суэцкого канала. Президент Международного банка реконструкции и развития выехал в Каир, где возобновил переговоры о предоставлении Египту займа на строительство Асуанской плотины. Однако, как и следовало ожидать, эта тенденция американской политики в отношении Египта оказалась временной: она имела чисто тактические функции и, к тому же, не вызвала «шагов навстречу США» со стороны Насера.

Итак, Сирия стала первой жертвой нового американского курса, провозглашенного в доктрине Эйзенхауэра. Действия против Сирии велись в соответствии со «сценарием», заложенным в саму доктрину.

Вслед за бурной пропагандистской кампанией, которая имела целью убедить общественное мнение в том, что независимая Сирия угрожает своим соседям, на Ближний Восток выехал специальный эмиссар – помощник государственного секретаря США Лой Гендерсон. Судя по сообщениям американской печати, ему было поручено подготовить почву для применения против независимой Сирии доктрины Эйзенхауэра. Л. Гендерсон посетил соседние с Сирией страны, имел встречи с руководителями Ливана, Иордании, Турции, представителями Ирака. Ставка делалась на то, чтобы соседние страны официально заявили об опасности, грозящей им со стороны Сирии, якобы превратившейся в «советского сателлита». Это послужило бы поводом для широкого вмешательства Соединенных Штатов на основе доктрины.

Совершенно ясно, что США хотели получить просьбу о помощи прежде всего от граничащих с Сирией арабских стран. Призывы о защите, исходящие именно от арабских стран, были бы более убедительными. В то же время организация такого заявления явилась бы серьезным ударом по тенденции сближения между арабскими государствами, что дало бы возможность США непосредственным образом ослабить антиимпериалистические силы во всем арабском мире, использовавшие в интересах борьбы за освобождение от иностранного контроля объективный процесс, ведущий к арабскому единству.

Оценки американских политиков явно не оправдались. Дамаск посетили король Сауд и премьер-министр Ирака Айюби, официально опровергшие раздуваемые США слухи об опасности, якобы исходящей от Сирии. Более того, король Сауд и иракский премьер заявили,

что они готовы помочь «братской Сирии» в случае агрессии против нее. К этим заявлениям присоединились официальные деятели в Ливане и Иордании. Таким образом, те, кто по замыслу американских политиков должен был помочь в осуществлении антисирийских планов, выступили в самый решающий момент против США. Подобную позицию государственных лидеров всех этих стран предопределил глубинный процесс консолидации арабских народов, особенно развивавшийся после успехов антиимпериалистических сил в Египте и не учтенный должным образом авторами доктрины.

Именно в результате развития этого процесса Соединенным Штатам не удалось добиться даже формального одобрения доктрины Эйзенхауэра со стороны скольконибудь значительного числа арабских государств. Доктрину Эйзенхауэра официально приняли лишь три арабские страны – Ирак, Ливан и Ливия – с общим населением в тот период в 7,3 млн человек, что составляло менее 10 % населения всего арабского мира. Характерно, что американским политикам не удалось навязать доктрину даже тем арабским странам, которых обычно называли друзьями США. Совершенно очевидно, например, что проводники доктрины рассчитывали на успех в Саудовской Аравии. Более того, специальный представитель президента США Дж. Ричардс, направленный в арабские государства с миссией подписания совместных заявлений о согласии с доктриной, расценил (впрочем, как и преобладающая часть западной прессы) саудовско-американское коммюнике, подписанное в Эр-Рияде, как документ, узаконивающий принятие доктрины Эйзенхауэра этой страной. Такая точка зрения была официально опровергнута заявлением правительства Саудовской Аравии от 5 октября 1957 г., категорически отрицающим факт принятия доктрины Эйзенхауэра.

Более того, события вокруг Сирии показали, что даже официально согласившиеся с американской доктриной

арабские страны не могут в условиях роста арабского национального самосознания быть той местной основой, наличие которой было необходимо для борьбы с независимыми арабскими государствами по доктрине Эйзенхауэра. И в Ираке, и в Ливане, и в Ливии позиции сторонников доктрины были весьма непрочны. Против нее выступала сильная оппозиция, завоевывавшая все большую поддержку среди населения. Бейрутский корреспондент «The Times» писал, что в Ливане усиливаются сомнения в отношении целесообразности поддержки правительством доктрины Эйзенхауэра. «Ссылка на международный коммунизм и отсутствие каких-либо гарантий против Израиля в совместном заявлении [речь идет об американско-ливанском коммюнике, подписанном во время визита Ричардса. – *Е.П.*], – подчеркнула “The Times”, – дали возможность оппозиции убедить многих, что правительство вовлекло их в нежелательный иностранный пакт»*.

«Доктрина Эйзенхауэра движется к закату, – к такому выводу пришла английская “The Daily Telegraph & Morning Post”. – Король Сауд, который оказал ей сердечный прием, когда она была объяснена ему президентом в Вашингтоне, сейчас дает понять, что он никогда не присоединится к ней. Ливан, который открыто сделал это, сейчас хочет изменить формулировку, устранив ссылку на коммунизм... Ирак, хотя он и солидаризировался с Западом против коммунизма, пытается успокоить... Сирию»**. Интересно отметить, что это заявление принадлежало газете, которая еще 26 июля 1957 г. писала, что «главный успех доктрины Эйзенхауэра заключается в изоляции Египта».

Во время сирийских событий Соединенные Штаты пытались использовать в своих интересах и неарабские

* The Times, 10 октября 1957.

** Цит. по: «Современный Восток». – № 1/1958. – С. 17.

страны – большая роль отводилась при этом турецким агрессивным кругам. Однако на пути осуществления планов, связанных с Турцией, встало еще одно серьезное препятствие, недооцененное творцами доктрины.

Провозглашая доктрину Эйзенхауэра, руководящие деятели США уже на опыте Суэцкого кризиса знали, что Советский Союз и другие социалистические страны не останутся в стороне в случае прямой агрессии колониальных держав против независимых арабских стран. Однако, по-видимому, авторы доктрины предполагали, что им удастся нейтрализовать действия Советского Союза в новых условиях, когда ставка в борьбе с независимыми арабскими странами делалась главным образом на удар со стороны их соседей, тоже ближневосточных стран. Эти расчеты не оправдались. Советское предупреждение агрессивным кругам Турции не оставляло сомнений, что антисирийской акции не удастся придать локальный характер, а ввод американских войск в Сирию грозит эскалацией конфликта.

Неудача использования новой американской тактики в отношении Сирии в 1957 г. предопределила перемещение некоторых акцентов в политике претворения в жизнь доктрины Эйзенхауэра. Это стало особенно ясно в связи с реакцией США на создание в феврале 1958 г. Объединенной Арабской Республики, включившей в себя Египет и Сирию³². США поставили своей целью окружить это новое государство, резко усилившее центристские тенденции в арабском мире, своеобразным «санитарным кордоном».

Конечно, при этом сохранялись попытки изменить характер власти в обоих районах нового государства, ликвидировать антиимпериалистическую направленность в его внешней политике. Но в связи с сирийской неудачей Соединенные Штаты все-таки сконцентрировались главным образом на укреплении тех арабских режимов, которые уже в то время или потенциально могли пред-

ставлять собой союзников для Запада. При этом Соединенные Штаты считали самым опасным противником этих режимов силы, выступающие за различные формы союза с Объединенной Арабской Республикой.

Еще в апреле 1957 г. в Иордании при разносторонней поддержке США, в том числе демонстрации силы шестым флотом³³, прямом участии в заговоре американского посла в Аммане Мэллори и военного атташе Суини, предоставлении крупных средств в виде «помощи», было отстранено от власти патриотическое правительство, возглавляемое аль-Набульси.

Объектом американских забот стал и реакционный режим в Ираке. При участии американской дипломатии были во многом ослаблены династические разногласия между Ираком и Саудовской Аравией. Большую роль в сближении между двумя монархиями сыграла организация Госдепартаментом США одновременных визитов в Соединенные Штаты короля Сауда и «сильного человека» в Ираке – дяди короля Абд аль-Илаха. В начале декабря 1957 г. иракский король Фейсал в сопровождении Абд аль-Илаха посетил Саудовскую Аравию.

Цели укрепления королевского режима в Ираке служило официальное вступление США в военный комитет Багдадского пакта. Как уже говорилось, Соединенные Штаты отклонились от официального присоединения к этому блоку, фактически возникшему по их инициативе. Вашингтон отводил многочисленные просьбы и Багдада, и Лондона о прямом участии США: у американцев не было возможности «совместить» Израиль с арабскими странами в одном военном блоке, а вхождение США в единый военный союз с одной из конфликтующих сторон, как подчеркивали американские политики, связало бы им руки, сократило бы возможности для маневрирования. Однако на новом этапе, когда упор делался на использование в интересах американской политики межарабских противоречий, Соединенные Штаты, несмотря

на негативную позицию Израиля и с учетом этой позиции все еще отказываясь от формального присоединения к пакту, все-таки официально вступили в военную организацию блока – военный комитет Багдадского пакта.

В середине 1958 г. Соединенные Штаты впервые довели до конца использование механизма доктрины Эйзенхауэра – морская пехота США была высажена в Ливане, где в то время шла гражданская война между националистическими силами и элементами, тяготевшими к союзу с Западом.

После убийства 7 мая 1958 г. видного ливанского журналиста-патриота Насиба Метни, редактировавшего газету «Телеграф», которая выступала с резкими разоблачениями американской политики на Ближнем Востоке, обстановка в Ливане чрезвычайно обострилась. Националистические силы, пытавшиеся преградить путь проимпериалистической реакции, которая стремилась, действуя любыми средствами, навязать стране на второй срок президентство Шамуна, призвали к всеобщей забастовке 10 мая. Забастовка переросла в широкое восстание против группировавшихся вокруг Шамуна – Малика Национально-либеральной партии, фалангистов и дашнаков. Под контролем восставших оказалась значительная часть Ливана. Армия фактически соблюдала нейтралитет. Обстановка сложилась такая, что группировка Шамуна – Малика, тесно связанная с Западом, была на краю банкротства.

Но высадка американских войск в Ливане была не только связана с внутрививанскими событиями. Она произошла одновременно с высадкой английского десанта в другой арабской стране – Иордании. Интервенция была связана с победой антиимпериалистической революции в Ираке, покончившей с прозападным монархическим режимом в этой стране. Падение «ближневосточной Бастилии» было сильнейшим ударом по империалистическим позициям в районе. Ясно про-

сматривалась перспектива солидарности и сближения между Ираком, Египтом и Сирией; этого не произошло не из-за отсутствия объективной базы для сближения (такая база как раз образовалась после победы Июльской революции в Ираке³⁴), а из-за субъективных настроений и ошибок и Касема, возглавившего Ирак, и руководства ОАР. Однако разногласия, умело раздуваемые западными политиками и местной реакцией и переросшие в откровенную вражду Ирака с Египтом, проявились позже. Что касается момента свершения революции в Ираке, то США испытывали серьезное опасение по поводу возможности объединения антиимпериалистических сил в районе. Тем более что такое объединение могло теперь уже произойти с включением Ирака, обладавшего огромными нефтяными ресурсами и достаточно большими финансовыми средствами, получаемыми в виде концессионных отчислений за добычу нефти. К тому же в тот момент явно брали верх националистические силы в Ливане, тяготеющие к Объединенной Арабской Республике. В создавшихся условиях США применили положения доктрины Эйзенхауэра и высадили с кораблей шестого флота морскую пехоту в Бейруте. Десант в 17 тысяч по ливанским масштабам был весьма серьезной военной силой, в 2,5 раза превышающей по численности ливанскую армию.

Как и в отношении Сирии в 1957 г., первым этапом американских действий в Ливане была пропагандистская кампания с целью доказать, что Ливану, дескать, угрожает внешняя опасность со стороны государства, «подвергающегося влиянию международного коммунизма». В качестве такого государства была названа Объединенная Арабская Республика. Такая концепция внешней угрозы для Ливана не имела ничего общего с действительностью. Сейчас, ретроспективно, этот факт признают весьма многие авторы, выступающие с исследованиями в области американской политики того

периода. «В основном конфликт [в Ливане. – *Е.П.*] затрагивал персональные отношения и соперничество внутреннего характера, не имеющие отношения к международным вопросам, – писал впоследствии один из наиболее активных деятелей Госдепартамента США, связанных с выработкой ближневосточной политики в тот период, Роберт Мерфи. – Коммунизм не играл прямой или существенной роли в восстании...»*

В работе об американской политике на Ближнем Востоке, вышедшей в США в 1968 г., тоже подчеркивается внутренний характер ливанских событий: «Кризис был вызван одной основной причиной, то есть различиями в культурной и политической ориентации разных частей ливанского общества». В указанной работе, впрочем, как и в большинстве подобных исследований, делается вывод о том, что США, не зная реального положения, все-таки «исходили из оценки, что Ливану угрожает международный коммунизм»**. Между тем американские политики были отлично осведомлены о характере внутриливанских событий и о том, что внешней угрозы для Ливана практически не существовало. Миссия наблюдателей ООН, находившаяся на сирийско-ливанской границе, и генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд подтвердили, что обвинение Объединенной Арабской Республики во вмешательстве во внутренние дела Ливана не соответствует действительности***. Лица, вырабатывавшие политику США, отлично понимали и другое: повстанцы в Ливане ничего общего не имели с международным коммунистическим движением ни по характеру руководства движением, ни по его связям. Во главе повстанцев стояли крупные предприниматели и землевла-

* *Murphy R.D.* Diplomat among Warriors. – New York: Doubleday & Co., 1964. – P. 404.

** United States Interests in the Middle East – P. 22.

*** Congressional Record. – V. 104, June 27–July 14, 1958. – P. 12594.

дельцы Саиб Салам, Абдалла Яфи, Ахмед Асад, Рашид Караме и др., принадлежавшие к националистическому лагерю, против которого США развернули активные действия, прикрываясь лозунгами защиты от коммунистического наступления.

Американские действия в Ливане в июле 1958 г. имели ряд особенностей, показывающих эволюцию американской политики не только после осуществления суэцкой тройственной агрессии, но уже и после неудачной попытки разделаться с патриотическим режимом в Сирии.

Вашингтон после суэцких событий снова вернулся к совместным действиям со своими союзниками, «разделив ответственность» с Англией и договорившись с ней об одновременных и скоординированных действиях по высадке войск в Ливане и Иордании. Конечно, приоритет США, их роль первой скрипки в этих совместных операциях были бесспорны.

В предпринятой акции была одна важная черта, отличавшая ее и от планировавшихся в 1957 г. действий против Сирии. Антисирийская операция 1957 г. предусматривала возможность интервенционных действий против арабской страны, в которой уже установлен патриотический национальный режим. События показали, что это реально может привести к повышению уровня кризиса, к его глобализации. В отношении Ливана в июле 1958 г. действия США осуществлялись по другой схеме: была организована просьба о вводе войск со стороны местного правительства, формально находившегося у власти. Таким образом, интервенция была совершена в стране (так же действовали и англичане, высадившие десант в Иордании), которая уже имела прозападный режим, с целью укрепления этого режима, защиты его от внутренних националистических сил. По словам Р. Мерфи, президент Эйзенхауэр, который поручил ему – своему бывшему коллеге времен Второй мировой войны по Северной Африке – особую дипломатическую миссию в Ливане, «хо-

тел продемонстрировать вовремя и практическим образом, что Соединенные Штаты способны поддержать своих друзей»*.

Высадка в Ливане и Иордании чрезвычайно накалила обстановку во всем мире, вызвав глубокое возмущение и протест со стороны прогрессивной общественности многих стран мира. Это стало одной из главных причин того, что через три месяца после вторжения, 25 октября 1958 г., США завершили вывод своих войск с ливанской территории, причем оставив в Ливане далеко не идеальную для себя обстановку. Президентом этой страны стал Шехаб, который поручил одному из руководителей повстанцев, Р. Караме, сформировать кабинет. Правда, в этот кабинет вошли и прозападные лидеры, но новое правительство сумело провести ряд мероприятий в национальных интересах Ливана. Премьер-министр Р. Караме и министр иностранных дел Х. Уэйни, другой лидер антиимпериалистической оппозиции, заявили, что для Ливана больше не существует доктрины Эйзенхауэра**.

Акции Соединенных Штатов и Англии не привели к успеху. «К концу года [1958. – *Е.П.*], – пишут М. Ховард и Р. Хантер в книге “Израиль и арабский мир. Кризис 1967 г.”, – стало совершенно ясно и в Вашингтоне, и в Лондоне, что дальше не может быть обеспечена безопасность тех арабских правительств, которые опираются на западные штыки»***.

Наконец, интервенция в Ливане и Иордании изменила лишь к худшему обстановку для Запада во всем арабском и в так называемом третьем мире.

После вполне очевидного краха тактики, связанной с использованием межарабских конфликтов для укрепле-

* *Murphy R.D.* Diplomat among Warriors. – P. 397.

** См.: Политика США на Арабском Востоке. – М., 1961. – С. 184.

*** *Howard M., Hunter R.* Israel and the Arab World. The Crisis of 1967 // Adelphi Papers No. 41. – London: International Institute for Strategic Studies, 1967. – P. 9.

ния своих позиций и создания препятствий на пути развития революционных процессов в арабских странах Вашингтон постепенно вновь возвращается к идее опоры на Израиль как на основную силу, способную, по его мнению, сокрушить «насеризм», задержать антиимпериалистические движения во всем арабском мире.

Но возвращение к этому курсу не было плавным и одномоментным. После вывода американских войск из Ливана и английских из Иордании осенью 1958 г. наступил недолгий период, когда Соединенным Штатам казалось возможным возобновление «флирта» с Египтом, а через него со всем арабским миром. К этой идее предрасполагали проявившиеся разногласия между Египтом и Советским Союзом. После создания Объединенной Арабской Республики была запрещена деятельность Сирийской коммунистической партии. В обоих районах ОАР производились аресты коммунистов. Рост противоречий Каира с Багдадом также привел к расширению антикоммунистических настроений в ОАР. Антикоммунистические выступления в печати, в которой, как всегда в таких случаях в Египте, сразу и с охотой зазвучали голоса некоторых журналистов, известных не только своими реакционными взглядами, но подчас и связями с западными разведками, начали перерастать в антисоветскую кампанию. Однако Насер понимал стратегическое значение для арабского национально-освободительного движения дружбы и сотрудничества с социалистическими странами. Это стало основной причиной того, что полоса напряженности в отношениях между ОАР и СССР была преодолена, и ей на смену пришел период отношений, которые характеризовались вплоть до последних дней Насера взаимопониманием, доверительностью, дружбой.

Естественно, период охлаждения в отношениях Египта с социалистическими странами был зафиксирован американским руководством. В таких условиях – в буду-

щем это не раз повторялось как применительно к Египту, так и к другим арабским странам – США попытались максимально изолировать Каир от Советского Союза и других социалистических государств. По федеральному закону № 480 США направили в Египет пшеницу. Американское посольство в Каире проявляло высокую активность. Вступивший в обязанности президента США в январе 1961 г. Дж. Кеннеди неоднократно направлял пространные и дружественные по форме послания Насеру, в которых комментировались различные внешнеполитические акции США и выражалось желание Соединенных Штатов «перевернуть страницу» в отношениях с Египтом.

Но все это относилось к тактике, а стратегическая линия американской политики оставалась неизменной. Главными параметрами, которыми на этом этапе измерялась ближневосточная политика США, были следующие: 1) начало курса на интенсивное вооружение Израиля – сначала руками Западной Германии, а при президенте Джонсоне – непосредственно Соединенными Штатами; 2) активное противодействие египетской миссии в Йемене; 3) координация политики с Саудовской Аравией по расколу ОАР и поддержание антинасеровских сил Сирии. Все эти меры можно было рассматривать в двух плоскостях: использования в интересах США межарабских конфликтов и попытки «регулирования» в их же интересах развития арабо-израильского конфликта. Причем есть основания считать, что использование межарабских противоречий наряду с определенным самостоятельным значением для политики США стало играть все большую роль в осуществлении такого «регулирования».

«Регулирование», «контролирование» или «управление» международными конфликтными ситуациями во второй половине 60-х и 70-х годах не только стало важной частью американской политики «кризисного реагирова-

ния», но и нашло соответствующее отражение в теории конфликтов, которая в это время развивалась в США весьма быстрыми темпами.

В западных концепциях и теориях международных конфликтов наряду с проблемой их разрешения, как правило, рассматривается «промежуточная» стадия – «контролирование» или «управление» конфликтными ситуациями (controlling, management). В этой стадии объединены два целевых назначения политики США: недопущение эскалации конфликта до угрожающего столкновения в глобальном масштабе и стремление обеспечить выгодное для себя развитие конфликтной ситуации. Иными словами, такое «контролирование» призвано обеспечить осуществление империалистических целей с помощью использования международных конфликтов, но при резко изменившемся соотношении сил в пользу мирового социализма.

В попытках целенаправленного воздействия на развитие конфликтной ситуации между различными странами Соединенные Штаты предусматривали использование целого ряда мер:

- осуществление своей политики непосредственно через руководителей марионеточного режима или страны-союзника, участвующих в конфликте;
- угроза собственного вмешательства;
- осуществление собственной интервенции;
- использование факта зависимости стран, участвующих в конфликте, от снабжения оружием из американских источников;
- использование экономических связей США со сторонами, участвующими в конфликте, с тем чтобы повлиять на принятие ими определенных решений.

Все перечисленные меры, составляющие арсенал средств американского вмешательства, естественно, не равнозначны. Возможности их применения ограничены конкретными условиями развития международного кон-

фликта или обстановкой в странах, непосредственно в нем участвующих. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в теории, и в практической деятельности США в число средств «управления» конфликтными ситуациями включается интервенция со стороны самих Соединенных Штатов. В докладе «Контролирование конфликтов в 70-х годах», представленном исследовательской группой Американской ассоциации содействия ООН в составе 26 видных американских деятелей (среди них – президент Йельского университета К. Брюстер, профессор политических наук Массачусетского технологического института Л. Блумфилд, бывший представитель США в ООН Ч. Йост, генерал Риджуэй и др.), война американского империализма во Вьетнаме и интервенция США в Доминиканской Республике рассматриваются в качестве средства контроля над развитием соответствующих кризисов. Эти агрессивные интервенционные действия показаны как меры, направленные на «сохранение мира». «Совсем не удивительно, учитывая слабость Объединенных Наций, что во многих ситуациях решение принималось в форме односторонних действий»*, – говорится в докладе. Если что и беспокоило его составителей, так это факт осуществления Соединенными Штатами таких «действий» в одиночку, без соответствующего камуфляжа под «многосторонние акции», якобы имеющие своей целью поддержание мира.

Наряду с попытками использования механизма ООН в целях «управления» конфликтными ситуациями американские теоретики и политики все большее внимание уделяли и уделяют идее создания «специальных международных органов» для такого «контролирования». С идеей создания «международного механизма» по «кон-

* Controlling Conflicts in the 1970's. A Report of a National Policy Panel established by United Nations Association United States of America. – New York, 1969. – P. 16.

тролированию» кризисных ситуаций связано стремление США обойти Совет Безопасности ООН, наделенный Уставом ООН особыми функциями и полномочиями. Больше всего не устраивает американских политиков принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности при принятии решения. За такой позицией скрывается стремление американских политиков убрать со своего пути серьезное препятствие, которое в определенной степени мешает осуществлять их игру на конфликтных ситуациях.

Теория и практика «контролирования» конфликтов, как ее мыслят американские политики, полностью неприемлема, несмотря на заинтересованность всех государств мира в недопущении перерастания кризисных ситуаций в мировую термоядерную войну. Дело в том, что США увязывают воедино две идеи, которые вкладываются ими в процесс «контролирования» конфликтов, – недопущение его эскалации в глобальное столкновение и защита своих империалистических интересов.

Дело также и в другом: Соединенные Штаты и другие империалистические государства под конфликтами понимают выявление совершенно различных по своему характеру противоречий, в том числе подводят под эту категорию революционные преобразования внутри государств «третьего мира». Естественно, что Советский Союз и другие социалистические страны не могут участвовать с Соединенными Штатами в «контролировании» таких «ситуаций».

Однако вернемся к американской линии в отношении арабо-израильского конфликта, к тем средствам и методам, которые США применяли или пытались применить для его «регулирования». Последующее изложение покажет, что в данном случае американской политикой был использован веер средств, которые предусматривала теория «контролирования» конфликтных ситуаций, начиная от торговли оружием и кончая угрозой собствен-

ного вооруженного вмешательства. Среди этих средств, как говорилось, свое место заняли и методы использования межарабских противоречий. Примером этого является американская позиция в отношении египетской экспедиции в Йемене.

9 сентября 1962 г. четырьмя выстрелами был убит король (имам) Йемена Ахмед, а 26 сентября был свергнут вошедший на престол сын Ахмеда принц Мохаммед аль-Бадр. Глава охраны аль-Бадра полковник Абдалла ас-Саляль, возглавивший переворот, провозгласил республику и стал ее первым президентом. Йемен был типичным островком Средневековья в современном мире. Может быть, ничто в таком концентрированном виде не позволяет судить о лице этой страны при короле Ахмеде, как убранство его дворца в Сане, вернее, содержимое его личной комнаты, где король жил незадолго до смерти. В 1965 г. автор этих строк оказался в числе немногих, кому показали комнату Ахмеда в том виде, в каком она была оставлена ее хозяином.

На стенах комнаты были расклеены фотографии, в том числе такие, где имам с интересом наблюдал, как у ворот Саны очередному осужденному отрубали голову – не просто, как объяснили сопровождавшие йеменцы, а определенным числом ударов меча, количество которых устанавливал королевский суд. Рядом с крючка свисали «калабуши» – кандалы, в которые Ахмед приказывал тут же, во время доклада, заточать провинившегося министра. Кстати, первый президент Йемена ас-Саляль по приказу имама пять лет просидел в темнице, прикованный к цепи. На письменном столе Ахмеда лежал обыкновенный стартовый пистолет. Имам любил демонстрировать чудеса: он стрелял из этого пистолета себе в грудь, чтобы охрана могла убедиться, что его не берет ни одна «пуля». Здесь же на стене висел аккуратно вырезанный из журнала портрет первого космонавта – Юрия Гагарина. Имам искренне восхищался подвигом освоения космоса.

В углу стоял киноаппарат. Эта комната была единственным кинозалом в Йемене. Имам смотрел с наслаждением фильмы (впервые встретившись с Насером, Ахмед до боли сжал руку президенту – так он здоровался с вождями племен, чтобы показать им свою силу, – и спросил, женился ли Омар Шариф на такой-то актрисе), а во всей стране показ любых кинокартин был запрещен под страхом тюрьмы.

Но даже такой заповедник Средневековья, как Йемен, подвергся веянию времени. Постепенно разрушалась веками создаваемая изоляция этой страны от внешнего мира. В Йемен прибывали иностранные специалисты, советские рабочие и инженеры строили порт в Ходейде. Несколько десятков йеменских студентов обучались в Каире и в Европе.

После переворота в Йемене имам аль-Бадр был арестован ас-Саялем, однако, когда охрана отлучилась обедать, он, переодевшись женщиной, никем не замеченный, ушел из-под стражи. Его дядя принц Хассан, который был главным представителем Йемена в Организации Объединенных Наций, немедленно вылетел в Саудовскую Аравию и заручился помощью короля Сауда. Племена, которых удалось поднять на борьбу против республики, были вооружены и финансировались Саудовской Аравией. Аль-Бадр вышел из подполья. Вооруженная борьба против республики развернулась. В таких условиях в Египет прибыли представители президента ас-Саяля, и Насер решил направить в поддержку Йеменской Республики сначала батальон, а затем дополнительно еще несколько воинских подразделений. Так началась египетская экспедиция в Йемене. Каменистая йеменская пустыня затягивала все больше и больше египетских солдат. Однажды Насер горько пошутил: «Для снятия осады Саны я послал батальон, а потом послал дивизию в подкрепление батальону»*.

* *Heikal M.H. Nasser. The Cairo Documents. – P. 177.*

Соединенные Штаты сразу же полностью включились в йеменские события на стороне короля Сауда. Когда несколько саудовских летчиков, вместо того чтобы перебросить оружие и деньги роялистским племенам в Йемене, перелетели в Каир и попросили там политического убежища, с их самолетов сгрузили ящики с эмблемой американской программы «помощь» – две руки, сомкнувшиеся в рукопожатии. В этих ящиках находились оружие и боеприпасы. Сауд запретил полеты своих летчиков в Йемен и попросил иорданскую авиацию совершать полеты для снабжения йеменских мятежных племен. На следующий день перелетели в Каир три самолета иорданских ВВС, и опять на них оказался тот же груз и в той же упаковке – в ящиках, на которых были нарисованы две руки, сомкнувшиеся в рукопожатии.

Президент Насер заявил решительный протест американскому послу в Каире, сказав, что американская практика несет Аравии не помощь и дружбу, а смерть. Смысл саудовских и американских действий в Йемене был совершенно ясен. И саудовские правители, и американские нефтяные компании боялись того, что республиканский Йемен будет слишком «взбудораживающим» соседом Саудовской Аравии, опасались влияния йеменских событий на столетиями нетронутую структуру саудовского общества. Саудовская Аравия и Соединенные Штаты хотели в зародыше прикончить йеменский эксперимент. Особенно их беспокоил тот факт, что к границе Саудовской Аравии приближались египетские войска, которые по просьбе правительства Йеменской Арабской Республики оказали ей помощь в борьбе против мятежных роялистских племен, инспирируемых и поддерживаемых Саудовской Аравией.

Есть основания считать, что Соединенные Штаты преследовали в Йемене еще одну цель, помимо стремления задушить в зародыше йеменскую революцию. Они хотели поглубже втянуть Египет в йеменские события, пола-

гая не без причины, что таким путем будет нейтрализована активность Египта в сопротивлении израильской экспансионистской политике. Йемен втягивал в себя тысячи египетских солдат и миллионы египетских фунтов. Йемен отбирал те силы и средства, которые были остро необходимы Египту и для укрепления его обороноспособности, и для экономического развития. Естественно, что такое «втягивание Насера в Йемен» для Соединенных Штатов было лишь одной стороной медали; другая заключалась в стремлении ограничить египетские возможности в Йемене, предотвратить становление реальной силы, способной со временем оказать революционизирующее влияние на другие части Аравийского полуострова. Соединенным Штатам был нужен Египет, по шею погрузившийся в йеменские дела, однако неспособный оседлать положение в Йемене, одержать решительную победу над роялистскими племенами, по-настоящему укрепить республиканский строй в этой вчера еще полностью средневековой стране.

Насер занял четкую позицию в отношении событий в Йемене. Эта позиция была известна американцам из той переписки, которую Насер вел с президентом США Кеннеди. В своих письмах Насер подчеркивал, что готов отдать приказ о немедленном выводе египетских солдат из Йемена, если саудовцы прекратят помощь роялистам. Такое намерение было совершенно искренним, так как Египет действительно был заинтересован в сворачивании своей миссии в Йемене на условиях прекращения поддержки противников республиканского режима извне.

Между тем Соединенные Штаты, с одной стороны, настаивали на выводе египетских войск и даже предлагали определенные компромиссы (как это значилось, например, в одном из писем Кеннеди Насеру, где американский президент проявлял готовность связать вывод египетских войск с прекращением вмешательства Саудовской

Аравии в дела Йемена), но, с другой стороны, Вашингтон через ту же Саудовскую Аравию усиливал помощь йеменским роялистам. Помощь эта не ограничивалась посылкой американского оружия. В Соединенных Штатах был создан специальный комитет под руководством Роберта Комера, бывшего офицера разведки, который организовывал посылку в Йемен наемников. Деятельность этого комитета вскоре стала известна в Йемене под названием «война Комера».

Через несколько лет – это было уже в начале 1967 г. – во время перестрелки в Сане было обнаружено, что по республиканским солдатам вели огонь из штаб-квартиры американской программы «помощи по четвертому пункту»³⁵. По приказу йеменского правительства дом был захвачен и четыре человека, находящиеся в нем, арестованы. Были вскрыты сейфы, и в них найдено большое количество документов, свидетельствовавших о том, что штаб-квартира американской программы помощи была ширмой, за которой осуществлялась деятельность ЦРУ. По требованию американцев документы вернули, но секреты, содержащиеся в них, стали известны Египту. Все это было в 1967 г., но уже за несколько лет до этого – в 1963 г. – президент Насер, по свидетельству Хейкала, понимал, что Соединенные Штаты ведут двойную игру в Йемене и «что частью американского плана было все глубже втянуть его в йеменскую кампанию и связать египетскую армию в безжизненной пустыне. Участие Египта в этой кампании очень устраивало израильтян, ибо большое и всевозрастающее число египетских солдат сражалось с саудовцами, а не с ними»*.

Во многом похожую роль играли Соединенные Штаты и в отношении сирийско-египетских разногласий, приведших в 1961 г. к распаду Объединенной Арабской Республики. Конечно, поражение первого «объединитель-

* *Heikal M.H. Nasser. The Cairo Documents.* – P. 182.

ного» эксперимента – создания Объединенной Арабской Республики, состоящей из Египта и Сирии, – было результатом объективных причин и многих субъективных ошибок главным образом египетского руководства. Однако немаловажными факторами были вмешательство Саудовской Аравии и непосредственная деятельность ЦРУ. По всему арабскому миру распространились сообщения о том, что король Сауд выделил на государственный переворот в Сирийском районе ОАР 7 миллионов фунтов стерлингов. По свидетельству Хейкала, эта цифра оказалась на деле заниженной. Когда Сауд, уже отказавшись от престола в пользу своего брата Фейсала, приехал в Каир, Насер упрекнул его, сказав: «Как вы могли заплатить этим людям 7 миллионов фунтов?» Сауд ответил: «Мне стыдно признаться вам, но было заплачено не 7, а 12 миллионов»*.

Суд над сепаратистами из первого сирийского правительства после раскола ОАР показал, что рука об руку с королем Саудом действовало Центральное разведывательное управление США. Проводя линию на раскол Объединенной Арабской Республики, США тем самым хотели ослабить Насера, понизить его влияние в арабском мире. Одновременно все делалось для того, чтобы не допустить создания сильного государства, способного серьезно противостоять израильской экспансии на Ближнем Востоке.

Самым крупным водоразделом, по которому обозначилось размежевание между Египтом и Соединенными Штатами, был вопрос об отношении США к поставкам вооружения Израилю.

Как уже говорилось, Соединенные Штаты в начале 60-х годов сделали ставку на усиление Израиля в ближневосточном конфликте. В 1961 г., во время официального визита в Вашингтон, Аденауэр под давлением прези-

* Там же. – Р. 168.

дента Кеннеди согласился на предоставление кредита Израилю для закупок оружия. В тот момент обозначилось намерение США предоставить оружие этому государству, однако в условиях продолжающегося американского флирта с Египтом и все еще существовавших надежд на то, что он окажется успешным, Соединенные Штаты стремились действовать чужими руками. Сделка на поставку оружия Израилю стала возможной при формальном неучастии в ней Соединенных Штатов. Израиль получил кредит от Западной Германии, по которому он мог делать закупки в любой стране. Среди оружия, приобретенного по этому кредиту у Англии, Франции, США и Италии, были две подводные лодки, шесть торпедных катеров, 200 танков, 200 бронетранспортеров, реактивные истребители, транспортные самолеты и вертолеты*. ФРГ со своей стороны заключила контракт на закупку у израильтян автоматов и обмундирования для немецкой армии. Подробности об этой сделке, не только санкционированной, но и произведенной под давлением Соединенных Штатов, рассказал президенту Насеру специально прибывший в Каир эмиссар Эрхарда в конце 1964 г.

В начале 60-х годов Соединенные Штаты начали вести переговоры с Израилем и о самостоятельных поставках вооружения. Естественно, эти переговоры происходили в обстановке полной секретности, однако 27 сентября американские власти официально объявили о заключенном соглашении на поставки истребителей «Скайхок» Израилю. Характерно, что накануне объявления об этом посол США в Каире нанес визит Насеру и передал ему устное послание Кеннеди, который ставил его в известность о соглашении. Насер предполагал, что этот маневр нужен был американской дипломатии для того, чтобы связать ему руки, не дать возможности активно выступить против сделки. Его опасения подтвердились после

* Там же. – Р. 269.

того, как в газетах США появились статьи о том, что с президентом Насером предварительно «консультировались» о поставках Израилю американских истребителей. К тому времени позиция Соединенных Штатов по поставкам вооружения странам, вовлеченным в ближневосточный конфликт, стала предельно ясной. Формально США поставляли оружие и Израилю, и в небольших количествах некоторым арабским странам – Иордании, Саудовской Аравии. Однако львиная доля поставок приходилась на долю Израиля.

Официально объявлялось, что США своими поставками пытаются сохранить «баланс» на Ближнем Востоке, привести дело к тому, чтобы ни одна из сторон в конфликте не могла обрести военное преимущество. На самом деле, речь шла о создании военного превосходства Израиля – государства, проводящего экспансионистский курс. Под «балансом» Соединенными Штатами понималась возможность для Израиля противостоять в военном отношении усилиям всех арабских государств. В действительности это создавало значительный перевес Израиля в военном отношении над одной, двумя или тремя арабскими странами, которые реально могли образовать против него коалицию. В то же время, учитывая сложившееся научно-техническое превосходство Израиля над арабскими странами, осуществляемое по-американски «выравнивание» его вооружения с вооружением арабских стран, естественно, оборачивалось военным преимуществом Израиля над арабским миром.

Одновременно с поставками оружия Израилю Соединенные Штаты делали все для того, чтобы помешать поставкам оружия Египту и другим арабским странам, участвующим в конфронтации с Израилем, со стороны социалистических стран. Предпринимались всевозможные усилия и для того, чтобы сорвать собственные оборонные мероприятия Египта. Когда Египет (это было через год после создания в Израиле на базе французской

ракеты собственной – «Габриэль») успешно испытал сконструированную на месте ракету, американский посол в сентябре 1962 г. передал президенту Насеру еще одно устное послание Кеннеди с выражением резкого недовольства по этому поводу и требованием предоставить американцам право инспектировать египетский атомный реактор, построенный с помощью Советского Союза. Никогда Соединенные Штаты с аналогичным требованием не выступали в отношении Израиля, хотя Израиль, как известно, уже в то время продвинулся в области исследований, направленных на создание ядерного оружия.

Одновременно США предлагали установить согласованные пределы для наступательных вооруженных сил как Египту, так и Израилю, но под инспекцией Соединенных Штатов. Естественно, такая инспекция могла быть использована в пользу Израиля. Неоднократно Соединенные Штаты через своего посла в Египте предпринимали демарши по поводу поставок советского вооружения Объединенной Арабской Республике.

Американская позиция совмещала в себе широко рекламируемое заявление о стремлении Соединенных Штатов сдержать гонку вооружения на Ближнем Востоке с активным курсом, направленным на вооружение Израиля в условиях проведения его руководством экспансионистской линии. Характерным для этой позиции был дипломатический демарш Джонсона, ставшего президентом США после гибели Кеннеди. 18 марта 1965 г. американский посол попросил встречи с Насером и вручил ему два документа. Первым из них было личное письмо с пометкой «секретно» от президента Джонсона. В нем говорилось о том, что Соединенные Штаты будут избегать продажи оружия основным сторонам арабо-израильского конфликта и ни в коем случае не будут, продавать оружия, которое даст военное преимущество одной стороне над другой. «Этой политике мы следовали

и будем продолжать следовать», – декларировалось в письме. Одновременно, однако, Насеру была вручена нота, в которой было прямо сказано, что Соединенные Штаты продают самолеты «Скайхок» Израилю, с тем чтобы «уменьшить опасения Израиля в отношении бомбардировщиков ОАР». В ноте провозглашалась также готовность Соединенных Штатов продать Израилю и другие виды оружия, якобы необходимые для его защиты. В ней же содержится открытый шантаж Египта: было по сути дела заявлено, что США резко увеличат военную помощь Израилю, если арабы начнут кампанию против нынешних поставок американского оружия этой стране. Насер назвал эту ноту «ультиматумом».

Стало ясно, что Вашингтон с открытым забралом вышел на авансцену в качестве основного поставщика вооружения Израилю. Утратив монополию в области поставок вооружения странам, вовлеченным в ближневосточный конфликт, западные государства, и в первую очередь США, прилагали усилия для того, чтобы обрести право контроля над поставками вооружения. Причем свое право они хотели использовать для создания фактического перевеса вооружений на стороне Израиля.

Параллельно Соединенные Штаты делали все, чтобы нейтрализовать ответную антиамериканскую реакцию со стороны арабского мира, главным образом со стороны Египта. Для этого наряду с различными дипломатическими акциями использовались и другие средства – такие как нажим на правительство Насера по вопросу о поставках американской пшеницы. Как уже говорилось, после вывода своих войск из Ливана американцы на основе закона № 480 возобновили помощь Египту в продовольствии. Однако реализация этой помощи все время сохранялась в неопределенном состоянии, с тем, чтобы выторговать максимальные уступки от Египта в различных областях. Периодически раздавались угрозы прекращения этой помощи, в конце концов, она была огра-

ничена поставками месячного срока, а потом и вовсе отменена.

Идеям «контролирования» или «управления» ближневосточным конфликтом в интересах Израиля была подчинена американская политика в преддверии и во время кризиса 1967 г. на Ближнем Востоке. Позицию США в этот период можно с полным основанием квалифицировать как антиарабскую.

В марте и апреле 1967 г. резко обострились отношения между Израилем и Сирией. Сказались передвижения израильских войск, стычки на границе и бои в воздухе. Руководители Израиля, не стесняясь в выражениях, угрожали захватить Дамаск. В официальных заявлениях и в инспирированных статьях в США содержалась неприкрытая поддержка Израиля. Более того, в приливе откровенности во время беседы с корреспондентом американского журнала «U.S. News & World Report» премьер-министр Израиля Л. Эшколь сказал, что его правительство исходит из гарантий, обещанных Вашингтоном в виде кораблей шестого флота США. «Мы получили эти обещания, – сказал Эшколь. – Когда мы обратились к Соединенным Штатам, нам ответили: “Мы находимся здесь. Здесь находится шестой флот”»*.

Положение накалялось, и в таких условиях Египет передвинул свои войска на Синайский полуостров. 16 мая генерал Мохаммед Фавзи, начальник штаба египетской армии, написал командующему силами ООН, индийскому генералу Рикхи Джайпалу следующее: «Я отдал приказ вооруженным силам Объединенной Арабской Республики быть готовыми предпринять действия, если Израиль начнет агрессию против какого-либо арабского государства. С целью осуществления этих указаний была отобилизована часть наших войск на восточном фланге в Синае. Для обеспечения безопасности войск ООН, ко-

* U.S. News & World Report. – 17.04.1967. – P. 76.

торые сконцентрированы в контрольных пунктах, прошу вас вывести эти войска из этих контрольных пунктов. Относительно этого я дал инструкции командующему восточным фронтом. Надеюсь получить ответную информацию»*.

В этом письме Фавзи содержалась просьба о выводе войск ООН из тех контрольных пунктов, где Египет противостоял Израилю, – на границе между Газой и Эйлатом, с тем чтобы избежать столкновений между войсками ООН и египетской армией. Фавзи не просил вывести войска, размещенные в других пунктах, например в Шарм-эш-Шейхе. Более того, бывший представитель США в Организации Объединенных Наций Чарльз Йост писал даже о том, что текст призыва египетского командования к У Тану не был предварительно одобрен Каиром. Насер, по словам Йоста, не хотел, чтобы чрезвычайные силы ООН были выведены из Шарм-эш-Шейха**.

Египетская армия, направляющаяся на Синай, была проведена перед окнами посольства США в Каире. Делалось это не втайне, а нарочито открыто и громко. Насер хотел таким военно-политическим демаршем изменить ситуацию в свою пользу, не допустив нападения на Сирию и вновь подчеркнув свою лидирующую роль в арабском мире. Полностью отсутствуют доказательства того, что, начав мобилизацию войск и отправив их на Синай, Египет преследовал реальные наступательные цели против Израиля. Однако произошла эскалация конфликта, и к этому привела целенаправленная политика Израиля, которая поддерживалась США и была в основном скоординирована с политикой Соединенных Штатов.

Возможно, США не были непосредственно заинтересованы в тот период в переходе конфликта в стадию воо-

* *Heikal M.H.* Nasser. The Cairo Documents. – P. 217–218.

** *Yost Ch.W.* The Arab-Israeli War: How It Began. // Foreign Affairs. – Vol. 46, No. 2. – January 1968. – P. 313–314.

руженного столкновения. Однако на шкале приоритетов их политики еще большее место занимала цель не допустить усиления позиций Египта в качестве лидера арабского мира.

События развивались следующим образом. На свое письмо Фавзи получил ответ У Тана. В послании генерального секретаря ООН предлагалось либо вывести все войска Организации Объединенных Наций, в том числе и из Шарм-эш-Шейха, либо не выводить их вообще. Таким ответом, который, совершенно очевидно, был согласован с Соединенными Штатами, Египет загонялся в угол. Либо он должен был идти на попятную и предстать перед арабским миром как сторона, которая потерпела сокрушительное поражение, либо ему предстояло идти на обострение ситуации, требуя вывода войск ООН также и из Шарм-эш-Шейха, что практически ставило вопрос о возможности прямого вооруженного столкновения с Израилем. Дело в том, что Египет, потребовав вывести войска ООН из Шарм-эш-Шейха, то есть сказав «а», не мог не сказать «б», то есть не ввести вместо них свои войска в этот пункт. Вопрос заключался не в легальном праве Египта на эту акцию – Шарм-эш-Шейх был египетской территорией. Как известно, войска ООН были размещены здесь после тройственной агрессии 1956 г., и на одностороннее размещение этих войск на своей территории Египет пошел вынужденно, заплатив таким образом за вывод израильских войск с Синая. Но это одна сторона дела. Другая заключалась в том, что сам ввод египетских войск в Шарм-эш-Шейх был осуществлен под косвенным давлением У Тана, а возможно, и Соединенных Штатов, которые пытались политическими средствами заставить Насера капитулировать либо сделать это военными методами с помощью Израиля.

Президент Насер согласился на вывод всех войск ООН, египетские войска вошли в Шарм-эш-Шейх. Каир заявил, что закрывает Тиранский пролив для израильского

судоходства и тех судов, которые перевозят стратегические грузы для Израиля. Однако есть основания считать, что после этого Египет хотел пресечь конфликт на основе компромисса. Реальные возможности для этого существовали. У Тан прилетел в Каир с планом, который, как говорили, поддерживался Соединенными Штатами. Этот план состоял из трех частей: первая – просьба к Израилю не посылать никаких судов через залив Акаба, с тем чтобы «испытать» решение Египта о его закрытии; вторая – просьба к другим государствам, пользующимся Тиранским проливом, воздержаться от перевозки на своих судах стратегических материалов в Израиль; третья – просьба к Объединенной Арабской Республике воздержаться от инспекции судов, проходящих через залив.

План У Тана, который давал возможность подготовить урегулирование на компромиссной основе (после того как акции Насера небывало высоко поднялись в арабском мире, он особенно хотел такого урегулирования), был принят Каиром. Египет в это время делал все, чтобы не допустить войны. Президент Насер 27 и 29 мая произнес речи, в которых повторил: «Мы не собираемся стрелять первыми, мы не собираемся совершать нападение». Известно, что за 24 часа до израильского нападения египетским главным командованием было созвано совещание, на котором присутствовали политические и военные руководители страны. Некоторые генералы считали, что в условиях, когда Израиль явно готов в течение ближайших часов совершить нападение на Египет, следует прибегнуть к превентивному удару. Насер ответил совершенно твердо: «Я не начну войну первым, потому что в таких условиях я поставлю себя под удар перед своими союзниками, перед другими странами мира».

Однако все это уже не остановило развития событий, которое неумолимо вело к вооруженному столкновению. У руля такого развития стоял Израиль, за его спиной – Соединенные Штаты.

Естественно, что для израильского руководства, которое к этому моменту пополнилось явными «ястребами» (министром обороны стал генерал Даян, в правительство вошел лидер «Херута» М. Бегин), чрезвычайно важным фактором при принятии решения была позиция Соединенных Штатов. В Вашингтон вылетели министр иностранных дел Израиля и начальник израильской разведки. Министр иностранных дел Абба Эбан был сразу же принят президентом Джонсоном. С какой позицией США он столкнулся? Обратимся по этому поводу к мемуарам Линдона Джонсона.

1. Администрация США завершила израильское правительство в своей полной поддержке идеи снятия блокады с Акабского залива, в том числе с помощью применения силы против Насера. «Вы можете заверить израильский кабинет, – сказал президент США Л. Джонсон министру иностранных дел Израиля Аббе Эбану 26 мая 1967 г. в Белом доме, – что мы энергично пойдем по пути осуществления любой и всех возможных мер для сохранения пролива открытым»*. В конце встречи, тщательно подбирая слова, Эбан спросил: «Не ошибусь ли я, если скажу своему премьер-министру, что ваша позиция заключается в том, чтобы предпринять все возможные усилия с целью гарантии того, что пролив и залив останутся открытыми для свободного и безопасного прохода?» «Я заверил его, – пишет Л. Джонсон, – что он не ошибется»**.

2. Не исключая применения крайних мер против Египта, США стремились обеспечить вначале проработку всех политико-дипломатических и военно-политических средств давления на Насера, с тем чтобы заставить его отступить «с потерей лица». Фактически ничего не делалось (за исключением плана У Тана, о котором говори-

* *Johnson L. The Vantage Point. Perspectives of the Presidency 1963–1969. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – P. 293.*

** Там же.

лось выше и который повис в воздухе, как только Египет на него согласился), чтобы найти «престижный» для Насера выход из положения. В таких условиях США не остановились перед военной демонстрацией – через Суэцкий канал за два дня до нападения израильтян прошел авианосец США с незачехленными и готовыми к действию боевыми самолетами на борту.

В то же время США – это отчетливо видно и по мемуарам Джонсона – пытались создать коалицию для использования военной силы против Египта. Они не хотели действовать в одиночку. Сразу же после эвакуации чрезвычайных сил ООН с Синая по указанию президента США государственный секретарь Д. Раск связался с Францией и Великобританией, предложив подготовить совместные действия на основе трехсторонней декларации 1950 г. Посол США Ч. Болен телеграфировал из Парижа, что французские власти не считают своевременным возрождать трехстороннюю декларацию и что они «вообще изменяют свою позицию». Ч. Болен пришел к заключению, что французские власти «придают соответствующую важность советскому подходу и решили вести взвешенную, осторожную игру»*. Что касается Англии, то ее государственный министр по иностранным делам Д. Томсон передал Д. Раску во время встречи в Вашингтоне сообщение о готовности создать специальный военно-морской отряд «под флагом многих наций», чтобы силой прорвать блокаду Египтом Тиранского пролива США, по словам президента Джонсона, «подвергли тщательному и полному исследованию английское предложение совместно с ведущими конгрессменами и заинтересованными правительствами». Об этой позиции США был уведомлен Израиль.

Впрочем, дело не ограничивалось теоретической разработкой. Специальные силы военно-морского флота

* Там же. – Р. 292.

приступили к подготовке четырех отрядов особого назначения. В первый отряд вошли два крупнейших авианосца – «Америка» и «Саратога», крейсер «Литл-Рок». Второй отряд был укомплектован судами-амфибиями. Третий составляли подразделения морской пехоты, готовившейся к высадке десанта в любое время. Четвертый – вспомогательные суда, в том числе нефтезаправщики, которые приняли сотни тысяч тонн горючего в свои танки. Адмирал Мартин, тот самый, который руководил высадкой морской пехоты США в Ливане в 1958 г., получил секретный приказ, согласно которому ему предписывалось привести в состояние боевой готовности «номер 1» в восточном секторе Средиземноморья 50 военных кораблей, 200 реактивных бомбардировщиков и истребителей, 25 тысяч солдат и матросов морской пехоты.

Соединенные Штаты стремились избежать такой ситуации, при которой им пришлось бы открыто применять свои вооруженные силы совместно с Израилем: в памяти американских политиков были свежи воспоминания о колоссальных «издержках», которые создала для Англии и Франции в арабском мире аналогичная ситуация в 1956 г. Вместе с тем США не выступали против самостоятельных израильских вооруженных действий. Они лишь просили израильтян «несколько повременить», чтобы вначале дать поработать другим антиегипетским средствам.

Причем – и это весьма важно подчеркнуть – США выработывали свою позицию в условиях, когда им было доподлинно известно, что Египет не собирается первым начинать военные действия против Израиля. Донесения разведки США отвергали намерение Египта напасть на Израиль. Во время встречи с А. Эбаном в Белом доме 26 мая 1967 г. министр обороны США Макнамара огласил выводы, к которым самостоятельно пришла каждая из трех разведывательных служб США. Эти выводы могут быть суммированы в следующей оценке: Египет не на-

меревается первым начинать военные действия, что не мешало американскому руководству вновь манипулировать традиционным обвинением Насера в стремлении «сбросить израильтян в море»*.

Министр обороны США Макнамара ознакомил А. Эбана и с другим выводом американских специальных служб: «все сотрудники наших разведывательных органов единодушны в том, что если бы Египет и предпринял нападение, то израильтяне разгромили бы его». Такая информация, содержащая на данный период оценку соотношения сил двух сторон, вовлеченных в ближневосточный конфликт, была передана Соединенными Штатами израильскому руководству в тот момент, когда оно вырабатывало решение, от которого непосредственно зависела судьба войны или мира в районе. Американская информация, несомненно, могла подтолкнуть и, очевидно, подтолкнула решение о так называемом превентивном ударе Израиля по соседним арабским странам. Во всяком случае, остановившись на таком решении, израильские руководители понимали, что речь не шла о защите израильтян от «надвигающегося истребления», как это часто пытались представить впоследствии.

Тезис о «нейтралитете» Соединенных Штатов в 1967 г., пропагандируемый, в том числе и Госдепартаментом США, не выдерживает сопоставления с фактами реальной жизни. Во время военных действий американский представитель в Совете Безопасности ООН препятствовал принятию резолюций, осуждающих агрессию Израиля, вел дело к затяжке прекращения огня, стремясь предоставить израильской армии возможность после поражения египетской армии на Синае решить «задачи»

* После беседы с членами комитета по иностранным делам Сената 23 мая 1967 г. государственный секретарь Д. Раск доложил президенту, что «существует общее соглашение в Конгрессе, что арабам нельзя разрешать сбросить израильтян в море». Можно себе представить, как проходила эта беседа!

на восточном фронте, иными словами, оккупировать Голанские высоты – часть территории Сирии. Цели американской политики были все те же: использование Израиля для свержения или, во всяком случае, резкого ослабления арабских антиимпериалистических режимов и усиления позиции США в глобальной конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

«Американцы поняли, что результаты войны были победой не только для Израиля, но и для них самих. Новая ситуация, которая сложилась на Ближнем Востоке к середине июня, была идеальной для них», – пишут в книге «The Sandstorm» Давид Кимхи и Дэн Боули. В подтверждение этого вывода они приводят следующий аргумент: когда обозначились «неудачи» США во Вьетнаме, «американцы нуждались в контрбалансе, и они нашли его на Ближнем Востоке». По словам этих двух хорошо информированных израильских авторов, США поддерживали все требования Израиля, исходя из того, что в противном случае «выиграет противоположная сторона, не только Египет, но и Советский Союз». Таким образом, заключают Давид Кимхи и Дэн Боули, «создалось почти полное совпадение интересов между Соединенными Штатами и Израилем, и этот факт убрал все разногласия и создал возможность для Израиля твердо стоять на своих требованиях»*. Израильские авторы подразумевают под такими «требованиями» в основном отказ от освобождения оккупированных арабских территорий.

Для сохранения этой оккупации, осуществления своих попыток законсервировать положение «ни войны, ни мира» до того момента, пока арабские страны не согласятся подчиниться диктату Тель-Авива, израильское ру-

* *Kimche D., Bawly D. The Sandstorm. – London: Martin Secker & Warburg, 1968. – P. 278–279.*

ководство после 1967 г. нуждалось в постоянных притоках американского оружия и постоянной политической и дипломатической поддержке США. И то и другое израильское руководство получило сполна. Еще в 1968 г. президент Джонсон принял решение о поставке Израилю 50 сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков «Фантом». Поставки американского оружия Израилю наращивались год от года, включая самолеты, ракеты, различное электронное оборудование. Часто Израилю направлялись такие образцы, которые еще только начинали поступать на вооружение американской армии.

Что касается политико-дипломатической поддержки Соединенными Штатами Израиля, то ее главным направлением в тот период была фактическая помощь израильскому руководству в срыве попыток подготовить почву для претворения в жизнь резолюции Совета Безопасности ООН № 242, принятой 22 ноября 1967 г., которая предусматривала вывод израильских войск со всех оккупированных территорий (проблема ректификации – небольших изменений в границах 4 июня 1967 г. – оставлялась для решения сторонами, вовлеченными в конфликт, в их обоюдных интересах, с учетом обязательного согласия каждой из сторон), прекращение состояния войны на Ближнем Востоке, общепризнанные границы всех государств, существующих в этом районе, гарантии этих границ, свободу судоходства по морским путям района и решение проблемы палестинских беженцев.

Компромиссная резолюция № 242 была на том этапе единственно возможной базой политического урегулирования. Все ее положения полностью приняли Каир и Амман. В интервью американскому телевидению 14 июня 1970 г. Гамаль Абдель Насер выразил готовность признать окончательными границы Израиля, существовавшие до войны 1967 г. Он ответил положительно на вопрос, готов ли Египет обещать, что его территория

не будет использоваться для нападения на Израиль после того, как израильтяне уйдут с оккупированных земель.

Одновременно вырисовывался механизм подготовки почвы для претворения резолюции № 242 в жизнь. По просьбе генерального секретаря ООН с этой целью начала осуществляться миссия шведского дипломата Гуннара Ярринга.

Тель-Авив не скрывал своего отрицательного отношения и к Гуннару Яррингу, и к его миссии. В то время израильское руководство особенно интенсивно использовало формулу о «прямых переговорах, на которых будет изложена позиция Израиля», причем даже намекалось на возможность «шагов в сторону арабов». Однако истинная цена этим обещаниям, намекам и полунамекам была небольшой – одновременно с ними израильское руководство совершенно четко и публично очертило параметры урегулирования, на которое оно «может пойти»: сохранение оккупации Голанских высот, района Газы, ряда районов Синая, Западного берега и аннексия Иерусалима. Г. Ярринг в таких условиях мешал маневру Тель-Авива, направленному на то, чтобы полностью утопить на данный период времени идею политического урегулирования и возложить при этом ответственность на арабскую сторону, которая, видите ли, противится «многообещающим прямым переговорам».

Израиль не принимал резолюцию Совета Безопасности ООН № 242. Характерно, что, выступив с «планом мира» на XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН³⁶, министр иностранных дел Израиля Абба Эбан ни словом не обмолвился об этой резолюции, которая была единственно приемлемой и достаточно сбалансированной на тот период основой для политического урегулирования. Не случайно, что в таких условиях Тель-Авив вообще не соглашался с миссией Г. Ярринга, который, получив соответствующие полномочия от генерального секретаря ООН, в конце концов начал консультации в столицах го-

сударств – участников ближневосточного конфликта с целью подготовить практическое претворение в жизнь резолюции № 242. Даже вынужденно соглашаясь на встречи с представителем генерального секретаря ООН, так как иное решение столкнуло бы Израиль самым серьезным образом с мировым общественным мнением, руководители этого государства подчеркивали, что не воспринимают миссию Ярринга как посредническую, а рассматривают ее лишь как канал, через который Израиль может информироваться о позиции арабских стран. От встречного движения – информирования через Ярринга Египта, Сирии и Иордании о конкретных деталях израильской позиции – Тель-Авив полностью отказался. Ему не нужна была нейтральная посредническая миссия. И в этом Израиль по сути дела тоже получил молчаливое одобрение Соединенных Штатов.

В результате такой позиции Израиля, которую он не мог бы сохранять без поддержки Соединенных Штатов, миссия Ярринга забуксовала на месте.

Это было особенно опасно в условиях, когда кривая напряженности на Ближнем Востоке вновь пошла вверх. В начале 1970 г. Израиль усилил военный нажим на соседние арабские страны с целью добиться их капитуляции и согласия на продиктованные Тель-Авивом условия. С этой целью предпринимались глубинные рейды израильских ВВС над территорией Египта. Объектами бомбардировок стали не только, да и не столько военные, сколько гражданские объекты. Такие полеты имели целью создание соответствующей «психологической» обстановки, в которой, по мнению израильских политиков, могли бы быть активизированы антиправительственные египетские силы.

Однако ставка эта оказалась битой. Как писал западногерманский журнал «Europa Archiv» (№ 19/1970), попытка американско-израильской стороны «выбомбить» правительство Насера, что должно было привести к вла-

сти проамериканское правительство, не удалась. К середине апреля 1970 г. Советский Союз помог значительному укреплению противовоздушных сил Египта, и глубинные рейды израильских военно-воздушных сил уже не могли осуществляться безнаказанно. Значительно возросшую эффективность продемонстрировали ракетные установки египетской противовоздушной обороны. Потеря нескольких самолетов «Фантом» произвела резко отрицательный психологический эффект в израильской армии. Рушилась иллюзия сохранения на длительный срок «открытого неба» над Египтом. В таких условиях Тель-Авив предпочел отказаться от глубинных рейдов.

С конца апреля израильские политики сделали основной упор на конфронтацию в зоне Суэцкого канала. Ежедневно сводки приносили сведения об артиллерийских дуэлях, высадке патрулей, воздушных боях. Вскоре стало ясно, что против израильских войск в зоне Суэцкого канала боролась сила, которая уже отличалась от армии времен «шестидневной войны». 24 марта 1970 г. корреспондент газеты «The New York Times» Дрю Мидлтон, побывавший в Израиле и беседовавший там с военными представителями, писал: «Артиллерия – самый эффективный род египетских войск на суэцком фронте. Израильтяне говорят о точности огня артиллерии».

Меняющееся соотношение военных сил между Израилем и Египтом, в котором хотя и не произошло еще кардинальных сдвигов, но обозначилась соответствующая тенденция, действия палестинских партизан – все это начало сказываться на настроениях в различных кругах Израиля. Одновременно стали заметнее перемены в общественном мнении на Западе в пользу арабских стран. Во время «шестидневной войны» и в месяцы, следовавшие за ней, общественное мнение на Западе с помощью просионистской печати было в основном сориентировано на поддержку Израиля. Однако после

заявленных Израилем территориальных притязаний положение стало постепенно меняться. Таким переменам способствовала конструктивная политика Египта, Иордании, Ливана и некоторых других арабских стран, направленная на поиски компромиссного мирного урегулирования.

В такой обстановке США не могли выглядеть полностью связанными с позицией Израйля. Нужна была какая-то инициатива – хотя бы внешнего порядка – со стороны самих Соединенных Штатов. Нужен был какой-то шаг, действие, хотя бы видимая активность в политическом плане, призванные, в конечном счете, обеспечить американские интересы, когда негибкая израильская линия заводи́ла в тупик. К тому же, и в США стало проявляться недовольство определенных кругов, главным образом связанных с нефтяным бизнесом в арабских странах, односторонней ориентацией страны в арабо-израильском конфликте. Журнал «Business Week», комментируя такие настроения, писал: «На Ближнем Востоке и в арабских странах Северной Африки на карту поставлены не только инвестиции нефтяных компаний, но и стратегические интересы США и их союзников. Прекращение поставок нефти из этих районов на длительный период резко сократило бы промышленное производство в Японии и в Западной Европе. Япония получает 90 % используемой нефти с Ближнего Востока, Англия – 70, Франция – 80, Западная Германия – около 90, Италия – почти 95 %». Говоря об активизации сторонников «более гибкого» курса США на Ближнем Востоке, газета «The New York Times» высказалась еще более определенно: «Правительство Никсона стало опасаться, что США совсем потеряют свое влияние на арабов и, в конце концов, окажутся в полном одиночестве в своей поддержке Израйля»*.

* Международный ежегодник. Политика и экономика. 1971. – М., 1971. – С. 239.

Именно в таких условиях Соединенные Штаты приняли дипломатический демарш. 25 июня 1970 г. государственный секретарь У. Роджерс объявил о так называемой мирной инициативе США на Ближнем Востоке. Он отказался раскрыть детали «плана», однако из дальнейших сообщений печати стало ясно, что этот «план» сводился к предложению возобновить миссию Г. Ярринга. Вторым моментом так называемой мирной инициативы США было обращение к сторонам с призывом согласиться на временное прекращение огня на линиях разграничения сил.

Американское предложение, получившее название «план Роджерса», ряд исследователей рассматривает как переход США к «более сбалансированному курсу» в отношении ближневосточного конфликта. Такие оценки представляются несостоятельными. Впоследствии США действительно сделали ряд жестов в сторону Египта, пытаясь завоевать позиции в этой стране в ущерб советско-египетским отношениям, но это произошло после смерти президента Насера. Что касается «плана Роджерса», то он, по всей видимости, был подчинен лишь одной цели – вывести американскую политику на Ближнем Востоке на активный уровень в условиях, когда израильская политика зашла в тупик. По существу в этом плане не было ничего нового. Известно, что СССР неоднократно вносил предложения, направленные на практическое осуществление резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г., настаивая на возобновлении миссии Ярринга. В то же время заявление о возможности временного прекращения огня для возобновления миссии Ярринга было сделано еще до выступления Роджерса не кем иным, как президентом Насером. Тем не менее план был преподнесен в качестве «новой инициативы» Соединенных Штатов, и соответствующие предложения были направлены как Израилю, так и Египту и другим арабским странам.

Египет согласился на возобновление миссии Ярринга и на прекращение огня. Израиль далеко не сразу принял аналогичное решение. В стране развернулась борьба между различными политическими группировками, в результате которой блок крайне правых партий «Гахал», выступавший против возобновления миссии Ярринга и самих переговоров по вопросу о возвращении оккупированных арабских территорий, вывел своих представителей из правительства. В конце концов, Израиль под воздействием конкретной обстановки, сложившейся на Ближнем Востоке, а также под напором мирового общественного мнения вынужден был согласиться на возобновление переговоров через Г. Ярринга.

7 августа 1970 г. огонь в зоне Суэцкого канала был прекращен*. Однако израильские представители не спешили вступить в контакты с Яррингом. Вскоре стало ясно, что заявление о готовности принять участие в этих контактах не только было вынужденным, но и рассматривалось израильским руководством как тактический маневр. Выдвинув против Египта обвинение в том, что он во время перемирия подтягивает ракетные установки в зону Суэцкого канала, Израиль в начале сентября официально отказался от контактов с Яррингом.

Эта позиция Израиля не нашла осуждения со стороны США. Напротив, в официальных американских заявлениях и в еще больших масштабах в инспирируемых статьях, помещаемых в американской печати, подчеркивалось «понимание» израильских «мотивов». Такое «понимание» высказывалось несмотря на то, что правительство США фактически не могло подтвердить обвинения Израиля.

Как поощрение Израиля на «твердый», иными словами, враждебный политическому урегулированию курс

* По каирскому времени – с 1 часа ночи 8 августа.

можно с полным основанием оценить непрекращающиеся поставки американского вооружения.

В сентябре 1970 г. премьер-министр Израиля Голда Меир выехала в США для переговоров с американским правительством об усилении военной помощи Израилю. Американская пресса отмечала, что руководство Соединенных Штатов и на этот раз пошло на максимальное удовлетворение требований Израиля.

Если Соединенные Штаты, вынужденные считаться с явно меняющимся общественным мнением, иногда позволяли себе заявления о «нейтралитете», «объективности», то в главном вопросе – поставках оружия Израилю – они проводили неизменный курс. Заявления о «нейтралитете» США не могли оказать сколько-нибудь серьезного сдерживающего влияния на руководство Израиля, в то время как не прекращающиеся и не сокращающиеся при любых условиях поставки Израилю современного американского оружия создавали полную свободу рук для израильских экстремистов.

Однако эти экстремистские элементы, учитывая сложившуюся обстановку, иногда подыгрывали США, пытаясь «облегчить участь» тех, кто при любых обстоятельствах сохранял верность линии на поддержку израильской военщины. Так, 6 января 1971 г., выступая перед студентами израильских высших учебных заведений, министр обороны Израиля Моше Даян открыл некоторые причины, по которым Израиль, практически не желая этого, все-таки согласился летом 1970 г. на возобновление миссии Ярринга. Он заявил следующее: «Лучше возобновить переговоры, чем отказаться. Американцам легче поставлять нам оружие сейчас, когда мы вернулись к переговорам, чем если бы мы отказались»*. В этом заявлении М. Даяна, возможно, просвечивают и те мотивы, ко-

* Международный ежегодник. Политика и экономика. 1971. – М., 1971. – С. 240.

торыми руководствовались и сами Соединенные Штаты, настаивающие на согласии Израиля с возобновлением миссии Ярринга, что было предусмотрено в так называемом плане Роджерса.

Нужно сказать и о том, что, формально согласившись на переговоры через Ярринга, Израиль использовал некоторые экстремистские действия отдельных отрядов палестинского движения, которые отвлекли внимание общественности от провокационного политического маневрирования Израиля. В начале сентября палестинская группа Народный фронт освобождения Палестины похитила несколько гражданских самолетов, принадлежавших различным авиакомпаниям мира. Один самолет был взорван в Каире, остальные посажены на пустынном аэродроме в Иордании. Один из лидеров «ФАТХ» заявил в интервью каирской газете «Аль-Гумхурия», что «угон гражданских самолетов трех западных авиакомпаний нанес серьезный ущерб делу арабов: этот инцидент отвлек внимание мира от отказа Израиля продолжать контакты с представителем генерального секретаря ООН Г. Яррингом с целью мирного урегулирования ближневосточного кризиса и от возобновления поставок американского оружия и самолетов Израилю»*.

Именно в это время в Иордании начали развиваться опасные события, которые привели к братоубийственному столкновению между иорданской армией и палестинскими организациями. Позиция, занятая США в связи с этими событиями, также имела принципиальное значение для оценки всей ближневосточной линии Соединенных Штатов в тот период.

Начнем с того, что в провоцировании столкновений в Иордании приняла непосредственное участие империалистическая агентура, которая сумела в своих интересах использовать как реакционные, прозападные настроения отдельных элементов командования иорданской армии,

* Там же.

так и экстремизм, безответственность отдельных групп партизан. В западной печати подробно описывались обстрел палестинских лагерей на окраине Аммана, штурм иорданской армией штаб-квартиры Организации освобождения Палестины, расположенной на одном из холмов столицы Иордании, стрельба из окон домов, бои, во время которых были убиты и ранены тысячи людей. Империалистический Запад был вполне доволен: столкнулись между собой две силы, ранее провозгласившие своей целью борьбу против израильской агрессии.

Однако дело было не только в удовлетворении. Соединенные Штаты умело использовали события в Иордании для демонстрации своей солидарности с Израилем и даже готовности – «в случае необходимости» – раздуть ближневосточный конфликт. Совершенно очевидно, что в таком контексте Соединенные Штаты целенаправленно преувеличивали опасность, которая «извне угрожала» иорданскому режиму. Все делалось для нажима на ПДС, Сирию и Египет, с тем чтобы заставить их почувствовать решимость США действовать «самым эффективным образом» в случае перерастания конфликта в кризисную стадию, вплоть до прямого участия в нем американских вооруженных сил.

Американские политики в тот момент проявили незаурядное рвение с целью сохранения выгодного Израилю статус-кво на Ближнем Востоке, то есть положения «ни войны, ни мира». Внешние мотивы американского «реагирования» преподносились как стремление предотвратить «скатывание» Ближнего Востока в новую войну и даже... воспрепятствовать неминуемой и якобы оправданной в случае успеха ПДС в Иордании интервенции Израиля в эту страну. На самом деле, речь шла о другом – о создании лучших условий для борьбы Израиля против арабских сил сопротивления, мешающих закрепить результаты его экспансионистской линии. В этом убеждает и тот факт, что США в момент столкновений иорданской армии с отрядами палестинского движения сопротив-

ления действовали согласованно с Израилем, причем в вопросах выработки единой военной линии. В создавшейся обстановке «Никсон приказал Киссинджеру стать ключевой американской фигурой для координации американско-израильских действий с Рабином*», – пишут братья Кэлб в своей напумевшей в США благодаря приведенной интереснейшей фактологии книге “Киссинджер”. – Взоры общественности были по-прежнему направлены на Роджерса и Сиско, но задача тихо, без яркого света рекламы, без полного осведомления Государственного департамента, договориться о беспрецедентном и секретном американско-израильском понимании совместных военных действий в иорданском кризисе была возложена на плечи Киссинджера и Рабина**». Те же два журналиста, в течение многих лет работавшие с Киссинджером и знакомые с «кухней» администрации США, в следующих словах описывают эту «беспрецедентную» координацию: «Киссинджер немедленно позвонил Рабину, и они начали работать (Рабин впоследствии шутил с гордостью, что он теперь знает больше тайных входов и выходов из особняка исполнительной власти, чем секретные службы). Рабин с разрешения Даяна знакомил Киссинджера в полном объеме с израильскими военными планами и два раза в день предоставлял ему сводку, подготовленную израильской разведкой***». Согласно этим планам, по словам братьев Кэлб, намечался израильский удар по сирийским танкам, находящимся на иорданской территории в районе Ирбиды. Рабин проинформировал Киссинджера о намерении Израиля «направить» на территорию Иордании свои вооруженные силы. Были согласованы сухопутные и военно-воздушные действия Израиля и непосредственно против Сирии, «но не в деталях».

* В ту пору Рабин был послом Израиля в США.

** *Kalb M., Kalb B. Kissinger.* – Boston and Toronto: Little, Brown & Co., 1974. – P. 235.

*** Там же. – P. 236–237.

Со своей стороны США привели в состояние повышенной боевой готовности свои военно-морские силы в Средиземноморье.

Вскоре положение в Иордании разрядилось. Естественно, это произошло не в результате мер «кризисного реагирования», совместно предпринятых США и Израилем, а благодаря усилиям президента Насера, ряда других арабских деятелей, которые на совещании глав арабских государств, срочно созванном в Каире, смогли договориться об условиях прекращения огня в Иордании. Решения каирской встречи в верхах приняли и председатель исполкома ООП Ясир Арафат, и король Иордании Хусейн.

Что касается выработки совместной американско-израильской позиции, то это был типичный пример, иллюстрирующий попытки США активно «управлять» ближневосточным конфликтом, «контролировать» его развитие в своих интересах. В то же время выработка такой позиции США и Израиля, причем по вопросу совместного военного планирования, была качественным сдвигом, свидетельствующим о том, что отношения США и Израиля становятся все более органичными и тесными. «Киссинджер и Рабин пожали друг другу руки, – пишут М. и Б. Кэлб. – Вместе с иорданским кризисом их неразрекламированное взаимопонимание ушло в историю, хотя они оба поняли, что прецедент состоялся»*.

IV. «Сбалансированный» курс – антиарабская политика другими средствами

Каирское совещание в верхах, созванное для обсуждения событий в Иордании, было последним, в котором принял участие президент Насер. Во время совещания Насер

* Там же. – Р. 239.

не спал подряд несколько суток. Не жалея здоровья, подорванного тяжелой работой, он многое сделал для того, чтобы вывести арабский мир из опасного иорданского кризиса. 28 сентября 1970 г. жизнь президента Насера оборвалась. С его смертью Египет, весь арабский мир потерял выдающегося, снискавшего широкую известность и популярность государственного деятеля, борца против империализма, за счастье и прогресс своего народа, искреннего и большого друга Советского Союза.

После смерти египетского президента США сделали ставку на максимальное использование некоторых тенденций и процессов в Египте, которые в то время еще не означали отхода от линии Насера, хотя все-таки были чреваты отдельными элементами такого отхода или отступления. Существовали и другие факторы, подготавливавшие активизацию американской политики на Ближнем Востоке. Во время иорданского кризиса, как уже говорилось, проявилось единство США с Израилем, но это произошло в момент перерастания конфликта в кризисную стадию. Что касается другой стадии – «более плавной», в которую конфликт вступил после прекращения иорданского кризиса, – то здесь Соединенным Штатам начинала мешать негибкая, бескомпромиссная экстремистская линия Израиля. Одновременно США понимали, что такая линия заводит в тупик их союзника.

В конце декабря 1970 г. Израиль под давлением мировой общественности вынужден был согласиться на возобновление миссии представителя генерального секретаря ООН. При этом израильские руководители, очевидно, рассчитывали на то, что эта миссия не будет иметь практического значения и согласие на ее возобновление не вызовет необходимости детально определить позицию Израиля. Однако 8 февраля 1971 г., судя по реакции Тель-Авива, неожиданно для израильского руководства Г. Ярринг направил Египту и Израилю идентичные меморандумы с просьбой дать некоторые

предварительные обязательства по претворению в жизнь резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г. Как позднее разъяснил в своем докладе по Ближнему Востоку генеральный секретарь ООН У Тан, «инициатива посла Ярринга была основана на том, что эти обязательства должны быть даны одновременно и на взаимной основе... Израиль должен дать обязательство отвести свои силы с оккупированной территории Объединенной Арабской Республики... Объединенная Арабская Республика должна дать обязательство вступить в соглашение о мире с Израилем»*.

15 февраля Г. Ярринг получил ответ Египта, в котором указывалось, что при условии вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий Египет согласен осуществить все мероприятия, перечисленные в меморандуме Ярринга, в том числе: прекратить состояние войны с Израилем; пойти на создание демилитаризованных зон по обеим сторонам границы; согласиться на ввод войск ООН в ряд пунктов; принять гарантии границ всех государств, расположенных в этом районе, включая и Израиль, со стороны великих держав; осуществить меры, чтобы территория Египта не использовалась во враждебных для других государств целях; обеспечить свободу судоходства для судов всех стран по всем морским путям района, в том числе по Суэцкому каналу.

Что касается Израиля, то он не дал официального ответа на поставленные Яррингом вопросы. Простое сопоставление позиций Египта и Израиля со всей очевидностью показывало, кто препятствует урегулированию на Ближнем Востоке. «Мне хочется с удовлетворением отметить позитивный ответ, данный Объединенной Арабской Республикой на инициативу посла Ярринга, – подчеркнул в докладе по Ближнему Востоку генеральный

* Международный ежегодник. Политика и экономика. 1972. – М., 1972. – С. 212.

секретарь ООН У Тан.— Однако правительство Израиля до сих пор не ответило на просьбу посла Ярринга дать какие-то обязательства насчет отвода войск»*.

Почти одновременно Израиль продемонстрировал свой безусловный негативизм, нежелание решать вопросы политическими методами, торпедировав предложение Египта от 4 февраля о том, чтобы в рамках общего урегулирования ближневосточной проблемы на основе резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 г. отвести израильские войска на определенную дистанцию от Суэцкого канала и начать расчистку этого важного морского пути. В это время линия Египта на промежуточные меры не противоречила интересам арабских стран. Речь шла не о частичных, а о промежуточных решениях в рамках общего согласованного плана о выводе израильских войск со всех арабских территорий. Предложение Египта от 4 февраля 1971 г. кардинальным образом отличалось от тех частичных решений, на которые Египет пошел в 1973–1974 гг.

Меир вначале прямо и категорично отвергла предложение Египта об открытии Суэцкого канала. Но после того как явно обозначилось настроение мировой общественности в пользу открытия канала, израильские лидеры попытались создать иллюзию своего положительного подхода к этой идее. Однако «пересмотр позиций» был осуществлен таким образом, чтобы ликвидировать мирную инициативу Египта. Израильские руководители заявили, что «промежуточное урегулирование» может состояться лишь в том случае, если оно будет рассматриваться в качестве самостоятельного соглашения, не связанного с общим, предусматривающим вывод израильских войск с оккупированных во время войны в июне 1967 г. территорий. Одновременно израильское руководство наотрез отказалось рассматривать вопрос о возмож-

* Там же.

ности перехода египетской армии через Суэцкий канал. Так Израиль практически заблокировал возможность соглашения с Египтом о промежуточном урегулировании. Его осуществление на израильских условиях – и это тогда отлично понимало египетское руководство – способствовало бы сохранению израильской оккупации на значительной части Синая и на Западном берегу реки Иордан.

Таким образом, обструкционистская политика Тель-Авива привела, с одной стороны, к практическому прекращению миссии Ярринга, который заявил, что без положительного ответа Израиля на его меморандум он не может продолжать свою деятельность в качестве посредника по мирному урегулированию на Ближнем Востоке, и, с другой стороны, к срыву мирной инициативы Египта по открытию Суэцкого канала.

Именно в этих условиях в Вашингтоне было объявлено в конце апреля 1971 г., что государственный секретарь США совершит поездку по странам этого района, посетит Египет и Израиль. Визиты государственного секретаря США У. Роджерса и его помощника Дж. Сиско состоялись в мае того же года. Они имели встречи и беседы с руководителями Египта и Израиля. Одновременно произошел обмен посланиями между президентом Никсоном и Голдой Меир, президентом Никсоном и президентом Анваром Садатом. В мире заговорили о новой «посреднической миссии» Соединенных Штатов. В чем был ее смысл?

Во-первых, Соединенные Штаты политически активизировались на Ближнем Востоке, когда обструкционистская политика Израиля стала предметом решительного осуждения со стороны различных кругов мировой общественности, в том числе и тех, которые на предыдущих этапах развития ближневосточного кризиса отличались своими односторонне произраильскими симпатиями. После отказа Израиля положительно ответить на мемо-

рандум Ярринга были выдвинуты требования, особенно со стороны некоторых государств Азии и Африки, применить в отношении Израиля санкции. В этой связи многие непредубежденные наблюдатели считали, что США начали «посредническую миссию» с целью предотвратить полную международную изоляцию своего израильского союзника, вывести его из-под удара.

Во-вторых, целью американской миссии «добрых услуг» было оказать давление на Египет в пользу частичного урегулирования.

В-третьих, Соединенные Штаты, очевидно, имели в виду активизировать своих сторонников в ряде арабских стран. Накануне поездки Роджерса на Ближний Восток в некоторых каирских газетах появились статьи, авторы которых писали, что «ключ» от ближневосточного урегулирования находится якобы в руках Соединенных Штатов. В таких статьях проводилась мысль о необходимости «более гибкой» политики арабских стран в отношении США. Провозглашая свою «посредническую миссию», Вашингтон пытался создать иллюзию, будто он отказывается от произраильской односторонности в подходе к ближневосточному конфликту. Было очевидно, что таким путем США стремились помочь прозападным элементам в ряде арабских стран взять верх и повести дело к изменению политического курса этих стран.

В-четвертых, американские политики стремились ослабить связи между арабскими странами и Советским Союзом. Большие надежды в связи с этим возлагались на развитие событий в Египте после мая 1971 г. Как известно, в это время с руководящих постов в государственном аппарате и в руководящих органах Арабского социалистического союза был снят целый ряд деятелей, обвиненных в заговоре против президента Садата. Была сделана явная попытка использовать эти внутренние события для того, чтобы посеять рознь между Египтом и Советским Союзом.

В то время эти усилия не увенчались успехом. В Каир вылетела представительная делегация Советского Союза. 27 мая 1971 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Египтом, который не только подвел итог длительных и многосторонних связей между двумя странами, успешно развивавшихся в течение многих лет, но и наметил широкие перспективы такого сотрудничества на будущее.

В дальнейшем, как известно, тенденция на ухудшение отношений с СССР, перевода их на значительно более низкий уровень, чем это было при президенте Насере, нашла свое развитие в политике Египта. Результатом была денонсация в одностороннем порядке президентом Садатом советско-египетского договора о сотрудничестве. Но этого арабские правые и их покровители смогли добиться позже. Сразу же после кончины Насера они еще не располагали достаточными возможностями для осуществления такого поворота.

В период, непосредственно последовавший за смертью выдающегося египетского руководителя, и американская политика, несмотря на свою явную активизацию, не могла сразу добиться успехов в деле навязывания арабской стороне капитулянтской позиции. Это нашло выражение, в частности, в бесспорном желании египетского руководства расширять многостороннее сотрудничество с СССР, высказанном после смерти Насера. В ходе советско-египетских переговоров в октябре 1970 г. Садат заявил: «Как исполняющий обязанности президента республики, я хочу заявить следующее: мы настойчиво просим об оставлении в стране советского военного персонала. На основании желания и воли нашего народа, вооруженных сил, руководства Арабского социалистического союза и правительства я буду просить даже об увеличении этого персонала». В таких условиях, чтобы создать соответствующий «фон» для политического маневрирования в арабском мире, руководство Госде-

партамента США вынуждено было делать некоторые намеки на возможность ограничения поставок из Соединенных Штатов вооружения Израилю. Однако поток истребителей-бомбардировщиков «Фантом», «Скайхок», запасных частей к ним, ракет класса «воздух–земля» и другого вооружения в Израиль практически остановлен не был. Более того, именно в 1971 г. интенсивно разрабатывались проекты помощи США Израилю на предмет «обеспечения» его всем необходимым ему вооружением. В начале 1972 г. США официально заявили о том, что Израилю будет поставлена новая партия «Фантомов».

Это нежелание, а вероятно, и невозможность Вашингтона, учитывая его традиционные связи с израильскими экспансионистскими кругами и значительное влияние «израильского лобби» внутри Соединенных Штатов, прекратить поставки наступательного оружия Израилю сыграли большую роль в разоблачении сущности ближневосточной позиции США, создали серьезное препятствие на пути осуществления «обновленной» американской тактики в отношении ближневосточного конфликта. Тем более что американские поставки вооружения Израилю разворачивались в условиях, когда на Западе вскрылись разногласия по этому вопросу. Существенно отличалась от американской политика Франции, правительство которой еще раз подтвердило решения, принятые покойным президентом де Голлем, о прекращении поставок Израилю всех видов вооружения, прежде всего самолетов «Мираж». Сделка на поставку 50 таких самолетов была окончательно расторгнута Парижем, и 15 февраля 1972 г. подписано соглашение о возвращении Израилю аванса.

В принципе и на практике не отказываясь от вооружения Израиля, Соединенные Штаты вместе с тем продолжали осуществлять свою линию, нацеленную главным образом на то, чтобы ослабить узы, связывающие арабские страны, и в первую очередь Египет, с Советским

Союзом. В Вашингтоне достаточно хорошо представляли себе, что лишь таким путем США обретают возможность для маневрирования с целью «контролирования» ближневосточного конфликта в выгодном для себя и Израиля направлении.

Одна из решавшихся при этом задач заключалась в ослаблении антиимпериалистических, прогрессивных и укреплении прозападных, консервативных арабских режимов. Может быть, с наибольшей откровенностью об этих мотивах ближневосточной политики США сказал 26 июля 1970 г. во время закрытой встречи с представителями американской печати помощник президента по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджер: «Мы пытаемся добиться урегулирования [ближневосточного конфликта. – *Е.П.*] таким путем, чтобы укрепились умеренные режимы, а не радикальные. Мы пытаемся покончить с советским военным присутствием...» Характерно, что при этом Киссинджер прямо упомянул о советских военных советниках*, и это, очевидно, было соответствующим образом расценено в правых кругах Каира, которые, не находясь в то время у власти, тем не менее начинали исподволь усиливать активность.

Этот мотив – и примерно в тех же выражениях – звучал подряд в нескольких заявлениях Киссинджера. Позже М. и Б. Кэлб напишут: «Суть дела для Киссинджера заключалась в том, что он мысленно видел время, когда египтяне прочтут определенные сигналы в международной атмосфере и сами примут решение покончить с русским присутствием**». Трудно согласиться с представлением о «чудодейственной прозорливости» Киссинджера, который еще при жизни Насера, за несколько месяцев до его неожиданной смерти, мог предвидеть перипетии внутриполитической борьбы и порожденные ее итогами

* *Kalb M., Kalb B. Kissinger. – P. 222.*

** Там же. – P. 223.

сдвиги в египетском руководстве и политике. Вместе с тем Киссинджер действительно хотел направить «сигнал» тем, кто в Египте уже начинал к тому времени пропагандировать тезис о том, что «ключи от ближневосточного урегулирования находятся исключительно в руках Соединенных Штатов».

После смерти Насера такие «сигналы» стали направляться уже непосредственно новому египетскому руководству.

Есть основания считать, что к этому времени уже начался конкретный разговор о «цене» за одностороннее решение Садата о прекращении миссии советских военных советников в Египте. В своей книге «Путь к Рамадану» Хейкал, придавая этому факту большое значение, пишет о приезде (в первой половине ноября 1970 г.) в Каир вскоре после смерти Насера одного из «сильных» и наиболее доверенных людей короля Саудовской Аравии Фейсала – его зятя и советника Камеля Адхама, осуществлявшего общий контроль за деятельностью саудовских секретных служб. В беседе с Садатом «он говорил о присутствии русских в Египте, – пишет Хейкал, – подчеркнув, насколько это тревожит американцев». Президент Садат ответил К. Адхаму, что он «зависит от Советского Союза, поскольку американцы снабжают Израиль всем тем, что тот запрашивает», но добавил, что «в случае окончания первого этапа вывода израильских войск он мог бы дать обещание избавиться от русских. Камель Адхам спросил президента Садата, может ли он передать эти слова американцам, и президент сказал, что может»*.

Безусловно, этот разговор был передан по назначению, и закономерно предположить, что в дальнейшем переговоры по этому вопросу происходили по двум ка-

* *Heikal M.H.* The Road to Ramadan. – London: Collins, 1975. – P. 119–120.

налам – через саудовцев и непосредственно американско-египетскому.

В США в начале 1976 была опубликована сенсационная статья профессора Гарвардского университета Эдварда Шихана о ближневосточной миссии Киссинджера. По словам газеты «The New York Times», «сотрудники Государственного департамента заявили, что Шихан имел множество бесед с главными помощниками Киссинджера, участвовавшими в дипломатических операциях на Ближнем Востоке. Они сообщали, что эти контакты имели место с одобрения Киссинджера, хотя он отрицал, что одобрил допуск Шихана к секретным материалам – записям бесед с ближневосточными руководителями»*. Те, кто это сделал, заявил Киссинджер в кратком интервью, «допустили грубое нарушение секретности и серьезный просчет», добавив, что был «поражен», увидев эти материалы в печати. Существует и другая версия: статья Шихана, а затем и книга, развернутая из этой статьи, под названием «Арабы, израильтяне и Киссинджер» стали результатом «утечки» информации, организованной государственным секретарем не без умысла саморекламы. Однако в любом случае точность приведенной Шиханом информации ни в коей мере не была подвергнута сомнению ни Госдепартаментом США, ни самим государственным секретарем.

Роджерс сообщил Садату в Дайре, пишет Э. Шихан, «что Никсон, возможно, пошел бы навстречу, если бы Садат уменьшил советское присутствие в Египте, а Киссинджер с известной неосторожностью уже до этого заявил, что американская цель заключается в том, чтобы “выгнать” русских... Каковы бы ни были его непосредственные мотивы [Садата. – *Е.П.*], он, должно быть, знал, что высылка советников будет расценена как еще один призыв к предоставлению американской помощи»**.

* The New York Times, 6 марта 1976.

** Foreign Policy. – Spring 1976. – P. 9–10.

За день до того, как Садат принял решение прекратить миссию советских военных советников, он имел еще одну встречу со специальным посланником короля Саудовской Аравии – министром обороны принцем Султаном. На закрытой встрече с редакторами каирских газет Садат позже рассказал, что принц Султан передал ему известие от американцев, напоминавшее, что «ключ от ситуации у них в руках». Принц Султан приехал к нему прямо из Вашингтона. В это же время в Каире «случайно» оказался и Камель Адхам. Сообщив об этих фактах, Хейкал снабдил их более чем определенным комментарием: «Была ли связь между этими фактами [встречей с саудовцами и решением Садата о “паузе” в отношениях с Советским Союзом, о чем он заявил во всеуслышание. – *Е.П.*] и был ли король Фейсал информирован о мерах, которые намеревался осуществить президент, я не знаю, и, пожалуй, никто из нас не узнает, если только президент Садат не решит сам сказать об этом»*.

Со стороны США не последовало никакой открытой, официальной реакции на «жест» Садата, явно сделанный с намерением пройти значительную часть пути навстречу Вашингтону. Но Киссинджер подготовил несколько секретных посланий за подписью Никсона, которые, как свидетельствует Э. Шихан, затем были переправлены по каналам разведки прямо к Садату через Хафеза Исмаила – советника президента Египта по вопросам национальной безопасности. В посланиях констатировалось, что удаление советников является важным актом, и содержалось заверение, что администрация США займется Ближним Востоком, как только закончатся президентские выборы и завершатся переговоры по Вьетнаму**.

* *Heikal M.H.* The Road to Ramadan. – P. 183.

** Foreign Policy. – Spring 1976. – P. 9–10.

На страницах американских газет распространялась версия, что Киссинджер был «крайне удивлен» неожиданным решением Садата. «Почему Садат сделал мне эту любезность? – спрашивал он своих коллег. – Почему не потребовал у меня сначала любых уступок?»*

Подобная реакция на якобы «неожиданное» и «бескорыстное» решение о прекращении миссии советских военных советников в Египте выглядит абсолютно искусственной, нежизненной. Вашингтон всей своей политикой и косвенно, и прямо подталкивал египетское руководство к этому решению.

Через год с небольшим после смерти Насера США установили два канала связи с высшим египетским руководством. «Существовал нормальный канал из одного министерства иностранных дел в другое, и наряду с этим была также скрытая связь – через нашу собственную разведывательную службу и ЦРУ (всегда особенно активную на Ближнем Востоке)», – пишет Хейкал**. Оба этих канала действовали постоянно.

Наряду с ними осуществлялись одноразовые встречи на высоком уровне. Пожалуй, наиболее важный из таких контактов (до личной встречи Садата с Киссинджером в ноябре 1973 г.) состоялся во время визита Хафеза Исмаила в США 23–25 февраля 1973 г. Короткая протокольная часть этого визита – посещение Х. Исмаилом Белого дома и его встреча с президентом Никсоном – широко освещалась по американскому телевидению и в прессе; длительные секретные переговоры Х. Исмаила с Г. Киссинджером, естественно, огласке не предавались. Во время бесед Киссинджера с Исмаилом выявились две цели, которые ставила перед собой американская политика: добиться ослабления позиций СССР на Ближнем Востоке и подготовить условия для самостоятельной

* Там же. – Р. 9.

** *Heikal M.H.* The Road to Ramadan. – Р. 199.

посреднической миссии. «США были готовы на проведение общей дискуссии по проблемам Ближнего Востока с Советским Союзом, но когда речь шла о конкретных проблемах, они предпочитали иметь дело исключительно с непосредственно затронутыми сторонами»*, – к такому выводу пришел Хейкал, оценивая донесения Х. Исмаила в Каир.

Эти две цели, будучи объединенными, выливались в единое стремление США использовать свою посредническую миссию для навязывания арабам неприемлемых для них условий урегулирования, укрепления позиций Израиля.

Во время поездки Х. Исмаила в США было решено, что наряду с открытыми контактами через Государственный департамент США устанавливается глубоко законспирированная, совершенно секретная связь египетского руководства лично с Г. Киссинджером, которому, как сказал Х. Исмаилу президент Никсон, он поручает осуществление процесса урегулирования ближневосточного конфликта. Об этой связи не должны знать даже Государственный департамент, добавил, по свидетельству М.Х. Хейкала, Р. Никсон.

В это время со стороны египетского руководства, которое взяло в свою очередь курс на усиление связей с Западом, предпринимались различные шаги, направленные на то, чтобы ни в коем случае не обострять отношений с США. Даже в том случае, если действия США в Египте приходили в противоречие с его суверенитетом или если в жертву процессу улучшения египетско-американских отношений нужно было приносить интересы дружбы с СССР.

Так было, например, в связи с так называемым делом Рандопуло в конце 1971 г. Египетский подданный, грек по происхождению Рандопуло, будучи управляющим

* Там же. – Р. 202.

крупного поместья, расположенного вблизи военно-воздушной базы, вел шпионаж в пользу Соединенных Штатов. Он был связан с работником ЦРУ мисс Суэйн, официально являвшейся техническим секретарем отдела виз американского консульства в Каире. Египетские органы безопасности арестовали Рандопуло и Суэйн. По словам М.Х. Хейкала, руководитель сети ЦРУ в Египте некий Юджин Трон, имевший дипломатическое прикрытие в качестве члена миссии, наблюдавшей после разрыва дипломатических отношений Египта с США за американскими интересами в этой стране, написал «чрезвычайно искреннее письмо» начальнику службы общей разведки АРЕ, которым в то время был генерал Ахмед Исмаил Али. «Я хочу, чтобы вы поняли, – писал резидент ЦРУ, – что Египет не является целью этой разведки... На базе находились русские [военные специалисты. – *Е.П.*], и нас интересовало, что они там делают. Мы шпионили за ними, а не за вами»*. Объяснения были приняты. В начале 1972 г. американская шпионка была освобождена, а Рандопуло умер от сердечного приступа в тюрьме. Инцидент был закрыт: он не должен был мешать общему «флирту» между двумя странами – Египтом и США. Со стороны США тоже было сделано все, чтобы «закрыть» «дело Рандопуло», – американский дипломатический представитель Бергус вместе с Ю. Троном посетил в сентябре 1971 г. начальника египетской разведки и принес ему свои извинения.

«Флирт» с Египтом был лишь одной стороной в американской игре на Ближнем Востоке. Ее другой, причем определяющей, стороной продолжали оставаться тесные доверительные отношения с Израилем и политика, направленная на непрерывное вооружение его армии самым современным оружием. Характерно, что обласканный Никсоном и Киссинджером Хафез Исмаил, еще

* Там же. – Р. 150.

не успев возвратиться из Вашингтона в Каир, в феврале 1973 г. в Париже прочел сообщение «The New York Times» о том, что президент США решил поставить Израилю 48 «Фантомов» и 36 «Скайхоков». «По своим секретным каналам, – пишет Э. Шихан, – Киссинджер поспешил заверить Садата, что сообщение является ложным и что израильская просьба (ожидающая решения) все еще находится в процессе “рассмотрения”. Киссинджер негодовал в связи с просочившейся информацией, потому что она подрывала его переговоры с Исмаилом. Однако сообщение было не ложным, а только преждевременным; весной Никсон подтвердил его»*.

В октябре 1973 г. вспыхнула четвертая арабо-израильская война. В дальнейшем изложении будут показаны конкретные причины, приведшие к тому, что ближневосточный конфликт вновь перерос в октябре в кризисную стадию. Не последнее место среди них занимала длительная линия США в отношении ближневосточного конфликта.

Позиция Соединенных Штатов во время войны ни в коей мере не могла быть определена как проявление «сбалансированности» в подходе к обеим сторонам, вовлеченным в конфликт. Вопреки всему, в том числе реальной угрозе нефтяного эмбарго с весьма серьезными последствиями для экономики Соединенных Штатов и их союзников, США решили поддержать Израиль. Вашингтон установил «воздушный мост» для снабжения Израиля оружием и боеприпасами. Много споров и различных суждений вызвала затяжка на несколько дней открытия этого моста. Некоторые склонны обвинить в этом «технократов» из Пентагона, другие считают, что Киссинджер «вел свою игру», пытаясь создать максимально благоприятные условия для начала «посреднической миссии» США и не опасаясь, что такая за-

* Foreign Policy. – Spring 1976. – P. 10.

держка создаст трудности для Израиля. «Даже если бы израильяне не получили то оружие, которое мы послали им, они не были бы в бессильной позиции. Они подготовили свою контратаку через Суэцкий канал до того, как получили нашу помощь»*, – сказал Киссинджер Хейкалу. Так или иначе, ясно одно: США, как всегда в критических ситуациях, полностью приняли сторону Израиля.

Это с большой наглядностью проявилось и в дипломатических шагах Соединенных Штатов во время и после Октябрьской войны. Это обозначилось и в послании о выделении 2,2 миллиарда долларов на срочную военную помощь Израилю, с которым президент США обратился к Конгрессу. Всем было понятно, что выделение запрошенной огромной суммы уже не имело непосредственного отношения к военным действиям (поскольку ее реализация не могла быть осуществлена немедленно), но призвано было поддержать психологически Израиль, оказать психологическое давление на арабов и, что, пожалуй, еще более важно, дать гарантию Тель-Авиву укрепления его военного потенциала, используемого израильским руководством для сохранения захваченных арабских земель, уже после того, как будет осуществлено прекращение огня в Октябрьской войне. Одновременно с этим и, очевидно, также в «психологических целях» США перебазировали свой шестой флот, подкрепленный несколькими авианосцами, в восточную часть Средиземного моря.

Никаких сомнений в истинной направленности политики США не оставляет американская позиция по вопросу о прекращении огня во время войны в октябре 1973 г. Особый интерес вызывают, естественно, переговоры, которые вел в этой связи государственный секретарь США с израильскими руководителями. О содержании его бесед

* *Kalb M., Kalb B. Kissinger.* – P. 578.

пишет главный дипломатический корреспондент израильской газеты «Гаарец» Матти Голан в книге «Тайные беседы Генри Киссинджера», изданной в США в 1976 г. Первый вариант книги был запрещен израильской военной цензурой. Главный цензор в официальном письме автору мотивировал запрет книги тем, что «книга почти полностью базируется на секретной и особо секретной информации и цитирует загрифованные документы»*. Сам М. Голан не делает тайны из источника своей информации. Материалы для книги, по его словам, он получил в виде «аутентичного текста» от «одной высокой персоны», и у него сложилось впечатление, что «кое-кто в израильском правительстве заинтересован в публикации материала»**. Это, очевидно, совпало с тем периодом, когда не все в высшем израильском руководстве были удовлетворены заигрыванием США с президентом Сададом. В дальнейшем израильский кабинет рассматривал вопрос о книге М. Голана на своем заседании и, «руководствуясь соображениями безопасности государства», трактуемыми как «опасения» того, что будет нанесен ущерб отношениям Израиля с США, принял решение не издавать книгу. Второй вариант книги был написан в значительно смягченной форме для публикации за границей, но даже он содержит информацию, причем, судя по всей предыстории издания и отсутствию реакции Госдепартамента США, вполне достоверную, проливающую свет на мотивы и характер многих американских дипломатических действий во время и после Октябрьской войны 1973 г.

Итак, как же реагировали США на необходимость прекращения огня на Ближнем Востоке в октябре 1973 г.? Как известно, предложение о прекращении огня

* *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger. – New York: Quadrangle Press, 1976. – P. 8.*

** Там же. – P. 14.

было впервые включено в резолюцию Совета Безопасности ООН № 338, проект которой был разработан во время визита Киссинджера в Москву. Призыв немедленного прекращения огня в этой резолюции, принятой Советом Безопасности 22 октября, сразу выполнен не был. Израильские войска активизировали военные действия, пытаясь завершить окружение и нанести удар по третьей египетской армии, находившейся на восточном берегу Суэцкого канала, в Синайской пустыне. В американской прессе и позже в литературе, посвященной Октябрьской войне, появилась версия, согласно которой американские руководители «оказывали давление на Израиль» с целью заставить его прекратить огонь. Такое освещение событий оказалось далеко не точным.

22 октября, через несколько часов после принятия Советом Безопасности резолюции № 338, самолет государственного секретаря США приземлился в аэропорту Лод, в Израиле. Он сразу же имел встречу сначала с группой, входящей в «кухонный кабинет» Г. Меир (несколько высших руководителей, обычно собиравшихся на кухне в доме Меир для решения наиболее важных вопросов), а затем на совещание пригласили начальника генерального штаба израильской армии и некоторых других генералов, для того чтобы информировать государственного секретаря о военном положении. «Киссинджер в конце концов спросил, – пишет М. Голан, – сколько дней необходимо, чтобы завершить окружение двух египетских армий на восточном берегу Суэцкого канала. Начальник генштаба Элазар назвал семь дней, командующий ВВС бригадный генерал Пелед – другой срок: два-три дня. Киссинджер ответил: “Два или три дня? И это все? Во Вьетнаме прекращение огня не вступило в силу в то время, о котором была достигнута договоренность”. Хозяева, принимавшие Киссинджера, – пишет М. Голан, – не просили дальнейших объяснений. Его слова прозвучали для них как косвенный призыв продолжать

боевые действия». Это впечатление, свидетельствует М. Голан, усилилось, когда обсуждался вопрос о наблюдении за прекращением огня. Израильцы интерпретировали замечание Киссинджера «как показатель того, что он не был бы недоволен, если бы боевые действия продолжались и после дня прекращения огня»*.

Интересно отметить, что в своих выступлениях президент Садат не раз упоминал о том, что государственный секретарь США категорически предупреждал его против попыток ударить по израильскому плацдарму на западном берегу канала. Фронт представлял собой «слоеный пирог». Если говорить об окружении египетской армии на восточном берегу, то с достаточными основаниями можно было говорить о том, что в аналогичном положении находились на западном берегу Суэцкого канала танки израильского генерала Шарона – плацдарм сообщался с основным расположением израильских войск на Синае понтонной переправой через канал и узким, в 6 км, коридором, который ряд египетских генералов предлагали перерезать. Президент Садат позже скажет, что у него было значительное превосходство в огневой мощи – 2:1, но он не начал операции, так как Г. Киссинджер заявил ему, что США не потерпят поражения израильтян.

Как видно, Соединенные Штаты совершенно по-разному подходили к ситуации, сложившейся на восточном и западном берегах канала. Произраильский характер политики США был более чем очевидным. И это самым непосредственным образом сказалось на итогах военных действий, особенно на заключительном этапе.

Существовала ли предварительная договоренность А. Садата с Г. Киссинджером об ограниченном характере военных операций с египетской стороны, призванных лишь «разморозить» конфликт и дать импульс урегулированию, осуществляемому при посредничестве амери-

* Там же. – Р. 86–87.

канцев, или такой формальной договоренности заранее не было, а согласованность проявилась уже в процессе войны? Так или иначе, но сам президент Садат в своих выступлениях неоднократно признавал, что военные действия со стороны Египта могли бы, в случае если бы он «не рисковал в политическом плане», иметь более опасный для Израиля характер. С этой точки зрения характерно развитие событий в связи с израильским танковым прорывом на западный берег Суэцкого канала. Обратимся к описанию событий, данному М.Х. Хейкалом. Когда израильтяне убедились, что в бой введены египетские стратегические резервы, Шарон отдал окончательный приказ о начале атаки через канал, что и было сделано 15 октября. В районе Деверсуара и Абу-Султана между двумя египетскими армиями существовал 40-километровый никем не обороняемый разрыв – израильские войска на «амфибиях» форсировали Большие горькие озера и быстро захватили плацдарм на западном берегу. Удивительно, что в районе переправы основных сил Шарона, на линии Бар-Лева, сохранился израильский опорный пункт, который не был ни уничтожен египтянами, ни оставлен израильтянами и который оказал большую помощь форсирующим израильским войскам.

«После того как израильские войска создали свои плацдармы, они построили понтонный мост, по которому переправлялись их бронетанковые войска и который находился под защитой дальнобойной и среднего радиуса действия артиллерии и авиации. Первой целью атакующих была Исмаилия, однако им было оказано жестокое сопротивление, и они повернули на юг и запад, быстро захватывая новую территорию». И тут, по мнению Хейкала, произошло неожиданное... «После 17 октября против израильтян не было брошено чрезвычайно боеспособное египетское соединение – 182-я парашютная бригада, состоящая из добровольцев и “командос”».

Части этой бригады уже почти достигли израильских переправ, и входящие в ее состав водолазы собирались взорвать мост, когда был получен приказ отойти и выровнять линию обороны с соседним дивизионом, чтобы не допустить вклинивания. Полковник, командир бригады, не поверил, что приказ исходил от египетского штаба, и попросил подтверждения. Приказ был подтвержден офицером, голос которого был лично ему известен. Однако, пытаясь выиграть время и обеспечить успех своего предприятия, он обратился за подтверждением в генштаб в Каире. Это подтверждение было также дано, и с сожалением он отвел свою руку от израильского горла, к которому был так близок. Артиллерия 2-й армии и часть артиллерии 3-й армии начали обстрел вражеских переправ, добившись многочисленных прямых попаданий, когда они тоже получили приказ отойти, чтобы избежать вклинивания^{*}. Такова, по словам Хейкала, «теневая сторона» операции израильской армии по захвату плацдарма на западном берегу канала, что привело к серьезным военным и политическим результатам, отразившимся на условиях прекращения огня.

Вместе с тем общие итоги Октябрьской войны в серьезной степени повлияли на последующую политику США. Без их анализа невозможно правильно представить характер мер, принятых Вашингтоном в военно-политической и дипломатической областях.

В первые дни войны египетская армия добилась ряда серьезных успехов, форсировав Суэцкий канал на всем его протяжении и прорвав «непрístupную линию Бар-Лева» – огромный песчаный вал с целой сетью укреплений, сооруженных израильянами на восточном берегу Суэцкого канала. Сирийская армия вышла на Голанские высоты. Впоследствии Израилю удалось выровнять военное положение: его танки прорвались на западный

^{*} *Heikal M.H.* The Road to Ramadan. – P. 229–231, 234–235.

берег Суэцкого канала, а также вклинились в сирийскую оборону на узком участке в направлении к Дамаску, продвинувшись примерно на 20 км от линии разграничения сил, существовавшей до 6 октября.

Тем не менее главный вывод, который можно сделать из 20 дней боев (военные действия фактически закончились лишь через три дня после принятия Советом Безопасности ООН резолюции о прекращении огня), заключается в крахе израильской военной доктрины. Эта доктрина исходила из того, что Израиль обладает возможностью и способностью наносить без чувствительных для себя потери удары по арабским странам, выбирая при этом по своему усмотрению место и время для вооруженных действий и односторонне определяя масштабы и степень интенсивности вооруженных столкновений. Израильская военная доктрина, продолжением которой стала и политическая концепция израильского руководства, исходила из «извечной неспособности» арабов оказать существенное сопротивление израильской военной машине и тем более одержать любой, даже «локальный», успех в конфронтации с Тель-Авивом. По существу израильские «стратеги» исключали возможность развертывания активного арабского сопротивления их экспансионистским планам. Одновременно практически игнорировались достоинства тех видов вооружения, которыми овладели некоторые арабские армии.

Военные действия в октябре разрушили ряд стратегических установок израильского генерального штаба. Неожиданно для израильского руководства большими оказались потери израильской армии. Число убитых достигло около 3000 человек. Если считать соотношение убитых и раненых 1:5 (обычно при современной войне это соотношение еще больше), то из строя выбыло весьма значительное число солдат и офицеров. По израильским данным, около 500 солдат и офицеров попали в плен. Конечно, большие потери понесли и арабские

страны, однако потери в войне были особенно чувствительны для Израиля, учитывая колоссальную разницу в людских ресурсах между ним и арабскими странами. Большие потери понес Израиль в военной технике – 900 танков, около 250 боевых самолетов, что составляло примерно половину израильских военно-воздушных сил. «На протяжении короткого периода времени с 1967 г. арабы значительно сузили “технологический” и “качественный” разрыв между ними и Израилем и научились хорошо воевать в современной войне»*, – к такому выводу пришел один из видных исследователей ближневосточного конфликта, бывший израильский офицер, а ныне американский профессор Надав Сафран.

Во время Октябрьской войны был продемонстрирован тот неоспоримый факт, что Израиль перестал господствовать в небе. Египетская и сирийская ПВО оказали эффективное сопротивление израильским военно-воздушным силам. Интересны признания на этот счет американского военного исследователя Дж. Глассмэна. В книге, посвященной ближневосточному конфликту, он так описывает события войны 1973 г.: «Хотя израильтяне имели представление о типах зенитного оружия, которым обладают арабы, они были захвачены врасплох как его эффективностью, так и интенсивностью применения». Автор пишет также о весьма эффективном использовании со стороны египетской пехоты переносного противотанкового оружия. «Несмотря на то что израильские вооруженные силы знали о таком оружии, – пишет Дж. Глассмэн, – некоторые командиры танков были просто поражены его эффективностью, что оказывало большое психологическое воздействие на экипажи боевых машин. Вот как, например, один из командиров танка описывает свое состояние: “Ты катишь на танке в спокойной уверенности в своей неуязвимости и вдруг видишь одно-

* Foreign Affairs. – January 1974. – P. 216.

го-единственного человека с какой-то палкой в 200 ярдах впереди. Нельзя поверить в то, что один человек может разрушить огромную бронированную машину, но через несколько секунд танк становится развалиной»*.

Позднее стало известно, что в ответ на резкую критику министр обороны Израиля М. Даян уже в начале войны подавал заявление об отставке. В этом заявлении он отметил свою «ответственность за неудачи» системы обороны. Отставка Даяна принята не была, так как в тот момент израильские руководители не хотели обострять внутрисполитические противоречия и пытались консолидировать союз различных политических сил, представленных в правительстве. В апреле 1974 г. был опубликован предварительный доклад официальной комиссии, созданной в Израиле под председательством верховного судьи Аграната, для расследования причин неудач Израиля в Октябрьской войне. В январе 1975 г. комиссия Аграната представила окончательный доклад, свидетельствующий о серьезной недооценке израильским командованием военных возможностей арабских стран, о «неподготовленности» израильской армии и отсутствии дисциплины на начальных этапах войны. Уже на основе предварительных выводов комиссии были смещены начальник генерального штаба и руководство разведки израильской армии.

Наконец, во время Октябрьской войны арабские страны впервые использовали в своих интересах такое мощное оружие, как нефть. В результате согласованных мер арабские страны объявили и начали осуществлять замедление нефтедобычи. Сокращение добычи нефти достигло практически 30 % по сравнению с сентябрем 1973 г. Одновременно стал осуществляться бойкот ряда

* *Glassman J.D.* Arms for the Arabs. The Soviet Union and War in the Middle East. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1975. – P. 129.

западных государств, поддерживающих Израиль. Он был применен против США и Голландии, причем вследствие бойкота Голландии перестал функционировать Роттердамский нефтеперерабатывающий узел, снабжавший продуктами из арабской нефти значительное число стран – членов ЕЭС. Третьим направлением «нефтяной войны» арабского мира было резкое повышение цен на нефть. По сравнению с началом октября цены на нефть возросли к концу года в ряде случаев в 4 раза.

Эти меры непосредственно затронули интересы всех развитых капиталистических стран, но в первую очередь западноевропейских государств и Японии, которые почти на 80 % обеспечивают свою потребность в нефти за счет ее ввоза из арабских стран. В меньшей степени «нефтяные меры» арабских стран затронули США, однако и здесь они усилили и обострили процессы, связанные с энергетическим кризисом.

Итак, в результате изменения соотношения сил в ближневосточном конфликте, обострения «нефтяного фактора», а также все большего недовольства негибкой, недальновидной политикой израильского руководства начались серьезные перемены в международной обстановке в пользу арабских государств. Впервые страны – члены ЕЭС выступили 6 ноября 1973 г. с совместным политическим документом в связи с событиями на Ближнем Востоке, в котором содержался призыв к политическому урегулированию конфликта в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 г.

Определило свою позицию в отношении ближневосточного кризиса и японское правительство. Япония, так же как и страны ЕЭС, потребовала претворения в жизнь резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г.

В результате и после Октябрьской войны 1973 г. усилился процесс международной изоляции Израиля. Сле-

дует, очевидно, подчеркнуть, что объяснение этого лежит отнюдь не только в плоскости воздействия «нефтяного фактора» на позицию целого ряда западных стран в отношении ближневосточного конфликта. Как писал один из крупных американских экспертов, бывший представитель США в ООН, профессор Чарльз Йост, «изоляция [Израиля. – Е.П.] лишь частично является результатом арабской нефтяной силы. Изоляция вызывается также ширящейся убежденностью, что Израиль не имеет моральных прав оккупировать – так, как он это делает теперь уже в течение девяти лет, – значительные арабские территории, захваченные во время “шестидневной войны”, или отвергать право палестинцев на самоопределение, то право, которое он на законном основании провозглашает для себя. Эти чувства настолько сильны среди стран третьего мира, что они поддерживают арабов на международных форумах, несмотря на то, что резкий подъем цен на нефть нанес им сильный ущерб»*.

Все большее недовольство проявлялось в Западной Европе, да и в Японии, в связи с той поддержкой, которую оказывали Израилю Соединенные Штаты. Ведь большинство понимало, что США в конечном счете несут ответственность за способность Израиля осуществлять экстремистский курс. ФРГ отказалась разрешить Соединенным Штатам использовать свою территорию для переброски оружия Израилю; Англия и Франция наложили полный запрет на экспорт оружия воюющим странам, включая Израиль. Практически США не могли использовать территорию ни одного своего западноевропейского союзника, за исключением фашистского режима в Португалии, для переброски оружия и боеприпасов израильской армии. Заблокированными в это время оказались и американские военные базы на территории за-

* Yost Ch. W. The Arab-Israeli War: How It Began. – P. 14.

падноевропейских государств – членов НАТО, что, по признанию американских политиков, было для Вашингтона крайне неожиданным. Это вызвало беспрецедентно резкую критику западноевропейских союзников со стороны американских государственных деятелей, в частности министра обороны США.

Разногласия ряда западноевропейских стран с Соединенными Штатами особенно обострились после того, как США, предварительно не проконсультировавшись с союзниками по НАТО, привели в состояние повышенной боевой готовности свои вооруженные силы на многих базах, в том числе и в Европе.

Дело было далеко не только в той «гегемонистской» в отношении своих союзников манере, в которой Вашингтон осуществил свою акцию. Партнеры США, как, впрочем, и многие другие, считали, что приведение в повышенную боевую готовность вооруженных сил США во всем мире не имело какой-либо необходимости и заслуживающего внимания обоснования. Позже в американской прессе появилась не соответствующая действительности версия о том, что эта мера США якобы была вызвана реальностью одностороннего вмешательства СССР на Ближнем Востоке. На самом деле, как отмечали многие обозреватели, мера, принятая Белым домом, носила демонстративный характер и главным образом имела внутреннюю направленность: в условиях уотергейтского скандала и в момент нападок на президента Никсона он и его непосредственное окружение хотели продемонстрировать свою «твердость», «дееспособность», когда на карту ставились интересы США, и отвлечь общественность от сенсационных уотергейтских разоблачений республиканской администрации³⁷. Между тем этот «отвлекающий маневр» усиливал напряженность на глобальном уровне, порождал риск ее эскалации в отношениях США и СССР, что вызвало резкую оппозицию со стороны американских союзников. Западноевропейская

печать писала о том, что американские политики манипулируют своими союзниками, подводя дело вопреки их воле к «критическому порогу» и руководствуясь при этом внутривнутриполитическими соображениями.

Все эти сдвиги и в балансе сил на Ближнем Востоке, и в отношениях США с союзниками в связи с ближневосточным кризисом, и угроза ужесточения арабской нефтяной политики значительно препятствовали проведению курса США на Ближнем Востоке. В том же направлении действовала антиизраильская реакция на события большей части так называемого третьего мира. К концу октября 1973 года число африканских стран, разорвавших дипломатические отношения с Израилем, достигло 24.

Не могло не воздействовать на американскую политику и то, что во время Октябрьской войны на более высокий уровень поднялась солидарность арабских стран. В западной литературе часто делят арабский мир в отношении ближневосточного конфликта на две группы, «два круга» стран. Первый – те арабские государства, которые непосредственно участвуют в вооруженной конфронтации с Израилем. Второй – те, которые не вовлечены в конфликт непосредственно, но не скрывают своего враждебного отношения к израильскому экспансионизму. Во время войны 1973 г. резко активизировалась роль «второго круга», что можно было рассматривать как новый, крайне невыгодный для израильского руководства сдвиг в ближневосточной ситуации.

Этот сдвиг проявился не только в факте согласованности нефтяного нажима на империалистические государства. Многие арабские государства, ранее непосредственно не участвовавшие в конфронтации с Израилем, направили свои войска на сирийский и египетский фронты: один – как Ирак – значительные силы, которые сыграли большую роль в срыве израильского нападения на Дамаск, другие – символическую.

Для покрытия серьезных экономических потерь Египта и Сирии некоторыми нефтедобывающими арабскими странами были выделены миллионные суммы. В эту солидарность оказались вовлеченными и консервативные арабские режимы, даже те, которые рассматривались как достаточно прочные бастионы влияния США. Саудовская Аравия, например, сыграла важную роль в применении «нефтяного оружия» против Соединенных Штатов в октябре. Через месяц король Фейсал сказал государственному секретарю США, что он был вынужден действовать таким образом, и просил США изменить свою ближневосточную политику, чтобы не заставлять его, «друга США», принимать столь трудные для него решения*.

Ряд наблюдателей отмечали, что еще одним серьезным результатом октябрьских событий на Ближнем Востоке был крах усилий антисоветских элементов, пытавшихся разобщить арабский мир и Советский Союз и не брезговавших для этого никакими инсинуациями относительно советской политики. Так, во время октябрьской военной вспышки был полностью развеян ряд антисоветских мифов, усиленно раздуваемых империалистическими, а также арабскими реакционными элементами, начиная с измышлений о качестве оружия, которым располагают Египет и Сирия, и кончая разглашениями об «отходе» Советского Союза от принципиальной позиции поддержки справедливой борьбы арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии.

В этой связи представляют несомненный интерес заявления самого Садата. 7 октября 1973 г. он говорил послу СССР в Каире: «Не могу найти слов, чтобы выразить глубокую благодарность советским руководителям –

* Foreign Policy, Spring 1976.

подлинным друзьям Египта. Это навсегда останется в моем сердце и в сердцах всех египтян». Через четыре дня он вновь заявил советскому послу: «Ваша позиция – это позиция истинных друзей, которые пришли к нам на помощь в самые ответственные и трудные для нас дни. Действия советского руководства являются историческими по своему значению и, несомненно, будут иметь большое влияние не только на ход военных действий, но и на дальнейшие отношения дружбы между нашими странами»*.

На американскую позицию начали оказывать свое влияние и меняющиеся отношения между США и Советским Союзом. Военные действия на Ближнем Востоке в октябре происходили в условиях начавшегося процесса нормализации отношений между странами, входящими в две противоположные мировые общественные системы, в условиях сдвига от холодной войны к разрядке напряженности. Это способствовало как локализации и прекращению военных действий, так и прогрессу последующих мер, принятых с целью привести ближневосточный конфликт к политическому урегулированию.

Впервые в истории арабо-израильского конфликта решение Совета Безопасности ООН о прекращении огня удалось при самой активной роли Советского Союза непосредственно связать с проблемой ликвидации общих причин конфликта. Большим достижением принципиальной и активной политики СССР была выработка резолюции, принятой Советом Безопасности ООН 22 октября, в которой призыв к прекращению огня на Ближнем Востоке выдвигался одновременно с требованием практического осуществления резолюции Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г. Советско-американская резолюция, принятая Советом Безопасности ООН, предусматривала также безотлагательное про-

* Правда, 19 февраля 1977.

ведение политических переговоров между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой.

Энергичная политика Советского Союза продолжала пробивать путь к справедливому и прочному миру на Ближнем Востоке и после того, как правящие круги Израиля, объявив на словах о своем согласии с советско-американской резолюцией, тут же ее нарушили. Уже после одобрения этой резолюции Советом Безопасности Израиль в течение двух дней расширял плацдарм, захваченный на западном берегу Суэцкого канала, что позволило ему затруднить положение 3-й египетской армии, находившейся на восточном берегу Суэцкого канала, перерезав пути ее снабжения продовольствием, водой и боеприпасами. 23 октября Совет Безопасности ООН категорически повторил требование о прекращении огня на Ближнем Востоке. Активная позиция СССР способствовала принятию 25 октября еще одной резолюции Совета Безопасности, предусматривающей создание чрезвычайных вооруженных сил ООН. По просьбе президента Египта Советский Союз направил группу своих представителей в эту страну для наблюдения за осуществлением резолюции Совета Безопасности о прекращении огня*. Вслед за этой мерой Советского Союза США также вынуждены были направить своих представителей на Ближний Восток.

Сочетание решительных мер Советского Союза в поддержку борьбы арабских стран за ликвидацию последствий израильской агрессии с конструктивным курсом, направленным на развитие процесса разрядки международной напряженности, оказало определенное влияние и на позицию Вашингтона. Под воздействием советской политики, а также учитывая те перемены, которые обозначились в военной обстановке на Ближнем Востоке и в

* См.: *Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи.* – Т. 4. – М.: Политиздат, 1974. – С. 322.

политической ситуации в других районах мира, Соединенные Штаты вынуждены были внести ряд коррективов в свою позицию. Эти коррективы были, несомненно, продиктованы и использованием арабскими государствами «нефтяного оружия» против стран, поддерживающих Израиль. В результате всего этого появились некоторые позитивные, конструктивные моменты в позиции США, что также способствовало продвижению к политическому урегулированию на Ближнем Востоке.

Конечно, как уже говорилось, речь шла не об отказе Вашингтона от помощи Израилю. Однако под воздействием обстоятельств США вынуждены были изменить некоторые акценты в своей политике, что было учтено во время контактов Советского Союза с Соединенными Штатами по вопросам ближневосточного урегулирования, проходивших и в Москве, и в Вашингтоне.

Как все это отразилось на общем процессе политического урегулирования ближневосточного конфликта?

В конце декабря стал возможен созыв в Женеве мирной конференции по Ближнему Востоку. После серии предварительных переговоров, в том числе между Советским Союзом и Соединенными Штатами, конференция открылась 21 декабря 1973 г. во Дворце наций в Женеве. От Советского Союза в работе конференции принял участие министр иностранных дел А.А. Громыко, от США – государственный секретарь Г. Киссинджер, от Арабской Республики Египет – премьер-министр и министр иностранных дел И. Фахми, от Королевства Иордании – министр иностранных дел З. ар-Рифаи, от государства Израиль – министр иностранных дел А. Эбан. Заседание открыл генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм.

Следующим шагом было подписание 18 января 1974 г. на 101-м километре дороги Каир – Суэц соглашения между Египтом и Израилем о разведении войск. По этому соглашению израильские войска эвакуировались с плацдарма на западном берегу и отошли вглубь Синая на вос-

точном берегу Суэцкого канала, до перевалов Митла и Гиди. Численность находящихся до перевалов израильских войск была ограничена. Одновременно произошло сокращение численности египетских войск и тяжелой военной техники на восточном берегу канала, куда эти войска переправились во время боевых действий в октябре 1973 г. Между египетскими и израильскими войсками образовалась зона разъединения в 11 км, в которой разместились чрезвычайные силы ООН. Египет и Израиль взяли на себя обязательство воздерживаться от всех военных и полувосстановленных действий с момента подписания соглашения. В соглашении отмечалось, что стороны не рассматривают его как окончательное и оно представляет собой «лишь первый шаг по пути к окончательному, справедливому и прочному миру».

Начало работы Женевской конференции внушало надежды на возможность установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. Такие надежды не были безосновательными, их подкреплял ряд реально существующих факторов или, вернее, ряд появившихся в результате и после октября 1973 г. новых обстоятельств – о них уже говорилось выше, – которые в полной мере начали проецироваться на процесс политического урегулирования, объективно способствуя его развитию. Эти новые обстоятельства, новые возможности можно было бы назвать «потенциалом политического урегулирования». Что вошло в этот «потенциал»?

Во-первых, крах израильской военно-политической доктрины, которая, исходя из «извечности» военного превосходства Израиля над арабскими странами и по сути дела отвергая реальность единства действий арабских стран, в том числе и по нефтяному вопросу, в течение многих лет блокировала путь к прочному и справедливому миру на Ближнем Востоке. Весьма интересно «обобщающее признание» председателя Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдмана, сделанное им 2 января

1975 г. в интервью газете «The Washington Post»: «У меня был вечный спор с Д. Бен-Гурионом [одним из родоначальников израильской военно-политической доктрины. – *Е.П.*]. Все эти годы я считал, что время работает не на Израиль, а он утверждал, что оно работает именно на Израиль. Октябрьская война и нефтяная ситуация, к сожалению, доказывают, что я был прав».

Во-вторых, крах расчетов израильских руководителей на то, что их жесткой, экспансионистской линии в отношении арабских государств, направленной на то, чтобы, в конце концов, навязать им условия мира, односторонне выгодные Израилю, будет способствовать «внешняя среда». Расчет строился на «неизменности» поддержки израильской политики со стороны западноевропейских государств, на возможности нейтрализовать неблагоприятное для экспансионистского курса Израиля воздействие процесса разрядки международной напряженности, предотвратить явное изменение международного общественного мнения, приходящего во все большее противоречие с провозглашенной и проводимой Израилем линией. Разрядка международной напряженности создавала возможности для прямых конструктивных контактов СССР и США, и это становилось явным позитивным элементом для политического урегулирования.

Наконец, в-третьих, обозначился полный провал попыток израильского руководства «нейтрализовать» палестинский фактор, перечеркнуть палестинскую проблему, вывести ее из числа важнейших компонентов ближневосточного урегулирования. Правительство Г. Меир, подобно своим предшественникам, обычно изображало дело так, будто судьба палестинцев касается лишь тех арабских государств, в которых они ныне проживают. Такая постановка вопроса не только свидетельствовала о полном игнорировании израильским руководством того факта, что сам ближневосточный конфликт во многом явился результатом превращения арабов-па-

лестинцев в народ-изгнанник, лишенный возможности воспользоваться естественным и неотъемлемым правом на самоопределение, но и была активным средством срыва любых реалистических подходов к справедливому политическому урегулированию ближневосточного конфликта.

Причем отрицание права палестинского народа на самоопределение вплоть до создания собственного национального государства перешло в виде наследства от правительства Г. Меир к израильскому кабинету И. Рабина, созданному в мае 1974 г. «Новые лица», «новое поколение» на израильском политическом небосклоне (так комментировала уход в отставку Г. Меир и М. Даяна американская и западноевропейская буржуазная печать) в виде эстафеты получили и бережно понесли дальше полностью негативную позицию в отношении палестинской проблемы.

Между тем жизнь нанесла сокрушительные удары по антипалестинской линии израильского руководства. 22 ноября 1974 г. XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, в которой за палестинским народом признавалось право на самоопределение, национальную независимость и суверенитет. Было подтверждено также право палестинцев на возвращение в родные места, из которых они были изгнаны. Особой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Организации освобождения Палестины был предоставлен статус постоянного наблюдателя ООН. Широкое международное признание прав палестинского народа и его законных представителей улучшало перспективы решения палестинской проблемы.

Организация освобождения Палестины и со своей стороны внесла существенный вклад в поиски конструктивного решения этой проблемы. В июне 1974 г. в Каире состоялась сессия Национального совета Палестины – высшего органа ООП. Одним из главных решений сессии

стала впервые провозглашенная задача создания «палестинской власти» на территории Западного берега Иордана и района Газы после вывода оттуда израильских оккупационных войск.

Другим важным решением Национального совета была рекомендация председателю Исполкома ООП Я. Арафату использовать для защиты национальных прав палестинского народа такие формы борьбы, как дипломатические и политические. Это создавало важные условия для участия Организации освобождения Палестины, признаваемой в качестве единственного представителя палестинского народа, в Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку.

Следует отметить, что политическая резолюция Национального Совета Палестины была принята единогласно – за нее проголосовали представители всех организаций, в том числе и тех, которые еще накануне каирской сессии занимали негативную позицию. Правда, в дальнейшем Народный фронт освобождения Палестины, возглавляемый Ж. Хабашем, совместно с двумя другими относительно небольшими палестинскими организациями создал «фронт отказа». Однако преобладающее большинство палестинского движения – «ФАТХ», «Сайка», Демократический фронт освобождения Палестины – осталось с руководителем Исполкома ООП Я. Арафатом.

В результате всего сказанного возможности политического урегулирования после октября 1973 г. стали значительно более благоприятными, чем, пожалуй, за все время существования ближневосточного конфликта. Однако возможности еще не есть реальность, они должны быть претворены в действительность, и средством этого может служить определенная политика. Соединенные Штаты широковещательно заявили о том, что такой политикой является их линия урегулирования «шаг за шагом». На самом деле в результате осуществления этой линии были сделаны шаги в сторону от урегулирования и значитель-

но растрочен тот позитивный потенциал мира, который был с таким трудом накоплен на Ближнем Востоке после октября 1973 г.

Если попытаться проанализировать американские меры после октября 1973 г., то можно прийти к выводу, что они преследовали достижение комплекса целей:

- изоляцию арабов от СССР;
- ликвидацию той неблагоприятной для Израиля военной обстановки, которая создалась в результате войны в октябре 1973 г.;

- разобщение арабских государств, срыв усилий, направленных на их объединение на антиимпериалистической платформе, особенно по нефтяному вопросу.

Пожалуй, наиболее авторитетный источник, выявляющий цели, которые ставила перед собой американская политика «шаг за шагом», – сам государственный секретарь. 16 декабря 1973 г. Г. Киссинджер, находясь в Иерусалиме, следующим образом описал свою «генеральную стратегию» израильскому руководству (цитируется по М. Голану, приводящему эту беседу в упомянутой книге): «Киссинджер объяснил, что цель переговоров о разъединении войск заключается в том, чтобы обойти необходимость вести переговоры о границах и окончательном урегулировании. Успех переговоров [о разъединении. – *Е.П.*] привел бы также и к другому достижению – отмене нефтяного эмбарго. В то же время это положило бы конец изоляции Израиля, уменьшив давление на него главным образом со стороны западноевропейских государств и Японии. Никто в Израиле не должен иметь даже мимолетных сомнений, предупредил Киссинджер, в том, что провал переговоров о разъединении разрушит плотину, сдерживающую давление на Израиль, оказываемое на этот раз в пользу не частичного отхода, а полного отхода к границам 4 июня 1967 года»*.

* *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger. – P. 152.*

Естественно, что арабские руководители не слышали этих слов от государственного секретаря, но в Израиле он мог и должен был говорить по этому вопросу совершенно откровенно.

Одновременно проявлялись и определенные разногласия между Израилем и США. Далеко не все в израильском руководстве были довольны начавшимся сближением между США и Египтом, равно как и тем, что для форсирования этого сближения государственный секретарь США начал прибегать к определенному (правда, весьма ограниченному и всегда по второстепенным вопросам) давлению на израильскую сторону. Сам Киссинджер говорил, что внешняя политика есть искусство объединения как можно большего числа интересов. В данном случае США делали все, чтобы объединить интересы усиления позиций Израиля с интересами своего маневрирования в отношении Египта, главной целью которого было «вытеснение» Советского Союза.

Характерный в этом плане пример – реакция американского правительства на протест Израиля по поводу решения США, принятого во время посещения президентом Никсоном Каира летом 1974 г., поставить Египту (наряду с Израилем) атомный реактор. В ответ на это государственный секретарь США направил израильскому руководству (правительство тогда возглавлял Рабин) телеграмму, в которой объяснялось, что «Египту необходим реактор для внутренних нужд. Если он не получит его из Соединенных Штатов, он, конечно, обратится к Москве. Американские интересы, которые совершенно ясно являются и израильскими интересами, – подчеркнул Киссинджер, – диктуют такое положение, чтобы Египет зависел в вопросе о реакторе от Соединенных Штатов...».

Рассмотрим подробнее конкретные меры американской дипломатии, принятые после окончания военных действий на Синае и Голанских высотах.

Сразу же после окончания Октябрьской войны 1973 г. США стояли практически перед выбором: максимально использовать создавшуюся ситуацию и появившиеся в связи с этим новые возможности для начала движения к всеобщему компромиссному урегулированию ближневосточного конфликта или сначала «выровнять» положение, односторонне нейтрализовать невыгодные для Израиля итоги войны, а затем уже вести к урегулированию в израильских интересах. О том, что США выбрали второй путь, сразу же начали свидетельствовать резко увеличившиеся, беспрецедентные за всю историю американско-израильских отношений поставки вооружений из США. Дело даже было не в покрытии потерь Израиля. На эти цели США предоставили Израилю вооружения на 1 миллиард долларов во время войны*. Речь идет о решении с согласия Конгресса предоставить Израилю на военные нужды дополнительно к этому 2,2 миллиарда долларов как раз накануне созыва Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку.

Весьма интересны слушания по этому вопросу в комитете по иностранным делам американского Сената 13 декабря 1973 г. Вел заседание его председатель Фулбрайт, который, в частности, сказал: «Я абсолютно не понимаю срочности осуществления этого [предоставления новых 2,2 миллиарда долларов Израилю. – *Е.П.*] именно в настоящий момент. Если мирные усилия потерпят крах и мы пойдем по другому пути, то я ничего не смогу сделать по этому поводу. Это выйдет уже из компетенции и лично моей, и этого комитета, превратившись, по моему суждению, в чисто военный вопрос. Но сегодня перед нами дипломатическая ситуация, и именно за нее несут ответственность и данный комитет, и Государственный департамент. Я бы желал поддержать их и не хотел бы пред-

* Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate 93rd Congress. – Washington, December 13, 1973. – P. 31, 33, 76.

принимать что-либо способное усложнить или сделать невозможным достижение урегулирования на мирной конференции». Одновременно сенатор Фулбрайт высказал сомнение в целесообразности предоставления Израилю вооружений на такую огромную сумму по существу – с точки зрения соотношения его сил с арабскими государствами.

Характерно, что решение администрации о беспрецедентной военной помощи Израилю как раз в тот момент, когда намечались контуры совместных советско-американских усилий в области урегулирования ближневосточного конфликта, вызвало критику, причем достаточно острую, со стороны ряда сенаторов и приглашенных на заседание комитета по иностранным делам лиц. Сенатор Макклюр прямо выразил озабоченность по поводу того, что новое колоссальное американское влияние в военный организм Израиля «покажет Советскому Союзу, что США не прочь рискнуть началом процесса разрядки ради односторонней поддержки Израиля». «И для чего? – задал вопрос Макклюр. – Чтобы защищать его право оккупировать захваченные арабские земли?»

«Как явно показала последняя война, – сказал сенатор Дж. Абурезк, – наша политика подогревания гонки вооружения на Ближнем Востоке имела следствием действие скорее новому взрыву в этом районе, чем его предотвращению». «Представляется, что у нас нет веры в конференцию [Женевскую. – *Е.П.*], и мы вооружаем Израиль до такого уровня, когда ему не придется что-либо делать на конференции...»^{*} – констатировал председательствующий Фулбрайт, отвечая на заявления представителей администрации – заместителя министра обороны Клементса, председателя объединенного комитета начальников штабов адмирала Мурера, заместителя

^{*} Там же. – Р. 42.

государственного секретаря Раша и других, которые в один голос отстаивали правительственную линию, не имевшую ничего общего с реальным движением в сторону урегулирования. Несмотря на серьезную критику и в Конгрессе, и со стороны союзников США, эта линия была осуществлена.

Можно считать, что предоставление колоссальной американской военной помощи Израилю стало отправной точкой, с которой начала осуществляться дипломатия Г. Киссинджера – урегулирование ближневосточного конфликта «шаг за шагом»*. Опираясь на предоставление Израилю огромной военной помощи, госсекретарь США начал активную подготовку к осуществлению первого разъединения египетских и израильских войск на Синае.

Американские политики вначале не старались представлять разъединение войск Египта и Израиля на Синае в качестве самостоятельной акции. Только что был прекращен огонь. Войска на Синае и на западном берегу Суэцкого канала действительно, как говорится, «с винтовками наперевес» стояли друг против друга. В таких условиях задача первого разъединения войск, которое преподносилось в контексте общего урегулирования, имела свой резон и была поддержана Советским Союзом. Вместе с тем Советский Союз твердо подчеркивал, что он поддерживает не отдельную, самостоятельную и изолированную меру, противопоставленную общему урегулированию, а действие, призванное облегчить это общее урегулирование, сдвинуть его с места. Разъединение войск на Синае рассматривалось советской стороной и по его характеру, и по методам осуществления исключи-

* «Государственный секретарь уверен, что одобрение конгрессом законопроекта [о предоставлении Израилю 2,2 млрд долларов на вооружение. – *Е.П.*] является жизненным предварительным условием», – заявил на заседании Комитета по иностранным делам американского Сената заместитель госсекретаря Раш.

тельно в общем контексте политического урегулирования на Ближнем Востоке.

Чрезвычайно важным представляется, что такую точку зрения на первое разъединение войск на Синае СССР проводил и в своих контактах с Египтом, где в это время уже начали проявляться отдельные признаки пособничества американской политике частичных мер в отношении ближневосточного конфликта*. Например, в коммюнике о пребывании в СССР министра иностранных дел АРЕ И. Фахми (21–24 января 1974 г.) было внесено следующее положение: «Договоренность о разъединении войск имеет положительное значение, принимая во внимание, что вслед за ней последует радикальное урегулирование на Ближнем Востоке на основе полного осуществления решений Совета Безопасности».

Однако последовавшие события показали, что ход общего урегулирования на Ближнем Востоке оказался заблокированным. При ретроспективном анализе американской позиции становится очевидным, что и при первом разъединении египетских и израильских войск США не ставили перед собой цели обеспечения непрерывности процесса политического урегулирования с охватом все большего числа важных для установления мира проблем. Американская дипломатия полностью сосредоточилась на решении военных вопросов, призванном исключить саму возможность повторения крайне невыгодной, более того, противопоказанной для Израиля ситуации октября 1973 г.

* «Положение Советского Союза оказалось предельно затруднительным во время поездок Генри Киссинджера между Иерусалимом и Асуаном в 1974 г., – писал в начале мая 1977 г. в иорданской газете “Ар-Райи” М.Х. Хейкал. – СССР был в неведении относительно того, что говорилось, и не скрывал своего раздражения. Когда мы пытались рассеять его опасения, то делали менее того, что нужно, и медленнее, чем это требовалось. Другие опережали нас в информировании СССР».

Некоторые высказывания государственного секретаря США свидетельствуют о такой направленности американской политики совершенно недвусмысленно. Э. Шихан приводит документальную запись разговора Г. Киссинджера с президентом Сирии Х. Асадом 15 декабря 1973 г. в Дамаске. Х. Асад спросил: «Согласны ли Соединенные Штаты с тем, что, во-первых, при урегулировании Сирии не может поступиться территорией, во-вторых, что урегулирование не может состояться без решения палестинской проблемы и, в-третьих, что целью мирной конференции является решение этих двух вопросов, иначе просто будет потеряно время без достижения соглашения?». В ответ на это Г. Киссинджер сказал более чем определенно: «Мы готовы обсудить с вами отвод израильских войск на первой стадии, и мы признаем, что на последующих стадиях должны быть дальнейшие отводы войск»*. Отводы войск – не более. И никакого внимания проблемам, поднятым президентом Сирии, без которых вообще невозможно общее урегулирование конфликта; никакого желания серьезно обсуждать вопросы, связанные с Женевской конференцией.

Что касается самих условий разъединения войск, как они вынашивались и понимались Соединенными Штатами, то весьма интересная констатация по этому вопросу принадлежит Э. Шихану. «Оно [соглашение. – *Е.П.*] содержало, – пишет Шихан в американском журнале “Foreign Policy”, – все основные предложения Даяна – в действительности Даяна можно было бы назвать его тайным отцом. Предполагалось, что израильтяне отойдут на Синае за линию, находящуюся приблизительно в 15 милях от Суэцкого канала, защищенную буфером ООН, и оставят египтянам узкую полосу территории на восточном берегу, где они соответственно сократят свою армию с 60 до 7 тысяч человек; симметрично вдоль каж-

* Foreign Policy. – Spring 1976. – P. 28–29.

дой линии запрещалось размещать ракеты в зоне 30 км. Садат не дал обещания прекратить состояние войны, но он также и не получил расписания дальнейших израильских отводов и секретно обещал Соединенным Штатам разрешить невоенным израильским грузам проходить через канал, как только он будет расчищен. В дополнение Киссинджер передал израильтянам секретный документ, в котором Соединенные Штаты сообщили о египетском обещании расчистить канал, восстановить находящиеся в его зоне города и возобновить мирную деятельность в этом районе. Египет и Израиль согласились на американскую воздушную разведку в зоне разъединения: документ кончался словами, что «Соединенные Штаты предпримут все усилия, чтобы в полной мере удовлетворять израильские потребности в поставках вооружения на долгосрочной, длительной основе»*.

Естественно, что, даже не зная происхождения комплекса всех этих мер, их без особого труда можно было бы назвать «детисцем Даяна».

В создавшихся условиях Советский Союз настойчиво повел борьбу за скорейшее возобновление работы Женевской конференции для безотлагательного решения всего комплекса проблем политического урегулирования ближневосточного конфликта.

Одновременно большое внимание было уделено подготовке соглашения о разъединении сирийских и израильских войск на Голанских высотах. Для настойчивого внимания к этому вопросу были веские основания. После первого разъединения войск на Синае возникла реальная угроза концентрации сил Израиля на фронте с Сирией с учетом того, что участие Египта в военных действиях в случае новой вспышки войны на Ближнем Востоке уже было бы затруднено. Разъединение войск на Голанских высотах при таких обстоятельствах стало насущной не-

* Там же. – Р. 33–34.

обходимостью. Вместе с тем советская дипломатия приняла ряд активных мер, чтобы исключить при разъединении войск на Голанских высотах неприемлемые для арабской стороны условия.

После длительной подготовки, включавшей поездки министра иностранных дел СССР на Ближний Восток и его встречи с государственным секретарем США, 5 июня 1974 г. в Женеве были подписаны итоговые документы, определившие порядок и время разъединения сирийских и израильских войск, а также вывода израильских войск с части оккупированной ими сирийской территории. Эти документы предусматривали освобождение территории общей площадью 663 км², в том числе 112 км² с городом Эль-Кунейтра, захваченным Израилем в 1967 г. В послании на имя генерального секретаря ЦК КПСС президент Сирии подчеркнул, что Сирия «высоко ценит поддержку Советского Союза и всех дружественных стран»*.

После разъединения войск на Голанских высотах еще четче обозначилась противоположность подходов к политическому урегулированию ближневосточного конфликта со стороны Советского Союза и Соединенных Штатов. В то время как СССР постоянно и неустанно призывал возобновить работу Женевской конференции с участием в ней представителей Организации освобождения Палестины для комплексного урегулирования путем искоренения всех причин, породивших и поддерживающих конфликт, США продолжали идти курсом «частичных мер». Прикрывая свое нежелание согласиться на возобновление работы Женевской конференции, Госдепартамент выдвинул довод о необходимости ее тщательной подготовки. Советский Союз заявил, что такая тщательная подготовка должна быть осуществлена, однако

* Мировая экономика и международные отношения. – № 1/1977. – С. 54.

разговоры о ней не могут служить оправданием для срыва идеи возобновления работы конференции.

В этот момент стало ясно, что Госдепартамент США наряду с другими целями (о них уже говорилось: «вытеснение» СССР с Ближнего Востока, раскол арабского мира, ликвидация невыгодных Израилю военных итогов войны в октябре 1973 г., замораживание на новой основе ситуации «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке) связывает с тактикой «шаг за шагом» решение еще одной задачи – снять остроту, а возможно, и вообще нейтрализовать на длительный срок палестинскую проблему, утопить ее в частичных, сепаратных соглашениях.

В этой связи представляет интерес дипломатическая активность, развернувшаяся вокруг вопроса о «разъединении войск» на Западном берегу реки Иордан.

Сопровождая президента Никсона в его поездке в Израиль в июне 1974 г., государственный секретарь США следующим образом аргументировал израильскому руководству американскую позицию по этому вопросу: «Выбор, перед которым стоит Израиль, не сводится просто к тому, вести или не вести переговоры с королем Хусейном. Выбор заключается в том, вести ли переговоры с Хусейном сейчас или быть принужденным вести переговоры с лидером ООП Ясиром Арафатом позже. Каждый день без соглашения с иорданским королем усиливает позиции палестинских организаций в арабском мире»*.

США по причинам, о которых говорил государственный секретарь, поставили своей очередной целью добиться частичного урегулирования отношений Израиля с Иорданией. По этому вопросу интенсивно развивались контакты Вашингтона с Амманом. Что касается палестинских лидеров, то они квалифицировали планируемое соглашение о «разъединении иорданских и израильских войск» как попытку поставить под контроль иорданской

* *Golan M.* The Secret Conversations of Henry Kissinger. – P. 217.

администрации часть Западного берега, оставить другую часть под израильскими военными властями и тем самым на практике перечеркнуть право палестинского народа на самоопределение.

Задаче добиться соглашения о разъединении войск Израиля и Иордании был подчинен ряд бесед Г. Киссинджера с израильским руководством. Эта тема была одной из основных во время пребывания в Вашингтоне в марте 1974 г. короля Хусейна. В американско-иорданском коммюнике, посвященном его пребыванию в США, содержалась прямая поддержка разъединения израильских и иорданских войск.

И все-таки такого соглашения достичь не удалось. Его торпедировал на данном этапе Израиль, который боялся, что соглашение затруднит ему борьбу за аннексию в той или иной форме территорий Западного берега реки Иордан и Газы.

Весьма характерно, что один из «аргументов», которые использовала американская дипломатия (претендующая на то, что она «видит вещи шире, чем Израиль» и на этой основе «лучше, чем он сам, защищает его интересы») в попытках склонить Тель-Авив к частичному соглашению с Иорданией, заключался в запугивании «альтернативой» в виде Женевской конференции. В беседе с И. Алоном, приехавшим в Вашингтон в конце июля 1974 г., государственный секретарь сказал, что при длительной паузе в его тактике «шаг за шагом» не будет другой возможности, кроме как возобновить работу Женевской конференции, «поскольку Советы давят в этом направлении и существуют лимиты того, как долго их можно сохранять вне процесса»*.

Окончательно подорвало возможность осуществить в 1974 г. американский план частичного иордано-израильского соглашения решение конференции глав арабских

* Там же. – Р. 221.

государств в октябре 1974 г. в Рабате. Согласно этому решению, принятому единогласно (включая и Иорданию), Организация освобождения Палестины была признана единственным законным представителем палестинского народа. В таких условиях Иордания не могла уже выступать в качестве стороны в переговорах о судьбах Западного берега, населенного, как известно, палестинцами.

Израиль принял в штыки решение Рабатской конференции и использовал его для еще большего ужесточения своей позиции в отношении возобновления работы Женевской конференции, выставив безоговорочное требование исключить участие в ней представителей Организации освобождения Палестины. Это требование, фактически блокирующее созыв форума для политического урегулирования ближневосточного конфликта, было целиком и полностью поддержано Соединенными Штатами.

Когда стало ясно, что маневр с частичным иордано-израильским соглашением не увенчался успехом, Соединенные Штаты вновь сконцентрировали свое внимание на Египте. «Долговременная стратегия Киссинджера, – писала 2 июня 1974 г. газета “The New York Times”, – согласно заявлениям его сотрудников, заключается в попытках нейтрализовать Египет как фактор в ближневосточном конфликте».

В свете всего этого, очевидно, неслучайно в конце 1974 – начале 1975 г. в ряде стран, в том числе в Египте, усилились голоса о том, что следовало бы лишь на «заключительном» этапе привлечь Советский Союз к урегулированию ближневосточного конфликта. Такой маневр имел своей целью изолировать арабские государства, ослабить их сопротивляемость нажиму со стороны империалистических кругов, затянуть до бесконечности процесс политического урегулирования на Ближнем Востоке и по существу вернуться к положению «ни войны, ни мира», чреватому неизбежным новым взрывом. В таких

условиях ряд поездок на Ближний Восток предпринял министр иностранных дел СССР. В советско-египетском и советско-сирийском коммюнике, опубликованных во время пребывания А.А. Громыко в Египте и Сирии в феврале 1975 г., была зафиксирована необходимость скорейшего созыва Женевской конференции. Однако Женевская конференция из-за позиции Израиля, поддержанного Соединенными Штатами, не возобновилась. Вместо нее дипломатия США стала усиленно добиваться второго частичного соглашения Израиля с Египтом.

1975 год начался с поездок государственного секретаря США Г. Киссинджера на Ближний Восток, во время которых он вел интенсивные переговоры с Израилем и Египтом о вторичном разъединении войск на Синае. Однако 22 марта было объявлено, что миссия Киссинджера потерпела неудачу. Государственный секретарь вернулся в Соединенные Штаты, так и не подписав соглашения, которое, по мнению сопровождавших его журналистов, было подготовлено более чем на 50 %.

После того как стало ясно, что египетско-израильское соглашение в тот момент не будет подписано, в правительственных кругах Соединенных Штатов дали понять, что «следующим шагом» должна стать Женевская конференция. Так, 28 марта 1975 г. президент США Дж. Форд в интервью представителям газетного объединения Херста сказал: «Я не думаю, чтобы у нас сейчас оставался какой-нибудь выбор, помимо возвращения в Женеву». Одновременно американская печать писала о недовольстве администрации США «негибкой» политикой Израиля. Сообщалось, что президент Форд будто бы дал указание подготовить пересмотр ближневосточной политики Соединенных Штатов. Делались даже намеки на якобы возможный отказ от запланированных поставок вооружения Израилю. Но вскоре стало ясно, что Вашингтон не думает менять свой курс. Стало очевидным, что амери-

канская тактика урегулирования на Ближнем Востоке «шаг за шагом» будет продолжаться.

Более того, некоторые эксперты по ближневосточным делам выдвинули предположение, согласно которому «неудача» американских усилий в марте была «запрограммирована». По их мнению, демонстрация «непреклонности» была выгодна в тот момент для укрепления положения правящих групп и в Египте, и в Израиле. Так или иначе, но американская дипломатия сразу же после «неудачи» миссии Киссинджера продолжила усилия по подготовке вторичного разъединения войск на Синае.

В августе того же года Киссинджер снова вылетел на Ближний Восток, и снова началась его «челночная дипломатия». 4 сентября 1975 г. Египет и Израиль подписали новое соглашение, в котором зафиксирован некоторый отвод израильских войск, переход к египтянам значительной части двух перевалов – Митла и Гиди, расширение буферной зоны ООН и создание на перевалах службы раннего оповещения с американским персоналом. По этому соглашению Египет получил также нефтепромыслы Абу-Рудайс, которые, по свидетельству многих экспертов, были хищнически разработаны Израилем за время оккупации и уже не представляли серьезной ценности в результате резко уменьшившихся ресурсов. В то же время Египет взял на себя обязательства пропускать через Суэцкий канал в Израиль невоенные грузы.

По новому соглашению Египет вернул себе лишь небольшую часть территории Синая, более 90 % ее оставалось оккупированной Израилем. Соглашение о вторичном разъединении войск внесло новый элемент в ближневосточную ситуацию: Соединенные Штаты в одностороннем порядке разместили свой персонал на Синае, практически получив возможность просматривать и прослушивать всю территорию Египта.

Египетско-израильское соглашение по Синаю вызвало серьезную оппозицию в арабском мире. Характерно в этом отношении заявление сирийской Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), в котором говорится, что в египетско-израильском соглашении опущено какое-либо указание на другие арабские территории, находящиеся под израильской оккупацией, полностью обойдены проблемы арабского народа Палестины. ПАСВ подчеркнула, что этим игнорируется целостность арабской проблемы, создается опасность сползания к методам сепаратных действий. В заявлении также отмечалось, что из египетско-израильского соглашения вытекает американское присутствие в регионе и включение США в борьбу в качестве непосредственной стороны, в то время как арабские усилия были направлены на исключение США из борьбы.

Египетско-израильское соглашение о втором разъединении войск на Синае вызвало резкую критику также со стороны большинства других арабских стран и Организации освобождения Палестины.

Выше уже упоминалось о том, что Э. Шихан назвал Даяна «отцом» первого соглашения о разъединении войск на Синае. Это замечание, наверное, еще в большей степени относится ко второму египетско-израильскому соглашению. Причем связь идеи разъединения войск между Израилем и Египтом с именем Даяна не риторический прием. Эта связь отражает реальную действительность.

В уже цитированной книге Матти Голан пишет, что в 1970 г. в израильском руководстве появились разногласия по поводу тактики в отношении Египта. После августа 1970 г., когда было достигнуто соглашение о продлении на очередные три месяца прекращения огня в зоне Суэцкого канала, Даян, опасаясь возобновления дорого обошедшейся Израилю «войны на истощение», предложил осуществить частичное соглашение: отвод израиль-

ских войск до линии перевалов Митла и Гиди на Синае при незначительном присутствии египетских войск на восточном берегу. В сентябре 1970 г. эти предложения появились на страницах печати со ссылкой на «источники, близкие к Даяну». Сам министр обороны мотивировал свое предложение «оптимальностью» этого решения для Израиля с учетом сложившейся обстановки, имея в виду, естественно, «оптимальность» с точки зрения планов удерживания как можно большей территории, захваченной Израилем. Даян утверждал, что «израильское присутствие на канале далеко не идеальное решение с военной и политической точек зрения... Его первый аргумент был стратегический: перевалы Митла и Гиди – гораздо лучшая оборонительная линия, чем канал. Вторым аргумент был психологический и практический: Египет никогда не согласится с тем, что Израиль будет сидеть на берегу канала»*. События октября 1973 г. показали, что эти аргументы не были безосновательными.

В декабре 1973 г. во время переговоров с Киссинджером Даян ознакомил государственного секретаря со своим «частным» планом, который «был почти идентичным» предложениям, выдвинутым им еще в 1970 г. По словам М. Голана, государственный секретарь начал «процесс превращения частной позиции Даяна в официальную позицию подготовки переговоров»**. Этот процесс с определенными модификациями завершился подписанием второго частичного соглашения между Египтом и Израилем.

Помимо негативных результатов соглашения, отмеченных в приведенном выше заявлении ПАСВ, можно было бы назвать еще один весьма отрицательный для арабов итог соглашения о вторичном разъединении войск на Синае: с учетом изменения соотношения сил,

* *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger.* – P. 147.

** Там же. – P. 150.

проявившегося в октябре 1973 г., Израиль получал более чем благоприятные для себя условия с военной точки зрения. Переход перевалов в руки Египта был во многом номинальным. На перевале Гиди израильтяне сохранили важную в стратегическом отношении возвышенность по северному параметру и некоторые господствующие над местностью холмы, лишь слегка изогнув свою линию к западу между перевалами. Вместе с тем при продолжающейся оккупации арабских, в том числе и египетских, земель Израиль обезопасил себя с помощью американской станции раннего предупреждения от всяких «неожиданностей» в конфронтации с самой сильной в военном отношении арабской страной – Египтом, который практически оказался нейтрализованным на неопределенно длительный срок.

«Второе синайское соглашение, – писал Э. Шихан, – было главным тактическим триумфом Израиля. Он отказался от имеющих небольшую (по признанию нескольких израильских генералов) стратегическую ценность перевалов [да и то, как показывают факты, отказался не полностью. – *Е.П.*] и получил от Соединенных Штатов моральную, финансовую и военную поддержку, какой не располагает ни одно другое государство»*.

Если «авторство» Даяна обеспечивало выгодные Израилю чисто военные условия второго синайского соглашения, то не меньшее значение, очевидно, имели те плюсы, которые гарантировали Израилю это соглашение в военно-политической области. 3 декабря 1974 г. премьер-министр Израиля дал интервью газете «Гаарец», которое поразило многих своей откровенностью. Рабин заявил, что «главная цель Израиля заключается в выигрыше времени» – всего, по определению премьер-министра, около 7 лет, в течение которых Европа и США, дескать, смогут освободиться от зависимости от арабской

* Foreign Policy. – Spring 1976. – P. 64.

нефти. Рабин сказал, что во время этой «паузы» Израиль мог бы иметь дело с частичными соглашениями, но ему следует «избегать» полного урегулирования до того момента, когда США, освободившись от всяких нефтяных обязательств, перестанут ратовать за условия, которые Израиль считает для себя «неподходящими».

Иными словами, Рабин выступал за новый тур «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке. Для гарантированного обеспечения такого периода Тель-Авивом было выдвинуто требование об отказе Египта от состояния войны с Израилем. Египетское руководство заявило, что не может пойти на это до окончательного урегулирования ближневосточного конфликта, однако практически второе синайское соглашение подразумевало гарантию того, что Израиль вступает в новую полосу «ни войны, ни мира» в отношениях с Египтом. «Вы получили все военные элементы прекращения состояния войны, – говорил государственный секретарь США, обращаясь к израильским руководителям. – Вы получили “отказ от применения силы”»*.

Большую познавательную ценность имеют беседы, которые вел государственный секретарь США с израильским руководством. Для характеристики второго синайского соглашения особенно важно содержание «нервной», «с надрывом» беседы 22 марта 1974 г., во время которой Киссинджер, уже зная о предстоящем перерыве на несколько месяцев своей миссии, представлял аргументы в нарочито оголенном виде. В ответ на дополнительные требования и сетования Алона Г. Киссинджер сказал: «Соглашение должно было бы дать возможность Соединенным Штатам по-прежнему контролировать дипломатический процесс. По сравнению с этим расположение линии на 8 км ближе или дальше, откровенно говоря, не кажется очень важным»**.

* Там же. – Р. 52.

** Там же.

Расшифровал государственный секретарь это положение методом «от противного», нарисовав гипотетическую картину, которая возникнет в случае, если не будет второго соглашения: «У нас нет иллюзий. Арабские лидеры, которые рассчитывали на Соединенные Штаты, будут дискредитированы. Дипломатию “шаг за шагом” затормозили сначала для Иордании, потом для Египта. Мы теряем контроль. Теперь мы увидим, как арабы создают объединенный фронт. Большой упор будет сделан на палестинцев, и будет существовать связь между продвижением [урегулирования. – *Е.П.*] на Синае и на Голанах. Советы вновь появятся на сцене. Соединенные Штаты теряют контроль над событиями, и нам придется приспособливаться к этой реальности. Европейцы будут вынуждены расширить свои отношения с арабами... Возникнут попытки вбить клин между Израилем и Соединенными Штатами не потому, что мы этого хотим, но потому, что такова будет динамика ситуации. Давайте не будем обманывать себя».

Трудно удержаться от того, чтобы не процитировать еще одно «разъяснение» госсекретаря израильскому руководству во время этой «тяжелой беседы»: «Мы [т. е. США. – *Е.П.*] пытались примирить поддержку вас [т. е. Израиля. – *Е.П.*] с другими нашими интересами на Ближнем Востоке так, чтобы вам не пришлось сразу принимать решение. Наша стратегия была направлена на то, чтобы избавить вас сразу от всех источников давления. Если бы мы хотели границ 1967 г., мы бы добились этого при поддержке мирового общественного мнения и значительной части американской общественности. Стратегия была направлена на то, чтобы защитить вас от этого. Мы избегали вырабатывать общий план глобального урегулирования. По сравнению с давлением, которое усилится на вас, чтобы заставить вернуться к границам 1967 г., 10 км [речь идет о требовании израильтян приблизить к Суэцкому каналу планируемую тогда вто-

рую линию разграничения сил на Синае на 8–10 км. – *Е.П.] – пустяки*»*.

Яснее, как говорится, не скажешь.

Все эти цели и интересы Израиля были обеспечены вторым соглашением, подписанным, как уже говорилось, после некоторого перерыва в ближневосточной миссии Киссинджера. Однако и этого мало. Анализ второго соглашения о разъединении войск на Синае завершает рассмотрение секретного к нему приложения, названного по настоянию израильтян «меморандумом о соглашении между правительствами Израиля и Соединенных Штатов». В результате внутривластной борьбы в США этот меморандум стал достоянием гласности. Вопреки нежеланию Г. Киссинджера ознакомить с ним широкую общественность комиссия по иностранным делам американского Сената решила опубликовать документы, представленные Государственным департаментом в связи с предложением о разводе войск на Синае. По этому решению в печать был передан 3 октября 1975 г. ряд материалов, составляющих меморандум о соглашении между правительствами Израиля и Соединенных Штатов: американско-израильские заверения и меморандум о соглашении по Женевской мирной конференции (оба документа были подписаны И. Алоном и Г. Киссинджером), а также дополнительно доведенные до сведения Израиля заверения правительства США Египту.

В этих документах можно выделить следующие моменты:

1. США взяли на себя обязательство «на постоянной и долгосрочной основе откликаться на потребности Израиля в военной технике», в том числе «на новейшее оружие». В дополнительном заверении уточнялось, что

* Там же. – Р. 51.

США поставят Израилю «такие новейшие типы военной техники, как самолет F-16», а также «рассмотрят вопрос, чтобы решить его положительно» о поставках Израилю ракет класса «земля – земля» «Першинг» с неядерными боеголовками.

2. США взяли на себя обязательства увеличить экономическую помощь Израилю с учетом «дополнительных расходов Израиля на импорт нефти взамен той нефти, которая в обычных [!?] условиях была бы получена с нефтепромыслов Абу-Рудайс и Рас-Судар (4,5 миллиона тонн в 1975 г.)».

3. США взяли на себя серьезные обязательства и в политической области: «не участвовать ни в каких усилиях других стран, которые, по их мнению и по мнению Израиля [таким образом он получал “вето” на американские действия, не благоприятствующие его политике. – *Е.П.*], нанесут ущерб интересам Израиля; не признавать Организацию освобождения Палестины; консультироваться с Израилем и согласовывать с ним свою позицию и стратегию на Женевской конференции». Отдельным пунктом США провозгласили «право» Израиля воспрепятствовать какому бы то ни было государству, группе или организации [читай: Организации освобождения Палестины. – *Е.П.*] на каком-либо последующем этапе конференции принять в ней участие.

4. США гарантировали Израилю выполнение в срок и в полном объеме со стороны Египта всех мер, не решенных в соглашении о разъединении войск, вне зависимости от каких-либо действий, актов или обстоятельств, имеющих место между другими арабскими государствами и Израилем. Иными словами, США «гарантировали» изоляцию Египта, исключение его как активной силы из общеарабской борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Даже начало осуществления соглашения со стороны Израиля США прямо обусловили разрешением Египта

«на доставку *всех* [подчеркнуто мной. – *Е.П.*] израильских грузов через Суэцкий канал».

Израиль настаивал на этом, и США это осуществили с помощью президента Садата: Египет в предварительном порядке согласился со всеми положениями, зафиксированными в секретном меморандуме. В нем было прямо записано: «Соединенные Штаты информировали правительство Израиля о том, что они получили от правительства Египта согласие на все вышеуказанное».

Меморандум о соглашении между правительствами Израиля и Соединенных Штатов, по определению З. Шихана, «равнялся почти брачному контракту»*. Так закончился широко разрекламированный «пересмотр» американской политики на Ближнем Востоке.

Оценивая те выгоды, которые дают Израилю отнюдь не нарушенные, а, напротив, «процветающие» отношения с США, премьер-министр Рабин заявил 18 мая 1976 г. в интервью газете «Die Welt»: «70 % нашего оружия поступают из США. Дальнейшим пробным камнем является финансовая помощь для закупки оружия, а также экономическая помощь. Несколько цифр: с 1948 по 1973 г. мы получили в общей сложности немногим менее 2,5 миллиарда долларов. С 1974 по 1977 г. мы, согласно предварительной смете президента Форда, получим 7 миллиардов. За два бюджетных года – 1976 и 1977 – мы должны получить 4 миллиарда, то есть больше половины того, что мы получили за все 29 лет до 1977 г.».

«Следует ли судить об отношениях между государствами на основании сообщений некоторых корреспондентов или же на основании помощи, предоставляемой Израилю для достижения его национальных целей?» – таким вопросом Рабин ответил на «сомнения» тех, кто поверил в реальность пересмотра в ущерб Израилю (не на словах, а на деле) политики США.

* Там же. – Р. 63.

Естественно, что американской дипломатии не удалось бы добиться антиарабского результата без ставки на использование антисоветских тенденций. После смерти Насера в Египте произошел сдвиг оси власти вправо. Усилила свои позиции так называемая новая компрадорская буржуазия, главным источником доходов которой являются комиссионные, торговые прибыли, получаемые от сотрудничества с иностранным капиталом. Торгашеские круги получили главный выигрыш от «нового экономического курса», осуществляемого в последние годы. Они воспользовались отменой ограничений на импорт и вообще фактической ликвидацией государственного контроля над внешней торговлей. В последние годы ежегодно на импорт предметов роскоши в Египте расходовалось около 500 миллионов египетских фунтов. И это все происходило в условиях, когда темпы роста производства и капиталовложений были явно недостаточными, а потребление превышало суммарный национальный продукт. Такая картина отражает процесс быстрого обогащения незначительной прослойки населения при усиливающемся процессе обнищания основных масс египетского народа. «Десятая часть населения потребляет 45 % национального продукта. Из этих десяти процентов 2,5 % потребляют 23 % продукта. Садат управляет в интересах этого меньшинства. Он забывает об остальных 90 %», – заявил в интервью газете «Le Matin de Paris» бывший главный редактор журнала «Ат-Талиа» («Авангард») Лютфи Аль-Холи*.

Декреты президента Садата открыли во многом бесконтрольный доступ в Египет иностранному капиталу. Запрет был снят с его деятельности во многих областях экономики. С июня 1974 до начала 1977 г. было принято более 150 постановлений и актов, определяющих инте-

* Le Matin de Paris, 13 апреля 1977.

рессы иностранных вкладчиков капитала. Иностранный капитал получил доступ в промышленность, сельское хозяйство, финансы. В начале 1977 г. в Египте действовало 25 иностранных и смешанных банков, то есть почти столько же, сколько их было в 1956 г., накануне национализации кредитно-банковской системы. Экономическая политика Египта в последние годы, предусматривающая гарантии для иностранных компаний, фактически привела к тому, что иностранному капиталу разрешено иметь дело непосредственно с местными фирмами, без всякой контролирующей роли государства. В отношении иностранного капитала введена значительно облегченная налоговая практика: он не подлежит национализации, разрешен неограниченный вывоз прибылей за границу.

Получил простор для своего развития частный сектор. Урезан государственный сектор, после ликвидации Генеральных организаций он практически утратил те свои плановые начала, которые были внедрены в его работу при Насере. Государственные предприятия в результате выступают на рынке как частные коммерческие единицы. По существу происходит пересмотр положений Хартии национальных действий 1962 г.³⁸ в той ее части, которая регулирует взаимоотношения государственного и частного секторов.

Ряд декретов был направлен на укрепление экономических позиций помещика и кулака. Они получили право сгонять с земли крестьян-арендаторов, не внесших повысившуюся арендную плату. Началась ликвидация системы крестьянских кооперативов, заменяемых так называемыми деревенскими банками; по свидетельству каирской печати, эти «банки» предоставляют кредиты и продают семена и удобрения помещикам на таких же условиях, как и бедным крестьянам.

Экономика Египта встала перед серьезнейшими проблемами. Курс, нашедший концентрированное выраже-

ние в так называемой политике открытых дверей, привел к усилению прозападной ориентации всей экономической жизни страны. Это увеличило пагубное воздействие инфляционных процессов, развивающихся в капиталистическом мире, на Египет. По официальным данным, уровень инфляции на конец 1976 г. по сравнению с 1973 г. составил 35 %. Лондонский журнал «The Economist» считает, что эта цифра намного больше – она близка к 50 %*.

Переориентация на Запад способствовала росту дефицита торгового баланса. По имеющимся оценкам, при валовом национальном продукте в 11 миллиардов долларов дефицит торгового баланса составил в 1976 г. от 2,5 до 3 миллиардов, а внешний долг (включая краткосрочные обязательства) – 18 миллиардов долларов. Страна гораздо больше потребляет, чем производит. Долги Египта непрерывно растут. Для того чтобы расплачиваться по процентам за займы, поступающие из нефтедобывающих арабских стран и в значительно меньшей степени из западных источников, Египет вынужден дополнительно все больше и больше брать займы.

Ряд исследователей считает, что в Египте середины 70-х годов произошел отход от социалистической ориентации к реставрации капитализма в качестве основного уклада. Не случайно такой отход сопровождался усилением социальных конфликтов. Росло число забастовок. Середина января 1977 г. ознаменовалась настоящим социальным взрывом, охватившим весь Египет. На улицах Каира, Александрии и других египетских городов состоялись многотысячные демонстрации; вспыхнули забастовки на ряде крупных предприятий, таких как Хелуанский металлургический комбинат; на улицы вышли рабочие, студенты, ремесленники. Демонстрации про-

* The Economist, 13 февраля 1977.

теста последовали вслед за решением правительства поднять цены на товары первой необходимости. Против демонстрантов были брошены полицейские части, армейские подразделения. По оценке газеты «Аль-Ахрам», было убито 65 человек и свыше 800 ранено.

Органы безопасности арестовали более двух тысяч человек. Но, несмотря на все эти карательные акции, египетское руководство все-таки вынуждено было отступить под напором народа и отменить решение повысить цены на товары широкого потребления.

Характерно, что все свои внутренние трудности, которые являются неизбежным результатом политики «открытых дверей», египетское руководство пытается отнести за счет «козней» марксистских групп внутри страны или политики Советского Союза и других социалистических стран.

Автор не считает своей задачей подробное освещение в книге серьезных изменений в Египте в социальной, экономической и политической областях. Стоит подчеркнуть, однако, что эти изменения во многом поддерживались, подчас инспирировались и уж во всяком случае всегда охотно использовались американской политикой.

Кульминационным моментом антисоветских действий было решение Садата в одностороннем порядке прекратить 15 марта 1976 г. действие Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ. О связи его решения о денонсировании договора с политикой США писали многие газеты. По словам алжирской «Аль-Муджахид», президент АРЕ выступил в роли настойчивого просителя у США и Саудовской Аравии, которые поставили условием своей широкой экономической помощи Египту проведение им антисоветской политики. Государственный секретарь США, то ли в стремлении повлиять на американский Конгресс, стимулируя его санкционировать эко-

номическую помощь Египту, то ли в интересах личного престижа, особенно в условиях, когда провал в Индокитае ударил по его репутации, заявил во всеуслышание, что знал за шесть дней о намерении Садата денонсировать советско-египетский договор.

Борьба вокруг политического урегулирования ближневосточного конфликта к моменту выхода этой книги еще далеко не завершена. Но уже совершенно ясно, что американская тактика «шаг за шагом» абсолютно не способствовала установлению прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

Характерно, что в Соединенных Штатах к середине 70-х годов начало прорезаться трезвое, реалистическое отношение к проблемам урегулирования. В этом плане обратил на себя внимание документ «К миру на Ближнем Востоке», составленный в конце 1975 г. исследовательской группой по Ближнему Востоку Брукингского института. В состав группы вошли видные представители политической науки США – Морроу Бергер (Принстонский университет), Роберт Боуи (Гарвардский университет), Збигнев Бжезинский (Колумбийский университет), Джон Кэмпбелл (совет внешних сношений), Малькольм Кэрр (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес), Уильям Квандт (Пенсильванский университет), Надав Сафран (Гарвардский университет), Чарльз Йост (Брукингский институт) и др. «Этот документ заслуживает внимания американской общественности и правительства Соединенных Штатов»*, – пишет в предисловии к нему Кермит Гордон – президент Брукингского института.

Группа американцев, которые, по словам К. Гордона, «знают Ближний Восток и хотят, чтобы США помогли этому району достигнуть мира», пришли к выводу о том, что «соглашение по Синаю, по-прежнему, в сущности,

* Toward Peace in the Middle East. Report of a Study Group. – The Brookings Institution, 1975.

оставляет незатронутыми основные элементы арабо-израильского конфликта. Если в ближайшее время этим элементам не будет уделено внимание, то резкая напряженность в этом районе приведет к возрастанию риска насильственных действий. Мы считаем, что лучшим способом решения этих проблем является достижение всеобъемлющего соглашения».

Другой вывод исследовательской группы тоже имеет принципиальный характер: «Главной основой для урегулирования должно быть заключение по взаимному согласию договоренности, учитывающей и израильское требование о мире и безопасности, и арабские требования об эвакуации с территорий, оккупированных в 1967 г., и предоставлении самоопределения палестинцам».

Группа высказалась за то, чтобы выполнение положений заключенного всеобъемлющего мирного соглашения, предусматривающего принятие целого ряда обязательств, осуществлялось по этапам, которые «должны быть твердо определены в соглашениях». Следующим требованием, несомненно, являются международные подтверждения, гарантии. Группа американских исследователей подчеркнула, что в этом «Соединенные Штаты должны действовать совместно с СССР».

Отдельные рекомендации или формулировки, в которых эти предложения были выдвинуты, вызывают сомнения или попросту представляются неприемлемыми. Однако наряду с этим обращает на себя внимание главное: многие видные представители американских академических кругов приходят к выводу, что методы «частичных шагов» неприемлемы, необходимо общее урегулирование, что оно не может быть достигнуто без вывода израильских войск на линии 4 июня 1967 г., без предоставления права на самоопределение палестинскому народу и, что тоже немаловажно, без активного участия в урегулировании Советского Союза.

Однако между этими выводами и практическими делами администрации США все еще сохраняется разрыв. Он не был ликвидирован и после того, как некоторые из авторов брукингского документа перешли в государственный аппарат: Бжезинский стал помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности, а Квандт в Национальном совете безопасности возглавил ближневосточную службу.

Глава шестая

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕХОДОВ В КРИЗИСНУЮ СТАДИЮ

Мы рассмотрели причины, породившие и поддерживающие перманентное состояние ближневосточного конфликта. Эти же причины при их резком обострении – либо одновременно, все в комплексе, либо часть из них – лежали в основе перерастания конфликта в стадию международно-политического кризиса. Так было в 1948, 1956, 1967 и 1973 гг. Причем в зависимости от соотношения сил конфликтующих сторон, положения на Ближнем Востоке, конкретных интересов империалистических держав, степени развития национально-освободительного процесса в арабском мире, международной обстановки в целом менялась иерархия факторов, обуславливающих перерастание конфликта в кризисные стадии.

Каждый переход в стадию международно-политического кризиса, таким образом, предполагал собственную, присущую именно ему иерархию «возбуждающих факторов». Однако их набор не выходил и не выходит за рамки общих причин ближневосточного конфликта – политики Израиля в отношении арабского палестинского народа, приведшей к лишению последнего права на самоопределение; противоречий между Израилем и соседними арабскими государствами, вызванных экспансионистской политикой израильского руководства; ис-

пользования ближневосточного конфликта рядом империалистических государств в интересах своей политики.

Рассмотрим конкретные случаи перехода арабо-израильского конфликта в кризисную стадию.

I. Палестинская война 1948 г.

В 1948 г. сразу же после создания государства Израиль на территорию Палестины вошли армии ряда арабских стран, и началась первая палестинская война. Что лежало в основе этого перехода в кризис?

1. Политика империалистических государств. «Сейчас уже мало кто помнит, – писал израильский исследователь Ури Дэвис, – что с арабской стороны в 1948 г. в войне участвовали армии, вооруженные и обученные англичанами и даже частично направляемые английскими командирами. Великобритания, потеряв мандат на Палестину в связи с планом ООН 1947 г. и последующим провозглашением независимости Израиля, совершенно очевидно, стремилась установить свой контроль в этом районе в результате победы арабских стран»*.

Одновременно империалистические круги, в данном случае уже не английские, а главным образом американские, делали ставку на победу сионистского движения над арабами и укрепление Израиля, имея в виду возможность его использования в качестве базы для осуществления своей политики в районе. О мотивах такой ставки на победу Израиля над арабами откровенно написал издатель и редактор израильской газеты «Гаарец» Г. Шокен: «Запад не в восторге по поводу своих отноше-

* War Resistance. – No. 4/1973. – P. 5.

ний со странами на Ближнем Востоке. Феодалные режимы в районе должны делать уступки националистическим движениям, которые иногда принимают социалистическую левую окраску, что приводит к тому, что эти режимы с большей и большей неохотой снабжают Англию и Соединенные Штаты своими естественными ресурсами и предоставляют территории под военные базы... Таким образом, усиление Израиля помогает западным государствам сохранять эквилибриум и стабильность на Ближнем Востоке. Израиль должен превратиться в сторожевого пса. Отсутствуют опасения в том, что Израиль предпримет какие-либо агрессивные шаги в отношении арабских стран, если это противоречит желанию Соединенных Штатов или Англии. Однако, если по каким-либо причинам западные государства будут иногда предпочитать закрывать глаза на это, Израиль мог бы связать себя с осуществлением наказания одного или нескольких соседних государств, непослушание которых Западу выходит за дозволенные границы»*.

Итак, во время первой палестинской войны империалистические круги стояли за двумя сторонами, участвующими в конфликте, и подталкивали обе эти стороны на активизацию их действий. Может быть, в тот момент Англия в большей мере выступала за укрепление собственных позиций и этому подчинила не только симпатии и антипатии, но и реальную вовлеченность в процесс перерастания ближневосточного конфликта в кризисную стадию. Что касается США, то в основе их политики в 1948 г. все большее место занимали «глобальные вопросы», связанные со стремлением укрепить позиции всего капиталистического мира (естественно, при гегемонизме Соединенных Штатов) в борьбе с национально-освободительными движениями, мировым революционным процессом в целом.

* The Other Israel / Ed. by Arie Bober. – New York, 1972. – P. 17.

2. Экспансионистская политика Израиля. В предыдущем изложении уже говорилось о том, что сионистское, а позже израильское руководство в качестве одной из главных целей ставило перед собой подготовку условий для территориального расширения государства. Было показано, как такая политика уже осуществлялась накануне первой палестинской войны, более того, строились планы в отношении дальнейшего расширения территории Израиля. Об этих планах знали в арабских странах, и это тоже не могло не сыграть свою роль, создав психологический климат, благоприятствующий приказам о вступлении армий ряда арабских стран на территорию Палестины.

3. Политика сионистских кругов, направленная на вытеснение палестинского населения с земель, на которых оно проживало. Такая линия, прямо осуществляемая или подкрепляемая насильственными методами, вызвала вооруженное сопротивление со стороны палестинского населения, поддерживаемое правительствами некоторых арабских стран. Антипалестинская политика сионистского движения сыграла свою роль в создании политического и психологического климата, благоприятствующего решению ряда арабских стран, подталкиваемых Англией, о вводе своих войск на территорию Палестины.

4. Экстремизм определенных арабских кругов, поставивших своей целью ликвидацию государства Израиль. Негативизм в отношении этого государства был высказан в форме отрицания резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины на две части.

В совокупности все эти причины, усилившиеся накануне провозглашения государства Израиль и связанные одна с другой, легли в основу резкого обострения, которое привело к первой палестинской войне 1948 г.

II. Тройственная агрессия против Египта 1956 г.

Кризис 1956 г. не только по видимости, но и по своей сути еще больше подпадал под категорию международно-политических кризисов. Его определили следующие причины:

1. Империалистическая политика Англии и Франции. Сразу же после национализации Египтом Компании Суэцкого канала эти две западноевропейские страны при определенной координации с доминирующей силой в капиталистическом мире – Соединенными Штатами* – начали подготовку вооруженной акции против режима Насера. Такая подготовка, как было показано выше, шла параллельно с политико-дипломатическими мерами, имевшими целью лишить Египет победы, завоеванной путем национализации Компании Суэцкого канала.

2. Политика Израиля, направленная на свержение режима Насера, который показал в это время свои потенциальные возможности в объединении антиимпериалистических сил в арабском мире и организации сопротивления израильскому экспансионистскому курсу.

Каждый из участников тройственной агрессии преследовал цели, объединение которых в единый комплекс обеспечило трансформацию ближневосточного конфликта в кризисную стадию в 1956 г.

При реальном анализе причин перерастания ближневосточного конфликта в кризисную стадию 1956 г. выявляется полная несостоятельность двух лжетеорий о том, что 1) конфликты «Англия, Франция против Египта» и «Израиль против Египта» просто совпали во времени,

* О позиции США накануне и в момент кризиса 1956 г. подробно говорилось в предыдущем разделе.

«наложились» один на другой, а не представляли собой единого целого – прямого сговора трех противников Египта; 2) Израиль боролся за свою безопасность и во главу угла ставил цели ликвидации угрозы своему существованию со стороны Египта и палестинских феодалов.

Обе эти лжетеории нашли широкое распространение и в западной, не говоря уже об израильской, литературе, и в высказываниях ряда государственных деятелей, особенно Англии и Израиля. Так, министр иностранных дел Англии заявил 31 октября 1956 г. в Палате общин, что между его страной и Израилем, напавшим на Египет, «не было какого-либо предварительного соглашения». 20 декабря 1956 г. премьер-министр Великобритании Э. Иден пошел дальше, подчеркнув, будто его страна вообще не имела «предварительных данных о том, что Израиль может атаковать Египет»*.

Эти заявления полностью фальсифицировали действительность. В Англии и Франции «военный вариант» начал прорабатываться сразу же после национализации Египтом Компании Суэцкого канала. В конце июня и английское, и французское правительства поручили своим военным министрам подготовить детальные планы военных операций против Египта**. В эти дни Иден направил президенту США Эйзенхауэру телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Мои коллеги и я уверены, что мы должны быть готовы в крайнем случае использовать силу, чтобы образумить Насера. С нашей стороны мы готовы это сделать. Сегодня утром я дал инструкции начальникам штабов подготовить соответствующий военный план»***.

1 августа в Лондон прибыл государственный секретарь США Даллес. Не поддерживая немедленного примене-

* Hansard. – Vol. 558, col. 1569; Vol. 562, col. 1518.

** The New York Times, 31 июля 1956.

*** *Eden A. Full Circle*. – Vol. I. – London: Cassell, 1960. – P. 428.

ния военной силы против Насера, Даллес тем не менее произнес сакраментальную фразу, которая сразу успокоила Идена: «Следует найти способ, чтобы заставить Насера подавиться тем, что он пытается проглотить»*.

В этот и на следующий день французы выступили за скорейшее применение военной силы против Египта. Британский генеральный штаб возразил, что на подготовку операции по восстановлению англо-французскими силами международного контроля над зоной канала потребуется, по меньшей мере, шесть недель. 5 августа подготовка операции была начата группой англо-французских экспертов. Первоначальный эскиз плана был готов уже к 8 августа, принят Иденом 10 августа и позже подтвержден премьер-министром Франции Ги Молле**. Вскоре был решен вопрос о базе нападения. 24 ноября 1956 г. английский еженедельник «The Economist» писал: «На весьма ранней стадии идея нападения на Суэц с базы в Адене была отклонена как неосуществимая; также была отклонена идея нападения на Александрию из Ливии, хотя слух об этом плане, кажется, дошел до президента Насера, поскольку 30 октября он направил свою лучшую танковую бригаду в Александрию. Кипр – самая ближайшая от Египта база, и начальники штабов утверждают, что она необходима». В качестве другой базы была избрана Мальта.

После выбора баз вторжения начинается широкая мобилизация резервистов ремонтно-восстановительной службы, связистов, личного состава службы артиллерийского, технического и вещевого снабжения. Форсируется переброска воинских соединений на острова Кипр и Мальту. На второй день после окончания лондонского совещания 22 государств по вопросу о Суэцком канале,

* Там же. – Р. 437.

** *Thomas H.* The Suez Affair. – London: Penguin, 1970. – Р. 62, 70, 74.

25 августа, «Daily Mail» свидетельствовала, что английские войска, танки и вооружение в течение последних трех недель почти ежедневно отправляются в район Средиземного моря. Французскому командованию было официально разрешено расквартировать свои вооруженные силы на английских базах в восточной части Средиземного моря. Началась ускоренная переброска французских войск на остров Кипр.

Некоторая затяжка с началом осуществления операции «Мушкетер» – такое кодовое название получил англо-французский план нападения на Египет – была связана в том числе и с позицией США. По целому ряду причин, о которых говорилось выше, они открыто не присоединялись к «клубу», готовящему нападение на Египет. Профессор Х. Томас считает, что США стремились «отложить военные действия хотя бы до момента президентских выборов в ноябре 1956 г. Эта оттяжка в сроках была неприемлемой для Англии и Франции, которые, таким образом, решили использовать длительное стремление Израиля к превентивной войне как запал для своих собственных действий»*.

Начальник генерального штаба израильской армии позже говорил о том, что между тремя странами был заключен «политический союз». На самом деле, речь шла не только о политическом, но и о военном союзе, о полной военной координации между тремя странами, совершившими нападение на Египет. И этот альянс сложился не спонтанно и не накануне начала войны, а значительно раньше.

Прелюдией союза были контакты Израиля с Францией, установленные вскоре после прихода к власти правительства Ги Молле (январь 1955 г.). Став премьером, он в числе первых принял представителя израильского министерства обороны Ш. Переса. К тому времени у Переса

* Там же.

уже были хорошие связи с новым министром обороны Франции Бурже-Монури, установленные в бытность последнего министром внутренних дел прежнего французского правительства*. Отношения между израильским и французским министерствами обороны стали теснее, чем когда бы то ни было в прошлом, и Франция дала обещание тайно снабдить Израиль всем необходимым ему вооружением**. Для сокрытия этой тайны Тель-Авив прибег к дезинформации: израильские дипломаты в ряде западных столиц продолжали требовать поставок оружия своей стране, утверждая, что она не имеет источников снабжения вооружением.

«Важная встреча между израильянами (возглавляемыми Шимоном Пересом) и французскими военными и политическими деятелями произошла 28 июля в Булонском лесу, – пишет Х. Томас. – С начала августа израильяне получили от Франции почти все виды оружия, которые они просили. Французские источники обращают особое внимание еще на одну франко-израильскую встречу, состоявшуюся в Париже 7 августа. Французы ознакомили Израиль с военными планами, разработанными совместно с Великобританией. Таким образом, как явствует из опубликованных дневников генерала Даяна, израильский начальник штаба знал детали операции “Мушкетер” (и, предположительно, возможную дату ее начала) уже к 1 сентября. Он знал также, что англо-французская угроза заставила Насера вывести половину своей армии с Синая, включая танковую бригаду»***.

В это время Бурже-Монури и его окружение приступили к непосредственной координации своих военных планов с израильским военным атташе в Париже Нишри.

* *Peres S. David's Sling.* – London: Weidenfeld & Nicolson, 1970. – P. 60–61.

** *Tsur J. Prelude a Suez.* – Paris, 1968. – P. 376.

*** *Thomas H. The Suez Affair.* – P. 90–91.

17 сентября Даян дал задание своему штабу рассмотреть варианты вторжения на Синай в связи с англо-французскими планами использования военной силы против Египта. На следующей неделе глава секретариата французского министерства обороны А. Тома и помощник министра обороны Франции Манжан вылетели в Тель-Авив. 24 сентября в Париж полетел Шимон Перес. Комментируя начавшееся согласование военных планов с Францией, Бен-Гурион заявил на заседании руководства своей партии: «Скоро у нас будет верный союзник»*.

Для этих слов были веские основания. Причем речь шла не только об израильско-французских контактах. Уже в то время в Париже проводились секретные встречи на трехсторонней основе – с участием английских военных представителей. Было решено отказаться от первоначального намерения высадить англо-французский десант в Александрии. Выбор Порт-Саида в качестве места высадки был связан с тем, что англо-французская интервенция теперь уже в оперативном плане привязывалась к израильскому вторжению на Синай. «К 26 сентября был выработан план англо-французского объединенного командования, согласно которому атака осуществлялась через Порт-Саид в зону канала. Французское предложение об авиадесанте, высказанное в противоположность английскому мнению, было отброшено. Остановились на идее массированного морского десанта, скомбинированного с энергичной поддержкой с воздуха»**.

29 сентября в Париж снова вылетел Перес, но с ним уже был М. Даян, министр иностранных дел Г. Меир и министр транспорта М. Кармель. На следующий день

* Le Monde, 30 октября 1966.

** Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's. – New York: Knopf, 1969. – P. 262.

Даян и Перес встретились с Пино, Бурже-Монури и его помощниками. Встречи были продолжены с начальником генерального штаба французской армии Эли, который направил в Израиль генералов Шалля и Мартена и полковника Симона для окончательного выяснения потребностей израильской армии в вооружении и боеприпасах*. После поездки в Израиль генерал Шалль вылетел в США, а затем сел за разработку стратегического плана координации действий израильской армии и армий союзников. Генерал Бофр – позже командующий французскими силами во время тройственной агрессии – работал со своим штабом не только над представленным англичанами «зимним планом», но и привязывал его к проблемам, поставленным «гипотетической ситуацией», когда начнет действовать Израиль**.

Бен-Гурион широко информировался через Париж о тех англо-французских контактах, которые происходили без участия израильских представителей. Однако ему нужно было прямое подтверждение англичан о совместных действиях, прямая связь с Лондоном, обязывающая, как он считал, Англию осуществить скоординированные планы, несмотря на «особую» позицию США. Сразу же после национализации Компании Суэцкого канала в связь с Пересом вступил секретарь «суэцкой группы» в английском парламенте Джулиан Эмери, «неожиданно ставший персоной грата в министерстве иностранных дел Великобритании»***. Обнадеживающе для Бен-Гуриона прозвучали и следующие слова британского министра иностранных дел Селвина Ллойда, сказанные 7 сентября его канадскому коллеге Лестеру Пирсону: «Если все будет продолжаться по-прежнему, вы знаете, что Израиль может использовать ситуацию и выступить про-

* *Ely P. Mémoires*, Suez Le 13 Mai. – Paris: Plon, 1969.

** *Thomas H. The Suez Affair*. – P. 110.

*** Там же. – P. 28.

тив Египта. Откровенно говоря, я бы не осудил их за это»*.

Но всего этого было для Бен-Гуриона мало. Он хотел большей определенности. По-видимому, большей определенности хотел и Лондон. В начале октября в Израиле была поднята ожесточенная антииорданская кампания. Ее инициаторы подчеркивали, что опасность для Израиля исходит от баз палестинских феодалов, находящихся на иорданской территории. (Известно, что линия разграничения сил с Египтом в то время вообще была «тихой».) Дело не ограничилось словесной кампанией. 10 октября израильская военщина совершила пиратский налет на иорданский город Калькилия. Неожиданно для многих бурно реагировал на эту акцию Лондон, предупредивший Израиль против повторения таких атак. Помимо попыток сыграть – благо это ничего не стоило – на чувствах арабов и смягчить антианглийские настроения в арабском мире** Англия стремилась утвердить Израиль в намерении целиком сконцентрироваться на подготовке нападения на Египет. Выше уже говорилось о том, что египетско-израильская линия разграничения сил в то время была самой тихой, и у израильского руководства не было никаких оснований испытывать беспокойство по поводу безопасности Израиля.

В своих мемуарах Иден описывает встречу 16 октября в Париже, где он и С. Ллойд провели переговоры с Ги Молле и Пино. После краткого обсуждения событий в связи с вторжением Израиля в Иорданию 10 октября, по словам Идена, было решено, что «в случае вмешательст-

* Там же. – Р. 80.

** «Англия была предварительно информирована французами о возможности такого рейда [Израиля против Иордании. – Е.П.] и использовала это как возможность продемонстрировать проарабскую тенденцию английской внешней политики», – говорится в работе Блумфилда и Лейсс «Контролирование малых войн».

ва Израиля, с нашей точки зрения, было бы лучше, если это будет против Египта»*. Бен-Гурион, что называется, с лету подхватил этот сигнал. В своей речи в кнессете 17 октября, отбросив все разговоры об «угрозе федаинов, действующих с иорданской территории», неожиданно для многих западных исследователей** заявил: «Самая серьезная опасность, стоящая перед Израилем, – это нападение египетского диктатора»***.

22 октября Бен-Гурион, Даян и Перес вылетели в Париж. В столице Франции началась заключительная перед вторжением серия секретных встреч, в которых с французской стороны приняли участие Ги Молле, Пино и Бурже-Монури, а с английской – тайно прибывшие в Париж С. Ллойд и Патрик Дин. Бен-Гурион высказался за то, чтобы Англия и Франция взяли на себя обязательство блокировать египетские военные аэродромы и уничтожить египетские ВВС на момент израильской интервенции. С. Ллойд пробыл во Франции крайне недолго, оставив на месте Дина, который подготовил в трех экземплярах документ за тремя подписями. По-видимому, Бен-Гуриона не устроила подпись Дина от имени Великобритании, и документ был направлен в Лондон для «более солидной подписи, что, очевидно, и было сделано»****.

В Лондон вылетел и Пино, в то время как Бен-Гурион и прибывшие с ним из Израиля лица ждали в Париже его возвращения. По свидетельству государственного министра Великобритании А. Наттинга, С. Ллойд сказал ему, что Пино покидает Лондон с заверениями для Бен-Гуриона: «Ему нечего опасаться того, что его оставят в беде»*****.

* *Eden A. Full Circle.* – P. 530.

** *Thomas H. The Suez Affair.* – P. 116.

*** *The Times*, 17 октября 1956.

**** *Thomas H. The Suez Affair.* – P. 124.

***** Там же.

29 октября начали осуществляться стыкованные воедино две операции – «Мушкетер» и «Каदेश» (кодовое название израильского плана вторжения на Синай). Роль застрельщика операции была возложена на Израиль. Его парашютисты были выброшены на перевал Митла. Мотомеханизированные части Израиля ринулись на Синай и, преодолевая сопротивление египетской армии, начали продвигаться к Суэцкому каналу. Наступление осуществлялось под зонтом, образуемым французскими ВВС.

Через несколько часов после израильского нападения, утром 30 октября, премьер-министр Великобритании Энтони Иден созвал пленарное заседание кабинета. В тот же день из Парижа прибыли французский премьер Ги Молле и министр иностранных дел Кристиан Пино. В четыре часа дня по Гринвичу Египет и Израиль получили ультиматум с требованием немедленно отвести войска на 10 миль от Суэцкого канала. Англия и Франция потребовали от Египта также «разрешения» занять ключевые позиции – Порт-Саид, Исмаилию и Суэц. На размышления было предоставлено 12 часов. Израиль, как и следовало ожидать, моментально согласился на требование об отводе войск на 10 миль от канала. Собственно говоря, его миссия – миссия застрельщика операции – была уже выполнена. Египет же по вполне закономерным причинам отказался принять ультиматум Англии и Франции, ставящий под смертельный удар суверенитет страны. 31 октября в войну против Египта вступили англо-французские войска. Началась следующая стадия операции – англо-французские вооруженные действия против Египта.

Их можно разделить на два этапа. Первый – подготовительные операции военно-воздушных сил с целью завоевания превосходства в воздухе и блокирования египетских аэродромов. Он длился с 31 октября по 4 ноября включительно. Днем и ночью англо-французские легкие

и средние бомбардировщики совершали налеты на мирные египетские города, пытаясь посеять панику среди населения. Второй этап – оккупация зоны канала. К 4 ноября около острова Кипр было сосредоточено большое число судов с морским десантом. Для того чтобы обеспечить его высадку, на рассвете 5 ноября был сброшен авиадесант в районе Порт-Саида. Перед выброской и во время нее англо-французская авиация производила массированные налеты на город. Жилые кварталы Порт-Саида были жестоко обстреляны корабельной артиллерией французского линкора «Жан Бар», крейсера, эсминца и нескольких кораблей охранения. 6 ноября в районе Порт-Саида высадилась англо-французская морская пехота. С боями продвинувшись на юг, интервенты заняли ряд пунктов в зоне Суэцкого канала.

Сразу же после нападения Израиля на Египет было созвано заседание Совета Безопасности ООН. На обсуждение была вынесена резолюция, требовавшая немедленного прекращения огня и вывода израильских интервенционных войск с египетской территории. Резолюция содержала призыв отказаться от применения силы или угрозы применения силы. Состоялось голосование. Из 11 членов Совета Безопасности семь голосовали «за». Англия и Франция – «против». Воспользовавшись правом постоянных членов Совета Безопасности на вето, они отклонили резолюцию, мешавшую осуществлению преступного заговора против Египта.

В ответ на это ряд делегатов потребовали созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи. Англия и Франция и тут старались не допустить рассмотрения Организацией Объединенных Наций вопроса о нападении на Египет. Однако это уже было не в их силах. Поскольку предложение о передаче вопроса одним органом ООН другому является процедурным, единогласие в Совете Безопасности в данном случае было необязательным.

Несмотря на то, что Англия и Франция голосовали против, Совет Безопасности вынес постановление о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Чрезвычайная сессия открылась 1 ноября в 17 часов 30 минут по нью-йоркскому времени. Через 10 часов бурных дебатов, во время которых представители многих стран выступили с гневным обличением агрессоров, состоялось голосование резолюции, требовавшей немедленного прекращения огня и отвода войск. За резолюцию было подано 64 голоса, шесть делегаций воздержались, пять голосовали против (Англия, Франция, Израиль, а также два английских доминиона – Австралия и Новая Зеландия).

Таким образом, с самого же начала действия Англии, Франции и Израиля получили резкое и всеобщее осуждение на широком международном форуме. Это продемонстрировало ту внушительную морально-политическую изоляцию, которая в дальнейшем была подтверждена еще двумя резолюциями чрезвычайной сессии – от 4 и 7 ноября о немедленном прекращении огня и выводе интервенционных войск из Египта, – принятыми подавляющим большинством членов ООН. Неприкрытый отказ Англии, Франции и Израиля подчиниться решениям ООН вызвал глубокое возмущение всей международной общественности. США всячески препятствовали принятию Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности таких решений, которые бы не только содержали призывы к миролюбию, но и предусматривали конкретные практические меры, могущие положить конец интервенции. В таких условиях Советский Союз потребовал применения санкций к агрессорам. Одновременно советское правительство направило правительствам Англии, Франции и Израиля послания, в которых содержалось самое серьезное предупреждение. Советское правительство, говорило в одном из них, полно решимости пойти на

применение силы, чтобы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке*.

7 ноября Англия, Франция и Израиль были вынуждены прекратить огонь в Египте.

III. «Шестидневная война» 1967 г.

В 1967 г. иерархия причин**, породивших переход в международно-политический кризис, представлялась следующей:

1. Израильская политика, направленная на свержение или резкое ослабление режима Насера, который к этому моменту приобрел реальные черты лидера, цементирующего единство в арабском мире, собирающего вокруг себя все наиболее дееспособные антиимпериалистические и антисиионистские силы.

«Ответвлением» такой израильской политики был курс на изменение характера власти в Дамаске, который при образовавшемся военном союзе с Египтом становился одной из наиболее динамичных арабских сил, борющихся против политики израильского руководства.

13 мая премьер-министр Эшколь публично заявил, что Израиль «сам изберет время, место и средства» для военных действий***. Начальник генерального штаба израильской армии Рабин, выступая перед военной аудиторией, прямо связал борьбу против рейдов «ФАТХ» с

* См.: СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. – С. 259.

** События, характеризующие переход конфликта в стадию кризиса 1967 г., равно как и позиция США в этот период, подробно рассматриваются в предшествующем разделе.

*** *Howard M., Hunter R. Israel and the Arab World. The Crisis of 1967.* – P. 14.

борьбой за свержение сирийского правительства*. «Оба этих заявления произвели шоковый эффект в арабском мире»**, – говорится в книге «Контролирование малых войн».

2. Политика Израиля, направленная на подавление палестинского движения сопротивления. Этот мотив присутствовал непосредственно в планах израильского руководства, готовящего войну против арабских соседей.

Политика Израиля была осуществлена на фоне методов военно-политического давления, используемых Египтом для достижения цели ограничения экспансии Израиля и навязывания ему ряда условий, выгодных арабской стороне. Этой египетской линией ловко воспользовался Израиль для развязывания военных действий.

Израильское руководство не сомневалось в том, что шаги, предпринятые Египтом, не выходят за рамки военной демонстрации, что Насер практически не хочет войны. 22 декабря 1967 г. «Гаарец» опубликовала интервью тогдашнего начальника штаба израильской армии И. Рабина, который признал: «Существует разница между концентрацией войск с целью начать войну и таким движением, которое может закончиться войной, но не нацелено на войну и представляет собой нечто другое. Я думаю, что последнее было в основе насеровского мышления».

Ничего общего с действительностью не имеют утверждения ряда израильских руководителей и печати о том, будто Израиль начал «оборонительную войну против угрозы геноцида». Израильский генерал М. Пелед, принимавший участие в войне 1967 г., а позже ставший профессором истории, отметил, что в мае 1967 г. не было

* Там же. – Р. 15.

** *Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's.* – Р. 282–283.

опасности уничтожения Израиля: «Египтяне сконцентрировали 80 тысяч солдат, в то время как израильтяне мобилизовали против них сотни тысяч людей»*. Позже генерал Пелед заявил в интервью газете «Маарив»: «Я уверен, что наш генеральный штаб так никогда и не поставил в известность правительство Леви Эшколя об отсутствии чего-либо серьезного в военной угрозе Израилю... Все эти рассказы об огромной опасности, нависшей над нами в связи с нашей небольшой территорией, эти аргументы, возникшие, когда война была окончена, никогда не принимались нами в расчет до начала военных действий. В то время как мы осуществляли полную мобилизацию, ни один человек в здравом рассудке не мог поверить, что все эти силы необходимы для нашей “защиты” от египетской угрозы. Эти силы были необходимы, чтобы раз и навсегда разбить египтян на военном уровне... Представление, будто египетские войска, сконцентрированные на наших границах, могли угрожать существованию Израиля, ставит под сомнение умственные способности любого человека, способного анализировать подобную ситуацию».

Что в свете этого стоят разглагольствования о «толпицах» египтян, готовых «броситься на маленький Израиль»!

3. Политика США, поддерживавшая экспансионистское руководство Израиля. Такая поддержка, рассмотренная выше, явилась обязательным элементом нагнетания напряженности, предопределившим военную вспышку в июне 1967 г. на Ближнем Востоке. Без американской поддержки руководство Израиля не решилось бы напасть на Египет, Сирию и Иорданию. Подчеркивая полную заинтересованность США в «молниеносной победе» Израиля в 1967 г., американский журнал «Newsweek»

* Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate 93rd Congress. – P. 140.

писал: «Комбинация из израильских мускулов и американских сладких разговоров породила чрезвычайно удовлетворительный результат для Вашингтона»^{*}.

VI. Кризис октября 1973 г.

В 1973 г. причины перехода в кризисную стадию оказались наиболее размытыми. Широкие вооруженные действия в октябре 1973 г. начали арабские страны – Египет и Сирия, более того, эти вооруженные действия застали врасплох израильское руководство. Исходя из этого, многие западные исследователи, не говоря уже о проионистской печати, поставили вопрос таким образом, будто переход конфликта в кризисную стадию на этот раз стал результатом инициативных действий с арабской стороны. Подобное определение причин возникновения кризиса 1973 г. представляется неправильным. Необходимо рассмотреть обстановку перед началом военных действий, обращая внимание на те качественные в ней сдвиги, которые уже произошли или назревали перед октябрём 1973 г. Лишь такой анализ позволит выявить реальные, глубинные причины новой трансформации конфликта в кризисную стадию.

Известно, что к началу военных действий на Ближнем Востоке Израиль форсировал политику, направленную на закрепление результатов агрессии против арабских стран, совершенной в июне 1967 г. Не только продолжалось «плановое» осуществление мер по освоению захваченных во время «шестидневной войны» арабских земель, но в начале сентября 1973 г. произошел качественный сдвиг в этой политике. В условиях предвыборной борьбы,

^{*} Newsweek. – 19.06.1967. – P. 24.

развернувшейся в Израиле, группа Моше Даяна, включавшая ряд «ястребов», добилась официального согласия Партии труда, возглавлявшей правительственную коалицию, разрешить продажу и покупку земель на оккупированных арабских территориях. 3 сентября соответствующий документ был принят. В этом документе были не только определены принципы торговли арабскими землями на оккупированных в 1967 г. территориях, но и намечена обширная четырехлетняя программа по созданию новых еврейских поселений в районе Рафаха, на южных подступах к зоне Газы, в южной части долины реки Иордан, на Голанских высотах, в районе к югу и востоку от Иерусалима. Предусматривалось ускорение темпов закупки арабских земель через правительственные каналы с одновременным финансированием «расселения беженцев», прежде всего в районе Газы.

В это же время, то есть накануне перерастания конфликта в кризисную стадию, были усилены попытки Израиля полностью ликвидировать способность арабских стран и палестинского движения к сопротивлению экспансии Тель-Авива. С этой целью были предприняты нападения на территорию соседних с Израилем арабских стран, главным образом на Сирию и Ливан. В них участвовали не только военно-воздушные, но и наземные вооруженные силы Израиля. Наряду с этим осуществлялись диверсионные глубинные рейды с целью ликвидировать базы и кадры палестинского движения сопротивления. Один из таких рейдов был совершен в Бейрут в ночь с 9 на 10 апреля 1973 г., во время которого израильскими диверсантами был убит ряд руководителей Организации освобождения Палестины, взорван информационный центр Демократического фронта освобождения Палестины, представительство «ФАТХ», представительство Организации освобождения Палестины и ряд других зданий в Бейруте. Совершалось массированное психологическое давление Израиля на арабов с целью заставить

арабские государства заранее согласиться с мыслью об их военной беспомощности и некомпетентности и таким образом полностью исключить саму возможность решительных ответных действий с арабской стороны. Израиль, по словам американского еженедельника «Newsweek», давал «ясно понять, что его воздушные силы не остановятся перед тем, чтобы опустошить египетские территории в случае войны»*.

Характерно, что этот психологический нажим включал в себя демонстративные заявления израильского руководства о том, что Израиль ни при каких обстоятельствах не намерен уйти с целого ряда территорий, захваченных в июне 1967 г. Так, 24 мая генерал Даян заявил по французскому телевидению: «Израиль должен сохранить в любом случае Шарм-эш-Шейх и Голанские высоты на оккупированной сирийской территории. Если бы было достигнуто соглашение с Египтом, израильские вооруженные силы могли бы отойти от канала, но тогда граница проходила бы между Суэцким каналом и бывшей линией прекращения огня между Израилем и Египтом до “шестидневной войны”».

Израильское руководство не делало никакого секрета из того курса, который уже был принят в отношении палестинской проблемы. Утверждая, что в случае политического урегулирования ближневосточного конфликта палестинский вопрос автоматически перейдет в компетенцию Иордании, которой будут возвращены «некоторые из оккупированных территорий», израильское руководство по сути дела снимало накануне октября 1973 г. палестинский вопрос с повестки дня.

Интересны выводы, к которым пришел в отношении причин войны 1973 г. Наум Гольдман. «“Война судного дня”, – пишет он в своей книге “Куда идет Израиль?”, – была с исторической точки зрения результатом негатив-

* Newsweek. – 9.04.1973. – P. 10.

ных последствий войны 1967 г. Израиль начал ощущать такую уверенность в своем превосходстве, что он вообразил, будто созданный им статус-кво будет длиться долго, что арабы, дескать, не продемонстрируют полное безумие и не пойдут на самоубийство, решившись вступить в новую войну; психологическая, военная и многие другие сферы израильской жизни находились под влиянием этой победы, и результатом стала война 1973 г., которая в несколько дней радикально изменила всю ситуацию. За годы, прошедшие между двумя войнами, политика Израиля была нереалистичной. Она ставила своей целью сохранение статус-кво в надежде, что арабы, равно как и великие державы, примирятся с этой ситуацией»*.

Экспансионистская линия осуществлялась израильским руководством в условиях продолжающейся поддержки со стороны Соединенных Штатов, которая в 1973 г. по-прежнему выражалась главным образом в форме поставок вооружения из США в Израиль. В конце февраля – начале марта Вашингтон посетила премьер-министр Израиля Голда Меир. Ее визит был в основном связан с переговорами о поставках вооружения. По сообщению газеты «The New York Times», США обязались дополнительно поставить Израилю 48 истребителей-бомбардировщиков и легких штурмовиков, оказать помощь в производстве в Израиле нового истребителя-бомбардировщика**.

В этом тоже наблюдался качественно новый момент. Соединенные Штаты особое внимание начали уделять развитию военной промышленности в Израиле. «Американская техническая помощь в производстве военных самолетов в Израиле не менее важна, чем обещания, касающиеся дополнительных поставок самолетов Соединенными Штатами», – писала 15 марта 1973 г. израиль-

* *Goldmann N.* Où va Israël? – P. 57–58.

** The New York Times, 14 марта 1973.

ская газета «Гаарец». Мировая пресса подчеркивала также, что меры по наращиванию военного потенциала Израиля были осуществлены Соединенными Штатами в условиях, когда еще не были завершены поставки по прежде заключенным сделкам.

Говоря о роли Соединенных Штатов в деле перерастания конфликта в новую кризисную стадию 1973 г., Н. Гольдман писал: «Израильские руководители пришли к выводу, что Соединенные Штаты фактически поддерживают их политику отказа от любого соглашения, если только не будут удовлетворены все израильские требования, и отстаивают позиции силы, гарантируя соблюдение статус-кво в течение многих лет. Если существует кто-то ответственный за “войну судного дня”, то это, прежде всего, Соединенные Штаты»*.

Обстановка, созданная политикой Израиля при фактической поддержке США, привела к тому, что накануне Октябрьской войны 1973 г. в арабских странах заметно возросли экономические и политические трудности. Египет был вынужден иметь массовую армию и расходовать на военные нужды около 1 миллиарда египетских фунтов в год; 60 % государственного бюджета расходовалось на оборону в Сирии. Многие обозреватели отмечали, что затяжка с урегулированием ближневосточного кризиса угрожала острым внутренним кризисом в этих двух арабских странах. Боль от поражения может вызвать взрыв внутри страны, и Израилю даже не потребуются ни одного выстрела, поскольку он утвердит тогда статус-кво на Синае, в секторе Газы, на Западном берегу Иордана, в Иерусалиме – повсюду; и это будет означать, что вопрос закрыт», – заявил президент Египта 1 мая 1973 г.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что политика Израиля была направлена на то, чтобы не допустить уре-

* *Goldmann N.* Où va Israël? – P. 60–61.

гулирования ближневосточного конфликта на справедливой основе, вопреки призывам и требованиям международной общественности, резолюциям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, обеспечить сохранение и стабилизацию итогов агрессии 1967 г. Тель-Авив практически продолжал отвергать все инициативы, которые могли бы «разморозить» конфликт, разрешить его политическими средствами в интересах всех народов, населяющих этот район. Израильское руководство и поддерживающие его американские политики делали ставку на то, что сохранение положения «ни войны, ни мира» будет способствовать общему сдвигу вправо в арабском мире, прогрессирующему ослаблению революционно-демократических режимов, углублению трещин между различными арабскими странами; облегчит возможности для маневрирования откровенно реакционным и правонационалистическим арабским силам; усилит шовинистические и ультраисламские тенденции, которые явно приобретали в ряде случаев антисоветский и антикоммунистический характер.

В силу целого ряда причин такая политика «замораживания» конфликта на Ближнем Востоке не могла иметь и не имела будущего. Более того, эта израильская политика и приобрела характер детонатора, вызвавшего ожесточенные военные действия на Ближнем Востоке в октябре 1973 г.

Советский Союз неоднократно предупреждал об опасном характере развития событий на Ближнем Востоке. Последний раз буквально накануне Октябрьской войны министр иностранных дел СССР на Генеральной Ассамблее ООН вновь указал на то, что события на Ближнем Востоке принимают чрезвычайно опасный оборот. В это время, в сентябре, с Ближнего Востока поступали многочисленные сообщения о концентрации израильских войск на восточном берегу Суэцкого канала и в районе Голанских высот. В начале октября Израиль призвал

часть резервистов, накалив тем самым обстановку до предела.

В таких условиях 6 октября 1973 г. на Ближнем Востоке и начались военные действия.

Судя по всему, израильское руководство исходило из того, что арабская сторона в тот момент не решится «разморозить» конфликт. Некоторые израильские деятели стремились внушить мировой общественности, будто положение на Ближнем Востоке со временем приобретает определенную стабильность и сохранение ситуации, характеризующейся продолжением израильской оккупации обширных арабских территорий, якобы не только не представляет серьезной угрозы миру, но, напротив, создает какие-то новые «подходы к урегулированию». В интервью лондонской газете «Observer» министр иностранных дел Израиля, например, утверждал, что ситуация на ближневосточной арене «теряет свой накал» в результате того, что «прекращение огня обладает собственным динамизмом».

Рассуждения о спаде «напряженности» на Ближнем Востоке не имели ничего общего с действительностью. Продолжали действовать те причины, которые довели до кризисного накала обстановку в районе и создавали постоянную угрозу расширения конфликта. Израиль не отступал от агрессивной, экспансионистской политики в отношении своих арабских соседей, усиливая нажим на арабские государства и пытаясь навязать им капитулянтские условия урегулирования. Все это легло в основу перехода ближневосточного конфликта в кризисную стадию в 1973 г.

* * *

Разбор «возбуждающих факторов», предопределявших в каждом конкретном случае перерастание ближневосточного конфликта в кризисную стадию, приводит к выводу, что лишь ликвидацией всех тех причин, которые

лежат в основе ближневосточного конфликта, можно сорвать опасное развитие конфликтной ситуации, угрожающей не только миру на Ближнем Востоке, но и всеобщему миру. Этот вывод еще раз подчеркивает крайнюю актуальность нейтрализации всего комплекса причин, породивших и поддерживающих арабо-израильский конфликт. А это можно сделать лишь в процессе общего урегулирования.

Потребность в таком общем, всеохватывающем урегулировании становилась все актуальнее еще и потому, что арабо-израильское столкновение привело к жизни или, во всяком случае, придало острый характер и затруднило урегулирование целого ряда других конфликтов на Ближнем Востоке, свидетельством чего были события 1975–1976 гг. в Ливане.

Вместо заключения

ПУТЬ К МИРУ: СОВЕТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Советский Союз и другие страны социалистического Содружества последовательно борются за мирное, политическое урегулирование ближневосточного конфликта в интересах всех народов, населяющих этот район. Какие принципиальные моменты характеризуют позицию СССР по вопросу об арабо-израильском конфликте?

Очевидно, нужно прежде всего сказать о том, как СССР оценивает характер арабо-израильского конфликта. Советский Союз рассматривает этот конфликт не в виде «столкновения двух национализмов», а как проявление конфронтации империализма, с одной стороны, и национально-освободительного движения – с другой. Суть конфликта – именно в таком противоборстве, несмотря на то что это не всегда достаточно прямолинейно и однозначно выступает на поверхности.

Такое понимание характера ближневосточного конфликта предопределило политическую позицию СССР, выразившуюся в помощи и поддержке арабских государств и палестинского народа, ставших жертвами экспансионизма, агрессивности Израиля.

Отношение Советского Союза к ближневосточному конфликту является в то же время следствием его общего подхода к проблемам международных отношений, его многолетней борьбы за их оздоровление, за перестройку

системы межгосударственных отношений на принципах мира, взаимного уважения, строгого соблюдения суверенитета, невмешательства во внутренние дела.

В этом плане заинтересованность Советского Союза в справедливом и прочном мире на Ближнем Востоке в 70-х годах приобрела особый смысл. От ликвидации очагов международной напряженности, из которых одним из опаснейших является Ближний Восток, во многом стали зависеть развитие и материализация процесса разрядки, придание этому процессу необратимого характера. В условиях начавшегося перехода от холодной войны к разрядке международной напряженности особенно важным и актуальным стал курс нетерпимости к агрессии, твердая позиция против любой возможности приобретения территорий за счет агрессивных действий. Лишь исключение такого развития событий, когда агрессор торжествует, получает дивиденды за свои действия, создает возможность перестроить систему отношений между государствами на основе мира, справедливости, равноправия, взаимовыгодности, общего прогресса.

Выступая на пленарном заседании XXIX сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко заявил: «Кое-кто пытается представить позицию Советского Союза как одностороннюю, отвечающую интересам лишь арабских государств. Да, мы поддерживаем и будем поддерживать законные требования арабов. Но неправильно видеть в нашей позиции только эту сторону дела. Когда мы добиваемся, чтобы приобретенные силой территории не стали премией агрессору, то это требование выходит по своему содержанию за рамки Ближнего Востока. Оно отражает нетерпимость к агрессии вообще. Таким образом, это – вопрос крупного международного принципа, вопрос последовательности политики»*.

* Правда, 25 сентября 1974.

Стремление СССР привести события на Ближнем Востоке к прочному и надежному миру связано и с тем, что этот район непосредственно примыкает к южным границам СССР. Естественно, что отсутствие стабильности, сохраняющаяся в нем опасность военного взрыва прямо противоречат интересам СССР.

Позиция Советского Союза в отношении ближневосточного конфликта, таким образом, показывает, что его политика разрядки международной напряженности, исключения войн как средства решения спорных вопросов между государствами не только не противоречит, но, напротив, находится в органичной связи с принципиальной линией поддержки национально-освободительных сил, подвергающихся империалистическим атакам.

Как добиться мира на Ближнем Востоке? Прежде всего, Советский Союз исходил и исходит из того, что путь к нему лежит лишь через ликвидацию последствий израильского нападения на арабские страны в 1967 г., так называемой «шестидневной войны». При сохранении сложившегося после 1967 г. статус-кво обстановка в районе Ближнего Востока будет постоянно взрывоопасной. Этот вывод имеет принципиальное значение, так как некоторые западные политики исходили и исходят из того, что положение может постепенно «терять остроту», что спадет накал угрозы ближневосточного кризиса для всеобщего мира. Советский Союз всегда отвергал такой вывод. Об этом советские руководители заявляли и до (в том числе накануне) октября 1973 г., и после него. В своем определении пути к миру на Ближнем Востоке советская политика исходит из того, что в основе арабо-израильского конфликта лежит комплекс причин: оккупация Израилем арабских территорий, лишение палестинского арабского народа его неотъемлемых прав, продолжающееся состояние войны. Советская дипломатия последовательно и неуклонно проводила линию на ликвидацию, нейтрализацию всех этих причин в комплексе. Лишь та-

кое решение ведет дело к справедливому и стабильному миру в районе. Вот как, например, обозначены ключевые аспекты этой проблемы в предложениях Советского Союза об урегулировании на Ближнем Востоке и Женевской мирной конференции, опубликованных 2 октября 1976 г.:

1. Вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г.

2. Осуществление неотъемлемых прав палестинского арабского народа, включая его право на самоопределение, создание собственного государства.

3. Обеспечение права на независимое существование и безопасность всех государств – непосредственных участников конфликта: арабских государств – соседей Израиля, с одной стороны, и государства Израиль – с другой, и предоставление им соответствующих международных гарантий.

4. Прекращение состояния войны между соответствующими арабскими странами и Израилем.

Эти аспекты урегулирования Советский Союз выдвинул для рассмотрения в качестве повестки дня Женевской мирной конференции, подчеркнув, что такая повестка дня «учитывает законные права и интересы всех сторон, непосредственно вовлеченных в конфликт, – арабских государств, палестинского арабского народа, государства Израиль»*.

Советский Союз неуклонно и принципиально боролся и борется против экспансионистского, агрессивного курса Израиля. В то же время Советский Союз в 1948 г. признал и поддержал право еврейского населения Палестины на самоопределение. Неизменность советской линии в этом вопросе очевидна. Например, в заявлении, принятом на июльской (1970 г.) сессии Верховного Совета СССР, говорилось: «Верховный Совет СССР считает, что

* Правда, 2 октября 1976.

каждое государство Ближнего Востока имеет право на самостоятельное национальное существование, на независимость и безопасность»*.

Вместе с тем очевидно и другое: нельзя, чтобы самоопределение одного народа осуществлялось за счет лишения права на самоопределение другого народа – арабского народа Палестины. Поэтому Советский Союз не только признает право Израиля на существование в качестве государства, но и ведет принципиальную борьбу за удовлетворение законных прав палестинского народа вплоть до создания им своего национального государства. Без этого невозможно и мирное урегулирование ближневосточного конфликта, так как нерешенность палестинской проблемы блокирует путь к справедливому и прочному миру в районе.

Итак, комплексное решение проблем ближневосточного конфликта является единственно реальным курсом его урегулирования. Идентичен ли этот вывод отрицанию поэтапности в решении проблем? Отнюдь нет. Советский Союз не отвергает в принципе промежуточных мер урегулирования, которые могут затрагивать отдельные вопросы.

В течение целого ряда лет Советский Союз последовательно играл активную роль в попытках добиться мирного, политического урегулирования ближневосточного конфликта, стремясь выработать приемлемые принципы претворения в жизнь резолюций Совета Безопасности ООН. Будь то во время встреч и переговоров с руководителями арабских стран и ООП, консультаций с великими державами – членами Совета Безопасности ООН или во время двусторонних консультаций с представителями американского правительства, Советский Союз всегда активно проводил линию на поддержку борьбы арабских стран за ликвидацию последствий израильской агрессии,

* Правда, 16 июля 1970.

на установление справедливого и стабильного мира на Ближнем Востоке в интересах всех народов, населяющих этот район.

На основе трезвого анализа ситуации на Ближнем Востоке, с учетом позиций участников конфликта, а также двусторонних и четырехсторонних консультаций в рамках ООН по вопросам ближневосточного урегулирования Советский Союз еще в 1969 г. выдвинул реалистичные и конструктивные предложения по политическому решению кризиса. Советский план в соответствующем порядке был представлен заинтересованным странам, он уточнялся и дополнялся в 1970 г.

Следует подчеркнуть, что все предложения СССР о мирном урегулировании арабо-израильского конфликта, в том числе и советский план мира на Ближнем Востоке, предложенный в 1969 г., были не благими пожеланиями мира, а разработанной системой мер по его достижению и гарантии. Выше уже подчеркивался взаимоувязывающий характер проблем и, следовательно, комплексный характер советского подхода, отвечающий интересам – не мнимым, надуманным, а подлинным – всех народов, населяющих район Ближнего Востока. Так, в советском плане урегулирования 1969 г. предлагались конкретные меры с указанием сроков вывода израильских войск, связанного с установлением новых, мирных отношений между Израилем и его арабскими соседями. Предусматривалось, например, что такой вывод может осуществляться в два этапа. По советскому плану гарантии границ государств Ближнего Востока могли бы осуществляться путем принятия двумя сторонами конкретных обязательств. В их числе – согласие на установление демилитаризованных зон по обе стороны границы, которые не дадут преимуществ ни одной из сторон, причем режим этих зон будет содержать ограничения чисто военного характера; на ввод в ряд пунктов войск ООН; на прямые гарантии со стороны четырех держав – по-

стоянных членов Совета Безопасности или гарантии Совета Безопасности ООН в целом.

Сейчас, оглядывая ретроспективно события на Ближнем Востоке, произошедшие в первой половине 70-х годов, можно с уверенностью сказать, что принятие советского плана могло бы избавить народы этого района от многих жертв, привести их к мирному сосуществованию. К сожалению, этого не получилось. Советский план встретил упорную оппозицию и со стороны Израиля, надеявшегося на то, что ему удастся сохранить положение «ни войны, ни мира» и со стороны поддерживавших израильское руководство Соединенных Штатов.

В условиях, сложившихся на Ближнем Востоке после войны в октябре 1973 г., Советский Союз выдвинул и твердо отстаивал идею созыва Женевской мирной конференции для решения вопросов комплексного урегулирования. Как известно, эта конференция начала свою работу в декабре 1973 г., а затем прервала ее. СССР постоянно настаивал на возобновлении ее работы, считая, что она – самый подходящий форум для решения проблем общего урегулирования арабо-израильского конфликта. Эта идея еще раз со всей основательностью была подчеркнута в предложениях Советского Союза об урегулировании на Ближнем Востоке и Женевской мирной конференции, врученных правительствам США, Египта, Сирии, Иордании, Израиля и руководству Организации освобождения Палестины в начале октября 1976 г.

В этом документе были выдвинуты для рассмотрения не только предложения по повестке дня, но и вопросы организации конференции, проведение ее в два этапа, на первом из которых могла бы быть окончательно согласована повестка дня конференции, определен порядок рассмотрения конкретных аспектов урегулирования. На втором же этапе предлагалось сосредоточиться на выработке договоренности по существу. Было подчеркнуто, что конференция должна завершиться принятием доку-

мента (или документов) договорного характера. Советский Союз никогда не относился к идее созыва Женевской конференции как самоцели, считая, что главное – плодотворные и справедливые результаты ее работы, и в этой связи подчеркивал необходимость тщательной подготовки конференции. Вместе с тем Советский Союз выступал против попыток отложить конференцию, затянуть ее подготовку до бесконечности, считая, что ее созыв имеет жизненное значение для нормализации положения на Ближнем Востоке.

Особое значение имеет тот факт, что Советский Союз настаивал на участии в работе Женевской мирной конференции на равных правах Организации освобождения Палестины. Такая акцентировка оказалась особенно важной потому, что без участия настоящих и общепризнанных представителей палестинского народа нельзя решать палестинскую проблему, а без ее решения вообще не может быть никакого общего урегулирования ближневосточного конфликта. Советский Союз настойчиво проводил линию на представительство Организации освобождения Палестины в работе Женевской конференции в условиях, когда Израиль при поддержке США пытался обойти палестинскую проблему, оставить ее в стороне от процесса урегулирования или заменить представительство палестинского народа, способное отстаивать его законные права, на «представительство» квислинговского типа³⁹.

Советский Союз, как явствует из заявлений его руководства и из принятых конкретных мер, не только всегда придавал огромное значение проблеме урегулирования ближневосточного конфликта, но и исходил из убеждения в реальной возможности ликвидации его причин, всеобъемлющей договоренности об установлении справедливого и прочного мира в этом многострадальном и беспокойном районе – на Ближнем Востоке.

Советский Союз подчеркнул необходимость того, чтобы в основу итогового документа (или документов) о мире на Ближнем Востоке был положен принцип недопустимости приобретения территории путем войн, право всех государств этого района на независимое существование и безопасность. Разумеется, должны быть обеспечены неотъемлемые права палестинского арабского народа, включая его право на самоопределение, на создание собственного государства.

Документы о мире должны предусматривать вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий. Должны быть четко определены соответствующие линии границ между Израилем и его арабскими соседями – участниками конфликта. Эти границы должны быть объявлены окончательно установленными и нерушимыми.

После завершения вывода израильских войск между арабскими государствами – участниками конфликта и Израилем прекратится состояние войны, и будут установлены отношения мира. При этом все стороны возьмут на себя взаимные обязательства уважать суверенитет, территориальную целостность, неприкосновенность и политическую независимость друг друга, разрешать свои международные споры мирными средствами. По-видимому, итоговые документы конференции должны будут содержать и положение о свободе прохода для судов всех стран, включая Израиль (после прекращения состояния войны), по Тиранскому проливу и Акабскому заливу, а также заявление Египта о проходе судов по Суэцкому каналу, который находится целиком под египетским суверенитетом.

По обе стороны установленных границ могли бы быть созданы, конечно, с согласия соответствующих государств, демилитаризованные зоны – без односторонних преимуществ для кого-либо. В пределах этих зон были бы размещены на какой-то четко определенный срок

либо чрезвычайные вооруженные силы ООН, либо наблюдатели ООН.

Весьма благоприятно международной общественностью было воспринято совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, опубликованное 2 октября 1977 г., в котором говорится: «Советская и американская стороны считают, что в рамках всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы должны быть решены все конкретные вопросы урегулирования, в том числе такие ключевые, как вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости»*.

Вместе с тем в комментариях мировой печати подчеркивалось, что не все положения этого заявления лежат в основе американской практической линии – США продолжали маневрировать, главным образом стремясь усилить позиции Израиля.

Такое в общем положение существовало осенью 1977 г.

* * *

Когда эта книга была завершена, события на Ближнем Востоке все еще продолжали волновать мир. За многие десятилетия своего развития ближневосточный конфликт стал уже хрестоматийным примером острых и сложных международных ситуаций, угрожающих миру и безопасности народов. Их жертвами пали тысячи людей за четыре войны и несколько сот столкновений. Причем жизнь еще не положила конец счету – ни по войнам, ни по вооруженным столкновениям, ни по тысяч-

* Правда, 2 октября 1977.

ным жертвам и огромным разрушениям. Если данная книга хоть несколько помогла читателю в определении реальных причин многолетнего арабо-израильского конфликта, показала ему, что эти причины, не будучи выкорчеванными, вновь и вновь будут способствовать перерастанию конфликта в стадию опасных международных кризисов, если книга способствовала пониманию сущности политики капиталистических стран, углубляющих конфликт и препятствующих его урегулированию, если она дала иллюстративный материал, еще глубже объясняющий советскую позицию и оттеняющий конструктивную роль СССР в установлении справедливого мира на Ближнем Востоке, то автор считает свою задачу выполненной.

ВОСТОК ПОСЛЕ КРАХА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

*Светлой памяти сына и друга,
с кем обдумывались многие идеи
этой книги*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В середине XX в. произошло событие величайшей исторической важности – перестала существовать колониальная система империализма. На обломках еще недавно могущественных колониальных империй возникли десятки молодых суверенных государств.

Процесс образования этих государств отнюдь не был следствием добровольной сдачи позиций теми, кто создал колониализм и превратил его в органическую часть механизма всемирной капиталистической эксплуатации. Термин «деколонизация» состоятелен лишь в том смысле, что он показывает направление исторического движения, но не мифическую «добровольную инициативу» колонизаторов, которую целый ряд буржуазных исследователей пытается изображать как реальный факт истории. Развал колониальной системы произошел в итоге многолетней национально-освободительной борьбы народов колоний и полуколоний. Ему способствовало революционное движение в метрополиях. Вместе с тем он стал возможен лишь в определенных международных условиях, которые возникли в результате величайшей победы Советского Союза во Второй мировой войне, его решающего вклада в разгром наиболее агрессивных отрядов мирового империализма – нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии. Эта победа открыла путь для торжества революций в целом ряде стран Европы и Азии. Состоялся повсеместный штурм позиций колонизаторов.

Не менее важен тот факт, что коренное изменение соотношения сил в мире обеспечило стабильность решающих итогов ликвидации колониальной системы, сделало их необратимыми. За политическим освобождением колоний и полукolonий последовали:

- почти полная утрата империализмом способности добиваться своих целей посредством лобовых атак против молодых национальных государств;

- расстройство старого механизма, с помощью которого империалистические государства многие десятилетия эксплуатировали колониальные, зависимые, а затем уже и освободившиеся страны, и, более того, вызревание кризиса неокOLONиалистских методов экономической эксплуатации;

- утверждение в напряженной борьбе принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различным общественным строем, содействующее успеху борьбы за национальное и социальное освобождение;

- «универсализация» международных отношений, при которой мировая политика из сферы деятельности небольшого числа государств превратилась в дело всего человеческого сообщества.

Изменение соотношения сил в мировом масштабе находит соответствующее отражение на всем процессе развития освободившихся, или развивающихся, стран, то есть несоциалистических государств, образовавшихся на месте недавних колоний и полукolonий.

Разумеется, империализм не отказался от своих попыток сохранить в подчиненном положении бывший колониальный и зависимый мир. Обретение бесправными в прошлом колониями и полукolonиями политического суверенитета не означало прекращения экономической эксплуатации «периферии» мирового капиталистического хозяйства (развивающихся государств) со стороны его «центра» (развитых капиталистических стран). С по-

мощью новых методов, которые лежат преимущественно в области экономики, империализм пытался и пытается пресечь или ослабить возможность независимого развития освободившихся стран, защиты ими своих национальных интересов. При этом далеко еще не стали достоянием истории и типично колонизаторские методы военно-силового давления на те страны, которые проявляют самостоятельность в своей внутренней и внешней политике.

Вместе с тем крах колониальной системы уже стал качественным сдвигом в истории человечества. Он не мог не сказаться на всей сумме отношений в мировом капиталистическом хозяйстве, на функционировании мирохозяйственных связей, на развитии мировой политики, в конце концов, на соотношении сил империализма и реакции, с одной стороны, социализма и прогресса – с другой.

Автор книги, как это видно уже из ее названия, не ставит перед собой цели исследовать все или даже большинство всемирных последствий великого исторического сдвига – крушения колониальной системы империализма. Он видит свою задачу более ограниченной: показать сложный профиль послеколониального Востока, уже сбросившего с себя цепи политической зависимости, уже обретшего суверенные права на свои природные богатства, уже превратившегося из объекта в субъект истории, но еще далеко не завоевавшего адекватного места ни в мировой экономике, ни в мировой политике, ни в международных отношениях.

Жизнь поставила перед бывшими колониями и полуколониями сложную проблему выбора направления дальнейшего социально-экономического и политического развития. Большинство освободившихся стран либо продолжает, либо начинает свое развитие по пути капитализма.

Однако весь этот многоплановый процесс развития освободившихся от колониальной зависимости стран в

общем не стабилизирует мировой капитализм: послеколониальный Восток не является и не будет его резервом. Даже значительное развитие капитализма в целом ряде освободившихся стран не укрепляет мировую капиталистическую систему. Напротив, оно расширяет и углубляет существующие и порождает новые противоречия мирового капитализма.

Глубокая и отчетливая дифференциация, очевидно, стала одним из главных признаков бывшего колониального мира. Она особенно усилилась в 70-е годы. При этом неоднородность послеколониального Востока проявляется в различии не только избранного пути развития и достигнутой степени развитости, но и политической линии освободившихся стран – либо независимой, либо проимпериалистической.

Противоречивые черты нового лица Востока, диалектическое единство многих противоположностей, неоднозначность происходящих в Азии и Африке процессов, часто не укладывающихся в рамки обычных представлений и нуждающихся в новых к себе подходах, – вот что в основном интересовало автора этой книги.

Конечно, не все черты лица послеколониального Востока выписаны в книге одинаково: одни – более четко, другие – менее отчетливо, третьи – в лучшем случае обозначены пунктиром. Естественно, что многие из них нуждаются в дальнейшем прояснении.

В заключение своего предисловия автор хотел бы выразить признательность всем товарищам и коллегам, которые помогли ему в работе над книгой.

Глава 1

ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ: ОБЩНОСТЬ ИЛИ КОНГЛОМЕРАТ?

Можно ли освободившиеся страны рассматривать как общность, или следует считать, что они участвуют во всемирно-историческом развитии как конгломерат, сумма индивидуальных «включений»? Это не праздный и даже не чисто академический вопрос. От того или иного ответа на него зависит наше представление о наличии или отсутствии общих закономерностей развития бывших колоний и полуколоний. Без ответа на этот вопрос затруднен (если не невозможен) анализ нынешней ситуации и перспектив развития значительной части бывшего колониального мира.

В колониальный период присущая странам Востока общность не вызывала сомнений. Несмотря на то, что эти страны различались по степени зависимости (колонии, протектораты, формально суверенные, но полностью подчиненные метрополиям страны, а также страны, представляющие «промежуточные звенья» между этими типами колоний и полуколоний) и уровню развития, все они входили в колониальную систему империализма. Их общими признаками были: отсутствие независимости, положение эксплуатируемого придатка (рынки сбыта и, что стало особенно важным при монополистическом капитализме, сферы приложения капитала), аграрно-сырь-

евая специализация в международном капиталистическом разделении труда.

Ликвидация колониальной системы привела к утрате некоторых из этих признаков. Бывшие колонии и полуколонии обрели политическую независимость, государственный суверенитет и в этом смысле перестали в целом отличаться от государств остального мира. В ряде стран начался и получил известное развитие процесс индустриализации; они не являются более лишь аграрно-сырьевыми придатками империализма в старом значении. В то же время нет возможности свести освободившиеся страны в одну группу, например, по признаку однородности установившихся в них режимов – в разных странах эти режимы представляют интересы различных классов и социальных групп или их коалиций. После освобождения еще больше увеличился разрыв в уровнях развития между отдельными странами Востока, и это обстоятельство тоже не способствует их объединению в единую группу.

В таких условиях очевидно, что одного лишь «ретроспективного» критерия (принадлежность в прошлом к колониальной системе империализма) недостаточно для того, чтобы рассматривать освободившиеся страны как некую общность. Гораздо важнее определить, обладают ли эти бывшие колонии и полуколонии общими характеристиками, связанными с их нынешним состоянием.

Жизнь отвечает на этот вопрос положительно. Освободившиеся страны и в нынешних условиях имеют много общего; низкий уровень экономического развития; особое место в мировом капиталистическом хозяйстве, обусловленное сохранением их положения как эксплуатируемой «периферии» мирового капитализма; многоукладную экономику.

Для выделения освободившихся стран в качестве единой группы весьма важно учитывать и субъективный фактор – особенности их политики, которые наиболее

контрастно проявились в 60–70-е годы. К ним следует, прежде всего, отнести приверженность большинства освободившихся стран принципам неприсоединения и борьбу этих стран за демократизацию мирохозяйственных связей, за новый международный экономический порядок.

Однако вывод о наличии общих черт, делающих освободившиеся страны определенной исторической общностью, не идентичен утверждению о существовании некоего «третьего мира», якобы идущего по особому пути формационного развития.

В группе освободившихся стран сегодня объединились государства, идущие по капиталистическому пути, и государства, избравшие социалистическую ориентацию. Причем действует тенденция постепенного «размывания» этой группы за счет перехода отдельных государств из нее в мировую социалистическую систему либо в категорию развитых капиталистических стран. Конечно, такое «размывание» – длительный по времени исторический процесс: общность освободившихся стран достаточно инертна. Но эта длительность отнюдь не является доказательством того, что группа освободившихся стран развивается или может развиваться по законам, отличным от тех, которые в целом определяют характер нашей эпохи, тенденции и направления социального прогресса.

Относительная неустойчивость, подвижность состава группы развивающихся стран является следствием не только ее переходности. Известно, что каждая из двух противоположных систем – и социалистическая, и капиталистическая – состоит из государств, в основе однородных по базисным и надстроечным характеристикам: господствующим производственным отношениям и соответствующим им политическим, правовым и другим общественным идеям и учреждениям. Показатели этой

однородности (что, естественно, не снимает вопроса об особенностях, специфике развития отдельных стран) в обоих случаях являются главным критерием целостности каждой из двух систем. Следует особо подчеркнуть, что такой главный критерий может находиться только в сфере базиса и надстройки. Между тем общность освободившихся стран не обладает таким главным критерием. Освободившиеся страны неоднородны и по базисному, и по надстроечному признаку. Видимо, критерий их общности комплексный, причем в этом комплексе нет какой-либо одной главной, определяющей все остальные, черты. Однако это отнюдь не означает, что сам комплекс строится из случайных элементов. Его формируют особенности развивающихся стран, проявляющиеся в основном в сферах производительных сил, внутрихозяйственных и мирохозяйственных производственных отношений.

При отсутствии единых для всех освободившихся стран базисного и надстроечного признаков ряд исследователей пытается выделить эти страны в особую группу с помощью какого-либо альтернативного критерия. Некоторые видят этот критерий в многоукладности экономики*, другие – в зависимом развитии освободившихся стран**.

Своеобразной попыткой изобрести главный критерий для группы развивающихся стран, но при полном игнорировании классового подхода является маоистская теория «трех миров», объединившая в один «третий мир» различные государства со слаборазвитой экономикой, в том числе и социалистические. Эта «теория» не столько определяет те общие моменты, которые характеризуют

* См.: Зарубежный Восток и современность. – Т. 1. – М., 1980. – С. 25–27.

** См.: Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. – М., 1974. – С. 20–24.

развивающиеся страны, сколько стирает грань между двумя противоположными общественно-политическими системами, нивелируя все избавившиеся от колониального гнета страны вне зависимости от того, произошли ли в них социалистические революции, или они продолжают оставаться в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Аналогичная нивелировка различных бывших колониальных и полуколониальных стран при полном абстрагировании от характера их социально-экономического строя присуща и тем, кто рассматривает в качестве главного признака, определяющего общность развивающихся стран, «внеблоковость». Но можно ли только на основании этого считать, что у тех, кто не участвует в противостоящих пактах, больше общего друг с другом, чем у одних капиталистических стран с другими капиталистическими странами и одних социалистических стран с другими социалистическими странами? Можно ли, наконец, вообще ставить знак равенства между всеми военными союзами вне зависимости от того, кем и с какой целью они созданы и какими мотивами руководствуются в своей деятельности?

Мысль о комплексном характере критерия, определяющего целостность и специфичность группы развивающихся стран, была высказана еще в середине 60-х годов С.И. Тюльпановым. По его мнению, этот критерий должен учитывать «особое место в системе всемирных экономических и политических связей; уровень экономического развития и специфические черты воспроизводства; особенности социально-экономической структуры»*.

В общем, по аналогичной схеме строился комплексный критерий и авторами коллективной монографии

* Тюльпанов С.И. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. – М., 1969. – С. 7.

«Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», подготовленной под руководством В.Л. Тягуненко, Р.М. Авакова, К.Л. Майданика.

Определенное уточнение и развитие понятия комплексного критерия делается в статье В.Л. Шейниса, опубликованной в 1978 году*. Классификационные сферы, предложенные им с целью создания типологии развивающихся стран, могут служить и для формулирования комплексного критерия развивающегося мира как единой системы. Эти сферы – социальная ориентация; формационная (укладная) характеристика; уровень и тип развития производительных сил; положение в мировом капиталистическом хозяйстве; экономический потенциал.

Представляется вместе с тем, что к критериям, базирующимся на этих социально-экономических классификациях, следует добавить и другие характеристики, в том числе политического порядка.

В комплекс признаков, по которым определяется общность развивающихся стран, очевидно, могут быть включены:

- односторонняя зависимость от «центров» мирового капитализма либо асимметричная взаимозависимость с ними, что предопределяет особое место освободившихся стран в мировой капиталистической экономике;
- многоукладность экономики;
- относительно низкий уровень развития производительных сил;
- несовместимость национальных интересов с империалистическими интересами и политикой развитых капиталистических государств.

Рассмотрим каждый из этих критериев в отдельности.

* Шейнис В. Социально-экономическая дифференциация и проблемы типологии развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения – 1978. – № 8. – С. 97–103.

Односторонняя зависимость или асимметричная взаимозависимость. При всей относительности этих понятий они, очевидно, более адекватно отражают то особое место, которое принадлежит развивающимся странам в мировом капиталистическом хозяйстве, чем понятие «зависимый тип развития», предложенное в качестве критерия авторами монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы».

В свете происходящих в мировой капиталистической экономике процессов проблема зависимости нуждается в уточнении. Ее следует рассматривать дифференцированно, на различных уровнях. Прежде всего, можно отметить, что понятие экономической зависимости распространяется, по сути дела, на отношения между всеми государствами, участвующими в мировом капиталистическом хозяйстве. Тенденция роста взаимозависимости – функция от интернационализации производства, сопутствующей развитию капитализма, от углубления капиталистического разделения труда, усиления позиций и расширения деятельности транснациональных корпораций (ТНК), развертывания интеграционных процессов, то есть от всего того, что во многом характеризует состояние и перспективы мирового капиталистического хозяйства. Стало быть, чтобы обозначить место, которое принадлежит в этом хозяйстве развивающимся странам, нужно определить уровень и тем самым характер их зависимости.

От присущего развитым капиталистическим странам типа зависимости отличается тип зависимости, который свойствен отношениям между капиталистическим «центром» и «периферией». В первом случае речь идет о, так сказать, обычной взаимозависимости, возникающей в результате международного разделения труда в группе развитых капиталистических стран. Такая взаимозави-

симость охватывает однородные качественно, хотя и различающиеся по количественным характеристикам компоненты. Во втором же случае налицо либо односторонняя зависимость, либо асимметричная взаимозависимость.

Конечно, взаимозависимость в отношениях между развитыми капиталистическими странами тоже не сбалансирована. Можно лишь весьма приблизительно говорить о ее симметричности. Испания, Португалия и Греция, например, включаемые в группу развитых капиталистических стран, находятся в значительно большей экономической зависимости от США, ФРГ, Франции и Англии, чем последние от них. Это же относится и к малым странам Европы. Да и «лидеры» Европейского экономического сообщества находятся пока в большей научной, технической и технологической зависимости от США, чем Соединенные Штаты от них. Однако сохраняющийся в этом случае элемент асимметричности, как представляется, не определяет принципиального характера взаимозависимости в группе развитых капиталистических стран; в отношениях же между капиталистическим «центром» – развитыми капиталистическими государствами и «периферией» – освободившимися странами, асимметричность является определяющей.

Вместе с тем надо отметить различие между асимметричной взаимозависимостью и односторонней зависимостью. Последняя в сложившихся в мире условиях уже не является характерной для всей группы освободившихся стран, хотя большинство продолжает находиться в односторонней зависимости от капиталистического «центра». Дело заключается в том, что имеются и такие освободившиеся страны, которые, оставаясь эксплуатируемой частью мирового капиталистического хозяйства, одновременно поднялись на ступеньку выше – можно считать, перешли на низший уровень несбалансированной

двусторонней зависимости. Именно этот тип двусторонней зависимости, при котором сохраняются неравенство партнеров, эксплуатация развивающихся стран иностранным монополистическим капиталом, несбалансированность товарных потоков, сильная обусловленность внешними факторами, уязвимость воспроизводственного процесса в развивающихся странах, резкое ограничение их экономического маневра, и можно определить как асимметричную взаимозависимость.

Примером асимметричной взаимозависимости являются отношения освободившихся нефтедобывающих стран с развитыми капиталистическими государствами в условиях гораздо большей, чем раньше, самостоятельности первых в установлении квот добычи, цен на нефть, а в ряде случаев и направления ее торговых потоков. Эти отношения уже выходят за рамки традиционных, типичных для предшествовавшего периода.

Асимметричной взаимозависимости способствует и экспорт капитала в виде вложений в развитых капиталистических странах части возросших доходов нефтедобывающих стран, не абсорбированных на месте. Достаточно сказать, например, что Саудовская Аравия превратилась к началу 80-х годов в крупного экспортера капитала в США и Западную Европу и, по имеющимся признакам, уже к концу нынешнего десятилетия прибыли на этот капитал будут сопоставимы с прибылями от добычи нефти. Все это не может не повлечь за собой изменения не только форм, но и уровня зависимости подобных стран от развитых капиталистических государств.

Есть ли у таких развивающихся стран и подобных им – например, у тех, которые в результате деятельности ТНК превратились в экспортеров уже не сырья, а главным образом полуфабрикатов и готовой продукции, – перспектива отхода от асимметричной взаимозависимости и постепенного приближения к тому типу взаимо-

зависимости, который свойствен отношениям внутри группы развитых капиталистических государств? (Конечно, постановка этого вопроса возможна только для незначительного числа государств, составивших в процессе все усиливающейся дифференциации высшую группу развивающихся стран.)

Ответ на поставленный вопрос в определенном плане связан с нашим пониманием перспективы борьбы за демократизацию мировых экономических отношений, за новый международный экономический порядок. При всей чрезвычайной сложности и трудности этой борьбы ее успех, по-видимому, нельзя однозначно ставить в зависимость от полной ликвидации империализма. При сложившемся соотношении сил в мире демократизация экономических отношений в рамках мирового капиталистического хозяйства – естественно, неполная и непоследовательная – вполне реальна. И этой неполной и непоследовательной демократизацией смогут в первую очередь воспользоваться освободившиеся страны, уже имеющие в своих руках некоторые рычаги экономического воздействия на развитые капиталистические государства.

Думается, что существует некоторая пусть не прямая и в чем-то условная, но все-таки аналогия между подходом к перспективам борьбы за новый международный экономический порядок и борьбы против угрозы мировой войны. Таковую угрозу, как известно, создает само развитие государственно-монополистического капитализма.

Представляется, однако, что в новых условиях преодоление отдельными развивающимися странами асимметричной взаимозависимости возможно и без выхода из мирового капиталистического хозяйства – через изменение в нем своего места.

В полную силу сказывается и развитие общего кризиса капитализма, особенно структурных кризисов – энер-

гетического, сырьевого, экологического, валютного. Большую роль играют также социально-экономические и политические сдвиги в самих освободившихся странах, укрепляющие тенденцию к достижению ими более полной независимости.

Вывод о возможности уменьшения и даже ликвидации для отдельных бывших колоний и полукolonий асимметричного характера их экономических отношений с развитыми капиталистическими странами в условиях, когда эти бывшие колонии и полукolonии еще продолжают оставаться в мировом капиталистическом хозяйстве, противоречит несовершенной, а возможно, и уже устаревшей «замкнутой модели» зависимого развития. Согласно этой модели, происходит некое следование «периферии» по спирали (на удалении «минимум один виток») за капиталистическим «центром» при обязательном сохранении односторонней зависимости первой от второго. Изъян такой модели – недооценка новых условий развития капитализма, его возросшей неравномерности в различных освободившихся странах.

Само появление концепции зависимого развития было вызвано закономерным стремлением преодолеть недооценку роли внешних факторов в развитии освободившихся стран. Эти факторы действительно имеют весьма важное значение. Но распространение концепции зависимого развития привело к преуменьшению роли внутренних факторов, которые в ряде случаев стали рассматриваться лишь как агенты внешних сил. Между тем, по-видимому, необходимо акцентировать взаимосвязь, взаимовлияние внешних и внутренних факторов.

Для анализа внутренних условий и механизма перехода в группу развитых капиталистических стран весьма важным представляется исследование особенностей развития капитализма в освободившихся странах, роли государства в таком развитии, характера социальных сдви-

гов. Говоря о перспективах преодоления асимметричных отношений, надо, однако, подчеркнуть, что речь идет о возможностях, реально открывающихся лишь для отдельных освободившихся стран. Выделение некоторыми западными исследователями из «третьего мира» еще «четвертого» и даже «пятого», по сути дела, отражает происходящую дифференциацию развивающихся государств в экономическом отношении, но не ликвидацию основных качественных характеристик, присущих общности освободившихся стран.

Вхождение отдельных развивающихся государств в группу развитых капиталистических стран означает появление новых и углубление старых противоречий в мировой капиталистической системе. Их исследование, изучение характера и конкретных проявлений антиимпериалистических тенденций в политике «молодых» членов группы развитых капиталистических стран представляет большой теоретический и практический интерес.

Многоукладность экономики. Сама по себе многоукладность экономики не является чем-то свойственным только развивающимся странам. Ныне в мире имеется несколько типов государств с многоукладной экономикой: это и государства, где совершается переход от одной общественной формации к другой и налицо «разноформационные» уклады, и государства, где «разноформационная» многоукладность является «остаточной», и др. «Остаточная разноформационность» укладов присуща таким странам, как Италия (с ее относительно слабо развитым югом), Греция, Португалия, Испания. К странам с многоукладной переходной экономикой относятся развивающиеся страны.

А.И. Левковский справедливо указывал на инертность многоукладной экономики в развивающихся странах, связанную с относительно медленными темпами и отличными от традиционных уродливыми, односторонними

формами развития капитализма*. Вместе с тем некоторые исследователи сделали из этого факта вывод об аморфном «межформационном» этапе, на котором якобы находятся освободившиеся страны. Но переход от одной общественно-экономической формации к другой не происходит в виде механического сцепления двух уже сформировавшихся систем. Нельзя представлять дело так, будто «отработавшая» формация отмирает, после чего начинается переходный период («зазор») между двумя формациями, и лишь затем общество вступает в новый этап своего развития.

С такой постановкой вопроса, как представляется, нельзя согласиться и в теоретическом, и в политико-практическом плане. Именно в результате зарождения в старом обществе новых производственных отношений, соответствующих характеру и уровню развития производительных сил, и начинается переходный период. История не дает ни одного примера, когда этот переход происходил бы в «вакууме», вне определенной формации, в рамках которой каждое данное общество находится в каждый данный период своего развития.

Ряд исследователей – сторонников концепции «межформационного» этапа – отрицает наличие в многоукладной экономике развивающихся стран ведущего уклада или, точнее, ведущих производственных отношений (это может быть и комплекс укладов, объединенных едиными формационными признаками). При таком отрицании, очевидно, имеет место следующее.

Во-первых, не учитывается диалектика единства и борьбы противоположностей, которая лежит в основе формационного развития, в основе самой динамики общества.

* Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран. – М., 1978. – С. 10.

Во-вторых, явно недооценивается важнейшая роль мирового капиталистического хозяйства, частью которого является развивающееся общество (законы мирового хозяйства оказывают свое воздействие практически на все сферы экономической жизни развивающихся стран, в том числе, естественно, и на их традиционные уклады).

В-третьих, не принимается во внимание действие закона неравномерности развития отдельных частей мирового капиталистического хозяйства.

В-четвертых, игнорируется существование общего воспроизводственного механизма, взаимосвязи укладов; последние нельзя рассматривать изолированно: при всей дробности производственного процесса, относительной самостоятельности укладов, на базе которых воспроизводятся соответствующие производственные отношения, было бы неверно в современном обществе абсолютизировать эту «автономность» и, что не менее важно, рассматривать сами уклады в статике, не замечать их развития. Р.А. Ульяновский приводит цифры, характеризующие использование в освободившихся странах наемной рабочей силы, из которых следует, что по данному показателю ряд этих стран вполне сопоставим с группой развитых капиталистических государств. Еще более яркую картину мог бы дать анализ динамики этого показателя, свидетельствующей о диверсификации структуры наемной рабочей силы в результате роста взаимодействия ведущего капиталистического уклада в развивающихся странах с другими частями многоукладной экономики.

Констатация наличия ведущего уклада не идентична утверждению о том, что уже закончился переходный период, и данное общество развивается в рамках новой формации, представленной этим укладом. Ведущий уклад – понятие, соответствующее многоукладной экономике переходного типа. В условиях переходного периода ведущим укладом, очевидно, является тот, который

представляет более высокую формацию. Дело даже не в его удельном весе в народном хозяйстве на нынешнем отрезке времени, пока он даже может уступать другим укладам и по доле в валовом внутреннем продукте, и по числу занятых. Дело в том, что развитие укладов происходит неравномерно, и один из них – ведущий – начинает выполнять объединительные, интеграционные функции; именно он определяет механизм функционирования и развития всей многоукладной экономики, рассматриваемой как единая система. Естественно, что увеличение его удельного веса усиливает значение этого уклада как движущей силы развития такой системы.

Государственно-капиталистический уклад и экономическая политика в отдельных развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, тоже используются силами, стоящими у власти, для воздействия на процесс развития других укладов.

Отрицание ведущего уклада в таких условиях означает недооценку воздействия надстройки на базис, политики в целом на экономику, особенно сильно проявляющегося в переходный период развития общества. Можно констатировать, что, являясь одним из критериев развивающихся стран, многоукладность экономики не представляет собой нечто застывшее. Характер, структура многоукладности и иерархия укладов видоизменяются не только от одной развивающейся страны к другой, но и в данной стране – с течением времени. Например, радикальные аграрные реформы в ряде освободившихся стран привели к ликвидации либо к ограничению феодальных или полуфеодальных отношений. В результате сократилась сфера внеэкономического принуждения, что, в свою очередь, способствовало расширению мелко-товарного уклада за счет феодального и полуфеодального. В некоторых освободившихся странах был ликвидирован или преобразован иностранный капиталистический

уклад. Это привело к усилению государственно-капиталистического и, условно говоря, государственно-промежуточного укладов.

Относительно низкий уровень развития производительных сил. Этот критерий, очевидно, один из самых разработанных в литературе, в том числе и с учетом количественных индикаторов. Большой вклад в его разработку внесли, например, авторы монографии «Типология несоциалистических стран»*, которые дали широкую социально-экономическую характеристику уровня развития производительных сил, включающую анализ «человеческого фактора» (рассмотрение в социально-культурном аспекте главной производительной силы – совокупного работника) и выявление типа производительных сил. Более низкий в целом, чем у группы развитых капиталистических государств, уровень развития производительных сил является показателем общности освободившихся стран. Касаясь же ступени развития производительных сил, авторы «Типологии» определяют ее для большинства освободившихся стран как «доиндустриальную», а для отдельных стран – как «индустриальную». Следовательно, все освободившиеся от колониальной зависимости страны уже нельзя безоговорочно объединить в общность на основе единой ступени развития производительных сил. Однако можно, очевидно, считать, что в целом для производительных сил освободившихся стран характерна доиндустриальная ступень при существовании и относительно быстром развитии в них индустриальных «анклавов».

Вместе с тем именно по уровню развития производительных сил особенно ощутим происходящий достаточно

* Типология социалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). – М.: Наука, 1976.

быстрыми темпами процесс дифференциации освободившихся стран.

Несовместимость национальных интересов с империалистическими интересами и политикой развитых капиталистических государств. Речь идет не только о «ретроспективной» общности освободившихся стран по этому признаку, хотя, разумеется, колониальное прошлое сделало здесь антиимпериализм важнейшей характеристикой массового сознания. «Ретроспективный» элемент сохраняет определенное значение и ныне, создавая в развивающихся странах соответствующий психологический климат и воздействуя – в различных странах в разной степени – на их политику. Однако наряду с этим существует соответствующий современный показатель общности, о котором главным образом и следует говорить в данном случае.

Сначала несколько слов вообще о понятии «национальные интересы». Очевидно, их можно определить как объективную категорию, отражающую необходимость создания комплекса условий (экономических, социальных, политических, военно-оборонных), благоприятствующих всестороннему развитию данной нации.

Буржуазная, в частности американская, политология практически сводит национальные интересы к внешней сфере – международным отношениям. Если рассматривать данную категорию как относящуюся к внутренней жизни страны и ее народа, то станет еще более очевидно, что общенациональным потребностям не соответствует в первую очередь государственно-монополистическая политика, проводимая в угоду узкой группе населения, представляющей монополистический капитал. Характерен в этом отношении пример государственного регулирования в США после начала энергетического кризиса в капиталистическом мире, которое не защищало интере-

сы массового потребителя продуктов из нефти и газа и, в конечном счете, служило интересам крупных американских нефтяных компаний. Показательно, что розничная цена на бензин, потребителем которого в США является большая часть самодеятельного населения, возросла с начала 1974 по конец 1980 г. почти в три раза при одновременном беспрецедентном росте прибылей этих компаний*.

Американские политики и политологи отождествляют понятия «национальные интересы» и «государственные интересы». Такое отождествление при капитализме неправомерно. Известно, что государство даже в условиях существующей тенденции роста его относительной самостоятельности было и остается в развитых капиталистических странах орудием правящего класса, проводником и защитником именно его интересов, а не интересов народа, нации. В развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, понятие «государственные интересы» шире: власть в ряде случаев принадлежит социально-классовым коалициям, в состав которых входит и мелкая буржуазия города и деревни.

Сфера национальных интересов далеко не беспредельна. Они не должны обеспечиваться за счет интересов других народов, за счет общечеловеческих интересов, требующих стабильности международных отношений, прочного мира, совместных усилий народов и государств по сохранению внешней среды, использования взаимовыгодных экономических связей. Таким образом, ограничителем национальных интересов является их совместимость с национальными (мы подчеркиваем: именно с национальными, а не государственными, как их понимают в капиталистическом мире) интересами других стран и, конечно, с общечеловеческими интересами.

* Monthly Energy Review / U.S. Department of Energy. – Washington, 1981. – P. 83.

Такая совместимость особенно необходима в условиях существования в современном мире двух противоположных общественно-политических систем и появления оружия массового уничтожения, обладающего огромной разрушительной силой. Естественно, что при этих обстоятельствах особое значение имеет не жесткое противопоставление национальных интересов разных стран, а определение сфер их совпадения – и на уровне общечеловеческих задач, и на многосторонней и на двусторонней основе.

Объективные национальные интересы освободившихся стран находятся в решительном противоречии с целями монополистического капитала развитых капиталистических стран и призванной обеспечивать достижение этих целей империалистической политикой.

Во-первых, потребностям всестороннего развития освободившихся стран противостоит неокOLONиалистская практика. Монополистический капитал развитых капиталистических государств в основном продолжает держать курс на сохранение освободившихся стран в виде поставщика сырьевых ресурсов, сферы приложения капитала, рынка сбыта товаров. Такая «периферийная» включенность освободившихся стран в мировое капиталистическое хозяйство усиливается и осложняется с развитием новых процессов и тенденций – перенесением в эти страны ряда «грязных», трудоемких и энергоемких производств. На что особенно хотелось бы обратить внимание, расширяется и углубляется научно-техническая зависимость большинства освободившихся стран от капиталистического «центра».

Неоколонизаторы пытаются закрепить «периферийное» положение развивающихся стран, выступая против демократизации мирохозяйственных связей. Если развивающиеся государства настаивают на радикальном изменении условий торговли, создании более благоприятных для них пропорций между ценами на импорти-

руемые промышленные товары и экспортируемое сырье и полуфабрикаты, то монополистические круги согласны лишь на незначительные перемены, которые, по сути дела, сохраняют дискриминацию освободившихся стран в мировой капиталистической торговле.

Во-вторых, задачам успешной борьбы развивающихся государств за суверенитет над своими природными богатствами противоречит стремление государственно-монополистического капитализма в соответствии с потребностями развитых капиталистических стран выкачать в ограниченные сроки, в больших масштабах и по возможно более низким ценам невозобновляемые топливно-сырьевые ресурсы развивающегося мира. Примером является настойчивое давление Соединенных Штатов на Саудовскую Аравию с целью увеличить квоты добычи нефти вопреки геологическим условиям, не позволяющим вести форсированную разработку месторождений.

Такое давление выглядит еще более контрастно на фоне энергетической политики в самих Соединенных Штатах, где отказались от удвоения добычи нефти, предусмотренного программой «Independence», которая была объявлена в 1974 г. президентом Р. Никсоном. (Одной из провозглашенных причин отказа был вывод о быстром истощении нефтяных ресурсов США при их форсированной разработке.)

Аналогичное давление США оказывают на нефтеэкспортирующие освободившиеся страны и по вопросу о ценах на нефть, требуя их снижения или замораживания на существующем уровне.

В-третьих, национальные интересы развивающихся стран несовместимы с империалистическим подходом к решению глобальных проблем. Освободившиеся страны остро нуждаются в ограничении, а затем и прекращении гонки вооружений, что не только отведет угрозу термоядерной войны, оздоровит международную обстановку,

резко уменьшит возможности возникновения международных конфликтов, но и позволит направить значительные дополнительные внешние и внутренние ресурсы непосредственно на цели экономического и социального развития.

Освободившиеся страны объективно заинтересованы в сохранении тенденции к разрядке международной напряженности. Отход США от этой тенденции в политике грозит освободившимся странам новыми попытками их включения в военные блоки, опасностью расширения военного присутствия империалистических держав, созданием новых иностранных баз на территориях развивающихся государств или вблизи от них. Иными словами, растет риск вовлечения освободившихся стран в опасные империалистические авантюры и вместе с тем возникают новые угрозы завоеваниям, достигнутым ими на пути самостоятельного развития.

Особая несовместимость национальных интересов освободившихся стран с интересами правящих групп развитых капиталистических государств обозначилась в связи с теми «силовыми приемами», которые стала осуществлять администрация США на стыке 70-х и 80-х годов, – и в виде военно-политического и экономического давления на Иран, и в форме демонстрации военной силы в зоне Персидского залива и Индийского океана.

Несовместимость национальных интересов освободившихся стран и империалистической политики является основой сохранения в нынешних условиях антиимпериалистической направленности политики стран Востока. Конечно, этот вывод об объективной основе антиимпериализма в политике стран Востока не означает, что антиимпериализм в равной мере свойствен всем освободившимся странам, что он последователен во всех случаях и «автоматически» вытекает из коренных интересов народов. На реальном положении дел, разумеется, сказываются неоднородность постколониального Вос-

тока, углубляющийся процесс дифференциации освободившихся стран, а также тот факт, что политика во многом определяется субъективными моментами. Мы считаем необходимым лишь подчеркнуть, что существует объективная база для такого антиимпериализма и что ее наличие служит одной из общих характеристик освободившихся стран.

* * *

Итак, лишь комплекс критериев может определять целостность и специфику группы развивающихся стран. В отсутствии в этом комплексе постоянного главного критерия состоит безусловное своеобразие рассматриваемой общности. Мир развивающихся стран в зависимости от контекста анализа имеет различный профиль. В каждом данном случае комплекс критериев выстраивается в различную иерархию. Например, общность развивающихся стран в отношении мирохозяйственных связей определяется нахождением их в мировом капиталистическом хозяйстве в качестве эксплуатируемой «периферии». В то же время этот признак не может быть определяющим, если мы рассматриваем место и роль группы развивающихся стран в международных отношениях.

Глава 2

ЗАКОН НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН

I. Некоторые методологические замечания

Констатируя наличие общих черт, позволяющих считать освободившиеся страны исторической общностью, мы уже в предыдущей главе подчеркивали весьма относительный характер однородности этих стран, аморфность той типологической системы, в которую они объединяются. Одной из главных характеристик этой системы – мира освободившихся, развивающихся стран – является усилившийся процесс дифференциации, который происходит во всех сферах – экономической, политической, социально-классовой, идеологической. Без исследования причин этой дифференциации, ее направлений и результатов, очевидно, невозможно представить сколько-нибудь полную картину того, что происходит в современной Азии, Африке и Латинской Америке.

Основное, магистральное направление перемен в государствах, родившихся на развалинах колониальных империй либо порвавших путы полуколониальной зависимости, уже обозначено утверждением национального суверенитета, ограничением или ликвидацией феодального землевладения, развитием государственного сектора, национализацией иностранных предприятий (а в ряде стран проведением и более глубоких внутренних социально-экономических и политических преобразований), ростом национального самосознания, усилением роли этих государств в мировой политике и международных отношениях.

Вместе с тем в рамках этого исторического, с явно обозначившейся перспективой, процесса наблюдаются противоположные тенденции: социалистическое развитие ряда бывших колоний и полуколоний – капиталистическое развитие других; становление и укрепление ряда стран социалистической ориентации – прекращение движения по некапиталистическому пути некоторыми из них; радикализация преобразований в одних освободившихся странах – «поправление» режимов в других.

Особенно характерными в этом отношении стали 70-е годы. Завершение процесса ликвидации колониальной системы, ознаменовавшееся крахом последней колониальной империи – португальской, привело к образованию на месте бывших португальских колоний антиимпериалистических, ориентирующихся на социализм режимов. Победила революция в Эфиопии, и пришедшее там к власти революционно-демократическое руководство встало на путь радикальных социально-экономических и политических преобразований. Историческую победу одержало революционное движение в Афганистане. Народная волна смела шахское самодержавие в Иране. Углубились прогрессивные сдвиги в Конго, Мадagasкаре, Демократическом Йемене, Танзании, Алжире и других странах.

Но одновременно в ином направлении сместилась ось власти в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке; отошли от социалистической ориентации Египет, Сомали; усилились позиции реакции в Судане; имел место поворот вправо и в некоторых других развивающихся странах; обозначились различные тенденции в движении неприсоединения.

Очевидно, развитие противоположных тенденций в группе освободившихся стран – закономерность, которая будет действовать и в дальнейшем.

В нашей научной литературе раньше существовала известная недооценка процесса и специфики дифференциации освободившихся стран. В 40-х – начале 50-х годов исторический поворот в судьбах освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран некоторыми учеными упрощенно рассматривался только с точки зрения смены форм включенности этих стран в систему мирового капитализма. Независимость таких стран нередко объявлялась формальной, а большинство их – проимпериалистическими. В дальнейшем, после преодоления такой односторонности, особенно в конце 50-х и в 60-х годах, в ряде научных исследований стали преобладать представления противоположного толка – тоже одностороннее «вписывание» всех освободившихся стран в лагерь антиимпериалистических сил. Между тем действительность оказывалась и оказывается гораздо сложнее, что находит свое выражение и в процессах дифференциации освободившихся стран, причем важнейшее значение имеют сдвиги в социально-экономической сфере.

Недостаточное внимание ученых к этой проблеме в прошлом можно было бы объяснить в определенной мере тем, что процессы дифференциации – особенно экономической – выпукло проявились в мире освободившихся стран не сразу. Осязаемо и быстро – о причинах этого будет говориться ниже – эти процессы развиваются

практически с 70-х годов. Вместе с тем такое недостаточное внимание, на наш взгляд, было связано и с недооценкой воздействия на освободившиеся страны законов мирового капиталистического хозяйства. В дифференциации развивающихся стран проявляется как неравномерность развития капитализма на монополистической стадии мирового капиталистического хозяйства в целом, так и неравномерность развития «молодого» капитализма в самих развивающихся странах.

В.И. Ленин открыл закон неравномерности в качестве универсального при капитализме, включающего в сферу своего действия все части мирового капиталистического хозяйства, в том числе и его «периферию», которая прежде была представлена колониями и полуколониями, а ныне – главным образом развивающимися странами.

Условия, сложившиеся в результате краха колониальной системы империализма, в общем, как правило, благоприятствовали росту капитализма в освободившихся странах, причем действие закона неравномерности развития усиливало дифференциацию внутри этой части мирового капиталистического хозяйства.

К этим методологическим замечаниям следует добавить, что действие закона неравномерности экономического и политического развития распространяется на все развивающиеся государства, которые продолжают находиться в мировом капиталистическом хозяйстве.

II. Экономическая дифференциация

Остановимся вначале на динамичном соотношении между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства.

После краха колониальной системы наметилось опережение темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП) в группе развивающихся стран. Произошел перелом в тенденции: сокращавшаяся в первой половине XX столетия доля «периферии» в совокупном ВВП несоциалистического мира стала расти. С 1950 по 1980 г. она увеличилась с 14,5 до 18,5 %, в том числе по промышленности – с 8,5 до 15,5 %, а по сельскому хозяйству – с 46,8 до 53 %. (Вместе с тем в этот период – и это тоже еще раз отражает действие закона неравномерности – были свои подъемы и свои спады, ускорение или замедление действия этой тенденции.) В 80–90-х годах темпы экономического развития несоциалистического мира в целом будут, очевидно, замедляться – главным образом под воздействием структурных кризисов капитализма. Но есть основания согласиться с прогнозом, по которому на развивающихся странах это замедление скажется в меньшей степени, чем на развитых капиталистических государствах.

Ускорились и темпы структурной перестройки экономики развивающихся стран. За период с 1950 по 1980 г. доля сельского хозяйства в ВВП этих стран понизилась с 38,2 до 19,6 %, а промышленности – возросла с 15,9 до 26 %. Согласно прогнозам Института востоковедения АН СССР, к 2000 г. доля сельского хозяйства в ВВП развивающихся стран уменьшится до 15–18 %, а промышленности – увеличится до 30–33 %.

Эти подсчеты и прогнозы – весьма важная иллюстрация к действию закона неравномерности. Однако следует обратить внимание на два главных обстоятельства: первое – нет оснований для вывода о существенном сближении между капиталистическим «центром» и «периферией» по общему объему производства и его структуре; второе – определенный экономический динамизм группы развивающихся стран создается в основном за счет

довольно высоких темпов роста ВВП и диверсификации экономической структуры лишь небольшого числа освободившихся стран, а их значительная часть продолжает быть экономически инертной. При этом потеря в будущем отдельными, наиболее быстро развивающимися странами «периферийной» характеристики не ликвидирует того особого места, которое будет и впредь занимать в мировом капиталистическом хозяйстве вся группа бывших колоний и полуколоний в целом.

Известно, что экономический разрыв между развитыми капиталистическими и развивающимися странами определяется не показателями общего объема их валового внутреннего продукта, а соотношением ВВП или национального дохода в расчете на душу населения. Между тем, несмотря на повысившийся экономический динамизм освободившихся стран, сохраняется их значительное отставание по среднему уровню ВВП на душу населения, и такое отставание в перспективе, при предвидимых темпах роста экономики и населения, не будет резко уменьшаться. В основе этого отставания лежат относительно низкие темпы повышения производительности труда при сравнительно высоких темпах роста населения.

Обращает на себя внимание и другое: огромных размеров достигает разрыв по двум группам стран в абсолютной величине доходов на душу населения. Так, с 1950 по 1980 г. разница в среднем доходе на душу населения двух групп стран возросла в 2,4 раза.

По подсчетам американского экономиста П. Розенштейна-Родана, в начале XIX в. разница в доходах на душу населения между промышленно развитыми и отсталыми странами составляла 2:1. После завершения колониального раздела мира и перехода к империализму разрыв между развитыми капиталистическими государствами и отсталыми в промышленном отношении стра-

нами, которые, как правило, тогда уже были представлены колониями и полуколониями, достиг пропорции 11,3:1 (к 1913 г.). Этот разрыв практически сохранялся на прежнем уровне и после ликвидации колониальной системы, колеблясь от 11:1 до 13:1 (1950–1980 гг.).*

Несмотря на неполную сопоставимость приведенных данных, они отражают определенные тенденции: до создания колониальных империй и образования мирового капиталистического хозяйства неравномерность развития не приводила к глубокой экономической дифференциации мира; такая дифференциация оказалась характерной для периода колониализма, однако сам крах колониальной системы автоматически не привел к преодолению разрыва в доходах между капиталистическим «центром» и «периферией».

Разрыв в уровнях ВВП в целом сохранится и в обозримом будущем. Если взять за основу среднегодовые для мира развивающихся стран темпы роста совокупного ВВП в 6 % и ВВП на душу населения в 3,5 % (с учетом достаточно быстрого прироста населения)**, то к 2000 г. этот разрыв, по существу, даже не уменьшится: по уровню ВВП на душу населения группа развитых капиталистических стран будет в 12 раз превосходить группу развивающихся стран.

Однако констатация лишь этого положения – сохранения разрыва между капиталистическим «центром» и «периферией» – представляется явно недостаточной для понимания экономических тенденций, развивающихся в

* Мировая экономика и международные отношения. – 1972. – № 3. – С. 148–157; Yearbook of National Accounts Statistics 1979. – 1980. – Vol. II. – P. 3.

** Эти цифры взяты из рекомендаций ООН для Второго десятилетия развития (International Development Strategy: Action Programme of the General Assembly for the Second United Nations Development Decade. – New York, 1970. – P. 4–5). Они были подтверждены и в резолюции VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1975 г.

бывшем колониальном и зависимом мире. Дело в том, что наряду с сохранением такого разрыва неравномерность развития при капитализме приводит к четкому выделению ряда развивающихся государств, опережающих всю группу в целом по темпам роста национального дохода, капиталовложений и в некоторых случаях – производительности труда. Это, прежде всего, нефтедобывающие государства и страны с относительно развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности. В то же время на другом полюсе обозначилась группа наименее развитых стран с чрезвычайно низким доходом на душу населения, минимальным уровнем грамотности и весьма слабым промышленным сектором.

Оценивая масштабы и особенности процессов дифференциации в несоциалистическом мире, один из видных советских специалистов в области статистики зарубежных стран, Б. Болотин, на основе анализа данных и ряда сопоставлений пришел к следующим выводам. В 50–70-е годы неравномерность развития на «периферии» мирового капиталистического хозяйства проявлялась в 3 с лишним раза интенсивнее, чем в «центре». Если для развитых капиталистических государств в этот период была характерна тенденция к нивелировке уровня экономического развития (подтягивание к «лидеру» – США), то в группе развивающихся стран преобладала тенденция к углублению дифференциации (увеличение дистанции между вырвавшимися вперед несколькими государствами и основной массой развивающихся стран)*.

Усиление неравномерности экономического развития освободившихся стран, которое базируется на действии внутренних факторов, вместе с тем тесно связано с

* Подробнее см.: Неравномерность экономического развития капитализма (1950–1976 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. – 1979. – № 5. – С. 144–146.

внешними факторами, особенно с двумя главными: во-первых, со структурными кризисами капитализма, охватившими в 70-е годы целые отрасли, сферы мировой капиталистической экономики, – сырьевым, энергетическим, валютно-финансовым, экологическим; во-вторых, с особенностями экспорта капитала из империалистических государств.

В мире развивающихся стран следствием и проявлением структурных кризисов капитализма стали: чрезвычайно быстрый, скачкообразный рост национального дохода в отдельных странах, прежде всего нефтедобывающих; ускорение промышленного развития ряда стран; накопление, а при невозможности использования на месте (из-за недостаточной емкости внутреннего рынка) «перенакопление» капитала в некоторых странах и его экспорт как в другие развивающиеся страны, так и в развитые капиталистические государства; структурные сдвиги в экономике, вызванные перемещением в развивающиеся страны из развитых капиталистических государств экологически «грязных», трудо-, энерго- и материалоемких производств.

Так, энергетический кризис привел к выделению группы нефтедобывающих государств, чьи доходы с 1973 по 1980 г. возросли с 42,2 почти до 300 миллиардов долларов, то есть в 7 раз. В течение этого периода 13 стран, объединившихся в Организацию стран – экспортеров нефти (ОПЕК), получили в общей сложности в виде доходов от нефти свыше триллиона долларов (в текущих ценах)*.

По отдельным развивающимся нефтедобывающим странам наблюдался еще более резкий взлет доходов. На основе этого взлета начался бум капиталовложений: в Саудовской Аравии, например, где доходы от экспорта

* Рассчитано по: *Petroleum Economist*. – June 1981. – P. 232; Андреев Р., Казюков А. ОПЕК в мире нефти. – М., 1978. – С. 178.

нефти в 1980 г. составили около 90 миллиардов долларов*, на пятилетний план развития 1975–1980 гг. предполагалось затратить 142 миллиарда долларов**. Конечно, не всю эту сумму удалось реализовать в условиях нехватки в королевстве квалифицированной и вообще наемной рабочей силы, слабого развития инфраструктуры: согласно заявлениям руководящих работников министерства промышленности Саудовской Аравии, расходовалась лишь половина выделяемых фондов. Но даже такая «половинная» сумма в 2 раза превосходила капиталовложения всех развивающихся государств, вместе взятых, в 1970 году***.

Характерно, что в следующей пятилетке (1980–1985), несмотря на неполное абсорбирование выделенных в прошлом средств, вложения в экономику Саудовской Аравии резко возрастают. Общая сумма расходов в этом пятилетием плане составляет 235 миллиардов долларов, то есть на 65 % больше, чем предусматривалось по предыдущему плану****.

Неравномерность развития бывших колониальных и зависимых стран породила в 70-х годах такой феномен, как экспорт капитала в достаточно больших масштабах из отдельных развивающихся стран в развитые капиталистические государства. На начало 1980 г. зарубежные активы стран ОПЕК составили 236 миллиардов долларов, в том числе прямые и портфельные инвестиции в США и другие развитые капиталистические страны – 58, банковские депозиты на евро-долларовых и национальных денежных рынках стран Запада – 115, все виды капиталовложений в развивающиеся государства – 38 миллиардов долларов*****.

* Petroleum Economist. – June 1981. – P. 232.

** Саудовская Аравия. – М., 1980. – С. 118.

*** Le Monde. – 23–24 января 1977.

**** Middle East Economic Digest. – 1980. – Vol. 24, No. 45. – P. 7.

***** First Chicago World Report. – May–June 1980. – P. 2.

Как явствует из приведенных данных, основная, даже преобладающая часть капитала, экспортируемого из стран ОПЕК, направляется в развитые капиталистические государства.

В крупного экспортера капитала превращаются отдельные нефтедобывающие страны. Общий объем саудовских активов за рубежом в 1970 г. был равен 893 миллионам долларов, а в 1980 г. достиг 118 миллиардов долларов, то есть за десятилетие вырос более чем в 132 раза. В 1981 г. Саудовская Аравия должна была получить от своих иностранных вложений 10,7 миллиарда долларов*.

Феномен экспорта капитала из развивающихся стран тоже отражает общие условия и общие процессы в капиталистической экономике. Среди них можно назвать:

- особые обстоятельства – энергетический и сырьевой кризисы, – которые способствовали резкому возрастанию доходов ряда развивающихся стран;
- невозможность использования всеми этими странами всех полученных доходов на месте, превращение их в относительно избыточные;
- заинтересованность развитых капиталистических стран в рециклировании этих доходов в свою экономику;
- паразитический характер помещичье-буржуазных кругов, находящихся у власти в некоторых освободившихся странах, экспортирующих капитал: созданию инфраструктуры, необходимой для развития своих стран, эти круги предпочитают использование уже существующих структур в развитых капиталистических государствах, прибыльные вложения капиталов в чужую экономику.

Вследствие всего этого экспорт капитала из отдельных развивающихся государств приводит к противоречивым

* Там же.

результатам: с одной стороны, он превращается в источник быстро растущих доходов лишь для немногих из них, привнося определенные империалистические элементы в их политику; с другой стороны, он становится одним из средств, используемых империалистическими кругами для привязывания важной части развивающегося мира к основным экономическим центрам современного капитализма.

Среди таких средств не только экономические. Решение президента США в 1979 г. о замораживании иракских авуаров на счетах американских банков, оперирующих на территории Соединенных Штатов или за их пределами, – яркое свидетельство того, как импорт капитала из развивающейся страны может служить орудием давления на ее политику. Урегулирование в начале 1981 г. проблемы заложников было осуществлено явно не в пользу Ирана⁴⁰. Заключение в день вступления в должность нового американского президента соглашение, освободившее заложников, вернуло Ирану 2780 миллионов долларов – незначительную часть от 11,5–12,5 миллиардов долларов иранских активов, замороженных США*.

Но и в «повседневной» жизни экспорт капитала из развивающейся страны делает ее значительно более интегрированной в мировое капиталистическое хозяйство и более уязвимой с точки зрения действующих в нем закономерностей.

Обострение структурных кризисов капитализма не только способствует возникновению условий для миграции капитала в «нетрадиционном» направлении: с отдельных участков «периферии» в «центр» мирового капиталистического хозяйства, но и усиливает «магистральное» движение капитала: из «центра» – империали-

* Middle East Economic Digest. – 1980. – Vol. 25, No. 4. – P. 10.

стических государств на «периферию» – в развивающиеся страны.

На характер экспорта капитала в 60-е и особенно в 70-е годы огромное влияние оказала деятельность транснациональных корпораций, которые контролируют более 90 % всех частных зарубежных инвестиций в мировом капиталистическом хозяйстве. Несмотря на то, что развитые капиталистические страны являются основной сферой деятельности международных монополий, в абсолютных показателях масштабы операций этих монополий в развивающихся государствах неуклонно увеличиваются.

В конце 60-х и в 70-х годах обозначился ряд особенностей экспорта капитала в развивающиеся страны, связанных с деятельностью ТНК. Одна из них – общее увеличение доли частных капиталовложений. Если в 1960 г. доля частных капиталовложений в общем притоке капитала из стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в развивающиеся страны составила 37 %, в 1967–1969 гг. – 44,7 %, то в 1978–1980 гг. она возросла до 62,7 %*. Среди стран – экспортеров капитала первое место по частным капиталовложениям за границей принадлежит Соединенным Штатам, что свидетельствует о лидирующем положении в этой сфере американских транснациональных монополий.

Другая особенность экспорта капитала в развивающиеся страны – значительный удельный вес вложений в предприятиях обрабатывающей промышленности. Так, за период с 1966 по 1978 г. на эту отрасль приходилось около половины инвестиций США в развивающихся государствах*.

* Рассчитано по: Development Co-operation. – 1979. – P. 226; 1981. – P. 196.

* The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment). – New York, 1979. – P. 23.

Наконец, еще одна отличительная черта экспорта капитала в развивающиеся страны, которая имеет прямое отношение к деятельности ТНК, это изменение формы капиталовложений, резкий рост портфельных инвестиций. Если в 1967–1969 гг. удельный вес портфельных инвестиций в притоке частного капитала развитых капиталистических государств в развивающиеся страны составлял 26,4 %, то в 1978–1980 гг. их доля повысилась до 51,1 %. Это произошло на фоне уменьшения доли и прямых инвестиций, и экспортных кредитов – соответственно, с 46,4 до 24,5 и с 27,2 до 24,4 процентов*. Такая динамика красноречиво свидетельствует о том, что иностранные монополии все большее значение придают косвенным формам контроля над производственными и иными объектами в развивающихся странах – скупке акций, созданию смешанных компаний, международных консорциумов с участием местного капитала и т. д.

Существует несколько направлений деятельности транснациональных корпораций в развивающихся странах.

Самую длительную историю здесь имеют иностранные монополии, снабжающие сырьем, топливом, продукцией сельского хозяйства индустриальные центры капиталистического мира. Во второй половине 70-х годов сырьевые ТНК (в связи с экологическим кризисом в развитых капиталистических государствах и особенно после национализации ряда сырьевых предприятий в развивающихся странах) начали переработку первичной продукции на месте вблизи от источников. Строительство таких энерго-, материалоемких и «грязных» предприятий, ориентированных по-прежнему на рынок развитых капиталистических стран приносит ТНК значительные выгоды и в связи с меньшими затратами на охрану окружающей среды (доля таких затрат составляет, напри-

* Рассчитано по: Development Cooperation. – 1979. – P. 226; 1981. – P. 196.

мер, в производстве металлоизделий в США 10,8 %, а в развивающихся странах — 4,9 %, в нефтепереработке — соответственно 12,8 и 5,1 %)*.

В послеколониальный период появилось еще одно направление деятельности ТНК — создание импортозамещающих производств. Как правило, эти производства создавались и создаются в странах, составляющих наиболее развитую в промышленном отношении часть бывшего колониального и зависимого мира, и ориентированы на местный рынок и сопредельные районы.

В 70-е годы широкое распространение получило новое направление деятельности ТНК, основанное на международной внутриотраслевой специализации производства. Так, в конце 70-х годов 43 % импорта США из развивающихся стран осуществлялось через торговлю головных компаний ТНК с их филиалами (по сырьевым материалам — 49 %, полуфабрикатам — 17 %, готовым изделиям — 37 %)**. Для этих филиалов иностранных монополий, превращенных, по сути дела, в цехи, важны не масштабы местного рынка (емкость внутреннего рынка развивающихся стран имеет первостепенное значение для деятельности импортозамещающих предприятий), а низкая заработная плата местных рабочих. Операции таких филиалов связываются с производственно-коммерческой деятельностью головных компаний. Особую активность в этом плане проявляют ТНК в части капиталистической «периферии» — в Сингапуре, на Тайване, в Южной Корее, Гонконге, Мексике, Бразилии, Тунисе. Так, за 70-е годы доля промышленных товаров в экспорте Сингапура выросла с 27,8 до 46,2 %, Южной Кореи — с 77,4 до 89,2 %, Бразилии — с 13,5 до 38,2 %***. Характерно,

* Азия и Африка сегодня. — 1981. — № 8. — С. 20.

** The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment). — P. 20.

*** Рассчитано по: Monthly Bulletin of Statistics. — 1981. — Vol. XXXV, No. 1. — P. xxiv—xxxi.

что в 1974–1977 гг. (эта тенденция, безусловно, сохраняется и ныне) при среднегодовых темпах роста экспорта из развивающихся стран Азии и Северной Африки примерно в 4 % темп роста экспорта готовых изделий и полуфабрикатов (конечно, не полностью, но во многом вследствие активизации деятельности ТНК) составил 11 %*.

Деятельность ТНК в развивающихся странах позволяет транснациональным монополиям получать огромные прибыли за счет разграбления природных богатств и нещадной эксплуатации людских ресурсов этих стран. Практика ТНК сохраняет и усиливает научно-техническую зависимость развивающихся стран, их уязвимость в условиях экономических спадов, инфляции, валютных неурядиц в мировом капиталистическом хозяйстве. Вместе с тем такая практика способствует росту производства – конечно, негармоничному, одностороннему – в некоторых развивающихся странах, что явно усиливает экономическую дифференциацию их группы в целом.

Экономическая дифференциация бывшего колониального и полуколониального мира имеет тенденцию к дальнейшему усилению также и потому, что ТНК выбирают в качестве сферы деятельности уже экономически продвинувшиеся развивающиеся страны. Об этом свидетельствует сопоставление различных групп развивающихся стран с точки зрения их использования как сфер приложения иностранного капитала.

Из таблицы 1 видно, что на страны, составляющие две верхние по размеру ВВП на душу населения группы (4 и 5), приходилось в начале 1978 г. более 70 % всех частных иностранных капиталовложений членов ОЭСР в развивающихся странах.

По крайней мере, столь же неравномерно распределялся среди развивающихся стран и импорт ссудного ка-

* См.: Мировая экономика и международные отношения. – 1980. – № 12. – С. 34.

питала. Так, из общей суммы еврокредитов, предоставленных развивающимся странам в 1973–1979 гг., в 140 млрд долларов 26,7 % получили государства – основные нефтеэкспортеры, 42,3 % – страны с быстро растущим промышленным экспортом и всего 0,5 % – группа наименее развитых стран (по классификации ЮНКТАД)*.

Таблица 1

Распределение частных капиталовложений государств – членов ОЭСР в развивающихся странах (на начало 1978 г.)**

Группа стран по потреблению ВВП на душу населения	Размер ВВП на душу населения (\$, 1976)	Население, %	ВВП, %	Капиталовложения, %
1	Менее 200	49,5	12,9	6,5
2	200–374	10,3	5,3	9,4
3	375–699	13,9	12,3	11,6
4	700–1000	5,3	8,9	9,3
5	Более 1000	21,0	60,6	63,2

Экономическую поляризацию в мире освободившихся стран усиливают магистральные тенденции развития мировой торговли. Доля стран с низким доходом*** (ис-

* Рассчитано по: Handbook of International Trade and Development Statistics 1979. – New York, 1980. – P. 433–434; Annual Report / World Bank. – Washington, 1980. – P. 146–147.

** Рассчитано по: The Role of Transnational Companies (Direct Private Investment). – P. 2; Yearbook of National Accounts Statistics 1978. – 1979. – Vol. II. – Tab. 1, 2.

*** К странам с низким доходом в данном случае относятся те, где ВВП на душу населения был меньше 300 долларов в 1975 г.

ключая экспортеров нефти) в мировой торговле за 60–70-е годы упала более чем в 2,5 раза – с 3,6 % в 1960 г. до 1,4 % в 1978 г. Если в 1970 г. из общего экспорта развитых капиталистических стран на развивающиеся государства (исключая нефтеэкспортирующие) приходилось 17,3 %, то в 1977 г. – 15,8 %*.

Следовательно, те страны, которые уже на сегодняшний день имеют больший ВВП на душу населения, будут в ближайшем будущем обладать значительно большими возможностями для дальнейшего роста производительных сил с точки зрения внешних источников финансирования, чем остальные государства развивающегося мира. При этом нужно иметь в виду, что и внутренние источники накопления гораздо значительнее у верхних групп, чем у стран с наименьшим потреблением ВВП на душу населения. Доля накопления в беднейших освободившихся странах составляет лишь 8 % ВВП, тогда как в средних группах этот показатель уже равен 20 %, а в высшей группе составляет 28,5 %**. Таким образом, группа наименее развитых освободившихся стран отстает еще больше. При этом многие исследователи прогнозируют дальнейший рост дифференциации освободившихся стран на 80–90-е годы***.

В какой-то мере уже говорилось о том, что в результате действия закона неравномерности развития появилась принципиальная возможность для некоторых бывших колоний и полуколоний выйти по потреблению ВВП на душу населения на уровень отдельных государств капиталистического «центра».

Уже в 50-х годах некоторые латиноамериканские страны, обычно относимые к развивающемуся миру, шли по

* World Development Report / World Bank. – Washington, 1980. – P. 100.

** Development Co-operation. – 1978. – P. 40–41.

*** Подробнее см., например: *Leontief W.* The Future of World Economy. – New York, 1977. – P. 3.

этому показателю впереди стран, замыкающих группу развитых капиталистических государств. В первой половине 70-х годов, например, Бразилия и Мексика превосходили Испанию, Грецию и Португалию уже и по темпам роста ВВП на душу населения.

Другие развивающиеся страны – нефтедобывающие и с развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности, как Кувейт, Саудовская Аравия, Иран, Сингапур, Турция, начинавшие в 1950 г. с более низкого (или примерно такого же) уровня потребления ВВП на душу населения, чем страны, замыкающие группу развитых капиталистических государств, в 70-е годы по темпам роста этого показателя сравнивались с ними или опередили их. Следует отметить, что лишь в нефтедобывающих странах это было связано преимущественно с многократным подъемом цен на нефть, в остальных же отражало главным образом реальный рост производительных сил.

Конечно, потребление ВВП на душу населения – не единственный показатель развития страны, однако он агрегирующий и, очевидно, обладает относительно большим «весом», чем другие. Но и на основе данных многомерного анализа некоторые страны Латинской Америки уже в 60-е годы считались более развитыми в экономическом отношении, чем страны, замыкающие группу развитых капиталистических государств. Интересны в этом отношении приводимые авторами «Типологии не социалистических стран» данные, которые сопоставляются (при фиксации высокой степени совпадения) с результатами многомерных расчетов ряда зарубежных исследователей. Например, сотрудники Института ООН по вопросам социального развития располагали на своей «шкале развитости» Уругвай, Аргентину, Венесуэлу и Чили выше, чем Испанию, Грецию и Португалию; американский специалист Б. Рассетт поставил Аргентину и Уругвай выше всех трех названных стран, Венесуэлу –

выше Греции и Португалии, а Чили – выше Португалии. Японские ученые Юнити Кегоку и Хироко Иноуэ, как и авторы «Типологии», отнесли Аргентину, Чили и Венесуэлу к странам более развитым, чем Греция и Португалия, причем Аргентина оказалась и впереди Испании*.

Картина распределения стран по показателям их развития в 70-х годах может быть еще более выигрышной для отдельных латиноамериканских и азиатских стран.

Представляется, что ряд стран – латиноамериканских с высокими доходами на душу населения и азиатских с развитым экспортным сектором обрабатывающей промышленности – можно уже теперь отнести к странам среднеразвитого капитализма.

Вместе с тем нелишне еще раз подчеркнуть, что вывод о возможности отнести в настоящее время отдельные бывшие колониальные или зависимые страны к категории стран среднеразвитого капитализма отнюдь не означает, что они вступают в качестве полноправных членов в «клуб» развитых капиталистических государств. В их экономической структуре иностранный элемент преобладает или, во всяком случае, занимает существенное место. Они подвержены эксплуатации со стороны иностранного монополистического капитала, ограничены в экономическом маневре. В то же время в их базе и надстройке весьма сильны самые разнообразные докапиталистические элементы.

Однако следует, очевидно, отметить, что новое «поколение» стран среднеразвитого капитализма, возникшее во второй половине XX века, обладает, как правило, большим экономическим динамизмом, чем первое, и на нем в большей степени, чем на первом, сказывается действие закона неравномерности развития.

* См.: Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств). – М.: Наука, 1976. – С. 125–128.

Итак, действие закона неравномерности развития при капитализме на современном этапе обусловило глубокую экономическую дифференциацию мира развивающихся стран. Такая дифференциация будет, безусловно, продолжаться и в последующем, оказывая влияние на политику, международные отношения и революционный процесс в Азии и Африке, как и в Латинской Америке.

III. «Субимпериалистические очаги»

Действие закона неравномерности по-прежнему приводит к образованию в капиталистическом мире различных «центров силы», соперничество и борьба между которыми характеризуют повседневную практику их отношений. Центростремительная тенденция, развивающаяся на основе интернационализации производства, лишь видоизменяет форму проявления противоречий между капиталистическими странами, но не может возобладать над междоусобицей, соперничеством, борьбой, отменить их, свести на нет межимпериалистические, а шире говоря, вообще межкапиталистические противоречия.

Диалектика взаимодействия неравномерности экономического и политического развития начала проявляться в 60-е и особенно в 70-е годы, в частности, в виде возникновения отдельных «центров силы» и в самом мире развивающихся стран – своего рода «мини-центров», или «субимпериалистических очагов». Отдельные государства (как правило, из относительно более развитых) оказались в особом положении в группе развивающихся стран благодаря своему исключительному экономическому или военно-политическому значению, а подчас и

по обеим причинам сразу. С одной стороны, они сами реализуют или пытаются реализовать это особое положение в отношениях с прочими развивающимися странами, а с другой – такое их положение эксплуатируют империалистические государства, которые стремятся превратить эти «субимпериалистические очаги» в свои опорные пункты.

Специфика складывающейся ситуации заключается в том, что государства, образующие локальные «центры силы», остаются одновременно частью мира развивающихся стран. Им все еще свойственны общие черты с другими развивающимися странами, в том числе относительно низкий уровень развития производительных сил, многоукладность экономики, экономическая и научно-техническая зависимость от развитых капиталистических стран, объективная потребность в демократизации существующего международного экономического порядка и т. д.

В экономике и политике таких развивающихся стран уже проявляются отдельные империалистические черты, что еще, однако, не свидетельствует о высокой зрелости местного капитализма, а тем более о том, что он перешел на высшую, монополистическую стадию развития; обозначается тенденция к экономической экспансии этих государств в менее развитые районы; усиливается борьба за сферы влияния, причем в ряде случаев не только между самими «мини-центрами силы», но и между ними и развитыми капиталистическими странами.

Примером может служить ситуация на строительном рынке стран Персидского залива, достигшем во второй половине 70-х – начале 80-х годов огромных масштабов в результате резкого увеличения финансовых средств у нефтедобывающих стран. Лишь с июля 1977 по январь 1981 г. восемь стран Персидского залива – Саудовская Аравия, Иран, Ирак, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман – заключили контракты на сумму 114 миллиардов долла-

ров (исключая контракты на поставку вооружений и контракты стоимостью менее 10 миллионов долларов)*. На первом месте среди стран-подрядчиков по этим контрактам стоит Южная Корея, опережающая США, Францию, Японию, ФРГ, Англию. Южнокорейские фирмы взяли крупные подряды на строительство шоссе и железных дорог, прокладку водопроводных путей и канализационных систем. Эти проекты осуществляются южнокорейскими рабочими, численность которых стремительно возрастает. Например, если в 1978 г. на Ближнем Востоке насчитывалось 52 тысячи южнокорейских рабочих**, то к началу 1981 г. только в Саудовской Аравии их число достигло 100 тысяч***. По этому показателю Южная Корея тоже вышла на первое место на строительном рынке стран Персидского залива.

Интересно отметить, что южнокорейские фирмы получают предпочтение на торгах по все более технически сложным объектам – медицинским центрам, портам, нефтехимическим предприятиям.

Наряду с южнокорейскими компаниями активность на Ближнем Востоке проявляют индийские и индонезийские подрядчики. Их конкурентоспособность вызвана не только дешевизной рабочей силы, но и поддержкой, в том числе скрытыми субсидиями, со стороны своих государств.

К началу 80-х годов примерно половина этого наиболее емкого и перспективного строительного рынка в не социалистическом мире – рынка стран Персидского залива – контролировалась азиатскими подрядчиками (включая японских). Этот факт вызвал озабоченность в

* Рассчитано по: Middle East Economic Digest. – 1977. – Vol. 23, No. 6; 1981. – Vol. 25, No. 3.

** Middle East Economic Digest. Special Report. – February 1980. – P. 7.

*** Middle East Economic Digest. Special Report. – March 1981. – P. 36.

американских и западноевропейских деловых кругах. Усиливается их стремление к выработке определенных моделей сотрудничества с азиатскими странами на базе соединения своего технического и технологического потенциала с низкооплачиваемой азиатской рабочей силой. Со своей стороны, явную заинтересованность в создании смешанных компаний с развитыми капиталистическими странами проявляют и индийские, индонезийские, тайландские подрядчики.

Характерно, что начинается этап создания смешанных компаний с участием капиталов различных арабских стран, иногда на чисто арабской основе. На всем Ближнем Востоке в 1979 г. арабские компании (включая смешанные) контролировали 16 % всех подрядов, а в 1980 г. – уже 20 % на общую сумму 9,3 миллиарда долларов*. Действуя во многих случаях в форме смешанных компаний, саудовский, иракский капитал внедряется в другие страны Персидского залива. Так, иракский капитал (в том числе в форме смешанных компаний) контролировал на конец 1980 г. строительные проекты в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ и некоторых других странах региона на общую сумму 2,4 миллиарда долларов (главным образом контракты по строительству систем водоснабжения и канализации)**.

Экспорт капитала, о котором подробно говорилось выше, становится одной из важных характеристик «мини-центров силы» в мире развивающихся стран.

Следует особо подчеркнуть, что к началу 80-х годов экспорт капитала из отдельных локальных «центров силы» начинает осуществляться по каналам возникающих на месте «мини»-транснациональных компаний. В конце 70-х годов в литературе появляются первые сведения о таких «мини»-ТНК. Центр ООН по транснациональным

* Middle East Economic Digest. – 1981. – Vol. 25, No. 3. – P. 16–22.

** Там же.

компаниям провел исследование деятельности таких корпораций в странах АСЕАН. Из находящихся в этом регионе 153 филиалов иностранных компаний 130 имели головные фирмы в развитых капиталистических странах, а 23 – на Тайване, в Сингапуре, на Филиппинах, в Индии, Пакистане, Гонконге и Южной Корее*. Большинство из этих головных фирм, расположенных на «периферии», прежде экспортировало свою продукцию в менее развитые страны АСЕАН. Одним из главных мотивов создания заграничных филиалов для таких фирм, иными словами, их превращения в ТНК, было стремление защитить рынки сбыта их продукции от местной конкуренции, обойти тарифные и нетарифные преграды. При этом использовались уже накопленный хозяйственный опыт и умение применять трудоемкую производственную технологию, опирающуюся на мелкое производство. Одновременно эти «мини»-ТНК показали гибкость в различных производственных процессах и в выборе продукции. Такие «мини»-ТНК, как свидетельствует, например, исследователь их деятельности Д. Лекро, проявляют большие, чем ТНК вообще, стремление и способность создавать смешанные компании с участием местного капитала**.

Естественно, ни по капиталоемкости своих предприятий, ни по размаху производства, ни по числу занятых «мини»-ТНК не идут ни в какое сравнение с транснациональными корпорациями, создаваемыми в развитых капиталистических странах. Однако этот феномен уже существует в мире освободившихся стран, и можно, очевидно, предположить, что он получит дальнейшее развитие по мере укрепления локальных «центров силы».

Отдельные «центры силы» в мире развивающихся стран становятся базой и для финансовой активности,

* *Lecraw D.* Intra-Asian Direct Investment: Theory and Evidence from the ASEAN Region // *UMBC Economic Review.* – 1980. – Vol. XVI, No. 2. – P. 20.

** Там же. – P. 23.

объектом которой являются не только близлежащие менее развитые «периферийные» районы, но и развитые капиталистические государства. Особенно это относится к ряду нефтедобывающих арабских стран, которые со второй половины 70-х годов резко расширили свою экспансию на международном финансово-кредитном рынке. Наряду с самостоятельной активностью наблюдается тенденция к сращиванию этого нового мирового финансового центра с традиционными финансовыми центрами капиталистического мира. Естественно, что такая тенденция пробивает себе дорогу через противоречия, коллизии, конфликты.

В конце 70-х – начале 80-х годов произошло активное проникновение на рынок еврокредитов как арабских банков-консорциумов (банков, в которых соединились финансовые средства арабских стран – экспортеров нефти и опыт, связи западных банков), так и чисто арабских финансово-кредитных учреждений. Среди последних можно назвать Международный банк Персидского залива (МБПЗ), в котором на равных началах участвуют правительства семи арабских стран, и гигантский банк с уставным капиталом в 1 миллиард долларов – Арабскую банковскую корпорацию (АБК). В 1980 г. 10 арабских банков вошли в число 100 крупнейших банков мира. В 1981 г. было принято решение об удвоении капитала МБПЗ, АБК, арабо-французской группы банков ЮБАФ и ряда других арабских банков.

Специального внимания заслуживает проблема отношений локальных «центров силы» в развивающемся мире с развитыми капиталистическими государствами. Эти отношения складываются в условиях неравенства партнеров по уровню развития и, что чрезвычайно важно, по способности использовать достижения научно-технического прогресса. При таких обстоятельствах «центры силы» из числа развивающихся государств не могут существенным образом реализовать те преимуще-

ства, которыми они обладают в экономической или стратегической области. Происходит все более глубокое втягивание этих стран в мировое капиталистическое хозяйство. В то же время заинтересованность развитых капиталистических государств в стабилизации своих отношений с подобными «центрами силы», в использовании их для осуществления своих целей на практике приводит к вовлечению возникающих «центров силы» в лоно империалистической политики. При этом, однако, сохраняется, а по ряду проблем может и расширяться сфера несовпадения интересов «мини-центров силы» с интересами развитых капиталистических государств.

Характерен пример отношений Соединенных Штатов с Саудовской Аравией. Эти «особые» отношения отличаются серьезным влиянием США на выработку политического курса этой страны. Причем американское влияние базируется на такой относительно прочной основе, как зависимость саудовского режима от экономической, политической и военной поддержки США, что дополнилось, преимущественно в 70-е годы, возникновением определенной общей сферы экономических и особенно политических интересов саудовского режима с американским империализмом. Вместе с тем наблюдаются не только антагонистические противоречия между национальными интересами Саудовской Аравии и империализмом США, но и расхождения по целому ряду вопросов между руководством Саудовской Аравии и администрацией США. Это выразилось, например, в неприятии Эр-Риядом кэмп-дэвидской сделки⁴¹, отказом королевского двора Саудовской Аравии даже в условиях дипломатического нажима США занять хотя бы нейтральную позицию в отношении египетско-израильского договора.

В одно из важнейших средств втягивания локальных «центров силы» в империалистическую политику превратился экспорт вооружений из США и других стран

НАТО, как это было, например, в отношении шахского Ирана. США делали на него крупную ставку как на своего сильного и прочного союзника. Американская военщина возлагала надежды на осуществление Ираном «полицейских» (подавление освободительного движения в Омане, активное вмешательство шаха в случае прогрессивного переворота или просто прогрессивных изменений в каком-либо из государств Аравийского полуострова) и «сторожевых» (охрана морских путей транспортировки нефти) функций. Вашингтон не исключал возможности применения огромного арсенала накопленных в Иране вооружений и самими американскими вооруженными силами, считая, что «при необходимости», в чрезвычайных обстоятельствах, сложнее перебрасывать оружие за тысячи миль. США не просто планировали, а уже использовали иранскую территорию для создания «пунктов наблюдений» за Советским Союзом. В период подготовки сепаратной египетско-израильской сделки Вашингтон видел в египетско-ирано-израильской тройственной комбинации контуры своей новой военно-стратегической опоры на Ближнем Востоке, нового военно-политического союза под эгидой Соединенных Штатов.

Для того чтобы шахский Иран мог выполнить все эти функции, США с 1972 по 1976 г. поставили ему самого современного оружия на громадную сумму – 10,4 миллиарда долларов. Наряду с названными военными и военно-политическими целями, такие грандиозные по своим масштабам поставки служили рециклированию нефтедолларов в экономику США. В 1973 г. цены на нефть увеличились в 4 раза, и с этого момента начался бум иранских закупок вооружения в США*.

* U.S. Military Sales to Iran. A Staff Report to the Subcommittee on Foreign Assistance of the Committee on Foreign Relations / United States Senate. – Washington, 1976. – P. vii.

Поставки оружия явились средством втягивания в орбиту империалистической политики и Египта: с их помощью была подготовлена кэмп-дэвидская сделка, призванная создать основу для аннексии Израилем арабских территорий Западного берега реки Иордан и района Газы. Становление Египта при Садате в качестве «субимпериалистического очага» широко использовалось Соединенными Штатами для борьбы с национально-освободительными силами, в том числе с Эфиопией и Афганистаном.

Значение «субимпериалистических очагов» в стратегии США особенно возросло в результате эволюции американских военно-стратегических концепций. К концу 70-х годов обозначилась ставка на большую вовлеченность Соединенных Штатов в региональные конфликты, на создание с этой целью «сил быстрого развертывания». Это было отражено в изданной в августе 1977 г. президентской директиве № 18, которая послужила своеобразным прологом к «доктрине Картера», провозгласившей намерение США защищать, в том числе путем применения военной силы, свои «жизненные интересы» в различных удаленных от США районах (кстати, эти «жизненные интересы» произвольно определяются самими же Соединенными Штатами). В таких условиях началось наращивание американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Индийского океана и Персидского залива.

* * *

Итак, нарастающая неравномерность развития бывших колоний и полуколоний привела и приводит к усиливающейся дифференциации в мире освободившихся стран. Диалектика неравномерности экономического и политического развития, в которой переплетается действие внешних и внутренних факторов, порождает, помимо

всего прочего, своеобразные «центры силы» в бывшем колониальном и зависимом мире. Сохраняясь в общем на «периферии» мирового капиталистического хозяйства, эти «центры» в то же время приобретают некоторые отдельные империалистические характеристики, проявляющиеся особенно контрастно в отношении менее развитых стран. Все это еще более усиливает пестроту и разнообразие в среде развивающихся государств.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ВОСТОКЕ

I. Неравномерность вызревания условий социальной революции

Закон неравномерности развития непосредственно отражается и на характере революционного процесса в освободившемся мире.

Как известно, и характер, и форма освобождения от колониального и полуколониального гнета весьма значительно различались в разных группах стран. В некоторых странах национально-освободительная борьба была возглавлена марксистско-ленинскими партиями и переросла в социалистическую революцию. Другие страны освободились на путях национально-демократической революции, открывшей для них возможность социалистической ориентации. Третьи – их оказалось большинство – с провозглашением государственной независимости начали или продолжили движение по капиталистическому пути.

Положение, сложившееся в бывшем колониальном и полуколониальном мире к концу 70-х годов, свидетельствует об окончании этапа, когда освободившиеся страны стояли перед необходимостью выбора пути своего

дальнейшего развития. Выбор правящими социальными силами к тому времени в основном уже был сделан, и теперь изменение ситуации в той или иной стране может произойти лишь в результате революционного или контрреволюционного сдвига, который прервет ее движение по выбранному пути.

Отличительной чертой революционного процесса в зоне национально-освободительной борьбы в постколониальный период является усиление социально-классового элемента. Основные проявления этого:

- перерастание ряда национально-освободительных революций в национально-демократические;
- более последовательное осуществление социально-экономических и политических преобразований в государствах социалистической ориентации, где у власти находятся революционно-демократические партии авангардного типа (Ангола, Эфиопия, НДРГ и др.);
- усиление социальной дифференциации, антиимпериалистического элемента в политике, классовых требований трудящихся масс в странах, идущих по капиталистическому пути, развитие революционной ситуации в ряде таких стран (Иран).

Вместе с тем в некоторых частях бывшего колониального мира – и в отдельных государствах социалистической ориентации, и в ряде стран, развивающихся по пути капитализма, – произошел «отлив» революционного движения.

Все это своеобразие революционного процесса в освободившихся странах, очевидно, тоже не может быть понято без анализа воздействия на него закона неравномерности развития.

Неравномерность экономического и социального развития отражалась и отражается на революционном процессе в Азии, Африке и Латинской Америке в «горизонтальном» и «вертикальном» планах. Происходит неравномерное вызревание условий революции по странам,

и отсюда проявляется неодинаковая их «готовность» к революции. Это «горизонтальное» воздействие закона неравномерности аналогично тому, которое имеет место в группе развитых капиталистических стран, оно универсально для всего капиталистического мира – и его «центра», и «периферии». Помимо того, неравномерность экономического и социального развития оказывала и оказывает «вертикальное» воздействие на революционный процесс в освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости странах: различные условия революции вызревают здесь, как правило, не одновременно. Более того, здесь эти условия нередко оказываются разделенными значительным временным «зазором».

Сама социально-политическая множественность типов революций в Азии, Африке и Латинской Америке была, очевидно, меньше связана с принципиальным различием в характере решаемых задач, нежели с неравномерностью в вызревании различных условий революции. Практически для всех бывших колоний и полукolonий речь шла о необходимости осуществления антиимпериалистических освободительных целей – завоевания или укрепления политической независимости и достижения экономической самостоятельности. В разных типах революций – социалистической, народно-демократической, национально-демократической и национально-освободительной – ставились и решались общенациональные задачи демократического характера – естественно, в одних революциях в большей мере, чем в других.

Неравномерность вызревания различных условий революции воздействует на ход революционного процесса и в значительной части бывшего колониального и зависимого мира, которую составляют страны, идущие по капиталистическому пути. Наиболее динамичным элементом такого процесса является революционная ситуация, создаваемая в результате быстрого накопления социально-политических противоречий.

Высокая степень напряженности и широкий диапазон таких противоречий объясняются целым рядом причин как внутреннего, так и внешнего порядка. Завоевание политической независимости – главное достижение национально-освободительной борьбы на этапе краха колониальной системы – само по себе не ликвидировало односторонней зависимости этих стран, не перекрыло каналов их эксплуатации монополистическим капиталом, не сняло остроты их противоречий с империализмом. Все это дополняется растущими классовыми противоречиями, порождаемыми развитием в них капитализма, усиливающимся социально-классовым расслоением. Вместе с тем существует, развивается и требует своего решения группа противоречий, вызываемых наличием в экономике докапиталистических укладов, неразвитостью надстройки, что сдерживает рост капитализма.

Одновременно усиливается роль внешних факторов. Одним из проявлений действия закона неравномерности в этих странах стало более быстрое их вовлечение в мировое капиталистическое хозяйство, чем развитие внутри многих из них процессов, приводящих к становлению капиталистической формации. Это, в частности, выражается в том, что отделение традиционного производителя от средств производства здесь опережает его объединение со средствами производства на новой, капиталистической основе – оба процесса как бы разрываются во времени. Следует учитывать и то, что расширение разнообразных хозяйственных связей между капиталистическим «центром» и «периферией» происходит быстрее, чем становление и развитие соответствующей социально-экономической структуры в самих освободившихся странах.

Вся эта сумма противоречий создает сильный потенциал для революционного взрыва*. Однако революцион-

* См.: Симония Н.А. Современный этап освободительной борьбы // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 5.

ная ситуация складывается, с одной стороны, без зрелых или, во всяком случае, без достаточно зрелых материальных предпосылок нового общества и, с другой стороны, без адекватного субъективного фактора. Накал противоречий и заряд революционной ситуации, выражающейся в «кризисе верхов» и в высокой степени «угнетения низов», здесь намного значительнее, чем зрелость революционных сил, призванных превратить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания, а в случае прихода этих сил к власти – значительнее, чем возможности в строительстве – нового общества. Рабочий класс в этих странах, как правило, малочислен, раздроблен и недостаточно организован (либо совсем не организован). Он несет на себе груз целого комплекса специфических национальных, этнических, религиозных и экономических особенностей развития страны. Разношерстная буржуазия по ряду причин, в том числе из-за своей органичной связи с помещиками, иностранным капиталом, не в состоянии поднять народ и руководить им в борьбе против империализма и феодализма за подлинное освобождение и социальный прогресс. Тем временем развивающаяся объективная революционная ситуация смертельно пугает буржуазию, которая нередко идет на сделку с империализмом и его пособниками внутри страны против своего народа.

В подобных исторических условиях на политическую авансцену часто выходят представители промежуточных социальных слоев, которые характеризуются широкой амплитудой колебаний и в своих настроениях, и в своих устремлениях.

Такая социально-политическая обстановка в целом объясняет пульсирующий характер, сменяющие друг друга приливы и отливы революционной ситуации.

В 70-е годы проявилась определенная закономерность: накопление и обострение противоречий, создающих объективные социально-политические условия

для революционного взрыва, в большей степени наблюдались на двух «полюсах» группы освободившихся стран, избравших капиталистический путь развития. С одной стороны, это происходило на «верхнем полюсе», в странах, представлявших собой локальные «центры силы» или «субимпериалистические очаги» (шахский Иран), где к «традиционным» противоречиям добавились новые, порожденные своеобразной интеграцией таких стран в империалистическую политику; с другой стороны – на «нижнем полюсе», где начальный этап капиталистических преобразований уперся в стену старых феодальных общественных отношений, заостренных полуфеодальной надстройкой (дореволюционная Эфиопия).

Господствующие социальные группы в освободившихся странах капиталистического пути развития неоднородны. Так называемая элита формируется из представителей различных социальных слоев – буржуазии, военной и гражданской бюрократии, латифундистов и др. От страны к стране изменяется удельный вес, да и характер этих составных частей «элиты». В ряде стран установилось военное правление, которое представляет собой крайне реакционную, антидемократическую помещичье-буржуазную диктатуру.

Надо сказать и о продолжающейся эволюции национальной буржуазии. Есть основания считать, что новые формы сотрудничества местной крупной и средней буржуазии с иностранными, особенно транснациональными, монополиями приводят к определенным изменениям в ее политической ориентации.

Организуя смешанные компании или идя на другие формы сотрудничества, ТНК стремятся иметь дело с крупным местным капиталом, обладающим не только необходимыми средствами, но и соответствующим влиянием, обеспечивающим лучшие условия для операций иностранного капитала. Так, например, в 60-х – первой половине 70-х годов на долю индийских монополистиче-

ских групп приходилось свыше 75 % соглашений о сотрудничестве с транснациональными и другими иностранными компаниями*. Эта тенденция сохраняется. Такое сотрудничество делает крупную буржуазию в развивающихся странах младшим партнером ТНК. Совпадение ее интересов с интересами иностранного капитала превалирует над противоречиями. Неудивительно, что крупнейшие индийские монополистические группы Birla и Tata в конце 70-х – начале 80-х годов призывали к расширению связей Индии с западными монополиями, настаивали на либерализации существующего в Индии инвестиционного законодательства, чтобы снять запрет с внедрения ТНК в банковское дело, плантационное хозяйство и другие высоко прибыльные отрасли. Аналогичное отношение к ТНК наблюдается и у сказочно разбогатевшей феодально-буржуазной верхушки нефтедобывающих стран.

Происходит определенная деформация и средней буржуазии. Значительная ее часть тоже оказалась в той или иной степени втянутой в сотрудничество с иностранным капиталом. Характерно, что многие ТНК, со своей стороны, стремятся приобщить среднюю буржуазию развивающихся стран к такому сотрудничеству. Известно, например, что 25 транснациональных корпораций основали в странах Латинской Америки компанию ADELA для поощрения смешанных предприятий с участием среднего, а также части мелкого национального бизнеса. Аналогичные задачи ставят перед собой созданные иностранным капиталом компании PICA в Азии и SIFIDA в Африке. Апологеты политики включения среднего и даже мелкого местного бизнеса в операции ТНК громогласно заявляют, что таким путем хотят ликвидировать «социально-политический вакуум» вокруг иностранных компаний.

* Рассчитано по: Directory of Foreign Collaboration. – Vol. II. – New Delhi, 1974.

Многие представители средней буржуазии приобщаются к сотрудничеству с ТНК не через производственную сферу. Они выступают посредниками, агентами по сбыту, нередко наращивают свои доходы, получая «комиссионные» за законные, а часто незаконные операции и сделки, осуществляемые в том числе и за государственный счет. Эта часть буржуазии, отрываясь от прямой производительной деятельности либо никогда в ней и не участвуя, заражена типичной неокомпрадорской психологией. В некоторых развивающихся странах к неокомпрадорской буржуазии примыкает, а нередко и растворяется в ней чиновничество, часть бюрократического аппарата.

В целом средняя буржуазия в развивающихся странах, за исключением откровенно неокомпрадорских элементов, в гораздо большей степени, чем крупная, сохраняет национальный характер. В ряде развивающихся стран не без влияния среднего бизнеса усиливается регулирующая роль государства в отношении иностранного капитала, особенно в чрезвычайно важных для местной буржуазии вопросах передачи технологии. Однако в настоящее время – и это представляется весьма важным подчеркнуть – средняя буржуазия борется главным образом не против засилья иностранного капитала, а за лучшие условия сотрудничества с ним.

В свою очередь, транснациональные корпорации, получая огромные прибыли от операций в развивающихся странах и все больше рассматривая свои предприятия здесь как часть общего «многонационального» производственного процесса, смягчают в ряде случаев вынужденно, в том числе и «превентивно», условия своей деятельности – естественно, до определенного предела. Так, если в 60-х годах практически все иностранные компании стремились установить полный контроль над создаваемыми на месте фирмами, то в 70-х годах ТНК довольствовались меньшей долей в смешанных предприятиях. Но эта тенденция приспособления иностранного капи-

тала к местным условиям имеет и другую сторону: увеличение области совпадения интересов между ним и крупной, и средней буржуазией развивающихся стран. Такое совпадение интересов обеспечивается за счет широких народных масс, в том числе и мелкой буржуазии, подвергающихся нещадной эксплуатации и испытывающих на себе все более тяжелые последствия глубокого втягивания своих стран в мировое капиталистическое хозяйство – голод, нищету, болезни, безработицу, постоянное инфляционное удорожание жизни.

Сказанное, естественно, не означает, что в развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, уже нет групп местного бизнеса, которые рассматривают иностранный капитал как своего прямого конкурента, соперника. Такие группы имеются, но сферой их деятельности все больше становится мелкий бизнес, а соперничество с иностранным капиталом все больше дополняется сотрудничеством с ним.

II. Воздействие традиционных факторов: революция и ислам

Наряду с неравномерным вызреванием различных условий революции ее специфику на Востоке создает сильное влияние традиционно-исторических факторов. Конечно, революция вырастает не из «традиционности», как утверждают, например, некоторые исламские идеологи, а из классовой борьбы. Но эта традиционность подчас еще больше деформирует классовую борьбу, облекает ее в особые, неведомые ранее, а в отдельных случаях уродливые формы.

Мы не ставим своей целью систематический анализ воздействия всех традиционных институтов на револю-

ционный процесс в бывших колониях и полуколониях. Естественно, что спектр факторов такого воздействия гораздо шире, чем религия, а влияние религии не ограничивается исламом. Но представляется, что особенно после краха колониальной системы влияние традиционности на революции в освободившихся странах более ярко и контрастно проявилось в исламской форме. Говоря в целом о воздействии ислама на революцию, следует подчеркнуть, что он может как затормозить ее, так даже и повернуть вспять. Однако на определенном, особенно начальном, этапе революции религиозный элемент, как это было, например, в Иране, способен играть и позитивную роль: мусульманское духовенство Ирана своей деятельностью способствовало втягиванию в активную политическую жизнь – преимущественно антишахскую и антиимпериалистическую – наиболее отсталых слоев населения, изолировало соглашательские либерально-буржуазные элементы, проявившие готовность к капитулянтскому компромиссу.

Такая взвешенная констатация помогает нейтрализовать и опасный нигилизм по поводу возможности положительного на определенном историческом этапе влияния религиозного фактора на политические процессы на Востоке, и не менее опасный подход, затушевывающий реакционную сторону этого влияния. Нигилизм чреват для местных революционных сил сектантским уклоном, отрывом от масс. Другая крайность, проявляющаяся в апологетике воздействия религиозного элемента, грозит отказом от классового подхода, по сути дела перерождением.

Сбалансированная позиция в отношении воздействия ислама на общественные процессы в странах зарубежного Востока особенно актуальна в наше время. Именно в самом конце 70-х – начале 80-х годов обозначился наивысший за весь период после Второй мировой войны рост влияния ислама на политическую жизнь стран Азии

и Африки. В таких условиях подход к этому вопросу приобретает не только большое научно-теоретическое, но и важнейшее политико-практическое значение.

Различное содержание движений, происходящих под исламскими лозунгами, – такова, очевидно, главная характеристика «исламского бума» конца 70-х – начала 80-х годов. И действительно, если в Иране «исламский фактор» способствовал на первых порах заострению антишахского и антиимпериалистического содержания революции, то в Афганистане под знаменем ислама развернулась контрреволюционная кампания против законного правительства. Действующая в Сирии организация «братьев-мусульман» стала главным противником прогрессивного режима. В Пакистане провозглашение Зия-уль-Хаком в 1979 г. переустройства существующей общественно-политической и экономической системы на исламской основе с самого начала служило интересам правящего буржуазно-помещичьего блока. Исламом как идеологией пользовался и Садат для укрепления в Египте позиций реакционных сил и маскировки своей сепаратной сделки с Израилем и сговора с американским империализмом. В то же время обращение к исламу использовалось оппозицией и Зия-уль-Хаку, и Садату, и другим реакционным лидерам.

Участились политические выступления на базе принадлежности к основным мусульманским общинам шиитов, составляющих приблизительно 10 % всех исповедующих ислам, и суннитов – около 90 %). Однако, как и в отношении исламского движения в целом, связи с той или иной общиной сами по себе не определяли политического характера этих выступлений. Здесь снова можно сослаться на положительный вклад патриотически настроенного шиитского духовенства в развитие начального этапа революционного процесса в Иране и на развернувшуюся в то же время на базе шиитской общины контрреволюционную деятельность в Афганистане.

«Исламский бум» конца 70-х – начала 80-х годов застал врасплох буржуазных политологов, прежде всего в США, хотя после Второй мировой войны там уделялось значительно больше внимания современным проблемам ислама, чем в других странах Запада.

Сразу же после завоевания странами традиционного распространения ислама независимости некоторые американские исследователи выдвинули идею необходимости «создания нового действенного компромисса между мусульманскими и немусульманскими элементами, отражающего условия и потребности данной эпохи». «Синтез» традиционного ислама с современными буржуазными общественными институтами Запада был призван обеспечить сохранение освободившихся стран с мусульманским населением в орбите империалистического влияния. Активизация политической роли ислама помешала такому «синтезу», однако американские историки и социологи, как правило, исходили из того, что «вовлечение религии в политизацию масс является кратковременным процессом»*. Что касается сущности этого феномена, то она определялась как «взрыв фанатизма», «откат к традиционализму». Недооценивалась антиимпериалистическая направленность и усилившиеся движения «исламской солидарности»**.

Но подобные прогнозы и оценки не подтвердились.

Можно, очевидно, прийти к выводу об относительно устойчивом, а не кратковременном влиянии ислама на политические процессы в странах зарубежного Востока с мусульманским населением. Масштабы и сравнительная стабильность воздействия религии на политическую жизнь во многом предопределяются тем, что мусульман-

* *Smith D.E.* Religion and Political Development. – Princeton, 1970. – P. 124.

** *Griffith W.E.* Islam on the March! // Reader's Digest. – 1979. – Vol. 114, No. 686. – P. 81.

ское население – около 800 миллионов в несоциалистическом мире – составляет большинство в 35 странах и влиятельное меньшинство еще в 18 странах*. Во многих странах ислам объявлен государственной религией.

За исламом стоят 13 веков непрерывного и активного воздействия на жизнь общества. Степень религиозности населения в мусульманских странах исторически весьма высока. Ислам, как и любая другая религия, непосредственно влияет на отношения в семье и обществе, консервируя их традиционность. Вместе с тем специфика ислама заключается в том, что священная книга мусульман – Коран – и свод мусульманских законов – шариат – содержат принципы, регулирующие не только морально-этические нормы поведения человека в семье и обществе, но и его личную, хозяйственную и общественную жизнь. В глазах верующих ислам выступает не просто как религиозная система, но и как «образ жизни».

И все-таки относительная устойчивость влияния ислама на зарубежном Востоке объясняется не только, да и не столько характерными особенностями самого ислама как религии. В еще большей степени эта устойчивость порождена теми историческими, экономическими и политическими условиями, в которых происходило и происходит общественное развитие зарубежных стран с мусульманским населением.

Долгое время эти страны были частью колониальных империй, испытывая на себе прямой гнет метрополий. Иностранные угнетатели, представленные в этих странах солдатами, купцами, предпринимателями, колониальными администраторами, как правило, исповедовали другие религии. В таких условиях движение за освобождение от иностранного гнета естественно и неизбежно

* Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey. – London, 1979. – P. 499, 527; World Population Trends and Prospects by Country, 1950–2000. – New York, 1979. – P. 15–18.

включало также и обращение к религиозным лозунгам. Уже в то время это приводило главным образом к двум противоположным результатам: с одной стороны, происходил объективный рост антиимпериалистического потенциала самого исламского движения, что положительно сказывалось на ходе национально-освободительной борьбы; с другой – религиозный элемент, «исламская общность» противопоставлялись интернациональному классовому подходу, что затрудняло решение антиимпериалистических задач.

Развитие капитализма втягивало мусульманские страны в мировое капиталистическое хозяйство. Начали внедряться современные методы производства и управления, стала меняться застывшая структура восточного общества, резко возросло противоречивое влияние на него западной цивилизации. Все это в целом ослабило традиционность в мусульманских странах, но не привело к адекватному результату в виде размыwania религиозного фактора, не исключило его активного воздействия на политическую жизнь.

Несоответствие между общим ослаблением традиционных устоев в мусульманских странах и сохранением, а подчас, в определенные исторические периоды, ростом влияния ислама на общественные процессы явилось во многом следствием специфики развития капитализма на Востоке.

Во-первых, развитие буржуазных отношений оказалось опять-таки тесно связанным с внешними силами, подвергающими нещадной эксплуатации народы мусульманских стран. С этими инациональными и представляющими другие верования силами ассоциировались и ненавистные широким массам местные правители и зажиточные слои.

Во-вторых, одной из главных особенностей развития капитализма в Азии и Африке – об этом уже говорилось выше – стало отчуждение огромной массы людей от

средств производства без соответствующего их вовлечения в производство на новой, капиталистической основе. Отсюда – обострение демографической ситуации, рост населения городов, численности пауперов, полупролетариата, относительная устойчивость средних слоев, то есть создание и расширение той социальной среды, где религия сохраняет значительные возможности для активного существования. Ломка традиционных условий труда и быта сопровождалась для большей части населения ухудшением материального положения, во всяком случае, ростом его нестабильности. Между тем в сознании масс все это непосредственно связывалось с «вестернизацией», ослабляющей религиозные устои мусульманского общества.

В-третьих, уродливые формы развития капитализма на Востоке расширили состав сторонников «мусульманского образа жизни» за счет значительной части рабочего класса. Малочисленность рабочего класса в большинстве стран Азии и Африки дополняется рядом особенностей его характера и структуры, распыленностью его по мелким предприятиям и занятостью многих рабочих в непроизводительной сфере, сохранением связей с деревней, отсутствием пролетарских традиций и преемственности поколений. Вообще доля потомственных фабрично-заводских рабочих с ярко выраженным классовым мировоззрением в этих странах весьма ограничена. Характерно, например, что в Кувейте 35 %, в Иордании – 62 %, а в Саудовской Аравии – 60 % рабочих заняты на предприятиях, насчитывающих менее пяти работающих*.

В-четвертых, развитие капитализма в большинстве мусульманских стран не сопровождалось борьбой за освобождение от влияния духовенства на общественную

* Kuwait Annual Statistical Abstract. – Kuwait, 1979. – P. 116; The Middle East Yearbook. – London, 1979. – P. 130.

жизнь. На Западе на заре развития капитализма застрельщиком движения за секуляризацию выступала зарождающаяся буржуазия, а в лице авангарда рабочего класса атеизм приобретал своего наиболее последовательного выразителя. На Востоке этого не произошло. Буржуазия мусульманских стран не боролась против влияния религии, и не только потому, что была значительно более «традиционной». Возглавив движение за освобождение от колониального гнета, она стремилась вовлечь в него массы, а для этого должна была говорить с ними на доступном им языке религии (кстати, это была одна из причин тенденции модернизации религии). К тому же гораздо более позднее развитие капитализма на Востоке сразу же столкнуло буржуазию с необходимостью возводить заслон против уже распространившихся в мире коммунистических идей. В настоящее время эта «миссия» буржуазии все больше выступает на передний план, причем одним из важнейших идеологических средств опять-таки оказывается религия. Не случайно реакционные политологи империалистических государств и консервативные деятели самих мусульманских стран постоянно говорят об исламе как о «барьере против коммунизма». Сказалась также организационная и политическая слабость ряда прогрессивных организаций и партий в мусульманском мире, их недостаточно тесная связь с народными массами.

Таковы весьма существенные причины относительной устойчивости и противоречивости влияния ислама на общественное развитие стран зарубежного Востока.

Вместе с тем жизнь вносила изменения в характер этого влияния. Произошла и происходит «политизация» ислама. Это проявляется как в значительно большей, чем прежде, его внутренней адаптации к нынешним условиям классовой борьбы в странах с мусульманским населением, так и в более интенсивном использовании ислама со стороны различных политических партий и

групп, которые часто обращаются к религии для мобилизации масс.

В литературе было уже достаточно полно проанализировано использование религиозных, в частности исламских, лозунгов светскими политическими силами и партиями*. В гораздо меньшей степени исследовалась эволюция самого исламского движения. Между тем оно не могло и не может не изменяться в связи с серьезными классовыми сдвигами как в отдельных странах, так и в мире в целом.

Если говорить о наиболее характерной перемене, которая произошла в исламском движении уже в наши дни, то следовало бы, очевидно, подчеркнуть определенный сдвиг в соотношении между чисто религиозным и социальным элементами этого движения. Известно, что и прежде, в конце XIX – начале XX века в ряде случаев мусульманское течение присутствовало в буржуазно-демократическом движении на Востоке. Но, как правило, в прошлом ислам не вносил в это движение серьезной социальной программы. Примером могут служить революционные события в Иране в 1905–1911 гг., когда мусульманское духовенство в основном боролось не за ликвидацию реакционной, деспотической надстройки и внедрение буржуазно-конституционных норм в политическую жизнь, а за то, чтобы эти становящиеся неизбежными перемены не сопровождались ослаблением влияния религии на народные массы⁴².

* См., например: Зарубежный Восток и современность. – Т. 3. – М., 1981; Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока. Очерки. – М.: Наука, 1967; Религия и общественная мысль стран Востока. – М.: Наука, 1974; Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. – М.: Наука, 1978; Религия в странах Азии и Африки // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 1; Полонская Л.Р., Ионова А.И. Концепция «исламской экономики»: социальная сущность и политическая направленность // Мировая экономика и международные отношения. – 1981. – № 3.

Возросшее значение социального элемента в современном мусульманском движении выразилось в конкретных теориях «исламского государства» и «исламской экономики». Эти модели при всей их противоречивости и в ряде случаев утопичности были выдвинуты в Иране в результате антишахской революции главным образом как альтернатива эксплуататорскому характеру и производства, и управления. На их содержании следует остановиться подробнее.

Модель исламской, или тоухидной (как называют ее иранские идеологи), экономики была основана на фундаментальном догмате ислама «тоухид» (сущностное единство, единение, единобожие). Применительно к современной экономике этот термин употребляется в значении: «приведение экономической жизни в соответствие с принципами ислама» и «единение» ее с традиционными сферами жизни. Сами иранские идеологи утверждают, что тоухидная экономика – это, во-первых, «ликвидация неравенства», а во-вторых, «единение производства и потребления; производство по способностям, потребление по благочестию»*.

По модели исламской экономики собственность «как вещь» отличается от собственности, выражающей «отношение между людьми». Если первый аспект собственности рассматривается весьма однозначно – все, что существует на небесах и на земле, по Корану, принадлежит Аллаху, – то в своей функции овеществления производственных отношений «исламская собственность» выступает как личная и общественная. Последняя, в свою очередь, реализуется в форме государственной и кооперативной собственности. Личная собственность признается лишь как результат своего (а не эксплуатируемого, чужого) труда. Реки, леса, ископаемые объявляются собственностью государства, которое регулирует при этом процесс

* Le Monde diplomatique. – 26.04.1979. – P. 7.

их использования таким образом, чтобы не нарушался принцип «сбалансированной экономики». Государственная собственность на средства производства и государственные институты, действующие в сфере распределения, провозглашаются в качестве важнейших рычагов, способных «противодействовать» монополиям (последние порицаются, так как противоречат Корану), обеспечивать функционирование других видов собственности и поддерживать распределение на относительно однородном уровне.

Согласно концепции тоухидной экономики, инструментом регулирования для установления «равновесия и справедливости» должна быть налоговая система, построенная на «принципах Корана». Некоторые исламские теоретики определяют ставку закята (налог в пользу бедных) в 2,5 % от чистого продукта, а вопрос о ставке хумса (налог на доход) оставляют открытым*.

Концепция исламской экономики явилась попыткой модернизации ислама с учетом некоторых реальных проблем современного социально-экономического развития Ирана. Эта попытка, естественно, не носила надклассового характера – она объединила требования буржуазных преобразований с обоснованием необходимости поддерживать патриархальное крестьянство, городской предпролетариат и мелкобуржуазные слои. Такие исламские концепции имеют много общего, например, с социальной концепцией Махатмы Ганди (создание сильного государственного сектора для развития отраслей крупной промышленности наряду с государственной поддержкой мелкого предпринимательства в городе и деревне). Совпадение объясняется, очевидно, общей мелкобуржуазной сущностью многих идей, лежащих в основе

* См.: Pakistan Times. – 13 февраля 1979; *Al-Farsy Fouad*. Saudi Arabia. A Case Study in Development. – London: Kegan Paul International, 1978. – P. 32.

как социальной утопии Ганди, так и современных мусульманских теорий «третьего пути развития».

В то же время на разработке концепции исламской экономики в большой степени отразилось влияние буржуазных элементов, ибо современный Иран за последние годы шахского режима значительно продвинулся по пути капиталистического развития. Так, распределение по труду не противопоставлялось принципу распределения «по предпочтению», который отнюдь не отрицается концепцией исламской экономики. Формула «производство по способностям и потребление по благочестию», вполне понятно, сохраняет возможности большого неравенства членов общества во владении материальными благами. Ряд авторов идей исламской экономики выступал и за сохранение банковского процента*. Некоторые буржуазные деятели в Иране были настроены против прогрессивного налогового обложения доходов, аргументируя свою позицию тоже Кораном. Сказалась, с одной стороны, очевидная недоработанность исламских моделей, а с другой – факт приспособления их к реально существующей в Иране структуре производственных отношений, определяемых развитием капитализма.

В таких условиях призывы «закрыть путь для всякого рода концентрации собственности и капитала», даже подкрепляемые действиями, фактически служащими защите мелкособственнических интересов, в целом не могли и не смогли помешать развитию капитализма в стране. Вместе с тем это развитие, несомненно, приобрело

* Создаются исламские банки, функционирующие «в соответствии с принципами Корана и шариата» (на начало 1981 г. создано 17 таких банков в 12 странах), однако фактически взимающие ссудный процент. Прибыль, получаемая этими банками, не расценивается как «греховная», а объявляется «вознаграждением» за человеческий труд, приложенный в процессе финансовых операций. При другом обходном маневре банк становится участником предприятия, в которое вложен капитал, что считается дозволенным мусульманским законодательством.

новые черты – главным образом антимонополистические и государственно-капиталистические. В Иране была провозглашена национализация банков, ряда крупных и средних промышленных предприятий, аннулированы вложения иностранцев в кредитно-банковскую систему, создан «фонд обездоленных» для поддержки мелких и средних крестьянских хозяйств.

Что касается современных моделей исламского государства, то они предусматривают внедрение исламских институтов в структуру власти и государственное право. Модель исламского государства, попытки реализации которой наблюдаются в послешахском Иране, впервые сформулирована создателем Ассоциации братьев-мусульман Хасаном аль-Банной в 40-х годах, а позже развита рядом мусульманских идеологов арабских стран. В основе ее лежит идея создания надгосударственного исламского органа, который бы осуществлял контрольную функцию по отношению к политическим, экономическим и общественным институтам страны. В том же Иране внедрение исламской государственности привело к конституционному закреплению сочетания политической власти духовенства со светскими политическими институтами.

Однако эти модели, отражающие самые различные тенденции исламского движения, неоднозначны. Как известно, концепции исламского государства (а равно и исламской экономики) используются не только радикальными мелкобуржуазными слоями, но и консервативными группировками буржуазии, которая вкладывает в них вполне определенный социальный смысл – господство буржуазно-помещичьих кругов с ярко выраженной тенденцией к диктаторским формам правления. Примером является Исламская Республика Пакистан.

Зия-уль-Хак использовал исламизацию прежде всего как средство консолидации своего режима. Состоятельная буржуазия и землевладельцы в союзе с армией про-

явили заинтересованность в том, чтобы авторитарное правление осуществлялось в форме исламского государства. Ссылки на исламскую традицию призваны были освятить переход к военной диктатуре. После того как Зия-уль-Хак, провозгласивший себя «солдатом ислама», отказался от проведения всеобщих выборов (намеченных на ноябрь 1979 г.), он стал обращать особое внимание на доказательство того, что всеобщие выборы и парламентские органы «не отвечают принципам ислама». Поэтому, как утверждал Зия-уль-Хак, в исламском государстве не следует использовать эти формы, а надо создавать новые, соответствующие исламским традициям. «Ислам не предписывает нам, каким должно быть государство: теократическим, демократическим или монархическим, – заявил Зия-уль-Хак. – Ислам не определяет форму правления. Ислам... определяет основополагающие принципы»*.

Страх перед дальнейшей дезинтеграцией страны, охвативший самые различные социальные слои после образования Бангладеш⁴³, привел к определенному успеху политики исламизации в Пакистане. Однако проводимая сверху исламизация, несмотря на использование духовенства в качестве орудия воздействия на массы, была не способна обеспечить стабильность реакционного политического режима. В этих условиях правящие круги Пакистана постепенно стали проявлять все большую прямую заинтересованность в подогревании религиозного фанатизма на основе определенных внешнеполитических акций. Постоянно поддерживается враждебность в отношениях с «индуистской» Индией. Важнейшим средством, позволяющим укреплять авторитарный режим под прикрытием исламизации, стало создание на территории Пакистана военных центров «во имя спасения ислама» в Афганистане.

* Dawn. – 14 августа 1979.

Можно утверждать, что на всех этапах исторического развития в исламских формах выступали различные классовые и политические интересы. Современное исламское политическое движение становится значительно более зависимым от соотношения классовых сил в данной стране. Тем более было бы неправильно подходить к нему как к единому целому, в том числе и по классовому признаку.

В этом движении существует ряд течений, которые условно можно объединить в два основных: мелкобуржуазное, обладающее определенным революционно-демократическим потенциалом, и буржуазно-помещичье, играющее реакционную, контрреволюционную роль.

Неоднородность мусульманского движения не сводится на нет тем, что оно провозглашает ряд общих постулатов и принципов, одинаково широко пропагандируемых и используемых различными по своему характеру исламскими группировками. (Среди таких принципов есть и «исламский путь развития», и «исламская социальная справедливость», и «исламское народовластие», противопоставляемые как капитализму, так и коммунизму, а в качестве средства реализации предписаний Корана предлагается возврат к идеализированному раннеисламскому «золотому веку».) Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые современные мусульманские идеологи радикального толка, например в Иране, принимая и провозглашая эти принципы, акцентируют внимание на тех их сторонах, которые могут послужить борьбе против империализма, эксплуатации, интерпретируют предписания Корана таким образом, чтобы удовлетворить социальные устремления широких народных масс. Но, конечно, так поступают далеко не все. Очень часто и акценты, и интерпретации имеют противоположный смысл.

Классовый методологический подход к национализму угнетенной нации представляется правомерным и в от-

ношении исламских движений. Во-первых, реакция на империалистическое угнетение и неоколониалистские происки непосредственно стимулирует «политизацию» ислама. Во-вторых, большинство мусульманских концепций ныне развивается в русле националистических доктрин, мелкобуржуазных и буржуазных, или, наоборот, эти доктрины облачаются в религиозные формы.

Жизнь показывает, что в мусульманских движениях, в том числе и мелкобуржуазных, есть, как правило, две стороны: прогрессивная – антиимпериалистическая, антимонополистическая и реакционная – антикоммунистическая. В зависимости от внутренних и внешних обстоятельств одна из них может оказаться преобладающей, иногда даже гипертрофированной.

О двух сторонах, диалектически определяющих развитие современных мусульманских движений, убедительно свидетельствуют события в Иране.

Окраску в исламские цвета революционных сдвигов в этой стране, как уже было упомянуто, в США и западноевропейских странах представляют как «откат к традиционализму». Между тем суть отмеченного явления не может быть адекватно выражена этим понятием. В общем следует, очевидно, говорить о глубинных политических и социально-экономических изменениях в Иране, которые не могут быть охарактеризованы как ретроградное движение, тем более однозначно.

Религиозные формы сдвигов в Иране оказывают на общество различное воздействие. Радикальное исламское течение способствовало усилению антиимпериалистической и антимонополистической направленности революции. В то же время мусульманские деятели, придя к власти, проявили склонность к нейтрализации левых сил, к их изоляции.

Важно отметить также, что перемены в Иране, совершаемые в исламских формах, неоднозначно отразились на ситуации в мусульманском мире. В ряде случаев они

объективно стали импульсом развития реакционных тенденций как в отдельных государствах, так и в международном мусульманском движении.

Констатируя неоднородность исламского движения, можно прогнозировать два варианта его развития.

Первый вариант – дальнейшая эволюция радикального мелкобуржуазного исламского течения, его сближение, но, естественно, до определенных пределов, со «светским» мелкобуржуазным социализмом, с левыми силами на антиимпериалистической, антиэксплуататорской основе. Реальность этого варианта во многом зависит от того, насколько широкий размах примет движение народных масс, все активнее включающихся в политическую борьбу. Сторонники «третьего» (исламского) пути развития, очевидно, способны в течение некоторого времени проявлять сравнительную последовательность в реализации своих концепций социальной справедливости и равенства, что при всей утопичности этих концепций может способствовать созданию определенных условий для перехода к некапиталистическому развитию. Нельзя не учитывать также, что рост радикальных тенденций в мусульманском мелкобуржуазном движении неизбежно ведет к обострению борьбы между сторонниками капиталистического и некапиталистического развития, к росту дифференциации внутри духовенства и среди его союзников в мусульманском движении в целом.

Другой возможный вариант развития – сближение между радикальными и реакционными течениями на антисоветской основе, что облегчает реставрацию «обычного» эксплуататорского общественного порядка. В случае такой реставрации некоторые исламские преобразования могут быть до поры до времени сохранены, но уже скорее как средство воздействия на наиболее отсталую по уровню своего политического сознания часть трудящихся классов в интересах буржуазии.

На рубеже 70–80-х годов «исламский фактор» усилился и на международном уровне, что проявилось, с одной стороны, в активизации деятельности международных мусульманских организаций, а с другой – в гораздо более четко, чем раньше, выраженном стремлении правящих кругов развитых капиталистических стран, и прежде всего США, использовать этот «исламский фактор» в интересах империалистической политики.

Надо сказать, что исламское движение демонстрирует противоречивые тенденции и на международном уровне. Определяя позицию мусульманских стран, необходимо иметь в виду их преобладающую настроенность против Израиля, США и других империалистических государств. «Исламская солидарность» выступает и как форма борьбы за новый мировой экономический порядок, за демократизацию существующих мирохозяйственных связей.

В своей политике в отношении мусульманских стран американский империализм стремится использовать реакционные тенденции в исламских движениях; при этом подход США к современному исламу можно охарактеризовать как сугубо политический, более того – конъюнктурно-политический.

Острый «прилив» интереса США к мусульманскому миру начался, по сути дела, после революции в Иране. С этого времени проявляется их стремление более активно использовать «мусульманскую карту» в таких целях, как:

- наращивание глобальной конфронтации с Советским Союзом;
- усиление военных позиций и военного присутствия Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке;
- маскировка политики, направленной на свержение антиимпериалистических режимов;
- обеспечение нефтяных интересов США, продолжение поставок нефти с Ближнего и Среднего Востока в масштабах, удовлетворяющих потребности американ-

ской экономики, и по «приемлемым» для Соединенных Штатов ценам;

– отвлечение внимания мусульманской общественности от антиарабской кэмп-дэвидской сепаратной сделки Израиля и Египта, подготовленной и осуществленной американской дипломатией.

«Мусульманский регион» был выделен среди других стран Азии и Африки в концепции «дуги нестабильности» З. Бжезинского. Это послужило «теоретическим обоснованием» американского курса, направленного якобы на стабилизацию обстановки в странах «дуги». Следующим шагом стали противопоставление исламского мира Советскому Союзу и другим социалистическим странам и распространение инсинуаций о «советской угрозе» мусульманскому миру, призванных служить оправданием контрреволюционной политики США в Иране и Афганистане.

Наряду с общим заигрыванием Соединенных Штатов с исламским миром просматривается явно «выборочный» подход США к отдельным государствам в расчете на превращение их в опорные пункты американского империализма. Акцент на связях с этими государствами, очевидно, диктуется стремлением США создать новую основу для своей политики на Ближнем и Среднем Востоке, особенно после того, как рухнула одна из ее самых главных опор – шахский режим. Характерно, что в состав мусульманских государств, на которые направляют особое внимание Соединенные Штаты, входят страны, предоставившие или, как считают американские политики, готовые в будущем предоставить свою территорию под военные базы США. Среди таких государств – те, которые играют или, по мнению американских политиков, смогут в дальнейшем играть активную роль против революционного Афганистана. Наконец, немалое значение в выборе таких стран имеет политика США, направленная на укрепление ряда реакционных, консервативных режимов, особенно – зашатавшихся после свержения

шахского режима в Иране. Избирательность в подходе к разным странам осуществляется Соединенными Штатами и для того, чтобы расколоть мусульманский мир, не дать ему укрепить свою солидарность на антиимпериалистической базе.

Администрация США, писала «The New York Times» 23 января 1980 г., сосредоточивает внимание на таких ключевых государствах, как Египет, Саудовская Аравия и Пакистан; «она готова принять участие в новых формах сотрудничества с ними». Такие «новые формы сотрудничества» выражаются прежде всего в милитаризации стран с консервативными режимами, направленной на их превращение в основных союзников США в организации контрреволюции на мусульманском Востоке, которая преподносится как «защита мусульманских стран от советской угрозы».

Однако следует заметить, что проамериканская ориентация саадатовского Египта и сближение с США правящих кругов Саудовской Аравии и Пакистана вызвали резкое осуждение как ряда арабских государств, так и ближайшего соседа Пакистана – Индии. Далеко не однозначное воздействие оказала эта политика и на внутреннее положение союзников США в регионе, натолкнувшись на растущее недовольство, в том числе среди мусульманского духовенства. Возможности правящих кругов отдельных мусульманских стран использовать помощь США в качестве внутривосточного стабилизирующего фактора весьма ограничены. На это обратила внимание, в частности, премьер-министр Индии Индира Ганди. В одном из своих интервью она подчеркнула, что американская помощь Пакистану обостряет внутренние проблемы этой страны: «Многие пакистанцы считают, что полученное оружие может быть использовано и против них»*.

* Times of India. – 4 апреля 1981.

Серьезное недовольство стран традиционного распространения ислама вызывает также позиция США в арабо-израильском конфликте.

О росте противоречий между мусульманскими государствами и международным, прежде всего американским, империализмом во всех областях экономической и политической жизни свидетельствует не только антиимпериалистический радикализм ряда мусульманских политических движений, но и определенные изменения, происходящие в мусульманских странах с консервативными режимами, на которые США стремятся опереться в своей реакционной политике.

В Соединенных Штатах высказывается опасение, что «отношения с их традиционными мусульманскими союзниками... в значительной степени обострятся»*. По признанию американской прессы, «в отношениях Исламабада с Западом преобладает взаимное недоверие», а «саудовские лидеры, кажется, ускользают из объятий США»**.

* U.S. News & World Report. – 1979. – Vol. 87, No. 24. – P. 21.

** Business Week. – 4.02.1980. – P. 51; U.S. News & World Report. – 1980. – Vol. 88, No. 15. – P. 31.

Глава 4

МЕСТО В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ⁴⁴

I. Возражения против крайних оценок

В результате развала колониальной системы империализм понес значительные потери, однако главным образом политические и военно-политические; в экономическом плане потери империализма, особенно на первых порах, оказались намного меньшими. Правда, существовала точка зрения, согласно которой раскол мирового рынка вследствие образования мировой системы социализма и освобождения колониальных и полуколониальных стран, сокращая сферу приложения сил развитых капиталистических государств к мировым ресурсам, приведет к тому, что их производство будет развиваться на суженной базе. Но такие прогнозы не оправдались. Развитые капиталистические страны – через противоречия, кризисы, серьезные утраты – смогли, хотя и уступая по темпам странам социалистического содружества, продолжить рост своего производства. Это им удалось в условиях начавшейся научно-технической революции, оказавшей огромное влияние на развитие производительных сил, усиления регулирующей роли государственно-монополистического капитала, интеграционных процессов и опережающего роста экономического обмена.

В связи с такими новыми условиями появилась и другая, противоположная точка зрения – о сокращающихся месте и роли бывшей колониальной «периферии» в мировом капиталистическом хозяйстве. Придерживающиеся ее ученые исходили не только из этих новых условий развития производства в капиталистическом «центре», но и из тех реальных последствий научно-технической революции, которые имели прямое отношение к «периферии», – роста промышленности заменителей естественного сырья, преимущественного увеличения наукоемкого производства, тенденции уменьшения доли сырья на единицу продукции. Эти правильные послышки и лежали в основе вывода о сокращении места и роли бывших колоний и зависимых стран в мировой экономике.

Между тем и эта точка зрения оказалась далекой от действительности.

Во-первых, научно-техническая революция в своих многогранных проявлениях не понизила спрос на натуральное сырье, несмотря на то что достаточно высоких темпов достигло производство его заменителей. Это может быть проиллюстрировано на примере не только топливно-энергетического, но и других видов минерального сырья. Спрос на натуральное сырье, поставляемое развивающимися странами, не уменьшился и в результате сравнительно быстрого развития собственной базы производства сырья в развитых капиталистических странах. Этот процесс происходил и происходит параллельно другому – неуклонному росту потребления сырья, что приводит к необходимости его постоянно увеличивающегося импорта. Все эти тенденции суммарно отражают данные таблицы 2, охватывающие 50-е, 60-е и 70-е годы.

Во-вторых, произошел целый ряд весьма важных изменений в соотношении общемировых сил, в политическом положении «периферийных» стран, а также в

системе мирового капиталистического хозяйства, способствующих не уменьшению, а, напротив, увеличению роли развивающихся государств в мировой экономике. В этой связи могут быть названы в первую очередь следующие сдвиги:

- появление и усиление мировой системы социализма, что создало мощный противовес империализму, сократив его силы и маневренные возможности;

- завоевание и укрепление политической независимости «периферийными» странами, что позволило им обрести суверенные права над своими ресурсами, определять в целом или значительно влиять на структуру иностранных капиталовложений, масштабы добычи сырья, принимать участие в процессе ценообразования на экспортируемое сырье;

- развертывание структурных кризисов капитализма – энергетического, сырьевого, экологического, валютного, что побуждает монополистический капитал развитых капиталистических стран создавать энергоемкие, материалоёмкие, «грязные» производства вблизи от источников сырья и энергии или просто за рубежом и усиливать свой товарный экспорт для рециклирования «сырьевых доходов» развивающихся стран в экономику развитого капиталистического мира;

- рост борьбы рабочего класса, особенно в центре мирового капиталистического хозяйства, что приводит к повышению цены рабочей силы и усиливает стремление к перемещению трудоемких производств в развивающиеся страны, обладающие значительно более низкой стоимостью и ценой рабочей силы;

- расширение внутреннего рынка в развивающихся странах по мере развития товарно-денежных отношений, и особенно в связи с ходом индустриализации этих стран, что имеет важное значение для экспорта продукции из развитых капиталистических государств.

Таблица 2

Доля развивающихся стран в мировом капиталистическом производстве (П) и экспорте (Э) важнейших видов сырья*

	1950	1960	1970	1975	1980
Нефть					
П	42,3	56,1	70,1	74,4	72,0
Э	96,4	97,8	96,8	96,2	94,0
Природный газ					
П	—	7,1**	8,0	11,9	15,2
Э	—	21,9**	17,8	25,8	26,0
Железная руда					
П	8,1	24,6	40,0	40,1	35,9
Э	27,0	45,3	48,9	50,3	45,4
Медная руда					
П	45,5	51,9	46,6	51,7	57,3
Медная руда и концентраты					
Э	—	55,1**	52,3	59,0	56,6***
Черновая медь					
П	39,2	45,8	41,1	38,7	40,9***
Э	—	88,3**	82,1	77,1	86,6***
Оловянные концентраты					
П	96,4	95,1	92,2	90,1	90,6
Э	99,0	98,6	89,8	83,5	71,7***
Олово (металл)					
П	43,6	67,3	72,8	78,2	84,9
Э	65,1	72,6	81,6	88,6	88,9
Бокситы					
П	64,9	74,9	65,2	60,2	55,0
Глинозем					
П	—	20,2**	24,5	23,4	27,2

* Рассчитано за соответствующие годы по: «Statistical Yearbook»; «Monthly Bulletin of Statistics»; «International Petroleum Annual»; «World Energy Supplies»; «World Natural Gas»; «Oil Statistics»; «Statistical Summary of the Mineral Industry»; «Metal Statistics»; «World Metal Statistics»; «ITC, Statistical Bulletin».

** В 1965 г.

*** В 1979 г.

Надо сказать, что разделение труда в рамках мирового капиталистического хозяйства, характерное для колониального периода, перестало устраивать и капиталистический «центр»: низкий уровень развития «периферии», узость внутреннего рынка, нехватка квалифицированной рабочей силы стали тормозом на пути экспансии промышленных монополий в Азию, Африку, Латинскую Америку. Следовательно, в определенной степени колониальное разделение труда подрывается и самими действиями бывших колонизаторов, стремящихся приспособиться к новой обстановке.

Именно в таких условиях и родилась практика неоколониализма.

II. Сущность неоколониализма

Если попытаться проанализировать отношения, сложившиеся после краха колониальной системы между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства, то, прежде всего, по-видимому, следовало бы остановиться на изменившемся характере двух сторон этих отношений.

«Периферия», которую составили освободившиеся страны, уже не может быть в новых условиях объектом империалистической эксплуатации главным образом «традиционными», колониалистскими методами и путями. Продолжение империалистической эксплуатации потребовало от монополистической буржуазии ведущих капиталистических стран поисков новых, экономических и политических приемов, ибо такие старые средства, как внеэкономическое принуждение, стали в целом неприменимы не только к странам социалистической ориентации,

но и к тем бывшим колониальным и полуколониальным странам, которые пошли по пути капиталистического развития.

Определенные изменения произошли и в характере капиталистического центра. С возникновением мировой системы социализма империалистические государства потеряли возможность относительно легко и беспрепятственно подавлять вооруженной силой сопротивление «периферийных» стран. Становление и укрепление мировой социалистической системы также лишило империалистические государства монопольного положения в качестве единственного для «периферии» источника займов, кредитов, оборудования, научно-технических и технологических разработок, помощи квалифицированными специалистами. Появление альтернативного источника в лице социалистических стран, устанавливающих принципиально иные отношения с развивающимися государствами, резко ослабляет позиции империализма, который пытается преодолеть эту тенденцию, применяя новые рычаги воздействия, средства и методы с целью навязывания своей воли «периферии», нещадной эксплуатации.

С учетом всего этого и начала осуществляться неоколониалистская политика и практика в отношении развивающихся стран. Стратегической задачей неоколониализма стало удержание освободившихся стран в орбите капитализма, привязывание «периферии» новыми узами к капиталистическому «центру», продолжение ее эксплуатации методами и средствами, соответствующими изменившимся объективным и субъективным условиям.

Основные средства, призванные обеспечить решение этой стратегической задачи, лежат в сфере экономики. Это отнюдь не исключает политических и военно-политических средств, но они, как правило, служат до-

полнением к экономическим методам эксплуатации освободившихся стран.

Можно говорить о двух основных формах неоколониалистских действий: по государственной линии это предоставление так называемой помощи развивающимся странам; по частнокапиталистической – экспансия в них транснациональных корпораций (ТНК). Экспансия ТНК по мере развития неоколониализма становится его главной формой. Однако мы начинаем анализ с государственной помощи, так как она стояла у истоков неоколониализма, а затем все больше подчинялась интересам частномонополистической эксплуатации развивающихся стран – и в широком, и в узком понимании этих интересов.

«Феномен» экономической и научно-технической помощи развитых капиталистических стран развивающимся государствам возник после Второй мировой войны как прямое следствие изменившегося соотношения сил в мире. Такая помощь явилась попыткой США и государств Западной Европы воздействовать в своих интересах на процессы, происходящие в освободившихся странах, притупить антиимпериалистическую остроту этих процессов. По мере изменения обстановки в мире, в частности в Азии, Африке и Латинской Америке, смещались акценты в задачах, которые решались империалистическими государствами, прежде всего США, посредством предоставления помощи, модифицировались ее формы, менялись условия предоставления и размеры.

Среди таких изменений одно, может быть, больше, чем все остальные, подчеркивается в западной литературе – смягчение финансовых условий помощи.

Действительно, процентная ставка по займам, относимым к помощи, составляла в конце 70-х годов (1978 г.) 2,7 %, тогда как в конце 60-х годов (1969 г.) она равня-

лась 3,5 %, что, в свою очередь, было в два раза ниже, чем в 50-е годы. Срок выплаты по займам в 70-е годы возрос с 24,3 до 32 лет, а льготный период – с 6,7 до 10,8 года. Увеличилась доля субсидий в помощи*.

Однако такая перемена ни в коей мере не была порождена филантропическими мотивами. С одной стороны, она обозначилась в условиях, когда на отношения между капиталистическим «центром» и «периферией» все большее воздействие – и прямое, и особенно косвенное – начали оказывать развивающиеся связи части «периферии» с социалистическим миром. С другой стороны, сама помощь в изменяющейся не в пользу империализма обстановке превращалась во все более важный инструмент защиты общих экономических и военно-политических интересов капиталистического «центра» в системе его взаимоотношений с «периферией».

Очень часто и, естественно, вполне справедливо упоминается о прямых конкретных результатах сотрудничества освободившихся стран с государствами социалистического содружества. Только при содействии СССР в государственном секторе освободившихся стран на начало 80-х годов были созданы или создавались предприятия по производству 20 миллионов тонн стали, добыче 65 миллионов и переработке 17,6 миллиона тонн нефти, производству 3,3 миллиона тонн цемента, электростанции суммарной мощностью 13 миллионов киловатт, сооружалось свыше 4000 км железных и шоссейных дорог, осваивалось около 700 тысяч га новых земель; в рамках сотрудничества с Советским Союзом 70–80 тысяч граждан освободившихся стран ежегодно проходили обучение по линии производственной, профессионально-технической подготовки, среднего специального и высшего

* Development Cooperation: Efforts and Politics of the Members of the Development Assistance Committee 1979. – Paris: OECD, 1979. – P. 78, 80.

образования*. Все это, безусловно, укрепляло и укрепляет национальную экономику развивающихся стран, делает их более сильными, самостоятельными, менее поддающимися диктату капиталистического «центра».

Вместе с тем многообразные отношения развивающихся стран с социалистическим миром, очевидно, не меньшее воздействие оказывают в косвенной форме, заставляя нередко развитые капиталистические государства видоизменять свои связи с развивающимися странами, смягчать условия предоставления помощи, а подчас даже отказываться от манипулирования ею для навязывания этим странам своих требований.

На первом этапе предоставления финансовой и технической помощи развивающимся странам правительство США, как правило, лишало их такой помощи в случае нежелания подчиняться американскому диктату или просто содействовать политике Соединенных Штатов. Примером может служить провал американско-египетских переговоров в 1955 – начале 1956 г. о предоставлении кредитов на строительство высотной Асуанской плотины. Отказ президента Насера согласиться с требованиями США, означавшими фактическое установление контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта, повлек за собой аннулирование предложений со стороны Международного банка реконструкции и развития, американского и английского правительств о предоставлении соответственно 200, 55 и 15 миллионов долларов в виде займов на сооружение плотины на Ниле**.

Убедившись в том, что развивающиеся страны находят источник помощи в социалистическом мире, а это неизбежно делает их менее зависимыми во взаимоотношениях с капиталистическими державами, американское

* Правда. – 20 июля 1981.

** *St. John R.* The Boss: The Story of Gamal Abdel Nasser. – London, 1960. – P. 243.

руководство вынуждено было в целом ряде случаев менять свою тактику.

Ретроспективный взгляд на помощь развитых капиталистических стран развивающимся государствам позволяет найти ряд закономерностей.

Помощь играла и продолжает играть капитальную роль в обеспечении политических, военных и экономических интересов как отдельных империалистических держав, так и всего империалистического сообщества в целом. Некоторое улучшение финансовых условий предоставления помощи сопровождалось ужесточением ее функции в качестве инструмента политического давления, средства защиты интересов империалистов.

Одно из главных назначений помощи развивающимся странам – стабилизация проимпериалистических режимов, особенно закрепление результатов политики США и их союзников там, где удалось добиться контрреволюционных перемен. Получателями помощи США стали и Чили, и Египет, и Сомали вслед за контрреволюционными изменениями в этих странах, осуществленными при участии или под влиянием Соединенных Штатов.

Нарастающее значение приобретали военно-политические интересы, обеспечиваемые путем предоставления помощи, что особенно четко прослеживалось в практике Соединенных Штатов. Наряду со значительным ростом военной помощи*, экономическая помощь, или «помощь развитию», тоже приспособлялась для решения военно-политических задач. Это происходило как посредством «селективного подхода», концентрации на тех режимах, стабильность которых диктовалась военно-

* В 1970 г., например, военная помощь США развивающимся странам составила 5,3 млрд долларов, а в 1979 г. – 8 миллиардов (рассчитано по: Statistical Yearbook. – New York, 1979; Statistical Abstract of United States. – New York, 1978; International Defence Business – London, 1978).

стратегическими и политическими целями Белого дома и Пентагона, так и путем обусловленного предоставления экономической помощи в обмен на базы, стоянки флота, территории для складирования вооружений, предназначенных для будущего использования сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами Соединенных Штатов. Именно такой обусловленный характер экономической помощи США проявился в отношении Сомали, Омана, введенных в начале 80-х годов в число стран-получателей в связи с конкретной договоренностью о предоставлении ими своих территорий под американские военные базы. Другой пример – Пакистан, военная и экономическая помощь которому была возобновлена в большом объеме Соединенными Штатами в мае 1981 г. в прямой связи с ролью режима Зия-уль-Хака в организации и поддержке контрреволюционных афганских элементов. США заплатили своей помощью и Садату за его решение отойти от общеарабской позиции и принять капитулянтские условия Кэмп-Дэвида, а также предоставить Соединенным Штатам возможность использовать египетскую территорию в своих военных целях.

К середине 50-х годов помощь непосредственно предназначалась для втягивания развивающихся государств в империалистические союзы – Багдадский пакт (СЕНТО), СЕАТО. В дальнейшем, в связи с серьезной компрометацией политики США и их партнеров и усилившейся антиимпериалистической борьбой, зависимость проблемы помощи от стремления империалистического Запада обеспечить свои военно-политические интересы была несколько закамуфлирована. В конце 70-х – начале 80-х годов это стремление вновь оголилось, проявилось в неприкрытом виде. В докладе, подготовленном директором административно-бюджетного управления администрации Рейгана, например, во всеуслышание говорилось, что «помощь на цели обеспечения безопасности

[этим термином обозначаются широкие военно-стратегические интересы США. – *Е.П.*] имеет приоритет над помощью на цели развития» и что помощь вообще должна служить целям США*.

Другим мотивом предоставления помощи стали экономические интересы развитых капиталистических государств, в конечном счете понимаемые ими как сохранение неокOLONIALISTСКОГО разделения труда между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства. Однако и в этом вопросе обозначилась тактическая модификация, способствующая, по мнению апологетов помощи, росту ее эффективности в плане достижения поставленных целей. Концепция «помощи развитию» к началу 70-х годов была дополнена концепцией «равного партнерства» или «сотрудничества в деле развития», что должно было подчеркнуть большую «ответственность» стран-получателей, их готовность следовать разрабатываемой «центром» стратегии развития. Новая концепция рассматривала усилия стран – получателей помощи в качестве главного рычага их прогресса, однако с акцентом на тесную связь этих усилий со способностью данных стран реализовать предлагаемые рекомендации. В наиболее концентрированном виде все это нашло отражение в докладе комиссии Пирсона⁴⁵, хотя уже в этом докладе – и особенно в отношении к нему – обнаружились некоторые различия среди идеологов правящих кругов Запада по проблемам помощи**.

В середине 70-х годов наметилась новая модификация концепции помощи. Для относительно более развитых освободившихся стран акцент был перенесен на коммерческие займы. Что касается основной массы освободившихся стран, то помощь была больше ориентирована на

* Washington Post. – 31 января 1981.

** Partners in Development. Report of the Commission on International Development. – New York, 1969.

удовлетворение «основных человеческих потребностей», то есть на стимулирование производства товаров и услуг, необходимых в первую очередь неимущим слоям населения развивающихся стран, смягчение проблемы занятости. Если переход к «равному партнерству» был призван утвердить определенные схемы развития капиталистической «периферии», то новая модификация концепции помощи, последовавшая в середине 70-х годов, судя по всему, была в основном нацелена на то, чтобы нейтрализовать явно неблагоприятную для такого «партнерства» социальную и политическую обстановку в развивающихся странах, ослабить процесс накопления взрывчатого материала.

Особое значение в этих условиях приобрела продовольственная помощь. Несмотря на определенный успех «зеленой революции» в ряде стран, продовольственная проблема в развивающемся мире в целом сохранила тенденцию к обострению. Так, если по основной программе второго десятилетия развития, охватывавшей 70-е годы, предусматривался темп роста сельского хозяйства в развивающихся странах в 4 %, то в действительности он составил 2,6–2,8 %.

В сложившейся ситуации США, будучи основным поставщиком продовольствия на мировой рынок, начали прибегать к открытому продовольственному шантажу развивающихся стран в политических целях. Вместе с тем все чаще США стали использовать поставки продовольствия в развивающиеся страны, чтобы гарантировать ответные поставки сырья с «периферии» на условиях, удовлетворяющих капиталистический «центр».

Государственная помощь должна была способствовать экспорту частного капитала в освободившиеся страны путем создания там соответствующего инвестиционного климата. В этой связи в США были выдвинуты идеи, находящие поддержку в некоторых других капиталистических странах, о разработке на международном уровне

системы мер, призванных гарантировать иностранные частные капиталовложения в развивающиеся страны от национализации, о страховании капиталовложений, предоставлении привилегий иностранным монополиям.

Помощь продолжала выполнять и функцию рычага, способствующего продвижению товаров стран-доноров на рынок стран-получателей. Такая «связанная помощь» составляла большую часть займов и субсидий, предоставляемых многими развитыми капиталистическими странами. Например, доля «связанной помощи», предназначенной для оплаты западногерманского экспорта, была равна 77,4 % всех займов ФРГ развивающимся странам в 1962–1976 гг. При этом некоторые страны-доноры искусственно поднимали цену на те товары, покупки которых «увязываются» с помощью. По оценке американского экономиста Л. Франко, цены американских товаров, экспортируемых по программам помощи, были на 15–20 % выше цен мирового рынка.

Произошла диверсификация источников помощи. Относительно уменьшились размеры помощи Соединенных Штатов – с 58,3 % совокупной помощи стран, входящих в Комитет содействия развитию (КСР) (США, Канада, страны Западной Европы, Япония, Австралия, Новая Зеландия), в 1960 г. до 28,3 % в 1980 г.

Важно отметить, что эти сдвиги сопровождались уменьшением доли помощи в ВВП Соединенных Штатов, в то время как эта доля росла или, во всяком случае, не показывала тенденции к неуклонному падению у большинства других стран КСР (табл. 3).

С течением времени, точнее, во второй половине 70-х годов все больший удельный вес – и по значению, и по масштабам – начали приобретать займы, субсидии и кредиты международных финансовых организаций, создаваемых и контролируемых развитыми капиталистическими странами. Эта «коллективная» помощь внешне еще менее ассоциируется с империализмом, однако фак-

тически она служит тем же целям, что и помощь развитых капиталистических государств, поступающая на двусторонней основе.

Таблица 3

«Помощь развитию» стран КСР* % от ВВП

Страна	1960	1970	1975	1980
Австралия	0,37	0,59	0,59	0,51
Австрия	—	0,07	0,21	0,23
Бельгия	0,88	0,46	0,59	0,59
Великобритания	0,56	0,41	0,39	0,52
Дания	0,09	0,38	0,58	0,67
Италия	0,22	0,16	0,11	0,09
Канада	0,19	0,41	0,52	0,46
Нидерланды	0,31	0,61	0,75	0,94
Новая Зеландия	—	0,23	0,52	0,30
Норвегия	0,11	0,32	0,66	0,95
США	0,53	0,32	0,27	0,18
Финляндия	—	0,06	0,18	0,22
Франция	1,35	0,66	0,62	0,59
ФРГ	0,31	0,32	0,40	0,44
Швейцария	0,04	0,15	0,19	0,22
Швеция	0,05	0,35	0,82	0,95
Япония	0,24	0,23	0,23	0,27

* World Bank. World Development Report. – Washington, 1980. – P. 140.

«Коллективная» форма помощи развивающимся странам имеет особое значение при решении проблемы внешней задолженности, породившей острые противоречия между должниками и кредиторами. Такая задолженность по группе развивающихся стран достигла в начале 80-х годов астрономической цифры – 450 миллиардов долларов*. Империалистические политики стремятся использовать ее как постоянный рычаг давления на должников. Еще в докладе комиссии Пирсона говорилось: «Вопросы задолженности должны рассматриваться в консорциумах и консультативных группах, где акцент дискуссии необходимо смещать в сторону проблем и политики развития»**. Иными словами, если в рамках консорциума и консультативных групп (создаваемых и возглавляемых зачастую Международным банком реконструкции и развития – МБРР) странам-должникам обеспечивается некоторый пересмотр их долговых обязательств, то одновременно, опираясь на «коллективный» неокOLONиализм, развитые капиталистические государства навязывают им свои установки.

Подобный механизм уже достаточно отработан. Так, частные коммерческие банки, заинтересованные в дополнительных гарантиях своих кредитов развивающимся странам, непосредственно договариваются по этому вопросу с международными организациями капиталистического мира, предоставляющими помощь соответствующим странам. В 1979 г., например, из 11 миллиардов долларов, предоставленных МБРР развивающимся странам, 1 миллиард был связан с кредитами частных коммерческих банков так называемой оговоркой «кросс-дефолт»***. Ее смысл заключается в том, что при

* Цифра общей задолженности включает в себя помимо уже полученных сумм обязательства по заключенным соглашениям о займах.

** Partners in Development. Report of the Commission on International Development. – New York, 1969. – P. 157.

*** Financial Times. – 25.07.1980. – P. 16.

невыполнении должником своих обязательств по отношению к частному кредитору МБРР приостанавливает предоставление помощи или требует немедленной выплаты долга. Таким образом, частные банки получают дополнительные гарантии. Подобная практика, очевидно, имеет тенденцию к развитию. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1981 г. Р. Макнамару на посту президента МБРР⁴⁶ сменил Э. Клозен, выступивший инициатором совместного финансирования развивающихся стран частными банками и международными организациями помощи и считающий совместное финансирование одним из основных направлений будущей деятельности этого банка*.

Одним из важнейших показателей диверсификации источников помощи, причем качественного характера, явилось резкое увеличение в ней во второй половине 70-х годов удельного веса займов и субсидий из развивающихся нефтедобывающих стран. Это произошло как на двусторонней основе, так и посредством увеличения доли стран ОПЕК в помощи, предоставляемой через международные организации. Важно отметить, что все это наблюдалось в условиях относительного уменьшения удельного веса помощи, предоставляемой развитыми капиталистическими странами (табл. 4).

На рубеже 70–80-х годов примерно пятая часть всех ресурсов, поступающих по линии помощи развивающимся странам, происходила непосредственно из самих же развивающихся стран. Если к этому добавить, что значительная часть помощи из развитых капиталистических государств имеет своим источником прибыли, полученные за счет эксплуатации тоже развивающихся стран, будет еще более понятна полная беспочвенность утверждений о «неоценимом вкладе» «центра» мирового капиталистического хозяйства в развитие «периферии».

* Newsweek. – 24.11.1980. – Р. 64.

Таблица 4

Приток «помощи развитию» в развивающиеся страны* %

	1970–1972	1973–1976	1977–1978	1979–1980
КСР (двусторон.)	78,5	58,4	55,7	57,0
Международные агентства	16,1	20,2	25,2	23,7
в том числе доля ОПЕК	—	0,6	4,5	0,9
ОПЕК (двусторон.)	5,4	21,3	18,6	18,8
Остальные доноры (двусторон.)	—	0,1	0,5	0,5

Как уже говорилось, главной формой неокOLONиализма все больше становится деятельность транснациональных корпораций. Выше мы уже не раз в различном контексте останавливались на операциях ТНК. Здесь представляется наиболее важным показать реальные результаты таких операций для развивающихся стран.

В 70-х годах транснациональные корпорации стали основным и наиболее перспективным инвестором иностранного предпринимательского капитала в экономику развивающихся стран. Отмечен резкий рост филиалов и отделений ТНК в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Одновременно ТНК стали играть ведущую роль и в обеспечении капиталистического «центра» необходимыми товарами, производимыми на «периферии». Все это не могло не иметь непосредственных и возрастающих по своему значению последствий для развивающихся стран.

* Рассчитано по: Development Co-operation. – 1979. – P. 199; 1981. – P. 172.

Во-первых, деятельность ТНК в масштабах всего мирового капиталистического хозяйства не только не способствует выравниванию уровней развития «центра» и «периферии», но, напротив, увеличивает существующий между ними разрыв. Темпы роста производства на предприятиях ТНК намного выше общих темпов промышленного роста в капиталистическом мире. Однако при этом проявляется устойчивая тенденция преимущественного выбора в качестве сферы деятельности ТНК развитых капиталистических стран, хотя абсолютно возрастают капиталовложения ТНК и в развивающиеся страны. Даже можно, очевидно, говорить о постепенной стабилизации доли капиталовложений ТНК в развивающиеся страны по отношению к общим инвестициям транснациональных корпораций. Распределение прямых капиталовложений ТНК между развитыми капиталистическими и развивающимися странами выглядело в 60–70-х годах следующим образом*:

	1967	1971	1975	1979 (оценка)
Всего, миллиардов долларов	105	158	259	400
В том числе, %:				
в развитых капиталист. странах	69	72	74	75
в развивающихся странах	31	28	26	25

Позиция ТНК по вопросу о капиталовложениях в развивающиеся страны явно строится с учетом того, что в них относительно ограничен внутренний рынок, не хва-

* Transnational Corporation in World Development. A Re-Examination. – New York, 1978. – P. 236–237; Survey of Current Business / U.S. Department of Commerce. – Washington, 1980. – P. 24.

тает квалифицированной рабочей силы, слабо развита экономическая инфраструктура, «менее стабилен» социально-политический климат. Все это относится к сопоставлению развивающихся стран с развитыми (с точки зрения деятельности ТНК) как группы. Если говорить об отдельных развивающихся странах, то картина меняется. Некоторые развивающиеся страны имеют для ТНК не меньшее, а подчас и большее значение, чем развитые капиталистические страны.

К выбору в мире развивающихся стран объекта для своих прямых или портфельных инвестиций ТНК подходят весьма селективно. Предпочтение отдается тем, которые в силу своего экономического, политического или географического положения представляют повышенный интерес для транснациональных корпораций.

Следовательно, если в общем деятельность ТНК углубляет пропасть между «центром» и «периферией» мирового капиталистического хозяйства по уровню развития, то одновременно она способствует дифференциации «периферийных» стран.

Развитие освободившихся стран тормозится и тем, что ТНК, получая здесь прибыли значительно большие, чем на равные капиталовложения в развитых капиталистических странах, вкладывают на «периферии» ресурсов меньше, чем вывозят их в капиталистический «центр» (табл. 5).

Как показывает таблица, из 44 миллиардов долларов, экспортированных Соединенными Штатами за 1970–1980 гг., лишь 18 % было вложено в развивающиеся страны, тогда как на их долю пришлось более 45 % переведенных в США за тот же период прибылей американских ТНК. В абсолютных размерах превышение суммы переводимых в США прибылей ТНК над новым экспортом капитала из США составило за это время 48 миллиардов долларов. Эта сумма является чистым вычетом из средств, необходимых для развития освободившихся стран.

Таблица 5

Чистый вывоз капитала, перевод и реинвестиция прибылей
ТНК США за 1970–1980 гг. по группам стран*

Группа стран	Новый экспорт капитала, млрд \$	Прибыли, млрд \$			Доля групп стран в операциях ТНК, %	
		общие	переведенные в США			реинвестированные на месте
			сумма	доля в общих, %		
Все	44,0	220,0	122,7	55,8	97,3	100
Развитые капит.	35,3	135,3	63,5	46,9	71,8	80
Развивающиеся	8,0	79,4	56,0	70,5	23,4	18
Необозначенные	0,7	5,3	3,2	60,4	2,1	2

Из данных таблицы явствует, что американские ТНК на каждый доллар, вкладываемый в развивающиеся страны, вывозили в 70-х годах более 7 долларов. Характерна – и это подчеркивает, насколько деятельность ТНК способствует увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, – разница в соотношении между вывозимыми и реинвестируемыми на месте прибылями ТНК для двух групп стран. Если это соотношение для развитых стран выражается как 47:53 (вывозимая часть меньше вкладываемой), то для развивающихся

* Survey of Current Business / U.S. Department of Commerce. – Washington, August 1980. – P. 24–25; August 1981. – P. 21, 25, 27.

стран оно составляет 71:29 (вывозимая часть в 2,4 раза превышает вкладываемую).

Можно сделать общий вывод, что через механизм деятельности ТНК (пример ТНК США универсален хотя бы потому, что они составляют преобладающее большинство транснациональных корпораций в мире) империалистические государства во многом финансируют свое экономическое развитие, а также получают средства для новых прибыльных капиталовложений в развивающемся мире.

Во-вторых, экономическая экспансия ТНК в развивающиеся страны содействует сохранению зависимости «периферии» от «центра» мирового капиталистического хозяйства, в том числе в новых формах и на новом уровне. Формирование структуры иностранных инвестиций целиком подчиняется интересам корпораций, обеспечению воспроизводственного процесса, в отношении которого предприятия и целые производственные комплексы ТНК в развивающихся странах выполняют сугубо подчиненную роль. Эти предприятия создаются ТНК, как правило, лишь на «нижних этажах», а «верхние этажи» находятся в пределах империалистического «центра». Так возникает неокOLONиальное разделение труда: капиталистическая «периферия» перестает быть лишь аграрно-сырьевым придатком «центра»; одновременно фиксируется новый уровень зависимости этой «периферии», теперь уже вследствие специфического характера и специфических форм ее промышленного развития. Место, отводимое неокOLONиализмом освободившимся странам в мировом капиталистическом хозяйстве, в том числе и при помощи ТНК, кардинально не изменяется оттого, что их зависимость, эксплуатация и экономическая отсталость теперь уже зачастую воспроизводятся на современной технической основе.

В-третьих, деятельность ТНК приводит к тому, что развивающиеся страны не полностью реализуют свой

суверенитет над национальными богатствами. ТНК установили контроль над внешней торговлей товарами, производство которых имеет жизненное значение для многих развивающихся стран: бананами, рисом, каучуком и сырой нефтью – на 70–75 %; оловом – на 80 %; какао, табаком, кофе, чаем, пшеницей, хлопком, джутом, древесиной – на 85–90 %; железной рудой, бокситами – на 95 %. В результате развивающиеся страны-производители получают, как правило, неоправданно малую часть от конечной цены: 53 % от цены чая, 48 % – пальмового масла, 32 % — джута, 20 % – бананов, 15 % – какао, 14 % – кофе, 10 % – от цены железной руды*.

Тот факт, что значительная часть торговли идет по каналам ТНК, превращаясь в межцеховые потоки (30–40 % мировой торговли на конец 70-х годов), позволяет транснациональным корпорациям маскировать прибыли и тем самым искусственно уменьшать налоги местным правительствам, обходить таможенные преграды, сохранять контроль над передачей технологии.

Таким образом, следует подчеркнуть, что ТНК активизировали неоколониалистскую практику, стали главным механизмом ее осуществления. Однако, сделав этот вывод, нельзя просто остановиться на нем. Картина будет далеко не полной, если не сказать, что сама неоколониалистская линия во второй половине XX в. оказалась ограниченной конкретными пределами. Это наглядно показал, например, ряд поражений неоколониалистской политики в отношении нефтедобывающих стран.

* *Martner B.* Producers–Exporters Associations of Developing Countries. – Geneva, 1979. – P. 7–15.

III. Брешь в неоколониализме, или уроки энергетического кризиса

Пожалуй, наиболее концентрированно перемены в отношениях между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства проявились в результате энергетического кризиса в капиталистическом мире, принявшего глубокий, затяжной, структурный характер. Анализ причин, хода развития, социально-экономических и политических последствий энергетического кризиса, сопоставление прогнозов (в том числе относительно сроков разработки новых и альтернативных нефти и газу источников энергии) с реальной действительностью – все это помогает лучше понять то новое место, которое уже занимают или могут занять многие освободившиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве, те новые противоречия, которые возникают в результате этого в экономике капиталистического мира, ту новую линию, которую в нынешних условиях проводит монополистический капитал «центра» для удержания освободившихся стран на положении эксплуатируемой «периферии» мирового капитализма.

Сначала – о реальной причине энергетического кризиса. На Западе энергетические трудности – не сразу они были определены как кризис – связывались и преимущественно все еще связываются с проблемой роста производительных сил в «центре» мирового капиталистического хозяйства на фоне более быстрого, чем предполагалось, истощения невосполнимых природных ресурсов или со «своенравной» и «иррациональной» политикой «периферийных» нефтедобывающих стран. Между тем – и это главное – энергетический кризис

(впрочем, как и другие структурные кризисы капитализма) был порожден не только, да и не столько закономерностями развития производительных сил и тем более «злонамеренностью» той или иной освободившейся страны, сколько противоречиями в сфере производственных отношений на уровне мирового капиталистического хозяйства в целом. Энергетический кризис в капиталистическом мире стал прямым результатом частномонополистического характера организации производства и торговли нефтью и нефтепродуктами, равно как и кризиса неокOLONIALИЗМА – той системы эксплуатации, которая с середины нынешнего века определила отношения между капиталистическим «центром» и «периферией».

Прежде всего, надо подчеркнуть, что энергетический кризис не является отражением абсолютного исчерпания энергоресурсов развитых капиталистических стран, тем более всего мирового капиталистического хозяйства, в том числе невозобновляемых ресурсов ископаемого топлива. Правда, значительное превышение темпов роста добычи над темпами увеличения запасов нефти в свободном состоянии вело к тому, что выработанность запасов в капиталистическом мире увеличивалась, а их прирост происходил главным образом за счет вновь открываемых месторождений с весьма неблагоприятными экономическими показателями освоения – в первую очередь арктических и морских. Вместе с тем капиталистические страны обладают крупными запасами, например, каменного угля, которых, по оценке ряда западных экспертов, хватило бы для удовлетворения энергетических потребностей всех стран мира на сотни лет. Запасов расщепляющегося топлива в земной коре достаточно для удовлетворения потребности человечества в энергии на протяжении нескольких миллиардов лет. Далеко не исчерпаны возможности использования гидроэнергоресурсов капиталистических стран.

Общие запасы энергоресурсов вообще нельзя рассматривать как величину раз и навсегда данную. Они увеличиваются под влиянием научно-технического прогресса, который по мере накопления и утилизации человеческих знаний позволяет вовлекать в хозяйственный оборот все новые источники энергии, создает условия для более эффективного использования традиционных топливных ресурсов.

Не выдерживает критики стремление ряда западных исследователей представить энергетический кризис в капиталистическом мире и как явление, якобы неизбежно сопутствующее научно-технической революции. Действительно, научно-техническая революция способствовала убыстрению экономического роста в капиталистическом мире, что привело к увеличению потребления энергии. Но в то же время в результате научно-технической революции наблюдается и быстрый прогресс в исследованиях и разработках, имеющих целью увеличить производство и эффективность использования традиционных видов первичных энергоресурсов, открытие и освоение принципиально новых источников энергии.

Лежащая на поверхности причина энергетического кризиса в капиталистическом мире – несоответствие между балансом энергоресурсов и балансом энергопотребления развитых капиталистических стран.

В 50-х годах произошло резкое сокращение доли угля в балансе энергопотребления развитых капиталистических стран вследствие быстрого внедрения нефти, а затем и газа, обладающих гораздо большей теплотворной способностью и значительно лучшими показателями технологического применения. Это стало возможным благодаря открытию больших запасов фантастически дешевой нефти на Ближнем Востоке. Низкие цены на ближневосточную нефть в результате исключительно

благоприятных природных условий ее залегания, потрясающей дешевизны труда на нефтепромыслах в странах региона и относительно небольших концессионных отчислений местным правительствам поставили нефть вне конкуренции со всеми другими доступными к тому времени первичными энергоресурсами. Дальнейшее вытеснение угля нефтью в балансе энергопотребления развитых капиталистических стран в 60-х годах явилось следствием введения законодательства – в ряде государств достаточно жесткого – по борьбе с загрязнением окружающей среды. В итоге в 1972 г., то есть к началу энергетического кризиса, доля угля в энергопотреблении стран Западной Европы, США и Японии уже составляла соответственно 25,5; 20,2 и 20,0 %, а нефти и газа – 71,0; 78,1 и 76,8 %*.

Важно подчеркнуть, что этот процесс вытеснения происходил при отсутствии тогда сколько-нибудь значительных национальных нефтяных и газовых ресурсов в Западной Европе и Японии, которые связали свое экономическое развитие с импортом необходимого энергетического сырья. К концу 60-х годов наметилось явное отставание производства национальных первичных энергоресурсов от возрастающего объема общего энергопотребления и в Соединенных Штатах, где также резко возросло значение импорта первичных энергоресурсов в обеспечении расходной части энергобаланса страны.

Важно, очевидно, не только констатировать наличие противоречия в развитых капиталистических странах между возможностями энергообеспечения за счет национальных ресурсов и растущими потребностями в нефти и газе, но и рассмотреть механизм движения этого противоречия, ту форму, в которой оно получает дальнейшее развитие.

* World Energy Supplies. 1973–1978. – New York, 1979. – P. 3, 5, 104, 158, 228.

Западная Европа и Япония с середины 50-х годов не просто оказались в полной зависимости от импорта энергоресурсов, но начали получать необходимое им энергетическое сырье из стран, только что освободившихся или освобождавшихся от колониального ига. Вместе с тем в условиях, сложившихся в капиталистическом мире после Второй мировой войны, западноевропейские государства и Япония оказались не в состоянии самостоятельно обеспечивать поступление необходимого им энергетического сырья. Основными поставщиками этого сырья, покрывающего для Западной Европы большую, а для Японии даже преобладающую часть энергетического баланса, стали нефтяные монополии США, к этому времени захватившие доминирующие позиции в добыче ближневосточной, а позже и африканской нефти.

Улавливая в свою прибыль дифференциальную ренту, которая образовывалась при добыче ближневосточной нефти, залегающей в чрезвычайно благоприятных природных и географических условиях, нефтяные монополии США сказочно обогащались. Западноевропейские государства и Япония довольствовались при этом относительно невысокими ценами на нефть и нефтепродукты (такой уровень цен мог быть установлен только в результате получения нефтяными монополиями США колоссальных прибылей), а также бесперебойностью снабжения ближневосточной нефтью. Нефтедобывающие страны получали «плату» за свою нефть в виде концессионных отчислений, которые были значительно меньше прибылей, присваиваемых иностранным нефтяным капиталом.

В самих Соединенных Штатах добычу нефти и газа сосредоточили в своих руках крупнейшие монополии, которые одновременно осуществляют широкие операции и за границей, – «Exxon», «Texaco», «Gulf Oil», «Standard Oil of California» и «Mobil Oil». Причем из общего объема нефти, добываемой на предприятиях этих гигантских

компаний, на долю промыслов, расположенных на территории США, накануне энергетического кризиса приходилась лишь одна пятая общего производства*.

Путем установления на сырую нефть монопольно низких цен, не изменявшихся в течение десятилетий**, крупнейшие нефтяные компании получали устойчивые огромные прибыли***.

Именно в результате этого создавалась такая структура источников снабжения Соединенных Штатов нефтью и газом, которая базировалась на импорте, несмотря на наличие больших нефтяных и газовых ресурсов в национальных границах США. Ведущие американские нефтяные компании были явно не заинтересованы в больших капиталовложениях в разведку и добычу нефти на территории своей страны. Необходимость значительных расходов на охрану окружающей среды, обусловленная федеральными законами США, нежелание частного ка-

* Энергетический кризис в капиталистическом мире / Под ред. Е.М. Примакова. – М.: Мысль, 1975. – С. 172.

** Этому вопросу посвящен ряд страниц в весьма интересной работе В. Рымалова: *Рымалов В.В.* Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве. – М.: Мысль, 1978.

*** Длительное сохранение монопольно-низких цен на нефть и газ и постоянный рост огромных прибылей монополий – не противоречит ли одно другому, совместимы ли эти два процесса? Не только совместимы, но и взаимозависимы. Низкие цены на сырую нефть и природный газ в условиях, когда нефтяные и газовые монополии представляли собой «вертикальные» объединения, контролирующие весь цикл производства, обеспечивали этим монополиям сверхприбыли. Капиталистические государства, действуя главным образом в интересах монополистических потребителей, сдерживали рост цен на готовую продукцию из нефти и газа. В создавшейся обстановке нефтяным монополиям было крайне выгодно не поднимать цены на сырье, чтобы, с одной стороны, искусственно занижать отчисления развивающимся странам, на территории которых добывается нефть, а с другой стороны, сохранять таким путем разрыв между ценой на сырую нефть и ценой на нефтепродукты, являвшийся одной из основ увеличения массы их прибылей.

питала решать дорогостоящие проблемы, связанные с созданием инфраструктуры, – все это затормозило разведку и добычу нефти в Соединенных Штатах. В момент наибольшего развертывания деятельности американских нефтяных монополий за рубежом, и особенно в арабских странах, резко уменьшились масштабы разведывательного бурения на территории США. Целый ряд нефтяных и газовых месторождений страны не разрабатывались не потому, что физически иссякли их запасы, а из-за более высокой себестоимости добычи на них по сравнению с существовавшими ценами на импортируемую нефть. В результате всего этого стала быстро расти доля импортируемой нефти в энергобалансе США.

Таким образом, весь комплекс мер по покрытию потребностей энергобаланса в преобладающей степени для Западной Европы и Японии и в нарастающей степени для США по тем или иным причинам оказался практически связанным с развитием неоколониалистских отношений.

В развитых капиталистических странах существовало мнение, что надежность неоколониалистских связей усиливается в результате втягивания развивающихся государств в общий цикл капиталистического воспроизводства, осуществляемого в рамках мирового капиталистического хозяйства. При этом явно недооценивалось значение обратной связи, особенно антиимпериалистического политического фактора, действующего в освободившихся странах. Между тем логика антиимпериалистической борьбы вела к серьезным, в том числе и качественным, изменениям в отношениях между империалистическими государствами и освободившимися странами.

В 60-х годах, особенно к концу десятилетия, в результате небывалого усиления влияния стран – экспортеров нефти, объединившихся в ОПЕК, международный нефтяной картель, в котором господствующие позиции

занимали пять крупнейших американских нефтяных компаний, потерял возможность, как это было в прошлом, произвольно решать вопросы масштабов добычи, сбыта и установления цен на мировом капиталистическом нефтяном рынке. На рубеже 60–70-х годов ОПЕК, используя, с одной стороны, общий подъем национально-освободительного движения и, с другой – обстановку, сложившуюся на рынке энергетического сырья (резкое превышение спроса над предложением), добилась изменения существовавшей концессионной практики. В результате тегеранского, триполитского, багдадского и других соглашений между нефтяными компаниями и странами ОПЕК были резко увеличены налоги на прибыли иностранного монополистического капитала, подняты справочные цены на нефть, предусмотрено их повышение в дальнейшем для компенсации потерь нефтедобывающих стран от инфляции в развитых капиталистических государствах.

Принципиально новое соотношение сил между нефтедобывающими странами и нефтяными монополиями, вынужденными в ряде случаев отступать перед коллективным натиском стран – экспортеров нефти, сложилось в результате того, что в Алжире, Ливии, Ираке была успешно осуществлена национализация иностранных нефтяных компаний, а в целом ряде стран при поддержке и помощи Советского Союза было создано свое национальное нефтяное хозяйство. Все это не только ослабило позиции империализма в отношении этой группы стран, но и стимулировало радикальность мер, предпринятых ими против иностранного капитала. В таких условиях усилили свое наступление против иностранных нефтяных монополий и нефтедобывающие страны с консервативными режимами – Саудовская Аравия, Кувейт и др.

Возникшие в нефтедобывающих странах государственные нефтяные компании начали заключать соглашения «о партнерстве» и «о подряде» с некоторыми моно-

полями, не входившими в мировой нефтяной картель. Эти соглашения значительно отличались от традиционных концессионных договоров с компаниями картеля, в них обуславливалось участие стран-экспортеров в добыче и реализации нефти. Их заключение оказывало косвенное влияние и на концессионные условия соглашений с монополиями – участницами картеля.

В результате всего этого создавалась уникальная обстановка, когда развивающиеся нефтедобывающие страны начали получать значительную долю дифференциальной, а также и некоторую часть монопольной ренты в виде возросших концессионных платежей и отчислений от прибылей иностранных нефтяных компаний, оперирующих в этих странах.

Определенное влияние на процесс ценообразования на мировом капиталистическом рынке нефти оказала реализация развивающимися странами-собственниками нефтяных ресурсов их суверенных прав в форме регулирования нефтедобычи. Уже в 60-х годах в ряде нефтедобывающих стран предпринимались попытки согласовывать годовые объемы добычи нефти с программами национального экономического развития как с точки зрения аккумуляции необходимых валютных резервов, так и с позиций перспективных потребностей собственного хозяйства в жидком топливе. В начале 70-х годов тенденция к регулированию этими странами объемов добычи нефти проявилась особенно сильно, что не могло не ухудшить еще более соотношение между спросом и предложением.

Непосредственное участие развивающихся стран в процессе образования мировых цен на собственные сырьевые ресурсы – новый и принципиально важный момент, который, безусловно, отражается на всем комплексе их взаимоотношений с развитыми капиталистическими государствами. Рост цен на нефть способствовал повышению цен на другие сырьевые товары, произво-

димые в освободившихся странах. Особое значение приобрел тот факт, что подъем цен на нефть был обусловлен не односторонними действиями всесильного в прошлом иностранного монополистического капитала, а главным образом политикой группы развивающихся стран, соответствовавшей давно назревшей объективной необходимости. Именно они практически начали определять уровень справочных цен на добытую нефть, находящуюся в их собственности.

Итак, совпадение во времени двух процессов – ставшего характерным для развитых капиталистических стран отставания производства первичных энергоресурсов от их потребления и ликвидации всевластия международного нефтяного картеля – предопределило энергетический кризис в капиталистическом мире. Этот кризис остро проявился в конце 1973 г. вследствие вынужденных мер арабских стран в условиях осложнившегося арабо-израильского конфликта.

Энергетический кризис не только непосредственно привел к укреплению на значительный период позиций группы нефтедобывающих освободившихся стран, но и повлиял на обстановку во всем мировом капиталистическом хозяйстве, способствовал определенному изменению соотношения сил в пользу сырьедобывающей «периферии» в целом.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что энергетический кризис развил и наделил некоторыми новыми чертами многие противоречия, присущие государственно-монополистическому «центру». Он занял заметное место среди новых форм проявления основного противоречия капитализма – между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Раньше воздействие этого противоречия на экономический рост главным образом в «центре» мирового капиталистического хозяйства осуществлялось практически лишь через механизм цикличности, через кри-

зисы перепроизводства. Торможение экономического роста происходило вследствие неспособности капитализма обеспечить реализацию продукции при ее перепроизводстве; именно это вело к относительному или абсолютному сокращению темпов роста на определенных этапах экономического цикла. Неизбежная при капитализме цикличность производства сохранила все свое значение как тормоз развития производительных сил и ныне. Вместе с тем, как показывает действительность, дезорганизация производства и обращения во всем мировом капиталистическом хозяйстве в самой драматической форме проявляется не только в фазе кризиса и даже не только тогда, когда происходит «перегрев» производства на стадии подъема, но и в то время, когда нет никаких признаков спада и экономика демонстрирует значительный рост производства. В этом в самом непосредственном виде проявляется несоответствие капиталистических производственных отношений характеру производительных сил.

Энергетический кризис, который возник в начале 70-х годов при высоких темпах экономического роста ведущих капиталистических стран, начал сдерживать развитие производства, особенно в основных энергопотребляющих отраслях хозяйства, а также негативно сказываться на бытовой сфере.

В то же время возникла и начала действовать взаимно стимулирующая связь между различными нециклическими, структурными кризисами капитализма. Так, энергетический кризис был усилен воздействием экологического и валютного кризисов. В свою очередь, сам он способствовал дальнейшему развитию валютно-финансовых трудностей, инфляционных процессов, экологических затруднений в капиталистическом мире. По ряду оценок, непосредственным результатом роста цен только на нефть стало инфляционное повышение цен примерно на 1–2 %, а кумулятивные последствия этого явления еще больше.

Что касается влияния энергетического кризиса на развитие экологического кризиса, то можно предположить, что проблема ускоренного роста собственного энергопроизводства в развитых капиталистических странах не найдет своего решения без снижения требований к охране окружающей среды, а следовательно, приведет к дальнейшему нарушению экологического баланса в капиталистическом «центре». В этом направлении на рубеже 70–80-х годов начали развиваться события в США.

Неправильно было бы считать, однако, что развитые капиталистические страны вообще не в состоянии решать задачи, выдвигаемые энергетическим и другими кризисами. Этими странами были приняты различные меры по нейтрализации отрицательных последствий и трудностей, связанных с развитием энергетической ситуации. В некоторых развитых капиталистических странах, например США, пересматривается законодательство в пользу стимулирования производства собственных ресурсов энергоносителей и экономии энергии; предпринимаются значительные усилия для использования достижений научно-технического прогресса с целью активизации альтернативных источников энергии и выхода на принципиально новые.

Но все эти меры, которые, безусловно, в ряде случаев эффективны, не перечеркивают той непреложной истины, что освободившиеся страны, и особенно отдельные их группы, уже стали оказывать значительно большее воздействие, чем в прошлом, на мировое капиталистическое хозяйство.

Если в этой связи говорить о нефтедобывающих развивающихся странах, то есть все основания считать, что их значение для мирового капиталистического хозяйства в обозримый период (например, до конца века) не уменьшится. Несмотря на сокращение реального роста потребления энергии по сравнению с преобладающим

большинством докризисных прогнозных оценок, он остается относительно высоким. Это в общем обусловлено увеличением валового внутреннего продукта, а также тем, что коэффициент энергоемкости экономики (количество энергии на единицу ВВП) все еще достаточно велик и со всей очевидностью сохранится таковым до конца века; конечно, интенсивные меры по экономии энергии несколько уменьшили его, но значительная часть производства, транспорт, быт остаются весьма энергоемкими.

К этому следует добавить вывод об инерционности баланса энергопотребления, в котором нефть продолжает и после начала энергетического кризиса сохранять ведущую роль (табл. 6).

Таблица 6

Структура потребления первичных энергоресурсов
в развитых капиталистических странах*

Год	Всего, млн т	В том числе, %			
		уголь	нефть	прир. газ	прочие
1950	1855,8	56,8	29,0	12,2	2,0
1960	2592,5	39,9	38,5	19,0	2,6
1970	4282,0	25,8	49,1	22,5	2,6
1973	4800,2	22,1	52,5	22,6	2,8
1974	4715,8	22,7	51,2	22,9	3,2
1975	4594,8	23,6	50,2	22,6	3,6
1976	4841,7	23,7	51,3	22,1	3,9
1977	4879,8	23,0	51,8	21,6	3,6
1978	4908,4	22,4	51,7	22,3	3,6
1979	—	23,0	49,6	23,4	4,0

* World Energy Supplies 1950–1974. – New York, 1976; World Energy Supplies 1976–1978. – New York, 1979; Yearbook of World Energy Statistics 1979. – New York, 1981.

Очевидно, несмотря на энергетический кризис и вопреки прогнозам, которые делались в самом его начале, серьезной диверсификации баланса энергопотребления в развитых капиталистических странах не произошло и, по-видимому, не произойдет в ближайшем будущем. В результате действия комплексных причин – экономических, политических, экологических – реальные темпы развития атомной энергетики далеко отстали от прогнозных оценок. Естественно, все это общие выводы по всем развитым капиталистическим странам при серьезных различиях в энергетической ситуации в США, Японии и государствах Западной Европы.

Имеет важное значение еще одно положение: несмотря на увеличение добычи нефти на территории и морском шельфе развитых капиталистических государств, развивающиеся страны продолжают быть основным нефтяным резервуаром капиталистического мира; они остаются наиболее перспективной сферой и по возможным открытиям новых крупных нефтяных месторождений.

Все вышеуказанное дает представление о том, насколько глубокой оказалась брешь, которую пробил в неоколониализме энергетический кризис. Однако этот кризис и его последствия поучительны и в другом плане: капиталистический «центр» не оставляет попыток нейтрализовать негативные для себя результаты новых отношений, сложившихся у него с частью «периферии», и стремится осуществить такую нейтрализацию, прибегая опять-таки главным образом к новейшим методам и приемам*.

* Этому способствует важное обстоятельство, подчеркнутое А.Е. Примаковым: «...успехи стран ОПЕК в экономической деколонизации ввиду обострения глобальной энергетической проблемы совпали по времени даже с относительным усилением позиций нефтяных ТНК в корпорационной иерархии. В итоге нефтепроизводителям ныне предстоит мощная группировка монополистического капитала»

Прежде всего, нужно отметить, что значительная часть прибыли от добычи нефти, вырванная странами ОПЕК у совокупного иностранного монополистического капитала, вновь поступила к прежним владельцам нефтяных богатств этих стран через каналы внешней торговли. Десятикратное повышение цен на нефть с 1973 по 1981 г. не было полностью реализовано странами ОПЕК в виде адекватного чистого финансового притока из стран – потребителей нефти. В развитых капиталистических государствах были вздуты цены на готовую продукцию, причем, как правило, эти цены повышались опережающими по сравнению с ростом цен на нефть темпами. А так как страны – экспортеры нефти являются крупными потребителями этой готовой продукции, надбавка над ценами на нее стала прямым вычетом из прибылей, образующихся в результате подъема цен на нефть.

Следует, очевидно, остановиться и на другой стороне вопроса. Среди западных ученых бытует представление, будто вихреобразный рост цен на готовую продукцию в развитых капиталистических странах порожден резким подъемом цен на нефть и газ. При такой «логике» ОПЕК считается главным виновником галопирующей инфляции в мировом капиталистическом хозяйстве. Однако эта «логика» ставит все с ног на голову. Безусловно, повышение цен на нефть и другие энергоносители способствовало росту инфляции, но далеко не в той мере, как утверждает ряд буржуазных экономистов. Между тем само это повышение во многом было продиктовано инфляционным подъемом цен на товары и услуги, покупаемые нефтедобывающими развивающимися странами.

Значительно понизило реальные доходы стран ОПЕК от повышения цены на нефть и обесценивание в 1976–1980 гг. доллара США, к которому эта цена привязана.

(Примаков А.Е. Нефтяные ТНК и нефтедобывающие страны: эволюция отношений // США: экономика, политика, идеология. – 1981. – № 11. – С. 21–22).

Такое обесценивание в немалой степени произошло из-за целенаправленных финансовых манипуляций. Обесценивание доллара по сравнению с другими западными валютами привело к тому, что нефтедобывающие страны могли купить на долларовую выручку от продажи своей нефти значительно меньше товаров и услуг, чем было бы в «нормальных» условиях.

Существенная часть доходов нефтедобывающих стран от продажи нефти была изъята в виде прибылей ТНК и других иностранных или смешанных компаний, которые резко увеличили свою подрядную активность в зоне стран ОПЕК.

Наконец, развитые капиталистические страны (причем главной силой в этом случае, как и во многих иных, выступили Соединенные Штаты), используя свои связи с правящими кругами отдельных нефтедобывающих стран и совпадение классовых интересов, повели дело к торможению роста цен на нефть, в ряде случаев искусственно сдерживая его в условиях инфляционного подъема цен на другие товары и услуги. Развитым капиталистическим странам подчас помогали в этом правящие круги Саудовской Аравии – страны, на территории которой добывается около 40 % нефти, экспортируемой странами ОПЕК. Такое сдерживающее воздействие на рост цен саудовские руководители оказывали не только политическим влиянием на некоторых союзников по ОПЕК, но и экономическими мерами, необоснованно увеличивая добычу в условиях насыщенности нефтью мирового рынка, как это было, например, в 1981 г.

Немалую роль играют и маневры империалистических государств, преследующие цель запугать страны ОПЕК, оказать на них давление, расколоть эту организацию и сделать невозможным коллективное противостояние развивающихся нефтедобывающих стран развитым капиталистическим государствам – потребителям нефти.

В условиях усиливающейся борьбы капиталистического «центра» против экономической эмансипации даже части «периферии» мирового капиталистического хозяйства особое значение приобретает проблема фундаментальной реформы мирохозяйственных связей, установления нового международного экономического порядка.

IV. Борьба за демократизацию международных экономических связей

Объективная потребность кардинальным образом перестроить систему мирохозяйственных связей отчетливо выражается в борьбе против империалистической практики эксплуатации развивающихся стран, а также дискриминационной политики ряда развитых капиталистических государств в отношении социалистических стран. Конечно, при сохранении империализма нельзя, очевидно, полностью исключить дискриминационные моменты из международных экономических отношений, как и попытки империалистических сил вновь и вновь оживить такую дискриминационную практику. Тем не менее задача демократизации мирохозяйственных связей – это не утопическая мечта, а реальная цель, программа, опирающаяся на изменившееся соотношение сил в мире.

Советское государство с момента своего возникновения повело последовательную борьбу за уничтожение всех видов дискриминации в международных отношениях, в том числе, естественно, и в вопросах экономических связей между государствами. Это борьба долгая и труд-

ная, но она уже привела к большим позитивным результатам:

- империализм в целом ряде случаев был вынужден идти на попятную, отказываться от диктата в экономических отношениях с Советским Союзом, другими социалистическими государствами и даже в определенной мере с освободившимися странами;

- идея равноправных и демократических экономических связей во всемирном хозяйстве получила широкое распространение, стала весьма популярной, в том числе среди общественности развивающихся стран, и сильно подорвала концепции старого империалистического колониального «правопорядка»;

- реальное движение за демократизацию международных экономических отношений неизмеримо расширилось, включив в себя молодые суверенные государства, а также различные круги общественности развитых капиталистических стран. Представляется уместным отметить, что приход новых участников в это движение неизбежно усложнил его, привнес в борьбу новые моменты, нередко не поддающиеся однозначной оценке.

Какова позиция развивающихся стран или, иными словами, какова выдвинутая этими странами программа нового международного экономического порядка (НМЭП)?

Здесь не имеется в виду излагать историю этой программы. Много написано, в том числе и в Советском Союзе, о «платформе 77»⁴⁷, VI и VII специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН⁴⁸, конференциях ЮНИДО, ЮНКТАД и о других международных форумах, на которых рассматривались проблемы НМЭП. Хочется лишь остановиться на некоторых, как представляется, наиболее существенных положениях платформы развивающихся стран. Схематически они могут быть представлены следующим образом:

– в области сырья – регулирование рынков наиболее важных сырьевых товаров (цель такого регулирования – стабилизация цен, противодействие тенденции ухудшения условий торговли для развивающихся стран, стимулирование обработки сырья в этих странах и их участия в сбыте своих сырьевых товаров; стабилизации цен служит созданный за счет взносов импортеров и экспортеров сырья фонд, который будет финансировать накопление крупных буферных запасов сырья);

– в области торговли готовыми изделиями – расширение доступа на рынки развитых капиталистических стран и с этой целью устранение всевозможных ограничений и барьеров – тарифных и нетарифных, вводимых в капиталистическом «центре»;

– в валютно-финансовой области – увеличение развитыми странами процента «помощи развитию» до 0,7 своего ВВП, а также повышение доли субсидий в помощи, списание долгов с наименее развитых стран или процентов по этим долгам, улучшение старых и введение новых механизмов и программ финансирования;

– в области промышленного развития – разработка долгосрочной политики создания производственных мощностей в развивающихся странах, исходя не из меньших издержек производства в последних, а из их потребностей, и доведение к 2000 г. доли развивающихся стран в мировом промышленном производстве до 25 %. Этому должны содействовать изменение существующих юридических и других норм, регулирующих передачу научно-технических и технологических знаний из развитых в развивающиеся страны, принятие «кодекса поведения» ТНК по передаче технологии, а также реформа международной патентной системы.

В период возникновения этих требований империалистические государства попытались их игнорировать, а когда стало ясно, что это не удастся, начали интерпретировать их как проявление разных интересов развитых –

вне зависимости от социально-экономического характера – и отсталых стран, стремясь тем самым притупить остроту, выхолостить антиимпериалистическое содержание борьбы бывших колоний и полуколоний за демократизацию международных экономических отношений. Линией конфронтации был провозглашен рубеж, который разделяет мир не по классовым, а по географическим признакам – между «развитым Севером» и «отсталым Югом». Одновременно декларируется «всеобщая ответственность» за отсталость стран Азии, Африки, Латинской Америки, причем эта точка зрения нашла сторонников и среди развивающихся стран.

Между тем такая позиция несостоятельна не только потому, что абсолютно не отражает реальной действительности, но и потому, что не открывает пути для истинной и всеобщей демократизации международных экономических связей.

Во-первых, следует, очевидно, исходить из сложившейся структуры всемирного хозяйства. Двучленность этой структуры определяется тем, что всемирное хозяйство составляют две экономические системы – капиталистическая и социалистическая. Конечно, нет и не может быть автаркии этих двух противоположных экономических систем – связи между ними не только существуют, но и, при возможных колебаниях, расширяются. Однако каждая система возникла в различных условиях и развивается по своим законам.

Мировое капиталистическое хозяйство родилось в условиях раздела мира на горстку империалистических государств и огромную массу колоний и зависимых стран. Развитые ныне капиталистические государства в своем большинстве были метрополиями и обеспечивали рост своих производительных сил в немалой степени за счет выкачки ресурсов из колоний. Неоколониальная эксплуатация «периферии» мирового капиталистического хозяйства капиталистическим «центром» явилась про-

должением и модификацией прежней эксплуатации колоний и полуколоний метрополиями.

Во-вторых, перестройка международных экономических отношений не будет по-настоящему универсальной и эффективной, если она не охватит все экономические связи во всемирном хозяйстве. Но это значит, что нельзя ограничивать контекст перестройки лишь отношениями, которые существуют в мировом капиталистическом хозяйстве, – между «центром» и «периферией», как бы важна ни была данная проблема. Задача экономической деколонизации требует скорейшего решения.

Борьба за подлинную демократизацию международных экономических отношений подразумевает максимальное развертывание международного экономического сотрудничества в интересах всех наций, независимо от уровня их экономического развития или принадлежности к той или иной социально-экономической системе.

В-третьих, реальный путь внедрения идей демократизации мирохозяйственных связей состоит в одновременной перестройке, с одной стороны, всей системы таких связей и, с другой – социально-экономической структуры большинства развивающихся стран. Идеи реальной перестройки экономических отношений в мире предполагают нечто большее, чем перераспределение мировых ресурсов в пользу развивающихся государств. Необходимы глубокие структурные реформы в мировом капиталистическом хозяйстве как в размещении производительных сил, так и в формах их общественной организации. Особое значение приобретает установление в развивающихся странах эффективного контроля над деятельностью транснациональных корпораций, а также активное содействие этим странам в создании производственного и научно-технического потенциала.

В-четвертых, невозможно согласиться и с попытками выхолостить политическое содержание борьбы за демократизацию мирохозяйственных отношений, разорвать

ее тесную связь с проблемами поддержания международного мира и безопасности, разоружения и разрядки, тем более когда империализм предпринимает новые усилия, чтобы осложнить международную обстановку, оторвать национально-освободительное движение от его естественного союзника – социалистического содружества – и воспрепятствовать борьбе развивающихся стран за экономическую независимость и социальный прогресс.

Глава 5

ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В предыдущей главе уже говорилось о том, как превращение бывших колоний и полуколоний из объекта в субъект истории реализовалось в структурных изменениях мировой экономики. Пожалуй, даже большее значение на современном этапе исторического развития имеет реализация этого сдвига в сфере мировой политики и международных отношений. Во всяком случае, его последствия в этой сфере проявились несравненно быстрее и намного масштабнее, тем более что политическое освобождение колоний и полуколоний предшествовало их длительной, упорной и, очевидно, еще очень далекой от завершения борьбе за экономическую самостоятельность.

Превращение бывших колоний и полуколоний в субъект международных отношений выразилось в том, что, во-первых, освободившиеся страны сами начали играть активную самостоятельную роль на мировой арене и, во-вторых, их позиция в возрастающей степени стала учитываться при выработке всех решений глобального характера.

Какое место развивающиеся страны реально занимают в политике государств двух противоположных мировых систем – социалистической и капиталистической?

Каковы интересы этих стран в современной международной обстановке? Наконец, каковы главные и побочные направления активности самих развивающихся стран на мировой арене, их воздействие на мировую политическую обстановку?

Прежде чем попытаться дать ответ на эти вопросы, которые в комплексе определяют роль развивающихся стран в современных международных отношениях, необходимо остановиться на некоторых методологических проблемах.

I. Вопросы методологии

Научно обоснованная оценка места и роли освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран в мире невозможна без подхода к международным отношениям как к ряду качественно различающихся и приходящих на смену одна другой систем, без анализа закономерностей, приводящих к такой смене, без исследования законов и движущих сил развития отдельной системы.

Автор, естественно, не претендует на изложение теории международных отношений. Здесь рассматриваются лишь некоторые вопросы методологии, которые, как представляется, имеют прямое отношение к задаче, сформулированной в названии главы.

1. Становление стран Азии, Африки и Латинской Америки в качестве части мировой системы международных отношений было непосредственно связано с развитием капитализма. До образования мирового капиталистического хозяйства международные отношения никогда не

имели подлинно всемирного характера: в политической сфере они существовали в виде двусторонних, реже – многосторонних связей, спорадически образовывавшихся между государствами главным образом в форме военных союзов, а в экономической сфере они выступали в форме нерегулярных торговых связей. Ни по масштабам, ни по интенсивности развития такие отношения до капитализма еще не могли быть мировой системой, если предполагается, что она представляет собой не арифметическую сумму внешних политик различных государств, а постоянный всемирный комплекс, развивающийся по присущим ему законам.

Сам механизм образования первой всемирной системы международных отношений предопределил характер вовлеченности в нее стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также специфику того места, которое эти страны заняли в ней. Эта система международных отношений, образовавшаяся при переходе к капитализму во всемирном масштабе, состояла главным образом из частей, представлявших собой «вертикальные» комплексы – капиталистические метрополии и их колониальные и полуколониальные владения. С переходом к высшей стадии капитализма окончательно завершилось образование таких, теперь уже империалистических, колониальных комплексов – естественно, при изменении удельного веса некоторых из них. Основным противоречием этой системы международных отношений было противоречие между капиталистическими, с конца XIX – начала XX в. – империалистическими государствами. Соппротивление империалистической политике со стороны народов колоний и зависимых стран в то время ни по силе, ни по размаху не могло идти в сравнение с межимпериалистической конфронтацией и открытой межимпериалистической борьбой, породившей Первую мировую войну.

Между тем борьба между империалистическими государствами непосредственно не выводила за пределы капиталистического способа производства. Она была имманентна капитализму, его империалистической стадии развития. Эта борьба непосредственно не выводила и за пределы существовавшей тогда системы международных отношений. Однако рост межимпериалистических противоречий создал международную обстановку, способствующую прорыву цепи империалистического господства.

2. Изменение роли и места стран Азии, Африки и Латинской Америки на международной арене произошло не в связи с эволюцией той всемирной системы международных отношений, в которую они оказались первоначально включенными, а с ликвидацией этой системы и приходом ей на смену новой в результате социалистической революции в России и создания первого в мире социалистического государства. Это предопределило изменение характера основного противоречия системы международных отношений – им стало противоречие между социализмом и капитализмом. Структура новой системы международных отношений начала определяться двумя разнотипными компонентами, которые строились уже не по «вертикальному» (империалистическое государство плюс колониальные владения), а по «горизонтальному» принципу: каждая часть этой двучленной структуры включала государства однотипные по характеру господствовавшего в них способа производства и природе власти. Хотя колониальный и полуколониальный мир продолжал находиться в капиталистической части системы международных отношений, прежние колониальные узы, которыми большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки были привязаны к метрополиям, значительно ослабли, и для национально-освободительного движения наступил переломный момент.

3. Превращение стран Азии, Африки и Латинской Америки из объекта в субъект международных отношений происходило в результате процесса изменения соотношения сил между мировым социализмом и мировым капитализмом.

Прежде всего, очевидно, нужно рассмотреть категорию соотношения сил – явно непростую и неоднозначную.

Можно считать, что соотношение сил складывается (естественно, с учетом таких первичных условий, как численность населения, размер территории, географическое положение) из трех главных компонентов, или факторов, – политического, экономического, военного. Все эти факторы относительно самостоятельны, хотя и весьма взаимозависимы.

К политическому фактору можно отнести прежде всего широту социальной базы, внутреннюю устойчивость различных режимов, способность государств эффективно использовать людские и экономические ресурсы (так называемую организаторскую способность государства), реальную возможность принятия решений, моральное состояние и мобилизованность населения, степень и характер поддержки населением политики государств. Политический фактор включает в себя и решение проблемы союзников как по государственной линии, так и по линии поддержки политики данного государства или групп государств широкими кругами зарубежной общественности.

В полной мере к политическому фактору соотношения сил относятся чрезвычайно важные вопросы идеологического порядка. Проявляясь в опосредованном виде через отношение большей части населения к политике различных государств, через способность данной структуры власти, обусловленной господствующей идеологией, к оптимальным формам руководства, мобилизации

имеющихся возможностей, идеологические вопросы играют большую роль в процессе складывания определенного соотношения сил на международной арене.

Политический фактор сильно воздействует на экономическую и военную области, во многом предопределяя темпы экономического и военного строительства, равно как и уровень морального состояния армии и тыла.

Экономический фактор соотношения сил также действует многосторонне. В частности, от него в немалой степени зависят величина и содержание военного потенциала государств. В то же время экономический уровень и экономические возможности страны непосредственно сказываются на ее удельном весе в мировой политике, ее влиянии на развитие международных событий. Роль Японии и ФРГ в международных делах резко возросла в 60-е и 70-е годы именно в результате роста их экономического потенциала и возможностей, а не потому, что эти две страны стали первоклассными в военном отношении.

Наиболее прямо соотношение сил выражается в военном факторе. Однако этот фактор исторически еще менее самостоятелен, чем другие.

Во-первых, в долговременном плане военная мощь государства зависит от его экономического развития, накопленного научно-технического потенциала, от внутренних политических условий, отражающихся на моральном состоянии не только людей, непосредственно приводящих в действие военные механизмы, но и основной массы населения, создающей тыл. Даже рывок в военном деле без адекватной экономической или политической основы не может оказать стабильного или длительного воздействия на соотношение сил.

Во-вторых, политические и экономические условия во многом играли и играют определяющую роль при принятии самого решения об использовании военной силы или о прекращении ее использования даже в том случае,

если ее применение еще не обеспечило реализации заранее намеченных целей. Решение правительства США, приведшее к прекращению войны во Вьетнаме, является как раз иллюстрацией такого положения. Администрация США вынуждена была пойти на это в условиях военного тупика во Вьетнаме, неспособности США «обычными» средствами подавить героическую освободительную борьбу вьетнамского народа. Одновременно сказалась ситуация в мире, сужение возможностей для внешнеполитического маневрирования США, в том числе в сфере их отношений с союзниками. Большую роль сыграли широкое недовольство американского народа политикой «грязной войны» во Вьетнаме, невиданный размах антивоенного политического движения в самих Соединенных Штатах.

Вместе с тем в результате широкого внедрения достижений научно-технической революции в военное дело усиливается противоречивость воздействия военного фактора на систему международных отношений. С одной стороны, создается «тупиковая ситуация», при которой значительно сокращается возможность противоборства государств двух систем военными средствами, что существенно уменьшает прямое значение военного фактора, особенно в осуществлении политики на глобальном уровне. С другой стороны, военный фактор соотношения сил при отсутствии всеобщего разоружения, чему препятствует главным образом политика Соединенных Штатов, продолжает играть важнейшую роль в обеспечении и поддержании равной безопасности сторон.

4. Различное соотношение политического, экономического и военного факторов определяет разные уровни равновесия между двумя противоположными системами на международной арене. Именно переход на эти разные уровни и способствует изменению места освободившихся стран в системе международных отношений.

Само существование современных международных отношений как системы, подчиняющейся определенным закономерностям, а не как хаотического нагромождения случайностей возможно лишь на основе постоянно действующего динамического равновесия двух систем. Это, естественно, не предполагает сохранения социального статус-кво в мире.

Уже первая форма равновесия между социализмом и капитализмом, практически базировавшаяся на одном политическом факторе, оказала позитивное воздействие на колонии и полукolonии. Проявился «демонстрационный эффект» политических преимуществ страны социализма.

Частичная стабилизация капитализма была сорвана глубочайшим кризисом перепроизводства 1929–1933 гг., потрясшим весь капиталистический мир. При этом кризис развивался на фоне экономического подъема в Советском Союзе, где было достигнуто быстрое восстановление дореволюционного уровня производства, а затем осуществлены коренные структурные сдвиги в экономике на базе индустриализации и коллективизации.

Курс на ускоренное экономическое развитие и военное строительство в СССР стал жизненно важным в условиях неотвратимости Второй мировой войны, в которую Советский Союз оказался втянутым в результате гитлеровского нападения в 1941 г. Несмотря на то, что СССР не мог сравниться по чисто экономическим и военнотехническим характеристикам не только с капиталистическим миром в целом, но на начальных этапах войны и с гитлеровской Германией, поставившей себе на службу ресурсы всей оккупированной Европы, он выстоял, а затем и выиграл тяжелейшую войну, наголову разгромив наиболее опасные и реакционные отряды мирового империализма – фашистскую Германию и милитаристскую Японию.

После Второй мировой войны и создания мировой социалистической системы начался новый этап в изменении соотношения сил между социализмом и капитализмом. Можно считать, очевидно, что с этого времени равновесие сил между двумя системами начало все больше основываться уже не только на политическом, но и на военном и экономическом факторах. Это делало само равновесие более устойчивым и одновременно открывало широкие возможности для активизации роли «периферийных» стран на международной арене. Появились условия, максимально благоприятствующие торжеству национально-освободительной борьбы. В результате исторически быстро произошел распад колониальной системы империализма и на ее развалинах появился целый ряд молодых суверенных государств.

Казалось бы, развитие капитализма в бывших колониях и полуколониях должно дать импульс для укрепления мирового капитализма, расширяя его географические рамки. Но так могло бы произойти в случае, если бы противоречия между молодыми государствами, развивающимися по капиталистическому пути, и империалистическими государствами не выходили за рамки «обычных», «традиционных» противоречий между различными капиталистическими странами (или группами стран), скажем, между США и Канадой либо Францией и Люксембургом. На самом же деле развитие ряда бывших колониальных и полуколониальных стран по капиталистическому пути во многих случаях не снимает антиимпериалистической направленности или хотя бы антиимпериалистических тенденций в их политике. Характерный пример в этом плане – антиимпериалистические тенденции в политике Индии.

Особое значение для всей системы международных отношений и, естественно, для изменения места и роли в этой системе развивающихся стран имело установление в 70-х годах военно-стратегического паритета – между

СССР и США. Создалась реальная возможность перехода к политике разрядки международной напряженности, к внедрению принципов мирного сосуществования государств двух противоположных систем как главного направления развития международной обстановки в целом.

Это имело принципиальный смысл для освободившихся стран, так как по сравнению с периодом жесткого блокового противостояния давало им гораздо больше возможностей для расширения своего участия в мировых делах, решении общечеловеческих проблем, определении судеб мира. Разрядка международной напряженности создавала также реальные препятствия на пути тех сил, которые в условиях жесткого блокового противостояния, общей международной напряженности использовали ситуацию для экспорта контрреволюции в освободившиеся страны. Наконец, разрядка открывала большие перспективы для тех тенденций и процессов, которые способствуют росту экономического потенциала развивающихся стран, улучшению их положения в системе мирохозяйственных связей и через все это повышению их роли в системе международных отношений.

При этом практика полностью подтвердила, что реализация принципов мирного сосуществования ни в коей мере не блокирует развития социальных процессов, ибо развитие общества, предполагающее кардинальные социально-экономические и политические изменения, неумолимо.

Отход от разрядки международной напряженности, произошедший на стыке 70-х и 80-х годов по вине США, явно ухудшил международную обстановку в целом и для развивающихся стран в частности. Однако следует, очевидно, подчеркнуть, что этот отход был вызван именно авантюристической политикой наиболее агрессивных кругов США, а не вытекал из изменения соотношения сил в пользу Соединенных Штатов и что при сохранении

военно-стратегического равновесия он не может стать на длительный период главной тенденцией развития международной обстановки. Сложившееся равновесие объективно требует возврата на путь разрядки международной напряженности, строительства отношений двух противоположных систем на основе одинаковой безопасности сторон, внедрения практики снижения уровня военно-стратегического баланса при соблюдении и гарантиях такой безопасности. Установившийся паритет военно-стратегических сил, таким образом, является объективной основой для стабилизации мирных форм соревнования между двумя противоположными общественно-политическими системами, а попытки его нарушить в пользу империализма явно противоречат интересам всего человечества, включая и его большую часть – население развивающихся стран. (Все это, естественно, отнюдь не умаляет той реальной угрозы для дела мира и безопасности народов, которую порождает авантюристическая политика администрации США в начале 80-х годов.)

5. Образование социалистического содружества государств после Второй мировой войны и крах колониальных и полуколониальных режимов привели к весьма серьезным структурным сдвигам в системе международных отношений, благоприятным для освободившихся стран. Начали меняться отношения между развитыми капиталистическими странами и их бывшими колониальными и полуколониальными владениями, вставшими на путь самостоятельного государственного развития. Расширились и углубились связи бывших колониальных и полуколониальных стран с социалистическими государствами, что нашло отражение в различных областях международной жизни.

В создавшейся ситуации, очевидно, уже неправильно было бы считать структуру системы международных отношений по-прежнему двучленной. Освободившиеся

страны, выступающие как определенная историческая общность, образовали третью подсистему международных отношений.

Это находит воплощение, в частности, в тех внешне-политических успехах, которых добиваются эти страны в обеспечении и защите своей независимости, своих национальных интересов, равно как и в размежевании, дифференциации классовых сил в самой группе освободившихся стран.

Существование (включая различные формы конфронтации и сотрудничества) двух сильнейших в экономическом и военном отношении держав мира – Советского Союза и Соединенных Штатов – послужило основанием для ряда западных авторов провозгласить биполярность мира, которая рассматривается ими на чисто государственно-национальном уровне. Между тем такая биполярность является вторичной по своему содержанию, лишь отражающей поляризацию современного мира на две противоположные общественно-политические системы.

На таком же чисто государственно-национальном уровне преподносится и явление полицентризма. Действительно, в конце 60-х – 70-х гг. в капиталистической подсистеме международных отношений намного четче, чем прежде, обозначились различные «центры силы». Это было одним из выражений действия закона неравномерности развития капитализма. Если в 1950 г. объем промышленной продукции США более чем в 2 раза превышал суммарную промышленную продукцию стран Западной Европы и Японии, то к началу 80-х годов доля США в капиталистическом промышленном производстве упала до 28,8 %, тогда как доля стран Западной Европы и Японии составила 47,1 %. Однако рост экономического потенциала Западной Европы и Японии не сопровождался утратой США своих доминирующих в капиталистическом мире позиций в военно-политической области, что позволяет им сохранять положение гегемона

в капиталистической подсистеме международных отношений, как правило, навязывать свои решения по принципиальным вопросам другим капиталистическим государствам.

Это важно подчеркнуть и как аргумент в пользу того, что тенденция к полицентризму в капиталистическом мире создает мало реальных возможностей для политического маневрирования развивающихся стран с целью защиты своих национальных интересов. Данный вывод подкрепляется также тем, что тенденция полицентризма нашла выражение и в создании «мини-центров силы» в мире развивающихся стран, своеобразных «субимпериалистических очагов», о которых подробно уже говорилось. При сохранении противоречий с развитыми капиталистическими государствами такие «мини-центры» сами нередко превращаются в опорные пункты политики империалистических держав.

II. Освободившиеся страны в контексте отношений двух противоположных систем

Процесс превращения освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости стран в субъект международных отношений происходил и продолжается в контексте отношений двух противоположных общественно-политических систем на международной арене. Освободившиеся страны, естественно, не могли быть отгорожены и не отгорожены от противоборства и сотрудничества социалистической и капиталистической систем, что, безусловно, сказывалось и сказывается на месте этих стран в международных отношениях.

Представляется, что наиболее негативное воздействие на международное положение освободившихся стран оказывают два деструктивных процесса – инспирируемая США гонка вооружений, порождающая угрозу термоядерной войны, и межгосударственные региональные конфликты, тяготеющие к перерастанию в вооруженные столкновения в глобальном масштабе.

Эти два процесса развиваются на разных уровнях и имеют в значительной степени несовпадающие причины.

Гонка вооружений, как известно, была порождена стремлением империализма «отбросить», задушить мировой социализм, затормозить процесс социального освобождения народов. Региональные конфликты имеют значительно более широкий спектр причин. Некоторые такие конфликты вызваны тем, что границы колоний искусственно разделили отдельные племена, народности, а возникшие на их территориях молодые государства унаследовали эту тяжелую проблему колониального периода; другие – связаны с разной обеспеченностью сырьевыми, природными богатствами или с необходимостью транспортировки сырья по территории соседних стран; третьи – порождены захватнической политикой расистских или диктаторских режимов отдельных государств, находящихся в союзе с империализмом; четвертые – провоцируются гегемонистскими притязаниями Китая.

В гонке вооружений участвуют в первую очередь великие державы, а в региональных конфликтах – различные, в том числе и небольшие, государства. Гонка вооружений, во всяком случае, по наиболее сложным видам и системам оружия, развертывается на глобальном уровне, а региональные конфликты, особенно в начальной фазе, как правило, на узком межгосударственном уровне.

Вместе с тем, несмотря на все эти различия, два процесса – гонка вооружений и региональные конфликты –

тесно связаны между собой, взаимозависимы, оказывают друг на друга все возрастающее влияние.

Гонка вооружений создает общую обстановку, способствующую расширению региональных конфликтов в условиях все большего вовлечения в них великих держав. Она объективно ведет к опасному развитию региональных конфликтов, резкому усилению их угрозы всеобщему миру.

Динамика гонки вооружений вызывает соответствующие изменения в политической международной атмосфере: усиление гонки вооружений тормозит процесс политической разрядки международной напряженности; в то же время даже небольшое сокращение гонки вооружений способно привести к смягчению напряженности, снижению накала региональных конфликтов.

Как показывает развитие событий после Второй мировой войны, гонка вооружений непосредственно связана с изменением концептуального подхода Соединенных Штатов к международной обстановке, порождающим тенденцию использования ими региональных конфликтов против освободившихся стран. В этом плане представляет несомненный интерес рассмотрение «цепочки»: гонка вооружений – эволюция военной стратегии США – изменение места межгосударственных региональных конфликтов в общей американской стратегии.

В 50-х годах основу военной политики США составляла стратегия «массированного возмездия». Она ориентировалась на крайние формы реализации военной силы Соединенных Штатов и их союзников в международных отношениях. Правящие круги США однозначно исходили тогда из концепции подготовки всеобщей ядерной войны против Советского Союза и других социалистических стран, что вылилось в попытки окружить Советский Союз системой военных блоков. Создание СЕНТО, СЕАТО⁴⁹, шаги, направленные на вовлечение развивающихся стран в эти блоки, были связаны с американским

представлением о регионах, прилегающих к советской территории, как о будущих театрах военных действий против СССР.

Чтобы не допустить нейтрализма развивающихся стран, расположенных в этих регионах, в конфронтации США с Советским Союзом и тем более налаживания ими дружественных отношений с СССР, Соединенные Штаты искусственно разжигали межгосударственные противоречия. В районе Ближнего Востока США делали ставку на использование не только арабо-израильского конфликта (полностью поддерживая экспансионистскую, агрессивную политику Израиля), но и ряд других конфликтов. Так, с помощью сирийско-турецкого конфликта США пытались сбросить антиимпериалистический режим в Дамаске; гражданской войны в Ливане – сдерживать распространение насеровского антиимпериалистического опыта; египетско-иракского конфликта – не допустить сплочения двух государств; египетско-сирийских противоречий – ликвидировать объединенное государство. Многие из этих конфликтов использовались США и как предлог для наращивания американского военного присутствия в районе.

К концу 50-х – началу 60-х годов Советский Союз создал сильный ракетно-ядерный потенциал, защитивший безопасность социалистического содружества и лишивший США былой неуязвимости. В создавшихся условиях в 1961 г. в Вашингтоне было объявлено о принятии военной стратегии «гибкого реагирования», которая допускала в отличие от предыдущей ступенчатость в развитии конфронтации с СССР и другими социалистическими странами – от переговоров «с позиции силы» до подхода к «критическому порогу», за которым начинается мировая ядерная война.

Признавая ядерную войну угрозой для существования всего человечества, в том числе, естественно, и капиталистического мира, авторы доктрины «гибкого реагиро-

вания» делали акцент на ведение ограниченных, или локальных, войн. Стратегия «гибкого реагирования» позже была дополнена положениями так называемой Гуамской доктрины, или «доктрины Никсона», предусматривающей активизацию в этих локальных, ограниченных войнах зависимых от Вашингтона или просто марионеточных режимов.

При прямом участии США были развязаны войны во Вьетнаме, Лаосе, Кампучии⁵⁰. США поставили перед собой задачу с помощью этих войн задушить революционные силы в Индокитае, исключить возможность создания социалистического государства на территории всего Вьетнама. Преследуя эту цель, США не остановились перед бомбардировками с воздуха и моря территории Демократической Республики Вьетнам – оплота антиимпериалистических сил в регионе.

На Ближнем Востоке США сделали основную ставку на безудержное вооружение Израиля и нанесение с его помощью ударов по антиимпериалистическим арабским режимам. Постоянно действующий фактор угрозы со стороны Израиля и периодическая реализация этой угрозы рассматривались Соединенными Штатами как важнейшее средство, призванное обеспечить развитие арабских стран под американским контролем, исключая укрепление их отношений с Советским Союзом.

Когда к началу 70-х годов Вашингтон был вынужден признать значительно возросший оборонный потенциал Советского Союза, президент Соединенных Штатов в своем послании Конгрессу в 1971 г. провозгласил еще одну модификацию американской стратегии – новую доктрину «сдерживания», или «устрашения». Подчеркивалось, что наряду с конфронтацией одним из элементов стратегии являются переговоры, но «с позиции силы», при оказании давления на другую сторону посредством гонки вооружений.

Вместе с тем в начале 70-х годов стали давать себя знать и реалистические ростки в политике ряда западно-европейских стран и США, обусловленные качественно новым соотношением сил двух противоположных общественно-политических систем. Это создало условия для отхода от холодной войны и внедрения в отношения между государствами противоположных систем принципов мирного сосуществования. Были сделаны позитивные шаги, ведущие к разрядке международной напряженности, некоторому сокращению гонки вооружений.

В таких противоречивых условиях появились новые моменты, связанные с использованием региональных конфликтов американской политикой.

Согласно распространенной в США теории, различаются две фазы американского подхода к региональным межгосударственным столкновениям: первая – «контроль», «управление» (*controlling, management*), включающая кризисную дипломатию; вторая – «урегулирование» (*solution*). Есть основания считать, что в 60-х годах американская политика особое внимание обращала на фазу контроля. При этом фактически ставилась задача не только воспрепятствовать перерастанию конфликта в глобальное термоядерное столкновение, но и обеспечить такое его развитие, которое способствовало бы укреплению позиций США и недопущению роста влияния СССР в регионе. Одним из важных средств для реализации этой второй части задачи стали поставки американского оружия прозападным или просто марионеточным режимам, участвующим в межгосударственных конфликтах. Другим средством была многосторонняя политическая и дипломатическая активность в поддержку этих режимов, а нередко и стимулирование их агрессивных действий против соседних государств. Видные американские специалисты по контролю конфликтных ситуаций не исключали даже того, что США в своих интересах должны «интенсифицировать» подоб-

ные конфликты при отсутствии «высокой степени риска» столкновения с Советским Союзом*.

В 70-е годы США сохранили функции политики контроля конфликтов, упомянутые выше. Так, они целенаправленно провоцировали перевод конфликта между Анголой и некоторыми ее соседями в кризисную стадию. Соединенные Штаты и другие империалистические государства пытались погреть руки и на разжигании конфликта на Африканском Роге – между Сомали и Эфиопией. В этом случае, как и во многих других, крайне негативную роль сыграли либо санкционированные, либо инспирируемые через третьи страны, либо тайно осуществляемые поставки американского оружия в конфликтную зону.

Одновременно с таким контролем конфликтных ситуаций или управлением ими Соединенные Штаты в 70-е годы, особенно с переходом к стратегии «реалистического сдерживания», предусматривающей, в частности, и переговоры «с позиции силы», стали уделять гораздо большее, чем раньше, внимание обеспечению выгодного для себя урегулирования конфликтов. Дипломатия США предприняла серию мер для воздействия на процесс урегулирования на Ближнем Востоке с целью укрепления американских позиций. Суть этих мер – недопущение комплексного решения, которое предполагает участие всех заинтересованных сторон и учет их интересов. Именно такую задачу США решали с помощью частичных шагов, сепаратного израильско-египетского договора, подготовленного американской дипломатией. С самого начала кэмп-дэвидский процесс был направлен в русло, которое не вело к всеобъемлющему урегулированию. Он был призван вывести Египет из борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. и

* См., например: *Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's.* – New York: Knopf, 1969.

тем самым ослабить позиции арабов, облегчить Израилю осуществление аннексионистской политики. После подписания соглашения с Египтом правительство Бегина провозгласило свой категорический отказ пойти на создание независимого палестинского государства, объявило «вечной» столицей Израиля весь Иерусалим, включая захваченную в 1967 г. его восточную часть, повело дело к безудержному росту числа израильских поселений на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы, а в дальнейшем перешло и к таким акциям, как аннексия Голанских высот – неотъемлемой части территории Сирии.

На рубеже 70–80-х годов Соединенные Штаты перешли к подрыву разрядки международной напряженности. Их усилиями подстегнута гонка вооружений. Развилась тенденция милитаризации политики США. Все это отразилось и на их подходе к конфликтам, который в еще большей степени диктуется военно-политическими соображениями самых реакционных кругов США и часто непосредственно служит увеличению американского военного присутствия в конфликтной зоне.

Если говорить о дополнительных функциях, которые приобрели для США региональные конфликты в этой обстановке, то, очевидно, следует сказать и о возросшем стремлении американской администрации «увязывать» в своих интересах различные по характеру и результатам ситуации в мире. В лексиконе американских политиков утвердился термин *linkage* (увязывание). Так, США прекратили в одностороннем порядке переговоры с Советским Союзом об отказе от создания военных баз в зоне Индийского океана, связывая свое решение с неблагоприятными для них переменами в Африке. Администрация США использовала ввод ограниченного военного контингента СССР в Афганистан по просьбе афганского правительства и на основе советско-афганского договора как повод для замораживания ратификации соглашения ОСВ-2 в Конгрессе⁵¹.

Особое место, которое в американской стратегии отводится региональным конфликтам, вытекает также из типичного для США подхода к проблеме стабилизирующих и дестабилизирующих международную обстановку факторов. К первым в США, как правило, относится все то, что служит укреплению американских позиций и влияния, а в разряд деструктивных, дестабилизирующих явлений и процессов зачисляется все то, что не служит этому или не будет служить в будущем.

Характерен пример с реакцией США на свержение иранского шаха⁵². Оно было объявлено событием, дестабилизирующим общую обстановку в районе, а затем последовало возрождение «комплекса», который во время войны во Вьетнаме выражался в разглагольствованиях о некоем «домино»: стоит США, дескать, проиграть в одной стране, как на очереди будет их поражение в другой. По аналогии события в Иране стали искусственно сцепляться, причем не только в статьях американских журналистов, но и в речах официальных представителей администрации США, с событиями в Анголе, Эфиопии, Афганистане, выстраиваться в единую «кризисную дугу», или «дугу нестабильности». Эта «теория», созданная помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским, была положена в основу военной активизации Соединенных Штатов в мире, прежде всего в районе Красного моря, Персидского залива, Ближнего Востока.

Можно считать, что при администрации Рейгана закончился процесс «излечения» США от «вьетнамского синдрома». В Вашингтоне получили «гражданство» следующие концептуальные положения:

- «сдерживание» на глобальном уровне недостаточно для обеспечения национальных интересов США;
- в число средств, которые могут быть использованы Соединенными Штатами, должна включаться «ограниченная ядерная война»;

– необходимо создание потенциала для ведения двух – двух с половиной войн одновременно, включая «полную войну» на Ближнем и Среднем Востоке (такую военную доктрину провозгласил рейгановский министр обороны Уайнбергер).

Обобщая, можно сказать, что администрация Рейгана сделала крен в сторону конфронтации с Советским Союзом одновременно на глобальном и на региональном уровнях. Ужесточение американского курса отражало также стремление наиболее реакционных кругов США через отход от процессов разрядки остановить опасные для Вашингтона сдвиги в социально-политическом развитии большой группы стран Азии, Африки и Латинской Америки.

При администрации Рейгана получила свое дальнейшее развитие линия на создание коалиционных антисоветских связей – дополнительно к натовским. Особое место в этом плане заняла политика сближения США с Китаем при снятии ограничений на поставки американского оружия в КНР. Все более четко обозначаются шаги, направленные на использование в конфронтации с СССР Японии, причем ряд американских политиков явно делает ставку на создание антисоветского коалиционного «треугольника» в составе США, Японии и Китая.

Процесс нормализации отношений США с КНР, начавшийся при Никсоне и продолженный последующими администрациями США, был явно подчинен американским военно-политическим интересам. Не случайно, что в связи с ним США получили возможность увеличить свое военное присутствие в Азии, от чего они вынуждены были отказаться после поражения в «грязной войне» во Вьетнаме. Известно, например, что США провозгласили решение о выводе значительной части своих вооруженных сил с территории Южной Кореи и подготовка к этому действительно началась. Но затем, вслед за нормализацией отношений Вашингтона с Пекином, она была

остановлена. Аналогичный пример с американскими базами на Филиппинах, вопрос о сохранении которых оставался открытым после провала военной авантюры США во Вьетнаме. Вслед за нормализацией американско-китайских отношений начались интенсивные переговоры США с Филиппинами, и в результате появилось соглашение о новой аренде Соединенными Штатами на 5 лет базы Кларк-Филд и военно-морского комплекса в бухте Субик-Бей, где, кстати, базировалось авианосное соединение, переброшенное в Персидский залив во время кризиса 1980 г., связанного с американскими заложниками в Иране.

Администрация Рейгана раздула гонку вооружений, включая производство нейтронного и химического оружия, крылатых ракет, усовершенствование всех систем доставки ядерного оружия. Особое внимание стало уделяться обычным вооружениям с целью оснащения сил, предназначенных для «быстрого развертывания» в условиях тех или иных конфликтных ситуаций.

Параллельно в США заговорили о втором издании стратегии «гибкого реагирования». Однако было бы, очевидно, неправильным считать это просто возвращением к прежней доктрине. В начале 60-х годов еще не было разрядки международной напряженности как таковой, лишь складывался стратегический паритет между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В конце же 70-х – начале 80-х годов, то есть в последние годы нахождения у власти Картера и при Рейгане, США активизировали линию на военно-политическую вовлеченность в региональные конфликты, усиление военного присутствия в различных частях света уже в условиях совершаемого ими отхода от политики разрядки на глобальном уровне, попыток нарушить военно-стратегический баланс с Советским Союзом. Таким образом, опасности, связанные с внешнеполитическим курсом США, неизмеримо возросли. Об этом свидетельствуют хотя бы утвер-

ждения американских стратегов о якобы имеющейся возможности вести «ограниченную» ядерную войну, иными словами, построить непреодолимую стену между такой «локализованной» и тотальной ядерной войной.

Министр обороны США К. Уайнбергер назвал новую американскую стратегию «прямым противоборством» с СССР, подчеркнув, что оно должно осуществляться одновременно в глобальном и региональном масштабе. Эта стратегия, проявившаяся на новом витке гонки вооружений и на новом этапе отношений с СССР, предполагает основной упор на резкую активизацию американской политики в различных регионах. С учетом этого первостепенное значение для США приобретает их постоянное военное присутствие в соответствующих зонах, а также создание условий на месте для «быстрого развертывания» американских воинских контингентов.

По мере модификации стратегии США и в связи с переходом к курсу «прямого противоборства» с СССР усиливалась и усиливается взаимосвязь и взаимозависимость между американскими действиями по подготовке конфронтации на глобальном уровне и активизацией региональных военно-политических акций. Это нашло отражение в возрастающем стремлении Вашингтона использовать международные конфликты в своих стратегических интересах.

Примечателен подход США к региону Ближнего Востока и Персидского залива. Весь этот район был объявлен «третьей стратегической зоной» США наряду с европейской и тихоокеанской. В расчете на открытое вмешательство США был провозглашен план создания специальных сил в этой «третьей зоне» в составе трех армейских дивизий, четырех авиационных полков по 72 самолета в каждом, двух авианосных десантных групп и 50 тысяч морских пехотинцев*. Для обеспечения развер-

* Newsweek. – 8.06.1981. – P. 15.

тывания на месте этих сил, а также предоставления соответствующих возможностей ВМФ Соединенных Штатов Вашингтон в начале 80-х годов стал усиленно добиваться баз в Омане, Сомали, Кении, Египте. Была увеличена американская военная помощь не только Израилю, но и ряду арабских консервативных режимов. В связи с кэмп-дэвидской сделкой США впервые добились постоянного военного присутствия в районе, составив из своих солдат костяк так называемых «многонациональных сил», призванных контролировать египетско-израильскую границу на Синае.

Новые военные акценты в американской политике отразились и на отношении США к проблеме урегулирования ближневосточного конфликта. Основной стала линия на сближение Израиля с консервативными арабскими режимами, и, в частности, с этой целью американские политики взяли курс на создание на Ближнем Востоке обстановки «ни большой войны, ни всеобщего мира».

Таким образом, сами стратегические концепции США, базирующиеся на гонке вооружений, способствуют искусственному возникновению или разжиганию межгосударственных региональных конфликтов. Существует и обратная связь: конфликтные ситуации, нередко стимулируемые или непосредственно создаваемые США на региональном уровне, используются для усиления гонки вооружений.

Одним из каналов, по которым обеспечивается взаимопровоцирующее влияние гонки вооружений и региональных конфликтов, является торговля оружием.

Во-первых, модернизация вооружений и переход к новым системам оружия постоянно высвобождают морально устаревшие образцы и порождают стремление к их продаже за рубеж для получения дополнительных финансовых средств, которые, в свою очередь, исполь-

зуются также для продолжения гонки вооружений (образуется замкнутый круг).

Во-вторых, гонка вооружений вызывает искушение испытать новые образцы и типы оружия, так сказать, в полевых условиях, что стимулирует их поставки странам-«клиентам», вовлеченным в межгосударственные конфликты. В частности, и с этим были связаны поставки американского вооружения Южному Вьетнаму во время «грязной войны» в Индокитае. Этот мотив играет определенную роль в поставках американского оружия и Израилю.

В-третьих, гонка вооружений стимулирует создание арсеналов оружия в различных районах мира с целью их задействования при «ситуации X», которая может возникнуть в условиях конфронтации США и их союзников с СССР и другими странами социалистического содружества. Создание таких арсеналов осуществляется тоже посредством торговли оружием. В американской печати публиковались комментарии, в которых утверждалось, что продажа Соединенными Штатами оружия шахскому Ирану была трудной альтернативой – в военных условиях – переброске вооружений к границам СССР: легче, дескать, перебросить только живую силу.

В-четвертых, гонка вооружений способствует созданию военной промышленности в странах-«клиентах» США и ряда государств Западной Европы в Азии, Африке, Латинской Америке и превращению некоторых из этих стран, в свою очередь, в экспортеров оружия. Характерно, что в тех случаях, когда из-за резкой оппозиции общественного мнения сами США не решаются поставлять вооружение тем или иным реакционным режимам, вовлеченным в конфликт со своими соседями, эту функцию нередко выполняют именно страны, в которых с западной помощью был создан военно-промышленный потенциал, например Израиль.

Следует особо подчеркнуть, что гонка вооружений на глобальном уровне стимулирует не только количественную, но и качественную гонку вооружений на региональном уровне, прежде всего в странах, расположенных в «горячих точках». Ракеты «земля – земля» и «воздух – земля» производятся, например, в Израиле, ЮАР, Пакистане, на Тайване. В случае продолжения гонки вооружений на глобальном уровне, при отсутствии шагов по ее ограничению речь может уже идти и о производстве крылатых ракет во многих странах, имеющих авиационную промышленность. Это привносит новый элемент, еще больше усиливающий опасность региональных конфликтов.

Продолжающаяся гонка вооружений породила и развивает тенденцию распространения ядерного оружия, приобщения к нему ряда государств и режимов, главным образом тех, которые участвуют в региональных конфликтах. Среди них в первую очередь следует назвать Израиль, Пакистан, ЮАР, Южную Корею, Тайвань.

Расползание ядерного оружия всегда расценивалось как обстоятельство, чреватое усилением региональной напряженности, осложнениями для прогресса в области разоружения и обеспечения мира, риском возникновения ядерной войны. В свое время это побудило большинство государств к согласованным действиям, результатом которых явился Договор о нераспространении ядерного оружия.

Однако в условиях продолжающейся гонки вооружений не обеспечены ни универсализм, ни неукоснительность в соблюдении режима нераспространения. Опасность для дела мира в этой связи со временем не уменьшается, а нарастает, так как по мере промышленного и научно-технического прогресса все ниже становятся когда-то считавшиеся непреодолимыми экономические и технические барьеры на пути распространения ядерного оружия.

Положение усугубилось с обострением энергетического кризиса, когда усилилось внимание к освоению ядерных источников энергии. Одновременно с прогрессом мирной атомной энергетики (переход к реакторам на быстрых нейтронах, к новым, более экономичным способам обогащения урана и т. п.), с ростом мировой торговли ядерными материалами и оборудованием, увеличением масштабов применения ядерной энергии возрастают возможности накопления расщепляющихся материалов, создания производственных мощностей, необходимых для изготовления ядерного оружия.

Приходится констатировать рост потенциальной угрозы переключения атомной энергетики на производство ядерного оружия, особенно в тех странах, где активно действуют милитаристские силы и существуют реальные политические условия для развертывания военных приготовлений в ядерной области. «Появление нескольких “малых ядерных держав”», – писал в этой связи американский эксперт по международным отношениям, бывший сотрудник Совета национальной безопасности США М. Гахин, «обязательно породит: 1) осложнения в осуществлении международного или регионального ограничения ядерного оружия; 2) нечто неизведанное до сих пор – возможную передачу ядерных способностей другим странам или группам стран; 3) определенный риск, включая увеличение возможности технических происшествий, несанкционированного использования “превентивно-хирургических” военных действий и провокационной атаки, осуществляемой третьей страной»*.

В связи с реальной перспективой опасного расползания ядерного оружия еще большее значение приобретает борьба за принятие на национальном и международ-

* *Guhin M.A. Nuclear Paradox. Security Risks of the Peaceful Atom.* – Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1976. – P. 3.

ном уровнях самых серьезных мер, направленных на укрепление роли Договора о нераспространении ядерного оружия, повышение его эффективности, максимальное расширение числа государств-участников. В условиях бурного развития атомной энергетики настоятельно необходимым становится применение предусмотренной этим договором системы контроля, назначение которой состоит в том, чтобы не допустить переключения расщепляющихся материалов из мирной сферы на создание ядерного оружия. Отсутствием должного контроля пользуются те страны, которые начинают втайне производить ядерное оружие, например Израиль, отклонивший инспекцию МАГАТЭ своих реакторов*. Соединенные Штаты косвенно поощряют такую позицию, ибо не применяют к Израилю (эта же линия была принята в начале 80-х годов и в отношении Пакистана) американские законы, не разрешающие США оказывать помощь странам, которые отказываются подчиняться международным регламентам, препятствующим распространению ядерного оружия.

Итак, в начале 80-х годов резко возросла активность реакционных, милитаристских сил, пытающихся ликвидировать положительные результаты, накопленные с таким трудом человечеством за десятилетие разрядки международной напряженности.

Советский Союз, как известно, выступает за сокращение, а затем и прекращение гонки вооружений между СССР и США, странами Варшавского Договора и НАТО, то есть в первую очередь за нормализацию положения на глобальном уровне. Вместе с тем стабилизации положения в мире, обеспечению мира и безопасности народов может служить ряд региональных инициатив.

* Вместе с тем Израиль полностью игнорировал результаты проведенной МАГАТЭ инспекции реактора, расположенного вблизи иракской столицы (свидетельствовавшие о его использовании в мирных целях), и нанес по нему в 1981 г. удар с воздуха.

Одним из важных шагов в этом направлении могло бы быть внедрение мер доверия в Азии, особенно на Дальнем Востоке. Реализация этих мер, очевидно, возможна как на коллективной основе с участием всех заинтересованных сторон в виде, например, конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана, так и на двусторонней основе.

К мерам, которые предлагал Советский Союз, относится ряд акций, нацеленных на укрепление стабильности военно-политического положения, ослабление и впоследствии ликвидацию военного противостояния различных государств, упразднение подозрительности в отношении их военной деятельности.

Меры доверия, подчеркивали в Советском Союзе, могли бы охватить конкретные согласованные действия (не только, естественно, советско-американские, хотя они, очевидно, способны сыграть чрезвычайно важную роль) в таких областях, как:

- предотвращение случайного или несанкционированного применения ядерного оружия;
- нераспространение ядерного оружия;
- «профилактика» вооруженных конфликтов; отказ от попыток одностороннего «управления» конфликтными ситуациями при осуществлении согласованных действий по их урегулированию;
- осуществление целого комплекса процедур по заблаговременному взаимному оповещению о проведении военных маневров, учений и передвижений войск, обмен военными наблюдателями и делегациями, сокращение масштабов маневров и учений;
- договоренность о превращении отдельных районов – уже или потенциально опасных – в зоны мира (этому, в частности, способствовала бы нормализация отношений между тремя странами Индокитая и пятью странами АСЕАН – можно было бы скрепить ее двусторонними

договорами о мирном сосуществовании стран Индокитая с КНР, а также разработать систему международных гарантий с участием постоянных членов Совета Безопасности ООН, что не исключает возможности и общего договора о мире и стабильности между странами региона);

– договоренность о военной нейтрализации ряда районов, где происходит наращивание вооруженных сил и вооружений. Такими районами являются, в частности, зоны Индийского океана, Персидского залива и Средиземного моря.

В 1977–1978 гг., как известно, велись советско-американские переговоры об ограничении и последующем сокращении военной деятельности в Индийском океане. К сожалению, именно тогда, когда наметился реальный прогресс на переговорах, в феврале 1978 г., правительство США заявило об отказе от их продолжения и приступило к крупномасштабному наращиванию в зоне Индийского океана своего военного присутствия и военной деятельности.

Что касается района Персидского залива, то меры по обеспечению мира и безопасности в этом районе включают в себя взаимные обязательства:

– не создавать иностранных военных баз в районе Персидского залива и на прилегающих островах;

– не размещать там ядерного или какого-либо другого оружия массового уничтожения;

– не применять и не угрожать применением силы против стран района Персидского залива, не вмешиваться в их внутренние дела;

– уважать статус неприсоединения, избранный государствами района Персидского залива; не вовлекать их в военные группировки с участием ядерных держав;

– уважать суверенное право государств этого района на их природные ресурсы;

– не создавать каких-либо препятствий или угроз нормальному торговому обмену и использованию морских

коммуникаций, связывающих государства этого района с другими странами мира*.

Такую договоренность предлагалось оформить не только на советско-американском уровне, но и с полным правом участия самих государств данного района, Китая, Японии, стран Западной Европы, всех государств, которые проявляют к этому интерес.

Известно, что, идя навстречу настроениям на Западе, Советский Союз согласился обсуждать все эти меры по зоне Персидского залива в увязке с вопросами, связанными с Афганистаном. Однако и такая конструктивная линия не нашла положительного ответа.

СССР предлагал также рассмотреть вопрос о мерах военной разрядки в районе Средиземного моря, которая предусматривала бы согласованное сокращение вооруженных сил, вывод из Средиземного моря кораблей – носителей ядерного оружия, отказ от размещения ядерного оружия на территории средиземноморских неядерных стран, принятие ядерными державами обязательств не применять ядерного оружия против любых средиземноморских стран, не допускающих размещения у себя такого оружия.

Советский Союз выступил с предложением о взаимном ограничении действий военно-морских флотов СССР и США, распространении мер доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути, вообще о проявлении максимальной сдержанности обоих противостоящих блоков государств в их военной деятельности.

Естественно, что успешная реализация этих мер или даже части из них содействовала бы последующему продвижению мирового сообщества в направлении стабилизации обстановки в различных регионах мира.

* *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. – Т. 8. – М.: Политиздат, 1981. – С. 557–558.

Ясно, что все изложенное имеет большое значение для освободившихся стран, для их статуса в системе современных международных отношений. Если линия империализма чрезвычайно осложнила период превращения этих стран в субъект мировой политики и противодействует их становлению в качестве активного фактора развития международных отношений, то политика Советского Союза, других социалистических стран создавала и создает принципиально иные условия, способствующие активизации роли освободившихся стран на международной арене.

III. Неприсоединение – политика позитивного воздействия на международные отношения

Роль освободившихся стран в международных отношениях наиболее полно проявилась в проводимой ими политике неприсоединения. История возникновения и развития этой политики достаточно освещена во многих работах советских и зарубежных авторов*. Мы ставим своей задачей рассмотреть суть этого явления, его роль и место в современных международных отношениях, а также некоторые противоречивые моменты того реального смысла, который вкладывают в политику неприсоединения различные государства.

* Симония Н.А. Движение неприсоединения – важный фактор международной политики. – М.: Знание РСФСР, 1978; Движение неприсоединения в документах и материалах. – М.: Наука, 1979; *Willets P.* The Non-Aligned Movement: Origins of a Third World Alliance. – London: Frances Pinter, 1978; *Kaul T.N.* Non-Alignment Retrospect and Perspective. – Delhi, 1981; и др.

Бывшие колониальные и полуколониальные страны оказались вписанными в мир, разделенный не только на противоположные системы, но и на противостоящие друг другу военные блоки – НАТО и Варшавский Договор. При этом если в социально-политическом плане для молодых государств был открыт путь в сторону социализма, минуя развитое капиталистическое общество, в ходе либо социалистической, либо национально-демократической революции, то это отнюдь не означало их механического включения в Варшавский Договор; аналогично не означало согласия на участие в НАТО или в связанных с этим блоком военных союзах типа СЕАТО и СЕНТО тех освободившихся стран, которые пошли по капиталистическому пути развития. Блоковое противостояние, против которого неоднократно выступал Советский Союз, связывающий существование Варшавского Договора лишь с продолжающейся деятельностью НАТО, естественно, с самого начала отнюдь не было лучшим средством сохранения мира и безопасности народов, в том числе, конечно, и развивающихся стран.

В создавшейся сложной обстановке развивающиеся страны приступили к поискам своего группового курса с целью внести конструктивный вклад в стабилизацию международного положения, создать наиболее благоприятные внешние условия для укрепления и защиты завоеванного ими в тяжелой борьбе национального суверенитета, развить свои производительные силы, повысить уровень жизни населения, обеспечить свой общий прогресс. Так родилась политика неприсоединения. Каковы ее основные параметры?

Во-первых, главной задачей движения неприсоединения с момента его возникновения объективно стала борьба за недопущение войны, против силовых приемов, используемых империалистическими государствами, за обеспечение прочного и справедливого мира. Это не аб-

страктная, а общегуманная задача. Для освободившихся стран она диктуется жизненными интересами.

Прежде всего, бывшие колонии и полуколонии вступили в мир, в котором уже было создано качественно новое оружие массового уничтожения, способное в случае войны с его применением поставить под угрозу существование всей земной цивилизации. Освободившиеся страны никак, ни при каких обстоятельствах не могут рассчитывать выжить в такой войне. Другая сторона международной обстановки, в которую оказались включенными освободившиеся страны, состоит в том, что и без всеобщей войны, но в условиях напряженности и военного противостояния, в процессе гонки вооружений, они все больше становились и становятся объектом военно-стратегических вождедений империализма.

Во-вторых, движение неприсоединения в общем нацелено (конечно, здесь проявлялись и другие тенденции, но они не были доминирующими) не на аморфный пацифизм, а на внедрение в жизнь позитивных, конструктивных принципов мирного сосуществования между государствами двух противоположных общественно-политических систем. Такая нацеленность тоже объективно отражает расширяющуюся сумму задач, вставших перед бывшими колониями и полуколониями, связанных уже не только с выживанием и укреплением политического суверенитета, но и с борьбой за экономическую независимость.

Реализация принципов мирного сосуществования, предусматривающих, в частности, координацию усилий государств двух систем по решению общечеловеческих проблем, стала необходимой странам Азии, Африки и Латинской Америки, прежде всего, для преодоления их экономической отсталости. В этом плане приобрела огромное значение проблема высвобождения средств, расходовемых великими державами на военные нужды, с

перспективой их использования и в интересах экономического развития бывших колоний и полуколоний. Не случайно, что с сокращением вооружений развивающиеся страны связывают рост внешней финансовой, экономической и научно-технической помощи им. Разоружение, как известно, не только высвобождает огромные средства, но и может значительно увеличить гражданский научно-технический потенциал во всем мире благодаря переключению на мирные цели военных исследовательских расходов и рассекречиванию разработок, уже накопленных в военных центрах.

Перспектива ослабления, а затем и прекращения гонки вооружений чрезвычайно важна для группы освободившихся стран еще и потому, что это способно оказать сдерживающее, тормозящее воздействие на «мини-гонки» вооружений, отвлекающие огромные средства от вложений в их экономику. Развивающиеся страны как наиболее слабая сторона в международном разделении труда несут непропорционально большую долю бремени общемировых военных расходов. За период с 1965 по 1980 г., то есть именно за то время, когда освободившиеся страны стали играть более заметную, активную роль в международных делах, их доля в мировых расходах на вооружение возросла с 6,3 до 16 %*. При этом в 70-е годы военные расходы стран Азии, Африки и Латинской Америки росли быстрее, чем их валовой национальный продукт. По отдельным регионам цифры военных расходов особенно внушительны. В 1977 г. военные расходы на душу населения на Ближнем Востоке составили 250 долларов, что равно аналогичному показателю для развитых капиталистических стран**.

* World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook. – London: Taylor and Francis, 1981. – P. xix.

** Там же. – P. 156.

На вооружения непроизводительно расходуются громадные валютные средства, которые могли бы быть вложены в экономику, в закупку передовой технологии, столь необходимой для развивающихся стран. По подсчетам ЮНКТАД, расходы освободившихся стран на приобретение патентов и лицензий составляли в конце 70-х годов 9 миллиардов долларов в год. В то же время на военные приготовления они тратили ежегодно более 60 миллиардов долларов, то есть сумму, в 7 раз превышающую стоимость импорта технологии*. При этом создание центров национальной военной промышленности в развивающихся странах, носящих, как, например, в Египте, анклавный характер, в целом оказывает незначительное влияние на их научно-технический и экономический прогресс.

Есть еще одна серьезная сторона проблемы – влияние гонки вооружений на рост дефицита квалифицированных национальных кадров в развивающихся странах. В целом ряде случаев наиболее подготовленные кадры, да к тому же в условиях их крайней нехватки, отвлекаются из гражданской сферы в военную. Ввиду того, что общее число занятых в сфере производства лишь в несколько раз превышает численность вооруженных сил (например, в Турции в конце 70-х годов наемных работников, занятых в промышленности и строительстве, насчитывалось немногим более полутора миллионов при численности армии в 500 тысяч человек), такое отвлечение людских ресурсов значительно влияет на темпы экономического роста.

Конечно, не все военные расходы освободившихся стран необоснованны. В значительной части они порождены реальными угрозами для безопасности этих стран. Мы лишь хотим подчеркнуть, что гонка вооружений на

* Там же.

глобальном уровне, с одной стороны, объективно способствует усилению таких угроз со стороны империалистических и гегемонистских кругов, а с другой – во многом инспирирует те «мини-гонки» вооружений в развивающемся мире, которые ведутся по мотивам, не имеющим ничего общего с интересами безопасности освободившихся стран.

Внедрение принципов мирного сосуществования в качестве нормы международной жизни способно облегчить реализацию новой роли освободившихся стран в мирохозяйственных связях. В атмосфере холодной войны отодвигаются на задний план как проблемы развития экономического, научно-технического потенциала освободившихся стран, так и проблемы передачи им научно-технического опыта. Между тем общее оздоровление международного климата способствует широкому обсуждению объективно назревших изменений в условиях торгово-экономических и научно-технических отношений между бывшими колониями и метрополиями.

Так, в 1973–1974 гг. развивающиеся страны бросили настоящий вызов сложившейся системе торгово-экономических отношений. На четвертой встрече глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Алжире в сентябре 1973 г. была принята резолюция о новом международном экономическом порядке. Организация стран – экспортеров нефти через месяц впервые по настоящему продемонстрировала, что развивающиеся страны, контролирующие основную часть важнейших видов сырья, обладают мощным средством экономического воздействия на развитые капиталистические страны. Именно в условиях разрядки на VI и VII специальных и XXIX очередной сессиях Генеральной Ассамблеи ООН⁵³ были приняты известные основополагающие документы: «Декларация» и «Программа действий по установлению нового международного экономического

порядка», «Хартия экономических прав и обязанностей государств», «Развитие и международное экономическое сотрудничество», которые закладывали основы новых по своему типу торгово-экономических и научно-технических связей развитых государств с развивающимися странами.

Начавшееся во второй половине 70-х годов ухудшение международной обстановки, вызванное изменением внешнеполитического курса Вашингтона, незамедлительно сказалось на отношении США и некоторых других развитых капиталистических государств к проблеме экономических связей с развивающимися странами. В ходе дискуссий о демократизации мирохозяйственных связей позиции развитых капиталистических стран заметно ужесточились. Это со всей очевидностью проявилось уже на V сессии ЮНКТАД в Маниле⁵⁴, которая ознаменовалась открытым противодействием промышленно развитых капиталистических стран принятию решений, которые позволили бы продвинуться вперед в перестройке международных экономических отношений на справедливой и демократической основе.

В осложнившейся обстановке проходила и XI специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по экономическим вопросам, созванная по инициативе развивающихся стран⁵⁵. Определенное разочарование в среде общественности вызвала также работа сессии Конференции ООН по науке и технике в целях развития в Вене летом 1979 г.

Совершенно понятно, что развернувшаяся на рубеже 70–80-х годов борьба за предотвращение сползания к новой холодной войне, за продолжение разрядки напряженности в отношениях между государствами двух систем приобрела для развивающихся стран особое значение. В создавшихся в этот период условиях еще нагляднее, чем прежде, проявилась взаимосвязь, взаимозави-

симость между задачами борьбы за мир, международную безопасность, с одной стороны, за национальное и социальное освобождение народов – с другой.

В-третьих, движение неприсоединения с самого своего возникновения не могло быть и не стало нейтральным, хотя некоторые тенденции к нейтрализму в нем существовали и существуют.

Нейтральность в традиционном ее понимании, нейтрализм практически означали «превентивный» отказ страны от участия в военных действиях и от поддержки в любой форме государств, вовлеченных в конфликт, частичную и в ряде случаев полную демилитаризацию своей территории, а также ряд других норм, которые соответствовали бы этой линии. Такая политика укладывалась в рамки непротиводействия силам, готовящим войну, или, во всяком случае, представляла собой отказ от активного им сопротивления.

Неприсоединение с самого начала родилось как политика активной борьбы против сил, ущемляющих национальные интересы освободившихся стран – и гонкой вооружений, и подготовкой глобальной войны, и проведением ряда локальных военных операций, направленных на лишение независимости освободившихся стран, и консервацией той международной системы экономических отношений, которая обеспечивает эксплуатацию развивающегося мира. Уже вследствие существования всех этих явлений движение неприсоединения не могло оказаться в русле традиционного нейтрализма. Более того, сама конкретная расстановка сил в мире объективно сделала движение неприсоединения уже с первых его шагов антиимпериалистическим. Сталкиваясь с реальной действительностью, неприсоединившиеся государства придавали явно антиимпериалистический характер своей политике, вырабатываемой как на индивидуальной, так и на коллективной основе.

Конечно, такой антиимпериализм не был универсален для всех участников движения неприсоединения. Были и остаются отдельные развивающиеся страны, которые руководствуются соображениями другого порядка, в частности те, кто, образно говоря, проповедует: «чума на оба ваши дома». На базе такого отношения к двум системам не только появляются теории «равноудаленности» от СССР и США, но и строится политика трансформации движения неприсоединения в некую «третью силу», противостоящую в одинаковой степени и НАТО, и Варшавскому Договору.

Иногда «равноудаленность» оправдывается стремлением к самостоятельности, к независимой роли освободившихся стран в международных делах. Однако такая самостоятельность обеспечивается отнюдь не в результате одинакового «дистанцирования» от мира социализма и мира капитализма. Известно, что со стороны этих двух миров проявляется противоположный подход к движению неприсоединения. Если Советский Союз, другие социалистические страны относились и относятся к этому движению как к важному, позитивному, самостоятельному фактору международной жизни, то Соединенные Штаты и их союзники видят в нем, по существу, негативный фактор. Наиболее полно это выразилось в характеристике, которую в 50-х годах дал движению, провозгласившему своей целью неучастие в военных блоках, тогдашний государственный секретарь США Джон Фостер Даллес. Он назвал его аморальным. В дальнейшем, в условиях роста авторитета и возможностей движения неприсоединения, повышения его веса в международных делах, лидеры империалистических государств предпочитали воздерживаться от публичных заявлений такого рода. Однако их резко отрицательное отношение к политике неприсоединения, к участникам движения, вообще к перспективе повышения роли освободившихся стран в

мировой политике проявилось и проявляется во многих политических и пропагандистских акциях.

Важно подчеркнуть и другое: «равноудаленность» приходит в противоречие с объективной заинтересованностью освободившихся стран в союзе с другими антиимпериалистическими силами и, конечно, с самой главной из них – социалистическим содружеством.

Понятно, что на решение вопроса о естественных союзниках и противниках движения неприсоединения оказало воздействие изменение состава его участников. Оно произошло не только в результате того, что ряд участников (Вьетнам, Куба и др.) избрали путь социалистического развития, а другие вступили на путь социалистической ориентации. Эти страны являются главными объектами подрывной деятельности, осуществляемой империализмом и реакцией в Азии, Африке и Латинской Америке, и их активное участие в движении не могло не укрепить его антиимпериалистический потенциал. Вместе с тем, как уже говорилось, в мире развивающихся стран в результате усиления процессов их дифференциации, размежевания возникли «субимпериалистические очаги». Это нашло выражение в том числе и в проявлении отдельных антидемократических тенденций в движении неприсоединения. Однако они не превалируют над его магистральным, антиимпериалистическим направлением. Можно считать, что решительный антиимпериализм был и остается кредо этого движения.

Есть все основания полагать, что антиимпериалистическая направленность движения неприсоединения сохранится в качестве основной, преобладающей тенденцией и в будущем. Этот вывод проистекает также из того факта, что в задачах движения все больший удельный вес приобретают экономические вопросы, проблемы борьбы за демократизацию международной экономической системы, используемой развитыми капиталистиче-

скими государствами для эксплуатации развивающихся стран. Здесь проявляется широкое поле общих интересов участников движения неприсоединения, включая интересы и тех стран, которые по ряду политических проблем идут в фарватере империалистической политики.

В целом движение неприсоединения – это положительное явление современности, оказывающее все большее влияние на мировую политику. В этом движении в основном проявляется та конструктивная, хотя и неоднолинейная роль, которую играют освободившиеся страны в международной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда была закончена эта книга, ее автор, хотя он с самого начала и ставил перед собой ограниченные задачи, особенно остро почувствовал, что ряд важных для развития современного Востока проблем не нашел в ней отражения, а некоторые вопросы лишь намечены. Конечно, существуют и объективные оправдания этому.

Сегодняшний Восток – это самый сложный организм, развитие которого определяется и спецификой воспроизводственного процесса, и закономерностями мирохозяйственных и международных политических связей, и диалектическим взаимодействием традиций и современности, и своеобразием революционной ситуации, движущих сил революции. В то же время за всю историю Востока, по-видимому, не было периода, сравнимого с тем, который обозначился после завоевания политической независимости бывшими колониями и зависимыми странами, по быстроте, масштабности, глубине происходящих социально-экономических и общественно-политических изменений. Часто события на современном Востоке смотрятся как в калейдоскопе, принимая различные и подчас неожиданные очертания.

Сегодня вместе с тем уже мало просто сказать, что Восток стал далеко не таким, каким он был раньше. Недостаточно говорить и о тех переменах, которые на наших глазах происходят на Востоке. Сегодня, очевидно, можно с большей степенью вероятности, чем когда бы то ни было раньше, прогнозировать пути развития Востока и в краткосрочном, и в долгосрочном плане. При этом

на ближайшую перспективу можно утверждать, что Восток все еще останется пестрым, разным по уровню развития, по государственному устройству, по избранной ориентации.

Это – главный вывод книги, в которой автор пытался показать не только своеобразие, но и большую сложность процессов, развивающихся на Востоке после краха колониальной системы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С 29 по 31 августа 1897 года в Базеле состоялся первый сионистский конгресс, на котором была основана Сионистская организация (с января 1960 г. – Всемирная сионистская организация) и принята «Базельская программа», главной целью которой являлось «создание для еврейского народа обеспеченного публичным правом убежища в Палестине».

² МАПАЙ («Партия рабочих Земли Израильской») – израильская политическая партия, которая относилась к рабочему сионистскому движению. Сформирована в 1930 году. В 1968 году прекратила свое существование, объединившись с несколькими другими партиями в новую партию «Авода» (Партия труда).

³ Точное число жертв нападений не установлено. По некоторым оценкам, в ходе резни в Дейр-Ясине погибло 107 жителей.

⁴ Шестидневная война – военный конфликт между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией с другой, продолжавшийся с 5 по 10 июня 1967 года.

⁵ Имеется в виду IV Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

⁶ Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку, сопредседателями которой стали СССР и США, состоялась в декабре 1973 года. Ее участниками были министры иностранных дел Израиля, Египта и Иордании. После того как Израиль и США воспрепятствовали присутствию на конференции членов Организации освобождения Палестины, представители Сирии в знак протеста также отказались от участия в переговорах.

⁷ В тайном соглашении Сайкса – Пико от 16 мая 1916 года были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. Согласно соглашению, Великобритания получала территорию, соответствующую современным Иордании и Ираку, а также территорию вокруг городов Хайфа и Акко; Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан; Российская Империя – проливы Босфор и Дарданеллы, Константинополь, Юго-Западную Армению и часть Северного Курдистана. Территория между Средиземным морем и рекой Иордан была передана под международный контроль.

⁸ «Тройственной агрессией» здесь и далее автор называет Суэцкий кризис, начавшийся в октябре 1956 года и закончившийся в марте 1957 года. Поводом к обострению конфликта стало начало военных действий Израиля, Франции и Великобритании против Египта.

⁹ Октябрьская, или Четвертая арабо-израильская война (также «война судного дня») между коалицией арабских стран и Израилем продолжалась с 6 по 24 октября 1973 года.

¹⁰ Линия Бар-Лева – цепь укреплений, возведенная Израилем вдоль восточного побережья Суэцкого канала в ответ на египетские бомбардировки и просуществовавшая с 1969-го по октябрь 1973 года, когда ее преодолели египетские войска. Протяженность линии составляла около 160 километров; свое название она получила в честь Хаима Бар-Лева, начальника израильского генштаба.

¹¹ Название *Нахаль* является сокращением от *Ноар Халуци Лохем* (буквально – «сражающаяся пионерская молодежь»). Идея создания военных подразделений, солдаты которых соединяют боевую службу с крестьянским трудом, принадлежит Давиду Бен-Гуриону. Первые подобные подразделения возникли в Израиле в 1948 году.

¹² Речь идет о серии вооруженных конфликтов между ООП, поддержанной Сирией с одной стороны, и регулярной армией Иордании – с другой, также известных как «Черный сентябрь в Иордании».

¹³ 5 сентября 1972 года, во время Летних Олимпийских игр в Мюнхене, члены палестинской экстремистской организации «Черный сентябрь» совершили теракт, жертвами которого стали 11 членов израильской олимпийской сборной и один германский полицейский. Главным требованием террористов было немедленное освобождение из израильских тюрем двухсот членов ООП. События в Мюнхене стали предпосылкой для военных операций «Гнев Божий» и «Весна молодости», осуществленных израильской разведкой «Моссад», в ходе которых лица, подозреваемые в подготовке теракта, были выслежены и уничтожены.

¹⁴ В ходе первой фазы гражданской войны в Ливане, начавшейся 13 апреля 1975 года, произошел ряд массовых убийств и вооруженных столкновений, жертвами которых стали тысячи палестинцев и ливанцев – в том числе описываемая в тексте далее «Черная суббота» (6 декабря 1975), резня в Карантине, резня в Дамуре (январь 1976).

¹⁵ Первые советские подразделения ПВО и зенитно-ракетная техника прибыли в Египет в марте 1970 года, на последнем этапе «войны на истощение», закончившейся перемирием сторон 7 августа 1970 года.

¹⁶ В действительности на борту Boeing 727 ливийской компании Libyan Arab Airlines, сбитого истребителями израильских ВВС 21 февраля 1973 года, находилось 104 пассажира и 9 членов экипажа. Выжило 4 пассажира и второй пилот.

¹⁷ Международный Договор о нераспространении ядерного оружия был открыт для подписания в 1968 году и вступил в силу 5 марта 1970 года.

¹⁸ Организация Центрального Договора (СЕНТО), или Багдадский пакт – военно-политическая группировка, существовавшая в 1955–1979 годах. В ее состав входили Иран, Ирак, Пакистан, Турция и Великобритания.

¹⁹ Доктрина Никсона («Гуамская доктрина») была выдвинута президентом Ричардом Никсоном 25 июля 1969 года на пресс-конференции на острове Гуам. В соответствии с ней США обязывались участвовать в обеспечении обороны своих союзников.

²⁰ Родезия – непризнанное государство, существовавшее с 1965 по 1979 годы в Южной Африке на территории современного государства Зимбабве.

²¹ В июне 1974 года Р. Никсон и Г. Киссинджер посетили Саудовскую Аравию, Сирию, Иорданию, Израиль и Египет (в Каире Никсон и Садат подписали декларацию, провозглашавшую принципы взаимоотношений США и Египта); в марте 1975 года Киссинджер повторил турне по арабским странам для того, чтобы добиться принятия нового соглашения о разъединении войск между Израилем и Египтом.

²² В декабре 1971 года между Индией и Пакистаном (верховным главнокомандующим пакистанской армией был Яхья Хан) произошел военный конфликт, результатом которого стало провозглашение независимости Восточного Пакистана (Народной Республики Бангладеш).

²³ Энергетический (нефтяной) кризис начался 17 октября 1973 года, когда страны-члены ОАПЕК (а также Египет и Сирия) заявили, что не будут поставлять нефть странам, поддержавшим Израиль в ходе Войны Судного дня.

²⁴ 23 июля 1952 года в Египте произошел военный переворот, в ходе которого была провозглашена республика. Переворот осуществлен членами тайной организации «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Абделем Насером.

²⁵ Согласно доктрине Эйзенхауэра, представленной Конгрессу США 5 января 1957 года, любая страна имела возможность запросить экономическую или военную помощь у США в случае военной агрессии со стороны другого государства.

²⁶ Дипломатические отношения Ирака с СССР прерваны в январе 1955 года. В июле 1958 года они возобновились.

²⁷ Нападение на Кибю – операция, проведенная 14 октября 1953 года отрядом израильской армии под командованием Ариэля Шарона. В ходе нее погибло 69 жителей деревни.

²⁸ В Бандунгской конференции, прошедшей с 18 по 24 апреля 1955 года, приняли участие 29 государств Азии и Африки. Задачами конференции являлись укрепление экономического и культурного сотрудничества между страна-

ми-участниками и противостояние колониализму. Конференция считается важным шагом к созданию в 1961 году Движения неприсоединения.

²⁹ 27 декабря 1958 года между СССР и Египтом было подписано соглашение об участии Советского Союза в строительстве Высотной Асуанской плотины и предоставлении кредита египетской стороне. Торжественное открытие и ввод в эксплуатацию Асуанского гидроузла состоялись 15 января 1971 года.

³⁰ Открытие двенадцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось в Нью-Йорке 17 сентября 1957 года.

³¹ Речь идет о Трансаравийском нефтепроводе (выведенном из эксплуатации в 1990 году), построенном и управлявшемся американской Trans-Arabian Pipeline Company.

³² Государство Объединенная Арабская Республика создано 1 февраля 1958 года. После выхода Сирии из состава ОАР 28 сентября 1961 года Египет продолжал называться Объединенной Арабской Республикой до 1971 года.

³³ Шестой флот американских военно-морских сил дислоцируется в Средиземном море.

³⁴ Июльская революция, или Революция 14 июля – вооруженный переворот в Ираке 14 июля 1958 года.

³⁵ Четвертый пункт доктрины Трумэна, представленной 12 марта 1947 года, предусматривал оказание Соединенными Штатами технической помощи развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки.

³⁶ 22-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН проходила в сентябре–декабре 1967 года.

³⁷ Суд над взломщиками, проникшими 17 июня 1972 года в отель «Уотергейт» и установившими «прослушку» в штабе кандидата от демократов Макговерна, начался в январе 1973 года. Ричард Никсон подал в отставку 9 августа 1974 года.

³⁸ 30 июня 1962 года Национальный конгресс народных сил Египта принял Хартию национальных действий, ставшую политической программой будущей партии «Арабский социалистический союз» – единственной легальной политической организации Египта в 1962–1978 годах.

³⁹ Режим Квислинга – коллаборационистское правительство в оккупированной Норвегии с февраля 1942 по май 1945 года.

⁴⁰ 4 ноября 1979 года взяты в заложники 66 сотрудников посольства США в Тегеране. 13 заложников были освобождены 19–20 ноября 1979 года, и один – из-за серьезной болезни – 11 июля 1980 года. Остальные 52 заложника освобождены только 20 января 1981 года в день инаугурации президента США Р. Рейгана.

⁴¹ В сентябре 1978 года, на саммите в Кэмп-Дэвиде, Менахем Бегин и Анвар Садат заключили предварительное соглашение, а 26 марта 1979 года, в Вашингтоне – подписали Египетско-израильский мирный договор, положивший конец войне между двумя государствами и установивший между ними дипломатические и экономические отношения. О Кэмп-Дэвидских соглашениях Е.М. Примаков подробно пишет в книге «История одного сговора», включенной во второй том Собрания сочинений.

⁴² В ходе революции 1905–1911 гг. в Иране был создан Меджлис (парламент) и принята конституция, однако в итоге восстановлена власть правящей династии Каджаров.

⁴³ Независимость Народной Республики Бангладеш провозглашена 26 марта 1971 года и признана – 16 декабря 1971 года. См. также примечание 22.

⁴⁴ В оригинале (издании 1982 года) – глава 5. В данное издание, публикуемое в сокращенной редакции, не была включена глава «Страны социалистической ориентации: трудный, но реальный переход к социализму».

⁴⁵ В августе 1968 года бывший премьер-министр Канады Лестер Пирсон принял предложение президента Всемирного банка Роберта Макнамара возглавить Комиссию по международному развитию, позже ставшую известной как «Комиссия Пирсона». В сентябре 1969 года члены комиссии представили доклад «Партнеры по развитию», содержащий анализ деятельности по оказанию помощи развивающимся странам на протяжении 20-летнего периода.

⁴⁶ Имеется в виду пост президента Всемирного банка.

⁴⁷ Речь идет о «Группе 77» – межгосударственной организации развивающихся стран, действующей в рамках ООН и ее органов и основанной на первой сессии Конференции ООН по торговле и развитию в июне 1964 года.

⁴⁸ 6-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная установлению нового международного экономического порядка, прошла с 9 апреля по 2 мая 1974 года; 7-я специальная сессия, посвященная развитию и международному сотрудничеству – с 1 по 16 сентября 1975 года.

⁴⁹ СЕАТО – Организация Договора Юго-Восточной Азии – военно-политический блок, существовавший в 1955–1977 годах. В состав организации входили США, Великобритания, Франция, Таиланд, Пакистан, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия.

⁵⁰ Речь идет о войне во Вьетнаме 1957–1975 гг., гражданской войне в Лаосе 1960–1973 гг. и гражданской войне в Камбодже 1967–1975 гг.

⁵¹ Договор об ограничении стратегических вооружений ОСВ-2 подписан Л.И. Брежневым и Дж. Картером 18 июня 1979 года, но не был ратифицирован Сенатом США после того, как СССР в декабре 1979 года ввел Ограниченный воинский контингент в Афганистан.

⁵² В ходе Исламской революции 1978–1979 годов в Иране упразднена монархия и установлена новая администрация, которую возглавил аятолла Хомейни.

⁵³ XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН проходила в сентябре–декабре 1974 года. См. также примечание 48.

⁵⁴ 5-я сессия ЮНКТАД в Маниле прошла с 7 мая по 3 июня 1979 года.

⁵⁵ 11-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная установлению нового экономического порядка, прошла с 25 августа по 15 сентября 1980 года.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абдалла I ибн Хусейн (1882–1951) – эмир Трансиордании в 1921–1946 годах, король Иордании в 1946–1951 годах.

Абдул-Хамид II (1842–1918) – султан Османской империи в 1876–1909 годах.

Абу-Лугод, Ибрагим (1929–2001) – палестинский и американский политолог.

Абурезк, Джеймс (р. 1931) – американский политик, сенатор от штата Южная Дакота в 1973–1979 годах.

Аваков, Рачик Мамиконович (р. 1925) – советский экономист, доктор экономических наук, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Авнери, Ури (Остерман, Хельмут) (р. 1923) – израильский политик и журналист, депутат Кнессета в 1965–1969, 1969–1974 и 1979–1981 гг.

Агранат, Шимон (1906–1992) – израильский юрист, председатель Верховного суда Израиля в 1965–1976 годах.

Аденауэр, Конрад (1876–1967) – федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 годах.

Адхам, Камель (1929–1999) – директор Службы общей разведки Саудовской Аравии в 1965–1979 годах, советник короля Фейсала в 1964–1975 годах.

Али, Ахмед Исмаил (1917–1974) – директор Службы общей разведки Египта в 1971–1972 годах, министр обороны Египта в 1973 году.

Алон, Игаль (1918–1980) – израильский военный и политический деятель. Командовал рядом боевых операций во время Войны за независимость 1948 года. Министр труда

в 1961–1968 гг., заместитель премьер-министра в 1968–1977 гг., министр образования и культуры в 1969–1974 гг., министр иностранных дел в 1974–1977 гг.

Алони, Шуламит (1928–2014) – израильский политический деятель, депутат кнессета в 1965–1969 и 1973–1996 гг., министр коммуникаций, науки и культуры в 1993–1996 годах.

Аль-Айюби, Али Джавдат (1886–1969) – премьер-министр Ирака в 1934–1935, 1949–1950 и в 1957 годах.

Аль-Бадр, Мухаммед (1926–1996) – имам-король Йеменского королевства в сентябре 1962 года, свергнут в результате военного переворота под предводительством А. ас-Саляля.

Аль-Банна, Хасан (1906–1949) – египетский политический деятель, основатель международной исламистской ассоциации «Братья-мусульмане».

Аль-Илах, Абд (1913–1958) – наследный принц Ирака с 1943 года. Убит во время Революции 14 июля.

Аль-Набульси, Сулайман (1908–1976) – премьер-министр Иордании в 1956–1957 годах.

Аль-Холи, Лютфи (1928–1999) – египетский писатель и журналист, редактор журнала «Ат-Талиа».

Арафат, Ясир (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Асад, Ахмед (ум. 1961) – ливанский шиитский политический деятель, крупный землевладелец, пользовавшийся особым влиянием в Южном Ливане, председатель парламента Ливана в 1951–1953 гг., министр общественных работ, один из вождей восстания 1958 года.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Асали, Сабри (1903–1976) – сирийский политик, премьер-министр Сирии в 1954, в 1955 и в 1956–1958 годах, ви-

це-президент Объединенной Арабской Республики в 1958–1959 годах.

Асквит, Герберт Генри (1852–1928) – премьер-министр Великобритании в 1908–1916 годах.

Ас-Саляль, Абдалла (1917–1994) – йеменский военный и государственный деятель, лидер Сентябрьской революции 1962 года в Северном Йемене, президент Йеменской Арабской Республики в 1962–1967 годах.

Ахмед бен Яхья Хамидаддин (1891–1962) – король Йеменского королевства в 1948–1962 годах. Отец М. аль-Бадра.

Ачесон, Дин (1893–1971) – американский политик, государственный секретарь США в 1949–1953 годах.

Бадд, Джон (1903–1995) – ректор Американского университета в Каире в 1945–1953 годах, посол США в ОАР в 1961–1964 годах.

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 годах.

Бар-Кохба, Шимон – предводитель иудеев в восстании против римлян в 131–135 гг. н.э.

Бар-Лев, Хаим (1924–1994) – израильский военный и политический деятель, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля в 1968–1972 годах.

Бассиони, Махмуд Шериф (р. 1937) – американский ученый, юрист, президент Института Международного гуманитарного права Университета Де Поля (Чикаго) в 1990–1997 гг.

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 годах.

Беляев, Игорь Петрович (1923–1993) – советский журналист и востоковед. Представитель Совинформбюро в Сирии и Ливане в 1954–1956 гг., корреспондент и редактор газеты «Правда» по отделу Азии и Африки. Заместитель директора Института Африки АН СССР в 1970–1976 гг.

Бен-Гурион, Давид (1886–1973) – израильский политический деятель, председатель Еврейского агентства в 1935–1948 годах, премьер-министр Израиля в 1948–1953 и 1955–1963 годах.

Бергер, Морроу (1918–1981) – профессор социологии Принстонского университета.

Бернс, Эдсон Луис Миллард (1897–1985) – канадский военный деятель, дипломат, генерал-лейтенант. В 1956–1959 годах – командующий войсками ООН в районе Суэцкого канала.

Бертоли, Паоло (1908–2001) – кардинал Римской Католической церкви в 1969–2001 годах.

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 годах.

Бизри, Аффиф (1914–1994) – начальник генерального штаба сирийской армии в 1957–1959 годах.

Бироуд, Генри Альфред (1913–1993) – бригадный генерал армии США, дипломат, посол США в Египте в 1955–1956 гг., Южной Африке в 1956–1959 гг., в Афганистане в 1959–1962 гг., в Бирме в 1963–1968 гг., на Филиппинах в 1969–1973 гг. и в Пакистане в 1973–1977 гг.

Битар, Салах ад-Дин (1912–1980) – сирийский государственный деятель, премьер-министр Сирии в 1963, 1964 и 1966 годах, министр иностранных дел Сирии в 1956–1958, 1963 и 1966 годах.

Блумфилд, Линкольн (1920–2013) – профессор политических наук Массачусетского технологического института.

Болен, Чарльз (1904–1974) – американский дипломат. Посол США в СССР в 1953–1957 гг., посол США на Филиппинах в 1957–1959 гг., посол США во Франции в 1962–1968 гг.

Болотин, Борис Моисеевич (1926–2005) – советский и российский экономист, заведующий отделом редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения», старший научный сотрудник ИМЭМО.

Борчгрейв, Арно де (1926–2015) – американский журналист, корреспондент и редактор журнала «Newsweek» в 1950–1980 годах.

Боуи, Роберт (1909–2013) – американский дипломат и ученый, основатель Центра международных исследований Гарвардского университета и его первый директор в 1958–1972 годах.

Боули, Дэн (р. 1929) – израильский исследователь и журналист.

Бофр, Андре (1902–1975) – французский генерал, командующий французскими военными силами во время Суэцкого кризиса 1956 года.

Браун, Джордж (1918–1978) – генерал ВВС США, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1974–1978 годах.

Браун, Дин (1920–2001) – американский дипломат и ученый. Посол США в Иордании в 1970–1973 годах, директор Института Ближнего Востока Колумбийского университета в 1975–1986 годах.

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Брюстер, Кингмэн (1919–1988) – ректор Йельского университета в 1963–1977 годах, посол США в Великобритании в 1977–1981 годах.

Бубер, Мартин (1878–1965) – еврейский экзистенциальный философ, теоретик сионизма, профессор социологии Иерусалимского университета в 1938–1951 гг., первый президент Академии наук Израиля в 1960–1962 гг.

Бурже-Монури, Морис (1914–1993) – французский политик, министр внутренних дел Франции в 1955 и 1957–1958 гг., министр обороны Франции в 1956–1957 гг., премьер-министр Франции в 1957 году.

Вальдхайм, Курт – австрийский дипломат и политик. Генеральный секретарь ООН в 1972–1981 годах, министр иностранных дел Австрии в 1968–1970 годах, федеральный президент Австрии в 1986–1992 годах.

Вейц, Йосеф (1890–1972) – глава департамента колонизации Еврейского агентства в 1932–1948 годах.

Вейцман, Хаим (1874–1952) – президент Всемирной сионистской организации в 1921–1931 и 1935–1946 годах, президент Израиля в 1949–1952 годах.

Водак, Эрнст – израильский текстильный фабрикант, один из спонсоров движения «Гуш Эминим» в 1970-е годы.

Гагарин, Юрий Алексеевич (1934–1968) – советский летчик-космонавт. Первый человек, совершивший полет в космическое пространство.

Ганди, Индира (1917–1984) – индийский политический деятель, премьер-министр Индии в 1966–1977 и 1980–1984 годах. Стала жертвой покушения.

Ганди, Махатма (1869–1948) – индийский политический деятель, руководитель движения за независимость Индии от Великобритании. Стал жертвой покушения.

Гахин, Майкл Аллен (р. 1940) – американский дипломат, специальный уполномоченный Бюро по международной безопасности и нераспространению оружия массового поражения Госдепартамента США с 2009 г., автор биографии Джона Форстера Даллеса.

Гендерсон, Лой (1892–1986) – американский дипломат, посол США в Ираке в 1943–1945 гг., посол США в Индии и Непале в 1948–1951 гг., посол США в Иране в 1951–1954 гг., помощник заместителя государственного секретаря по административным вопросам в 1955–1960 гг.

Герцль, Теодор (1860–1904) – еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации.

Гилберт, Мартин (1936–2015) – сэр, британский историк, автор официальной биографии Уинстона Черчилля.

Глабб, Джон Багот (1897–1986) – британский генерал-лейтенант, глава Арабского легиона (регулярной армии Иордании) в 1939–1956 годах.

Глассмэн, Джон (р. 1944) – американский дипломат и военный эксперт, временный поверенный США в Афганистане в 1989 г., посол США в Парагвае в 1991–1994 гг., отозван за «спорное поведение».

Голан, Матти (р. 1936) – израильский журналист, корреспондент газеты Haaretz, сотрудник и редактор газеты Globes, автор книги «Секретные беседы Киссинджера» (1975).

Гольдман, Наум (1895–1982) – основатель Всемирного еврейского конгресса и его президент в 1949–1977 годах.

Гордон, Кермит (1916–1976) – американский экономист, президент Брукингского института в 1967–1976 годах.

Гуревич, Джейкоб (1914–2008) – американский исследователь Ближнего Востока, профессор политических наук Колумбийского университета.

Гриффит, Уильям (1920–1998) – американский историк и политолог, профессор политологии Массачусетского технологического института в 1966–1990 гг., советник помощника президента США по национальной безопасности в 1979–1981 гг.

Громыко, Андрей Андреевич (1909–1989) – министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг.

Гувер, Герберт-младший (1903–1969) – заместитель государственного секретаря США в 1954–1957 годах.

Гур, Мордехай (1930–1995) – израильский военный и политический деятель. Начальник Генерального штаба армии Израиля в 1974–1978 годах, министр здравоохранения Израиля в 1984–1986 годах.

Давиди, Аарон (1927–2012) – израильский военный деятель, бригадный генерал Армии обороны Израиля, главный офицер пехоты и парашютистов (командующий воздушно-десантными войсками Израиля) в 1965–1968 гг., в 1970–1972 гг. советник Мустафы Барзани в рамках израильской помощи повстанцам-курдам в Ираке, в 1982 г. основал волонтерскую организацию Сарель (Служение Израилю).

Даллес, Джон Фостер (1888–1959) – государственный секретарь США в 1953–1959 годах.

Дауни, Алан (1888–1938) – британский генерал-майор, в 1918–1919 гг. подполковник, офицер Арабского бюро в Каире, директор группы по арабским операциям, осуществлял связь между Египетским экспедиционным корпусом и арабскими повстанцами, возглавлял боевые операции в Хиджазе, в дальнейшем служил в военном министерстве, в 1936–1938 гг. директор Военного министерства по связям с общественностью.

Дахан, Габриэль – лейтенант израильской пограничной полиции. За убийство 45 мирных арабов 29 октября 1956 г. в Кафр-Касиме был в 1958 г. приговорен к 15 годам заключения. В 1960 г. освобожден. В дальнейшем ответственный по делам арабов в мэрии Рамлы.

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и политический деятель. Министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Дин, Патрик (1909–1994) – британский дипломат. Глава Объединенного разведывательного комитета в 1953–1960 гг., постоянный представитель Великобритании в ООН в 1960–1964 гг, посол Великобритании в США в 1965–1969 гг.

Диниц, Симха (1929–2003) – посол Израиля в США в 1973–1979 годах.

Джайпал, Рикхи (р. 1916) – индийский дипломат, министр (заместитель посла) Индии в Москве в 1962–1966 гг., посол Индии в Югославии и Греции в 1969–1972 гг., посол Индии в Австрии в 1972–1974 гг., постоянный представитель Индии в ООН в 1974–1979 годах.

Джексон, Генри (1912–1983) – американский политик, сенатор от штата Вашингтон в 1941–1983 годах.

Джетон, Фрэнсис – сотрудник ЦРУ, вице-консул в посольстве США в Дамаске, депортированный в 1957 г. из Сирии как персона нон грата.

Джонсон, Линдон (1908–1973) – американский политик, сенатор от штата Техас в 1949–1961 гг., вице-президент США в 1961–1963 гг., президент США в 1963–1969 гг.

Джонстон, Эрик Аллен (1896–1963) – американский бизнесмен, президент Американской торговой палаты в 1941–1945 гг., администратор правительственного Агентства экономической стабилизации в 1951 г., специальный представитель президента США по разрешению конфликта в связи с распределением водных ресурсов между Израилем, Иорданией и Сирией в 1953–1955 гг.

Джумблат, Камаль (1917–1977) – ливанский политик, основатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана. Убит 16 марта 1977 года.

Дзордзоли Дж. Б. – профессор Миланского политехнического института в 1970-е годы, специалист по ядерным реакторам.

Дмитриев, Евгений – советский политолог, соавтор книги «Путь к миру на Ближнем Востоке» (1974).

Дэвис, Ури (р. 1943) – израильский и палестинский ученый и политик, член Революционного совета партии «ФАТХ» с 2009 г., первый еврей в составе этого совета.

Жаботинский, Владимир Евгеньевич (1880–1940) – русский и еврейский писатель, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, создатель Еврейского легиона, а также организаций «Иргун» и «Бейтар».

Жмайель, Амин Пьер (р. 1942) – ливанский политический деятель, лидер партии «Катаиб» («партии фалангистов»), президент Ливана в 1982–1988 годах.

Жорж-Пико, Франсуа (1870–1951) – французский дипломат, который в 1916 г. вместе с британским дипломатом М. Сайксом подписал соглашение Сайкса – Пико о будущем разделе Османской империи.

Зарми, Меир – генеральный секретарь Партии труда Израиля в 1974–1977 гг.

Звягельская, Ирина Доновна (р. 1947) – сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1970–1979 годах, сотрудник Института востоковедения с 1979 года по настоящее время.

Зия-уль-Хак, Мухаммед (1924–1988) – пакистанский военный и политический деятель, президент Пакистана в 1978–1988 годах.

Ибрагим-паша (1789–1848) – египетский военный деятель, паша Египта в 1848 году.

Иден, Энтони (1897–1977) – британский политик, министр иностранных дел Великобритании в 1951–1955 гг., премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

Иноуэ, Хироко – японская исследовательница развивающихся стран, сотрудница Института мировых систем Университета Калифорнии.

Исмаил, Хафез (1919–1997) – египетский дипломат, руководитель Службы общей разведки Египта в 1970 году,

советник президента Египта по вопросам национальной безопасности в 1971–1974 годах.

Йост, Чарльз (1907–1981) – американский дипломат. Посол США в Лаосе в 1955–1956 гг., в Сирии в 1957–1958 гг., в Марокко в 1958–1961 гг. Представитель США в ООН в 1969–1971 годах.

Кади, Лейла – палестинский политолог, сотрудник Палестинского исследовательского центра в Бейруте в 1960–1970-е годы.

Кайсуни, Абдул – министр финансов Египта в 1962–1964 годах.

Капелюк, Амнон (1930–2009) – израильский журналист.

Караме, Рашид (1921–1987) – ливанский политический деятель. С 1955 по 1987 год восемь раз занимал должность премьер-министра Ливана.

Кармель, Моше (1911–2003) – израильский военный и государственный деятель, министр транспорта Израиля в 1955–1959 и 1965–1969 годах.

Картер, Джимми (р. 1924) – американский политик, губернатор Джорджии в 1971–1975 годах, президент США в 1977–1981 годах.

Касем, Абдель Керим (1914–1963) – иракский государственный и военный деятель, премьер-министр и министр обороны Ирака в 1958–1963 годах.

Квандт, Уильям (р. 1941) – американский исследователь и специалист по Ближнему Востоку. Сотрудник Совета национальной безопасности США в 1972–1974 и в 1977–1979 годах, сотрудник Брукингского института в 1979–1994 годах.

Кеннеди, Джон Фицджеральд (1917–1963) – американский политик, сенатор от штата Массачусетс в 1953–1960 годах, президент США в 1961–1963 годах. Убит 22 ноября 1963 года во время визита в Даллас.

Керзон, Джордж Натаниэл (1859–1925) – британский государственный деятель. Вице-король Индии в 1899–1906 годах, член палаты лордов от Ирландии в 1908–1925

годах, министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 годах.

Кегоку, Юнити (Юничи) (р. 1924) – японский политолог, профессор Университета Токио, автор книг «Различия в электоральном поведении сельских и городских жителей в послевоенной Японии» (1959) и «Политическая динамика Японии» (1983).

Кимхи, Давид (1928–2010) – израильский журналист и сотрудник спецслужб, генеральный директор министерства иностранных дел Израиля в 1980–1987 годах.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – государственный секретарь США в 1973–1977 годах.

Клозен, Элден (1923–2013) – президент Всемирного банка в 1981–1986 годах.

Комер, Роберт (1922–2000) – американский дипломат, сотрудник Совета национальной безопасности США в 1960-х годах, посол США в Турции в 1968–1969 годах.

Коупленд, Майлз (1916–1991) – американский музыкант, бизнесмен и офицер ЦРУ. Автор книг и статей о внешней политике США.

Коэн, Йерухам – адъютант И. Алона во время Войны за независимость Израиля 1948 года.

Кув де Мюрвиль, Морис (1907–1999) – французский дипломат и политик, министр иностранных дел Франции в 1958–1968 гг., премьер-министр Франции в 1968–1969 гг.

Куртис, Майкл (р. 1923) – американский специалист по Ближнему Востоку.

Кэлб, Бернард (р. 1922) – американский журналист, соавтор биографии «Киссинджер» с М. Кэлбом.

Кэлб, Марвин (р. 1930) – американский журналист, сотрудник Брукингского института, соавтор биографии «Киссинджер» с Б. Кэлбом.

Кэмпбелл, Джон – сотрудник зарубежной службы Госдепартамента США в 1975–2007 годах.

Кэрр, Малькольм (1931–1984) – американский специалист по Ближнему Востоку, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, ректор Американского университета Бейрута в 1982–1984 годах.

Лавон, Пинхас (1904–1976) – израильский государственный деятель, генеральный секретарь профсоюза «Гистадрут» в 1949–1951 годах, министр обороны Израиля в 1954–1955 годах.

Ладейкин, Владимир Петрович – советский политолог, соавтор книги «Путь к миру на Ближнем Востоке» (1974).

Лакер, Вальтер (Уолтер) (р. 1921) – американский и британский историк и политолог, директор Института современной истории и Библиотеки Винера в Лондоне в 1955–1994 гг. Автор нескольких десятков книг, в том числе «Россия и Германия: Век конфликта» (1965) и «Путинизм: Россия и ее будущее с Западом» (2015).

Левин, Менахем (1918–2011) – израильский ученый-химик.

Левковский, Алексей Иванович (1924–1985) – советский экономист-востоковед, зав. сектором экономики отдела Индии Института востоковедения АН СССР в 1964–1985 гг.

Лейсс, Амелия (1927–2014) – американский автор, эксперт по международным отношениям, профессор политологии Массачусетского технологического института.

Лекро, Дональд (р. 1950) – американский экономист.

Ленчовский, Джордж (1915–2000) – польский дипломат и американский ученый, специалист по Ближнему Востоку, профессор политических наук Калифорнийского университета в Беркли. Вице-консул Польши в Палестине в 1937–1940 гг., пресс-атташе польского посольства в Тегеране в 1940–1945 гг.

Ленин [Ульянов], Владимир Ильич (1870–1924) – один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР в 1917–1924 гг. Основатель СССР.

Лиlientаль, Альфред (1915–2008) – американский политолог и критик сионизма.

Ллойд, Селвин (1904–1978) – британский государственный деятель. Министр иностранных дел Великобрита-

нии в 1955–1960 гг., канцлер казначейства Великобритании в 1960–1962 гг., спикер Палаты общин в 1971–1976 гг.

Ллойд Джордж, Дэвид (1863–1945) – британский государственный деятель. Канцлер казначейства Великобритании в 1908–1915 гг., премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

Луцкий, Владимир Борисович (1906–1962) – советский историк-арабист.

Майданик, Кива Львович (1929–2006) – советский историк и политолог.

Майнерцхаген, Ричард (1878–1967) – британский разведчик, орнитолог, паразитолог, путешественник, полковник британской армии.

Макклур, Джеймс (1924–2011) – американский политик, сенатор от штата Айдахо в 1973–1991 годах.

Макнамара, Роберт (1916–2009) – министр обороны США в 1961–1968 годах, президент Всемирного банка в 1968–1981 годах.

Малик, Чарльз (1906–1987) – ливанский дипломат, министр иностранных дел Ливана в 1955–1957 годах.

Малики, Аднан (1918–1955) – офицер сирийской армии, помощник начальника генерального штаба. Убит 22 апреля 1955 года в Дамаске.

Манжан, Луи (1910–?) – французский полковник, помощник министра обороны.

Мартен, Андре (1911–?) – французский генерал армии в авиации, глава комитета начальников штабов всех видов вооруженных сил Франции в 1961–1962 гг., начальник штаба (командующий) ВВС Франции в 1963–1967 гг.

Мартин, Эдвард (1931–2014) – вице-адмирал ВМС США. В 1967 г., будучи командиром звена штурмовиков А 4 «Скайхок», был сбит над Ханоем и взят в плен. Освобожден из северовьетнамского плена в 1973 г.

Махир, Али (1882–1960) – египетский политик, премьер-министр Египта в 1936, 1939–1940 годах и дважды в 1952 году.

Меир, Голда (1898–1978) – израильский государственный деятель. Министр иностранных дел Израиля в 1956–1966 гг., премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг.

Мелинки, Шмуель – майор израильской пограничной полиции. За убийство 45 мирных арабов 29 октября 1956 г. в Кафр-Касиме был в 1958 г. приговорен к 17 годам заключения. В 1960 г. освобожден. В дальнейшем – ответственный за безопасность на АЭС в Димоне.

Мензис, Роберт – премьер-министр Австралии в 1939–1941 и 1949–1966 годах.

Менухин, Мойше – (1893–1983) – американский политолог, преподаватель иврита и критик сионизма. Отец И. Менухина.

Менухин, Иегуди (1916–1999) – американский скрипач и дирижер.

Мерфи, Роберт (1894–1978) – американский дипломат, главный представитель госдепартамента США в Германии в 1945–1949 гг., посол США в Бельгии в 1949–1952 гг., посол США в Японии в 1952–1953 гг., личный представитель президента США по урегулированию Ливанского кризиса в 1958 г., заместитель госсекретаря США по политическим вопросам в 1959 г.

Метни, Насиб (?–1958) – ливанский журналист, главный редактор газеты «Телеграф», один из лидеров оппозиционного Национального фронта. Убит 7 мая 1958 года.

Мидлтон, Дрю (1914–1990) – американский журналист, военный корреспондент The New York Times.

Минтофф, Доминик (1916–2012) – основатель и лидер Лейбористской партии Мальты в 1949–1985 годах, премьер-министр Мальты в 1955–1958 и 1971–1984 годах.

Молле, Ги (1905–1975) – французский политик, премьер-министр Франции в 1956–1957 гг., генеральный секретарь Французской секции Рабочего интернационала в 1946–1969 гг.

Моллой, Роберт – американский дипломат, подполковник, атташе американской армии в Дамаске, депортированный в 1957 г. из Сирии как persona non grata.

Моссадык, Мохаммед (1882–1967) – премьер-министр Ирана в 1951–1953 годах. Свергнут в результате переворота, организованного спецслужбами Великобритании и США.

Мурер, Томас (1912–2004) – американский адмирал, главнокомандующий ВМС США в 1967–1970 годах, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1970–1974 годах.

Мэллори, Лестер (1904–1994) – американский дипломат. Посол США в Иордании в 1953–1958 годах, посол США в Гватемале в 1958–1959 годах.

Мэнсфилд, Майк (1903–2001) – американский политик и дипломат, сенатор от штата Монтана в 1953–1977 годах.

Нагиб, Мохаммед (1901–1984) – египетский военный и государственный деятель, премьер-министр Египта в 1952–1954 годах, президент Египта в 1953–1954 годах.

Найтли, Филипп (р. 1929) – австралийский журналист, специальный корреспондент лондонской газеты «Sunday Times» в 1965–1985 годах.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 годах.

Наттинг, Энтони (1920–1999) – британский дипломат, государственный министр иностранных дел Великобритании в 1954–1956 годах.

Небенцаль, Исайя – израильский ученый-физик из Министерства обороны.

Неру, Джавахарлал (1889–1964) – лидер индийского национально-освободительного движения, премьер-министр Индии в 1947–1964 годах. Отец И. Ганди.

Нес, Дэвид Гулик (1917–2006) – американский дипломат, заместитель посла (министр) в Египте в 1965–1967 гг., поверенный США в Египте в марте – июне 1967 г.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 годах, вице-президент США в 1953–1961 годах, президент США в 1969–1974 годах.

Нишри, Йошуа – израильский дипломат, в 1956 г. – военный атташе во Франции, в 1968 г. – экономический атташе посольства Израиля в Японии в 1968 г. В 1940 г. был спасен от холокоста японским вице-консулом в Каунасе

(Литва) Чиуне Сугихара, выдавшим ему, как и еще более чем 6 тыс. литовских евреев въездную визу в Японию.

Нордау, Макс (1849–1923) – еврейский писатель, политик и соучредитель Всемирной сионистской организации.

Ноулэнд, Уильям (1908–1974) – американский политик, сенатор США от штата Калифорния в 1945–1959 годах.

О’Бэлланс, Эдгар (1918–2009) – британский военный журналист и исследователь.

Олмстед, Джордж (1901–1998) – американский генерал.

Орбах, Морис (1902–1979) – член британского парламента в 1945–1959 и в 1964–1979 годах.

Оффер, Шалом – сержант израильской пограничной полиции. За убийство 41 мирного араба 29 октября 1956 г. в Кафр-Касиме был в 1958 г. приговорен к 15 годам заключения. В 1960 г. освобожден.

Пелед, Матитьягу (1923–1995) – израильский генерал, профессор Тель-Авивского университета.

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг.

Пино, Кристиан (1904–1995) – французский политик, один из лидеров движения Сопротивления во время Второй мировой войны. Министр иностранных дел Франции в 1956–1958 годах.

Пиночет, Аугусто (1915–2006) – чилийский государственный и военный деятель, президент Республики Чили в 1974–1990 годах.

Пирсон, Лестер (1897–1972) – премьер-министр Канады в 1963–1968 годах.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 годах. Убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года.

Рандопуло – египетский агент ЦРУ.

Раск, Дин (1909–1994) – государственный секретарь США в 1961–1969 годах.

Рассетт, Брюс (р. 1935) – американский ученый-экономист.

Раш, Кеннет (1910–1994) – посол США в ФРГ в 1969–1972 гг., заместитель государственного секретаря в 1973–1974 гг., посол США во Франции в 1974–1977 гг.

Риад, Махмуд (1917–1992) – министр иностранных дел Египта в 1964–1972 гг., генеральный секретарь Лиги арабских государств в 1972–1979 гг.

Риджуэй, Мэтью (1895–1993) – генерал Армии США, главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе в 1952–1953 годах.

Ричардс, Джеймс (1894–1979) – американский юрист, член Палаты представителей США от штата Южная Каролина в 1933–1957 гг., специальный представитель президента США на Ближнем Востоке в 1957–1958 гг.

Роджерс, Уильям (1913–2001) – государственный секретарь США в 1969–1973 годах.

Родинсон, Максим (1915–2004) – французский историк-востоковед.

Розенштейн-Родан, Пауль (1902–1985) – австрийский и американский экономист.

Ротшильд, Натан (1840–1915) – британский банкир и политик.

Рузвельт, Франклин (1882–1945) – президент США в 1933–1945 годах.

Сабри, Али (1920–1991) – египетский политический и военный деятель, председатель Исполнительного совета Объединенной Арабской Республики в 1962–1964 годах, премьер-министр ОАР в 1964–1965 годах, вице-президент ОАР в 1965–1968 годах.

Сабри, Джерис (р. 1938) – палестинско-арабский израильский писатель и адвокат, автор книги «Арабы в Израиле» (1966).

Садат, Анвар (1918–1981) – египетский государственный и военный деятель, председатель Национального соб-

рования Египта в 1960–1968 годах, президент Египта в 1970–1981 годах.

Саид, Нури (1888–1958) – иракский политический деятель. С 1930 по 1958 год восемь раз занимал должность премьер-министра Ирака. Убит в ходе революции 14 июля.

Сайкс, Марк (1879–1919) – британский политик и дипломат, который в 1916 году с французским дипломатом Ф. Жорж-Пико подписал Соглашение Сайкса – Пико о разделе Османской империи.

Салам, Саиб (1905–2000) – ливанский государственный деятель, премьер-министр Ливана в 1952, 1953, 1960–1961 и 1970–1973 годах.

Саркис, Ильяс (1924–1985) – ливанский государственный деятель, президент Ливана в 1976–1982 годах.

Сауд ибн Абдель Азиз Аль Сауд (1902–1969) – король Саудовской Аравии в 1953–1964 годах.

Сафран, Надав (1925–2003) – американский эксперт по Ближнему Востоку, профессор Гарвардского университета.

Сегал, Рональд (1932–2008) – южноафриканский бизнесмен, писатель и издатель, борец против апартеида.

Симпсон, Джон Хоуп (1868–1961) – британский политик, автор «Доклада об иммиграции, земельных поселениях и развитии в Палестине».

Симпсон, Колин (р. 1931) – британский журналист, корреспондент газеты «Sunday Times».

Сиско, Джозеф (1919–2004) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам международных организаций в 1965–1969 гг. и по делам Ближнего Востока и Южной Азии в 1969–1974 гг., заместитель государственного секретаря в 1974–1976 гг.

Сондерс, Гарольд (р. 1930) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока в 1978–1981 годах.

Спринзак, Ехуд (1940–2002) – преподаватель политологии в Еврейском университете в Иерусалиме в 1972–2002 годах.

Стоун, Говард «Рокки» (1925–2004) – американский дипломат, второй секретарь по политическим вопросам посольства США в Дамаске, резидент ЦРУ, депортированный в 1957 г. из Сирии как персона нон грата. В 1953 г. – резидент ЦРУ в Иране. В 1960-е годы – резидент ЦРУ в Непале. В 1966 г. – заместитель резидента ЦРУ и начальник разведки в Южном Вьетнаме. В дальнейшем – резидент ЦРУ в Пакистане, Судане, начальник операций в отделе советского блока в штаб-квартире ЦРУ. Ушел в отставку в 1975 г. с поста резидента ЦРУ в Италии.

Суини-младший, Томас У. – майор американской армии, военный атташе США в Иордании в 1957–1958 гг. В дальнейшем – полковник.

Султан ибн Абдул-Азиз (1928–2011) – министр обороны и авиации Саудовской Аравии в 1962–2011 годах.

Сульцбергер, Артур (1926–2012) – издатель газеты «The New York Times» в 1963–1992 годах.

Суэйн – сотрудница секции интересов США в посольстве Испании в Каире в начале 1970-х годов, агент ЦРУ.

Сэмюэл, Герберт (1870–1963) – британский политический деятель, верховный комиссар Палестины в 1920–1925 годах, министр внутренних дел Великобритании в 1916 и 1931–1932 годах.

Такер, Роберт Уоррен (р. 1924) – американский ученый, профессор Университета Джонса Хопкинса, автор книг и статей по американской внешней политике.

Тойнби, Арнольд (1889–1975) – британский историк и культуролог.

Тома А. – начальник секретариата министерства обороны Франции в 1956 г.

Томас, Хью (р. 1931) – английский историк и писатель.

Томсон, Джордж – член британского парламента в 1952–1972 годах, министр иностранных дел Великобритании в 1967–1968 годах.

Трич, Дэвис (1870–1935) – немецкий писатель, общественный деятель, сионист, один из издателей и основателей берлинского журнала «Ost und West».

Трон, Юджин – (1924–2001) – офицер ЦРУ, работавший под прикрытием сотрудника Госдепартамента США в

Ираке в 1954–1957 гг., в Ливане в 1957–1962 гг., в Иордании в 1962–1963 гг., в Шри Ланке (Цейлоне) в 1966–1969 гг., в Египте в 1969–1972 гг. В Каире работал в секции интересов США посольства Испании.

Тюльпанов, Сергей Иванович (1901–1984) – советский экономист. Начальник Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годах.

Тягуненко, Виктор Леонидович (1920–1975) – советский экономист.

У Тан (1909–1974) – бирманский дипломат, генеральный секретарь ООН в 1962–1971 годах.

Уайнбергер, Каспар (1917–2006) – министр обороны США в 1981–1987 годах.

Ульяновский, Ростислав Александрович (1904–1995) – советский историк. Заведующий кафедрой Индии и Афганистана и заместитель заведующего отдела Востока и колоний и Международного аграрного института при Коминтерне в 1930–1934 гг. Арестован в ночь с 1 на 2 янв. 1935 г., после убийства С.М. Кирова, приговорен к 5 годам лагерей. Реабилитирован в 1955 г. Заместитель директора Института востоковедения АН СССР в 1958–1961 гг., заместитель начальника Международного отдела ЦК КПСС в 1961–1986 гг.

Уэйни, Хуссейн (1900–1971) – ливанский государственный деятель, министр иностранных дел Ливана в 1958–1959, 1965 и 1968–1969 годах, премьер-министр Ливана в 1951 и в 1964–1965 годах.

Фавзи, Мохаммед (1915–2000) – египетский политический и военный деятель, военный министр Египта в 1968–1971 годах.

Фарук I (1920–1965) – король Египта и Судана в 1936–1952 годах. Свергнут в ходе июльской революции в Египте.

Фахми, Исмаил (1922–1997) – египетский дипломат. Посол Египта в Австрии в 1968–1971 годах, министр иностранных дел Египта в 1973–1977 годах.

Фейсал I (1883–1933) – глава арабского правительства в Дамаске после антитурецкого восстания в 1918–1920 годах, король Сирии в 1920 году, король Ирака в 1921–1933 годах.

Фейсал II (1935–1958) – король Ирака в 1939–1958 годах. Был убит в ходе революции 14 июля.

Фейсал, ибн Абдул-Азиз (1906–1975) – министр иностранных дел в 1930–1960 и 1962–1975 годах, король Саудовской Аравии в 1962–1975 годах.

Фишер, Юджин М. – американский ученый-юрист.

Форд, Джеральд (1913–2006) – американский политик, президент США в 1974–1977 годах.

Франко, Лоренс Дж. – американский экономист, помощник заместителя директора по международным делам Бюджетного Офиса Конгресса США в 1970-е годы.

Франжье, Сулейман (1910–1992) – президент Ливана в 1970–1976 годах.

Фридман, Тодд (1952–1974) – британский ученый-физик. Убит 28 октября 1974 г. вскоре после публикации статьи о том, что Израиль обладает потенциалом для создания 10 атомных бомб.

Фулбрайт, Джеймс Уильям (1905–1995) – американский политик. Сенатор от штата Арканзас в 1945–1974 годах, председатель комитета Сената США по международным отношениям в 1959–1974 годах.

Хабаш, Жорж (1926–2008) – генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины в 1967–2000 годах.

Хаватме, Наиф (р. 1935) – генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины с 1969 года по настоящее время.

Ха-Коэн, Давид (1898–1984) – израильский политик, депутат кнессета в 1949–1953 и 1955–1969 годах.

Хаммаршельд, Даг (1907–1961) – шведский государственный деятель, генеральный секретарь ООН в 1953–1961 годах.

Ханкин, Йошуа (1864–1945) – активист Сионистской организации.

Хантер, Роберт (р. 1940) – американский политолог, сотрудник Международного института стратегических исследований в Лондоне, постоянный представитель США в НАТО в 1993–1997 годах.

Харкаби, Йехошафат (1921–1994) – начальник военной разведки Израиля в 1955–1959 годах, профессор международных отношений в Еврейском университете в Иерусалиме.

Хассан, Хамид (1908–2003) – премьер-министр Йеменского королевства в 1948–1955 годах, глава дипломатического представительства Йемена в ООН в 1955–1962 годах.

Хейкал, Мохаммед Хасанейн (р. 1923) – египетский журналист, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» в 1957–1974 годах. Спичрайтер президента Египта Г.А. Насера.

Херли, Патрик (1883–1963) – военный министр США в 1929–1933 годах, личный представитель Ф. Рузвельта в 1942–1944 годах, посол США в Китае в 1944–1945 годах.

Хиршман, Ира (1901–1989) – американский бизнесмен и публицист, специальный представитель Управления по делам военных беженцев в 1944–1945 годах.

Ховард, Майкл (р. 1922) – британский военный историк, почетный президент Международного института стратегических исследований в Лондоне.

Хомский, Ноам (р. 1928) – американский лингвист, политический публицист и философ.

Хусейн ибн Али аль-Хашими (1854–1931) – шериф и эмир Мекки в 1908–1924 годах, отец Фейсала I.

Хусейн, Ахмед (1902–1984) – посол Египта в США в 1953–1958 годах.

Хусейн ибн Талал (1935–1999) – король Иордании в 1952–1999 годах.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 годах, заместитель председателя Совета революционного командования Ирака в 1968–1979 годах и его председатель в 1979–2003 годах. Был казнен 30 декабря 2006 года по приговору Верховного суда Ирака.

Чилдерс, Эрскин Бартон (1929–1996) – британский публицист, корреспондент BBC.

Шалль, Морис (1905–1979) – французский генерал армии, командующий французской авиацией в Алжире в 1955–1960 гг., главнокомандующий союзными вооружен-

ными силами в Центральной Европе в 1960–1961 гг. Один из вождей Алжирского путча в апреле 1961 г. Приговорен к 15 годам тюрьмы, в 1966 г. освобожден, в 1968 г. амнистирован.

Шадми, Исахар – полковник, позднее бригадный генерал израильской пограничной полиции. За убийство 47 мирных арабов 29 октября 1956 г. в Кафр-Касиме был в 1958 г. приговорен к символическому штрафу в 10 прутотов, так как был признан виновным не в убийстве, а незаконном введении комендантского часа.

Шамир (Рабинович), Шломо (1915–2009) – генерал-майор, командир 7-й бригады Армии обороны Израиля в 1948 г., командующий Средним фронтом в 1948–1949 гг., командующий ВМС Израиля в 1949–1950 гг., командующий ВВС Израиля в 1950–1951 гг., директор Земельного управления Израиля в 1964–1967 гг. Автор книги «Любой ценой – в Иерусалим» (1994).

Шамун, Камилль (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 годах, один из ключевых христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг.

Шарет, Моше – министр иностранных дел Израиля в 1948–1956 годах, премьер-министр Израиля в 1954–1955 годах.

Шариф, Омар (1932–2015) – египетский киноактер.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах.

Шахак, Исраэль (1933–2001) – израильский публицист и правозащитник, председатель Израильской лиги в поддержку прав человека в 1970–1990 годах.

Шейнис, Виктор Леонидович (р. 1931) – советский экономист и российский политический деятель, депутат Государственной Думы РФ от партии «Яблоко» в 1994–2000 гг.

Шихан, Эдвард (1930–2008) – американский публицист, иностранный корреспондент журналов «The New York Times Magazine» и «Foreign Policy».

Ширакли, Адиб (1909–1964) – сирийский военный и государственный деятель, президент Сирии в 1953–1954 годах.

Шокен, Гершом (1912–1990) – израильский журналист, редактор газеты «Га-Арец» в 1939–1990 годах.

Шукейри, Ахмед (1908–1980) – председатель Организации освобождения Палестины в 1964–1967 годах.

Эбан, Абба (1915–2002) – израильский политик, министр иностранных дел Израиля в 1966–1974 годах.

Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (1890–1969) – американский государственный и военный деятель, президент США в 1953–1961 годах.

Элазар, Давид (1925–1976) – израильский военный деятель, начальник генерального штаба Армии обороны Израиля в 1972–1974 годах.

Эли, Пол (1897–1975) – французский генерал, начальник генерального штаба французской армии в 1953–1954 и 1956–1959 годах.

Элиав, Арье (1921–2010) – израильский политик и дипломат, генеральный секретарь Партии труда в 1969–1971 годах.

Эмери, Джулиан (1919–1996) – британский политик, член парламента Великобритании в 1950–1992 годах.

Эмитей, Моррис (р. 1936) – исполнительный директор американско-израильского комитета по общественным связям в 1974–1980 годах.

Эрхард, Людвиг (1897–1977) – министр экономики ФРГ в 1949–1963 годах, федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 годах.

Эшколь, Леви (1895–1969) – премьер-министр Израиля в 1963–1969 годах.

Ярринг, Гуннар (1907–2002) – шведский дипломат и тюрколог. Посол Швеции в США в 1958–1964 и в 1964–1973 годах. Специальный представитель генерального секретаря ООН У Тана на Ближнем Востоке в 1967–1973 годах.

Яфи, Абдалла (1901–1985) – ливанский государственный деятель, с 1938 по 1969 год семь раз занимавший должность премьер-министра Ливана.

Яхья Хан, Ага Мухаммед (1917–1980) – президент Пакистана в 1969–1971 годах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдалла I ибн Хусейн – 68, 602
Абдул-Хамид II – 94, 602
Абу-Лугод И. – 64, 602
Абурезк Дж. – 349, 602
Аваков Р.М. – 426, 602
Авнери У. – 24, 92, 95, 602
Агранат Ш. – 333, 602
Аденауэр К. – 284, 602
Адхам К. – 318, 320, 602
Али А.И. – 323, 602
Алон И. – 24, 37–40, 43, 74, 75,
104, 122, 183, 356, 363, 365,
602, 612
Алони Ш. – 28, 603
Аль-Айюби А.Д. – 264, 603
Аль-Бадр М. – 279, 280, 603,
604
Аль-Банна Х. – 493, 603
Аль-Илах А. – 268, 603
Аль-Набульси С. – 268, 603
Аль-Холи Л. – 368, 603
Арафат Я. – 43, 56, 142, 154, 157,
159, 309, 345, 355, 603
ар-Рифаи З. – 341
Ас-Саляль А. – 279, 280, 604
Асад А. – 272, 603
Асад Х. – 137, 142, 162, 184, 352,
603
Асали С. – 232, 603

Асквит Г.Г. – 96, 604
Ахмед бен Яхья Хамидаддин –
279, 280, 604
Ачесон Д. – 223, 604

Б

Баддо Дж. – 248, 252, 604
Бальфур А. – 67, 97
Барзани М.М. – 124, 126, 604
Бар-Кохба Ш. – 92, 604
Бар-Лев Х. – 79, 88, 329, 330,
596, 604
Бассиони М.Ш. – 174, 604
Бегин М. – 25, 38, 40, 47, 80, 87,
130, 149, 293, 566, 600, 604
Беляев И.П. – 138, 604
Бен-Гурион Д. – 24, 68, 72–74,
76, 77, 92, 103, 105, 106, 108–
112, 116, 117, 239, 243, 254, 343,
384–387, 596, 605
Бергер М. – 372, 605
Бернс Э.Л.М. – 114–117, 605
Бертоли П. – 137, 605
Бжезинский З. – 372, 374, 499,
567, 605
Бизри А. – 262, 605
Бироуд Г. – 228, 605
Битар С. ад-Дин – 262, 605
Блумфилд Л. – 277, 386, 605
Болдуин Х. – 260
Болен Ч. – 294, 605
Болотин Б.М. – 450, 605

Борчгрейв А. де – 144, 605
Боуи Р. – 372, 606
Боули Д. – 297, 606
Бофр А. – 385, 606
Браун Д. – 54, 142, 143, 606
Браун Дж. – 214, 606
Брежнев Л.И. – 53, 340, 579, 601, 606
Брехер М. – 164
Брюстер К. – 277, 606
Бубер М. – 95, 606
Бурже-Монури М. – 383, 385, 387, 606

В

Вальдхайм К. – 341, 606
Вейц Й. – 44, 45, 606
Вейцман Х. – 66, 68, 98, 606
Вейцман Э. – 130
Водак Э. – 47, 607

Г

Гагарин Ю.А. – 279, 607
Ганди И. – 500, 607, 616
Ганди М. – 491, 492, 607
Гахин М. – 574, 607
Гендерсон Л. – 264, 607
Герцль Т. – 65, 89, 94, 95, 607
Гилберт М. – 67, 607
Глабб Д.Б. – 22, 607
Глассмэн Дж. – 332, 607
Голан М. – 326–328, 346, 360, 361, 607
Голь Ш. де – 316
Гольдман Н. – 53, 106, 166, 342, 396, 398, 607
Гордон К. – 372, 608
Гриффит У. – 203, 204, 608
Громько А.А. – 341, 358, 403, 608
Гувер Г. – 242, 243, 608
Гур М. – 89, 608
Гуревич Дж. – 200, 608

Д

Давиди А. – 45, 608
Даллес Д.Ф. – 119, 224, 226, 228, 229, 235–238, 242–246, 248, 249, 253, 257, 258, 380, 381, 587, 607, 608
Дауни А. – 98, 608
Дахан – 156
Дахан Г. – 609
Даян М. – 37, 40, 43, 74, 80, 82, 88, 108, 109, 111, 112, 171, 293, 305, 308, 333, 344, 352, 353, 360–362, 383–385, 387, 395, 396, 609
Джайпал Р. – 289, 609
Джексон Г. – 215, 216, 609
Джерис Д. – 29
Джетон Ф. – 261, 609
Джонсон Л. – 275, 287, 293, 294, 298, 609
Джонстон Э. – 230, 609
Джумблат К. – 141, 143, 149, 609
Дзордзоли – 181
Дзордзоли Дж.Б. – 181, 610
Дин П. – 387, 609
Диниц С. – 214, 609
Дмитриев Е. – 152, 153, 610
Дэвис У. – 376, 610

Ж

Жаботинский В.Е. – 69, 70, 100, 610
Жмайель А.П. – 610
Жмайель П. – 137, 138
Жорж-Пико Ф. – 610

З

Зарми М. – 86, 610
Звягельская И.Д. – 83, 610
Зия-уль-Хак М. – 483, 493, 494, 512, 610

И

- Ибрагим-паша – 92, 610
Иден Э. – 240, 247, 249, 251,
380, 381, 386, 388, 610
Иноуэ Х. – 462, 610
Исмаил Х. – 320–324, 610

Й

- Йост Ч. – 277, 290, 335, 372,
611

К

- Кади Л. – 163, 611
Кайсуни А. – 237, 611
Капелюк А. – 33, 166, 611
Караме Р. – 138, 272, 273, 611
Кармель М. – 384, 611
Картер Дж. – 54, 216, 374, 471,
567, 569, 601, 611
Касем А.К. – 270, 611
Квандт У. – 194, 196, 231, 248,
253, 372, 374, 611
Кегоку Ю. – 462, 612
Кеннеди Д.Ф. – 275, 282, 285,
287, 611
Керзон Д.Н. – 97, 611
Кимхи Д. – 297, 612
Киссинджер Г. – 200, 212, 308,
309, 317–328, 341, 346, 347,
350, 352, 353, 356–359, 361,
363, 365, 598, 612
Клозен Э. – 518, 612
Комер Р. – 283, 612
Коупленд М. – 115, 612
Коэн Й. – 104, 612
Кубар Ж. – 143
Кув де Мюрвиль М. – 137, 612
Куртис М. – 200, 612
Кэлб Б. – 308, 309, 317, 612
Кэлб М. – 308, 309, 317, 612
Кэмпбелл Дж. – 372, 612
Кэрр М. – 372, 612

Л

- Лавон П. – 107–111, 613
Ладейкин В.П. – 152, 153, 613
Лакер В. – 70, 93, 613
Левин М. – 181, 613
Левковский А.И. – 432, 433, 613
Лейсс А. – 386, 613
Лекро Д. – 467, 613
Лензовский Дж. – 249
Ленин [Ульянов] В.И. – 93, 149,
446, 613
Ленчовский Дж. – 613
Лиlientаль А. – 213, 613
Ллойд Дж. Д. – 96, 614
Ллойд С. – 385–387, 613
Лоуренс Т.Э. – 98, 99
Луцкий В.Б. – 66, 614

М

- Майданик К.Л. – 426, 614
Майнерцхаген Р. – 614
Макклор Д. – 349, 614
Макнамара Р. – 295, 296, 518,
600, 614
Малик Ч. – 269, 614
Малики А. – 232, 614
Манжан Л. – 384, 614
Мартен А. – 385, 614
Мартин Э. – 295, 614
Махир А. – 223, 614
Меир Г. – 40, 74, 85, 154, 305,
312, 313, 327, 343, 344, 384,
397, 614
Мелинки Ш. – 156, 615
Мензис Р. – 246, 615
Менухин И. – 213, 615
Менухин М. – 213, 615
Мерфи Р. – 271, 272, 615
Метни Н. – 269, 615
Мидлтон Д. – 301, 615
Минтофф Д. – 104, 615
Молле Г. – 240, 250, 381, 382,
386–388, 615

Моллой Р. – 261, 615
Москва – 194, 327, 341, 347
Моссадык М. – 247, 615
Мурер Т. – 349, 616
Мэллори Л. – 268, 616
Мэнсфилд М. – 258, 616

Н

Нагиб М. – 102, 103, 223, 231, 236, 616
Найтли Ф. – 97, 98, 616
Насер Г.А. – 81, 82, 88, 101–107, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 158, 159, 176, 177, 218, 220–222, 224, 230–233, 235–238, 240–246, 248–250, 255, 258–260, 263, 274, 275, 280–288, 290–294, 296, 298, 300, 303, 309, 310, 315, 317, 318, 321, 368, 369, 379–381, 383, 391, 392, 510, 598, 616, 623
Наттинг Э. – 387, 616
Небенцаль И. – 181, 616
Неру Д. – 104, 616
Нес Д.Г. – 217, 616
Никсон Р. – 53, 193, 302, 308, 313, 319–324, 336, 347, 355, 440, 563, 568, 597–599, 616
Нишри Й. – 383, 616
Нордау М. – 94, 617
Ноуленд У. – 242, 617

О

О'Бэлланс Э. – 24, 617
Олмстед Д. – 226, 617
Орбах М. – 105, 617
Оффер Ш. – 156, 617

П

Паникар К.М. – 104
Пелед М. – 48, 327, 392, 393, 617
Перес Ш. – 40, 47, 146, 168, 179, 382–385, 387, 617

Пино К. – 385–388, 617
Пиночет А. – 167, 617
Пирсон Л. – 385, 517, 600, 617
Потомов Ю. – 144

Р

Рабин И. – 33, 40, 137, 146, 173, 308, 309, 344, 347, 362, 363, 367, 391, 392, 617
Рандопуло – 322, 323, 618
Раск Д. – 294, 296, 618
Рассетт Б. – 461, 618
Раш К. – 350, 618
Рейган Р. – 567–569, 600
Риад М. – 106, 618
Риджуэй М. – 277, 618
Ричардс Д. – 258, 265, 266, 618
Роджерс У. – 178, 303, 306, 308, 313, 314, 319, 618
Родинсон М. – 112, 245, 618
Розензафт М. – 162
Розенштейн-Родан П. – 448, 618
Ротшильд Н. – 22, 618
Рузвельт Ф. – 70, 105, 618, 623

С

Сабри А. – 222, 226, 232, 618
Сабри Д. – 618
Сабри Дж. – 29
Садат А. – 134, 201, 313–315, 318–321, 324, 326, 328, 329, 338, 353, 367, 368, 371, 372, 471, 483, 512, 598, 600, 618
Саид Н. – 227, 619
Сайкс М. – 65–67, 96, 98, 596, 610, 619
Салам С. – 272, 619
Сангалов А.А. – 187
Саркис И. – 142, 619
Сауд ибн Абдель Азиз Аль Сауд – 232, 264, 266, 268, 280, 281, 284, 619

Сафран Н. – 332, 372, 619
 Сегал Р. – 84, 86, 164, 165, 172, 619
 Симпсон Д.Х. – 21, 619
 Симпсон К. – 97, 98, 619
 Сиско Дж. – 308, 313, 619
 Смит Т. – 81
 Сондерс Г. – 54, 619
 Спринзак Е. – 48, 619
 Стоун Г. – 261, 620
 Суини – 268
 Суини-младший Т.У. – 268, 620
 Султан ибн Абдул-Азиз – 320, 620
 Сульцбергер А. – 109, 620
 Суэйн – 323
 Сэмюэл Г. – 96, 620

Т

Такер Р.У. – 211, 620
 Тойнби А. – 24, 620
 Тома А. – 384, 620
 Томас Х. – 382, 383, 620
 Томсон Дж. – 294, 620
 Трич Д. – 64, 620
 Трон Ю. – 323, 620
 Тюльпанов С.И. – 425, 621
 Тягуненко В.Л. – 426, 621

У

У Тан – 290–293, 311, 312, 621, 625
 Уайнбергер К. – 568, 570, 621
 Ульяновский Р.А. – 434, 621
 Уэйни Х. – 273, 621

Ф

Фавзи М. – 289–291, 621
 Фарук I – 102, 107, 222, 224, 250, 252, 621
 Фахми И. – 341, 351, 621
 Фейсал I – 66, 98, 621, 623
 Фейсал II – 268, 284, 318, 320, 338, 602, 622

Фейсал ибн Абдул-Азиз – 622
 Фишер Ю. – 174, 622
 Форд Дж. – 53, 190, 217, 358, 367, 622
 Франжье С. – 132, 140–142, 622
 Франко Л. – 515, 622
 Фридман Т. – 182, 622
 Фулбрайт Д.У. – 348, 349, 622

Х

Хабаш Ж. – 345, 622
 Хаватме Н. – 57, 622
 Ха-Коэн Д. – 21, 622
 Хаммаршельд Д. – 75, 271, 622
 Ханкин Й. – 21, 622
 Хантер Р. – 99, 273, 622
 Харкаби Й. – 52, 623
 Хассан Х. – 280, 623
 Хейкал М.Х. – 81, 82, 165, 224, 226, 236, 249, 283, 284, 318, 320–323, 325, 329, 330, 351, 623
 Хелмс Р. – 182
 Херли П. – 70, 623
 Хиршман И. – 105, 623
 Ховард М. – 99, 273, 623
 Хомский Н. – 28, 623
 Хопкинс Дж. – 211, 620
 Хусейн А. – 242, 623
 Хусейн ибн Али аль-Хашими – 97, 98, 309, 355, 356, 623
 Хусейн ибн Талал – 26, 85, 623
 Хусейн С. – 124, 623

Ч

Черчилль У. – 607
 Чилдерс Э.Б. – 23, 623

Ш

Шадми И. – 156, 624
 Шаль М. – 385, 623
 Шамир Ш. – 48, 624

Шамун К. – 135, 138, 139, 269, 624

Шарет М. – 104–106, 108, 109, 624

Шариф О. – 280, 624

Шарон А. – 37, 328, 329, 598, 624

Шахак И. – 27, 35, 36, 624

Шейнис В.Л. – 426, 624

Шихан Э. – 319, 320, 324, 352, 360, 362, 367, 624

Шишакли А. – 232, 261, 624

Шокен Г. – 376, 625

Шукейри А. – 56, 151, 625

Э

Эбан А. – 253, 293, 295, 296, 299, 341, 625

Эйзенхауэр Д.Д. – 221, 230, 244, 247, 256–260, 264–267, 269, 270, 272, 273, 380, 598, 625

Элазар Д. – 327, 625

Эли П. – 385, 625

Элиав А. – 48, 52, 625

Эмери Дж. – 385, 625

Эмитей М. – 213, 214, 625

Эрхард Л. – 285, 625

Эшколь Л. – 82, 289, 391, 393, 625

Я

Ярринг Г. – 299, 300, 303–306, 310–314, 625

Яфи А. – 272, 625

Яхья Хан А.М. – 205, 598, 625

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абу-Рудайс – 359, 366
Австралия – 615
Австрия – 609
Азия – 604, 619
Акаба – 66, 67, 75, 77, 292
Акабский залив – 87, 293, 410
Александрия – 56, 110, 223, 245, 370, 381, 384
Алжир – 112, 113, 240, 444, 532, 584, 623
Амман – 68, 142, 268, 298, 307, 355
Ангола – 201, 474, 565, 567
Антверпен – 180
Аравийский полуостров – 282, 470
Аравийское море – 203
Аргентина – 180, 461, 462
Асуан – 238, 242, 245, 351
Афганистан – 444, 471, 483, 494, 499, 566, 567, 578, 601, 605, 607, 621
Африка – 604
Африканский Рог, полуостров – 565

Б

Базель – 19, 94, 595
Баниас – 67
Бахрейн – 464

Бейрут – 21, 29, 68, 137, 138, 140, 142, 149, 238, 270, 395, 611, 612
Бейсан – 23
Бейт-Джала – 43
Бельгия – 615
Беркли – 613
Берлин – 187
Бир-Каттат – 75
Бирма – 605
Бирма (Мьянма) – 258
Ближний Восток – 619
Бразилия – 457, 461
Бурайми – 232

В

Вашингтон – 70, 110, 130, 144, 193, 201, 202, 213, 219, 224–227, 229, 230, 232, 233, 236, 237, 241, 242, 245, 250–253, 256, 260–262, 266, 268, 272–274, 283, 284, 288, 289, 293, 294, 313, 314, 316, 317, 320, 321, 324, 330, 336, 340, 341, 355, 356, 358, 394, 397, 470, 562, 563, 567, 568, 570, 571, 585, 600, 609
Великобритания – 96, 97, 100, 108, 118, 176, 227, 230, 240, 294, 376, 380, 383, 385, 387, 388, 516, 596, 597, 601, 604, 606, 607, 609, 610, 612, 614–616, 620, 625

Венесуэла – 461, 462

Вифлеем – 43

Владивосток – 204

Вьетнам – 193, 277, 297, 320,
327, 553, 563, 567–569, 572,
588, 601

Г

Галилея – 72, 74

Генуя – 180

Германия – 613, 615

Голаны – 38, 67, 78, 83, 86, 297,
330, 364, 396

Гонконг – 457, 467

Греция – 428, 432, 461, 462, 609

Д

Дамаск – 68, 122, 134, 137, 141,
142, 232, 261, 263, 264, 289,
331, 337, 352, 391, 562, 609,
614, 615, 620, 621

Дейр-Ясин – 23, 25, 71, 156, 595

Дейтон – 228

Дженин – 43

Джуня – 145, 147

Диего-Гарсия, остров – 203

Димон – 179, 180, 615

Доминиканская Республика –
277

Е

Евфрат, река – 78

Египет – 25, 56, 74, 76, 97, 100–
103, 106–121, 148, 156, 171,
176–178, 183, 201, 218–221,
223–228, 231–252, 254, 255,
258–260, 262, 263, 265–267,
270, 274, 275, 280–298, 300–
304, 307, 310–316, 318–323,
329, 338–342, 347, 350, 351,
353, 357–372, 379–382, 384,
386–394, 396, 398, 408, 410,
445, 471, 483, 499, 500, 510,
511, 565, 566, 571, 583, 595–

599, 602, 610, 611, 614, 616,
618, 619, 621, 623

Ж

Женева – 341, 354, 358

З

Западный берег реки Иордан –
26, 27, 35, 36, 38–43, 46, 48–
50, 59, 64, 67, 78–80, 83, 85–
87, 147, 160, 299, 313, 345,
355–357, 398, 471, 566

Захла – 138

И

Иерихон – 25, 38, 183

Иерусалим – 23, 25–27, 33, 38,
45, 46, 48, 68, 71–73, 78, 83,
84, 98, 105, 145, 154, 165, 187,
228, 299, 346, 351, 395, 398,
566, 619, 623, 624

Израиль – 11, 17, 18, 20, 22–34,
36–42, 45–51, 53, 54, 56, 57,
59–64, 70–93, 101, 103–113,
115–118, 121–123, 127–137,
145–147, 149–170, 172–186,
194, 197, 213, 214, 216, 217,
219–222, 225–229, 231–234,
239–243, 247, 248, 250, 251,
253, 254, 256, 260, 266, 268,
269, 273–275, 284–314, 316–
318, 322–327, 329–335, 337,
340–343, 346–351, 353–367,
375–380, 382, 383, 385–400,
402, 404–411, 471, 483, 498,
499, 562, 563, 566, 571–573,
575, 595, 596, 598, 602, 604–
606, 608–614, 616–618, 622–
625

Индийский океан – 201, 203–
205, 441, 471, 566, 577

Индия – 21, 104, 201, 258, 467,
479, 494, 500, 555, 598, 607,
609, 611, 613, 616, 621

Индостан, полуостров – 201

Иордан, река – 26, 27, 35, 36, 38, 40, 42, 44, 48, 59, 67, 69, 78, 79, 83, 85–87, 147, 160, 230, 313, 345, 355, 356, 395, 398, 471, 566, 596

Иордания – 607, 609, 620, 621

Иордания (в 1921–1946 гг. – Трансиордания) – 26, 27, 39, 40, 50, 78, 85, 129, 142, 183, 221, 228, 230, 234, 255, 264, 265, 268, 269, 272–274, 286, 300, 302, 306–309, 341, 355–357, 364, 386, 393, 396, 408, 487, 595, 596, 598, 602, 603, 606, 616, 623

Ирак – 26, 46, 56, 71, 100, 123–128, 183, 202, 227, 230–232, 234, 255, 261, 264–266, 268–270, 337, 464, 532, 596–599, 603, 608, 611, 619, 621–623

Иран – 125, 127, 128, 202, 203, 227, 247, 441, 444, 454, 461, 464, 470, 474, 478, 482, 483, 489–493, 495, 496, 498–500, 567, 569, 572, 597, 600, 601, 615, 620

Ирбид – 308

Ирландия – 21, 611

Исламабад – 501

Исмаилия – 329, 388

Испания – 428, 432, 462, 620, 621

Италия – 285, 302, 417, 432, 516, 620

Й

Йемен – 202, 275, 279–283, 444, 604, 623

К

Каир – 103–108, 110, 113, 115, 122, 158, 160, 200, 217, 222,

224, 236–239, 241, 242, 252, 263, 274, 275, 280, 281, 284, 285, 290–292, 298, 306, 309, 315, 317, 318, 320, 322–324, 330, 338, 341, 344, 347, 370, 598, 604, 608, 620, 621

Калифорния – 610

Калькилия – 386

Камбоджа (в 1975–1989 гг. – Кампучия) – 193, 601

Канада – 515, 516, 555, 600, 617

Катар – 208, 209, 464

Каунас – 616

Кафр-Касим – 156, 157, 609, 615, 617, 624

Кения – 571

Кипр – 145, 381, 382, 389

Киркук – 261

Китай – 21, 201, 226, 560, 568, 578, 623

Конго – 444

Константинополь (с 1930 г. – Стамбул) – 94, 596

Красное море – 38, 76, 87, 567

Куба – 588

Кувейт – 148, 208, 234, 461, 464, 466, 487, 532

Кунейтра – 67, 354

Л

Лаос – 193, 563, 601, 611

Латрун – 73

Ливан – 17, 26, 27, 54, 57, 60, 74, 123, 128–150, 183, 221, 264–266, 269–274, 288, 295, 302, 395, 401, 562, 596, 597, 603, 604, 609–611, 614, 619, 621, 622, 624, 625

Ливия – 183, 265, 266, 381, 532

Литани, река – 74, 130, 133, 136

Литва – 617

Лод – 90, 327

Лондон – 21, 65, 66, 95, 97–99,
107, 108, 120, 187, 223, 246,
251, 268, 273, 380, 385–387,
613, 622, 623
Люксембург – 555

М

Мадагаскар – 444
Майами – 215
Мальта – 104, 381, 615
Масира, остров – 203
Маскат – 232
Мексика – 457, 461
Москва – 609

Н

Негев, пустыня – 32, 74, 75, 108,
112, 179, 180
Непал – 607, 620
Нил, река – 46, 119, 510
Новая Зеландия – 390, 515, 516,
601
Нью-Йорк – 188, 217, 599

О

ОАЭ, Объединенные Арабские
Эмираты – 208, 209, 464, 466
Одесса – 204
Оман – 464, 470, 512, 571

П

Пакистан – 226, 227, 230, 445,
483, 493, 494, 500, 512, 573,
575, 597, 598, 601, 605, 610,
620, 625
Палестина – 17, 19–23, 25, 26,
30, 31, 37, 42–44, 49, 51–53,
55–57, 59–63, 65–74, 92, 94,
96–101, 139–141, 151, 152, 157–
161, 188, 243, 306, 307, 344,
345, 354, 357, 360, 366, 376,
378, 395, 405, 406, 408, 409,
595, 603, 613, 619, 620, 622, 625

Парагвай – 607
Париж – 98, 106, 112, 113, 120,
294, 324, 383–388
Персидский залив – 50, 201–
204, 211, 441, 464–466, 468,
471, 567, 569, 570, 577, 578
Польша – 613
Порт-Саид – 249, 384, 388, 389
Португалия – 335, 428, 432, 461,
462
Претория – 167

Р

Рабат – 357
Рамаллах – 35
Рамла – 609
Рафах – 37, 395
Реховот – 179
Россия, Российская Федерация –
154, 550, 596, 613

С

Саванна, река – 180
Сайда – 67
Саймонстаун – 203
Сана – 279, 280, 283
Сан-Франциско – 190
Саудовская Аравия – 148, 202,
203, 208, 209, 231, 232, 234,
255, 261, 265, 268, 275, 280–
284, 286, 318, 320, 338, 371,
429, 440, 451–453, 461, 464–
466, 469, 487, 500, 532, 540,
598, 602, 619, 620, 622
Сектор Газа – 25–27, 35, 36, 38–
43, 48, 49, 59, 67, 68, 75, 78–
80, 83, 86, 87, 104, 107, 112–
116, 121, 147, 160, 176, 239, 242,
254, 290, 299, 345, 356, 395,
398, 471, 566
Синай, гора – 76
Синайская пустыня – 74, 327

Синай – 26, 40, 53, 68, 75–79, 83, 86, 87, 121, 135, 146, 254, 289–291, 294, 296, 299, 313, 328, 341, 347, 350–353, 358–361, 364, 365, 372, 383, 384, 388, 398, 571

Сингапур – 457, 461, 467

Сирия – 26, 27, 55, 56, 67, 77, 78, 94, 97, 98, 116, 117, 130, 131, 133, 134, 137, 140, 144, 148, 161, 162, 183, 184, 220, 228, 229, 231, 232, 234, 255, 260–267, 270, 272, 275, 284, 289, 290, 297, 300, 307, 308, 338, 352–354, 358, 393–395, 398, 408, 483, 566, 595, 596, 598, 599, 603–605, 609, 611, 615, 620, 621, 624

Сомали – 445, 511, 512, 565, 571

Средиземное море – 38, 195–197, 261, 325, 382, 577, 578, 596, 599

Судан – 620

Суэц – 77, 341, 381, 388

Суэцкий канал – 11, 79, 97, 102, 103, 107, 108, 114, 118–120, 204, 205, 219, 224, 225, 230, 233, 235, 236, 245–247, 249, 252, 253, 255, 256, 263, 267, 294, 301, 304, 311–313, 325, 327–331, 340, 342, 350, 352, 359, 360, 364, 367, 379–381, 385, 388, 389, 396, 399, 410, 596, 605, 606

США, Соединенные Штаты – 11, 18, 28, 36, 40, 43, 53, 54, 64, 70, 86, 93, 100, 105, 107, 109, 110, 115, 119, 120, 123, 125, 128, 130–135, 137, 142, 143, 167–169, 173–180, 182, 183, 186–254, 256–278, 281–298, 300, 302–310, 313, 314, 316–328, 330, 334–341, 343, 345, 347–

360, 362–367, 371–374, 377, 379, 380, 382, 385, 390, 393, 397, 398, 408, 409, 411, 428, 429, 437, 438, 440, 441, 450, 452, 454, 455, 457, 465, 469–471, 484, 496, 498–501, 508, 510–515, 521–523, 528–531, 536, 538–540, 553, 555–558, 560–572, 574, 575, 577, 578, 585, 587, 595, 597, 598, 600, 601, 604–609, 611, 612, 614–623, 625

Т

Тайвань – 467, 573

Танзания – 444

Тегеран – 126, 259, 600, 613

Тель-Авив – 46, 52, 73, 77, 78, 89, 90, 105, 108, 110, 125, 130, 145, 161, 179, 181, 243, 297, 299–301, 310, 313, 325, 331, 356, 363, 383, 384, 395, 399, 617

Тивериадское озеро – 117

Тир – 67

Тиранский пролив – 37, 88, 115, 121, 254, 291, 292, 294, 410

Токио – 612

Тунис – 457

Турция – 94, 127, 224, 226, 230, 232, 237, 264, 267, 461, 583, 596, 597, 612

У

Умм-аль-Фахем – 33

Умм-Рашраш – 75

Уругвай – 461

Ф

Фелуджа – 104

Филиппины – 203, 204, 467, 569, 601, 605

Франция – 65, 66, 95, 96, 99, 100, 109, 112, 113, 120, 121, 132,

137, 175–177, 179, 180, 183, 186,
219–221, 224, 239, 240, 246–
251, 255, 256, 285, 294, 295,
302, 316, 335, 379–384, 387–
391, 428, 465, 516, 555, 596,
601, 605, 606, 612, 614–618,
620
ФРГ – 285, 335, 428, 465, 515,
516, 552, 602, 618, 625

Х

Хайфа – 23, 52, 68, 596
Ханой – 614
Хеврон – 35, 38
Хелуан – 119
Хиджаз – 608
Ходейда – 280

Ц

Цейлон – 621
Центральная Европа – 624
Цюрих – 20

Ч

Чехословакия – 176, 220, 235,
241
Чикаго – 604
Чили – 167, 461, 462, 511, 617

Ш

Шарм-эш-Шейх – 38, 78, 83, 87,
254, 290, 291, 396
Шри-Ланка – 621

Э

Эйлат – 75, 290
Эр-Рияд – 265, 469
Эфиопия – 444, 471, 474, 478,
565, 567

Ю

Югославия – 609
Южная Африка – 605
Южная Корея – 180, 457, 465,
568, 573, 598, 602, 618
ЮАР – 174, 180, 201, 203, 573
Южный Вьетнам – 620
Южный Ливан – 603

Я

Япония – 190, 209, 210, 302,
334, 335, 346, 417, 465, 515,
516, 528, 529, 531, 538, 552,
554, 558, 568, 578, 612, 615–
617
Яффа – 22, 23, 71

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБК – Арабская банковская корпорация

АН – Академия наук

АРЕ – Арабская Республика Египет

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
(англ. Association of South-East Asian Nations, ASEAN)

ВВП – валовый внутренний продукт

ВВС – военно-воздушные силы

ВМФ – военно-морской флот

ВНП – валовый национальный продукт

га – гектар

Госдепартамент – Государственный департамент США

ДФОП – Демократический фронт освобождения Палестины

ЕЭС – Европейское экономическое сообщество

исполком – исполнительный комитет

км – километр

КНР – Китайская Народная Республика

КПИ – Коммунистическая партия Израиля

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КСР – Комитет содействия развитию

МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии

МБПЗ – Международный банк Персидского залива

МБРР – Международный банк реконструкции и развития

млн – миллион

млрд – миллиард

НАТО – Организация Североатлантического договора (англ.
North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НДРЙ – Народная Демократическая Республика Йемен

НМЭП – новый международный экономический порядок

НПС – национально-патриотические силы

НСП – Национальный совет Палестины

НФОП – Народный фронт освобождения Палестины

- ОАПЕК – Организация арабских стран-экспортеров нефти
(англ. Organization of Arab Petroleum Exporting Countries,
ОАРЕС)
- ОАР – Объединенная Арабская Республика
- ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
- ООН – Организация Объединенных Наций
- ООП – Организация освобождения Палестины
- ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти (англ. Or-
ganization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК)
- ОСВ-2 – второй Договор об ограничении стратегических
вооружений
- ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и раз-
вития
- ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения
- ПВО – противовоздушная оборона
- ПДС – Палестинское движение сопротивления
- СЕАТО – Организация Договора Юго-Восточной Азии
(англ. South-East Asia Treaty Organization, SEATO)
- СЕНТО – Организация Центрального Договора (англ.
Central Treaty Organization, CENTO)
- СИПРИ – Стокгольмский институт исследования проблем
мира (англ. Stockholm International Peace Re-
search Institute, SIPRI)
- СОЛТ – переговоры об ограничении стратегических воору-
жений (англ. Strategic Arms Limitation Treaty, SALT)
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- США – Соединенные Штаты Америки
- ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
- ТНК – транснациональная корпорация
- УНРВА (англ. UNRWA) – Ближневосточное агентство ООН
для помощи палестинским беженцам и организации
работ
- ФРГ – Федеративная Республика Германия
- ЦК – центральный комитет
- ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
- ЮАР – Южно-Африканская Республика

ЮБАФ – Объединение арабских и французских банков
(фр. Union de banques arabes et françaises, UBAF)

ЮНИДО – Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (англ. United Nations Industrial Development Organization, UNIDO)

ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию
(англ. United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD)

ADELA – Atlantic Development Group for Latin America

PICA – Private Investment Company for Asia

SIFIDA – Société Internationale Financière pour les Investissements et le Développement en Afrique

UPI – United Press International

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

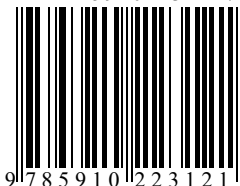
В 10-ти томах.

Том 1:

**Анатомия ближневосточного конфликта.
Восток после краха колониальной системы**

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022312-7

9 785910 122312 1

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 41,0
Тираж 1000 экз. Зак.